

Свет радости в мире печали

Вера Королёва

Жизнеописание митрополита Алма-Атинского и Казахстанского Иосифа (Чернова) исповедника.

Настоящая книга посвящена митрополиту Алма-Атинскому и Казахстанскому Иосифу (Чернову; 1893 † 1975), чья жизнь и деятельность неразрывно связаны с историей Русской Православной Церкви XX века, являя собой непрерывную череду испытаний, скорбей, гонений и лишений на протяжении долгого времени. Около двадцати лет суждено было исповеднику веры Христовой провести в тюрьмах, лагерях и ссылке. А началось его служение Церкви с семнадцатилетнего возраста, когда он юношей поступил в Бельинический монастырь (Белоруссия), затем нес послушание в Отрочь монастыре. Революция 1917 г. застала в Таганроге. В 1918 г. будущий владыка Иосиф пострижен в мантию, после чего прошел все степени священства. В епископском сане прослужил сорок три года.

Жизнь владыки Иосифа – живое свидетельство твердого стояния в вере, величайшего терпения и смирения пред непостижимым Божественным Промыслом и непреложное упование на помощь Всеблагого Создателя.

Книга состоит из «Жизнеописания» митрополита Иосифа, в основе своей автобиографичное, воспоминаний о владыке. Публикуются также проповеди, высказывания, письма и акафисты, составленные митрополитом Иосифом. Издание рассчитано на самый широкий круг читателей.

Детские игры

«Мой отец – военный человек. Мой отец старообрядец, сын купцов саратовских, у которых были свои торговые ряды на нижегородской ярмарке. Мой отец служил в Белоруссии на военной службе и прослужил там 17 лет. Он съездил на Волгу, женился, привез себе жену, Евдокию Яковлевну, и она родила ему меня. Потом она умерла², и отец мой женился на белоруске, очень доброй девушке. Очень красивой, как крымская розочка. Ему было тогда, кажется, около сорока. Отец мой крестился по старообрядчески. Отец мой не принимал Православия. Но меня крестил уже в православной церкви протоиерей Пигулевский, 161-го Александропольского полка, 7-я рота. Так я и воспитывался в роте. И когда отец женился на белоруске, которую он очень любил и она его любила и ревновала, я все время жил в роте. Я – сын роты, сын солдат³. С рук на руки, с рук на руки, Ванюшка да Ванюшка, да Ваня, да Ваня. И все офицеры меня знали. И командир полка меня знал и подарки мне всегда привозил в роту, когда приезжал посещать таковую»⁴.

Еще четырехлетним ребенком будущий Митрополит полюбил Божественную службу и с детской любознательностью вникал в детали церковного богослужения. Характерен рассказанный им такой случай:

«Праздник Архангела Михаила. Отец мой идет к обедне в Могилевский Кафедральный Собор. По-видимому, это было не в воскресенье, людей было не битком. Мне было четыре года. Бархатные штанишки, сапожки гармошкой, кашемировая розовая рубашка и большая шляпа-бриль с бантом сзади. Хотя ноябрь, но в Могилеве в ноябре еще тепло. Вот идет обедня, вот Великий Вход прошел, быстро закрыли двери алтаря и задернули розовую катапетасму. Я быстренько поднялся на солею и на коленях под двери стал смотреть, что в алтаре делается. Быстро отец подошел, меня схватил: «Ивашка, Ивашка, Иванко, Вашутка, так нельзя, так Боженька не позволит». И все по-хорошему. А когда после молебна кафедральный протоиерей Суторский всем давал крест, то

говорит моему отцу: «Михаил Наумыч, твой сын Вашутка очень рано хочет проникнуть в алтарь».

Это я помню как сейчас. Мне было четыре года».

Прошло еще четыре года, и Ваня Чернов впервые попал в монастырь. Произошло это следующим образом:

«Когда мой отец заканчивал семнадцатилетнюю военную службу и по порядку должен был пойти в отставку, он перешел жить в свой дом в Могилеве на Луполове (там часть города такая). И мне пришлось с отцом перейти к мачехе.

Меня, восьмилетнего, товарищи по улице свозили в Архиерейскую церковь. Там в монастыре я засмотрелся: в задней части церкви кто-то стоит. Я обошел, а-а! – это человек, на нем мантия была и клобук. Тут я в монастырь влюбился навсегда. Это была моя первая любовь восьми лет. Полюбил монашество я. Домой только явился – сейчас же оделся в черную юбку со складками, судок синий на голову. И стали мы играть уже в попов и монахов».

Собирая вокруг себя уличных мальчиков, Ваня представлял с ними в детских играх все, что видел в церкви. Однако эти игры заканчивались для него иногда весьма драматически.

«Однажды мать и отец пошли в другой приход, на второй день Троицы, в гости. А я остался один дома. Четырнадцатилетний я был уже мальчик. Мы дружили с еврейскими детьми. Антагонизма не было.

Я «служил», то всех подряд – и своих, и их – «причащал» и всех «исповедовал» – епитрахиль свой на них клал, какой у меня был. И Земка, и Мойша, и Еська, и все эти еврейские дети – и Роза, и Хаичка, и Груночка, и свои – Мишка, Гришка, Васька – все! Это был один приход. Я, конечно, архиерей Могилевский и Мстиславский. Юбку надевал (мамина юбка с сорока складками саккосом служила), утиральник белый – омофор. Если к осени дело шло, мы у соседки тыквы воровали, митры делали. Если зимой, судок у нас был один, синий никелированный, как раз на мою голову.

Так вот, детям говорю: «Хотите в Троицу гулять на чердаке? Собирайся, народ!» Ну, некоторые на чердак сами влезли, а некоторых надо было в корзине поднять наверх, как на Афоне.

Там в пропастях земных есть подвижники, которые себя в корзинах на вертушках подают.

И началась «литургия». Какая литургия? У нас дикири и трикири были. Свечи – в монастыре огарки воровали. И вот, когда их зажгли и подали мне, и протодиакон сказал: «Повелите!» – (мы же служили как попало, что помнили), я вышел с дикиря-митрикирями (креста не имели, боялись крест иметь) и говорю: «Призри с небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей... десница твоя...» И в это время, когда я поднял руки «народ» осенить, веники на чердаке загорелись. Веники еще не сухие, но последние листочки уже высохли. И так огонь по всему ряду прошел – пух-пух-пух. Я перепугался, разодрал «ризы своя» и стал быстро эвакуацию делать – детей с чердака спускать. Анечка, девочка, которая часто доносила на нас матери (мы ее просили, умоляли, пугали: маме ничего не говори, мы не гуляли на чердаке в Троицу, пожара не было, я народ не осенял!), – она же маму встретила еще на дороге и все ей рассказала. И сразу били меня. Мать меня очень била. Веревку она промочила в прошлогоднем огуречном рассоле, который коровам давали для аппетита, и стала меня веревкой бить. Я вижу, что дело плохо, – не возьму ли я ее с религиозной точки зрения? Я уже соображал на провокацию маленькую. На колени перед иконой встал, руки поднял. Она по рукам, по рукам. Тогда я скорее руки в штаны спрятал:

«Я только народ осенил, дикирем осенил!» – «Який там народ?» – раз веревкой, раз! «Да народ же стоял – Земка, Еська стоял, стояла Нина, стоял Коля, стоял Миша, стоял Герасим, стояла Роза...» – еще хуже била меня мать.

Тогда мой брат Алексей, который прокурором стал советским, и которого немцы расстреляли (а тогда ему было десять лет)⁵, расстегнул пуговицу, к матери подошел и объяснился: «Мама, если ты Ваню бьешь за веру, то и меня побей, я тоже верую в Бога» – и в это время опустил штаны и показал ей заднюю часть. Тут мать остервенела, на Алексея напала. Тогда я быстро вполз под печку и стал дугой в устье печки, откуда выкатить меня кочергой мачеха не могла. В это

время пришел отец, и вся эта сцена закончилась. Она молчала, и мы все молчали.

Вероятно, у меня в крови есть что-то природное, старообрядческое, что – я и сам сформулировать не могу, но что-то меня всегда клонило к церкви, к обрядам, к ризам, к судкам, горшкам, к юбкам старым, которые я на себя надевал, все изображал, что я... ну, архиерей, конечно, Могилевский. На тарандычке меня иногда везут по улице, следом дети бегут. – А-а-а, – звонят везде! А я сижу и народ благословляю, как владыка Питирим...

А раз на кабане поехал к Бондаревым всенощную служить, но ворота у Бондаревых не открыли, а только калитку. И об косяк так ударил правое колено, что две недели я лежал. Вот служение архиерейское было мальчишки в 14 лет.

Значит, такая жизнь была, совершенно другой психологии все, все, все. Как теперь я вижу – дети играют в разные игры, всегда вспоминаю себя. Как иногда крестным ходом по улице шли. Подсолнухи вырвем с корнем – это рипиды, кукурузину вырвем жезл. Ну идем, человек двадцать, по улице и поем. Что мы могли петь? «Тон деспотен...», или «поя-поя-поя», или еще что-нибудь такое. Вся ценность в том, что мы с еврейскими детьми не дрались, дружили. И они любили меня. И когда я после окончания пребывания в лагерях приехал в Могилев уже архиереем (при митрополите Питириме Минском⁶, который дал мне прослужить три службы), так вот, все эти евреи, которые были тогда детьми, а теперь стали такими же старыми, как и я, приглашали меня в гости и угощали самым вкусным и лакомым кусочком у евреев – фаршированной щукой. Там многие евреи, уцелевшие от меча Гитлера теми или иными путями, меня вспоминают. Вспоминают, как руку мне целовали, как я их благословлял, маслом помазывал. Раввин кричал на нас тогда, а мы – мы же дети, играем – kinder spielen. Это будет – дети играют. А когда еврейки приходили, матери жаловались, что я их детей помазывал вонючим маслом с лампадки, мачеха моя успокаивала: «Сарочка, Груночка, чово вы ругаете, хай дети играют, в попы, в дьяки, в раввины, в солдаты, только б не бились». Потому что антагонизм был с евреями после 1905 года,

особенно в Белоруссии. Киндер шпилен... Вот такие детские игры».

Несмотря на некоторые шалости, допускаемые Ваней в своих детских играх, сострадание и христианская любовь к человеку, в зрелом возрасте возросшие в душе митрополита Иосифа до совершенных пределов, и ответственность за каждый совершенный им поступок были присущи ему также с детства. И в дальнейшем он старался послужить для каждого человека:

«Та женщина, которую мы обижали, у которой тыквы воровали – митры делали, она всегда меня проклинала: «Чтоб тебя мать на куст положила! Чтоб тебя мать на кладбище снесла!» Мы мало обращали внимания на проклятия. А когда я получил священный сан, то вот на каждой проскомидии ее поминаю за то, что мы ее обижали, за то, что она нас проклинала. Я все время, 50 лет уже тетю Домну поминаю, поминаю Трофима, Домну, Марию-дочку... За тыквы и кабачки, которые мы воровали для игрушек».

Мальчик со свечой

«Брат моего отца не захотел быть сыном нижегородского купца-старообрядца и приехал из Саратова в Могилев, где отец мой проходил сверхсрочную службу. Быстро нашел себе место курьера в гимназии, а потом уже перешел к директору на квартиру. Директор гимназии Свирелин Иван Иванович, сын Владимирского архиерея, имел генеральский чин. Так вот дядя мой был у него сторожем. Поскольку дядя мой был у него, то я у дяди бывал. Постольку поскольку мой сверстник Володя Свирелин был единственный сын директора и знал мою склонность к церкви и что я полюбил монашество (мой дядя говорил ему про меня), они пригласили меня на елку. И, взявшись за руки с дворянами-детьми, разбив хлопушку и облачившись в костюм, который был в хлопушке, ходили кругом и что-то пели. Я не умел петь. И все же Володя Свирелин меня очень полюбил. Дядя испросил, чтобы я яблоки собирал в саду, чистил их и нанизывал на нитку сушить. Привлек на работу наполовину с игрой. И Володя мной заинтересовался. А потом мы с Володей подружились и стали чуточку в священников играть. Служили на гимнастической трапеции, что в саду стояла, – это амвон был. А потом Володя попросил папу и священника отца Стефана Лазарева (который впоследствии был у меня секретарем в Ростове-на-Дону, когда я стал архиереем. Вот какие у Бога чудные вещи!) разрешить нам пономарить. Отец-директор сказал Лазареву: «Отец Стефан, мой сынишка с Ваней Черновым хотят пономарить, не возбраняйте им». Тогда были сшиты два бархатных малиновых стихарика, выточены в ремесленном классе дубовые свечи и окрашены в желтый цвет под воск. Я их обертел золотом, и мы с Володей пономарили. Суббота. Всенощное бдение. Поют догматик. Делаем малый вход. Мы впереди идем с двумя свечами, и батюшка идет с кадилом. Потом мы останавливаемся друг против друга. Батюшка: «Благослови святой вход». И кадит иконы, нас кадит, мы молча кланяемся ему, кланяемся друг другу. Все это учебной корпорации и всем нам очень нравилось. Директора сын с племянником сторожа пономарили.

Вот 23 ноября – престольный праздник Александра Невского. Гимназия Александровская в честь императора Александра и церковь Александра Невского. Вот встретили архиерея, архиепископа Стефана (очень суровый был человек, очень суровый), все чин чином, протодиакон вместе с Лазаревым начали всенощную как обычно, архиерей отчитал светильничные молитвы, на вход «и ныне» мы зажигаем свои свечи, протодиакон идет с кадилом, отец Стефан идет, и мы идем, как полагается, расходимся красиво, протодиакон кадит на архиерея: «Ба-са-ви преосвященнейший Владыко святой хо-о-од». Такой был протодиакон, как сейчас помню, с низким басом. Потом протодиакон проревел: «Премудрость, прости», пошел в алтарь на Горнее место, отец Стефан поцеловал иконочку (благословлять же нельзя – архиерей) и нам поклонился. А мы ему поклонились. А у меня из подрясника ноги голые и цыпки. Забыл сапоги в саду! Отец Стефан побелел! Отец Стефан потерял лицо! Как он дошел до Горнего места – трудно сказать. Только на Горнем месте он поклонился архиерею и, как обычно, сказал: «Мир все-ем», и только сказал «Мир всем», протодиакон стал говорить дневной прокимен, а отец Стефан шепотом: «Василий, Василий! Ваньку немедленно вытрясти из Стихаря и выбросить!» Дядя берет меня за шиворот, открывает дверь в коридор, ведёт меня и из стихаря вытряхивает: «Духу твоего чтоб здесь больше не было!» – «Дядя! Я сам уже увидел, да поздно!» Я сам это увидел, да было поздно. Бегали же босиком в саду по траве. А постольку поскольку я все время босиком, так у меня и цыпки были, и кровь текла с ног. И это очень шокировало и директора, и Володю, и дружба вон. Навсегда дружба вон.

Потом в 10-м году я пошел в монастырь, а Володя пошел в университет. Володю после университета война застала. Он призван был в армию младшим морским офицером и от одной немецкой торпеды со всем кораблем был погружен на дно Балтийского моря... Я всю жизнь поминаю Ивана, Марию, Владимира – папу, маму и Володю. Сколько служу – поминаю их за снисхождение ко мне, за то, что они меня допускали в сад и в дом, за то, что я на елке у них был, за то, что пономарил там.

Поминаю до сих пор. Как Домну поминаю, что тыквы у нее воровали. Ничего не поделаешь. Та проклинала: «Чтоб тебя мать на куст положила, чтоб тебя мать на кладбище снесла...» Но Господь же знает, что в авансе есть, что будет в авансе. Что за эти тыквы приобрела себе того, кто по законам их поминает. Молится за них. Божественная икономия... Божественная! Бог-то проклятия не принял. Я все рос и рос больше. Я так поминаю, память у меня немножко есть, человек сто каждую обедню. Это все быстро у меня идет, быстро. На проскомидии быстро, на херувимской быстро, на освящении Даров у меня время есть, покуда диакон все прокричит да походит, быстро поминаю всех. Вспоминаешь город, улицы. Город, улицы, где бывал. Сразу город берешь, Калинин берешь и калининские улицы, где бывал, где жил, у кого бывал. Кому я обязан. Кого я обязан поминать. Обязательств много. Перед многими людьми обязательства. Вот такой случай. Когда я ехал однажды из ссылки, на станции Малаши (между Котласом и Кировом есть станция Малаши), и на этой станции я так озяб и побежал с вагона что-нибудь купить, а там ничего нет и все закрыто. Меня увидели, такого перепуганного лагерника. Хозяйка буфета побежала к себе за дверь и оттуда принесла мне горячий-горячий кусок хлеба и яблоко... Теперь все время поминаю. Я и имя ее не знаю. Поминаю вот так: воображаю ее картинно: «Помяни, Господи». Меня это очень у-до-вле-тво-ря-ет. Духовно удовлетворяет.

И когда, уже в 32-м году, мне надо было посвящаться в архиереи (сослали тогда архиепископа), отец Стефан Лазарев был в это время секретарем епархиального управления. И вот отец Стефан узнал всю мою историю, вспомнил, кто я (когда я еще Ванькой был), и: «О, Боже мой, о, Боже мой! Что же он теперь со мною сделает! Что сделает со мной владыка Иосиф! Я же его велел выбросить из алтаря 25 лет назад!» И отец Стефан говорил мне поздравление в день моего архиерейского посвящения: «Владыка, можно сказать о некоторых моментах из Вашей жизни, которые были на моих глазах?» И очень красиво изобразил: богослужение, малый вход, мальчика со свечей...

Владыка Арсений в свое время говорил: «Ваня, твою благородность только Поселянин описал бы».

Цветы для Матери Божией

«Когда был основан Бельнический монастырь, я не знаю. Даты его основания нет даже в сборниках описания монастырей. Только это был старинный монастырь. В XVI веке о нем было уже известно. Тогда там была Польша или Литва. В казачьих войсках, которые когда-то давно стояли в этой местности, была икона Божией Матери. И это селение, это местечко, где стояли войска, озарялось каким-то светом от иконы и поэтому называлось оно Бельнич (белые ночи, ничи – по-украински, ничка темная). И вот в этом местечке возник монастырь. Монастырь был православный. А потом этот монастырь вместе с иконою был отнят католиками и папа Римский икону короновал (папа часто короновал иконы – это называлось прославить). Папа дал ей корону и скипетр царский. А потом, когда был раздел при Екатерине и нашли невозможным нахождение костела от костела в 12 километрах (в 12 километрах был костел в местечке Светиновичи), то Бельнический костел вместе с иконою отдали православному ведомству.

Икона так и осталась с короной и скипетром. Икону повесили на стену. Чугунную на чугунных подставках вдоль стены сделали лестницу, далее площадка большая, над площадкой икона, и опять вниз лестница – идти прикладываться к иконе богомольцам. Чугунная лестница – площадка – лестница. И здесь же русские сделали алтарь и маленький, в византийском стиле, иконостасик, царские двери, южные и северные двери, обшитые красивым деревом. Со всей церкви видно икону чудотворную. Сюда во время Евхаристического канона уже не допускали никого входить, прикладываться и спускаться. После Евхаристического канона, после того, как игумен причастится, пускали народ.

Копию этой иконы каждый год носили по губернии, по ближайшим к Бельничу уездам. Точную копию этой иконы, с красивым киотом, с красивыми носилками. Народу всегда полно белорусского: подай, Господи, нести эту икону. Приносили ее в Могилев, а из Могилева несли в тот уезд, в который назначено в этом году. В Могилеве встречал её весь народ и войско, все за

город выходили. И маленькие дети в красивых костюмчиках, шли с красивыми корзиночками (особенно девочек было много) и бросали к подножию крестного хода цветы. Я тоже занимался тем. Накануне я брал кое-каких мальчиков, которые посильнее были и постарше, и мы ходили километров за семь в лес. Икону всегда приносили в конце мая. Уже цвел лесной ландыш. Набирали большую корзину ландышей, спускали их на ночь в подвал, а наутро раскладывали ландыши в три корзины – три пункта было, где корзины должны держать хлопцы. Одна корзиночка кончается, пустая отдается, берут полную. И вот как-то один квартал еще остался, а цветов уже не хватает. Что делать? Я говорю: «Матерь Божья, цветов не хватает!» И бросился я на Губернаторскую гору. Цветы побоялся рвать – высекут, так я нарвал всякой зелени – и лопухи, и крапиву, и что хотите понарвал в корзину, и бросал все это до самого монастыря... И когда впервые меня в ссылку посылали, когда из тюрьмы меня вели в вагон... Давно – давно это было, я был тогда игуменом только, в 25-м году, так люди, которые меня знали и мою службу слушали, они всего меня обсыпали – это была осень – белой астрой. Тогда я только вспоминал: вот тебе цветы от Матери Божией. Я шел, а вокруг меня – по пяти, по пяти, по пяти – конвой с винтовками. Я шел тогда и вспоминал – вот сыпятся на тебя цветы Царицы Небесной за тот бурьян, который ты на Губернаторской горе рвал...⁷. Воспоминания... Если бы я был писатель, я написал бы. И если бы я был хоть чуточку писатель, я бы в конце концов сырье дал. Так ведь я же не писатель. Я же не писатель, я же не книжный. Так вот говорить немножко можно, а писать – было бы смешно... Опечалились бы те, которые пишут. Сказали бы: «Ты с аулов Есаула-пророка, что ли?» Есаула-пророка...».⁸

ХОдил по Киеву мальчик...

О начале своего образования Владыка всегда вспоминал со свойственным ему юмором:

«В Киеве я был мальчиком восьмилетним. И в Киеве я был в 23-м году. И в Киеве я был во время Великой Русской войны.

Когда немцы ушли с Умани, а я остался жив, и меня арестовали русские и арестованного привезли в Киев. Из Киева меня потащили в Москву на Лубянку. Три раза был в Киеве. Когда мальчиком был – в те отдаленные времена, я ходил тогда во Владимирский собор и в Софийский, и в Лавру, и в Андреевскую церковь ходил. Один мальчик. Ходил по Киеву мальчик...

Так вот идет базар, Бессарабка называется, далее Крещатик, Большая Васильковская, Бибиковский бульвар. Мы жили на Бибиковском бульваре номер три, дом Бернера. Далее переулок Св. Владимира, и вот по этому переулку – университет. Старинный, со старинными колоннами, и окрашен всегда в красный цвет. Как-то я мимо шел, и меня поразила очень красивая мраморная лестница. На ней ковер и шпонки медные. Я посмотрел: яка красива хата! И вошел туда. Откуда ни возьмись, из-под лестницы швейцар с булавой – большой дед с медалями на груди. Я сначала подумал – генерал какой-нибудь, и бежать:

– Дяденька, дяденька, да я ничего!

– Что ты сюда пришел? Чего тебе здесь надо? Здесь учатся! Здесь у-ни-вер-си-тет!

– Да нет, я не учиться пришел! Да мне понравилась лестница, я пришел только лестницу поглядеть!

Меня иногда спрашивают: «Вы в академии учились или в университете?» Да, я и в академии лекции слушал, и в университете на лестнице был. Но помешал моему образованию швейцар. Ох, помешал он мне тогда! А в академии однажды за портьерой слушал лекции, когда владыка Арсений с ректором чай пили. Ничего не понял. Что читали – ничего не понял. Оттуда ничего не вынес, из академии, и в университете мне швейцар помешал. Ну, босиком же мальчик и в шапке. А тут пальто висят,

я ведь мог прихватить чье-нибудь! Швейцар был прав. Мог бы и палкой дать».

В монастырь!

«В монастырь я поступал так. За год до поступления в монастырь родители отдали меня далекому родственнику моей матери по фамилии Фомиченко, у которого был рейнский погреб и большая столярная мастерская по производству гробов. Это были очень богатые, но бездетные люди, поэтому они были скупы и сухи, как прошлогодние сухари в торбе солдата. И вот к ним я был приведен отцом. Мне поручили мыть бутылки. Мне это очень нравилось. Мне дали присматривать за людьми во время разлива в погребе вина. Я за ними присматривал. Мне верили, потому что я всегда ходил в собор и молился дома. Считали, что Ваня – мальчик святой.

Потом в этом доме мне сделалось немного тошновато. Я же в монастырь хочу с восьми лет.

В это время 10–11 мая 10-го года переносили из Киева в Полоцк мощи преподобной Евфросинии. Меня хозяева отпустили уже после всенощной. В соборе всенощная была, народу – вся губерния. И я пошел приложиться к мощам и только в четыре часа утра смог приложиться – такая очередь.

А на другую ночь я видел во сне, как преподобную несут. Преподобную несут опять до казенного парохода «Припять» (она Днепром приехала из Киева в Могилев), и Днепром будет плыть до Орши, а с Орши ее уже пешком понесут в Витебск, а из Витебска в Полоцк.

Так вот, вижу я во сне, как она поднимается... Я стою боссячком, а она поднимается в гробнице... И я проснулся. Я спал в это время в гробу! Я в гробу спал тогда... Я спал в гробу у хозяина. Там 200 гробов неотделанных, кому нужен гроб – выбирает, и быстро идет отделка: красят, полируют, обивают парчой, бархатом и так далее. Когда я видел этот сон, больше уже спать не мог, сон бежал от меня. И было полное решение: «В МО-НА-СТЫРЬ!»

Пошел я к своему дяде, который у директора мужской гимназии Свирелина был сторожем, и сказал: «Дядя, я определенно иду в монастырь».

Дядя директору сказал: «Наш Ваня идет в монастырь». Директор написал письмо архимандриту Арсению: «Ваня нам известен, Ваня родственник моего сотрудника» (тогда не говорили «слуги») – и так далее и так далее. И вот это письмо я кладу за пазуху, и в одно из утр мы с братом моим Алексеем, который стал прокурором советским и которого немцы расстреляли, отправились в монастырь. Мачеха дала нам на дорогу три копейки и хлеба отрезала! И мы пошли.

Не дойдя 12 километров до монастыря по дороге Могилев–Минск, обсаженной березами времен Екатерины, и версты стояли кирпичные екатерининской эпохи, слышим – фаятэон едет: тах, тах, тах, тах. «Алексей, – говорю, – уходи в лес, это, может, разбойники, едут, они в бочку нас покидают. А в фаятэоне архимандрит сидит такой досужий, любил мужиков белорусских:

- Мальчики, мальчики, куда вы идете?
- В намастырь!
- А зачем вы идете в монастырь? Богу молиться?
- Нет.
- А чего же, если нет?
- Работать... и молиться.
- Иван, стой. Мальчики, идите сюда, не бойтесь.

Тогда я говорю:

- Да это же архимандрит! Кода моцци несли, иён шел.

Тогда мы подошли поближе.

- Так серьезно, мальчики, зачем и куда вы идете?
- Идем поступать в намастырь. Вот и письмо.

Оно уже пропиталось потом, чернила побежали, но все-таки видно было, что это его Высокопреподобию. Он быстро прочитал и сказал: «Мальчик, ты уже принят в монастырь. Давайте сюда вашу сумочку с сапогами».

Посадить нас было негде. Нас двое, а с архимандритом еще Муравьев сидел (студент Муравьев, он после стал архиереем, а сейчас в гости ехал к архимандриту)⁹.

– Когда вы, мальчики, придете в монастырь, идите на конюшню к дяде Ивану, дядя Иван отдаст вам мешочек, и дядя Иван скажет Домне Ивановне, чтобы она приняла вас на кухню и покормила, а завтра увидимся.

Тах, тах, тах, тах... И поехали они дальше.

Такое счастье на земле! Редко сходит такое счастье на землю с неба, какое я переживал в этот момент. Уже принят! Мечта многих лет исполнилась в мгновение ока.

Мы дошли до монастыря и сразу направились в церковь. Уже всенощная началась, на Илию Пророка.

Идет лития, архимандрит стоит, и этот щупленький рыженький студентик в стихаре и в ораре(!) держит ему книгу: «Владыко многомилостиве Господи Иисусе Христе Боже наш...» – и так далее. Всенощная закончилась, и пошли мы к кучеру. Кучер нам отдал наши чёботы, наши мешочки и повел нас к Домне Ивановне. Домна Ивановна была матерью монастырского казначея иеромонаха Арсения.

Домне Ивановне кучер говорит: «Его Высокопреподобие просил этих хлопчиков принять и накормить, а этот старший уже принят в число братии».

– А, садитесь, хлопчики. Сейчас братию покормлю после всенощной, и тады вы подъядите и поможете котлы помыть и водички налить. Наши все устали в церкви.

Братия поужинала. Домна Ивановна накормила нас борщом и кашей, мы ей вымыли котлы, мы ей натаскали воды, и, где она нам указала спать – под скамейкой на сене, там мы заснули крепким сном до поздней обедни. Были на поздней обедне. К архимандриту идти, конечно, мы не смели. Были сыты, были счастливы. После обедни старший пономарь Андрей Филимонович собрал всех мальчиков и певчих, даже левого клироса, собрал, чтобы взяли опилок, смочили их водой, посыпали по всему собору и собрали эти опилки. Белорус же в лаптях, песку очень много приносит. Надо было сделать большую уборку.

Мне было поручено убирать у Царицы Небесной, на той площадке, где икона чудотворная по польскому обычаю находится над алтарем, Бельническая икона. Я на коленочки встал перед иконой (босиком был) и говорю: «Матерь Божия, прими же меня в свой наместырь, буду всех слушаться и молиться буду и работать». И с того момента посыпалось на меня, как выражаются, земное счастье.

Под вечер архимандрит позвал нас к себе и казначею говорит: «Этого мальчика я принял, рекомендация есть хорошая. Вы, мальчики, завтра или послезавтра, как отдохнете, идите домой. Отведи младшего брата и у родителей возьми благословение на иноческую жизнь».

Тогда мы с братом в один из ближайших дней пошли домой и 45 километров до Могилева отстегали в одну минуту. Брат Алеша, о котором выше сказано, был очень рад и счастлив. Мачеха стала плакать. Отец сказал: «Его воля, он знает, что делает, и не будет нас упрекать». Мачеха говорит по-белорусски: «Я всегда замечала, что его хисть клонится к Богу». Хисть – кисть клонится к Богу.

Дома я был всего несколько часов и опять пошел в монастырь один. Там архимандрит велел дать мне подрясничек старый и поставил быть трапезником. Семьдесят пять человек обедали и ужинали в трапезной. Нужно было смотреть, чтобы пол был в порядке, столы были в порядке, чтобы столы были покрыты белыми скатертями, чтобы скатерти были всегда чистыми – носить их в стирку. Радости было – какую я только мог испытывать при земном существе. Через две недели архимандрит ставит меня помощником свечи продавать. Там работали два свечных ящика, там народа – масса, вся Белоруссия.

Потом архимандрит берет меня к себе вторым келейником: мальчик шустрый, мальчик развитой, мальчик хозяйственный, мальчик – все. И берет меня к себе. И уже благословляет носить подрясничек. И посылает меня с записочкой к сапожнику, сапожки сшить по ноге, и просит отца Марка, иеродиакона, сшить костюмчик, какой теперь в семинарии ученики косят.

Я рано утром вставал, еще старший келейник спал, и ползал по залам, паркетные полы натирал, немножко не умеючи натирал. Потом бежал на скотный двор за молоком архимандриту, чай научился ему готовить. Архимандрит, по-видимому, был очень доволен. И в октябре пришел указ о бытии ему епископом Пятигорским.

– Ваня, поедешь со мной? Я тебе возможное образование дам.

Я очень хотел как можно скорее оставить родину, которую не очень-то любил. Мы же саратовские все, а тут Белоруссия. Нас называли: русские, русские. И я поехал.

Но этот монастырь я посещал в 23-м году и ходил туда пешком прикладываться к иконе. Монастырь в то время захватили обновленцы. И так как я начинал там монашество, все монахи меня узнали. Я явился туда иеромонахом с наперсным крестом. О, все были очень довольны и просили служить. Но я осторожно сказал: «У вас другая ориентация». Но молебен отслужил. В ризе поднялся на площадку к иконе Матери Божией, и сопровождающий меня Федя (Федя – композитор, потом погибший), он мне пропел молебен¹⁰. Я отслужил молебен, Евангелие прочел. Я удостоен был Матерью Божией, перед которой босячком молился, которую так любил и которую в Могилеве встречал и цветы посыпал к подножию, я удостоен был отслужить молебен уже в сане иеромонаха. Какое знамение реальное! А потом, когда большевики закрыли этот монастырь и стали его ломать и крошить его, то неизвестно, что стало с этой иконой. В Могилеве теперь оказалась только копия, которую крестным ходом носили. Вот краткая история».

Сан иподьякона

«Итак, в 1910 году я поехал с архимандритом Арсением из Бельнического монастыря в Пятигорск¹¹. Старший келейник не поехал. Он должен был постригаться в монастыре. В Пятигорске мы были два года. Потом Владыку назначили в Тверь, где он пробыл пять лет и где в 12-м году на Воздвижение я получил иподиаконство благодаря владыке Антонию (Каржавину)¹². Он был инспектором Московской Академии, в которой в свое время окончил курс и был пострижен в Зосимовой пустыни, немножко дальше Троице-Сергиевой Лавры. А тогда в Твери, в 12-м году, владыка Арсений за чайным столом его просит: «Благословите, Ваше Высокопреосвященство, Ваню посвятить в иподиаконы. Вся его история направлена к этому». И Дух Святой, который где хочет, там и дышит, довольно сухому архиепископу Антонию вложил в уста: «Доверимся Ване. Можно иподиаконом сделать. Бог благословит Ваше Преосвященство». Так он выразился, и я сам слышал эти слова: «Мы Ване доверимся».

И на Воздвижение я был произведен в сан иподиакона, что было тогда новостью, потому что диаконов много было, иеродиаконов много было и архиереев много. Что архиерей? Ну что архиерей? Академию закончил – и архиерей. А попробуй в 19 лет орарь получить!

На Воздвижение после часов меня выводят в подряснике, с пояском. Вот Владыка благословил на чтеца, потом подали ему орарь. Протодиакон: «Гос-по-ду по-мо-о-лим-ся». – «Гос-по-ди по-ми-луй». Молитва на иподиакона. Иподиакон – сан. Потом в Консistorии Владыка заполнил грамоту: «Иван Михайлович Чернов, послушник Отрочь монастыря, нами возведен в сан иподиакона. Такого-то числа». Обычно там по грамоте наставления даются, как жить, как жену водить – все это старинное, греческое. Я эту грамоту в рамку вложил, и она много лет у меня хранилась. И уже в Ростове, когда у меня делали обыск и снова повели меня по пяти, по пяти, конвоем, она пропала. В это время я имел грамоты более сильные и архиерейскую грамоту уже имел. Но это не те... Для меня они имели уже другое значение.

Два момента были очень радостные в моей жизни: поступление в монастырь в лесу и орарь. «Что архиерей? Сколько их, архиереев? Академию окончил – и архиерей. А попробуй иподиакона получить в 19 лет!» – Это я с монахами препирался. – «Все смотрят, куда ни появишься – все смотрят, что крошка и... орарик». Так я препирался с монахами. И вот, когда в 13-м году в Новгороде в Софийском Соборе посвящали Священнейшего патриарха Алексия (была его епископская хиротония), приехал Патриарх Антиохийский Григорий, то я своему архиерею книгу держал. И много-много лет прошло, когда я впервые после двадцатилетнего пребывания в лагерях встретился со Святейшим в Лавре накануне Сергия летнего (1956 год), он сразу меня узнал: «Где-то я Вас видел. Где я Вас мог видеть?» Я говорю:

Во время хиротонии Вашего Святейшества я книгу держал епископу Арсению.

– А-а-а, вот, вот, вот. Я обратил внимание на орарь, но спросить, почему это так, было невозможно.

И ко мне благоволение пролилось у Святейшего, и сейчас же приказал он Даниле Андреевичу¹³, чтобы орден я имел».

Находясь при владыке Арсении, Ваня Чернов получил «кабинетное» образование. Владыка приглашал лучших преподавателей Юга дореволюционной России. Лекции читали на дому. Некоторые предметы, в частности математику, владыка Арсений преподавал сам. «Надо быть от природы обоим математиками, – писал впоследствии владыка Иосиф, – чтобы образованному человеку дошкольника начинать бы математике учить. Владыка Арсений безвестные и тайные премудрости в математике и диалектике явил ми еси...»

Учился Ваня настойчиво, серьезно, иногда от усталости засыпал за книгами. Его любознательность простиралась на все области знаний. Он изучил все творения святого Иоанна Златоустого, преподобного Симеона Нового Богослова и многих других святых отцов и учителей Церкви, великолепно знал жития святых Димитрия Ростовского и особенно Священное Писание. «Я читал все подряд, – вспоминал владыка Иосиф, – Илию Минятия читал, Флоренского читал, Достоевского читал,

Пушкина читал, Гюго и Бальзака читал...» Этот ряд он продолжал очень долго, отмечая характерное, цитируя на память целыми страницами самое интересное. Всю жизнь он занимался самообразованием и до конца своих дней читал одновременно три книги: богословскую, художественную (классические произведения) и периодические издания журналов научного и богословского содержания. При этом сам себя он называл впоследствии «некнижный Архиерей».

Владыка Иосиф много лет спустя вспоминал, как однажды владыка Арсений подал ему томик К. Маркса и Ф. Энгельса и сказал: «Прочитай, Ваня, и знай суть. Тебе придется жить при таком строе». Позже, будучи уже архиереем, владыка Иосиф поразит своего следователя, читая на память классиков марксизма.

С 1912 по 1917 г. иподиакон Иван Чернов проживал в Тверском Успенском Отрочем монастыре, где составил не сохранившийся до настоящего времени акафист скончавшемуся там священномученику Филиппу, митрополиту Московскому († 1569 г.). В этом же монастыре в 1912 году Ване была подарена монахами привезенная с Афона икона Божией Матери «Иверская». С этой иконой владыка Иосиф не разлучался в течение всей своей жизни, ему удавалось иметь ее при себе даже в лагерях, и Мать Божия через эту икону удерживала свой покров над смиренным Ее послушником и почитателем.

В Твери

Митрополит Иосиф – о себе:

«В Тверском Отрочь монастыре я пробыл пять лет, потому что Владыка Арсений пробыл там пять лет, будучи викарием Старицким, Тверской епархии.

В 13-м году Владыка Арсений возил меня на Валаам. Сначала мы поехали в Кронштадт, потом в Петербург на Карповку ко гробу отца Иоанна Кронштадтского, а потом уже на Валаам поклониться и повидаться с Владыкой Сергием Финляндским¹⁴, который был тогда на Валааме на даче. С Валаама нам нужно было ехать в Кексгольм. Вот мы прощаемся уже с Владыкой Сергием, подошел пароход на Кексгольм, я внизу стою с чемоданами. Владыка Арсений говорит: «Беги, у Владыки Сергия благословение возьми». Я – ту-ту-ту-ту-ту – наверх, благословение взять. Когда я спускался вниз по лестнице, Владыка Сергей (Владыка Сергей и шутил же, Боже мой): «Может быть, Преосвященнейший, оставите нам Ваню? У нас выдвигается кандидатура на игумена – лет через пятнадцать». Владыка Арсений внизу стоит, а я на ступенях, на лестнице. «Нет, Ваше Высокопреосвященство, с его характером он не задержится на той степени (т. е. ступени), на которой сейчас стоит». Так и вышло. Сергей же посвящал меня архиереем в Ростове-на-Дону. Природная вера была у меня и некоторые-некоторые способности. Некоторые природные способности.

Вот такой случай: когда умер правящий архиерей Тверской епархии¹⁵ и его, уже сидящего в кресле, облачали два соборных иподиакона, то они торопились, потому что уже владыка Арсений приехал и губернатор и звонили 12 раз в колокол. Иподиаконы торопились и никак не могли облачить архиерея: и саккос, и омофор, и все облачение задралось. Тогда я сзади подошел, приподнял покойного архиерея, и все облачение поправили. Но я сразу почувствовал боль в животе.

Шли годы, я не болел, только когда поднимал что-нибудь тяжелое или много ходил, тогда боль немножко ощущал. И в лагерях чуточку побаливало, потому что я по двести пар белья

стирал. Так быстро никто не мог стирать, как я стирал белье для рабочих. И когда меня комиссовали, Герчик, доктор, у меня спросил:

– Откуда у Вас грыжа?

Я эту историю рассказал.

– Какой он, архиерей, – говорит, – был благородный. Сейчас же Вас отблагодарил и сделал Вам подарок, чтобы гарантировать на легкий труд.

С Тверского монастыря меня брали в солдаты на очень короткое время. Так как я по словесности всех превосходил, то меня направили в Казань в унтерофицерскую команду. Я был белым унтер-офицером. Но поскольку я был очень молод, мне дали на год отсрочку, и я опять приехал в Тверь, в монастырь. Но Владыка меня уже не принял, потому что на меня там всего наговорили. И Владыка мне говорит: «Куда же ты, Ванюша, пойдешь теперь?» – «Не знаю, куда пойду. К Царице Небесной!» Взял я свою икону Иверской Божьей Матери и стал спускаться по лестнице, и не знал, куда я иду, покуда я спускался с лестницы. Но когда я вышел во двор и увидел: дверь! – а-а – раз Владыка не принимает, пойду в затвор! И скорей туда, в келью, и заколотился и забился. Месяц провел в затворе. Мне ребята, конечно, и суп, и борщ приносили ночью, и в форточку дрова бросали. Иверская икона стояла, и лампада горела перед ней. Все ребята принесли и сделали, потому что я с ребятами хорош был, будучи келейником архиерейским.

А в последних числах февраля губернаторша и губернатор узнают, что я в затворе. Они ахнули! Но так как она датчанка, а он немец, она по телефону звонит и говорит: «Плявда ли, Ваше Плеосвященство, что Ваня задворником (дворником) стал?» Они меня все знали, я им пять лет подавал и кофе, и конфеты, и квасы, и прохладительные воды. Славная была барыня. «Нет, Софья Михайловна дорогая, Ваня не за дворник, а Ваня... м-м... помощник эконома» – Владыка – юрист, сообразил быстро, – он помощник эконома и, конечно, забитый гвоздями.

На другой день приезжает Преображенский, личный секретарь правящего архиерея Серафима (Чичагова)¹⁶, и говорит:

– Высокопреосвященнейший Владыка предлагает Вам отпустить послушника Чернова в канцелярию архиерейского дома.

– Помилуйте, Иван Михайлович, я только позавчера назначил Ваню помощником эконома (а я в затворе сижу), иначе некого было, кроме Вани, я его назначил. Отпустил от себя и назначил. Доложите его Высокопреосвященству, что он очень нужен для монастыря.

Уехал Преображенский.

Правящий архиерей по телефону: «Ну, Бог благословит. Пусть Ваня будет у Вас там помощником».

Ко мне стучат: «Если сам не выйдешь, выломаем дверь». Тогда надо выходить. Тут мне дают расходную книгу (я должен был ездить в магазины и к купцам за товарами с книгой), ключи от кладовка вручает казначей, уже натопили квартиру помощника эконома – и пошла благодатная жизнь.

Но вот-вот убьют губернатора. Вот-вот будет октябрь 17-го года. И вот-вот Владыка в правящие будет назначен и я с ним поеду в Таганрог.

Вот вам отрывок моей биографии».

7 сентября 1917 года владыка Арсений назначен был Епископом Приазовским и Таганрогским, викарием Екатеринославской епархии.

Таганрог

Митрополит Иосиф – о себе:

«В 1917 году мы выехали в Таганрог, и владыка Арсений изменил немножко тон проповедей. Будучи юрист, будучи умным человеком, он не мог говорить того, что говорил для интеллигенции в Твери.

В архиерейском доме в Таганроге было 25 комнат. Владыка говорит мне: «Ты будешь, Ваня, здесь экономом архиерейского дома. Сейчас идет Собор. Петра Великого регламент, по-видимому, пал. Я, вероятно, смогу что-нибудь для тебя сделать, чтобы ты мог каждый день служить».

В Таганроге в то время существовало Таганрогское подворье старца Павла, называемое так по имени его основателя преподобного старца Павла Стожкова¹⁷. После его блаженной кончины в 1879 году старшинство в общине приняла ученица и послушница старца Павла Мария Андреевна Величкова (Величко, † 16 июня 1943 г.), которая, проводя жизнь истинной подвижницы в посте и непрестанной молитве, ко времени приезда в Таганрог епископа Арсения со своим юным иподиаконом сама уже стала старицей, не по возрасту только, но и по данным ей от Бога благодатным дарованиям. Старица Мария Таганрогская мудро руководила ко спасению как сестер своего подворья, так и приходящих в ее келью за советом и наставлением. Первая встреча Вани Чернова с этой Старицей произошла при следующих обстоятельствах.

«Монахиня Анастасия, – вспоминал владыка Иосиф, – продавала свечи и покупала. Она была стара, я очень молод. Однажды свечей не хватило, я узнал адрес, где находится частный свечной завод Медведева (впоследствии сын его был у меня иподиаконом), и пошел туда взять в долг два пуда свечей. Медведев сразу мне отпустил, мы познакомились. Эти два пуда мне пришлось квартала три-четыре пронести в мешке на спине. И когда я переходил Митрофановскую улицу, проезжала линейка довольно красивая, полная монашек, как ласточек на проволоке. Я остановился, чтобы пропустить ее, и слышу голос:

– Се архиерей идет Таганрогский.

– Матушка, да это монашонок, который с архиереем приехал.

– Да вы дуры, это архиерей, – и дальше поехали.

Я не обратил внимания на «это архиерей» и на «дуры», а перешел через улицу и понес свечи.

То была старица Мария».

Еще о блаженной Марии Таганрогской владыка Иосиф рассказывал следующее. Однажды старица Мария, увидев его, стала пытаться протиснуться между водосточной трубой и стеной дома, где пролезть было невозможно. Она как бы показала этим, какую трудную жизнь предстоит прожить владыке Иосифу.

Начало искушений

Годы, следовавшие за октябрьскими событиями 1917 года, стали для России эпохой великих испытаний. Стоя перед лицом опасности и смерти, испытывался русский народ на верность Православной Церкви и Ее Основоположнику и Зиждителю Господу нашему Иисусу Христу. И пожалуй, не было ни одного христианина, который бы не прошел через это всепопалющее и всеочищающее горнило. Можно сказать, что вся дальнейшая жизнь будущего митрополита Иосифа стала непрерывной чередой испытаний, скорбей, лишений, гонений, притеснений. Вся жизнь его – это непрекращающееся искушение, выдержать которое смог бы только человек, имеющий твердую веру, величайшее терпение, смирение пред непостижимым Божественным промыслом и непреложное упование на помощь Всеблагаго Создателя, который не попускает никому быть искушенным сверх его меры.

В этот период епископ Арсений, взяв с собой своего юного келейника, отправился для духовной беседы к одному из Российских старцев (К сожалению, память не сохранила для нас, к какому именно старцу ездил владыка Арсений. Известно лишь, что старец жил в небольшой пустыньке где-то на Волге.). Погостив в пустыньке и поговорив со старцем обо всех наболевших проблемах, владыка Арсений, отъезжая назад, пришел вместе с Ваней проститься со старцем и взять благословение на отъезд. И старец, благословляя их, произнес о Ване пророческие слова. Во-первых, он сказал, что Ваня будет выше владыки Арсения, а во-вторых, что умрет Ваня не своей смертью.

«Я был слишком молод и не придавал особого значения этим словам», – говорил впоследствии владыка Иосиф. Но по прошествии времени Ваня стал не только епископом, но и архиепископом и митрополитом.

А тогда, в то смутное время, когда началась ломка всех устоев Российского государства и гонение на Православную церковь, для Ивана Чернова было положено начало искушений.

Митрополит Иосиф – о себе:

«В 18-м году в Таганроге произошло большое побоище: юнкерское училище вступило в борьбу с рабочими. 105 юнкеров и 95 рабочих убито. Владыка идет в исполком и просит: «Разрешите хоронить тех и других. Я архиерей для всех». Исполком разрешает. На кладбище привезли гробы. Рабочих на кладбище разобрали родные, а юнкеров свезли на кладбище и побросали в сарай, как дрова. Нам с иеродиаконом Николаем, могила которого в Петропавловске, поручено было надеть на трупы юнкеров белье, крестики, в гроб положить и заколотить. И так мы работали с шести утра и до вечера при некоторой помощи кладбищенских сторожей. 105 гробов поставили вдоль траншеи. Владыка приехал отпевать, когда уже смеркалось. Владыка приехал, и красногвардейцы приехали, потому что жены рабочих кричали: «Обольем бензином и сожжем архиерея, за то что он белых хоронит!» Но никто не облил Владыку, ничего этого не допустили. Владыка пятое через десятое отпел. Принципиально всех. И потом их всех в нашем присутствии стали предавать земле, и, когда закопали, мы поехали с кладбища с большой опаской. Владыка боялся – жены рабочих были озлоблены, что Архиерей юнкеров хоронит. А он на проповеди сказал, что он архиерей для всех, кто в Бога верует.

– От меня нельзя требовать партийности.

Он так и сказал: «От меня нельзя требовать партийности, я архиерей для всех».

Приехали домой, все по-хорошему. Владыка, конечно, волновался и все время пил черный кофе и валерьянку. Я тогда еще не понимал, что это – валерьянка? Вот так мы и жили...

Через несколько дней приезжают в час ночи: «Комитет матросов постановил расстрелять Архиерея. Он, – говорят, – белых на кладбище хоронил, а пятерых матросов в портовой церкви не захотел хоронить, назвал их черными комиссарами!» Какая-то провокация. Я говорю: «Нет, я ничего не знаю, без меня ничего не делается, я секретарь, у меня все книги, я эконом архиерейского дома, этого быть не могло!»

На другой день приезжают во время всенощной, думают, что Архиерей служит. А Владыка на подворье Иерусалимского монастыря (Таганрогский Иерусалимский мужской монастырь во

имя св. благоверного князя Александра Невского.) сидит в сарае, весь засыпан зерном и заставлен досками. Потом опять приехали в 10 часов вечера. Тогда я пошел прямо на подворье и Владыке говорю: «Владыка, я иду в порт на объяснение к матросам». – «Да что ты! Да тебя в море бросят! Тебя бросят в море. Мне все равно гибнуть, Ваня!»

Так с Владыкой я не договорился, но в порт отправился. Я знал там все ходы-выходы и шел не дорогой, конечно, я увидел – там часовой стоит. Я юркнул в порт и на корабль прыгнул. Когда я в кают-компанию зашел, там было накурено, надыша-но, наплевано и уже заканчивался ужин – везде лежали куры, ноги, лапы, колбаса и бутылки с вином и водкой. Я был в полуряске, и все одним голосом сказали: «Че-ерт!» Я говорю: «Не черт, а Ваня, эконо́м архиерейского дома». Вот этим они были куплены с первой минуты: «Совсем не черт, а Ваня-эконом».

Матросы: Что вам угодно?

Я: Угодно договориться с вами навсегда: быть Архиереем или не быть!

Матросы: Да-а, мать его такую, этот Архиерей и поляк еще вдобавок, что ему русское!

Я: Я только одно знаю, что когда его посвящали в архиереи в 10-м году, 24 октября, то он такую речь говорил: «Я очень долго собирался и наконец-то собрался убежать с темного запада к светлому, хотя и в лаптях, востоку русскому!»

Все они: А-а-а! – папироски в сторону, – но все-таки, все-таки конкретно!

Я: Конкретно – надо разобраться. Мы знать ничего не знаем, а вы все приезжаете и приезжаете. Архиерей в Ростове, но, если надо, я его найду в три счета.

Матросы: Но чем вы докажете, что вы ничего не знали?

Я: Когда моряков хоронили, в портовой церкви был священник Суринов. Давайте спросим у него.

Матросы: Товарищи, возьмем Сурикова. Давайте Сурикова сюда.

Пришла машина, привезли Сурикова.

Суринов (кляц-кляц, стучит зубами): Ваня, и вы здесь?

Я: И я здесь, отец Иван. Садитесь, поговорим.

Суринов: И все-таки (кляц-кляц), на какой предмет будет разговор?

Я: Увидите, на какой предмет. Вон, предметов полный стол стоит (показываю на бутылки), давайте опрокинем по рюмочке.

Вот этим я их снова всех купил. Моряки сейчас же поналивали нам полные стаканы. Суринов, конечно, выпил весь стакан, я немножко прихлебнул.

Я: Закусывайте!

Но как он мог есть, когда у него зуб на зуб не попадает. Есть пришлось мне, и лапы, и колбасу.

Я: Отец Иван! Почему вы Владыку не пригласили хоронить моряков?

Суринов: Какое же я имел право, Ваня, приглашать, когда там родные, родители их? Если бы родители сказали мне, то я пошел бы и пригласил Владыку.

Моряки: Ах, вот как! Так их растак! Как же они нас информировали? Вопрос исчерпан. Еще по рюмочке!

Я (морякам): Можно с вами завтра встретиться в городе, чтобы получить в исполкоме разрешение на панихиду? Владыка в двадцатый день отслужил бы панихиду в городском парке на клумбе и речь сказал. Владыка – юрист.

Моряки: О-о-о! Это хорошо, это хорошо!

В час ночи повезли нас по домам. Сурикова сбросили у калитки, а меня у архиерейского дома. Я сейчас же, не успела машина поворотить, пешком, пешком на подворье. В два часа ночи добежал, сразу к Владыке:

– Все устроено! Вы служите на Сретение панихиду.

– Пся крев, – говорит, – Ваня, пся крев. (Это польское ругательное слово – собачья кровь.)

– Вот, я Вам сообщаю, завтра или уже сегодня в 11 часов утра я иду в исполком, там я встречаюсь с Воробьевым, и мы получим у Стернина разрешение на служение панихиды и на парад. И Вы, Владыка, благоволите панихиду отслужить и речь сказать.

– Пся крев тебе, – говорит.

– Там видно будет, какая «пся крев», теперь я хозяин.

В одиннадцатом часу утра я встретился с Воробьевым в коридоре на мраморной лестнице в доме бывшего богача, и мы пошли к Стернину – председателю исполкома. Стернин еврей, но очень хороший еврей, он и к Русской Церкви неплохо относился. Он сразу спросил: «Вам, батюшка, вина или угля, вероятно, нужно?» – «Да нет, панихиду будем служить. А вон, – говорю, – идет товарищ» – я показал на Воробьева. («Товарищ» я произнес первый раз в жизни. Как в Антиохии первый раз называли христиан христианами, так и я первый раз сказал «товарищ».)

Воробьев: Ваня хочет с Архиереем панихиду отслужить в двадцатый день смерти героев, наших товарищей. А мы хотели бы парад небольшой устроить. Надо оформить, товарищ Стернин.

Стернин: Сейчас, сейчас, сейчас.

И написал на бланке областного исполкома:

«ВАНЕ И АРХИЕРЕЮ.

Разрешается 2 февраля (тогда еще старый стиль был) отслужить панихиду над героями-матросами в городском парке на клумбе».

Такую бумажку я получил.

Я раскланялся, чуть руку не поцеловал этому Воробьеву. Воробьев мне тогда говорит: «Может, пойдем выпьем?» – «Да не-ет, я спешу».

И я опять бегу на подворье и Владыке в щелочку сую бумагу и фонарь – читайте, мол. Владыка прочитал, не верит: «И это может быть обман». Во всяком случае монахи вечером выперли Владыку к благочинному, который жил недалеко от архиерейского дома. Уже опасно было держать Владыку на подворье, потому что в 6 часов утра Архиерей вызвал протоиерея Шумова, исповедовался у него. Шумов пришел домой, сказал матушке. Матушка сказала дочке. В 12 часов весь базар уже знал, что архиерей на подворье исповедовался у Шумова. Когда мне это сказали, я как сумасшедший побежал, чуть не падая, на подворье – нужно было скорее архиерея перевести куда-нибудь. И его быстро перевели к благочинному

Овчаренко. Сколько переживаний было и Архиерею, и мне. Но я молодой был, у меня все это на сердце не отражалось.

Я дал двум благочинным (тогда два благочинных было в Таганроге) от имени Владыки такое распоряжение: «Прошу сообщить духовенству: 2 февраля я служу панихиду на могиле героев, то-то, то-то, то-то... Охотники за мной!» И расписался: «Епископ Арсений». Не предписание, а приглашение. «Охотники» все пришли. И больные, и безногие, и на костылях, все пришли. Пришел хор, и протодиакон пришел. Ровно в 5 часов приехал Владыка, надели ему мантию, омофор, епитрахиль. Быстро отслужили панихиду, Владыка слово сказал (он охрипший был немного на нервной почве).

По окончании нас немедленно отвезли домой. Владыка сразу попросил кофе. Я сварил кофе и подал ему. У Владыки дрожали пальцы. Потом он посмотрел на шкаф, где у него митры стояли: «Дай-ка мне вон ту, восьмигранную царскую митру» (Царскую митру епископ Арсений получил в награду от Государя Императора Николая II в 1911 году.). И прослезился. Я подал. Он открыл футляр и сказал: «Та голова, которая спасла архиерейскую голову, имеет право венчаться этим венцом в свое время».

Восхождение по ступеням

Через четыре дня после этих тревожных событий, 6/19 февраля 1918 года, иподиакон Иван Чернов был пострижен епископом Арсением в мантию с именем Иосиф в честь святого праотца Иосифа Прекрасного. «Владыка Арсений, – вспоминал митрополит Иосиф, – дал мне это имя для того, чтобы я всех кормил».

11/24 февраля 1918 года он был рукоположен во иеродиакона.

О своей диаконской хиротонии владыка Иосиф позднее, будучи уже в Алма-Ате, писал: «Я прекрасно помню день своей хиротонии, это было в воскресенье о Блудном сыне... Масса выпала снегу в ту ночь. Первую свою ектенью «Прости приимше...», конечно, я перепутал, но всем подсказчикам Владыка сказал: «Не мешайте ему, он будет прекрасно служить!» Первую вечерню служил я, как будто бы давно иеродиаконствую, т. к. я уже и архиерейскую службу знал, и даже тайные молитвы Литургии – ибо Святителю много лет книгу держал... А он читал вслух молитвы – чтобы, наверное, я слышал бы их. А на другой день Божественную первую Литургию, в день Иверской и именно перед своей келейной, с Афона. Она была и в Коми, и здесь ныне в моей Иверской архиерейской церкви¹⁸. Вероятно, я Ее из этого града уже не увезу! Ведь это Ее храм! А? А может быть, и сам не уеду и здесь покойному митрополиту Николаю¹⁹ шепну на кладбище: «Подвинься, брате!»

16/29 августа 1920 года в Таганроге так же епископом Арсением иеродиакон Иосиф рукоположен во иеромонаха. После хиротонии отец Иосиф в течение 1000 дней непрерывно совершает Божественную Литургию. По окончании этого подвига владыка Арсений по благословению патриарха Тихона 16/29 августа 1922 года возложил на молодого иеромонаха наперсный золотой крест. Это была первая награда. 26 декабря 1924 году иеромонах Иосиф так же епископом Арсением был возведен в сан игумена.

Борьба с обновленцами, первый арест

В этот период, кроме внешних гонений от богоборческой власти, испытываемых чадами церковными, в лоне Русской Православной Церкви появились предатели и отщепенцы, которые, создавая расколы, изнутри раздирали хитон Христов. «...Кровь лилась везде и всюду непрерывно. Расстреливались крестные ходы. Таких случаев насчитывалось более тысячи. Русь покрывалась могилами священномучеников и исповедников. Ужас объял Русскую землю. Люди стали колебаться и отходить от своих устоев. Пошатнулась и Церковь... Живоцерковники, поддерживаемые властями, захватили во многих городах абсолютно все храмы. Тихоновцы остались без храмов и кое-где совершали лишь тайные богослужения.

Святейший Патриарх был арестован и находился под стражей в одной из башен Донского монастыря. Печальна участь и многих архиереев, которые не подчинились живоцерковному Высшему церковному управлению. В провинции шли судебные процессы над архиереями и духовенством. Ярким примером этого был процесс епископа Ростовского и Таганрогского Арсения²⁰. Он, как и Святейший Тихон, просил считать во всем виноватым только его и не осуждать духовенство, которое выполняло его указы. На суде обвинитель кричал: «Тихон в Москве, а Арсений на Дону» – и требовал расстрела. Суд вынес решение: епископа Арсения расстрелять. Но поднялся такой страшный крик и в суде, и в огромной толпе возле суда, что за ним последовало: «Но принимая во внимание и т. д. – заменить пятью годами лагеря в Соловках». Так описывает события того страшного периода А. Н. Стрижев.

«По возвращении из Москвы, – вспоминает он далее, – побывал я в тюрьме и у владыки нашего Арсения. В Ростове у нас было полное смятение, никто ничего не понимал. Во главе епархии стоял прежний епископ Феофилакт²¹, и многим казалось это вполне нормальным. Но то, что в это же время в тюрьме сидел владыка Арсений, смущало далеко не всех. Не смущало это и прозорливого старца Иоанна Домовского, строителя и

настоятеля великолепного Александро-Невского собора²². Владыка Арсений во время моего посещения сказал мне: «Пойдите к отцу Иоанну и скажите ему от моего имени, что он не может так поступать. Живоцерковники – не православные».

Страшно было идти к отцу Иоанну с таким поручением, так как он был не только прозорливец, но и целитель многих. Войдя в келью отца Иоанна, я остановился и сказал: «Отец Иоанн, я пришел сказать вам то, что поручил владыка Арсений». Когда я передал ему буквально слова Владыки, отец Иоанн начал плакать и рыдать. «Передайте Владыке, что я не знал всего, я хочу умереть православным», – сказал он в ответ. Вот какие страшные времена тогда были». Владыка Арсений, получив пять лет, был сослан на Соловки»²³.

В Таганроге игумену Иосифу приходилось вести борьбу против обновленцев, которые захватили все городские храмы, кроме одного Никольского собора, где служил и проповедовал отец Иосиф с преданным Православию духовенством. Таганрогская паства, так же как и ростовская, поначалу не разобравшись в ложном направлении, взятом обновленцами, поддерживала их. Но впоследствии, когда народ понял и осознал, что имеет дело с раскольниками и предателями Православия, обновленческие храмы опустели, Никольский же собор не мог вместить всех молящихся. По навету живоцерковников это и стало причиной ареста отца Иосифа органами ГПУ г. Таганрога в 1925 году. Игумен Иосиф был осужден на два года лишения свободы²⁴. Свой первый срок он отбывал в Коль-Ёле, в Коми области. Об этом периоде остались лишь краткие записи в одной из книг, принадлежавших митрополиту Иосифу:

«В 1926 году на Иверскую икону Божией Матери в Коль-Ёле была торжественная служба, за Всенощной читался акафист. Служил прот. Волков, и пели две монахини: одна – местная зырянка мать Александра, а другая – карповская, из Петрограда, монахиня Эмилия. Погода была настоящая зимняя. Игумен Иосиф, 13 октября, Коль-Ель».

«15 октября в 2 (?) дня я исцелился перед иконой Иверской Божией Матери, страдавший крепко с 5 октября и особенно

сегодня, 15-го. Помни, Иосиф! 15 октября 1926 год. Коль-Ель.
Слава Тебе, Милосердная Владычице!»

Сан архимандрита

По освобождении из лагеря в 1927 году игумен Иосиф на Благовещение был возведен в сан архимандрита, и на главу его была возложена царская митра, та самая, которую подарил ему епископ Арсений в 1918 году.

«Прошли большие года, – вспоминал он, – в 27-м году меня посвящают в Твери в архимандриты. Я только освободился тогда из заключения и приехал в Тверь²⁵. И вот посвящает меня владыка на Благовещение в архимандриты и надевает ту самую царскую митру (ее туда привезли), которую дал мне на Сретение в 18-м году. Вот такая вот вещь. Потом Владыка написал бумагу, что отец архимандрит Иосиф возвращается к своему первому месту службы – благочинному и эконому архиерейского дома в городе Таганроге. И ровно пять лет, как один денечек, пробыл я архимандритом».

Надо отметить, что «все акты, – писал в дальнейшем сам владыка Иосиф, – от иподиаконства до архимандритства включительно, совершены Ростовским архиепископом Арсением. Я же почти весь этот период состоял экономом Таганрогского архиерейского дома».

В то же время архимандрит Иосиф продолжает нести свое служение в Никольском соборе и вновь ведет активную борьбу с живоцерковниками.

Архиерейская хиротония

Митрополит Иосиф – о себе:

«1932 год. Наступили предархиерейские мои дни, а денег – ни копья. А так как матушка Мария была в приходе Никольском, где я часто служил, кроме архиерейской церкви, то мне посоветовали к матушке сходить и денег немножко попросить на хиротонию. (Архиерейская хиротония – это же не шутка: надо же и здесь принимать, и в Ростове.) И я пошел к матушке за благословением на архиерейство. Это было в 32-м году. Матушка лежала уже лет восемь. Но меня она хорошо знала, я бывал у нее с молитвой. Она:

– Девочки, девочки, – послушницам говорит, – дайте торбу с гроши.

Ей подали мешочек такой, и там что-то звенит. Ну, мое ухо схватило: «Вот это я понимаю, столько золота иметь!» Но оказывается, у нее там были деньги старые, царские. Она там рылась, рылась, копалась, копалась.

– Вот тебе. И поедешь, и приедешь, и останутся. Вижу – одна монетка и что-то такая легкая, а я удельный вес золота все-таки знал уже. «И печален я бысть», когда стал уходить из ее кельи.

А тут меня сейчас же встретили ее послушницы, которых было около нее человек десять, вероятно, не меньше (как и в Михайловке было)²⁶. И они стали мне золото давать: десять рублей, пять рублей, десять рублей, пять рублей. Я уже горсть набрал, да не держится, я – в подрясник. Покуда до калитки дошли, что-то 300 рублей золотом в подряснике было. И они меня проводили, калитку открыли. Все совершилось так, как совершилось.

Потом блаженный Сергей посвящает меня во епископа Таганрогского в 32-м году, 27 ноября в Ростове²⁷.

Вечером во время всенощной было наречение, и я речь говорил. Речь была оригинальная и красивая. Конечно, не подумайте, что это мой талант. Я сам написал, ну а шлифовку делали за меня другие. И я должен был две ночи зубрить.

Во время всенощной в огромнейшем Ростовском соборе вышло пять архиереев, а потом два митрофорных протоиерея меня вывели – в мантии, в клобуке, с крестом. Я сразу начинаю слово²⁸:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Высокопреосвященнейшие Владыки, честные отцы и вы, народ Божий! Вы сегодня будете меня избирать и Вы, святители, будете свои апостольские руки возлагать на мое чело, чтобы дать достоинство архиерейства и послушания. Народ избирает, Архиерей посвящает каждого священнослужителя». (Тогда немножко выборность культивировалась, или, как сейчас, – вся власть советам церковным, так и тогда выборное право было. Народом избирается, архиереем посвящается.)

«Я, Ваше Высокопреподобие, Ваше Высокопреосвященство и честный народ, меньше всего мог думать об архиерействе, как внезапно приходит распоряжение: быть Архиереем. В наши времена не отказываются и не говорят: «Аз на него не готов». Так приходится. И скоро возгласят служители: «Повелите! Прикажете!» И к народу обратятся, который выбрал его: «Повелите вести к посвящению!»

И я кратко рассказываю историю Николая Чудотворца, как рано утром спешит он в храм Пресвятой Троицы, спешит приложиться к святыне, а потом спуститься на базар, купить ветку винограда и поспешить на корабль. Но тут из дверей церковных выходят фигуры – и непосредственно к Николаю:

– Как ваше имя?

– Имя мое Николай.

– Пожалуйста, в обитель, вас ждут. Сказано свыше: быть вам архиереем.

Да нет, я не тот! Мой дядя епископ Николай в Патарах. Я спешил помолиться, это ошибка, и я не тот!

– Ты, и не ошибка.

И тогда силой забрали его, привели к епископам, и те прямо и спокойно объяснили:

– У нас в городе непорядок. Прихожане никак не могут избрать себе архиерея, раскололись на несколько частей, и у каждого есть свой любимчик – кандидат. Поэтому Господу было

угодно даровать единого и дарует нам. Сегодня видение мы видели во сне. Смирись и получи благодать архиерейства.

Тогда он понял и смирился. Он святой уже был.

И кратко рассказываю историю Александра Команского, как шел он по городу весь черный, как негр, от угольной пыли, нес на плече кошелку и кричал:

Уголья! Уголья! Свежевыжженные уголья! Тише, тише, умываться пойдем, пойдем на собрание. Тебе повелевает Бог быть архиереем города Коман.

Самый красивый момент был – Александр Команский. И у святителя Николая красивый момент был. Люди, которые не ожидали, – и стали. Я не ожидал – и призываюсь. Они чудесным образом призваны к архиерейству, и я осмелюсь сказать, что я права на это имею меньше их, но, по-видимому, призываюсь той же силой, той же Божественной благодатью. Те готовы были бежать, а я возвещаю – готовый к послушанию.

Надо молить Господа, и я молился, я просил праведного Иосифа: «Иосиф, красота целомудрия, святой мой покровитель, моли Бога о мне, особенно ныне! Святитель Николай, архиепископ Мир Ликийских, моли Бога о мне! Святитель Александр Команский, моли Бога о мне!»

Вот в таком духе слово было. Хоть и плакали немного прихожане, но красиво вышло. Меня немножко знали. Я часто в Ростовском соборе служил и проповеди говорил, будучи архимандритом. Все мне родные были.

Это было на наречении перед всенощной. А перед обедней архиереи облачились, встретили старшего, как обычно, архиереи сели на клиросе, меня вывели в облачении архимандритском, кроме набедренника.

– Чесо пришел еси, брате?

– Архиерейския чести приемлять.

– Добре, а како веруеши?

– Верую во единого Бога Отца Вседержителя...

Символ веры сказал и говорил о личности Господа Иисуса Христа. Потому что в то время, когда писался чин посвящения в архиереи, бушевало арианство и нужно было архиерею, как

носившему образ Патриаршего Первонебесного Архиерея Иисуса Христа, сформулировать это в противовес арианам.

Потом третье: не буду свариться с соседними архиереями, не буду задирать чужие епархии без благословения – чисто административная часть церковного режима.

Потом у всех архиереев благословение нужно брать, и я пошел – пошел – пошел – по чину. И каждый раз, когда спросят: «Чесо пришел?», говорю: «то-то, то-то, то-то». И протодиакон возглашает: «Приводится! Боголюбейший архимандрит, Иосиф! Хиротонисатися! Во епископа! Богоспасаемого! Града Таганрога!»

В Таганроге, 1932–1935 годы. Второй арест

Так совершилась епископская хиротония архимандрита Иосифа. В это время обновленцы продолжали свою раскольническую деятельность в захваченных ими храмах.

3 февраля 1933 года епископ Иосиф был назначен временно управляющим Донской и Новочеркасской епархией. Он был тогда единственным православным епископом в Ростовской области, удерживающим свою паству от живоцерковного соблазна.

О бытности епископа Иосифа в Таганроге рассказала Алевтина Федоровна Дикарева (Хабарова), хористка кафедрального собора, г. Ростов-на-Дону:

«Мы жили в Таганроге, недалеко от Никольской церкви, где служил владыка Иосиф. Мне было восемь лет, когда в 1934 году мама впервые привела меня к нему. Владыка жил тоже недалеко от Никольской церкви в расположенном во дворе небольшого частного дома маленьком флигелечке вроде времянки, где была одна маленькая комнатка с земляным полом. В святом углу, где Владыка молился, стоял аналойчик и маленький половичок лежал на полу, а под ним в земле углубление – от долгих молитв и многочисленных поклонов Владыки просела земля. В комнате у него стояли лишь стол, кровать и два стула. Но все чисто, даже белоснежно. Была у Владыки старенькая прислужница Матрона, которая часто забывала, что нужно сделать. Помню, Владыка хотел меня прихорошить – вывести веснушки, и где-то достал для этого специальную мазь. А Мотя той мазью самовар начистила.

Мама показала мне дорогу к дому Владыки, и я носила ему от мамы то крыночку топленого молока, то его любимое блюдо – маринованные баклажаны со сладким томатом. Владыка встречает: «А-а-а! Тиночка – вишенна корзиночка!» Он был хлебосольным и всех, приходящих к нему, угощал, отдавая все, что у него было, стол в его флигеле всегда был накрытый.

Владыка пешком ходил на службы в Никольский собор, шел с посохом, в рясе. Иногда ехал на линейке или на фаэтоне. А бывало, мы вместе с Владыкой шли в церковь. Пока идем, все

нищие вдоль дороги выстраиваются, и он всем им давал бумажные деньги. И пока всех нищих не оделит, он в храм не зайдет.

Помню, на Пасхальной неделе 1935 года мы прибежали к Владыке с моей младшей сестрой Лидочкой. Владыка нас благословил, дал Лидочке красное яйцо и сказал: «Как разобьешь, так и умрешь». А мне Владыка ничего не дал. Лидочка радуется: «Яйцо! Яйцо!» А мне обидно: Лидочка в первый раз пришла и яйцо получила, а я сколько хожу к Владыке – и ничего не получила! Но Лидочка играла-играла и разбила яичко. И полгода не прошло, как Лидочка заболела и умерла.

Однажды после службы Владыка сказал мне: «Тиночка, будешь идти со службы, зайдешь ко мне чай пить». Я пришла, и следом пришли два его иподиакона Андрей и Анатолий. Мотя накрыла на стол, а Владыка усадил меня между иподиаконами и говорит: «Тиночка, выбирай себе иподиакона. Какого иподиакона выберешь? Старшего или младшего? Выбирай старшего!» Я смутилась тогда и покраснела.

Это пророчество Владыки сбылось через 17 лет. Моим мужем стал старший иподиакон Ростовского кафедрального собора Владимир Дикарев.

Помню, в 1935 году у владыки Иосифа жил вернувшийся из лагерей его духовный отец архиепископ Арсений²⁹. Однажды, придя к Владыке, я увидела его – седого, изможденного старца в очках. Владыка Иосиф сразу: «Владыка Арсений, – говорит, – благословите Тиночку нашу, благословите!» Владыка Арсений благословил меня и поцеловал в голову. У него было прекрасное лицо святого старца. Потом я была только на похоронах архиепископа Арсения в 1937 году в Таганроге³⁰.

В конце Рождественского поста 1935 года владыку Иосифа арестовали. Его увезли из дома ночью на черной машине».

Епископ Иосиф был осужден на пять лет концлагерей «за антисоветскую агитацию и связь с архиепископом Арсением (Смоленцом), который явился в Таганрог после отбытия им ссылки».

Для отбытия срока наказания Владыка был направлен в Ухто-Ижемские лагеря Коми АССР³¹, куда был этапирован

осенью 1936 года.

Этап, заключение. 1936–1940 годы

Борис Филиппов, сам переживший ужасы пересылки, вспоминает следующее:

«Осень 1936 года. В Котласе нас, этап заключенных, направляемых в Ухтпечлаг, перегружают из забитых до отказа теплушек в трюмы огромных грузовых барж. Мы должны плыть до Усть-Выма, чтобы оттуда почти двести километров топать пешком – под конвоем уголовников и «бытовиков». Плыть нужно не один день, так как утлый, тщедушный параходишко через силу тянет две гигантские баржи.

В трюме нельзя протянуть ноги: забитый людьми и их немудреными вещами, удушливо-зловонный трюм – один из сквернейших кругов Дантова ада. Сидим впритык друг к другу, обливающиеся грязным потом, обовшивевшие, изнуренные. И мечтаем только об одном: хотя бы на полчаса прилечь, вытянуть ноги, как-то расслабиться. Только небольшое пространство в трюме не затолкано до отказа: это место, где расположилось духовенство с большими сроками, направляемое в лагерь. Русские монахи и священники – католические пасторы, менонитский пастор – и местечковые раввины, лютеранские пасторы – и старичок мулла. И среди них стройный, худощавый, в аккуратно подштопанном подряснике и черной скуфейке епископ Таганрогский Иосиф (Чернов). Любопытно, что к этой группе духовенства не пристают даже завзятые уголовники, не только их не «курочат» (грабят), но даже, как видно, освободили им лучшее и наиболее просторное место в трюме.

И вдруг владыка Иосиф подходит ко мне и сидящему впритык со мною профессору-геологу Яковлеву, брюзге и чудаку, никак не могущему примириться с условиями этапа. Это он в теплушке требовал, чтобы молодой грабитель и убийца уступил ему, пожилому ученому, место у узкого полузабитого окна. Это он, обращаясь к отпетым уркам, увещевал их, напоминал о своих научных заслугах...

Владыка Иосиф ведет нас к своей группе и предлагает часок-другой полежать, отдохнуть, а он, Владыка, и менонитский пастор Греберт посидят в это время: они, мол, уже належаись

вдосталь. И так же, после нас, были позваны еще и еще другие замученные вконец заключенные, а владыка Иосиф все сидел и сидел, и с ним вместе уступали место то раввин, то католический пастор, то старый мулла.

Трудно тому, кто не испытывал прелестей советского этапирования заключенных, понять как следует, какое значение имел для нас этот двухчасовой отдых, эта возможность вытянуть ноги во всю длину тела, эта возможность хотя бы немного побыть не в скорченном, сплюснутом другими грязными и потными телами состоянии!

По прибытии в Чибыю (на Ухту) мы расстались. Владыку Иосифа направили на строительство тракта Чибыю-Крутая, где он вскоре устроился поваром к начальнику строительства. И опять, стоило ему за чем-нибудь появиться в Чибыю, он забегал к нам и всегда приносил что-нибудь со стола своего «хозяина»: то несколько сдобных булочек, то кусочек сала, то горстку сахара. И нам, вечно голодным, это было не только материальной поддержкой, но и какой-то весточкой из другого мира.

А Владыка, всегда веселый, жизнерадостный, приговаривал, частенько повторяя слова старца Амвросия Оптинского: «От ласки загораются глазки», – и хорошо улыбался.

И в тюрьме, и в лагере Владыка избегал разговоров о религии, о Боге. Он старался только деятельно помочь, а когда, скажем, тот же Яковлев затевал разговоры о высоких материях, видимо, стеснялся и нехотя отговаривался:

– Ну, что-то мы, бедолаги, о Боге рассуждать будем. Ведь нам Его все равно не понять, не охватить нашей куцей мыслью. А вы вот лучше потихоньку молитесь о самом насущном, сегодняшнем...

И хорошо, ласково улыбался.

Был он несомненно умен – русским умом, открытым, чуть с лукавинкой, был по-хорошему простонародно остроумен и, главное, никогда не унывал. И соприкасающиеся с ним заражались его русским радостным умом сердца»³².

Сам владыка Иосиф рассказывал, что некоторое время он работал в лагере пекарем и выпекал булочки. При этом он

экономил немного муки. В том же лагере в числе вольнонаемных работала женщина, которая одна воспитывала троих детей. Владыка решил ей помогать – отдавал сэкономленную муку. Но вскоре от женщины пошли искушения. «И мне, – говорил Владыка, – пришлось проситься на другую работу. Бежать, как Иосифу Прекрасному».

Его перевели в лагерную туберкулезную больницу. Надо было 90 коек обслужить, ночью вымыть 90 плевательниц, чтобы к утру они были чистенькие. Пока больные уголовники спали, он ползал под нарами и мыл плевательницы. Иногда нечаянно задевал кого-нибудь из уголовников, за что его спросонья пинали ногами. Плевательницы были деревянными и впитывали в себя всякие мокроты. Другие заключенные скоблили их щетками, но Владыка выскабливать щеткой не успевал, ему не хватало времени. И однажды он заплакал и сказал: «Господи, неужели Тебе приятно, что Твой архиерей возится в плевательницах? Но если Тебе это угодно, то я буду мыть их руками». И стал мыть архиерейскими руками и скоблить ногтями эти плевательницы. «Но для меня было лучше мыть плевательницы, – говорил Владыка, – чем терпеть искушения от «египтянки»».

В Коми, на Севере, Владыка работал на лесоповале, и тогда ему приходилось очень много страдать. У него были обморожены пальцы на руках и на ногах.

Еще рассказывал, что приходилось работать медбратом в лагерном лазарете. Там была изба – покойницкая, где стояли стеллажи, на которые клали покойников. Однажды ему поручили анатомировать покойников. Врач ушел, а ему дал задание вскрывать брюшную полость. «Я, – рассказывал Владыка, – вскрывал, а после зашивал мертвецким швом, обмывал покойников и одевал их».

Начальство лагеря доверяло Владыке, и поэтому в его обязанности входило вывозить покойников за пределы зоны и хоронить их в заранее вырытых ямах. Владыка опускал покойников в ямы, закапывал и возвращался в зону. Ездил он на лошаденке, такой же дохленькой, как и все зеки, потому что она тоже недоедала. Но Владыка говорил, что это его занятие было промыслительным, потому что он тут же, пока вез умерших,

совершал по чину отпевание, так как имена их были ему известны. Если же Владыка не знал чьего-то имени, он отпевал с такой формулой: «...упокой, Господи, душу раба Твоего, имя которого Ты Сам веши...»

Работая в лазарете, Владыка часто недосыпал, потому что работы было очень много. И однажды зимой, когда стояли жестокие морозы, он в очередной раз вез девять покойников за пределы зоны и немного вздремнул. В это время лошадь, везя телегу под косогор, оступилась и скатилась по снегу вместе с санями в глубокий овраг. «Когда я очнулся, пришел в себя, – вспоминал Владыка, – то увидел, что сижу в глубоком снегу, а рядом со мной сидит один из покойников, которого я вез на захоронение». И всю эту ночь Владыка вытаскивал покойников из оврага.

Другой эпизод из лагерной жизни. Однажды в числе других заключенных Владыку гнали по этапу. Был длительный переход, заключенные долгое время не имели возможности отдохнуть. Когда конвой менялся, производилась пофамильная выкачка, заключенные должны были стоять в строю. И лишь тогда, когда конвоиры закуривали, у заключенных было несколько минут для отдыха, и они в изнеможении просто валялись на землю. Но и таких перекуров на этапе было очень мало. И вот после такого долгого этапа группу зеков привели в лагерь назначения. «Этап пришел, – рассказывал Владыка, – днем. Нас завели в барак, и я, не помня себя от усталости, упал на какие-то нары и заснул. Проснулся я оттого, что пришедшие с работы зеки-уголовники стащили меня с нар на пол. Оказалось, что я лег на чужие нары, что по зековским законом считалось преступлением. Они стали пинать меня ногами, запинали под нары и обмочили. В эту ночь я спал под нарами. И только надежда на Бога и упование на Божие милосердие помогли мне вынести и пережить такую ситуацию. Потому что даже в этих нечеловеческих условиях я ощущал присутствие Божие и Его покров. Но если человек оставался здесь один на один с самим собой, то нередко это заканчивалось трагически. Бывало, что заключенные, дойдя до отчаяния, просто накладывали на себя руки, потому что одними

только человеческими силами выдержать все это было невозможно».

Жить в бараке с уголовниками первое время было очень трудно. Но сила Божия в немощи совершается. И, изнуренные телом, силой духа совершали преображение тех, кто находился рядом с ними. Некоторые из уголовников, сидевших вместе с Владыкой, выходили из тюрьмы преображенными, верующими людьми. И впоследствии уже на свободе они находили Владыку, списывались с ним, приезжали к нему как к большому другу и благодарили за то, что он помог им переосмыслить свою жизнь, духовно возродиться.

Владыка рассказывал, что в лагерях он был дневальным у инженера-геодезиста, посудомойкой на кухне, был в пекарне, и в прачечной, и у него работа спорилась. Он имел дар общения с людьми, и люди ему помогали. Он умел быть обаятельным, мог пошутить. И с начальством он как-то ладил, получал поощрения и благодарности. Был трудолюбив, и его за это в лагере уважали. Но самое удивительное, что в этих условиях человеку можно озлобиться, замкнуться, а он из лагерей вышел совершенно светлым человеком, с открытым сердцем, вмещающим в себя чужие страдания.

Архимандрит Наум Свято-Троицкой Сергиевой Лавры при своем посещении митрополита Иосифа в Алма-Ате слышал от него следующее повествование:

«Был в республике Коми главный чекист, который ведал ссыльными. Тетя этого генерала упрашивала племянника не стеснять осужденного епископа. «Ну ладно, – соглашался тот, – можно молиться ему, сколько он хочет, но чтобы собиралось не больше трех-четырех человек. И посылки, и письма пусть получает, и еще что потребуется – разрешим».

Владыка говорит ему однажды в его приезд, полушутя, прикрывая свою прозорливость:

– А что, если тебя, генерала, на высокую должность в Москву вызовут?

– Да как это меня из провинции в центр возьмут? Там много ученых.

– Ну, если тебя переведут на эту должность, то дай обещание, что освободишь меня и моего соседа ксёндза (и еще одного заключенного назвал).

Уехал. Через несколько дней – приказ: сдать дела и ехать на руководящую должность в Москву.

Генерал приехал к Владыке, долго ходил вокруг него и удивлялся и думал: человек, который как пророк.

– Да, Иван Михайлович, Вы действительно непростой человек, Вы связаны с Богом.

Через несколько месяцев пришли бумаги об освобождении владыки Иосифа и тех людей, за которых он просил».

Освобождение. Жизнь в «белом доме»

В декабре 1940 года Владыка был освобожден из лагеря и направлен на старое место жительства в Таганрог. По пути следования заехал в Москву к митрополиту Сергию, у которого пробыл одни сутки. Он рассказал ему о своей жизни в лагерях, о том, что возвращается в Таганрог. Но назначения управлять Таганрогской епархией владыка Иосиф не получил да и не мог получить, так как все церкви в Таганроге к тому времени были закрыты. Владыка решил устроиться на работу в госучреждение. «Но любимые мои власти, – вспоминал Владыка, – велели мне в течение суток из Таганрога выехать. И мне пришлось уехать в Азов».

В Азове Владыке надо было искать для себя жилье и работу. Директором одних из детских яслей Азова была духовная дочь Владыки. Он нашел ее и попросил: «Помоги, мне надо существовать». И она устроила его сторожем и истопником в эти ясли³³.

Впоследствии Владыка всегда очень умилительно вспоминал детские горшочки, которые стояли в яслях целой стопочкой, и ополаскивать которые тоже входило в его обязанности. Он рассказывал, как ночью, бывало, просыпались дети и он их, полусонных, приносил на руках или подводил за руку и сажал на горшочки. «Меня дети любили, – вспоминал Владыка, – и это меня очень радовало».

Вскоре в Азове Владыка вошел в контакт с общиной почитателей святого праведного Иоанна Кронштадтского, по месту своего нахождения называемой «Белый дом».

Из следственных показаний епископа Иосифа:

«В начале 1941 года после отбытия срока наказания я прибыл в Азов и осел там на постоянное место жительства. Проживая в Азове на квартире знакомых мне православных верующих, я устроился на работу в качестве сторожа в детские ясли при Азовском холодильнике. Однако с течением времени обо мне как епископе стали знать многие верующие, проживающие в Азове. Примерно в конце июня меня посетил гражданин, назвавшийся Шахматьевым Петром Михайловичем.

В беседе, которая состоялась у меня на квартире, Шахматьев рассказал, что он является глубоко верующим человеком, признает Церковь Патриаршей ориентации, но принадлежит к группе верующих, так называемых последователей Иоанна Кронштадтского. При одной из наших очередных встреч он обратился ко мне с просьбой посвятить его в сан священника. Не отказав в просьбе Шахматьева, 16 августа я посвятил его сначала в диакона, а затем 18 августа – в иеромонаха. К этому же времени относится мое знакомство и с другими участниками группы Шахматьева».

Вспоминает бывший член общины «Белый дом» архимандрит Иоанн (Петр Алексеенко):

«В Азове в 1930 году священником Феодором Легаловым была образована община последователей и почитателей святого праведного Иоанна Кронштадтского. Община называлась «Белый дом» по месту своего расположения в белом, т. е. выбеленном белой известью, доме. В общине насчитывалось около 30 человек. Все члены общины были женатыми или замужними, но только по документам, фиктивно. На самом деле все жили по-монашески. Это был как бы тайный монастырь. Женщины располагались в одном помещении «Белого дома», мужчины – в другом. А служили и молились все вместе в зале. У нас антиминс был, богослужебные книги, ризница. Отец Феодор Легалов служил Литургию, мы причащались каждое воскресенье. А в будние дни все работали на Рыбкомбинате.

Нас троих братьев – Петра, Павла, Степана и сестру Варвару в общину привела и благословила наша мать. Я имел послушание от общины: был поставщик хлеба – получал по карточкам хлеб на всю общину – и работал в типографии вместе с моим братом Павлом.

Церкви, где возносилось имя митрополита Сергия, члены общины не посещали. Но позднее, при владыке Иосифе, мы уже стали поминать на Литургии митрополита Сергия.

Отец Феодор Легалов старался узнавать адреса осужденных священников, и всем, кто из духовных лиц находился в лагерях, от общины посылались посылки. Монахини шили для заключенных одежду и собирали эти посылки. И когда владыка

Иосиф находился еще в лагере, мы из Азова тоже ему посылки высылали, а самого его не знали и не видали.

В 1940 году Владыка из лагеря освободился, в 1941 году приехал в г. Азов, устроился работать в детские ясли сторожем и там же жил. Но мы об этом еще не знали.

Однажды он пошел на базар молоко покупать, матушка Питирима его там увидела, присмотрелась к нему, к его одежде и говорит: «Рубашку эту я шила. Что это за человек? Личность его я не знаю, но личность особая». Пришла и отцу Феодору рассказала.

Так вот в Азове через рубашку угадали, что он епископ Иосиф, которому в лагерь высылали посылки.

Мы его из детских яслей забрали в «Белый дом». Нас было уже 38 человек. Владыка стал у нас служить. Часто Литургию служили ночью. Жезлоносцем был маленький мальчик. Во время богослужения он укладывался у ног Владыки и засыпал. Жил Владыка в том зале, где молились. А от посторонних мы его «хоронили» в подвале.

Потом Владыка постриг нас с братом Павлом в монашество. Вскоре умер отец Феодор, и владыка Иосиф для общины рукоположил в сан иеромонаха Петра Шахматьева (Щербаков его настоящая фамилия), а в 1946 году, когда мы находились уже в тюрьме, Владыка возвел его в сан архимандрита. А брат мой, отец Павел, шутливо говорил отцу Петру: «Ты еще за иеромонаха срок отбудь!»

Вскоре началась Великая Отечественная война»

Обращение к истории

«Вследствие нападения фашистской Германии на Советский Союз в июне 1941 года в течение нескольких месяцев огромная территория от Карелии на севере до предгорий Кавказа на юге оказалась отрезанной. От нескольких недель и месяцев до двух с половиной – трех лет оказались в зоне фашистской оккупации Белоруссия, Украина, Прибалтика, многие западные, центральные и южные области России. Период оккупации ознаменовался сильным религиозным подъемом на оккупированных территориях. «Религиозное пробуждение было массовым и стихийным. Народ, как в городах, так и в сельской местности... сам шел на открытие храмов, на их временный ремонт и украшение»³⁴. «Верующий народ, голодный, нищий, разоренный войной, самоотверженно трудился над восстановлением храмов Божиих, украшал их уцелевшими в домах и пожертвованными иконами, приносил тайно укрывавшиеся богослужебные книги. Богослужения совершалось в храмах, переполненных народом»³⁵.

Православную Церковь вследствие ее важной роли в Русской истории фашисты решили использовать в своих целях. В системе Главного управления имперской безопасности (СД) имелся специальный «церковный отдел». В его задачи входили контроль и наблюдение за деятельностью религиозных организаций... изучение настроения духовенства и активных прихожан, внедрение агентуры в церковные административно-управленческие структуры и вербовка агентов из среды священнослужителей.

При этом основной линией в решении «религиозного вопроса» была ориентация на разрушение (внутреннее и внешнее) сложившихся традиционных устойчивых церковных структур, «атомизацию» конфессий и церквей. Там, где это признавалось неэффективным или не отвечающим целям рейха, ставилась задача, не останавливаясь ни перед какими средствами и методами воздействия, достижения полного контроля над деятельностью Церквей.

Следует отметить, что религиозными проблемами вплотную занимался и считал их одними из важнейших в деле «управления покоренными народами» А. Гитлер. 11 апреля 1942 года в кругу своих приближенных он изложил свое видение религиозной политики: насильственное дробление Церквей, принудительное изменение характера верований населения оккупированных районов, запрещение «устройства единых церквей для сколько-нибудь значительных русских территорий». Чтобы не допустить возрождения сильной и единой Русской Церкви, были поддержаны некоторые раскольничьи юрисдикции на Украине, в Прибалтике и Белоруссии, которые выступали против Московской Патриархии и объявили о своем намерении образовать автокефальные (независимые)... церковные организации. ...Существуют архивные документы, свидетельствующие, что осенью 1942 года разрабатывались планы проведения Поместного Собора в Ростове-на-Дону или Ставрополе с избранием Патриархом митрополита Берлинского Серафима (Лядэ) – немца по национальности, находившегося в юрисдикции карловчан³⁶.

Большое внимание со стороны оккупационных властей уделялось использованию религиозной темы в своей идеологической работе. В прессе всячески подчеркивалось, что новый режим несет религиозную свободу. Настойчиво «рекомендовалось» в проповедях и во время церковных церемоний выражать верноподданнические чувства к А. Гитлеру и Третьему рейху. Духовенство заставляли участвовать в «праздновании» годовщины начала войны и тому подобных дат.

Но расчеты на поддержку «нового порядка» со стороны угнетаемых в СССР религиозных организаций не оправдались. Русская Православная Церковь заняла видное место в патриотическом движении в Советском Союзе. Открывшиеся храмы стали центрами русского национального самосознания, проявления патриотических чувств. Однако, нельзя приписывать непосредственно немецкой армии заслугу духовного возрождения России. Для человека верующего вообще политические причины отступают на задний план там, где ясно видна воля Божия. События Великой Отечественной войны

показали безрезультатность компромиссов прошлых лет. В считанные месяцы Церкви стало возвращаться то, что было отнято у нее в 20–30-е годы и что не удалось отстоять никакими уступками и заявлениями о лояльности.

В августе 1942 года после оккупации Таганрога немецкими войсками епископ Иосиф вышел из «подполья» и стал служить в качестве епископа в Таганроге. Он старался вести очень осторожную политику, подчеркивая при этом свою верность Московской Патриархии.

В этот период Владыкой составлены акафисты прп. Пелагии, свт. Павлу Исповеднику, архиепископу Константинопольскому, вмч. Иакову Персиянину, прав. Иосифу Прекрасному. Десятый кондак святителю Павлу Исповеднику читается так: «Спасение пастве твоей промышляти не преставая, отче Павле; во дни изгнания твоего в Риме пребывавый и святейшего Юлия, идеже сретил еси поборника себе в скорби, гонении и клевете от злоречивых...» К этому слову имеется примечание Владыки: «1942 г. Отселе началась бомбежка, все засыпало стеклом и глиной 23 июля с. г.».

Жизнь в оккупации. Таганрог

Архимандрит Иоанн (Алексееenko):

«Летом 1942 года на Азов наступали немцы. Владыке как подвергавшемуся репрессиям прислали карточку, чтобы он из города выселялся. Но Владыка пришел до нас, и мы его в подвал захоронили. Подвал был отдельно во дворе. Как только кто в калитку застучит, мы доску открывали и Владыку в подвал опускали, потом доску прикладывали и песочком сверху щелей посыпали. А он оттуда говорил: «Матушка Гавриила, что ты меня заживо погребаешь?» Приходили комиссии, все осматривали, но Владыку не находили.

Когда немцы забрали Азов, Владыка ушел в Таганрог. Он был епископом Таганрогским и служил сначала в Крестовой церкви архиерейского дома. Я тоже ушел вместе с ним и служил там же. Во время немцев мы начали восстанавливать Никольский собор в Таганроге³⁷. Мы этот собор отстроили и в нем служили. Но после ухода немцев русские сбросили на собор зажигательную бомбу, и он сгорел.

Однажды меня на улице забрали немцы и заставили мостить мостовую. Но Владыка меня выручил, он объявил: «Это мой диакон», и меня немцыпустили. А мне сказал: «Если тебя кто задержит, ты отвечай: «Я бишов кирики дьякон». (Бишов – епископ.) В Таганроге он рукоположил меня во иеромонаха.

Когда немцы уходили из Таганрога, Владыке пришлось эвакуироваться в Умань. Владыка ушел, я его проводил. Я оставался еще в Таганроге, в архиерейском доме и по его благословению управлял епархией»³⁸.

Алевтина Федоровна Дикарева (Хабарова):

«Мы встретились с владыкой Иосифом через шесть лет в 1942 году в оккупированном немцами Таганроге. Он служил в Крестовой церкви архиерейского дома. Я пела там в хоре. Остальные церкви в Таганроге были еще закрыты. Владыка увидел меня и, как прежде, спросил шутливо: «Как дела, Тиночка, вишенна корзиночка?»

В Таганроге немцы перенесли памятник Петру I с берега моря в центр города на Ленинскую улицу, а памятник Ленину

оттуда убрали. И Владыку заставили служить благодарственный молебен на улице при открытии памятника Петру I. Два хора пело, народа было множество. И Владыке речь пришлось говорить. А когда наша армия зашла в Таганрог, опять Ленина в центре поставили, а Петра I перенесли к морю».

Обращение к истории

«В оккупированных южных областях религиозную жизнь на первых порах возглавили два уцелевших к 1941 году и живших на покое архиерея – архиепископ Ростовский Николай (Амасийский) и епископ Таганрогский Иосиф (Чернов). ... В Ростове-на-Дону, где к началу войны оставалась одна действующая церковь, вскоре после его взятия в июле 1942 года немецкими войсками открыто восемь храмов. ... Всего в Ростовской области в период оккупации открылось 243 храма. ... Вскоре в Ростов переехал живший в Ейске архиепископ Николай. ... Епископ Таганрогский Иосиф также вновь возглавил епархию и даже въехал в свой прежний архиерейский дом. К концу 1942 года оба архиерея вошли в состав Украинской автономной Церкви Московской Патриархии, в храмах их епархий возносили имя митрополита Сергия (Страгородского). Однако особым посланием Патриаршего Местоблюстителя от 20 марта 1943 года архиепископ Николай (Амасийский) был осужден за связь с гитлеровцами. На Ростовскую область стремился распространить свое влияние и Патриарх Румынской Православной Церкви Никодим, вступивший в переписку с архиепископом Николаем»³⁹.

Когда в сентябре 1943 года митрополит Сергей (Страгородский) был избран Патриархом Московским и всея Руси, оккупанты запретили возносить его имя за богослужением.

Итак, владыка Иосиф вновь стал открыто служить в Таганроге. Но с немцами у него сразу возникли трудности. Они не могли простить ему его верности Московской Патриархии и поминовании им имени Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия на богослужениях. Он безбоязненно поминал его даже тогда, когда тот стал Патриархом и осудил всех епископов-коллорабационистов. В дальнейшем на допросах и беседах, проводимых в Ростове, Таганроге, Николаеве и Умани, немецкое командование неоднократно предлагало владыке Иосифу сотрудничество в целях фашистской пропаганды, грозя арестом и расстрелом. Епископ Иосиф отвечал отказом⁴⁰.

В материалах следственного дела имеются следующие показания епископа Иосифа, относящиеся ко времени оккупации немецко-фашистской армией юга России:

«Через 7 дней [оккупации г. Азова] я получил в комендатуре [г. Азова] пропуск и 4 или 5 августа ушел в Таганрог. Прибыл в Таганрог 8–9 августа. По прибытии в Таганрог я был вызван к зам. бургомистра г. Таганрога Акимцеву, которого я знал более 20 лет как соседа по жительству в Таганроге, человека верующего, церковного. Через несколько дней Акимцев вручил мне документы на право служения в городе и повел к бургомистру города для знакомства.

В августе 1942 года в Таганроге я был вызван в отдел немецкой пропаганды, где начальник пропаганды предложил мне выступить в церкви с антисоветской профашистской речью перед гражданами, по случаю освящения Никольского храма. Задание было отпечатано на листе бумаги, и он дал мне этот лист прочитать, чтобы я увидел его содержание. В этом документе излагалась клевета на Православную Русскую Церковь и на митрополита Сергия. Восхвалялись немецко-фашистские войска и их командование. В заключении граждане Таганрога призывались к повиновению, послушанию и преданности оккупирующим властям.

28 августа было [мною было] совершено освящение [открытого немцами Никольского] собора. Освящая Никольский храм, я с этой речью не выступил.

Во время службы после освящения храма кто-то из священнослужителей сообщил, что мне немедленно надо явиться в комендатуру. Не окончив службы, я поехал в комендатуру, где был принят комендантами городов Таганрога и Ростова. Ростовский комендант предложил мне через 10 дней прибыть в Ростов для проведения в церкви богослужений, после чего вместе с ним поехать в Новочеркасск.

Через 10 дней я на попутной машине выехал в Ростов. В Ростове я пошел в комендатуру. Комендант г. Ростова принял меня и допрашивал по вопросам, касающимся моего выезда из Таганрога в Ростов. Мне предложили принять участие в материальной и духовной поддержке пленных красноармейцев,

которые сдались немцам в плен. Я отказался. После допроса я был задержан.

На третий день я был вызван комендантом на допрос, где последний объявил мне, что я якобы прислан митрополитом Сергием и одним из руководителей советского правительства для работы на оккупированной территории в пользу СССР. Я дал отрицательный ответ. Тогда комендант заявил мне, что он располагает данными, изобличающими меня в работе на СССР, но свои слова ничем не подкрепил. Я доводы коменданта опроверг. В ходе дальнейшей беседы комендант спросил меня, чем я могу помочь немецкой армии. Я ему ответил, что могу быть поваром, могу белье стирать и дрова рубить, чему меня научили при советской власти за время моего пребывания в лагерях. На это комендант мне сказал, что они в этом не нуждаются, что им нужно помогать в области пропаганды. Пропаганда, по его мнению, дороже золота и сильнее оружия. В проведении фашистской пропаганды я отказался. Комендант сообщил, что они запрашивали командующего Южным фронтом генерала Клейста – что со мной сделать. Он распорядился меня из-под стражи освободить и поселить в г. Таганроге без права выезда из Ростовской области. В это время вошли два конвоира, комендант показал рукой, что я освобожден, конвоиры вывели меня из здания, посадили в автомашину и повезли на вокзал, где я сел в поезд в сопровождении фельдфебеля и поехал в Таганрог.

В феврале 1943 года [в Таганроге] Акимцев вручил мне направление и пропуск на проезд из Таганрога в Мелитополь, при этом объяснил, что это есть распоряжение комендатуры, которое я обязан выполнить. На третий день я на легковой автомашине, принадлежащей одной из немецких войсковых частей, выехал в Мелитополь. Пробыв несколько дней в Мелитополе, я без пропуска и разрешения поехал в Каховку. Выехал в Каховку потому, что [в Мелитополе] не было возможности служить в церкви. Кроме того, я опасался, что меня втянут в работу гестапо. В Каховке пробыл с марта по июнь 1943 года. В Каховке по приглашению священника я по воскресеньям проводил в церкви богослужения⁴¹. В июне 1943 г. по вызову

Акимцева я из Каховки выехал обратно в Таганрог. И в Таганроге пробыл с июля 1943 года по 27 августа того же года. В августе 1943 года Красная Армия готовилась взять Таганрог».

Митрополит Иосиф – о себе:

«Когда немцы отступали, я к матушке Марии пришел: «Что делать?» Она говорит:

– Деточка, немцы уйдут, русские победят.

– А мне что делать?

– Коли останешься с русскими, то избыют – прямо вот так в рай. Коли немцы останутся – забьют. В рай! А когда немцы уйдут и большевики придут и не забьют – це Мария уже нэ знаэ, Мария нэ брэша, но будешь большевицкий митрополит, коли не забьют. Иди, деточка, я уже устала.

Вот такие вещи.

Потом я ее хоронил в последние дни оккупации. Из собора Никольского нес ее до самого кладбища. На кладбище речь говорил матушке Марии. Она умерла 16 июня 1943 года в день святителя Тихона Амафунтского».

То, что владыка Иосиф сам будет хоронить старицу Марию, она предсказывала ему заранее. И еще говорила: «Будешь митрополитом, но выше не поднимайся». И, подтверждая слова Российского старца, в пустыньку к которому вместе с Ваней Черновым ездил владыка Арсений, матушка Мария говорила, что смерть владыки Иосифа наступит от ножа.

Между двух огней

Продолжение следственных показаний владыки Иосифа:

«В августе 1943 года ко мне на квартиру пришел Акимцев и сообщил, чтобы я был готов к отъезду из г. Таганрога в г. Мариуполь. Поеду я вместе с его семьей. Почему я должен был выезжать из Таганрога в Мариуполь, Акимцев мне не объяснил. С семьей Акимцева мне выехать не удалось. На другой день при содействии жены Акимцева я сел на грузовой немецкий автомобиль с мальчиком Галушкой Иваном, выехал из Таганрога и через несколько часов был в Мариуполе.

В Мариуполе я имел две встречи с архиепископом Николаем (Амасийским), во время которых были беседы о церковных делах. Архиепископ Николай сообщил мне о своей церковной службе и о том, как его два раза вызывали в гестапо по случаю его высказываний, направленных против немцев.

Части Красной Армии наступали на Мариуполь. В Мариуполе была паника. Жандармерия предупреждала всех граждан о том, чтобы быстрее из Мариуполя эвакуировались. Кто не эвакуируется и не выполнит их распоряжения, будет расстрелян. Предупреждали, что Мариуполь будет сожжен. Пробыв в Мариуполе двое суток, я выехал в Умань.

Из Мариуполя я выехал в Умань на подводе с семьей Акимцева и Галушкой Иваном. Следовал через города: Бердянск, Ногайск, Мелитополь, Каховку, Херсон, Николаев и Первомайск. В Мелитополе я пробыл трое суток. В Николаеве трое суток. В Каховке я пробыл только одну ночь. В Херсоне я также пробыл одну ночь. В Первомайске я пробыл шесть суток.

В Мелитополе я имел одну встречу с епископом Серафимом⁴², к которому я пришел на квартиру с визитом. Во время встречи у меня была беседа, касающаяся его церковных дел. Кроме того, епископ Серафим сообщил мне, что его вызывали в гестапо и допрашивали обо мне. Ругали его в гестапо за то, что епископ Серафим предоставил мне право служить в Каховке.

В Николаев в сентябре 1943 года я прибыл пешком. По прибытии в Николаев я остановился на окраине города в

квартире неизвестного мне крестьянина. Примерно через полчаса после моего появления в Николаеве ко мне пришел неизвестный человек, русский, в темном костюме, и сказал, что меня просят немедленно явиться в геббельскомиссариат к политическому комиссару барону Крушелю. Я немедленно пошел к барону Крушелю, который принял меня в кабинете. Он поставил мне ряд вопросов, касающихся моего пути следования в г. Умань. Кроме того, Крушель доказывал мне, что я якобы имею связь с митрополитом Сергием (Страгородским) и работаю в пользу СССР. Я дал отрицательный ответ. Он проверил мои документы и сказал, что в Умань я не поеду, так как мне там делать нечего, а останусь в Николаеве, где у них намечается проведение немецко-фашистской пропаганды, и я буду для них полезным человеком. Находящийся в Николаеве архиепископ Антоний с возложенной на него работой не справляется. Я отказал, объясняя, что епископов назначать может только высшая церковная власть. После этого Крушель предложил мне остановиться в Первомайске и по его требованию приехать в Николаев. На это я Крушелю дал согласие.

В Первомайске я имел две встречи с архиепископом Антонием у него на квартире.

Через шесть суток после моего приезда в Первомайск я из Первомайска уехал в Умань. Уехал потому, что не желал иметь дело с Крушелем».

Умань. Гестаповская тюрьма. освобождение

Продолжение следственных показаний владыки Иосифа:

«В Умань я прибыл в октябре 1943 года и пробыл там по июнь 1944 года, т. е. до дня своего ареста.

По прибытии в Умань я по ходатайству благочинного Буйникло Константина получил разрешение у комиссара СД проводить службу в церкви.

Примерно через 20 дней я был вызван в гебит-комиссариат, где мне предлагали также заняться профашистской пропагандой, причем на сей раз, когда меня вызывали, мне прямо сказали, что большевики сейчас решили пойти походом до Атлантики, что в связи с этим всем нужно вооружиться кто чем может и вести борьбу против большевиков. Что мне, как священнику, нужно написать статью антисоветского характера, направленную против Патриарха Сергия и той игры в церковь, которую якобы ведет советская власть. Воспеть новые порядки немцев, которые якобы создали хорошую жизнь на Украине. Дав свое согласие написать статью в фашистскую газету «Голос Умани», я был отпущен домой. К назначенному времени я представил свою статью гебиткомиссару. Моя статья была забракована, и гебиткомиссар сказал мне, что я мог бы и не писать своей статьи. Забракована потому, что я не написал того, чего желал гебиткомиссариат. Через два дня я и Галушко были арестованы на улице и доставлен в СД»⁴³.

Раиса Семеновна Таборанская вспоминает о событиях этого времени:

«Опишу, как мой отец, протоиерей Симеон Табаранский, впервые встретился с владыкой Иосифом.

Во время оккупации мы жили на Украине в г. Умань Киевской области. Когда немцы заняли Умань, они разрешили открыть храмы, и в предместье Умани отец получил храм Святой Троицы. И вот первый раз, в канун праздника преподобной матери Пелагии (8/21 октября), он служил в притворе храма. Вдруг видит – в конце притвора стоит духовное лицо с панагией.

Отец обрадовался, а Владыка вдруг зашел вперед, как бы в алтарь, благословил отца и говорит: «Я завтра буду здесь служить. Я привез икону преподобной Пелагии, где есть частица ее мощей».

Утром на другой день служение было радостное, а после службы отец пригласил Владыку домой на чашку чая. Владыка согласился и как вошел в дом – сразу стал напротив трюмо, посмотрел и говорит: «Что же это за угодничек Божий, имени которого я не знаю?» Я не помню Владыку хмурым, он всегда улыбался, любил юмор.

В Умани Владыка служил в кладбищенской церкви на Мещанском кладбище и жил в холодной кладбищенской сторожке вместе с двумя иподиаконами, с которыми он приехал в Умань. Также приехал с Владыкой и протодиакон с молодой женой. Иподиаконов звали Иванами; один был блондин – его Владыка называл Вакун беленький, второй – брюнет – Вакун черненький⁴⁴. Все часто бывали у нас. Владыка беседовал с моим отцом о духовном, справедливом и ценном. В разговоре с отцом Владыка высказывал опасение, что немецкие власти будут насаждать унию и что в этом случае придется молиться дома, но не изменить Христу.

В Умани было открыто в то время семь храмов. Владыка ходил в эти храмы пешком. Духовенство отнеслось к нему недоверчиво, но миряне его очень полюбили. Чаще архиерейские службы проходили в кладбищенской церкви. У Владыки был только один орлец. Отец попросил мою сестру Валентину сделать второй. Она на черном сатине вышила стеганым швом орла, и это восполнило недостаток. Когда немцы заняли Умань, Владыку сразу арестовали, сказали: «Это советский разведчик».

Продолжение следственных показаний владыки Иосифа:

«В гестаповской тюрьме я находился с 6 ноября 1943 года по 12 января 1944 года. Меня допрашивал следователь Винницкой СД на русском языке, вначале по вопросам автобиографии, а затем о моей, якобы, проводимой работе через Патриарха Сергия в пользу СССР. Также меня подозревали в

принадлежности к Английской разведке. Я давал отрицательные ответы.

Меня допрашивали три раза, пугали тем, что применят ко мне меры физического воздействия.

Примерно через семь дней, до ухода немецко-фашистских войск из Умани, мне Иван Скляр через старшего надзирателя тюрьмы Кучера Ивана передал письмо, в котором сообщал, что он делает все возможное для моего освобождения из тюрьмы. Сблизившись с Кучером, я дал ему пять золотых рублей, чтобы он помог мне освободиться из тюрьмы, а Скляр подарил ему золотые часы. Через два дня после этого в мою камеру арестованные тюрьмы стали носить койки из других камер. Заставили камеру койками, оставив только проход. В это время немецко-фашистские войска подготавливались к эвакуации из города. Кучер приказал мне, чтобы я сидел в камере тихо. 7 января 1944 года в тюрьме г. Умани расстреляно 120 человек. 11 января немцы оставили г. Умань, а 12 января Скляр с соседкой по квартире открыли мою камеру и освободили меня из тюрьмы».

Митрополит Иосиф – о себе:

«1943 год, Умань, гестаповская тюрьма. Я сижу в кладовой, заставленной кроватями, ведрами и всякой всячиной. Туда перевел меня на рассвете из камеры №7, что на шестом этаже, помощник начальника гестапо, немец по национальности, но немец русский, фольксдойч⁴⁵ из города Энгельса. Забил меня в угол и заставил чем мог: «Я Вас спасу. Я буду у Вас бывать».

И вот под Рождество до трех часов ночи вызывали заключенных на расстрел. Возили все время в Красный яр, и там «черный ворон» сваливал людей по принципу самосвала. Затем их обсыпали каким-то химическим порошком, в это время строчили и после неглубоко закапывали. Так приезжали три раза до трех часов ночи. Раскрывали большую книгу и по ней выкрикивали: «Иии-ванов». – «Есть». – «С вещами!»

В три часа все смолкло. Приходит ко мне фольксдойч и говорит: «Вы уже расстреляны». Говорит по-немецки: «Вы в большой книге уже помечены как расстрелянный». Он меня обнял и поцеловал. «Послезавтра мы уходим, а завтра вы

посидите спокойно здесь». Вот так я сидел и переживал там первую ночь.

На второй день Рождества он ко мне раненько приходит и приносит Святые Дары от протоиерея Симеона Таборанского.

Вторая ночь – такая же самая выключка. Но Чернова не было, и я поверил фольксдойчу. Он пришел поздно вечером, поцеловал меня и сказал: «На рассвете мы уходим. К Вам придут, и Вас возьмут отсюда». Рано утром ушли немецкие войска и с ними позавчерашняя комиссия, решавшая, кого расстрелять, кого отпустить, кого с собой забрать. Часть заключенных была взята отступавшими немцами в Каменец-Подольск, часть отпущена в город. В гроссбухе против таких фамилий стояла птичка. Часть фамилий помечена крестом – тех расстреляли вчера ночью. Таких было 500 или 600 человек. Это была гестаповская тюрьма.

В восемь часов тюрьма была уже пуста, и обыватель растаскивал, что только мог: запечатанные бочки с капустой катили, дрова несли, кровати, уголь и одеяла несли. Все несли, что могли, что толпа могла грабить в оставленном городе. В это время я уже не боялся, вставал и смотрел в окно. Уже рассветало. Там, где я сидел, окна были без рам.

И ровно в восемь часов за мной пришли мои. Пришел Ваня черненький, пришел Ваня беленький – пришли мои иподиаконы и меня повели, и я пошел, и все по-хорошему. Я был хорошо подготовлен к смерти. Поэтому, где мне грозила смерть, я уже не боялся, я уже был героем, пережив все страхи встречи со смертью. Надо страхи пережить, надо быть безразличным, хладнокровным к смерти. А когда меня наши арестовали, я в Москве на Лубянке рассказывал чекистам: «Так вы думаете, я расстрела боялся? Я был подготовлен. Я одного боялся, что они, паскуды, плохо расстреливают заключенных. А вы – герои. Вы умеете хорошо расстреливать». – «...Как, Иван Михайлович?»»

Раиса Семеновна Таборанская:

«Это было в 1943 году, накануне Рождества Христова. Владыка просидел 66 суток в гестаповской тюрьме. Окна в камере были без рам и без стекол. На улице стояли морозы.

Владыка был в легкой одежде. Мама сшила из ветоши на вате теплые брюки, и через дежурных немцев мы передали их Владыке. Передали также одеяло, чтобы закрыть от ветра выбитое окно. Владыка был очень благодарен. Нам с сестрой удавалось через дежурных немцев передавать передачи. Окно тюрьмы было со стороны улицы, и после получения передачи Владыка выглядывал в окно и нас благословлял. Передачи носили Владыке и его иподиаконы. Святые Дары по просьбе Владыки передал отец в маленькой баночке – сахарной торбочке.

В Рождественскую ночь заключенных три раза выводили на расстрел. Владыка ждал, когда и его вызовут. Он причастился Святых Даров, которые передал ему отец. Владыка просил папу передать молитвы на исход души⁴⁶. Папа передал, но не те молитвы, а после Владыка сказал: «Хорошо, что вы эти молитвы прислали, я всем расстрелянным их прочел».

В день Рождества Христова мы пошли к тюрьме. В окне камеры показался Владыка, благословил нас, и мы ушли.

Вскоре наши войска стали приближаться к Умани, и немцы готовились к отступлению. Мы с сестрой Валентиной и двумя иподиаконами каждый день дежурили на краю города возле тюрьмы и следили, как немцы эвакуировали оставшихся в живых заключенных. Но Владыки среди них не было, и мы не знали, где он.

А Владыка оставался закрытым в последней камере наверху тюрьмы. Он умирал от голода и холода, но сильнее всего страдал от жажды. В коридоре капала вода, но дверь была закрыта, и никто не заходил к нему. Он молился Богу: «Питоньки, питоньки пошли, Боже!» И Господь однажды чудесно посетил его. Невидимая рука открыла камеру, Владыка вышел, попил воды, и дверь снова закрылась невидимой силой.

В тот день, когда немцы уходили из города, я с передачей пошла к тюрьме, но из окна никто не показывался. Я пошла на кладбище, где жили иподиаконы, и говорю им: «Владыки, очевидно, нет». Они мне ответили: «Мы подкупили дежурного немца, он открыл камеру и Владыку выпустил».

Владыка, когда его выпустили, сразу пошел на кладбище, а с кладбища пошел к нам домой. Это было 30 декабря (по ст. ст.), в день Ангела нашей мамы (мученицы Анисий). Зашел и говорит: «Питоньки!» Мама его напоила. Я прибежала с кладбища домой, увидела живого Владыку, и нашей радости не было границ.

Потом Владыка попросил лист бумаги и написал о награждении моего отца митрой за его заслуги⁴⁷. (Митру мы сшили из сатина и украсили ее иконками и простыми брошками.) И Владыка дал папе напрестольный крест с накладным распятием, а с обратной стороны его открывается стеночка, где хранятся мощи. В крест вложены часть древа Господня и святые мощи: мученика Меркурия, мученика Мардария, мученика Ореста, священномученика архидиакона Евпла, апостола и евангелиста Матфея, великомученика Пантелеймона, преподобной матери Пелагии и преподобного Сергия Радонежского. Эту святыню Владыка велел хранить и святых угодников прославлять. А как этот крест попал к Владыке и от кого – я не знаю».

Продолжение следственных показаний владыки Иосифа:

«Умань была вторично оккупирована немцами буквально через пять дней, т.е. примерно 15 января 1944 года. После этого я дважды служил в церкви и проживал у протоиерея Симеона Таборанского. Я проживал нелегально, и до 10 марта 1944 года – до второго изгнания немцев из Умани – мною никто не интересовался».

Раиса Семеновна Таборанская:

«Немцы отступили, но вскоре вновь заняли Умань. Они угоняли в Германию всех, кто мог работать⁴⁸. Надо было прятаться, чтобы не угнали или не убили немцы. Наша семья на это время переселилась в оставленный хозяевами домик в овраге. Подход к домику был очень тяжелый – крутой, обледеневший спуск, покрытый колючей дерезой. В этой дерезе был проход в пещеру, откуда брали желтую глину. Вот в эту пещеру перебрались мой отец и Владыка. Вдали рвались снаряды. У входа в пещеру мы выливали помои, чтобы прикрыть вход, а в спокойные минуты подавали в пещеру пищу. Так они пересидели тяжелые дни.

Когда немцы под натиском Красной Армии вновь ушли из города, в Умань явились представители из Англии. Для них был устроен прием местными властями. И владыка Иосиф был приглашен на эту встречу».

Писатель Борис Полевой в своей книге «Большое наступление» описывает встречу уманской интеллигенции с английским журналистом Александром Вертом, на которой присутствовал епископ Иосиф. Несмотря на некоторую шаржированную окраску, в которой писателем-атеистом изображен Владыка, он все же не мог не отдать должного его стойкости и патриотизму: «Не знаю, что там пишет Александр Верт о развеселом этом Архиперее... но при всем при том, по свидетельству подпольщиков, сей... пастырь вел себя при немцах вполне прилично, помогал, чем мог, партизанам, а местному гебиткомиссару, в бывшем жилье которого и происходила эта встреча, так и не удалось ни кнутом, ни пряником уломать его служить молебен за победу германского воинства и признать какого-то там Берлинского Серафима, что несомненно было с его стороны проявлением гражданского мужества...»⁴⁹.

В апреле 1944 года, сразу же после вступления советских войск в Умань, владыка Иосиф обратился с воззванием к жителям города: «Дорогие братья и сестры богоспасаемого града Умани! Поздравляю вас с освобождением от иноверцев, немецких оккупантов. Еще недавно наши сердца содрогались от зверств немецких палачей, недавно лилась кровь мирных наших жителей. Весь украинский народ рыдает от зверств оккупантов. Тысячи наших пленных умирали и были убиты, гибли с голода, тысячи наших детей стонут в Германии. Жители, выгнанные из селений, умирают, их расстреливают по дорогам, зверски издеваются. В некоторых городах колодцы переполнены юношами, дети прибиты к заборам, валяются трупы матерей с прижавшимися детьми. Кто слышал о таких зверствах и когда? Украина пережила зверства диких немецких орд. Наш город Господь спас в лице воинов русской победоносной армии. Для нас уже были [вырыты] рвы за городом, и лишь несколько часов не хватило оккупантам для осуществления диких замыслов. Что

было бы с нами? Кто остался бы [в живых]? Наверное, никто. Но в тот момент, когда наши сердца разрывались от переживаний, когда нам готовилась лютая пытка, о нас заботилась вся Россия, заботились бойцы Красной Армии. Они спешили нас спасти, и они нас спасли. Что же мы пожалеет для них? ... Русский народ ничего не пожалеет для Родины. Русская Церковь молится о спасении Родины от иноверцев-извергов. Церковь помогает и материально. По примеру Святейшего Патриарха Сергия, который, призывая Церковь к помощи на нужды освобождения страны, снял бриллиантовый крест с клобука и наперсный крест с груди своей, по примеру Высокопреосвященнейшего митрополита Николая, Экзарха всея Украины и других епископов страны мы призываем Вас, боголюбивых жителей Умани, помочь вашими пожертвованиями через Церковь или банк в Фонд обороны страны. ... Лучшая помощь – не стоны и слезы, а молитвы и реальная поддержка. Женщины и девушки! Не пожалейте своих колец и серег, своих ценностей, шейных крестиков, они пойдут на помощь вашим мужьям и братьям, помогите стране. Боголюбивые старушки! Не пожалейте для ваших сыновей ничего, ваша лепта будет принята самим Господом. Вы помогаете спасти Церковь от ереси и раскола, людей православных от гибели. ... Помогите стране, помогите мужьям, братьям, сыновьям. За это да вознаградит вас Господь здесь и в загробной жизни. Благословение Господне да пребудет с вами.

Епископ Иосиф с духовенством града Умани»⁵⁰.

В этот период владыка Иосиф был членом комиссии по расследованию зверств, совершенных немцами.

Продолжение следственных показаний владыки Иосифа:

«В первые дни прихода частей Красной Армии в марте месяце в Умань я познакомился с военными. От них я узнал, что в марте месяце они, как партизаны, будут заброшены в тыл к немцам в Карпатские горы. Узнав о том, что они будут в тылу у немцев, я решил написать немцам проклятие. Написав его, я передал с одним майором и попросил, чтобы мое письмо они сбросили с самолета. Письмо было озаглавлено: «В дьявольскую кухню СД». Дальше я их заклинал и указал, что они

меня трижды пытались сделать своим работником, т. е. агентом, – это в Таганроге, Ростове и Умани, но я на это не пошел».

Прощание с Уманью. Вновь арест

В апреле 1944 года Владыка получил вызов в Патриархию от Святейшего Патриарха Сергия. 15/28 мая в Свято-Иоанновской церкви г. Умани происходило прощание Владыки с духовенством и паствой города⁵¹. Владыке говорились слова благодарности, растворенные печалью расставания с ним. Вот одно из этих слов, дошедшее до наших дней:

«Ваше Преосвященство! В годину наших тяжких переживаний, когда Церковь Православная на Уманщине находилась как бы осиротелой, Вас Милосердный Господь прислал к нам. Сентябрь прошлого, 1943 года стал для нас счастливейшим месяцем. Дальность расстояния до Киева, где проживал епископ Пантелеймон, окормлявший уманские церкви, не давала возможности иметь нормальную связь со своим Владыкой, а потребность в этом возрастала все более и более. Самосвятческий епископ Игорь Губа проживал тогда в Умани и служил в центральном городском храме-соборе. С лисьей хитростью он подходил в своих проповедях к посетителям и громил нашу Святую Православную Церковь. ... Во всем он имел сочувствие и поддержку со стороны местных органов власти. Наш же авторитет все падал и падал. В этот исключительно критический момент по всемилосердию Божию совершилось Ваше, Владыко, к нам прибытие. Своим чудным, стройным служением в храмах Умани и зажигательностью редкостных проповедей Вы, Преосвященнейший Владыко, подняли наш дух, укрепили нас, уже совсем ослабевших. Небезызвестно это было СД, епископу Игорю и его компании. Сразу Вас они сняли со сцены и заключили за крепкие стены гестапо. Мучились там Вы, а мы без Вас здесь страдали, ибо без архипастырской поддержки тяжело себя чувствовать Церкви и служащим в ней в годину терзаний. Крепко все молились Богу за Вас, крепко просили Господа быстрее к нам возвратить нашу радость, нашего Владыку. Молитва усердная была Богом услышана. Русские орлы, русская непобедимая армия еще далеко с востока нажала, а отсюда дойчи, как метеор, удирали. И чудесно Вы, Владыко, остались в живых, снова пришли к нам, в нашу

духовную семью. А теперь... часто служа по храмам города, Вы везде разведали целительный бальзам, везде всех зажигали к молитве, к духовным подвигам. ... Теперь мы все как одна семья, связанная любовью мудрого отца, которым были Вы. Но по Божьему соизволению Вам должно уехать от нас. Но да будет воля Божия с Вами и нами. Прощаясь, молим великого Господа склонить свое милосердие перед Вами, послать своего Ангела-хранителя в путь благой Ваш, чтобы он Вас, Владыко, безвредно привел в святой град Москву, где бы помог приобрести неизглаголанную радость за Ваши сильные страдания, за Ваше редкое терпение, чтобы помог воспринять высокий скипетр архипастырского служения во славу Божию. А за Ваши страдания в казематах гестапо, за Ваши 66 суток в ужасе и страхе, да наградит Вас Бог... в обителях своих, когда придет пора, чудным венцом роз ароматных из прекрасного вечного рая».

Но не сразу суждено было сбыться всем пожеланиям, высказанным благодарным духовенством Умани. Доехав до Киева на автомашине, 4 июня 1944 года Владыка был арестован на улице органами НКВД и доставлен не в Московскую Патриархию, а в тюрьму г. Москвы. Ему предложили объяснить, почему он остался в живых, тогда как в документах, доставленных из Умани, он числится расстрелянным гестаповцами.

Раиса Семеновна Таборанская:

«В конце мая 1944 года Владыка поехал в Москву на встречу с Патриархом Сергием. Мы стали паковать его вещи в дорогу, а он говорит: «Меня в тюрьму посадят». Доехал до Киева с иподиаконами, двумя Иванами, и в Киеве, по дороге из Андреевского собора в епархиальное управление, его задержали наши русские и сказали: «Это немецкий разведчик».

Иподиаконов вскоре отпустили, а Владыку из Киева направили в Москву, затем в Ростов, где он просидел под следствием до 1946 года. Мы не знали о нем ничего, пока от Владыки нам не передали открытку, весточку из двух слов: «Еп. Иосиф», – мы увидели, что это его почерк, и обрадовались, что наша радость жива».

Новый приговор

Итак, 8 июня 1944 года епископ Иосиф был направлен из Киева в Москву со следующей служебной запиской: «Примите этапированного из г. Киева в г. Москву временно задержанного Чернова И. М. Прибыл в Киев без соответствующего разрешения на въезд в город, не имеет при себе паспорта и других документов. Задержать на 48 часов для выяснения личности»⁵².

13 июня Владыка был доставлен во Внутреннюю тюрьму НКГБ СССР, откуда 20 сентября 1944 года переведен в Лефортовскую тюрьму, где содержался в камере №69, затем, 4 ноября 1944 года, переведен в Бутырскую тюрьму. В этот период Владыка подвергался многочисленным допросам, которые проводились в основном в ночное время. Во внутренней тюрьме владыка Иосиф находился в одной камере вместе с епископом Мануилом (Лемешевским, впоследствии митрополит Куйбышевский). «С М[итрополитом] Куйбышевским, – писал уже в 1974 году в Алма-Ате владыка Иосиф, – были вдвоем в камере 4 мес. на Лубянке. Потом он – на свободу, а я в Челябинск на 5 л[ет]. Читали два правила монашеские – это я. А он читал прекрасно, легко и скоро светскую литературу, которую нам давали. Под Преображение и Успение я обе службы (бдение) читал, что помнил и знал. Это – я в Челябинск, а он на кафедру, отбыв пять лет заключения...»⁵³ Его Бог наградил воспитанником, который и занял его Куйбышевскую кафедру – моляся у могилы в притворе собора с богомольцами... Епископ Иоанн имя ему»⁵⁴.

Из Москвы 13 ноября 1944 года епископ Иосиф был препровожден на доследование в тюрьму г. Ростова-на-Дону, где также подвергался многочисленным ночным допросам. При этапировании Владыке выдавались продукты: 650 граммов хлеба и 20 граммов сахара в день.

Архимандрит Иоанн (Алексеев):

«Летом 1944 года мне, как благочинному г. Таганрога, вдруг привезли Владыкин чемодан и сказали: «Владыка утонул, вот его вещи». В чемодане действительно были его вещи: серебряный напрестольный крест, облачение – саккос (у меня долгое время был его саккос, а потом я передал его в

Пантелеимоновский монастырь на Афоне, когда ездил туда), омофор, все облачение, кроме митры. Жезл раскручивающийся был в чемодане. Но я не мог поверить, что Владыка утонул, и стал его искать.

Потом я услышал, что Владыку в Киеве арестовали, повезли в Москву и из Москвы отправили в Ростов. Я сразу поехал в ростовскую тюрьму, повез ему передачу. Но в тюрьме для Чернова передачи не приняли, сказали, что он лишен передачи. Но мне было этого достаточно. Я убедился, что он жив и в Ростове.

19 августа 1945 года в Азове арестовали всех обитателей «Белого дома». Я продолжал служить в это время в Таганроге, но тоже готовился к аресту. Меня арестовали позднее, в день Усекновения главы Иоанна Предтечи сразу после Литургии. В 2 часа ночи отправили в Ростов и там посадили в тюрьму. Матушка Нина ростовская носила нам передачи⁵⁵. В период следствия, на первой неделе Великого поста 1945 года, в тюрьме умер от голода иеромонах Тихон (Хилько Трофим Павлович).

А предала нас Грушенька Фараонова. Она жила у нас в «Белом доме» и продавала свечи. (Мы сами делали свечи и крестики.) И она донесла на нас. Всех арестовали, а ее – нет, потому что она была ихняя. Она спала на одной койке с матерью Варсонофией (Варварой Алексеенко, моей родной сестрой), и Грушенька ее пожалела и не предала, не записала в список членов общины. А когда приехали общину арестовывать, всех назвали пофамильно, а матушку Варсонофию нет. Тогда она сама говорит: «Подождите, вы меня забыли». Грушенька ее сдерживает: «Тебя я не записала!» А она ответила: «Меня там запишут». И вместе со всеми была осуждена. (Ей присудили восемь лет и после еще четыре года добавили.)

В тюрьме нас содержали всех отдельно. И когда водили на допрос – лицом к стеночке ставили, если случится кому идти навстречу. Допрашивали нас каждый день, ночью допрашивали, когда спать надо: «Ну, расскажите, какими вы антисоветскими делами занимались, расскажите». Я говорил, что мы только служили и молились. А следователь протокол пишет и что-

нибудь вставит, от себя добавит, что мы, мол, против власти шли. Он зачитает, а я не подписываю это. Тогда он рвет протокол и уже другой пишет.

Еще у нас допытывались: «Вот вы все здесь записаны как мужья и жены. И уже много лет живете вместе, а детей ни у кого нет. Как это так получается?»

А потом Владыке устроили очную ставку с моим братом отцом Стефаном. Отца Стефана спрашивают: «Старика этого знаешь?» А он, не желая выдавать Владыку, говорит: «Ну что вы, в первый раз вижу». А Владыка подумал, что он ото всего отрекся, и потом отцу Стефану следователь сказал: «Эх ты, Владыка плакал, что ты от него отказался». Но из общины от Бога не отрекся никто, все подтвердили, что веруют в Бога. А владыка Иосиф был для нас духовным отцом, мы укреплялись его примером.

Потом был суд. На суде Владыка сидел на первой скамейке, а за ним другие. Владыка молчал, он скорбный был, все мы были замучены этими допросами. Суд проходил так: нас вызвали и приговор зачитали. Потом всех нас вывели, посадили в машину и повезли на Ростовский вокзал. Там в арестантские вагоны посадили и всех сослали кого куда. Мы с Владыкой ехали в одном вагоне от Ростова до реки Оки. Там нас разлучили. Меня отправили в Тайшет-строй, а Владыку в Челябинг».

11–19 февраля 1946 года Военный трибунал войск НКВД Северо-Кавказского округа в закрытом судебном заседании в г. Ростове-на-Дону в составе трех человек без участия обвинения и защиты рассматривал дело по обвинению Чернова И. М. и прочих обвиняемых в количестве 43-х человек.

На владыку Иосифа было возведено ложное обвинение в том, что он «...после освобождения из мест заключения по отбытии наказания в январе 1941 года прибыл к месту жительства в г. Азов, где переселился на жительство в нелегальный монастырь «Белый Дом» и проживал там на нелегальном положении до момента оккупации г. Азова немецкими войсками, т. е. до 1942 года. ... В период пребывания в указанном монастыре он наряду с религиозными обрядами

проводил монархические идеи среди участников монастыря и воспитывал их в духе неизбежности изменения в СССР политического строя, восхвалял царский режим. ... После занятия гг. Азова и Таганрога немецкими войсками Чернов в августе 1942 года прибыл в Таганрог, где немецкими властями был поставлен во главе Таганрогской епархии»⁵⁶.

Военный Трибунал В/НКВД Северо-Кавказского округа приговорил:

Чернова Ивана Михайловича по совокупности совершенных им преступлений на основании ст. 58–10, ч. 2 УК, с санкцией ст. 58–2 УК подвергнуть лишению свободы в ИТЛ сроком на 10 лет с поражением в правах сроком на 5 лет с конфискацией имущества. Как особо опасного государственного преступника, как организатора, направить в особый лагерь МВД. Зачесть срок с 4 июня 1944 года»⁵⁷.

Впоследствии сам владыка Иосиф писал: «Никаких речей (клянусь!) в пользу фашистов я не говорил в храме, кроме одной, и той исторически отвлеченной, в день восстановления на старое место в Таганроге памятника Петра I. Немецкие власти меня дважды сажали под арест: В Ростове – 3 суток, в Умани – 66 суток, требуя от меня, как старожила Дона, выдавать им евреев, комсомольцев и др., чего я не мог сделать и готов был за это в Умани смерть принять. Ей-ей, истина моих слов, как гражданина, хотящего быть чистым перед Матерью-Родиной. Что касается евреев, то я некоторым помог спастись от фашистов, а партизанам давал белье, деньги и завтраком кормил, ибо приходили рано-рано утром, и сам своими руками мыл им голову в своем кабинете и ноги. Клянусь, что это правда, как перед самим Богом!»

Еще Владыка рассказывал, что на следствии ему задавали такой вопрос: «Как Вы рукополагали неграмотных простых мужиков во священники?» Он отвечал: «На безрыбье и рак рыба». И еще говорил: «Лучше нет и не будет. Они, как и апостолы, малограмотные, но зато страдальцы и верные служители Богу».

Челябинский лагерь

Владыка был направлен в Челябинский лагерь особого назначения. Из Челяблага Владыка вел переписку со своим младшим братом Яковом Черновым и с другими близкими ему людьми. Но письма писал осторожно, кратко, умно – догадайтесь. «...Да у меня машина «ОСО» – две ручки и колесо». Это значит – на тачке возил землю или камни. Еще брату говорил: «От беса духовного отмолишься и открестишься, но от видимого врага – чекистов не отмолишься, не открестишься».

Снова был в заключении поваром. Готовил в огромном котле на 200 человек и к семи утра уже подавал завтрак. Вспоминал потом: «...Заклученные, пользуясь моей простотой и жалостью, подходили похлебку получать по второму разу». Ростовская и таганрогская паства помогала ему пережить годы заключения, посылая в лагерь посылки с продуктами и теплой одеждой. Однажды Владыка пишет: «Валенки украли». Решили, чтобы больше не крали, послать валенки разные – один черный, один белый. Так он и носил их.

В лагерь по просьбе Владыки всегда присылали табак, так как это – самое ценное для заключенных. За табак можно было достать все, что хочешь, и всегда тебе во всем за него помогут. Раз украли у владыки Иосифа топоры и пилы. Горсточка табака – и сразу нашлась пропажа; зеки и дрова помогли расколоть и напилить. Поэтому даже игумен Пимен (Извеков, впоследствии Патриарх Московский и всея Руси) высылал ему в заключение табак.

О своем пребывании в Челяблага и встрече там с владыкой Иосифом вспоминает Алексей Самуилович Сапожников:

«В 1940 году мне было 22 года, я пас коров в родной деревне. Меня арестовали и осудили по ст. 58, пункты 1-й, 10-й и 11-й. Я спросил на суде:

– За что вы меня судите? Я не понимаю.

Мне отвечают:

– Как за что? Ты не в колхозе?

– Нет.

- Не в комсомоле?
- Нет.
- Ну вот, кто не с нами, тот против нас.

И дали мне 10 лет тюрьмы. Сначала я попал в Северные лагеря под Воркутой, потом в Саратове был на военном заводе, а в 1946 году меня перевели в Челябинскую тюрьму.

Зона была на 5 тысяч человек. 50 бараков, оцепление, пулеметы, часовые. Это был настоящий ад... Когда много людей и все голодные, обозленные и, как львы, готовы тебя растерзать – не дай Бог быть между ними.

И вот среди этой публики заходит к нам однажды в барак человек. При виде его все зашевелились, все знали, что это – Архиерей, хотя он был, как и все заключенные, острижен и побрит. Я тогда в первый раз увидел владыку Иосифа.

Кроме основной работы (мы строили Челябинский металлургический завод), я работал в бане. То есть, когда все после смены шли получать ужин и спать, я шел и до 12 часов ночи убирал баню за добавочный черпак бедного супа и каши.

Заключенные мылись раз в десять дней. Все 5 тысяч человек поочередно проходили баню. И я должен был ежедневно убирать после всех.

В выходной день меня послали мыть ванну. В ванной мылось только начальство. Я помыл ванну, сижу. Вдруг заходит владыка Иосиф и говорит: «Мне разрешил Капустин». Капустин – еврей одесский, был зав. баней. «Если разрешил, – говорю, – пожалуйста, проходите». Он прошел, помылся, поблагодарил меня.

Потом слышу, в людях чуть не споры. Каждый хочет его, такого «крупного гуся» (так называли), в свою бригаду. Его уважали. Он хоть и зек, но не равнялся с нами. У него отношение к людям особое было. К нему тянулись, потому что, когда стоишь около огня, он тебя греет. Так и около такого человека.

Ну, а если идем в строю – пять человек в ряд, – он тоже идет на работу на стройку. Котелки гремят, а Маковский (был такой заключенный из Белой Церкви) орет что есть мочи: «Во це

вам коммунизм! Во це вам коммунизм!». Потому что все в одном строю, и никаких.

Я был в 13-й бригаде, владыка Иосиф – в 40-й. Мы работали по соседству. Владыка работал дневальным, охранял в бригаде вещи – котелки и все прочее. Это было нетрудно. Бригадир ему покровительствовал еще потому, что Владыка отовсюду получал посылки и со всеми делился. А вообще за свою бытность в Челябинской тюрьме Владыка работал и поваром на кухне (это считалось самым престижным), работал в больнице – ухаживал за больными.

Один раз я из-за болезни был освобожден от работы. Я не мог лежать целый день голодным и пошел шариться по зоне. Захожу в прачечную, а там Владыка в резиновых сапогах, в фартуке, с тазом. Он белье стирал! Стирал грязное белье, которое носили зеки. Их там более двадцати человек белье стирали, и он в этой куче. Почему? Чтобы не выходить на общие работы – это губительно. Там 35–40 градусов мороза, там места не найдешь от холода, от страданий, от муки. А здесь он стирает, потому что тепло и питания больше может перепасть.

Были у нас еще такие проверки: выгонят всех на мороз, а в это время конвой всю твою постель перевернет. Тебе велят раздеться. Ты стоишь на снегу голый, а солдаты все твои вещи проверяют и одежду в снег кидают.

Ну, а в воскресенье все по кучкам собирались. Кто там только не сидел! Были профессора, духовенства было много, помню, Архимандрит был из Ельца. Генералов я там, правда, не встречал, но полковники были. Так что в выходной день можно было найти любую компанию и на любую тему собеседников. Если жулики – они находили себе занятие по душе: кто-то в карты играл, кто-то танцевал, кто-то воровал. А вокруг Владыки, как и вокруг этого Архимандрита, кучка людей собиралась, которые по 58-й статье шли. И, значит, беседовали они. О чем Владыка говорил? О Церкви, о спасении души, о терпении. Как он утешал! Кто-то с обидой жаловался, как ребенок, что ему невыносимо то, да то, да то... Ну ни за что же нас осудили! А он добавлял к этому, что и святые люди тоже ничего плохого не сделали, а всякие муки терпели. Их и наказывали, и на кострах

жгли и резали, и все что хотите. Было это? Было. Мы не первые, не последние. Он говорил это сравнительно с тем, что нам тоже доля досталась терпеть эту казнь. Это не шутка – 10 лет без вины».

Ландыши
Посвящается честнейшему
о. иг. Пимену с любовью
Чтобы свет любви и радости
В нашем сердце не угас,
Целомудренные ландыши
По весне цветут у нас.
У весенней тихой зореньки
Нету краше той красы –
На стебле его, на тоненьком,
Две-три капельки росы.
Мудрость ветхая, далекая
Различала и цвета:
Скрыта в ландыше глубокая,
Неземная красота.
И не нами это сказано:
Белый цвет издревле свят...
Из букета, как от ладана,
Льется нежный аромат.
И не зря народы древние
От сердечных ран и мук
Обрели в нем средство верное,
Исцеляя злой недуг.
Из лесов весною раннею,
В тихом шепоте берез,
В мир печали и страдания
Ландыш нам принес Христос.

Это стихотворение было написано епископом Иосифом в годы заключения. Оно посвящено игумену Пимену (Извекову), служившему в то время ключарем в кафедральном соборе г. Ростова-на-Дону.

В Челябинском лагере произошел такой случай. Вызывает однажды владыку Иосифа начальник лагеря и говорит: «Иван

Михайлович. Я Вас вызвал для того, чтобы Вы помогли моей жене родить. Первый наш ребенок умер при родах, когда жене делали кесарево сечение. Сейчас снова приближается время ей родить, и врачи говорят, что по состоянию здоровья моей жены роды могут быть только с помощью кесарева сечения. Но она этого очень боится. А нам так хочется иметь ребенка! Я хоть и не верю в Бога, но Вы, говорят, чудеса творите! Иван Михайлович, сделайте доброе дело, помогите моей жене родить как положено».

«Я стал отказываться, – вспоминал Владыка, – но начальник настаивает уже в приказном порядке. Прихожу в свой барак и рассказываю эту историю одному своему другу-академику, с которым я всегда всем делился и которому доверял. Это был человек с большой буквы. И он дал мне совет – изготовить для женщины два порошка из хлебной соды и соли, что я и сделал. Вскоре снова вызывает меня начальник лагеря, и мы идем к его жене, которая встречает нас со слезами. Я прочитал молитву, дал ей эти порошки, она приняла их и в ближайшее время родила, как положено здорового ребенка. Сколько радости было, трудно описать! В этом лагере я пробыл несколько лет, и мне изредка приходилось этого младенца».

Владыка очень вкусно готовил и поэтому какое-то время работал поваром в офицерской столовой. «И часто, – говорил Владыка, – я тайно крестил детей офицеров по просьбе их жен. Пойдем гулять в лес, мать берет для ребенка водичку, у меня всегда было миро, молитвы я на память знал. И вот, гуляем, я прочитаю молитвы, водой ребенка окроплю, миром помажу. Это было неоднократно». Еще Владыка рассказывал, как в бане однажды он возводил одного священника в сан протоиерея. Там он прочитал молитву на возведение в сан протоиерея.

25 апреля 1948 года владыка Иосиф из Челябинска был направлен в особый лагерь МВД – Карлаг⁵⁸.

Яблоко от преподобной Пелагии

Раиса Семеновна Таборанская:

«Находясь в лагерях Челяблага и Карлага, владыка Иосиф вел с нами переписку. Наша семья с помощью добрых людей на протяжении 12 лет его заключения ежемесячно посылала ему посылки с продуктами. Одна из посылок пришла к Владыке накануне праздника преподобной Пелагии (8/21 октября). В лагере ее уворовали арестанты. Но один заключенный увидел это, отнял посылку и принес Владыке.

Я паковала эту посылку сама, у меня оставалось свободное местечко, и я по Божиему промыслу уложила яблочко. И когда Владыка обнаружил яблоко, он в радости и восторге души написал:

Дорогая и родная внучка

Раиса Семеновна!

Раньше всего мой тебе поклон и спасибо за красивое яблочко, которое было прислано мне тобою в ящичке, ко дню святой Пелагии. Эту посылку я получил вечером под день преп. Пелагии. Конечно, эта посылка если не тобою самой так назначена и приурочена к 8/Х, то не случайное дело, а промыслительное. Ей-ей, дорогая. Особенно яблоко, ей-ей, дело Божие. Если ты эти слова о яблоке заинтересовали или ставят в недоумение и оно было послано только как случайно попавшееся в твои руки и любовь твоя его послала деду – то вот что: когда писался акафист в Азове в начале 1942 года и был летом в июне окончен, то тот муж-юноша, инок, писавший его и окончивший в день его канонизации, то есть когда бы его впервые за Богослужением прочесть и благословить, – очень смущался, будут ли приняты преподобной эти малые его труды, не отвергнет ли Господь эту похвалу Его подвижнице как недостаточную и недостойную.

Он, юноша, тот инок, очень томился духом и молил Господа дать указание. Молил преподобную принять или отвергнуть. Накануне того дня, когда был прочитан за Богослужением акафист, под утро, этот скромный автор и недостойный творец

акафиста видел сон такой. Ей-ей, это правда, пишу эти строки по совести своего звания!

Он видит себя в очень большом красивом, красивом саду (красивее красивой и волшебной Софиевки)⁵⁹, там было много павильонов разных форм и стилей. Этот автор, как бы еще мальчик в штанишках и рубашечке только, поражен красотой сада и павильонов. Он волнуется, боится, и никого из людей там нет; сад – отблеск райской красоты на земле, и павильоны величественно стоят. Он вбегает в один из павильонов, состоящий из цветного металла и толстого стекла. Там чудные вокруг прилавки и полки, а на полках до потолка ряда в четыре стоят разные красивые, красивые корзинки с разными фруктами, ему незнакомыми, невиданными красивыми фруктами.

Мальчик-юноша, автор этот, с расширенными зрачками и бьющимся сердцем смотрит на всю эту безмолвную красоту, и вдруг влетает белая, белая голубка с красным гребешком на голове и, облетев несколько раз вокруг единственного этого человека, села наверх полки на край плетеной из золотых прутьев корзинки, которая была полная красивейших золотисто-красных яблок, и, ранив одно яблочко клювом, сбросила, и мальчик-автор на лету подхватил то яблоко и от восторга вскрикнул: «За одну копейку такое чудесное яблоко!» И проснулся с полными слез глазами и биением сердца.

Автор, конечно, понял, что его хотя и копеечный труд, но принят преподобной и сам он еще малый, малый человек...

Тот святитель, Нонн святой, обративший в христианство Маргариту (Пелагию), видел во сне, что он литургисал и черная, смрадная голубка летала вокруг престола, а после Литургии, когда он выходил из храма, она опять летала вокруг его головы, и, когда он приблизился к выходу, направо был баптистерий, где крестили людей взрослых, он схватил ту голубку и трижды окунул в купели, она мгновенно стала белая, белая, и ароматом залило весь храм, и она скрылась в небесной голубой выси...

В Антиохии, куда он, Нонн, ехал, пришлось ему крестить Маргариту в Пелагию. Вот почему Пелагия преподобная и называется «голубицей», и в самом припеве так называется...⁶⁰ И сегодня неслучайное яблочко! Такого красивого и вкусного я

еще не ел в жизни своей, хотя и бывал в Крыму, жил на Кавказе и ел другие яблоки, вот как! Слава, слава Богу.

Дед.

Рука болит немножко и дрожит. Да скоро, может быть, увидимся. Дай Бог. Вам поклон и спасибо.

Жуя, с удовольствием вкушаю».

Вот так Господь обрадовал Владыку в заключении и, утешая, вознаградил его райским яблочком из сада преподобной Пелагии. Тогда в Умани Владыка подарил моему отцу икону преп. Пелагии и сказал: «Оставляю я эту икону в Вашем храме, ибо там есть частица святых мощей преподобной, храните, празднуйте этот день всегда, молитесь преподобной Пелагии"».

Карагандинский лагерь

С 1948 по 1954 год владыка Иосиф находился в Карагандинском лагере МВД, в Песчаном отделении лагеря и в отделении Актас. Там он работал на строительстве кирпичного завода и некоторое время был санитаром в санчасти отделения.

Архимандрит Наум Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, при своем посещении митрополита Иосифа в Алма-Ате, слышал от него следующий рассказ:

«Медсестра Евгения Иосифовна ушла из лазарета, где лежала беременная женщина, на прогулку с инженером. По графику женщина должна родить через восемь дней. И вдруг – родовые схватки, начались роды. Санитарки – бежать от страха, кричат:

– Иван Михайлович, Владыка, помогите!

– Да что же, я ведь не женщина, а я мужчина, и мне не положено. Вы сделайте, что можете, сами помогите ей.

– Ой, мы боимся, помогите!

Пришлось Владыке идти принимать роды. И Владыка рассказывал, как он пришел, и как женщина эта мучилась – у нее были сильные схватки, потом стала рожать, а Владыка помогал младенцу выйти на свет. Родился мальчик. Владыка отрезал пуповину, потом младенец закричал. И когда младенец закричал, Владыка отдал его матери, чтобы он взял грудь, и младенец начал грудь сосать.

Прибежала медсестра:

– Ой, Владыка, прикройте меня, ведь я с дежурства уходила!

– Ничего, не плачь, все уладится, тебя не будут ругать...

Этот младенец, когда подрос, навещал Владыку в Алма-Ате».

Сохранилось письмо, написанное Владыкой в последний год своего заключения. Оно было адресовано в Таганрог, хорошей знакомой владыки Иосифа монахине Нине, которая вместе с другими почитателями поддерживала его в период заключения:

2 мая. Воскр[есенье]. Дождь. Снег. Холод.

Преподобнейшая М. Нина!

Спасибо за поздравления. Спасибо за память, спасибо за хлопоты, труды и расход – посылка хорошо доехала, и в пятницу на святой ее мне вручили. Воскресное благословение и целование Дому, где обитаете, и техническим исполнителям посылки и писем, и открытки! Слава Богу, что Вы здравствуете еще и Бога славите. Мир мног Вам от Бога и рай Христов на небе! Передайте мой поклон и Христово лобызание тем, чья душа еще благоволит к моему смирению. Да воздаст им Господь, теперь и тогда, здесь и там...

Я, Слава Богу, здравствую и все еще работаю, хотя и 4 июня не за горами. А числа 25 мая куда-то перееду, а куда – Бог знает: я еще ничего не знаю. За все слава Богу. За все-все и за всех-всех!

Так мало, мало чего-либо знаю обо всех вас и вообще за Церковь. Но скоро многое и мне будет известно. На могилках послезавтра Вы будете, и полагаю, там и мя вспомните и метнете свой взор одесную могилки Ар[хиепископа] Ар[сения], где бы я хотел лечь отдохнуть до общего Воскресения мертвых. Будете и у дорогих старичков⁶¹. Ах, как дорог был момент моего прощания с во гробе лежащей 17 июня в 6 ч. вечера на кладбище у могилы. Помните ли?⁶²

Всего доброго! Еще раз Спасибо за пос[ылку].

До свидания!

Е[пископ] Иосиф.

Годы ссылки

4 июня 1954 года исполнилось 10 лет с момента ареста владыки Иосифа в г. Киеве. В этот день он был освобожден из Карлага и этапирован в ссылку на поселение в Кокчетавскую область, Алабатинский совхоз, поселок Ак-Кудук Чкаловского района. На поселении Владыка 10-го, 20-го и 30-го числа каждого месяца должен был являться в местные органы милиции на отметку. Кроме того, от Владыки потребовали подписать следующий документ:

«Я, спецпереселенец Чернов И. М., даю настоящую расписку в том, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года о том, что я выслан навечно и за самовольный выезд (побег) из места обязательного поселения подлежу привлечению к уголовной ответственности и осуждению к 20-ти годам каторжных работ»⁶³.

Владыка рассказывал, что ссыльных в алфавитном порядке заставляли расписываться под этим документом. Некоторые не соглашались, отчаивались, теряли сознание. Фамилия Владыки стояла по списку в числе последних, но он, видя, какое потрясение испытывают люди, вышел, расписался первым и спокойно сказал: «Нет ничего вечного под луной. Братья, подписывайтесь, это не на всю жизнь».

10 апреля 1956 года постановлением Генерального прокурора приказ о вечном поселении был отменен.

Ак-кудук⁶⁴

Рассказывает протоиерей Валерий Захаров, настоятель Свято-Никольского собора, г. Алма-Аты:

«Вспоминается один случай из того периода жизни Владыки, когда он после освобождения из Карлага был направлен в ссылку на вечное поселение в Кокчетавскую область. Он проживал в глухом селении Ак-Кудук и был лишен права священнодействовать. Однажды под вечер Владыка услышал тревожный стук в окно. Подойдя к окну и отдернув занавеску, он увидел, что у окна стоит женщина. Владыка открыл дверь и вышел к ней. Но не успел он еще задать ей вопроса, как женщина, отчаянно плача, стала умолять Владыку окрестить ее ребенка, который недавно у нее родился, а вот сейчас на ее глазах умирает. А она, как человек верующий, знает, что, если ребенок умрет некрещеным, он не будет наследовать Царства Небесного, и просто требовала от Владыки, чтобы он пошел и совершил таинство Крещения.

И Владыка рассказывал: «Передо мной встала дилемма: что делать? С одной стороны – пастырский долг повелевает мне совершить это таинство, так как ребенок умирает и его мать пришла ко мне с последней надеждой, поскольку другого священнослужителя здесь нет на многие десятки километров. И я не имею ни духовного, ни архипастырского права ей в этом отказать. А с другой стороны – ведь я здесь на виду, и, если совершу крещение, завтра же об этом станет известно в НКВД, и на меня заведут новое политическое дело. Ведь меня предупреждали, что совершать богослужебные действия мне запрещено, и я давал расписку, что в случае нарушения этих правил мне грозит новый срок – минимум пять лет. Что делать?» И тогда Владыка принял, как он выразился, «соломоново решение». Он сказал: «Хорошо, успокойтесь и не вопите. Запеленайте своего ребеночка, возьмите ведро и идите к колодцу, как будто за водой. И я тоже возьму ведро, и вот давайте через такое-то время встретимся у колодца». А у Владыки вместе с запасными Дарами хранилось и святое Миро. Один палец Владыка помазал елеем, другой – святым Миром,

взял ведро и пошел к колодцу, где его уже ждала женщина со своим ребенком. И дальше для внешнего наблюдателя показалось бы, что у колодца происходит такая игра – дедушка забавляется с младенцем. Но на самом же деле происходило таинство Крещения. «Я как бы немножко склонился над младенцем, – рассказывал Владыка, – а сам в это время быстренько-быстренько прочитал положенные молитвы, помазал елеем, окропил его колодезной водой, помазал святым Миром. А утром пришло известие, что этот ребенок умер. Но я был счастлив, – говорил Владыка, – что выполнил свой пастырский долг, и душа ушла в жизнь будущего века не погибшей». В дальнейшем, когда Владыка жил уже в Кокчетаве, эта женщина неоднократно приезжала к нему и в знак благодарности за спасенную душу своего ребенка привозила для Владыки свои домашние пироги».

В 50-е годы в Казахстане началось освоение целинных земель. Владыке Иосифу было уже за шестьдесят, но его все еще вынуждали физически работать: в совхозе Алабатинском возил на быках воду для освоителей целины. Но здесь, как и все предыдущие годы заключения, он был лишен самого главного – возможности посещать Церковь. Владыка истосковался по церковным Богослужениям и в июле 1954 года обратился в Кокчетавское Областное МВД со следующим прошением:

«Прошу Кокчетавское областное МВД перевести меня на дальнейшее жительство в г. Кокчетав. Просьба моя исходит из следующего: звание мое, преклонность лет (62 года) и религиозные потребности требуют, чтобы я жил там, где есть церковь, где я мог бы, как верующий христианин, удовлетворять свои религиозные потребности. Убедительнейше прошу удовлетворить мою просьбу.

Чернов И. М. (Епископ Иосиф) 19/VII.1954 г. Селение Ак-Кудук»⁶⁵.

Ходатайство Владыки было удовлетворено, и ему разрешили проживать в г. Кокчетаве.

Кокчетав

Владыка Иосиф приехал в Кокчетав – совершенно незнакомый ему город, где он никого не знал и его не знал никто. Владыка не имел средств для пропитания и нигде не мог найти для себя приюта. Но Господь не оставил его своим попечением. Владыку в свой маленький саманный дом, расположенный на улице Советский (бывшей Копинской), на берегу озера Копя, приняла казахская семья.

Сапаргали Мухамедвалиевич Кенжегарин (г. Кокчетав) вспоминает о митрополите Иосифе:

«Владыка Иосиф пришел в нашу семью в 1954 году, когда целина началась. Отец наш до войны учителем был, начальником школы. Потом Финская война началась, в 39-м его в армию забрали, затем – Отечественная. В 42-м отца контузило, он инвалидность получил, с войны вернулся, женился. Мы родились, и в 1952 году умерла наша мать. Нас после матери осталось четверо детей – Кульмайрам, 1943 года рождения, я с 1945 года, Майра с 1950-го и маленький Молдагали с 1952 года. После смерти матери отец женился. Незадолго до прихода к нам Владыки, в 1954 году, у нас умер дедушка, и, когда Владыка пришел в нашу семью, мы, дети, стали называть его «Ата», что по-русски означает «дедушка». Как дедушка он нам был.

Отец рассказывал, что Ата до приезда в Кокчетав работал в совхозе Алабатинском Чкаловского района, что в ста двадцати км от города, в бригаде, целину поднимал. Он возил на быках воду по бригадам. Быки от жары бежали и прятались в болото, стояли там целый день и не хотели выходить. А он скотину не бил, не трогал. Из совхоза наш родственник по материнской линии привез его в город и завез к нам: «Так и так, – говорит, – ссыльный он, будет здесь сидеть и отмечаться». И так у нас остался в доме. Дом наш был старый, маленький, саманный – кибитка из двух комнат. Он жил в одной комнате вместе с нами, детьми. В церковь ходит, помолится. Молился он всегда. Обед приготовит, воды принесет чистой из родника, дрова напилит. Молдагали тогда в пеленках был, он с ним нянчился. Выйдет на

улицу, с соседскими детьми пошутит. Он заботился о нас. Ата Иван Михайлович был золотой человек. Он никогда никого не обижал, он уважал людей, простой был человек. Он добрый был, всех любил, ничего злого не делал, слава Богу! Отец рассказывал – Ата знал, если какой человек сидит и плохое думает, хочет кому-то плохо сделать – он уже знает.

Он нигде не работал – старый человек. Посылки ему присылали. Я как помощник при нем был, ходил вместе с ним на почту посылки, письма получать. На озеро ходили с ним гулять – озеро возле нашего дома называется Копа, в фотографию с ним сходили, сфотографировались⁶⁶.

Потом он уехал в Петропавловск, мы со старшей сестрой приезжали к нему в Петропавловск. Он хорошо нас принимал. А он из Петропавловска в Кокчетав приезжал, служил здесь в церкви. Виктор⁶⁷ пришел к нам, сказал: «Ата приехал в церковь». Мы пошли с Молдагали в церковь Ата посмотреть. Пришли, посмотрели, повидались с ним. А уже после армии я приезжал к нему в Алма-Ату. Почему приезжал? Потому что я хотел с ним повидаться. Он нам как родной отец был, даже лучше, и мы любили его, когда были маленькими детьми».

Надежда Григорьевна Казулина, г. Ташкент:

«В 1954 году мой отец Григорий Тимофеевич Казулин по нашим семейным делам находился в Кокчетаве. Проходя по улице города, он увидел нищенски одетого человека. Отец понял, что это ссыльный и что он – духовное лицо. Отец подошел к нему и заговорил. Поскольку по виду моего отца тоже можно было определить, что он верующий человек, то ссыльный сказал отцу, что он епископ Иосиф. Тогда папа снял с себя теплую одежду, одел на Владыку. Владыка повел отца в маленький саманный дом, где его приютила многодетная казахская семья. Там они побеседовали.

Владыку, как ссыльного, никто не хотел принимать в свой дом. И Владыка был рад жить в этом доме, хотя там было много вшей. Отец, чем смог, помог ему и поехал домой в Ташкент.

В Ташкенте он сразу пошел к епископу Ермогену и рассказал ему о своей встрече с владыкой Иосифом. И из Ташкента в Кокчетав Владыке послали посылки с одеждой, обувью и

служебными книгами. Все время, пока он находился в Кокчетаве, ему присылали из Ташкента посылки, что очень его поддерживало.

И отец мой, когда владыка Иосиф уже служил на Алма-Атинской кафедре, каждый год ездил к нему в Алма-Ату. Владыка с любовью его встречал, уделял много внимания, возил с собой на машине и говорил: «Это тебе за КОК-ЧЕ-ТАВ!».⁶⁸

Антонина Васильевна Козлова, г. Кокчетав:

«В 1954 году в нашей Михайло-Архангельской церкви появился владыка Иосиф. Он был сослан в Кокчетав. Сначала он жил в одном из аулов Кокчетавской области, в юрте. А в Кокчетаве его приняла казахская семья, и он жил у них в доме. Русские взять его на квартиру побоялись, потому что исполком запрещал принимать ссыльное духовенство. За Владыкой строго следили местные власти. И первое время люди боялись даже под благословение к нему подходить, потому что это тоже запрещали. Также не разрешали подпускать к нему детей.

По воскресным и праздничным дням Владыка приходил в церковь на богослужения. Служить ему было запрещено. Разрешили только в алтарь заходить причащаться. Ему не разрешали даже петь и читать на клиросе. Поэтому Владыка становился за печкой-контрамаркой, стоявшей в правом крыле крестообразно построенного храма, и там возносил Богу свои молитвы⁶⁹. Женщины, зная, что за печкой молится Архиерей, стали стелить там для него круглый домотканый половичок. А Владыка стоял за печкой и плакал. Особенно плакал он во время Литургии. У меня был хороший голос, я пела на клиросе и часто солировала, когда хор пел «Херувимскую песнь», «Милость мира...», «Царскую» ектенью. Владыке нравилось мое пение, и, бывало, он так уплается, что старушки подходили ко мне и просили: «Ты хоть не пой, он ведь плачет стоит, Владыка наш». Я выхожу с клироса, Владыка подойдет ко мне, по голове погладит и тихонько пропоет: «Многая лета! Многая лета!»

Со временем люди полюбили его, стали подходить к нему под благословение. Народа много приходило в то время в церковь, и к Владыке за благословением, бывало, целая очередь выстраивалась. В ворота только заходит, а к нему уже бегут под

благословение. Помню, он благословляет, а я смотрю на его руки – нежные, как у младенца. Потом разрешили давать ему пищу, и люди стали приносить ему хлеб, продукты. А он все, что подадут ему, все раздаст. Нам на клирос принесет, но особенно старался нищих, детей и стариков наделить. Многих людей кормил Владыка, Царство ему Небесное! Часто он приходил задолго до начала службы, садился в церковной оградке на скамеечку, его окружал народ, и он подолгу с народом разговаривал.

Через два года Владыку перевели в Петропавловск, и, когда он уезжал, все на коленях стояли и плакали. И приезжал он к нам из Петропавловска уже как правящий архиерей, на престольный праздник Архистратига Михаила. Мы встречали его с радостью. Он служил, пел хор, и снова говорил мне Владыка «Многая лета!» за мое пение. Вот так и намолил он мне многая лета – 90 лет мне уже, а я все живу!»

Сохранились письма, написанные епископом Иосифом из Кокчетава в Таганрог.

17 сен[тября] [19]54.

Варвара Никитишна, Юрина мама, маленькая Ниночка и все-все родные!

Радость от Господа, мир сердцу вашему да будет с вами во все дни ваши.

Спасибо, спасибо за нрзб.. Получил сегодня, 17 сект. Да воздаст Вам Сама Матерь Божия за вашу милость ко мне – Ея смиренному служителю. На много, много лет я, по грехам моим, лишен этого счастья – служить и бубенцами звенеть... Но у Бога, как говорится, добра много... Надеюсь, и мы паки воскадим кадилом фимиам пред Его св. Алтарем! На все время и преподобное терпение... без нервности и нетерпеливости...

Теперь здесь я по праздничным дням бываю в церкви и среди народа Божия – молюсь. Хожу по-мирскому и в бушлате еще из лагеря. Не хочется мне добывать мирского платья, когда мне подобает носить положенное... Да устроит сие Сам Господь Ему ведомыми судьбами и тогда, когда придет мой час. А час этот может быть в любой день... ждать и терпеть... Надо иметь наготове рясу, подряс[ник] и остальное... Пусть лежит.

Ах, все мое пропало, и как же? А? А? Вероятно, так Богу угодно. Но любят люди в беду павшаго человека, тянут его вещи, как с пожара... Аминь, аминь, довольно – успокойся, сердце, вспомни, что ты – монах! Архистратиг Михаил да молит Бога о нас! А Александр Невский да хранит нашу страну!

Е[пископ] Иосиф.

(Здесь есть базар, шапочку теплую надо.)

23 окт[ября] [1954]

Спасибо за все-все всем. Да воздаст Господь и Вам, и всем добрым людям! У нас уже холода со снегом и морозами до 10 гр[адусов]. Спасибо за обещанное. Будет ряса и клобук – снимусь и пришлю в Таганрог фото – посмотрите Старичка. Что есть возможно из теплой одежды – пришлите. Ой, здесь зима не так люта морозами, как ветрами – буранами.

Всего всем-всем доброго!

Озеро Копа бурлит, гора⁷⁰, как заброшенная могила, молчит, казахи беспрестанно чай пьют... как утки...

18 дек[абря] [19]54

Мир Вам и привет, М. Нина!

Спасибо за посылку и особенно подрясник. Точь-в-точь. В нем можно ходить, в нем можно и спать. Мир Вам и еще раз за всю посылку. Спасибо. Да, Ваня Петрович мне прислал рясу, подрясник, клобук и белья пару. Мир ему и Спасение за труды и решение сие, мне сделать!

1955 г.

Я живу пока как на станции, без стола, без икон, без лампадки, но кровать есть. Все жду, обещают. А может, в августе и комнату, и святой угол, и аналои буду иметь у самой церкви. Все от Бога! Будем этому верить!

Мир храмам и городу и Св. Алтарям во граде.

Е[пископ] Иосиф.

14 дек[абря] [19]55 г.

Мир душе и привет М. Нине!

Спасибо за вчерашнюю открыточку. Спасибо за будущий, может быть, пояс кожаный монашеский! А Ваш, тот, алый бархат[ный], пояс я подарил одному иерею, вышедшему

недавно на волю, и тот Ваш подрясник. Так чрез нашу совесть – Бог велит!

Спасибо за будущ[ую] пос[ылку] – с гостинцами – ястями и сахаром, и, может быть, вложите кофе? Я и живу тем, кто что пришлет по почте – и все! Так рад, рад, что Вы заботитесь о мне... Мир Вам!

Я жду от Святейшего ответ на мой вопрос и просьбу... Тогда напишу! Рано еще! Но я на старом месте и при старом юридическом положении... А почему – мне неизвестно!

15 февраля 1956 года владыка Иосиф из г. Кокчетавы направил к Генеральному прокурору СССР следующее обращение: «Я, Чернов И. М., в 1944 году был осужден по ст. 58–10 сроком на 10 лет ИТЛ. ... В мае месяце 1954 года я был освобожден с последующим проживанием в ссылке, находясь под гласным надзором. В сентябре 1955 года вышел в свет Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистировании лиц, совершивших преступление в 1941–45 гг., находящихся в заключении или отбывших его. Согласно статье, по которой я осужден, данный указ должен распространиться и на меня. Согласно пунктам данного указа, я так же должен быть амнистирован. Но проходит уже полгода, а я нахожусь еще на ссылке, терзаясь ожиданиями, а чего – и сам не знаю. Прошу Вашего вмешательства, чтобы удовлетворить мою просьбу».

Подобное заявление было сделано владыкой Иосифом и 20 декабря 1955 года на имя председателя Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова, где он, в частности, писал: «...В Челябинском и Карагандинском лагерях все 10 лет, как один день, ежедневно выходил на развод для физических работ. В Челябинске работал в лучшей ударной бригаде и имел честь быть на Красной доске как землекоп... А в Караганде, на Актасе, на постройке нового кирпичного завода, был в известной передовой бригаде Мироненко. А поэтому смею иметь моральное право просить Вас применить ко мне Указ от 17 сентября сего года». 28 января 1956 года на это обращение последовал ответ: «Управление МВД по Кокчетавской области. Прошу объявить ссыльнопоселенцу Чернову И. М., что его заявление, адресованное на имя председателя Верховного

Совета СССР, с ходатайством об освобождении из ссылки рассмотрено и в просьбе отказано». [Архив Департамента КНБ по Акмолинской области, г. Кокшетау. Д. 3378.]

Так рад и доволен бываю в храме за богослужением. В больш[ие] праздники здесь я в полной форме и причащаюсь. Люди довольны хотя «немного» архиерея повидать, и любо им полюбоваться на мантию, более чем на самого Святителя! Слава Богу! Но я нигде и ни у кого здесь не бываю в доме. Три дороги: храм, дом священника и еще один дом на берегу озера, где мне стирают белье и раз в неделю моют голову дождевой или из снега водой!

А живу у магометан-казахов по-старому. Там! грязь восточная и дым, но себя там чувствую как дома, лучше, чем в доме добрых священника и его законной, доброй матушки!

Вот так оно и есть, и долго ли оно так будет – знает Бог, а может быть, и Святейший Отец наш Патриарх!

А вот-вот и Чудотворец наш Николай – буду тот день переживать, вспоминать и здесь по своему торжествовать!

Храни Вас Мать Божия!

Мой поклон Храму, граду и всем добрым людям!

Е[пископ] Иосиф.

Четверг на светлой неделе, [19]55 г.

...Вот и весна. Весна так желательна после ветров и буранчиков. Озеро вот-вот вскроется. Это украшение и питание нашего скромного (пока) города. А гора – бабушка, скоро будет переоблачена из белой в зеленую ризу. Буду ходить опять на берег озера и на гору. 10 дней дважды в день.

Ходил в храм Божий. До него 2 километра. Когда сухо – хорошо, а когда грязь – подвиг! На Пасху было в церкви много людей, а вообще здесь плохо посещают церковь. Все суета и лень и отсутствие вкуса к богослужению. Так я полюбил Божию службу с 7-летнего возраста и никем не быв научен. Слава Богу!

Е[пископ] Иосиф.

9 декабря 1955 года владыка Иосиф получил от Святейшего Патриарха Алексия I разрешение на проведение богослужений в церкви г. Кокчетав, о чем управляющий Казахстанской епархией епископ Ташкентский Ермоген сообщил уполномоченному

Совета по делам религии. Но уполномоченным не был выдан Владыке разрешающий документ – регистрационная справка, без чего совершать богослужения Владыка не имел права⁷¹.

Освобождение из ссылки. Служение в Петропавловске

6 апреля 1956 года совершилось радостное, долгожданное событие. Владыка Иосиф был «...освобожден от дальнейшего нахождения в ссылке на основании приказа Генерального Прокурора СССР и КГБ при СМ СССР от 19 марта», о чем сам он расписался в Управлении МВД по Кокчетавской области: «Мне, Чернову, объявлено, что я из ссылки на поселении освобожден без снятия судимости⁷². Справку получил к сему 6 апреля 1956 года»⁷³. А 1 июня 1956 года владыка Иосиф был назначен настоятелем Михайло-Архангельского храма г. Кокчетав⁷⁴. Через месяц владыка Иосиф был переведен в г. Петропавловск и назначен почетным настоятелем собора святых апостолов Петра и Павла.

В этот период находившийся на Алма-Атинской кафедре архиепископ Иоанн (Лавриненко) при личном свидании с Патриархом Московским и всея Руси Алексием I имел с ним беседу, при которой Его Святейшество выразил пожелание, чтобы владыка Иосиф был устроен в Казахстанской епархии соответственно его высокому сану, и заверил архиепископа Иоанна, что в скором времени владыке Иосифу можно будет выделить часть Казахстанской епархии для управления. Но до своего назначения викарным епископом владыка Иосиф имел право служить только как простой священник⁷⁵.

Нина Федоровна Ярофеева, г. Петропавловск: «Владыка Иосиф приехал в Петропавловск в 1956 году накануне праздника Петра и Павла. И первая его служба была в день престольного праздника Петропавловского собора (собор этот называют еще подгорным, потому что стоит под горой). На Литургии он говорил проповедь на Евангельскую тему о Первоверховных апостолах и сам при этом плакал. Первое время он служил в Петропавловске как простой священник, иерейским чином или, приходя в храм, молился в алтаре. И служить ему было разрешено первое время только под горой, в Петропавловском соборе.

В Петропавловск в 20-е и 30-е годы было сослано много духовенства и монашествующих. Особенно много здесь проживало матушек из разоренного в 1925 году Верхотурского женского монастыря. Они старались селиться возле Всехсвятского храма, и поэтому домики вокруг храма были монашеские и Всехсвятская церковь называлась монастырской. Хоронили матушек на старом кладбище у ТЭЦ. Там была целая аллея, где похоронены ссыльные монахини. И среди них был погребен игумен Николай (Римша), который умер здесь, тоже находясь в ссылке. На Радоницу владыка Иосиф вместе с монахинями пошел на кладбище, и они рассказали ему об игумене Николае из Таганрога, которого здесь похоронили, и показали его могилу. «Так это он!» – воскликнул Владыка. Он был близко знаком с ним по Таганрогу и очень его почитал. И Владыка поставил на могиле игумена Николая хороший деревянный крест и часто посещал его могилу⁷⁶.

Я помню игумена Николая: худенький, в рясе и скуфеечке, жил он у кого-то из монахинь и всегда на богослужениях во Всехсвятской церкви сидел (потому что был очень болен и не мог стоять) под образом Казанской Божией Матери».

После праздника апостолов Петра и Павла владыка Иосиф поехал в Москву к Патриарху Алексию I. Затем посетил в Могилеве свою мать и брата. Из Могилева Владыка писал своим близким:

«30 июля
1956 год.
Могилев.

Привет м. Нине из Могилева! Уже вторая неделя, как гощу у Матери и родных. В субботу и Воскресение служил в местном храме. Весь город пришел посмотреть и помолиться... Море голов и множество цветов!

Митрополит Минский Питирим на мои службы прислал из Минска протодиакона, иподиаконов и ризницу. Да воздаст ему сам Господь миром, здравием и многолетием!

На днях еду в Ростов и Таганрог на несколько дней, так как к Преображению Петропавловск ждет.

Там ведь место моего служения.

На Петра и Павла отслужил в Петропавловске.

День Преп. Сергия три службы совершил в Лавре Преп. Сергия.

Был в Москве у Святейшего. Так все хорошо и: слава Богу за все!

Е[пископ] Иосиф.

Затем Владыка побывал в Ростове и в своем любимом городе Таганроге. Он увидел его боголюбивых жителей, которые в тяжелые времена поддерживали его и ждали его возвращения. Владыка не любил вспоминать прошедшие тяжелые годы, а благодарил Господа за то, что еще раз посетил эти края и встретился с теми, кто был дорог его сердцу.

Алевтина Федоровна Дикарева (Хабарова), г. Ростов-на-Дону:

«В 1956 году летом Владыку освободили. Сначала он поехал в Москву к Патриарху Алексию, а оттуда приехал в Ростов. Мы жили уже в Ростове, в комнате на подворье Всехсвятской церкви, и Владыка у нас остановился. Он приехал 29 июля, в день моего Ангела, и три дня у нас погостил. О приезде Владыки узнали верующие ростовчане, которые хорошо его помнили, и потянулись к нему. Кто общался с Владыкой, тот чувствовал благодать, исходящую от него, и было желание всегда его слушать. Целыми днями он с людьми во дворе разговаривал, а ночами почти не спал, молился и клал земные поклоны.

Он пришел на службу в Ростовский кафедральный собор и стоял среди народа в подрясничке своем простеньком и в плаще. Муж мой, о. Владимир, его в алтарь приглашал. Владыка отказался: «Нет, – говорит, – я в народе постою». Потом к владыке Флавиану в гости ездили, он машину прислал за владыкой Иосифом, о церковных делах говорили.

Из Ростова Владыка поехал в Таганрог и в Азов, навещал своих знакомых и вернулся в Петропавловск к Преображению».

22 ноября 1956 года Указом Священного Синода владыка Иосиф был назначен епископом Петропавловским, викарием Алма-Атинской епархии⁷⁷.

Своей радостью Владыка поделился с близкими ему таганрогцами:

«6 дек[абря] [19]56.

Добрая М. Нина! Еще раз за «ризу светлую» спасибо. Имена записал на палице... Вас молодежь любит заочно – карточку Вашу стащили... Мой поклон о. Владимиру и всей, всей, всей во Христе братии. Как поживаете? Икону пришлите – ибо я остаюсь здесь навеки – вчера Москва прислала Указ о бытии [мне] Петропавловским, викарием Казахстанским. Архиепископ – в Алма-Ате. Я – Петропавловск. Он – на Юге. Я – в Северной части епархии. Я весьма хотел этот город, этот Собор и получил. Здесь так тихо, и молитвенно, и хорошо! Я человек скромный – мне везде хорошо! Спасибо за все. Пишите!

Иосиф. Епископ Петропавловский.

Погода сносная. В Соборе тепло.

Это Николай Римша хлопотал за меня – сюда на -кафедру... Его здесь Могила.

Поклон богоспасаемому Таганрогу.

Мир ему и покой и благодати море!»

Нина Федоровна Ярофеева, г. Петропавловск:

«В Петропавловске, неподалеку от Всехсвятской церкви, располагались покои убиенного в 1918 году епископа Петропавловского и Акмолинского Мефодия. Владыка Иосиф потратил много времени и сил, чтобы найти могилу епископа Мефодия, но она до сего дня так и остается неизвестной. Но в подвале Всехсвятской церкви были найдены дикири-трикири и прочие атрибуты для архиерейского богослужения, принадлежавшие епископу Мефодию. Владыка Иосиф использовал их, совершая свои первые архиерейские службы.

Когда же он первый раз шел в собор совершать архиерейское богослужение, весь народ встречал его с зажженными свечами. Владыка зашел в церковь – и расплакался. Ему надо слово говорить, а он расплакался оттого, что его так торжественно встретили. Он привез с собой икону Божией Матери – благословение Патриарха Алексия. Она хранится в алтаре Петропавловского собора.

Первый год Владыка в церковь ходил пешком. Потом приобрели машину. Когда Владыка служил, постилали простые домотканые половички. У него не было даже своих покоев. На жительство его сперва разместили в церковном доме по улице Коминтерна. Там жил псаломщик со своей семьей, и на веранде жил протоиерей. Владыке была отведена небольшая дальняя келья.

Через некоторое время купили дом в центре города на улице Мира, отремонтировали его, посадили у крыльца деревья, разбили клумбы, цветы рассадили. Этот дом стал Епархиальным Управлением, и здесь же Владыка стал жить. Рядом располагался дом благочинного протоиерея Сергия Ногачевского. Часто Владыка уходил молиться на берег реки Ишим. Там около камня было у него излюбленное уединенное место.

Игуменья Верхотурского женского монастыря в честь Покрова Божией Матери София (Любых):

«В 1956 году я стояла в Петропавловском соборе на ранней Литургии, которая шла в правом приделе в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Ко мне подходят и говорят: «Нина (мое мирское имя), какой-то Архиерей приехал». Я пошла в центральный придел апостолов Петра и Павла и увидела стоявшего у иконы Владыку, с короткой бородкой, одетого в такой невидный подрясничек. Служба закончилась, люди стали подходить к нему, и я подошла тоже взять у него благословение.

Первую Литургию он совершал в день памяти святых апостолов Петра и Павла в 1956 году. Владыку переполняло чувство радости, он был очень воодушевлен. На проповеди Владыка сказал: «Я не думал, что буду еще стоять у Престола Божия и воздевать руки в молитве к Богу».

Также, вспоминая однажды на проповеди сорок мучеников Севастийских, мучимых холодом, Владыка говорил: «Я знаю одного Архиерея, который муки холода на себе перенес. Его забрали из дома зимой в одном подряснике и посадили в холодную камеру, в которой продержали 66 суток. И вот в какой-то момент он понял, что замерзает. Встал на коленочки и так молился, что почувствовал теплоту. Он согрелся и остался жив».

Владыка очень почитал преподобную Пелагию и великомученицу Анастасию Узорешительницу. Бывало, в проповеди он говорил о том, что ему знакомо, что значит сидеть в тюрьме и ждать, когда тебе принесут кусочек хлеба и глоток воды. При этом у Владыки всегда выступали на глазах слезы. Он очень горячо молился великомученице Анастасии. В дальнейшем, когда он был назначен на Алма-Атинскую кафедру, в своей домашней церкви Владыка всегда служил в день памяти этих святых.

Еще он рассказывал один сон, который видел в заключении: «Я нахожусь в каком-то незнакомом городе. Сажусь на автобус, он спускается под гору. Под горой стоит белый высокий собор. Я захожу в него и начинаю богослужение». И когда Владыка получил назначение в Петропавловск, он, приехав сюда, сел в автобус, поехал по городу и, когда спустился в подгорную часть, увидел тот самый собор! Это был собор апостолов Петра и Павла, который впоследствии стал Кафедральным собором.

Наша семья помогала Владыке, поддерживала его. Мы делали уборку, мама готовила для Владыки пищу. Корова у нас была, молоко ему всегда приносили. Папа рыбачил и свеженькую рыбку ему приносил.

Когда Владыка приехал в Петропавловск, у него не было ни пангии, ни креста. Муж моей сестры был ювелиром и сделал для него крест и пангию. Облачение для него мы здесь новое пошили, у него после заключения ничего не было. Владыка приехал из Кокчетава в единственной ряске. Было у него только старое льняное облачение (это было первое его облачение, которое ему в 1932 году в Таганроге сшили. Его я храню сейчас как святыню). И по его образцу мы сшили для Владыки новое».

18 марта 1957 года была образована самостоятельная Петропавловская епархия и владыка Иосиф поставлен управляющим ею с титулом Петропавловский и Кустанайский. В новообразованную епархию вошли пять областей: Петропавловская, Акмолинская, Карагандинская, Кокчетавская и Кустанайская. Кафедра была в Петропавловске. Патриарх Алексей I, благословляя владыку Иосифа на Петропавловскую кафедру, дал ему в дар образ Иверской Божией Матери,

молитвенно призывая Пречистую Владычицу быть Покровительницей новообразуемой епархии и простирать Свою благодатную помощь над ее первосвятителем. Эту икону владыка Иосиф поставил в алтаре Петропавловского собора, где она находится и до сего времени.

25 февраля 1958 года епископ Иосиф возведен в сан Архиепископа.

В сентябре 1957 года в Петропавловск на праздник святого праведного Симеона Верхотурского к Владыке приезжали в гости архиепископ Куйбышевский Мануил и его келейник – молодой иеромонах Иоанн (Снычев). Вечером они вместе служили во Всехсвятской церкви, отец Иоанн читал канон. А утром служили Литургию в соборе Петра и Павла. Погода в тот день была прескверная, шел дождь, народа в храме собралось мало. Но очень красиво пел хор – служили в провинциальном Петропавловске два Архиеерея. А проповедь сказал отец Иоанн.

Игумения София (Любых):

«Владыка Иосиф очень почитал святого праведного Симеона Верхотурского и в сложных ситуациях всегда молитвенно обращался к нему за помощью.

Такой случай произошел однажды. Когда Владыка начал свое служение в Петропавловске, к нему стали приезжать старые почитатели из Ростова. И просят: «Владыка, у нас есть священник молодой. Примите его в свою епархию». Владыка не отказал, принял. Но оказалось, что священник ведет безнравственную жизнь и к тому же склонен к католицизму. С прихода, куда он был назначен служить, Владыке сыпятся письма, целая стопка: «Владыка, примите меры». Владыка в затруднении: «Что делать? Обижать ростовских старушек не хочу, а надо как-то с этим священником раздельваться». Он взял все эти бумаги, положил на свой письменный стол, поставил на эту писанину икону праведного Симеона Верхотурского, помолился и сказал: «Отче Симеоне, сам разреши это дело, я не в силах».

И что же? Через некоторое время прошел проливной дождь, и у этого священника с потолка закапало, залило его вещи. Он в возбуждении прибежал к Владыке, пишет прошение: «Я при

таких условиях не могу служить, освободите меня!» – «Пожалуйста, я не возражаю, – отвечает ему Владыка, – вы с сегодняшнего дня свободны». Подписал, печать поставил.

Священник вышел от Владыки, опомнился, но было уже поздно. И Владыка нам говорил: «Какой же он, Симеон Верхотурский, простой-простой! А какой же он святой-святой! Я ему всегда молюсь».

Еще Владыка рассказывал, что, когда его направили в ссылку в Кокчетав, запрещали жить у русских. Его приняла казахская семья, где было много детей. Самым младшим был мальчик Малдаш. Владыка нянчил его. Владыка жил в комнате за занавеской. «Как татарской невесте, – говорил он, – за ширмой коечку поставили».

И такой однажды произошел случай. Будучи уже на Петропавловской кафедре, объезжая приходы своей епархии, Владыка приехал в г. Кокчетав. Идет служба, Владыка стоит на кафедре и вдруг вбегает в церковь Малдаш, бросается к Владыке, обхватывает его за ноги и ревет: «Мой Ата! Мой Ата!» Иподиаконы оторвали его от Владыки, успокоили, посадили на скамейку.

Эта семья приезжала к Владыке в гости в Петропавловск в 1959 году. Помню, две девочки приезжали, и он попросил меня сходить и купить для них маленькие позолоченные часики и ткань на платье с казахским орнаментом.

У Владыки были святыни: икона Божией Матери «Знамение» и в ней частица мощей великомученика Иакова Персянина. Когда Владыка начал служить в Петропавловске, ему эти святыни привезли из Таганрога.

История их такова. Когда Владыка служил в Таганроге, приехали к нему двое старичков – супруги, привезли икону «Знамение» и говорят: «Владыко святой, примите от нас икону. Это наша семейная реликвия, она досталась нам от родителей. Но наши дети неверующие, они не будут ее хранить, а нам очень важно, чтобы икона была в надежных руках». И Владыка ее принял. Вскоре ему принесли частицу мощей великомученика Иакова Персянина. А так как в один день празднуется память великомученика Иакова Персянина и чествуется икона Божией

Матери «Знамение», то Владыка вложил частицу мощей в эту икону. В Петропавловске икона была с ним, он приносил ее 27 ноября на праздник.

Была у Владыки еще икона Пресвятой Троицы, писанная на доске из Мамврийского дуба, был и образ преподобной Пелагии с частицами ее мощей, а сам образ написан карагандинской старицей монахиней Агнией. Впоследствии эту икону он оставил в Петропавловске. Дорожил Владыка также иконой прп. Серафима Саровского с частицей его хитончика».

В своих записях владыка Иосиф упоминает и о других святынях, хранившихся у него. Вот одна из таких записей: «Святой мучениче Трифоне, моли Бога о нас! Частица святых мощей, что прикреплена к малой иконе мученика из Ново-Афонского монастыря на Кавказе. Когда иноки расходились по городам и весям, то один из иеромонахов взял эту частицу в Ростов-на-Дону и через некоторое время ее вручил (вместе с частицами св. великомученика Иакова, что 27 ноября, и прп. Пелагии, что 8 октября) архиепископу Арсению. Последний, уходя на покой, передал на хранение мне все три». Также писал: «Имею честь быть хранителем и поклонником честной частицы святых мощей святой великомученицы Анастасии».

Алексей Самуилович Сапожников:

«В 50-м году меня выпустили из Челябинской тюрьмы и отправили в ссылку в Петропавловск. Владыку в 1954 году сослали в Кокчетав. Он жил там два года в казахской семье и не мог никуда выехать. Не имел права, потому что ограничения были, подписал такую декларацию – вот тебе 5–6 километров вокруг, и все. Если где подальше попадешься – 25 лет срока будет.

А в 1956 году кончился срок его ссылки, и он был назначен епископом Петропавловским. Я жил тогда еще в Петропавловске – еще не кончился срок моей ссылки, и два раза в неделю я должен был ходить отмечаться. После лагерей я был как дикарь – слабый, замученный, заморенный. Я работал на мебельной фабрике и каждый день бывал на службе. И вот, когда Владыка в первый раз приехал в собор Петра и Павла, мы встретились, и он меня узнал. И Владыка взял меня охранником в архиерейский

дом, и я жил у него. Ко мне он имел звонок и звонил, когда я был нужен.

Зимой надо было печку топить. Приготовил он дрова, ведро, совок. Сам все приготовил и звонит мне. Я прихожу. Он дает мне стул: «Садитесь». Я сел рядом с печкой. Он говорит: «Мы сегодня получили красивый журнал «Огонек» с картинками, почитайте».

Я сижу, как болван, читаю. А он подходит к печке, становится на колени и давай выгребать из печки золу. Я говорю: «Владыка, так это я могу сделать». Он: «Потом, в другой раз». А в этот раз он все сделал сам. Очистил печь, положил дрова, керосина брызнул и зажег. Мне сказал: «Ну вот, если сможете, будете эту работу делать». Но первый сделал он и мне не приказывал. А дальше я сам это всегда делал.

И так мы жили до 60-го года».

Алма-Атинский период. Обращение к истории. Церковная смута в Алма-Ате

15 сентября 1960 года Указом Священного Синода владыка Иосиф был назначен архиепископом Алма-Атинским и Казахстанским⁷⁸.

Это назначение архиепископа Иосифа совпало со временами хрущевской оттепели, обернувшейся для Русской Православной Церкви лютым морозом, и вошедших в историю как трагический период последних попыток руководства СССР радикально, в кратчайшие сроки решить религиозную проблему в стране. По Церкви наносился сильнейший удар, который был рассчитан на ее полное разрушение. Примирительное и спокойное отношение к Церкви с послевоенных лет в конце 50-х и начале 60-х годов воспринималось уже как сталинское наследие, которое следует ликвидировать. У Хрущева все больше крепло желание объявить о начале перехода СССР в период «предкоммунистических отношений», где, по его словам, не должно быть места пережиткам капитализма.

Важнейшим побудительным мотивом смены курса государственной церковной политики явилась острая тревога в верхних эшелонах власти в связи с начавшимся Русским религиозным возрождением. Этот постепенный, часто болезненный процесс поиска людьми своих национально-религиозных корней начал вновь разворачиваться в СССР примерно в середине 50-х годов. Связанное с критикой сталинизма частичное развенчивание коммунистических идеалов, подрыв авторитета КПСС породил у определенной части населения страны желание обрести истинные духовные ориентиры, возвратиться к исконной религии своих отцов – к святому Православию. «Когда мыслящие люди в СССР старались обрести и восстановить культуру прошлого в ее чистой, противостоящей идеологическим искажениям форме, они встречались с Православием в любой области – в искусстве, архитектуре, музыке, литературе, поэзии»⁷⁹. Помимо этого, из ГУЛАГа были освобождены сотни тысяч заключенных,

отбывавших свой срок за верность Христу и имевших огромное влияние на возвращающийся в лоно Церкви русский народ. Основным подтверждением непреложности христианских истин являлся их исповеднический подвиг.

В Совет по делам РПЦ поступали тысячи ходатайств, приходило множество просителей об открытии храмов. Но власти были убеждены, что в преддверии создания коммунистического общества не должно существовать никакой идейной оппозиции. Поэтому ответ на тяготение народа к Церкви мог быть только один – подавление. В усилении активизации антицерковной политики внес свою лепту и Комитет государственной безопасности. После объявления «войны» работники его специальных подразделений воспрянули духом, почувствовали свою необходимость в деле усиления антирелигиозного натиска, где действовали своими методами и средствами. Но главное – в стране вновь возобновилось закрытие храмов и сокращение числа духовенства.

Что же происходило в этот период в Алма-Ате? А в Алма-Ате происходило следующее.

После блаженной кончины в 1955 году митрополита Алма-Атинского и Казахстанского Николая (Могилевского) в кафедральном городе был утрачен мир как в среде духовенства, так и среди паствы. За короткий период на Алма-Атинской кафедре сменилось три правящих архиерея: архиепископ Иоанн (Лавриненко, 1956–1957 гг.), архиепископ Алексей (Сергеев, 1957–1958 гг.), архиепископ Иннокентий (Леоферов, 1958–1960 гг.). Можно предположить, что в первое время после кончины митрополита Николая (Могилевского) алма-атинская паства, возвращенная в послевоенные годы этим святым архиереем-исповедником и привыкшая к его теплоте отеческому попечению и благолепности его богослужений, не могла сразу воспринять другого архиерея, не обладавшего вполне такой силой духа и теми благодатными дарами, которыми как личность изобилдовал митрополит Николай. Слишком разительным был контраст между митрополитом Николаем и вновь назначенным архиереем⁸⁰. И она его не приняла. Однако в дальнейшем, воспользовавшись народным недовольством, на этой волне

сыграли те, кому был выгоден внутрицерковный раскол и нестроение в епархии. И к моменту назначения владыки Иосифа в Алма-Ату в городе сложилась очень сложная, мятежная, неприятная для Церкви обстановка.

В Свято-Никольском Кафедральном соборе служили два молодых архимандрита⁸¹ – один был настоятелем собора, а другой – секретарем Епархиального управления. Оба закончили Академию и были назначены Патриархом Алексием I в Алма-Ату – один на место бывшего настоятеля Кафедрального собора архимандрита Исаакия (Виноградова), другой на место бывшего секретаря Епархиального управления протоиерея Анатолия Синицина. И между ними вспыхнула вражда. Каждый из них имел своих поклонников, почитателей, и в соборе образовались две очень сильные враждующие группы прихожан, одна из которых поддерживала одного архимандрита, другая – другого. Одна из группировок желала видеть своего любимчика архимандрита на Алма-Атинской кафедре в сане епископа. Уполномоченный РПЦ при Совете Министров по Казахской ССР Вохменин С. Р. решил эту ситуацию просто – он снял обоих архимандритов с регистрации, что послужило новым толчком для еще большего обострения обстановки в соборе.

Несколько нецерковных женщин, по-видимому специально направленных в собор соответствующими органами, чтобы спровоцировать склоку (что во времена хрущевских гонений широко практиковалось)⁸², стали публично обвинять в лишении архимандритов регистрации управляющего Алма-Атинской и Казахстанской епархией архиепископа Иннокентия (Леоферова) и старосту Никольского собора. Однако владыка Иннокентий, напротив, стараясь избежать такого исхода (лишения регистрации), неоднократно пытался примирить архимандритов, переживал за то, что они идут на поводу нецерковных людей, предупреждал о возможных последствиях их неразумного поведения. Кроме того, он поддерживал ходатайство членов церковной двадцатки Никольского Кафедрального собора о восстановлении в регистрации обоих архимандритов, направив по этому поводу и свое ходатайство уполномоченному. Но народ, соблазненный внешними безбожными силами, стал

собираться группами во дворе собора и оказывать сопротивление действиям архиепископа Иннокентия. В основном это были женщины и несколько мужчин, не имеющие твердой веры, смирения, сдержанности, чтобы перенести и разрешить все благоразумно, по-церковному, к тому же одураченные провокаторами. И они не просто словесно выражали свое возмущение против «гонителей» их любимого архимандрита, а стали применять физическую силу против всех, кто служил в то время в соборе. «Досталось тогда, – вспоминают очевидцы, – и регенту Борису Матвеевичу (ему сумкой по шее заехали), и хористов разогнали – бегали за ними по двору, и казначея побили. Дошли до того, что подняли руки на священников и стали не допускать их на служение в собор». Да и к тому времени священников-то в соборе осталось только двое из семи, положенных по штату.

Регент из храма Покрова Божией Матери г. Алма-Аты Михаил Васильевич Щекинин был очевидцем того, как обезумевшая толпа сталкивала со ступеней крыльца престарелого протоиерея Димитрия Млодзяновского: «Это был воскресный день, и народу собралось очень много. Погода была пасмурная, а когда ожесточенные бунтовщики набросились на священника с криками: «Уходи из собора!» – и с разными другими оскорблениями, именно в этот момент разразился страшный гром, такой сильный, какого я в жизни своей никогда больше не слышал. Гром гремел прямо над головами бунтовщиков, и я сразу понял тогда, что это было предупреждение Господне за незаконные действия по отношению к священному лицу. Такое было вразумление, но ожесточенный народ не понял этого и продолжал гнать священника. Сколько лет прошло с того времени, но я до сих пор забыть этого грома не могу»⁸³.

Бунтовщики с утра до вечера группировались около Никольского собора. И три самые активные женщины дошли в своем безумии до того, что решили уже и архиерея не допускать на службу в собор. Они решились на дерзкий и безумный поступок: легли на дорогу у ворот при въезде в собор архиерейской машины. И имели в этом успех: Владыка велел

своему водителю, Захару Ивановичу, разворачиваться и ехать в Казанскую церковь, где он в этот вечер уже не служил, а только молился в алтаре. Но этих отчаянных постигла страшная участь: через три дня двоих из ложившихся под колеса архиерейской машины женщин сбил автомобиль недалеко от собора, вследствие чего обе они скончались.

Но и эта явная кара Божия не вразумила и не остановила зачинателей бунта. Напротив, пошли еще дальше: самочинно решили уже и Кафедральный собор закрыть (раз в нем не разрешают служить их любимчику архимандриту) и на двери его повесить замок. Это было, как уже сказано, в хрущевские времена, в период нового расцвета безбожия и гонений на Православную Церковь. И провокаторы, повесив замок, тем самым выполнили бы свою миссию. Власти тогда зацепились бы за этот факт и, публично огласив, что Кафедральный собор не нужен верующим, раз они сами на нем повесили замок, уже официально бы закрыли собор.

Но удержал собор и спас ситуацию священник Павел Милованов. Он, поскольку его тоже не допускали в собор, перелез через ограду, незаметно через окно проник в храм и начал один совершать богослужение. И вот с замком в руках и торжеством в душе мятежники подходят к дверям Никольского храма и вдруг слышат возглас отца Павла: «Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно...» И у бунтарей опустились руки... видимо, это было Божие действие, не допустил Господь осуществиться коварным замыслам врага.

Но тем не менее владыке Иннокентию не удавалось умирить враждующие партии, и он подал прошение о своем уходе на покой⁸⁴. В Патриархию в течение этого периода времени поступали бесконечные доклады с предложением упразднить самостоятельную Казахстанскую епархию, раздробить ее по частям (с сохранением самостоятельной Петропавловской и Кустанайской епархии) и присоединить эти части к другим близлежащим епархиям, с учреждением в Алма-Ате кафедры викарного епископа, подчиняющегося Ташкенту⁸⁵.

К этому времени относится стихотворение-мольба, написанное архимандритом Исаакием (Виноградовым),

сподвижником и духовным сыном Митрополита Алма-Атинского Николая (Могилевского), прослужившим восемь лет под его омофором в Свято-Никольском соборе и несправедливо изгнанным из собора еще в 1957 году в результате возникших там распрей. Старец-архимандрит душой переживал за храм, который любил, и за многочисленных своих духовных чад, с которыми ему пришлось расстаться:

Угодник Божий Николай,
Святитель дивный Мирликийский!
Прошу тебя, не забывай
Ты сущих во стране Азийской.
На страже правды встань ты сам
И защити от осквернения
Твой дорогой для многих храм,
Где все искали утешенья!
Но с той поры, как ты увел
Ко Господу – в Его чертоги
Владыку нашего, ушел
Из храма мир. И страсти многих
Обуревают там людей,
За коих сердцу больно, стыдно!
И там без помощи твоей
Конца смятению не видно.
Твой соименник дорогой
Как бы унес и мир в могилу.
Но мощною своей рукой
Верни его! И правды силу
Заблудшим людям покажи,
Поставь предел ненужным спорам,
Зло распустившихся связи
Святительским ты омофором.
И вновь любовью ты спаяй
Всех сущих во стране Азийской,
Угодник Божий Николай,
Святитель дивный Мирликийский.
Арх[имандрит] Исаакий. 26/VIII.1960 г.

И вот Патриархом Алексием I была предпринята последняя попытка умирить и сохранить Казахстанскую епархию. 15 сентября 1960 года на заседании Священного Синода на Алма-Атинскую кафедру был назначен архиепископ Иосиф⁸⁶, и Святейший Патриарх, посылая в Алма-Ату владыку Иосифа, в личной беседе с ним (это из уст самого Владыки) сказал, что «...если Вы, Владыка, по каким-то причинам не сможете там удержаться, то, наверное, Алма-Атинскую кафедру придется присоединить к Ташкенту». И, благословляя его на новое место служения, дал Иверскую икону Божией Матери в дар Свято-Никольскому Кафедральному собору, тем самым призывая Матерь Божию быть помощницей Владыки в умирении бунтующей епархии.

26 сентября 1960 года архиепископ Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф прибыл в Алма-Ату.

Встреча святителя

Захар Иванович Самойленко, шофер владыки Иосифа:

«Когда Владыка был назначен на Алма-Атинскую кафедру и уже вылетал из Петропавловска в Алма-Ату, он дал мне телеграмму-письмо, слов в 50, примерно такого содержания: «...Ты должен встретить меня в аэропорту такого-то числа один, никому не говори, что я назначен, чтобы никто больше не встречал». Раз такая телеграмма, я приехал в аэропорт один, поставил машину, жду Владыку. Мы были знакомы с ним прежде, он приезжал сюда из Петропавловска, и я его подвозил. И вот Владыка вышел из самолета, одетый в рясу, скуфью, в руках он держал круглую коробку с митрой. Я сразу подошел, и он без всяких церемоний благословил меня. «Кто встречает?» – был его первый вопрос. «Никто, я один приехал». – «О, правильно! Ну, сейчас едем в Никольский собор». (По правилам архиерей сразу, по приезде на кафедру, должен прибыть в Кафедральный собор.) Подъехали к собору. У ворот стоят одни нищие. Владыка вышел из машины, зашел в собор, приложился к аналойной иконе Святителя Николая. В алтарь не зашел – он был осторожен. Это было в обеденное время, в храме тоже никого не было. «Ну, поедем на Минина». На улице Минина, дом № 10, располагается Епархиальное управление и архиерейские покои⁸⁷. Там я тоже не предупредил, что Владыка приезжает. Сразу бы сработал беспроводный телефон.

Приехали. Шура, повариха, открывает, я говорю: «Это наш Архиерей». Обед подала, все спокойно. Но не успел Владыка дух перевести с дороги, как приходит толпа «прихожан» и откровенно заявляют: «Если Вы, Владыка, еще раз появитесь в соборе, мы Вам кишки выпустим! Здесь должен быть архиереем наш настоятель!» А он им сразу: «Ну, ничего, отныне кафедра будет в Казанской церкви!» Этого они не ожидали. И сразу после их посещения приехал на Минина уполномоченный, Степан Романович Вохменин, интересовался – как архиерея встретили. «Вот это да, – говорит, – я не ожидал, что он кафедру в Никольском соборе бросит, а в Казанской церкви назначит!»

И вдруг мгновенно Владыка собирается на службу (всенощная накануне Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня): «В Казанскую поедем!» И здесь приходит снова толпа «прихожан» с цветами, в ноги падают: «Владыка, простите! Не оставляйте собор!» – «Ну хорошо, будем служить в соборе!»

И всю дорогу от его дома до самого Никольского собора (около километра) устлали розами. И от крыльца собора до трамвайной линии дорожками путь устлали и сами выстроились вдоль дороги, а кто и вперед машины бежал. Я такого никогда не видел, скольких архиереев ни возил. Владыка велел мне ехать медленно, чтобы никого не сбить. Он ехал и чинно всех двумя руками благословлял. А когда приехал, зашел в собор, поднялся на амвон, ноги вытер там, на половичке, на амвоне, повернулся к народу и говорит: «Вот я!» Владыка стал служить, и все пошло хорошо».

«ЕПАРХИАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

15 сентября 1960 года на объединенную епархию, Алма-Атинскую и Петропавловскую, Святейший Патриарх Московский и Священный Синод назначили Архиепископа Петропавловского и Кустанайского Иосифа.

Приветливо встречали алма-атинские жители нового Архипастыря, надеясь, что новый Святитель умиротворит возникшую среди прихожан смуту, ибо люди искали мира и успокоения.

Вход Архиепископа в Собор был торжественный. При встрече вся дорога была устлана цветами. Духовенство города встретило Владыку у дверей Собора.

После встречи и молитвы архиепископ Иосиф обратился со словом к собравшемуся народу. Он призывал к согласной, мирной жизни. Весьма красочно, в виде притчи, Архиепископ рассказал, как, подъезжая к городу Алма-Ате, он видел Собор, окруженный стаей черных воронов, не желавших его пускать в Собор, но приехал и увидел, что вороны разлетелись, и их теперь нет. Среди православных христиан должен наступить мир, всем надо пребывать в послушании ко Святой Церкви и ея иерархии во главе со Святейшим Патриархом.

Самым действенным средством умиротворения владыка Иосиф считает молитву. Поэтому, кроме воскресных и праздничных дней, он еженедельно в будничные дни совершает три Божественных Литургии с неизменным чтением Акафистов. Для успешного руководства объединенной епархией Высокопреосвященнейший Архиепископ Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф призвал к постоянной работе Епархиальный совет.

Иеромонах Евстафий».

Для того чтобы умирить и сохранить епархию, владыка Иосиф стал ежедневно совершать Божественную Литургию – или в храмах города, или в своей домашней церкви. Он понимал, что не сам человек встречает его с такой недоброжелательностью, а враг рода человеческого – диавол старается сделать здесь свое дело. И Владыка вышел на брань с ним, облачившись, по данному ему великому благодатному дерзновению, во всеоружие терпения и молитвы. Как-то однажды его посетил один архиепископ и в беседе пожаловался, что епархия его беспокойная, как быть? Владыка Иосиф ему ответил: «Надо три года ежедневно совершать Богослужения. У меня тоже так было, и я совершал служения три года».

Группировки в Алма-Ате некоторое время продолжали оставаться, хотя постепенно начинали слабеть. Бунтари еще докучали Владыке и будоражили атмосферу в Никольском соборе, хотя не с такой яростью.

Однажды, рассказывал Владыка, в первые месяцы его служения в Алма-Ате, снова пришла к нему еще одна делегация с какими-то требованиями. Это случилось как раз в тот момент, когда Владыка чистил и потрошил рыбу. И он вышел к этой делегации как был, в фартуке, с окровавленным ножом в руках. В ответ на их заявления Владыка сделал вид, что очень сильно разгневан, поднял нож и возопил: «Вы знаете, как пророк Илия расправился с нечестивыми жрецами?! Так вот и вы здесь беретесь судить о делах церковных!» Делегаты в страхе разбежались. Так он их наглядно обличил.

Но чаще владыка Иосиф старался влиять на людские души не устрашающей грешников пламенной ревностью пророка, а

евангельской кротостью и силой Христовой любви. И постепенно нестроения утихли, буря истощилась, прошла. Владыка своим благоразумием, выдержкой, своими проповедями сумел восстановить церковный мир. Он мудро стал руководить епархией, и вскоре церковная жизнь потекла благополучно. А потом все лучше и лучше, и полюбил Владыку народ. По милости Божией все восстановилось – и порядок, и мир. И в 1963 году, можно сказать, была уже тишина.⁸⁸

Так начал владыка Иосиф свое служение в новом определенном для него Богом уделе – «бархатной Алма-Ате», как называл он этот полюбившийся ему город, где прослужил ровно 15 лет, до дня своей кончины. И все последующее служение митрополита Иосифа проходило в духовном единении с врученной ему Богом паствой. Всего в Казахстане владыка Иосиф прослужил 18 лет.

Архипастырское служение

Каждое богослужение, которое совершал владыка Иосиф, становилось праздником для тех, кто с ним молился. Богослужения его отличались особой мо-литвенностью, возгревали в душах молящихся высокую духовную настроенность, приобщали к истинной небесной радости.

Владыка всегда очень тщательно готовился к службе. Сильно переживал, когда у него не звучал голос (а это порой случалось, так как Владыка был подвержен частым простудам). Но всегда перед службой он как-то свой голос настраивал, и еще дома, в своей резиденции, он примерно уже знал, на какой высоте звука он будет читать сегодня за Всенощной Евангелие. Владыка любил, чтобы служба была поставлена достойно, на высоком уровне. Он говорил: «В служении не нужна театральность, но фигуральность должна присутствовать обязательно». То есть чтобы не было никаких лишних движений, не было торопливости, чтобы духовенство не суеилось возле Престола или возле кафедры – все должно быть точно, лаконично. Это его характерная черта. Он любил красоту Богослужений, их глубину и старался, чтобы священнослужители с таким же благоговением относились к Богослужению, как и он сам.

В письмах Владыки и в различных записях можно встретить его размышления о Богослужении. К одному новопоставленному пресвитеру он обращался с наставлением: «Богослужение требует красоты и естественности. И великие святители вселенские очень красиво служили. Они не признавали театральности, а служили изящно и естественно. Потому что Богослужение должно выражаться в лучших формах, возможных человеку: в его познании, в его должности, в его желании, в его образовании, в его, в конце концов, самообразовании, его природных качествах. А так служить, чтобы лишь только внутренне углубляться, а на наружные формы наплевать, – это не принимается Церковью, не принимается народом, никем».

Владыка хорошо знал богослужение на греческом языке, который освоил при общении с иноками иерусалимского

Александро-Невского монастыря в Таганроге. И часто при посещении приходов своей епархии, где среди прихожан было большое количество греков, Владыка произносил некоторые возгласы на греческом языке, что со стороны греков вызывало восторг и благодарность⁸⁹.

Но больше других языков владыка Иосиф любил церковнославянский. Он наделял его такими ласковыми эпитетами, как «нежнейший, бархатный, изящный». «Вы только вникните, – обращался Владыка на проповеди к народу, – «...показавый учеником Твоим славу Твою, якоже можаху...» Якоже можаху!.. Какой дивный тропарь! Бархат, нет, велюр, а не язык! Никакой другой язык не может вместить в себя такого объема и глубины понятий!»

Очень часто Владыка читал проповеди. Митрополит Куйбышевский Мануил сказал по этому поводу: «Проповеди его отличаются образностью, поэтичностью и живостью»⁹⁰. Выходя на проповедь, Владыка, оглядит, какая паства в храме, что сказать. Особенно студенты вузов часто приходили специально его послушать. В зависимости от контингента были тон и содержание проповеди. Говоря проповедь просто и своеобразно, Владыка мог что-то явственно изобразить. Рассказывает, например, как Саломия плясала, угождая Ироду, – и сам показывает, как она это делала, – пройдет по амвону, как танец исполнит. Очень ярко, живо все передавал. Если он рассказывал жития святых, то говорил так проникновенно, что у слушающих на глазах наворачивались слезы. Эпизоды из их жизни он описывал настолько убедительно, что разрушались все временные перегородки, отделявшие алма-атинскую паству от времен первых христианских мучеников. Нередко, говоря проповедь, Владыка, в силу своей прозорливости, отвечал и на тайные, сокровенные помыслы и разрешал наболевшие проблемы прихожан. Так, один постоянный прихожанин Никольского собора, устав от тяготивших его семейных проблем, впал в уныние и, стоя на службе, размышлял: «Брошу их (жену и детей), завербуюсь, уеду на Север, буду им деньги посылать, и все. Хватит, надоело!» И Владыка, выйдя на проповедь, начал свою речь с «эпиграфа»: «Брошу! Завербуюсь! Уеду на Север!

Деньги буду посылать! Хватит, надоело... Да? А крест твой кто же за тебя нести будет? А? Вот, дорогие мои, внимание нашего сегодняшнего краткого повествования обращено на тему крестоношения: как мы должны нести свой крест, данный нам от Бога...»

Бывало, говорил притчами, отчего те, кто не сразу мог понять их смысл, высказывали свое недоумение Владыке. Он же на это отвечал: «А если бы я говорил очень хорошо и понятно, то меня бы вот так!» И при этом взял себя за ухо, и потянул: «Вот так-а!»

Говоря о высоте проповеднического служения, Владыка с благоговением высказывался о возвышенном месте, с которого произносится слово Божие. Это отношение к священному амвону впитал он еще у себя на родине в Могилеве. «И мы все, служители и проповедники, поставленные на эту опасную и ответственную возвышенность, должны вам говорить и проповедовать, чтобы потом Христу Спасителю сказать: «Да! Мы все дни – говорили, проповедовали; а так как они приняли, то Ты ведь Сердцеведец, Господи, ниспослал им открытое сердце, о котором и они, и Церковь молились: о даровании нам чистого сердца и обновления благодатного во всем нашем организме и разума в нашем интеллекте"».

Всегда с благодарностью вспоминал он своего духовного отца и наставника архиепископа Арсения и клирика Ростовской епархии протоиерея И. Уманского. О каждом из них в свое время Владыка отзывался так: «Ты был один, у кого я взял прекрасный стиль слова, снискавший мне хваленье». И именно их он имел в виду, сказав однажды на проповеди: «Митрополита Филарета я очень рано полюбил, и если я его отшлифованные мысли не понимал, то я имел прекрасных изящных учителей, как Апостолы святые, простяки, которые имели самого изящнейшего в мире Учителя, неповторимого Учителя – Господа Иисуса Христа».

О Церкви владыка Иосиф говорил: «Могут быть разные веяния и разные влияния, и, чтобы сохранить церковность, может быть, даже придется архиереям и поступиться чем-то. Вполне возможно, что нужно чем-то поступиться, чтобы вообще не остаться без ничего. Но сила в простых священниках, вот в

таких сельских, служащих в небольших отдаленных храмах. Потому что священник этот сан имеет, антиминос имеет, чашу, хлеб, вино и служит, и молится как положено. В великих соборах может быть иначе».

Владыка Иосиф с особой любовью почитал Пресвятую Богородицу, которой ежедневно воспевал акафист. Он говорил: «Кто читает акафист Божией Матери, тот должен быть почитателем иноческого равноангельского жития. Так здесь оно связано с девством Владычицы». Сохранились его высказывания о Пречистой: «Царица Небесная в мир пришла, как утренняя звездочка, возвещавшая: вот-вот будет восход солнца. Рождение Царицы Небесной – как настоящая утренняя звезда. И в Писании это воспоминается Священном. Она предшествовала вечному Солнцу, пришедшему в мир, – Иисусу Христу, вечному теплу, вечному Свету и вечной Жизни. Как без солнца жизни на планете не могло быть, так и без воплощения Сына Божия все замерзло бы на разуме, и сердце было бы замкнутое на большой замок, и не могло бы быть красоты и лучезарности тепла христианства». В своей жизни Владыка старался никогда не разлучаться с Иверской иконой Богоматери, подаренной ему в день монашеского пострига иноками афонского подворья в Таганроге. И сам он осознавал, что Мать Божия явственно покровительствует ему с самого раннего его детства, о чем писал в своей записной книжке: «Мать Божия, пречистая и преблагословенная! Ты милостивно положила на сердце мое быть иноком с ранних моих лет! Недостоин я всех Твоих милостей, излианных на меня, которые Ты сотворила рабу Твоему, ибо я почти босиком [был] принят в обитель Твою Бельническую, а теперь я имею панагию, жезл и орлец...»

Почитая святого, имя которого было дано ему при пострижении в монашество, владыка Иосиф всегда совершал Богослужение в неделю святых Праотцев пред Рождеством Христовым. Заканчивая однажды в этот день свое слово, он обратился к молящимся: «Так помолимся сегодня святым Праотцам, которые очень прекрасно выполняли закон, не написанный на бумаге, но начертанный в совести каждого

человека – на сердце его, помолимся им, чтоб они помолились о нас Господу Богу. Попросим же праведного Иосифа, чтобы он молился Господу Богу об укреплении семейных уз, за удержание страстей людей в молодых годах да и в самой старости и чтоб он благословил в каждой стране и в нашем государстве всех тех, которые думают о том, о чем молятся верующие: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь».

Как при Иосифе питался и не оскудевал Египет в хлебе, так за его молитвы и за молитвы святых Праотцев да не оскудеет никогда пшеница, вино и елей в стране нашей благодатной, русской».

Владыка очень любил Никольский Кафедральный собор. Любил и ценил прекрасный хор Никольского собора под управлением регента Бориса Матвеевича Шевченко. И вообще любил церковное пение. Когда в конце 60-х годов были выпущены первые пластинки с записями пения хора Троице-Сергиевой Лавры под управлением архимандрита Матфея (Мормыля), хоровой капеллы под управлением Свешникова, владыка Иосиф всегда с удовольствием прослушивал эти пластинки. Ему очень нравилось церковное пение, хотя сам Владыка признавался, что музыкальным слухом он не наделен. И шутил: «Борису Матвеевичу тяжело служить вместе со мной, потому что мне трудно попасть в их тональность, а они никак не могут попасть в мою».

Владыка Иосиф благоговейно почитал своего почившего предшественника митрополита Николая (Могилевского) как одного из ярких и выдающихся иерархов Русской Православной Церкви, как исповедника, подвижника веры и благочестия. Он всегда молился о том, чтобы Господь упокоил его душу в селениях праведных, в день его блаженной кончины совершал панихиды на его могиле и часто сам обращался к нему за молитвенной помощью. И бывало, это почитание выражалось довольно своеобразно, с некоторым свойственным владыке Иосифу юродством. Будучи еще в сане архиепископа, на богослужениях в Кафедральном соборе он иной раз надевал митрополичью мантию покойного владыки Николая.

– Мы здесь далеко-о-о от Москвы, – говорил при этом владыка Иосиф, – похулиганить можно! Дух владыки Николая на мне! Дух владыки Николая на мне! – продолжал фальцетом владыка Иосиф, похлопывая ладонями по скрижалям надетой на его плечи мантии митрополита Николая.

Рукополагая ставленников, владыка Иосиф всегда в конце Литургии обращался к ним со словом назидания и нередко в этом слове, говоря о высоте священнического служения, приводил «Шесть слов о священстве» святителя Иоанна Златоуста: «Правда, он там очень пугает, потому что сам пугался, он сам этого боялся, боялся благодатных полномочий священнослужения. Но во всяком случае Иоанн пошел во пресвитера и в патриарха, а поэтому все за Иоанном Златоустом идем и по нравам, и во обычае, и в осторожности...»

О ставленниках Владыка однажды сказал: «У меня затейники чудес церковных спросили: «А можно ли семинарию обойти?» Я им ответил, что идеально было бы в школу преподобного Сергия попасть, тем более ныне. В Лавре ныне учащий состав, вероятно, во всех видах – неповторим! Но если Промысел иль рок – тогда: читать бегло, Требник, Служебник осилить и всему этому по возможности тактику и этику выработать и приложить неотъемлемо! И возможно стать – Великим купцом!»

Владыка часто замещал ушедших в отпуск священников, сам служил священническим чином. Бывало, вместо требного священника совершал в соборе отпевания, сам исповедовал народ. «Все потихоньку уйдем из жизни, а потому, мои дорогие, не теряйте времени, спешите исповедоваться батюшке Афанасию, который направо и налево грехи прощает», – любил шутить Владыка. И сам он часто исповедовался у отца Афанасия и говорил, бывало: «Готовиться уже к смерти надо, а все лень...»

«...Дорогие мои, – обращался Владыка к народу, – не повторяйте на исповеди свои исповеданные грехи. Если вы, однажды покаявшись, не совершили того же греха, то будьте уверены, что в небесной книге Ангел ластиком стер, ножичком подчистил и выбелил то место, где был вписан ваш грех. Нет

больше его, нет и надобности о нем, о раскаянном грехе, многократно говорить».

Об исповеди Владыка как-то написал: «Исповедуйте свои ошибки тем, кому доверите сердце Ваше!

Один грек, иеромонах в Таганроге, 50 лет тому назад перед исповедью мне сказал: «Ты смотри на меня как на глухого и слепого...» А я тогда был еще полу мальчик или полу мужчина и не понял слов его... Но когда я рассказал это Святителю, он рассмеялся и стал продолжать пить свой чай... Но как-то грек – священник из Чимкента был у меня... во время исповеди я вспомнил таганрогского грека-иеромонаха и стал, как Сарра, улыбаться под иерейским епитрахилем, вспомнив, что сказал мне тогда мой же Святитель: «Идеальнее иметь духовника и не глухого, и не слепого!» Мой тот Владыка не имел специального духовника, а исповедовался у всех иеромонахов своего Отроча монастыря. (Так ныне и я.)».

Владыка очень любил молитву. О его молитвенном правиле, наверное, не знал никто, потому что это была внутренняя, закрытая от мира жизнь его души. Но молился Владыка постоянно, и тому были свидетелями многие. Владыка молился подолгу, не только днем, но и ночью, в домашней церкви и в своей келье, где был нарядно украшенный святой угол, или же в кабинете, где на его рабочем столе стоял небольшой аналойчик, на котором лежал епитрахиль, книги и архиерейский чиновник. Часто можно было видеть Владыку стоящим во весь рост или коленопреклоненным перед святыми образами. У него не было установлено для молитвы определенного времени. В дневные часы он молился в промежутках между беседами и встречами с посетителями и в течение дня постепенно вычитывал все положенное монашеское правило. Но главное – он творил Иисусову молитву, которая непрестанно совершалась в алтаре его сердца.

Секретарем Епархиального управления при владыке Иосифе был протоиерей Стефан Теодорович, который приезжал на Минина лишь несколько раз в месяц, в основном на обед. Была машинистка Татьяна Павловна. Но всю текущую канцелярскую работу по большей части выполнял сам Владыка. В его лице

сочетались и секретарь, и машинистка, и делопроизводитель. В углу кабинета Владыки стояла старенькая зингеровская пишущая машинка, и днем и поздно вечером можно было слышать, как он одним пальцем стучит по ней, печатая ответы на письма, которых приходило великое множество. Но самое главное, посредством чего осуществлялось управление епархией, – это его молитвенное предстательство пред Богом. Ни один вопрос не решал Владыка не помолившись. Назначение священника на приход, перемещение священника или увольнение за штат все сопровождалось молитвой. Сугубо молился Владыка святому праведному Симеону Верхотурскому. Он называл праведного Симеона «инспектором Алма-Атинского Епархиального управления». Часто Владыка писал ему записочку, в которой задавал святому вопрос или излагал какую-то ситуацию, которая в то непростое время была трудноразрешимой (например, о замещении на приходе священника, когда нет достойного кандидата или если с мнением Владыки были не согласны в Совете по делам религии и оставалось только уповать на помощь Божию и молитвенное заступление святого). И вот Владыка писал записочку, вкладывал ее в икону с мощами праведного Симеона, вставлял на молитву и читал акафист этому святому, Спасителю или Царице Небесной. И обычно сложный вопрос вскоре разрешался чудесным образом. Находился достойный кандидат или звонили из Совета по делам религии и сообщали, что согласны с мнением Владыки: «Мы здесь подумали, Иван Михайлович, ладно, давайте делать так, как Вы предлагаете». И именно таким образом происходило решение многих проблем.

В архиерейском доме из прислуги была только Александра Диомидовна, или, как ее называли, тетя Шура, которая являлась и поваром, и уборщицей, и, прачкой. Но бывало, когда в выходной день тетя Шура отсутствовала, то и ее работу выполнял Владыка.

Почему Владыка всю работу старался выполнить сам? Все дело в его характере: он был очень подвижным, живым человеком. Ему было уже около семидесяти лет, но его никогда нельзя было видеть праздно отдыхающим.

Полет космонавтов

Апрель 1961 года. Впервые в истории человечества совершен полет в космическое пространство.

Захар Иванович Самойленко:

«Владыку вызывает к себе уполномоченный Вохменин Степан Романович и говорит: «Иван Михайлович, надо сказать проповедь в отношении этого «чуда»».

Я везу Владыку домой, он на заднем сиденье сидит, смотрю в зеркало, вижу – Владыка так пальцами крутит (всегда так делает, когда активно думает). «Так вот, – говорит, – Захар Иванович, давай будем готовиться. Проповедь надо сказать о Юрии Гагарине». – «Ох, ох, – отвечаю, – что же Вы будете говорить, Владыка?!» – «Что-то буду».

Приехали домой. Я наблюдаю. Он ходит по комнате. (Обычно если к проповеди готовится, то ходит, с собой разговаривает.)

Наступил день, когда надо произносить проповедь. Владыка вышел, как обычно, и начал примерно так: «Братья и сестры! Вы знаете, в какое время мы живем, какой прогресс совершается в мире! Много ученых изобрели много хорошего! А слышали вы – последнее событие произошло: наш молодой человек – Юра Гагарин – побывал в космосе! И оттуда вернулся! А ему, когда он полетел, Хрущев Никита Сергеевич сказал: «Юрочка, посмотри, есть там Бог или нет?»» И так продолжил Владыка: «Юрий Гагарин Бога не видел... а Бог его видел! И благословил!»

А в 1963 году, уже в частном разговоре, когда Валентина Терешкова полетела в космос, Владыка дальше развил эту тему: «Юра-то один виток сделал – невнимательный, мужчина, еще и напуган был... И Хрущев Вале говорит: «Валя, ты женщина с большим опытом, хорошенько посмотри, есть ли там боги!» Да, – продолжал Владыка, – действительно, Валя один виток сделала, другой виток сделала, смотрела-смотрела, раз наказ самого Хрущева, третий виток сделала – прилетела. И первым долгом: «Ну, как там, в космосе?» – «Да ничего, все хорошо». «Валя, ну, а мое поручение ты выполнила?» – «Да, выполнила, Никита Сергеевич». – «Смотрела?» – «Хорошо смотрела. Никаких богов

не видела». А Матерь Божия, – продолжал Владыка, – видела ее! И благословила!» В таком духе говорил Владыка.

Вохменин удивлялся, что же Владыка будет говорить. А он вот что сказал. Я записал проповедь Владыки на бумагу и передал уполномоченному».

Церковные реформы

Чтобы более понятна была атмосфера 60-х годов, в которые начинал свое служение в Алма-Ате владыка Иосиф, мы вынуждены напомнить о тех реформах, которые проводило Государство по отношению к Церкви.

Не последней по значимости причиной наступления на Церковь были экономические расчеты властей. Тяжелый удар, связанный с неимоверным повышением налога, был нанесен по материальной базе как Патриархии, так и в каждой отдельной епархии. Духовенство буквально разорялось.

Как образец, отражающий положение духовенства в этот период, можно привести письмо к владыке Иосифу клира Больше-Михайловской Рождество-Богородицкой церкви г. Караганды:

«Его Высокопреосвященству, архиепископу Иосифу Алма-Атинскому и Казахстанскому от священнослужителей Больше-Михайловской общины православных

Прошение

Обращаемся к Вам, Ваше Высокопреосвященство, с покорнейшей просьбой о выдаче на нас троих денежной ссуды в размере 6000 рублей (новыми деньгами) для окончательной расплаты с налогом, наложенным на нас в размере почти 11000 рублей на каждого. Осталось нам еще к уплате по 2000 рублей каждому к 15 ноября сего года.

Для расплаты с налогом нам пришлось взаимнообразно занимать у верующих прихожан, а больше уже занимать не у кого, почему мы вынуждены обращаться к Вашему Высокопреосвященству с этой просьбой.

Мы даем обязательство в том, что из зарплаты, приходящей на наши руки, 50 % Церковный Совет ежемесячно будет удерживать с нас для оплаты ссуды, занятой из Епархиальных средств.

Мы выражаем надежду, что Вы, Ваше Высокопреосвященство, не откажете в нашей просьбе.

К сему: настоятель архимандрит Севастиан (Фомин),

Священники: А. Кривоносов, П. Коваленко».

Сам же Владыка не давил на приходы в отношении налогов и не заставлял сдавать государству большие суммы. Кто сколько сможет, по силам. Он понимал нужды Церкви и нужды людей.

На владыку Иосифа тоже был наложен огромный налог. Однако этого Горфинотделу казалось недостаточным, и изыскивались любые поводы, чтобы увеличить этот налог до крайности. Начальник Управления государственных доходов писал в марте 1961 года уполномоченному по делам Русской Православной Церкви С. Р. Вохменину: «...Поскольку Епархиальный архиерей Чернов И. занимается совершением религиозных обрядов не только в большие годовые религиозные праздники, но и в обычные воскресные и даже в субботные дни, выполняет другие потребности верующих, т. е. занимается выполнением религиозных обрядов и треб постоянно, поэтому он... подлежит обложению подоходным налогом по ставкам, установленным ст. 19 Закона об этом налоге.

21 марта 1961 год»⁹¹.

Алексей Самуилович Сапожников:

«В 60-м году Владыку перевели в Алма-Ату, и он меня тоже забрал с собой из Петропавловска. А в 61-м году возникла 19-я статья об уплате налогов. Все налоги за обслуживающий персонал приписали Владыке, и в итоге ему к уплате наложили такую сумму, что от его зарплаты не оставалось абсолютно ничего. Тогда уполномоченный ему диктует: вот у тебя там есть уборщица, у тебя там есть кухарка, у тебя есть парень (на меня указывает), который тебя охраняет, – он на производстве работать может, есть шофер – так ты их сократи.

Когда Владыка приезжал от уполномоченного, он вздыхал: «Отцы, для того чтобы сейчас быть служителем Церкви, нужно быть жертвой».

Дело утряслось тем, что ему оставили уборщицу и шофера. Но нам пришлось расстаться.

Однажды, незадолго до моего увольнения, принесли Владыке почту. Он рассматривает, сортирует все по кучкам. Одно письмо оказалось для меня, и он мне его передал. Это была справка Верховного суда о том, что дело мое, за которое я 10 лет в лагерях отбывал, а затем 6 лет находился в ссылке,

пересмотрено и закрыто «за отсутствием состава преступления». Я показал письмо Владыке, он прочел и сказал: «Ну вот, с этой справкой на Страшном Суде так пройдете».

Когда стоишь около огня – он тебя греет. Так и около этого человека. И в лагере, и после ссылки я согревался теплом его души, я воскрес рядом с ним, как из мертвых. Он укрепил меня и физически, и духовно. И по сей день я дорожу им и помню его доброту».

Служение ближним

Однако невероятные налоги не стали для владыки Иосифа препятствием к тому, чтобы помогать людям. Как-то однажды он выразился: «За что, за что, а за деньги мне не придется держать ответ пред Богом на Страшном Суде, потому что я никогда не имел к ним пристрастия и не копил их. Может быть, поэтому они всегда у меня были».

Владыка щедро благотворил. Многим студентам Владыка покупал костюмы, рубашки, обувь. Высылал в Семинарию одежду для студентов. Многим немощным монахиням, живущим в миру, высылал деньги, посылки. Не обходил монастырей женских и мужских, которым высылал все, что мог. Две сестрички-монахини жили в Херсоне. Они очень помогали Владыке в заключении тем, что присылали ему посылки с продуктами. А когда Владыка служил в Алма-Ате, то уже он их поддерживал – каждый месяц посылал как бы пенсии. Батюшкам давал «на дрова, на уголек». Он старался всем помочь. И жители улицы Минина и близлежащих улиц в трудные моменты всегда приходили в его дом и просили: «Владыка, помогите!» И Владыка всегда, чем мог, каждому помогал. Соседских детей Владыка всегда угощал конфетами, делал им подарки. А девочка Лена, жившая в соседнем доме и особенно любимая Владыкой, каждое утро подбегала к забору и находила на нем кулечек шоколадных конфет, который Владыка оставлял для нее. Он самолично каждый день заворачивал в платок или в бумагу несколько пригоршней конфет и рано утром оставлял их на заборе для этой девочки.

Он никогда не отказывал ни одному проходящему к нему за помощью человеку, кто бы он ни был. Не отказывал, если человек просил помочь купить ему билет, чтобы добраться до дома. Алкоголиков много к нему приходило, но им он денег никогда не давал, а давал что-нибудь покушать. «Водку, – говорил он, – без меня найдете, а закусить чем – я могу дать, чтобы не сильно опьянели».

Однажды Владыка поехал со своим водителем Захаром Ивановичем в детский дом (ул. Калинина – Бегалина). Он

набрал много конфет, кукол, игрушек, чтобы передать их детям. Но заведующая детским домом при виде духовного лица напугалась: «Нет, нет, не делайте этого! Вы знаете, что здесь поднимется?! Если хотите помочь – по счету перечислите нам деньги». И Владыка часто на этот счет деньги перечислял.

Любого человека Владыка мог встретить днем и ночью, для него не было преград. Еще не успеет человек нажать на кнопку звонка, а Владыка уже говорит своим домочадцам: «Идите скорее, открывайте калитку!» Он знал, кто к нему идет и зачем. А чаще приходилось Владыке самому бегать открывать калитку, поскольку лишних людей держать не разрешали.

Если, допустим, приехал священник и ему негде остановиться, Владыка накормит и приютит его в своем доме. Даже если священник приезжал на ул. Минина глубокой ночью с вокзала или аэропорта, он знал, что не прогневает Владыку. И наоборот, если Владыка узнает, что священник провел ночь на вокзале и не приехал к нему, это вызовет его недовольство.

Приезжали к Владыке иногда те, с кем он вместе сидел в лагерях, приезжали и военные, охранявшие зону.

Он очень любил людей и, как умудренный жизненным опытом, знал душу человека. Он говорил: «Когда человек перед моими глазами, на лице все написано, я вижу, что за человек, и знаю, что сказать. Я не боюсь никакого вопроса ни от кого. Если б люди знали, как они прекрасны в своей индивидуальности и в своем таланте и талантах». И еще говорил Владыка: «Самая дорогая ценность – все же не золото, деньги и богатство, а человек, его достоинство, его честь, его душевная красота: душевная красота на фоне веры или вера на фоне душевной красоты».

Но однажды к Владыке зашел бандит. Он позвонил, матушка Ольга открыла. На пороге стоял огромный исполин. Он отодвинул ее в сторону, прошел в келью к Владыке, схватил его, стал душить и требовать деньги. Владыка говорит ему: «Милый! Можешь меня обыскать, но у меня денег нет. Я бедный архиерей! У меня ничего нет! Я живу подаянием. Хотя у меня большая епархия и я многим помогаю, но сам я бедный. Если вы мне поверите, то отпустите и не делайте мне вреда!» И

Владыка, наверное, помолился. Бандит смягчился: «Ну, ладно, отец». Отпустил его и ушел. Однако с тех пор двери в его доме стали закрывать.

Владыка отдавал все, что у него было. Не только людям. Он всем животным соседским – кошечкам, собачкам и даже птичкам готовил вечерами подарочки и всех прикармливал. Любил животных. В доме у него были котята, которые впоследствии выросли, Ромка и Джулька, – это Ромео и Джульета. Он кушает, а коты (они тоже его любили) кто на колени к нему залезает, кто на плечо, и он с ложечки их прикармливает. Собаку свою любил – Джерри. Иногда он выносил ей рюмочку вина, а потом давал шоколадку. Такая собака была у него – московский водолаз, черная, огромных размеров, тогда еще единственная в Алма-Ате. Джерри привезли из Москвы и подарили Владыке. Каждое утро Владыка гулял с ним у штакетника своего дома или, что реже бывало, выходил на Ботанический бульвар. Тогда сбегались к нему все соседские дети. Владыка говорил о Джерри: «Это моя валерьянка».

Владыка вставал рано и готовил завтраки для своих близких. Сторожу своему, Павлу Никитичу (его Владыка прозвал по-библейски Лаваном), все время готовил кофе, жарил яичницу. Разбудит его (он выпивши все время был), посадит, напоит кофе, даст ему гостинцев и отправит домой. А когда он вечером приходил на ночное дежурство, Владыка всегда сажал его ужинать, наливал ему рюмочку и укладывал спать. «Пусть, – говорил, – поспит немножко». Уложит, ножки его поднимет, положит на постель, укроет одеялом и сам, бывало, всю ночь ходит туда-сюда.

В лагерях Владыка хорошо освоил поварское дело. И уже на Минина он часто сам готовил обеды. Особенно вкусный борщ у него получался. Захар Иванович привозил к обеду капусту, свеклу. У Владыки нож был такой специальный, он все это разделявал им, как артист.

Всегда у него полный стол был, до последнего дня. Любил говорить гостям: «Я – Авраам, вы – ангелы». Столовую в своем доме Владыка шутя называл «столовая имени 8 марта», потому что там готовили не женщины, а в основном сам Владыка. И все

– и сторож, и кухарка, и кого только не было, – все вместе за одним столом сидели, и все для него одинаковы были. Не было дистанции при его общении с подчиненными.

На каникулы к Владыке каждое лето и зиму приезжали ребята из Духовной Семинарии, жили у него. Он любил их принимать, угощать, он говорил: «Где они покушают вкусненько?» Владыка не любил принимать в среду и в пятницу. «Нечем угостить, и на стол подать нечего». Поэтому и не любил.

Владыка был наделен высоким положением, что могло бы позволить ему очень многое. Но в обыденной жизни Владыка был очень нетребовательный и старался все делать сам. Все видели, как скромно он жил, подражая в этом таким Вселенским Святителям и учителям Церкви, как Василий Великий и Иоанн Златоуст. Скромность и простота сопровождали его во всей домашней обстановке. У него была только самая необходимая и уже далеко не новая мебель, и, когда ему говорили, что надо бы мебель заменить, он отказывался: «Старый архиерей и старая мебель». Одевался он в простой подрясник, поверх которого всегда носил, даже летом, по причине частых простуд, ватную безрукавку-телогрейку (как он называл ее – «душегрейку»). Также и автомобиль, возивший Владыку, был уже старенький. «Дедушка ЗИМ» называл он его.

Татьяна Павловна Сосникова, делопроизводитель Алма-Атинского Епархиального управления:

«Однажды в начале десятого утра я шла на Минина на работу. В это время к дому Владыки подъехала машина, из которой вышел уполномоченный Степан Романович Вохменин. С ним были незнакомые мне женщина и мужчина. (Как потом оказалось, последним был прилетевший из Москвы зампред Совета по делам РПЦ В. Г. Фуров). Я зашла в калитку, и они безо всяких церемоний проследовали за мной. И в то время, когда они вошли в дом, Владыка стирал свой подрясник. Одет он был тоже в простой подрясник и ватную телогрейку. У него были мокрые руки и рукава. В первый момент, когда вошли гости, Владыка смутился, но тут же нашелся и сказал какую-то шутку. Пришедшие рассмеялись и прошли сначала в зал, а затем направились в келью Владыки. Он их остановил. «Минуточку,

минуточку, – говорит, – здесь женская рука отсутствует», и прикрыл покрывалом свою постель. Пока они разговаривали в келье с Владыкой, я поскорее сделала уборку. А когда они выходили из кельи, Владыка прошел вперед, они чуть сзади, и я слышала, как Фуров сказал Вохменину: «Самый нищий архиерей! В этом можно убедиться». Действительно, у него не было никакой роскоши».

По характеру Владыка был очень мягкий, отзывчивый, сердился редко, а чаще был веселый и никогда не унывал. Очень обходительный был со всеми, старался, чтобы с окружающими все было мирно, все было в любви и понимании. Владыка мог помочь женщине надеть или снять пальто и не смущался этим, наоборот, смущалась женщина, видя, что Архиерей ей помогает.

Любил смирение. Когда ехал на службу, он редко, только в большие Дванадесятые праздники заезжал в Собор с центрального входа, где ему ковры и дорожки постилали. А чаще заходил с восточной стороны, скромно – сердце-то смиренное не ищет почета. Редко при народе облачался, опять же по своему смирению он этого избегал.

Но более важная его помощь людям состояла в милости духовной. Он молился за всех приходящих к нему людей, помогал им словом утешения, мудрым советом. Он искал и утверждал на земле более правду Божию, нежели правду человеческую. Владыка жил глубокой верой, она была основой его жизни, поддерживала его и давала силу все переносить. Он всегда имел упование на милосердие Божие и знал, что все, что происходит, происходит по воле Божией или по Его попущению. Поэтому и людям, приходившим к нему за советом и наставлением, часто говорил ободряющие слова: «Все будет по-хорошему». Он, конечно, и сам молился о том, чтобы все действительно было по-хорошему, но в то же время верил и знал, что все, что совершается с человеком, совершается не без промыслительного Божия действия. И если человек доверится Богу и положится на Его святую волю, не противореча Ему желанием собственного лжеименного разума, если перенесет с благодарностью все, что Создателем будет попущено, то и

Господь не останется безответным к Своему созданию и в завершение искушения пошлет человеку благополучное его завершение и славный венец победителя.

Все поступки Владыки были благоразумные, мудрые. Он не только как администратор управлял Казахстанской епархией, но старчествовал и часто прибегал к юродству. Он никого грубо не обличал, не обижал, если что-то скажет – часто с юродством, и слова его были несколько прикровенные – вот и разумеи. Прозорливость свою Владыка часто скрывал и, бывало, говорил собеседнице: «Знаешь, мать, говорят, что Владыка прозорливый! А ведь я же не про-зор-лив! Вот, бывало, придет старушка, сидит и болтает. Да она десять раз про себя все расскажет, перескажет, а потом в заключение решит: «Прозорлив!» А я из ее же слов ей и говорю».

И с утра до вечера шли к нему люди, а он всех принимал, всех, кто нуждался в его совете, кто изнемогал под тяжестью своего жизненного креста, кто находился в борении, в искушении, кого нужно было утешить, ободрить, поддержать, утвердить в вере, всех тех, кто нуждался в его помощи. Основная черта характера владыки Иосифа – это его человеколюбие. Он был, по слову апостола Павла, всем для всех: для нуждающихся – скорым помощником, для плачущих – утешителем, для страждущих – врачом... И как добрый пастырь, направлял он словесное стадо среди стихии разгулявшегося безбожия к тихой Христовой пристани, к безмятежной гавани – Церковной ограде, поскольку сам он, пройдя и поlying большевистского террора, и пламя фашистского насилия, был искусным кормчим и множество-множество раз «...сам искушен быв, мог и искушаемым помощи»⁹².

Беседуя с нами, владыка Иосиф «то на небо поднимался, то в ад спускался». Он говорил о проблемах человеческой жизни, о страстях, о добродетелях и обо всем приводил примеры. Все просто, наглядно и понятно; нужно жить: семья – работа – Церковь. «Живите в Православии. Вся Россия была – общественный монастырь, потому что все жили по церковному уставу, который не только для монастырей, но и для всех православных. Поэтому все очень просто: ходите в церковь,

молитесь, живите счастливо по законам любви». Владыка жил для Церкви и для людей. Всех в себе носил, всех любил, обо всех беспокоился. «Что пользы от продолжительной жизни человека, – не раз говорил Владыка, – если он не был милосердным. Такой человек не жил, а медлил в жизни, не поздно умер, а долго умирал».

Владыка учил ко всем относиться ровно – и к умным, и к неразумным, и к добрым, и к злым. «Злых делай добрыми своим примером, – наставлял он, – а лучших – лучшими. За Божественной Литургией всех поминай – любящих и ненавидящих тебя».

Очень внимательный был, терпеливый. Не любил, когда к нему обращались с пустыми вопросами, не зная, чего сами хотят. Он любил людей самостоятельных. Иногда, чтобы самому сориентироваться в отношении пришедшего к нему человека (особенно женщин), делал так: независимо от возраста пришедшей говорил: «Женишок у меня есть, у него домик есть, у него машина есть. Как вы? Я вас сосватаю?» И здесь он смотрел на реакцию, он говорил, что на лице все написано. «Если, – говорил, – человек пришел серьезный, за делом, то отвечает кратко: или что у меня есть муж, или что мне этого не надо». Тогда Владыка выслушивает человека и дает совет. А если начинает улыбаться, и она уже забыла зачем пришла, и согласна замуж выходить, тогда совсем в другом русле пойдет разговор.

Часто приходили к нему люди брать благословение на операцию. Он говорил: «Врачи от Бога, доверяйтесь врачам». А сам, конечно, много молился, и, как правило, все заканчивалось благополучно.

Приходила однажды к нему женщина-казашка брать благословение на лечение. «Я, – говорит она, – травами лечу». Владыка благословил.

Другая пришла старая казашка-мусульманка и спрашивает, не знает ли старший «мулла» Алма-Аты (то есть Владыка) о старухе-знахарке, лечащей все болезни? Можно ли лечить у нее сына, страдающего припадками?

– Я ей рекомендовал, – рассказывал Владыка, – законную медицину, к которой прибегаю сам и имею пользу. Мне восьмой

десяток лет и еще работаю. А «бабок» я никогда не знал и борюсь с ними, давая здравые советы тем больным, с которыми в жизни приходится встречаться.

25 февраля 1963 года владыка Иосиф был награжден правом ношения креста на клобуке, а 11 мая того же года награжден орденом св. равноапостольного князя Владимира II степени.

25 февраля 1968 года, в день празднования Иверской Иконы Божией Матери и памяти Святителя Алексия, митрополита Московского, владыка Иосиф был возведен Патриархом Алексием I в сан митрополита и награжден вторым орденом святого князя Владимира I степени.

Общение с уполномоченным

Время от времени Владыке приходилось общаться с уполномоченным Степаном Романовичем Вохмениным. Степан Романович вызывал его к себе в горисполком, где на третьем этаже располагался его кабинет. Владыка всегда ехал, одетый в рясу, даже летом. Перед отъездом, надевая рясу, Владыка говорил: «Дайте-ка мне ладану побольше!» Ему приносили кадило, и он кадит под рясой, чтобы она пропиталась ладаном. Вот он зарядится ладаном и едет в Горисполком.

У Владыки были неплохие отношения с уполномоченным. И вообще, он мог найти подход к любому человеку. Он никого не огорчал, ни на какие конфликты не шел. Так и с уполномоченным Владыка никогда не разговаривал в резких тонах, а всегда обращался мягко, так что тот не мог ему отказать. Ведь когда человек имеет веру, имеет смирение и просит Бога, чтобы Господь Сам вразумил его и помог, Господь Духом своим направляет разговор в нужное русло. И хотя Вохменин был и коммунист, и атеист, но не мог устоять при проявлении силы Божией, не мог противоречить Владыке, и обычно они договаривались. Своей святостью Владыка влиял на души других людей.

Владыка часто защищал и отстаивал священников. Такой случай был. В Караганде протоиерей Алексей Улович причастил в больнице умирающую христианку, что по закону в то время было запрещено делать. Власти подняли шум и требовали его запретить. А Владыка упросил Вохменина, и отца Алексея оставили. Владыка всегда стоял на стороне священников, он ценил их.

Вот некоторые отзывы о владыке Иосифе в отчетах уполномоченных:

«Митрополит Иосиф умело представляет Церковь при встречах с иностранными делегациями и бывает в этих делах полезен, в то же время упустил из-под своего контроля епархиальные финансовые органы, углубляясь в дела «духовные», создав сильные церковные хоры, стремясь омолодить кадры членов «двадцатки» и снять ограничения с

колокольного звона. ...Митрополит Иосиф проявляет усердие в архиерейских службах, проводит их, несмотря на возраст, регулярно. Проповеди произносит регулярно, выразительно, с подъемом. ... Весьма умело митрополит Иосиф уводит паству от решения острых политических и социальных задач, убеждая слушателей, что в мире нет ничего лучше Христа и нужно чаще собираться верующим вместе, в тесном союзе поддерживать Церковь земную; спасти не только верующих, но и неверующих и не стремиться угождать людям».

Происшествия в пасхальную ночь

Светлая Суббота. Время приближается к 12 часам ночи. В Никольском Кафедральном соборе прочитан канон «Волною морскою». Крестный ход, возглавляемый владыкой Иосифом, двинулся вокруг храма. Море народу. За шествием наблюдают отряд милиции, пожарный наряд и народные дружинники. Вдруг погас свет, и у стен собора вспыхнул пожар. Горела кинолента. Среди народа началась паника. Пожарные быстро ликвидировали очаг возгорания, народ успокоился, богослужение продолжалось. Откуда взялась кинолента? Хулиганам удалось украсть в кинотеатре «Целинный» целую коробку с семью частями фильма «Индийский бродяга», в четыре слоя обмотать вокруг собора и поджечь.

В другой раз на Пасху в Никольский собор в числе молодежи пришли хулиганы. И во время Литургии им удалось проникнуть в алтарь, где они начали бесчинствовать – стаскивать с престола облачение, Антиминс и Евангелие. Организовалась большая группа верующих, которые вытолкали хулиганов из алтаря.

Владыка призвал народ успокоиться и сказал такие слова: «Братья и сестры, успокойтесь! Это мы с вами так воспитали молодежь, так что не обижайтесь на наших детей и внуков». Народ в храме успокоился, Владыка продолжил службу.

Поездки по епархии

На протяжении пятнадцати лет своего служения на Алма-Атинской кафедре митрополит Иосиф совершал частые поездки по приходам своей обширной епархии. Он управлял 16-ю областями Казахстана, и поэтому ему приходилось много ездить во все уголки республики.

«Вот мы раскатались и в прохладном Актюбинске оказались с апостольским визитом... Град большой, и труб много... Но наш цех – скромн здесь. ... И этим пусть будут довольны! Вот Семипалатинск – совсем другое дело: и Иртыш, и собор, и многое археологическое красивое... На 13 ноября полетим, вероятно, в знаменитый (ныне) Целиноград, а к Михайлову дню – в Караганду.

А в Алма-Ате еще во всей красоте золотая осень, и досадно ее покидать всегда, хотя и на малый необходимый срок по службе.

Так и живем, так и стареем и доживаем свой срок земной», – писал Владыка в одном из писем.

Посещение Владыки было праздником для каждого прихода. Своим архипастырским словом он умиротворял церковные дразги, стараясь везде внести дух мира и братолюбия, предупреждал воздерживаться от клеветы, говоря, что даже могущественный царь и пророк Давид, имевший множество воинов, и тот взывал к Богу: «Избави мя, Господи, от клеветы человеческия».

Владыка часто летал самолетом, но любил ездить на автомобиле даже на большие расстояния – в Чимкент, в Семипалатинск. Дякона и иподиаконов Владыка отправлял поездом, а сам ехал на своем стареньком черном ЗИМе вдвоем с водителем.

«Бывало, ночью едем, – вспоминает шофер Владыки Захар Иванович, – Владыка сзади сидит и всю дорогу что-нибудь рассказывает, чтобы я не уснул. Он был прекрасный рассказчик. Когда он рассказывает, ты будто видишь все это. Он обладал всесторонними познаниями, хорошо знал художественную

литературу, медицину. Я спрашивал: «Владыка, откуда все это?» – «Это из жизни моей».

Однажды мы приехали с Владыкой в Талды-Курган. В 9 часов утра он начал служить Литургию, а в 10 часов началось землетрясение. Я стоял на улице, и на моих глазах развалилась крестилка. Смотрю – мой ЗИМ ходуном ходит. Молитвенный дом, где идет служба, ветхий, вот-вот рухнет. Я бегу в алтарь спасать Владыку. В церкви все спокойно, народ молится, Владыка стоит у Престола. Я подхожу: «Владыка, – шепчу, – землетрясение!» – «Я слышу без тебя» – отвечает. «Владыка, – продолжаю, – надо уйти!» – «Ты иди к машине». – «Владыка, – настаиваю я, – выходите на улицу!» – «Иди к машине. Что Господь даст, то и будет». Служба закончилась благополучно.

В этот же день мы возвращались с Владыкой в Алма-Ату. По дороге были заметны следы землетрясения, повалилось много саманных домов. А в молитвенном доме, где совершалась Литургия, даже трещины не было. Это чудо. Господь нас сохранил.

Каждый год весной, когда начинали распускаться деревья, мы ездили с Владыкой в рощу Баума на место убиения епископа Пимена⁹³. Поездки эти были секретные – только он и я, вдвоем. Чтобы заметить это место, я прибил вблизи на дерево гвоздь и повесил на него старый башмак. По этой метке мы всегда находили это святое место. Владыка служил там панихиду, и мы уезжали».

Так же паломничал в Аксайское ущелье к могиле преподобномучеников иеромонахов Серафима и Феоноста.⁹⁴

Но особенно любил владыка Иосиф ездить в Караганду. Он говорил: «Караганда медом помазана», «Караганда на святых костях стоит» и «Поедем в благословенную Караганду». Ведь он сам последние шесть лет своего заключения находился в одном из многочисленных лагерей Карагандинской области, в поселке Актас, где работал на строительстве кирпичного завода, и видел и пережил все ужасы Карлага. Не однажды, приезжая в Караганду, Владыка ездил в Актас к своему бывшему бригадиру⁹⁵. У них были дружественные отношения. В 70-е годы

Лидия Владимировна Жукова его на автомобиле возила в Актас⁹⁶.

Обычно Владыка приезжал в Караганду на престольные праздники – Рождество Пресвятой Богородицы (в честь этого праздника освящен основанный преподобным старцем Севастианом Карагандинским храм в районе Большой Михайловки) или Архистратига Божия Михаила (его храм находится в районе Тихоновки). С какой радостью встречали Владыку карагандинцы! Женщины платки кидали ему под ноги, фартуки, кофты снимали и кидали, чтобы только ступила на них нога Святителя. Очень почитали в Караганде владыку Иосифа.

Владыка с любовью относился к преподобному Севастиану. А после его блаженной кончины (1966 г.) Владыка так выразился: «Я несомненно уверен, что Батюшка в лике преподобных»⁹⁷.

Также очень почитал карагандинских стариц – схимонахиню Анастасию и монахиню Агнию. По дару пророчества, которым обладали обе матушки, Владыка называл их «карагандинские Сивиллы». Но более он был близок по духу с матушкой Агнией и часто посещал ее, когда приезжал в Караганду. Мать Агния была иконописцем, и несколько икон ею было написано в дар владыке Иосифу. В одном из писем, адресованных Владыкой матери Агнии, есть такая фраза: «Мать Божия на Страшном Суде улыбнется матери Агнии». Владыка Иосиф и мать Агния могли без слов общаться друг с другом. О них карагандинцы так говорили: «Друг друга не видят, а работают на одной волне».

Выборы патриарха

До последних дней своей жизни митрополит Иосиф имел исключительное доверие среди верующих. Его знали как Архиерея святой жизни, стойкого и энергичного, ревностного и усердного к Церкви, проявляющего большую независимость в управлении своей епархией. После кончины в 1970 году Святейшего Патриарха Алексия I, когда встал вопрос о выборе Патриарха, митрополит Иосиф, несмотря на то что в годы войны был под немецкой оккупацией и 20 лет провел в лагерях и ссылках, чего не любили светские власти, имел предложение баллотироваться на Патриарший престол.

По этому вопросу в предсоборный период (в 1970–1971 годах) три раза приезжали к Владыке в Алма-Ату московские делегации, состоящие из высокопоставленных государственных чиновников. В том числе был и зампред Совета по делам РПЦ В. Г. Фуров. Владыку убеждали не отказываться и заверяли: «Годы Ваших заключений не станут для Вас препятствием».

Местный уполномоченный Вохменин предлагал ему: «Выставляйте Вашу кандидатуру в Патриархи, мы Вас поддержим», на что митрополит Иосиф ответил: «Мне вашей поддержки не надо».

Около двух тысяч московских верующих и духовенства обратились к митрополиту Иосифу с просьбой не отказываться ради блага Церкви стать кандидатом в Патриархи, добавляя, что в противном случае он ответит пред Богом на Страшном Суде⁹⁸.

Митрополиту Иосифу шел уже 78-й год, он отклонил предложение баллотироваться на пост Патриарха, объясняя, что он слишком стар и имеет только начальное образование⁹⁹. Но сам владыка Иосиф, несомненно, переживал за судьбу Церкви и молился о том, чтобы на Российский престол был возведен достойный Первосвяtitель.

И, таким образом, на Поместном Соборе, открывшемся 30 мая 1971 года в Троице-Сергиевой лавре, для избрания на престол Патриарха Московского и всея Руси был предложен один кандидат – Местоблюститель патриаршего престола митрополит Пимен.

Протоиерей Валерий Захаров, настоятель Свято-Никольского собора г. Алма-Аты:

«Помню, в 1970 году в Алма-Ату к владыке Иосифу приезжал владыка Питирим (Нечаев) с предложением баллотироваться на Патриарший престол. Я не знаю всех причин, по которым митрополит Иосиф отказался от этого предложения, но нам, находящейся возле него молодежи, он объяснял так: «Я ведь неуч, ничего не закончивший, не имеющий никакого образования. Да и что же мне становиться Патриархом в таком возрасте?»

А потом, уже после избрания Патриарха Пимена, владыка Иосиф шутил: «Но если бы я знал, что Пимен (!) станет Патриархом, то я бы тогда не стал отказываться!» С юмором говорил, конечно. Он любил и уважал Святейшего Пимена. И, помню, владыке Иосифу нравилось то, как Святейший Пимен совершает Богослужения. Я, учась в Московской Семинарии, привозил несколько кассет с записями его Богослужений, которые он совершал в Богоявленском соборе. Владыка слушал их, делал какие-то свои небольшие замечания в некоторых моментах, но в целом ему очень нравилась манера служения Патриарха Пимена. Нравались ему и его проповеди, которые были очень краткими – 5–10 минут, но назидательными, глубоко содержательными, насыщенными выдержками из Священного Писания и святоотеческими изречениями.

И еще одна причина, по которой, на мой взгляд, владыка Иосиф отказался баллотироваться в Патриархи. Он нес особый подвиг, который у носителей архиерейского сана встречается крайне редко. Это был подвиг юродства. И многие архиереи того времени не всегда серьезно воспринимали владыку Иосифа, потому что не понимали его поведения и видели в нем такого своеобразного чудака, который позволяет себе поюродствовать в каких-то ситуациях. Он, например, мог позволить себе в проповеди некоторые вещи, которые не может позволить себе другой проповедник. Другого бы не поняли. А проповеди Владыки всегда прекрасно воспринимались. И не только в проповедях, не только в беседах, в общении, в поведении проявлялся этот подвиг юродства, он проявлялся во всей его

жизни. Но, конечно, если более внимательно и пристально вглядываться в то или иное юродство Владыки, можно было понять, если не сразу, то со временем, почему он поступал именно таким образом и что за этим его юродством таился очень глубокий смысл.

Я не знаю, что послужило причиной того, что он взял на свои рамена этот подвиг, я также не знаю, с какого времени он его нес, но думаю, что подвиг этот он совершал не без благословения. Но опять же, чье это было благословение, я не знаю, потому что Владыка об этом никогда не говорил. Можно предположить, что это было благословением архиепископа Арсения или другого старца, но вероятно, что это благословение было для владыки Иосифа пожизненным. И этот подвиг неотступно, постоянно был вместе с ним, он нес его через всю свою жизнь. И может быть, в силу того что быть юродивым и быть Первосвятителем Церкви – это две вещи несовместимые, владыка Иосиф и отказался от этого предложения».

Александра Яковлевна Юрпольская, прихожанка Свято-Никольского собора г. Алма-Аты:

«Когда мы услышали, что Владыку хотят забрать в Москву и поставить Патриархом, то очень огорчились. И вот пошли мы с Любой к нему, только калитку открыли, Владыка идет навстречу: «С каким горем, – спрашивает, – пришли?» – «Владыченька, – говорим, – нам сказали, что тебя заберут в Москву!» Он: «Никуда меня от вас не заберут. Я с вами тут буду умирать. Вы меня здесь похороните. Хотел бы я сбросить вас со своей шеи, да не могу, так и умру. И вы так и будете здесь вот у меня на шее и за могилой. Так и придется за вас молиться. А умирать я здесь буду. Меня будут резать, резать и зарежут...»

И на подобные вопросы Владыка отвечал не без юмора: «Пока старухи не перемрут алма-атинские, я никуда не должен ехать».

Вернувшись с Поместного собора, владыка Иосиф рассказывал своей пастве, о том, как проходила интронизация нареченного Патриарха¹⁰⁰. Как он, митрополит Иосиф, являясь старшим по хиротонии в российском епископате, вдвоем с другим старейшим иерархом облачали Патриарха. «И когда, –

говорил он, – мы надели на него куколь (при облачении Патриарха куколь надевается последним), лицо Первосвященителя преобразилось и стало как лицо ангела. Это был небесный человек, на него страшно было смотреть». Об этом владыка Иосиф рассказывал с амвона. И продолжал: «Доложу, где я был. Были на обеде. За обедом я позволил себе немного повеселить Первосвященителя, и владыка Святейший смеялся, как мальчик. И даже руками придерживал свой живот и говорил: «Владыка! Владыка! Я никогда в таком веселье не был, как сегодня! Вы как в детство меня вернули!» Вот так я провел время в Москве».

9 сентября 1972 года в связи с 40-летием архиерейского служения, во внимание к усердному служению Церкви Божией, Святейший Патриарх Пимен наградил митрополита Иосифа правом ношения двух пананий.

Город в опасности

Со временем митрополит Иосиф приобрел большой авторитет не только у верующих казахстанцев, но и у руководителей Республики, которые порой, в сложных обстоятельствах, приезжали к нему за помощью и советом.

Когда в июле 1973 года Алма-Ате угрожала опасность селевого потока, уполномоченный, Степан Романович Вохменин, приехал к Владыке. «Иван Михайлович, – говорит, – у нас вот такая критическая ситуация. Так Вы ТАМ походатайствуйте». Не сказал «помолитесь», но «походатайствуйте».

Архимандрит Наум Свято-Троицкой Сергиевой Лавры вспоминает:

«В 1973 году намечалось в Алма-Ате большое бедствие, жара очень большая (при такой жаре оттаивают льды даже на Арарате и остов корабля Ноева ковчега всем виден бывает, и туда путешествуют, кто может и желает).

Вечером, взойдя в алтарь Никольского собора, Владыка говорит: «Видите, жара 40 градусов». И показал, что на нем надет один подрясник.

В Большом Алма-Атинском ущелье была широкая дамба, высотой 100–120 метров. (Взрывали горы, камнями перекрывали ущелье и возили землю заранее.) Но было предчувствие катастрофы: пастухи-казахи спешно гнали скот на высоту гор. Высоких гостей из Москвы на вертолетах поднимали над дамбой, откуда было видно, как огромные ледяные горные глыбы толщиной в десятки и сотни метров спускались с высот. Миллионы кубометров воды накопилось у плотины – земля начала пропитываться влагой, и вал-дамба вот-вот могла не выдержать, и вода, получившая простор, с огромной скоростью должна была хлынуть по ущелью в город. Такое бедствие было 50 лет назад в 1921 году, и следы огромных валунов еще и теперь указывают о бывшем бедствии.

Но владыка Иосиф слезно молился – да отведет Господь наказание людей за их идолослужение и богоборство – не знают, что делают. Особенно просил святителя Николая помочь. Владыка говорил, приезжали к нему два генерала и спрашивали:

«Что делать? Ведь может быть разрушен весь город Алма-Ата». Владыка Иосиф утешал товарищей: «Беды не будет, мне Николай угодник поведал – молитвы ваши на земле и на небе принял Бог, и беды не будет. Хотите, я по радио выступлю и скажу слово утешения людям?» Укрепились начальники города духом, организовали контроль. Все оцепили, на мотоциклах – объезды, стали перебрасывать по воздуху баржи, насосы, трубы, шланги больших диаметров и большой длины и перекачивать воду из одного образовавшегося водохранилища в речку; и постепенно включали выходные засоренные шлюзы, водопроводы. И вода стала убывать, и по молитвам Церкви жара стала спадать – катастрофы не случилось».

По миновании опасности Владыка на проповеди сказал своей пастве: «Мы здесь молились, а Матерь Божия на Медео была».

И еще в одной из своих проповедей говорил Владыка такие слова: «Мы, алма-атинцы, живем у подножья Тянь-Шанских гор. И, с одной стороны, мы счастливы тем, что красота этих гор радует глаз человека, но, с другой стороны, горы таят опасность землетрясений и селевых потоков. Но Алма-Ата никогда не будет снесена селом и никогда не будет разрушена землетрясением, потому что у нас есть замечательные молитвенники в лице Митрополита Алма-Атинского Николая и Карагандинского старца схиархимандрита Севастиана».

Последнее посещение Караганды

В начале июня 1975 года владыка Иосиф в последний раз посетил Караганду, о чем свидетельствует епархиальная хроника:

«Еще накануне о приезде Владыки было неизвестно верующим, но вскоре эта весть молниеносно разлетелась в обширном приходе Караганды, и толпы верующих богомольцев с раннего утра отовсюду спешили в родной храм, чтобы утешить сердца в совместной благодатной молитве с дорогим Архипастырем.

Как обычно, ни на минуту не опаздывая и не поспешая, под радостный перезвон мелодичных колоколов, ровно в девять утра остановилась у паперти храма Рождества Пресвятой Богородицы церковная машина. По древнему русскому обычаю церковный староста приветствовал преемника апостолов хлебом-солью и краткой речью, а женщины – букетами цветов. По пути, осыпанному лепестками роз, Владыка вошел в храм. ... Торжественное Богослужение маститого иерарха, воодушевленное пение хоров, трогательное приветствие Преосвященного митрополита к карагандинской пастве – все это оставило неизгладимое впечатление в сердцах верующих. Долгие еще часы толпы богомольцев не оставляли церковный двор, как бы выражая тем глубокую признательность за полученное духовное утешение и радость церковной молитвы.

4 июня, 1975 год».

О том, что этот приезд в Караганду станет последним для владыки Иосифа, здесь же, на церковном дворе, было предсказано ему схимонахиней Анастасией. «Благословите, Владыка! Мы больше не увидимся», – сказала карагандинская старица старцу-митрополиту. Но Владыка не хотел воспринять это предсказание и, вернувшись домой, ворчал: «Она! Предсказала! Анастасия! Что я больше не буду в Караганде! Все, я еду в Целиноград, а на обратном пути заезжаю в Караганду!» Но этого не произошло. Владыка действительно летом поехал в Целиноград, но в Караганду не попал. Обстоятельства сложились так, что из Целинограда ему срочно пришлось

вылететь в Алма-Ату. А вскоре у него случился приступ, и 4 сентября 1975 года Владыка почил.

Кончина святителя

Владыка Иосиф до глубокой старости сохранял крепкое здоровье, его беспокоили лишь частые простуды, о чем упоминал в письмах последних лет: «Почти не хвораю, а если немножко, то по закону уже». «Мы живем, служим, немножко летаем и чуточку для порядка хвораем». «Готовлюсь к Варваре святой и храму святителя Николая, а сам гриппую. Здесь ходит грипп. Это дóндеже установится зима, а пока еще запоздалая осень».

Нина Алексеевна, лечащий врач митрополита Иосифа:

«Последние два года я почти неотступно находилась при Владыке. И когда он чувствовал себя плохо и я была нужна, Захар Иванович ехал за мной и меня привозил. У Владыки не было органических заболеваний, он никогда ни на что не жаловался. Единственное, что у него было, – это явления возрастного характера, то есть изношенность органов, как у каждого пожилого человека. И я, собственно, не лечила его, а поддерживала – где-то проведешь поливитамины, где-то немного поддержишь сердце. Но в общем он чувствовал себя хорошо и всегда говорил: «Все хорошо, мать, значит, будем хорошо себя чувствовать».

Но время шло, и мысли Владыки все чаще устремлялись к неизбежному переходу от временной жизни к вечности. «А нам, старикам, пора вещи чемоданить в невозвратный путь. Такова Богом установленная природа земнородным! Там счастья много увидим, а как получить его, хотя частицу, зависит от наших еще на земле, здесь дел... О, чудесе!» И еще писал Владыка: «Но надо смириться перед законом законов... И мне страшно делается, когда вспомню о своем исходе... И Сама Богоматерь, как говорит Предание, страшилась часа исхода!»

Пересматривая прожитую жизнь, владыка Иосиф вспоминал все основные вехи своего жизненного пути: годы служения и годы заключения, годы радости и годы печали и страданий. Последнее вспоминал без горечи, а как годы, посланные Богом для стяжания одной из высших христианских добродетелей – смирения. Он писал:

«Родился 1893 г.
Монастырь 1910 г.
Иподиаконство 1912 г.
Монашество и иеродиаконство 1918 г.
Иеромонашество 1920 г.
Набедренник 1921 г.
Наперсный крест 1922 г.
Игуменство 1924 г.
Архимандритство 1927 г.
Епископство 1932 г.
Смерть ?
По мирскому выражению – «карьера».
Смирение: 1925 г. – 2 г.
1935 г. – 5 г.
1944 г. – 10 г.
1954 г. – 2 г.
мелочь 1 г. Итого?

От нечегоделания в настоящую ночь сделал подсчет».

Вспоминал Владыка и своих обвинителей, которые, поражаясь на допросах силой его веры, его честности и неподкупности, говорили: «Христианство имеет особенные свойства!» За полгода до смерти Владыка сказал: «Эти слова можно будет написать и на моем кресте».

Вспоминал Владыка и пророчество Российского старца, в пустыньку к которому он ездил с владыкой Арсением в разгар революции, о том, что умрет он не своей смертью, и Таганрогскую старицу Марию, повторившую его слова. Владыка знал, что смерть его будет от ножа, но, каким образом это произойдет, было от него сокрыто. Но приближение кончины Владыка предощущал.

Незадолго до своей смерти, во время Литургии, перед проповедью Владыка сказал в алтаре всем священникам: «Выходите на солею, я буду сейчас проповедь перед святителем Николаем говорить». В иконостасе с южной стороны от Царских врат в Никольском соборе помещена икона святителя Николая. Владыка встал на солее, спиной к народу, лицом к иконе, и к Святителю обращается с просьбой, чтобы он молился за народ,

за наш город, за всю епархию. Он обращается к нему как к живому: «Святитель Николай! Весь народ наш, всех наших прихожан, – рукой показывает, – не оставляй в своих молитвах, простирай им руку помощи, будь им помощник, заступник, предстатель...» – долго так он Святителю говорил.

Вечером 29 августа 1975 года митрополит Иосиф совершал чин погребения Божией Матери. Обходя с Плащаницей Никольский собор во время крестного хода, Владыка сказал: «Вот-вот, скоро и мое наступит успение». Это было последнее богослужение, которое совершил Святитель в своей земной жизни.

Через день, 31 августа, с ним неожиданно случился приступ, разрешившийся, после трех сложных операций, которые пришлось перенести Владыке, его кончиной.

Так сбылись пророческие слова российского старца, за много десятилетий увидевшего в молодом послушнике дивного во святых исповедника Русской Православной Церкви, светильника веры, благочестия, учителя кротости и любви, а также прозревшего ту кончину, которая ожидала этого великого Святителя Церкви Христовой.

Скончался Владыка 4 сентября на 83-м году жизни. И знаменательно то обстоятельство, что смерть его наступила после славного Успения Царицы Небесной, в день отдания этого праздника.

Нина Алексеевна Мурашкина, лечащий врач владыки Иосифа:

«Приступ случился в ночь на понедельник 1 сентября. У Владыка начались сильные боли в животе, и он попросил своего келейника Колю Карпова и приехавшего к нему в гости студента из Москвы Колю Лихоманова: «Нину Алексеевну, скорей, скорей!» И пока ребята меня нашли и привезли, было уже 4 часа утра.

Приезжаю. Заостренные черты лица, язык сухой, все признаки подтверждают, что желудочно-кишечный тракт прорвался где-то. Перитонит, самый настоящий общеразлитой перитонит. Но почему – не знаю, ведь у него все органы здоровы. «Знаете, Владыка, – говорю, – мы на этот раз дома с

вами ничего не сделаем. Надо ехать в больницу». – «Мать, – отвечает, – как решишь, так и будет». Тут же я позвонила, приехала «скорая». Владыку повезли в больницу. Я тоже поехала и оставалась с ним все время, пока его не прооперировали.

Ему сделали болеутоляющие уколы, собрался консилиум врачей, и женщина-профессор назначила бригаду, которая проведет операцию. Я объяснила Владыке, что операция – это крайность, это риск, но перитонит – хочешь не хочешь – без операции не обойтись.

Перед операцией Владыка был в сознании, на операцию шел спокойно. «Надо, мать, значит, надо».

Началась операция. Мне разрешили присутствовать в операционной. Врачи не смогли сразу определить причину перитонита и сделали три разреза. Предположив, что перитонит является следствием лопнувшего аппендицита, сделали разрез в этой области, но аппендицита не обнаружили. Следующий разрез был в области печени – там тоже не было патологии. И третий – в области желудка. И что же? Недалеко от желудка в тонком кишечнике большая рыбная косточка, которая прорвала его насквозь.

После операции Владыка приходил в сознание. Я дежурила возле него. Временами он стонал, был как бы в полузабытьи. Ночью проснется, спросит:

- Мать, ты тут?
- Тут, – отвечаю.
- Тяжело мне.
- Да, да, Владыка, я вижу, что Вам тяжело.
- Ребята его приходили, дежурили.

В последний раз я пришла к Владыке в 5 часов вечера 4 сентября. Он благословил меня и говорит:

- Слушай, ты меня отсюда увези.
- Куда же я Вас увезу, Владыка?
- В Алма-Ату.
- А Вы где находитесь?
- Как где? В Каскелене я нахожусь.
- Нет, Владыка, Вы в Алма-Ате находитесь.

– Ах, в Алма-Ате! Ну, тогда меня везти некуда. Владыка повернул голову и стал пристально, с интересом смотреть в одну точку. Через некоторое время я спросила:

– Владыка, что Вы там смотрите, что Вы видите?

Он ответил:

– Сонм бесплотных.

В 8 часов вечера этого дня Владыка скончался.

Рано утром на другой день с этой вестью приехали ко мне Захар Иванович с Колей Карповым. Мы поехали в больницу. Туда же приехал секретарь епархии отец Стефан Теодорович и другие священники. Владыка лежал на раскладушке в коридорчике. Мы с трудом убедили врачей не производить нового вскрытия и отдать нам тело Владыки. Приехали иподиаконы, мы забрали Владыку и повезли на улицу Минина.

Привезли. Отец Павел Милованов сразу стал служить литию. Пришли певчие, началась первая панихида. Владыку облачили, и гроб с его телом был поставлен в большой комнате перед домовым храмом».

Весть о кончине митрополита Иосифа была воспринята верующими с глубокой скорбью. Из приходов епархии прибыли в Алма-Ату клирики и миряне, чтобы отдать последний долг почившему Архипастырю. Из России приехали духовные чада владыки Иосифа, а те, кто в силу обстоятельств не смог приехать на погребение Святителя, свою скорбь и соболезнование выражали в письмах и телеграммах. Почтовые работники 12-го почтового отделения отметили небывалый поток писем и телеграмм в эти скорбные дни.

Телеграммы с выражением глубокого соболезнования прислали Святейший Патриарх Пимен, Блаженнейший митрополит Пражский и всей Чехословакии Дорофей, митрополит Таллинский и Эстонский Алексей. Передали соболезнование пастве покойного Святителя Митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим, митрополит Тульский и Белевский Ювеналий. Отпевание и погребение почившего митрополита Иосифа Святейший Патриарх Пимен поручил совершить временно управляющему Алма-Атинской епархией архиепископу Ташкентскому и Среднеазиатскому Варфоломею.

Всю ночь священнослужители читали Евангелие, а утром 6 сентября в домовой церкви Иверской иконы Божией Матерью была совершена заупокойная Литургия. Народ стекался к дому Владыки, и вся улица Минина была запружена людьми. Люди плакали, рыдали навзрыд. Когда в Никольском соборе началась всенощная, тело владыки Иосифа было к парастасу привезено в собор и встречено множеством съехавшихся богомольцев. Все верующие спешили в храм, чтобы проститься с любимым архипастырем и отцом и выразить свою любовь к нему в светлой молитве к Богу о упокоении новопреставленного в селениях праведных. От ворот до собора духовенство несло Владыку на руках. Всю эту ночь в храме также не прекращалось чтение Евангелия у гроба почившего Святителя. Было море цветов, которые с сердечной любовью принесли прихожане.

7 сентября архиепископ Варфоломей совершил заупокойную Божественную Литургию в сослужении 38 священников и трех диаконов. Отпевание было совершено по чину святительского погребения, составленному митрополитом Мануилом. В книге, содержащей это чинопоследование, рукою покойного Владыки написано: «Собственность архиепископа Алма-Атинского Иосифа. Подарок от митрополита Мануила – автора этого трогательного чина. По этому чину прошу меня отпеть, а эта книга останется кафедре. Архиепископ Иосиф. Конец 1965 года. Алма-Ата».

Во время отпевания были произнесены надгробные слова владыкой Варфоломеем и клириками епархии. Чин погребения длился около трех часов, затем гроб с телом Митрополита, при пении ирмосов «Помощник и Покровитель», был обнесен вокруг Никольского собора, после чего все проследовали на городское кладбище. Там, возле святой могилы митрополита Алма-Атинского и Казахстанского Николая (Могилевского), было приготовлено место упокоения второму Алма-Атинскому митрополиту. Гроб с телом дорогого Святителя был опущен в могилу... и, наверное, в тот момент шепнул блаженный Святитель своему предшественнику: «Подвинься, брате!»

В траурные дни града Верного
(Алма-Ата)

Могилы двух митрополитов
Стоят на страже града Верного...
Оне ручьями слез облиты
От горя тех, нелицемерного,
Кто в эту землю проводил сырую
Двух добрых Божиих служителей,
Создавших память о себе благу,
А ныне – верим – небожителей.
При жизни здесь они всегда дружили,
Друг другу братьями во всем являясь,
И по кончине рядом же они почили,
Как бы и там не разлучаясь...
И мы к Вам с умиленным слезолитием
Единое сейчас стремим моление:
У Господа себе на смену испросите нам
Архипастыря достойного на утешение!
Архимандрит Исаакий (Виноградов).
12/25 сентября 1975 г., г. Елец.

Так закончил свое земное странствие выдающийся иерарх Русской Православной Церкви, богумудрый старец-молитвенник митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф. Самоотверженно проследовал он по тернистому жизненному пути вслед за поругаемым и гонимым, заушаемым и распинаемым основоположником веры нашей Господом Иисусом Христом, мужественно претерпевая уничижения, гонения и притеснения. И на непоколебимой ладье веры, окрыляемой надеждой, прибыл к тихой Его пристани, имея с собой сокровища неистлеваемые, называемые смирением, долготерпением, бесстрашием и венчаемые Божественною любовью. И всему современному христианскому миру явил своею многоскорбной и многотрудной жизнью яркий пример нового Авраама и Многострадального Иова, Иосифа Прекрасного и Боговидца Моисея, вновь и вновь свидетельствуя, что для любящих Бога и соблюдающих заповеди Его «Иисус Христос вчера и днесь, тойже и во веки»¹⁰¹.

Р. С., или слово в завершение

Архимандрит Иоанн (Алексееenko):

«Много лет спустя после освобождения из лагерей я приезжал в Алма-Ату к Владыке. Он меня встретил, и первым долгом было у него угощение. Потом он сам убирал со стола тарелки, меня отправил отдохнуть и сказал: «Тут ангелы помогут посуду». Он был рад моему приезду.

Мы служили в его домашней церкви, была одна певица. «А за пономаря у нас будет гвоздь, – говорит Владыка, – покадим и повесим».

Владыка возил меня к духовнику – очень ветхий был старец. Мы исповедовались у него. Ездили в горы. Владыке нравилось в Алма-Ате, он писал мне: «Алма-Ата зимой – красота, а летом – рай».

Алевтина Федоровна Дикарева:

«После того как, освободившись из ссылки, владыка Иосиф остался в Казахстане, два-три года от него не было никакой весточки. И я не писала ему, решив, что Владыке не до нас. В 1960 году он сам написал нам из Алма-Аты письмо: «Уважаемая семья! Сережа, мама и папа! Так таинственно вы смолкли... Кто молчит, у того ничего не болит.

Алма-Ата».

Тогда я поняла, что Владыка нас не оставил. С этого времени началась наша переписка, продолжавшаяся до кончины Владыки в 1975 году. Его письма были для меня духовной поддержкой, я всегда и обо всем могла с ним посоветоваться. И в горе и в радости я знала, что Святитель поминает в своих молитвах меня и мою семью. Я научилась читать между строк его лаконичные письма, где мудрость всегда была прикрыта шуткой. Вот отрывок из одного письма: «...в Ростове церковная всегда была красота и несомненно ныне... Если и не завидую, то радуюсь! Мне пришлось тогда переживать всю красоту ростовскую и страхи... От иподиакона до епархиального – не шутка... И надо же было критику разума пережить... О, разум! Разум общества!

Вы с Володей многие годы собою соборные порядки украшали. Ваше соло – как инструмент! Тину помню в Таганроге... Помню крынки душистого и неподражаемого молока. Душа покойного святителя Арсения тогда благословляла вас...»

За 15 лет нашей переписки мы виделись с Владыкой один раз в Сергиевом Посаде на торжествах в честь избрания Патриарха Пимена. Он очень постарел, но оставался таким же по-отечески заботливым, беспокоясь о том, хорошо ли мы устроились в Загорске и не имеем ли в чем нужды.

За год до своей смерти митрополит Иосиф прислал мне фотографию, на обороте которой он написал: «Снимок сей будет последний и решительный...» Четки, что на фотографии держит в руках Владыка, теперь хранятся у меня вместе с его письмами как самая дорогая святыня. Их привез мне сын, ездивший к Владыке в Алма-Ату за благословением. Владыка Иосиф снял четки со своей руки и отдал сыну со словами: «Передай матери, пусть носит их на шее». Почему так сказал Владыка? Думаю, потому, что ему всегда нравилось мое пение.

Так провидением Божиим было мне определено прожить более 40 лет своей жизни под молитвенным покровом митрополита Иосифа. И ныне память о нем и молитвенное к нему обращение поддерживают меня в этой жизни, и тепло его святительской молитвы я ощущаю доныне».

Раиса Семеновна Таборанская:

«В послевоенные годы отец мой, протоиерей Симеон Таборанский, служил в разных епархиях России, затем в Эстонии в г. Йихве. Но по болезни мамы мы вынуждены были выехать с севера. Для жительства мы выбрали юг России – Ростовскую епархию, ибо владыка Иосиф нам много рассказывал о Ростове и Ростовской области. Отец стал служить в соборе г. Новочеркасска. В 1972 году умерла мама, а через два года умер отец.

Родная сестра Валентина Семеновна после войны вышла замуж и живет на Украине в г. Виннице. После смерти отца я спросила владыку Иосифа, как мне быть – здесь ли жить или уехать к сестре на Украину? Владыка ответил письмом: «А

могилки родные, боясь осиротеть, Вас не отпустят с Дона на Украину! Нет! Не отпустят!

Сестре надо единомышленницу. Понятно! Вам гарантия жизни покойной дома... Понятно!

Большого сказать Вам не дано мне! ... Могилкам поклон».

Его завещание – где мне жить – явилось пророческим указанием, ибо я живу под особым покровом Божиим. Меня Господь обеспечивает всем чудесно и дивно.

...Митрополита Иосифа вся наша семья искренне любила, преклонялась пред ним, как пред родным отцом и Святителем, и вся наша жизнь идет только по его благословению. И для нас он был, есть и будет всегда свят.

(Из последнего письма Раисы Семеновны)¹⁰²:

«Владыка Иосиф! Приими наши труды, малое восхваление твоей святыни. Не огорчайся, если мы скудоумно написали, или что-то не дописали, но восполни своей любовью все недостающее и вознеси свои усердные молитвы о всех нас. Не покидай нас никогда, будь всегда с нами, управляй нашей жизнью. Ниспошли нам крепкую веру, искреннюю любовь ко Господу и удостой нас всех пребывать вместе с Господом и Твоей святыней в Райской обители Небесного Чертога!»

Воспоминания о митрополите Иосифе (Чернове)

Архимандрит Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Наум (Байбородин).

От составителя.

Архимандрит Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Наум приезжал в Алма-Ату ради того, чтобы встретиться с митрополитом Иосифом. Он был покорен этим старцем-митрополитом. Убежденный в его святости, отец Наум, часто рассказывает своим духовным чадам о владыке Иосифе. «Таких архиереев, как Владыка Иосиф, я никогда больше в своей жизни не встречал» – таковы его слова. А вот его рассказы, которые сам он слышал от митрополита Иосифа:

«Интересные были беседы в Москве с Тучковым Евгением Александровичем, который после смерти Патриарха Тихона подбирал архиереев с большевистской ориентацией. Вызывал и беседовал в Троицком подворье. От владыки Иосифа он требовал признания обновленчества и сотрудничества с новой властью. Владыка пытался в разговоре уйти от этих тем и вводил разговор на другое. Он начинал рассказывать Тучкову, какая у него была хорошая бабушка, как она хорошо умела работать, как она пекла хлеб – из какой муки, как замешивала, сколько дрожжей клала... и таким образом Владыка отвлекал и тянул время на допросах. И в конце говорит: «Так вот, бабушка-то моя мне говорила, будут архиереи женатые, в галифе ходить, так ты с этими архиереями дела не имей». И Владыка так мудро отвечал на все вопросы, что не согласился ни с обновленческим уклоном, и ни с каким отступлением от Православия.

При владыке Иосифе было в Алма-Ате перезахоронение Евдокии, убитой и похороненной в ограде спец. учреждения. Дух умершей устрасал часовых и начальников чекистов. Она требовала перенести ее тело. Владыке власти предложили перенести останки мученицы, и он с иподиаконом Виктором ее перезахоронил. Власти требовали это не разглашать.

Владыка Иосиф много последований церковного круга богослужения знал наизусть и даже, будучи в тюрьме, вместе с

митрополитом Мануилом, на память вычитывал наизусть многие службы. (Он сидел на Лубянке в одной камере вместе с епископом Мануилом (Лемешевским), они вместе молились, их неплохо кормили – лучше, чем всех остальных заключенных, вызывали на допросы. А потом владыку Мануила отпустили на кафедру, а владыку Иосифа – в тюрьму на 10 лет). Так же в лагерях Владыка совершал службы на память. Сказалось то, что он еще мальчиком определился к архимандриту Арсению (впоследствии епископу Таганрогскому) и у него годами пребывал на церковных службах, служа и иеродиаконом и иеромонахом непрерывно. Так же любил службу Божию. И красота богослужения, и глубина богословия в церковных канонах, стихирах, последованиях церковных, укрепила дух его в глубокой церковности (что видим и у преп. Серафима Саровского, и у старца Силуана Афонского). Это редкий дар, когда Господь традицию церковную, благочестие святых отцов и их веру вкладывает в сердце, научая Духом вне школьной скамьи (как и преп. Марии Египетской).

На престоле в алтаре Никольского собора стояла икона Казанской Богоматери. Когда спросили Владыку, почему так, он сказал: «Было смятение в Алма-Ате. Сменили архиерея, поставили другого. Он идет на службу, а у въезда во двор Никольского собора ложатся люди, заграждая ему въезд. Приходилось разворачивать машину.

Было две враждующих партии – лучше не называть, кто их возглавлял. И вот Патриарх Алексей I вызывает из Петропавловска владыку Иосифа, вручает икону Казанской Богоматери и говорит: «Просим Вас, Владыка, принять епархию и постараться умирить всех, а то придется эту епархию делить на несколько частей».

Владыка с одной митрой прилетел на самолете в Алма-Ату. Секретарь епархии встречает.

– Как дела? – спрашивает Владыка.

– Бунтуют в соборе.

– Ну ладно, – говорит Владыка, – приготовьте мне скромно кафедру в Казанской церкви, я там буду первую службу совершать, как в приходском храме, а не в кафедральном.

- А как же собор?
- Будем требы совершать там. Где мне остановиться?
- Гостиница есть.

И уехал.

Секретаря народ стал спрашивать:

- Ну как новый Владыка? Понравился?
- Стройный, жизнерадостный, любвеобильный. Службу заказал в Казанской церкви служить.

- А как же собор?
- В соборе требы будем совершать.
- ...Было долгое молчание... из толпы голоса:

– Дожились! Собор будет требным! Владыки не будет на службе у нас!

Другой голос:

- Это вот Евдокия подняла бучу! Я тут не причем.

Другой голос:

– Я слышала, что Владака любит белые цветы, пойдемте с цветами, пригласим.

Пошли, приглашают.

А он:

- Как у вас, все готово?
- Конечно готово к службе – и цветы, и ковры от ворот.
- Ну ладно, скажите секретарю, пусть отменит первое решение и будем в соборе служить.

Поехал – и цветами устилали ковры от улицы до входа в храм и все умирилось».

Еще было покушение на Никольский собор. Богоненавистники решили закрыть Никольский храм и стали совершенно рядом с ним строить кинотеатр. Народ начал тревожиться – и кинотеатр, и базар рядом. А власть имущие предлагают Никольский собор закрыть, а на новом месте строить новый храм, и много смутьянов нашли, которые подстрекали к этому.

Владыка долго томился и решил смириться, а храм не бросать. Несколько дней увещевал народ, что стена кинотеатра даже ограждает храм от случайных людей и не мешает нам

молиться, и место наше намоленное, не надо оставлять. И успокоил, и сохранил храм.

Слово и проповедь его были простые – Владыка прививал любовь. «Для нас Бог как бы с неба послал кусочек рая – чудесную Алма-Ату – будем трудиться – какие плоды земные земля дает, будем молиться, детей воспитывать, за весь мир молиться, милосердие ко всем проявлять»...

Любил сам начинать Всенощное бдение, в полном облачении кадил весь храм. После Литургии часто всех служащих и гостей угощал, и угощал многих. Шофера и сторожа только ради Владыки трудились, а после его смерти разошлись – их держала любовь Владыки. Часто дети – соседи казахи спрашивали конфеты, стуча в стену. Он отвечал, и угощал, и выносил им кульки.

Владыка Иосиф говорил, что «...В молитве я не всегда беспокою просьбами Господа, но обращаюсь часто к Святителю Николаю и он исполняет мои прошения».

Юродство иногда проявлял с мудростью. Однажды бедному студенту подарил брюки. Нашлись злобные и пришли его ругать: «Что Вы заманиваете к себе?» Он так мудро ответил, что они рассмеялись и тихо ушли. Вроде бы то некультурно было: «Смотреть на блистающее открытое нечто, на котором сидишь, прикрыть-то нечем» (в рифму стихом).

Видели во Владыке Иосифе любовь и милосердие и даже как мы знаем готовы были видеть его Патриархом – «все годы заключения мы не ставим Вам в вину».

Здесь, на Минина, в этой келье, сидел гость – второй по чину и званию из комитета по делам Церкви. Речь была о выдвижении владыки Иосифа в Патриархи. Владыка скромно отказывался, что он не имеет богословского образования, и он восемь раз и двадцать лет был в тюрьмах и лагерях, что есть звезды-митрополиты выше его. На что влиятельный гость, видимо, выполняя решение и задание многих церковных и светских деятелей, отвечал, что все прошлое не вменяется ему, и что все считают его кандидатуру достойной. Беседа была долгой. И если бы Владыка изъявил согласие, то всесильная воля людей, пославших гостя, провела бы это начинание.

Имея дар прозорливости, подбирал для служения людей благочестивых. Один человек из провинции приехал в собор молиться – Владыка его призвал в алтарь и посвятил в иподиакона, и послал рассчитываться с работы, удивленного. Потом он стал добросовестным священником.

В разговорах с уполномоченным он хвалил ставленников, – что они, мол, чуть ни герои Советского Союза – мирные люди и добивался согласия на рукоположение от уполномоченного.

Трудно было включать в клир отца Валерия, власти никак не давали согласия. Тогда одному «работнику» Владыка пообещал большую награду с украшениями, и тот со своими связями добился согласия. Владыка дал ему митру и ждал согласия Патриарха. Но вскоре Владыка умер, и тот так и не носил ее».

Схиигумен Херувим (Дегтярь), г. Чернигов.

В 60-х годах я ездил в Киргизию к иеромонаху Зосиме. И он предложил мне поехать в Алма-Ату к архиепископу Иосифу. В то время были сильные гонения на Церковь, и мы приезжали тайком. Принял нас Владыка очень радушно, очень обрадовался нашему приезду: «Святии отцы! Святии отцы!» – так говорил. Такой был улыбающийся, и весь разговор у него с улыбкой и любовью.

Тогда были времена сложные, Владыка говорил: «Я даже келейника не имею». Он сам при нас обед готовил, сам нас угощал. Он сказал: «Ну, у меня пообедаем, а чай пить поедем к моему духовнику». И мы поехали к его духовнику протоиерею Феофану. Это был высокий, седой и старенький-престаренький священник, вдовец, лет 90 ему было, и в то время он уже не служил. Владыка всегда к нему ездил исповедоваться. Отец Зосима спрашивает: «Владыка, Вы только здесь, у мирского попа исповедуетесь?» А он отвечает: «Да, я смотрю на отца Феофана, как на старца».

Приехали мы к нему, встретила нас его дочь (она тоже уже старенькая была), пригласила в дом. Там мы пили чай и разговаривали на темы, которые на тот момент нас беспокоили. Я о своих проблемах Владыке рассказываю, отец Зосима о своих, а Владыка при разговоре все к отцу Феофану обращается: «Отец Феофан, как Вы благословите?» Тот отвечал: «Вот так и так. Бог благословит». Владыка слушался. Отец Феофан производил впечатление очень духовного человека и дочь его тоже была духовной жизни.

Это 60-е годы самые опасные были. Я даже не знал, что Владыка Иосиф в тюрьмах сидел. Тогда все очень строго было, все в молчании. Тогда монашеские постриги разрешали совершать только по благословению Патриарха. Мы спросили об этом у Владыки, и он ответил: «Я благословляю вас, стригите на свое усмотрение, Бог благословит» – и благословил двумя руками.

Владыка так говорил о своем подвижничестве: «Я все правило разом вычитать не могу. Я прочитаю канон Спасителю,

потом прохаживаюсь, отдыхаю, потом начинаю Матери Божией канон читать, потом, после перерыва – Ангелу Хранителю. Несколько кафизм прочитываю, тоже не за один раз. Прочитаю кафизму – потом отдыхаю, потом другую тяну, третью и все, – говорит, – с перерывами. А такого уставного правила, я уже не держусь. Помогать мне некому, келейника нет».

В Собор нас Владыка не возил. Он скрывал наш приезд от посторонних. Отец Зосима был заштатный, его не регистрировал уполномоченный, а Владыка всегда его поддерживал, давал ему денежки.

Мы молились в Крестовой церкви рано утром, пока еще не было ни секретаря ни посетителей, служили Литургию. Отслужили – и все, весь день нас не видать. Погостим денек-другой и уезжаем. Так мы приезжали раза четыре, всегда летом. И у отца Феофана бывали каждый приезд. Мы ездили к Владыке, как к святому. Так мы и смотрели на него, как на святого.

Чернов Виктор Яковлевич. (Племянник митрополита Иосифа – сын Якова Михайловича Чернова).

О митрополите Иосифе мне известно из рассказов моей бабушки Черновой Евдокии Ивановны, отца, родственников и самого общения с дядей.

Мой дед – Михаил Наумович Чернов женился на Евдокии Ивановне, имея на руках малолетнего сына Ивана. Он в то время проходил службу в 162 Андреевском полку в должности фельдфебеля. Солдаты полка выхаживали Ивана и любили самого фельдфебеля, о чем свидетельствуют дарственные фотографии солдат Михаилу Наумовичу.

От совместного брака родились два сына – Алексей и Яков, а также дочь Анна, умершая в возрасте 18–19 лет.

Во время войны немцы расстреляли брата Алексея, (он был прокурором) и двух его сыновей. К брату Якову и к моей бабушке владыка Иосиф проявлял постоянно внимание и чуткость.

После освобождения из заключения в 1940 году он служил в Таганроге. Владыка совершенно не сотрудничал с немцами, а лишь совершал церковные службы, рукополагал во священники. Тем не менее, после освобождения Таганрога он был снова арестован по обвинению в сотрудничестве с немцами и направлен в лагерь ГУЛАГа.

Я был у бабушки самый младший внук. Вместе с ней мы собирали и отправляли посылки в лагерь Ивану Михайловичу. А он часто писал бабушке.

После освобождения из лагеря он дважды приезжал в Могилев и останавливался у бабушки. Он помогал ей материально. Из Алма-Аты, в канун религиозных праздников, он всегда присылал фотографии ей и моему отцу.

Во время его приезда в Могилев я встречался с ним. Узнав, что я и мой брат не крещеные, он окрестил нас, назвав при крещении брата Эдуарда Федором.

Учитывая возможность слежки и свой печальный опыт общения с КГБ, владыка Иосиф просил меня тайно устроить встречу с ним моего отца, что я выполнил.

В один из его приездов я заночевал у бабушки и мы долго вели разговор о годах, проведенных им в лагере, и вообще о жизни. Я спросил его: «Осталась ли у Вас обида на людей, которые причинили Вам столько зла?» В ответ он сказал: «Церковь сеет разумное, доброе, вечное...» И дальше – рассказал одну из лагерных историй:

Доведенный до отчаяния издевательствами над ним, один из заключенных убил ножом другого заключенного, который занимался тайными доносами. Окровавленный, с ножом в руках он пришел к Ивану Михайловичу и рассказал ему о случившемся. Иван Михайлович поделился с ним ложем и куском хлеба, и после долгой беседы убедил его, что он совершил страшный грех – убил, прежде всего, человека, а уж потом – врага.

О лагерных страданиях Владыка не любил говорить и перевел разговор на литературу. Долго читал по памяти отрывки из русских классиков. У него была склонность больше к прозе, чем к поэзии.

Следует отметить его высокую образованность, интеллигентность и скромность.

Иногда он сетовал, что «недремлющее око» и сейчас смотрит за ним. Поэтому, в письмах он был предельно осторожен в высказываниях, и то, что хотел сказать, нужно было искать между строк.

Протоиерей Валерий Захаров, настоятель Свято-Никольского собора г. Алма-Аты.

Мое знакомство с владыкой Иосифом произошло в 1965 году, когда мне было 14 лет. В нашем Никольском соборе был хороший прихожанин Степан Павлович, который мне предложил: «Давай, я отведу тебя к Владыке». Я согласился, и в один прекрасный день мы пошли. Я не понимал еще к кому я иду, хотя видел этого человека на службе и знал, что он занимает очень высокий пост в церковной иерархии. Пришли – забор небольшой, калиточка зеленая. Позвонили, нам открыла дверь Александра Диомидовна (Тетя Шура мы ее впоследствии звали). Мы зашли во двор. Я ожидал увидеть за этим забором что-то необыкновенное, а здесь оказался обычный дворик, где было очень много цветов, и небольшая аллея, которая вела к беседке. И, помню, нам предложили: «Посидите в беседочке, подождите, Владыка выйдет через некоторое время».

Я учился тогда в 8 классе, но уже задумывался над целью своей жизни и о том, кем мне быть после окончания школы. И этот вопрос я намерен был разрешить именно здесь, у Владыки. И заранее продумал то, о чем необходимо будет Владыку спросить. И вот, вышел Владыка, одетый в обычный подрясник, телогреечка на нем такая простая была (душегрейка, как потом оказалось, называл ее Владыка), и очень непринужденно и бодро для своих лет (ему было тогда уже за 70) поднялся по ступенькам в беседку, подошел к Степану Павловичу, благословил его, благословил меня и началась беседа. Но я настолько волновался и переживал при этой первой встрече, что все мои вопросы сразу вылетели у меня из головы. И сейчас уже не помню, о чем у нас был разговор, но помню, меня поразили облик Владыки. С одной стороны, ощущалось его духовное величие, а с другой – это непонятная для меня простота. Но более всего я был поражен тем, что уже прощаясь с нами, Владыка сказал мне: «Ну, а ты заходи ко мне один раз в месяц и будем беседовать о целях в жизни».

Итак, раз в месяц я имел счастливую возможность бывать у Владыки и беседовать с ним на разные темы. Помню, сразу он задал мне такой вопрос – люблю ли я читать, и что я читал. И, к моему стыду, я вынужден был признаться, что читал я, как и вся, в основном, тогдашняя молодежь, очень мало и только то, что нам преподавали по школьной программе. И я был поражен той большой библиотекой, которую имел владыка Иосиф. Он показывал мне свои книги и с любовью рассказывал о каждой из них. И рассказывал не только о святоотеческих творениях, но также с теплотой отзывался и о таких светских авторах, как, например Достоевский, Оноре-де-Бальзак. Впоследствии он часто воспроизводил по памяти и Великого Инквизитора, и Алешу Карамазова, чуть ли не дословно цитировал целые главы из «Шагреневой кожи». Он говорил, что любит хорошую классическую литературу. И поэтому, одним из первых вопросов приходившему к Владыке человеку был вопрос: «Любите ли вы читать и что вы прочли?» И если Владыка убеждался, что перед ним человек, любящий чтение, то этот человек становился для него особенно интересен. (Я не говорю здесь о том, что он предпочитал одного человека другому. Для таких святых людей, как владыка Иосиф, нет интересных и неинтересных людей. Для них все равны и они с одинаковой любовью относятся и к грешным, и к праведным. Я говорю о другом интересе: здесь проявлялся интерес собеседника, который может не только что-то рассказать, но и услышать полезное от другого человека).

Но прежде всего Владыка, конечно, ежедневно читал Священное писание, толкование к Священному Писанию. Очень любил святоотеческие труды, жития Святых всегда читал с большим интересом и очень хорошо знал их.

Впоследствии, после окончания средней школы, когда Господь судил мне недолгое время перед уходом в армию жить у Владыки в доме, я имел возможность подходить к книжному шкафу и брать эти книги для чтения. Надо сказать, что Владыка очень ревностно оберегал книги и требовал к ним такого же благоговейного отношения от каждого, кто брал их читать.

Я очень любил слушать проповеди Владыки. Я заслушивался ими. И как бы проповедь его не была

продолжительна (а Владыка говорил продолжительные проповеди), она никогда не утомляла. Настолько проповедь была образная, красочная, что, слушая его, невольно как бы уходишь в то время, к тем людям, о которых Владыка вел речь: будь то повествование о жизни какого-нибудь святого, или рассказ на Евангельскую тему. Владыка от природы обладал колоссальной памятью, и сам он неоднократно говорил, что ему достаточно прочесть что-либо один раз, чтобы пересказать чуть ли не слово в слово. И несмотря на то, что он дожил до солидного возраста, он очень хорошо помнил творения Иоанна Златоустого, Василия Великого, знал очень многие жития Святых – просто наи-зусь мог их пересказывать. И меня поражало то, что имея этот огромный багаж, Владыка начинал готовиться к проповеди за неделю. Я удивлялся и думал: «Зачем такому всезнающему человеку так тщательно готовиться к проповеди?!» А он – в понедельник, на-пример, начинается новая неделя, – подходит к своему книжному шкафу, который стоял у него в келье, там же стоял большой стол, обтянутый зеленым сукном и стояла старинная-старинная настольная лампа, тоже зеленая. Владыка погружался в старинное, но очень простое кресло с подлокотниками, надевал очки и мы уже знали, что часа два, не меньше, он будет заниматься чтением, от чего оторвать его в это время будет невозможно. Эта любовь к чтению была присуща Владыке до конца его дней.

Кроме чтения, Владыка очень любил слушать классическую музыку, у него была солидная коллекция пластинок. Чаще он слушал оперы и любимым его композитором был Джузеппе Верди.

Я никогда не видел Владыку праздно отдыхающим. Если он садился отдохнуть, то брал в руки книгу. В кабинете Владыки, прямо у него на столе стоял аналойчик и лежал маленький епитрахиль. И бывало, проходя мимо его кабинета, дверь которого была все-гда открыта, невольно посмотришь: как там Владыка? Смотришь – он читает. Через некоторое время проходишь – он уже стоит, молится. Еще через час посмотришь – Владыка сидит за письменным столом и что-то пишет. Его отдых совершался в делании.

В силу того, что Владыка очень много знал и прожил большую и сложную жизнь, у него всегда было желание – написать, отобразить все это на бумаге. Но потом сам он неоднократно признавался, что всякая попытка, которую он предпринимал, всегда заканчивалась неудачно. «Нет, – говорил он, – я все-таки писать не могу!» И Владыка старался нам, подросткам тогда еще, больше рассказывать, и при этом говорил: «А вдруг кто-нибудь из вас впоследствии сможет все это вот так красиво написать?» Но, к сожалению, ни я, ни те, кто был рядом с Владыкой, ничего не смогли написать так, как хотел бы это видеть сам Владыка.

Очень красочно он рассказывал различные случаи из своего детства, и для меня его рассказы остались незабываемыми. И не только для меня. Владыка на многих молодых людей (а вокруг владыки Иосифа всегда было много молодежи) производил неизгладимое впечатление. Каждый, наверное, получил от Владыки особое зерно, которое он смог не только бросить в наше сердце, но постарался зажечь это сердце, чтобы оно послужило благодатной почвой для возрастания этого зерна. Все молодые люди были им как-то по-особому обласканы и согреты.

Некоторые моменты из пережитого он впоследствии иногда высказывал даже в проповедях. Тогда он, вспоминая, говорил, как приехал сюда, в наш город, как его здесь поначалу воинственно встретили, а он полюбил этот город и всех его жителей – верующих и не верующих. И как в дальнейшем эти верующие люди стали относиться к нему не только как к своему пастырю, но прежде всего, как к отцу. Именно, как к отцу. Калитка его дома не закрывалась, и если он был дома, а не в поездке по епархии, всегда с раннего утра и до вечера народ шел к Владыке с различными проблемами и делами. И мне посчастливилось в какой-то степени ему при этом помогать – я был за привратника и открывал калитку. Владыка иногда шутил: «Если сумка есть – пускай! А если сумки нет – ну, там сам смотри по ходу!» Но, конечно, я пускал к Владыке всех – и с сумками, и без сумок. И приходилось иногда обращать внимание на лица людей. Бывало, приходил к Владыке человек

удрученный, озабоченный. Но не было человека, который ушел бы от него не услышанным, которому Владыка не дал бы какой-то отеческий совет, наставление. Люди преображались. И хотя не всегда Владыка отвечал в открытой форме, и человек не сразу мог понять значение и глубину его ответа, но по прошествии времени сказанное Владыкой находило претворение в жизни человека. И таких людей, которые ехали к Владыке из различных областей, было сотни и сотни.

У Владыки было очень много знакомых, живущих в России, с которыми он имел переписку, и которые нередко тоже приезжали к нему в Алма-Ату за советом и наставлением. Не только миряне приезжали к Владыке, но и священники из других епархий, и архиереи. Очень многие из духовенства хотели бы служить под его омофором, но это было в такое время, когда назначение священника на приход зависело не только от правящего архиерея, но и от гражданской власти.

Итак, раз в месяц я продолжал приходить к Владыке и с ним беседовать. Беседы наши были недолгими, они продолжались не более 20–30 минут. Во-первых, Владыка был очень занят, а во-вторых – время было не такое, чтобы открыто работать с молодыми людьми. Я тогда уже понимал, что Владыка был на острие, и его дом не оставляли без внимания ни Совет по делам религии, ни иные организации. И с ним неоднократно проводились беседы о том, что: «Ладно, там старушки ходят к Вам, это их дело, но молодежь Вы не трогайте. Молодежь должна идти светлым путем, держать курс к победе коммунизма». Но владыка Иосиф не придерживался этих инструкций, а всегда привлекал к себе молодежь, и давал ей возможность не только в храме с ним общаться, но уделял ей время и у себя дома.

После 10-го класса проблема – кем мне быть – передо мной встала уже реально. И я для себя решил, что буду или военным человеком, или церковнослужителем. И Владыка, наверное, для того, чтобы я мог уже до конца определиться, благословил меня идти в армию. Вначале я не понимал, почему он дал мне такое благословение и принял его с некоторым сопротивлением в душе, я считал, что два года будет у меня потеряны. И когда я в

последний день перед уходом в армию пришел проститься с Владыкой, как сейчас помню, – он вышел из своей кельи в маленький коридорчик, и, благословляя двумя руками архиерейски, так очень ласково, очень добро посмотрел на меня и сказал: «Бог тебя благословит! Знай и помни, что покров Царицы Небесной будет над тобой эти два года, и не переживай, все будет хорошо».

Я принял это благословение, простился с Владыкой и на следующий день уехал. Естественно, вырванный из домашних условий и попавший в такую обстановку, (я служил на Байконуре в Ленинске, где кругом степи и степи), и рядом нет ни родителей, ни близких людей, которые могли бы в трудную минуту тебя поддержать, я, в самых сложных ситуациях, всегда вспоминал слова владыки Иосифа. И сейчас, когда прошло уже 30 лет со времени окончания мною военной службы, я могу твердо сказать, что покров Царицы Небесной по молитвам владыки Иосифа, действительно пребывал со мной. И это реально ощущалось в жизни, потому что порой было тяжело до невыносимости, и тем не менее, все сложные ситуации всегда разрешались благополучно. Вот даже такой простой пример: моя служба в армии проходила как раз в то время, когда отмечалось 100-летие со дня рождения Ленина и в связи с этим в комсомол принимали повально всех, и без разговоров. Вся армейская часть принимает сощобязательства 100-процентного вступления в комсомол. А я-то – сержант Советской армии и – не комсомолец! Это – парадокс. Об этом узнало командование, меня сразу приглашают на соответствующую проработку и я чувствую, что деваться мне некуда. А незадолго до этого у меня нашли серебряный медальон с изображением Матери Божией и преподобного Серафима Саровского, и сразу стали обвинять меня в принадлежности к баптизму, хотя я долго и упорно доказывал, что я – православный. Да еще насторожились, что письма в армию мне «Дедушка» какой-то пишет (письма в ракетных частях, где я служил, всегда проверяли, а писал мне регулярно владыка Иосиф, подписываясь «Дедушка»). И сам командир части у меня спрашивает: «Ну, понятно, ты – верующий человек. А что у тебя там еще за дед?» – «Да он, –

говору, – тоже в церкви служит». – «И дед у тебя в церкви служит! Ладно уж, оставайся как есть». Я не знаю, как они провели там по документам 100-процентную комсомольскую повинность, но меня вступить в комсомол не заставили. В этом проявилась милость Божия ко мне, не по моим заслугам, конечно, а по молитвам владыки Иосифа. И по его молитвам после двух лет жизни в очень непростых условиях, вдали от людей, от населенных пунктов, во мне не погасла вера и укрепилось желание по окончании военной службы посвятить всего себя на служение Церкви.

В 1971 году я пришел с армии. Владыка благословил меня устроиться на работу, а жить у него в доме. И полгода, до поступления в Семинарию, я у него прожил. В 8 часов утра мне надо было быть на работе. Владыка будил меня в половине седьмого и через пятнадцать минут на столе уже стоял завтрак, приготовленный для меня Владыкой. Я завтракал и отправлялся на работу. В половине шестого вечера я возвращался с работы и на столе всегда стоял горячий ужин. Это Владыка напоминал тете Шуре: «Тетя Шура, помните, что Валера должен с работы прийти, всегда оставляйте ему на плите горячий ужин». У него вообще забота была о человеке удивительная, которую мы тогда по на-стоящему не могли еще оценить. А сейчас, когда вспоминаешь это, мурашки по телу бегут. Представьте себе: сам Митрополит утром раненько встает для того, чтобы разбудить, чтобы накормить, чтобы проводить на работу простого мальчика. «У меня, – говорил Владыка, – трапезная имени 8-го марта, работает круглосуточно». Почему 8-го марта? Потому, что там, в основном, не женщины готовили, а сам Владыка. И действительно, кто бы, когда бы к Владыке не приехал – будь то священник, или мирской человек, всегда двери его дома были открыты. И человек, ехавший к Владыке, никогда не ломал себе голову над тем, где ему в Алма-Ате остановиться. Все знали, что можно сразу ехать к Владыке, в любое время дня и ночи. И если человек приезжал ночью, Владыка сам к нему выходил и, преподав благословение, предлагал привести себя с дороги в порядок, а сам стремглав шел в свою маленькую кухню и готовил для него ужин. Потом сам стелил постель и, напоив

гостя чаем, укладывал его отдыхать. А утром предупредит свою канцелярию, чтобы возле этой комнаты ходили тихо – здесь человек с дороги отдыхает. Так он мог, выполняя заповедь Христа – «кто больше, взлежащий или служащий?» послужить каждому человеку. Он отдавал на это служение всего себя, и не просто по букве, а с любовью исполнял слово Господне. Он хотел каждому послужить и этот каждый чувствовал, что именно к нему у Владыки не просто общечеловеческое отношение, а личная любовь, что вот именно его Владыка любит, уважает. Это чувство возникало потому, что в этот момент исполненная любовью душа Владыки была отдана именно тому человеку, которому он служил. И каждый человек, соприкоснувшийся с Владыкой, мог сказать, что Владыка отдает ему часть самого себя. Каждого он мог вместить в своем любящем архипастырском сердце, и каждый мог найти для себя в этом сердце теплый уголок.

Владыка заботился не только о тех людях, которые находятся рядом с ним, но переживал за каждого человека, с которым встречался в своей жизни. Взять, например, такой момент. Владыка – митрополит всего Казахстана, у него ежедневно одних только посетителей и телефонных звонков множество, у него текущие дела, большая переписка: с Патриархией, с духовенством, с различными инстанциями, и, тем не менее, он находил возможность писать письма множеству своих знакомых, и студентам Духовной Семинарии. И я не знаю ни одного студента Семинарии или Академии, посланных Владыкой на учебу, который не имел бы сейчас пачку писем, полученных им от Владыки. Владыка писал регулярно. И, получавший его письма, не только видел то, что Владыка о нем не забывает, но чувствовал и молитвенную его поддержку. Письма Владыка часто писал очень своеобразно, наперекосяк, а не как обычно пишут – ровно и красиво. Он начинал писать с одного угла листа, потом уходил в бок, затем возвращался обратно и заканчивал, перевернув лист на другую сторону, в противоположном его углу. Поскольку в то время за перепиской духовных лиц тщательно наблюдали, то Владыка писал небольшие, простые письма, но, бывало, вкладывал в них

глубокое содержание и даже некоторые свои пророчества, если то было на данный момент необходимо.

Владыка берег всех тех, кто находился рядом с ним от «недремлющего ока» КГБ и других «наблюдательных» служб. Я после армии собирался поступать в Духовную Семинарию, и, чтобы не возникло препятствий со стороны этих служб, Владыка старался лишний раз меня нигде не показывать. Он не брал меня на свои службы и не разрешал самому приходить в собор. Я этого тогда не понимал и немного обижался на Владыку. Он говорил: «Вот здесь, в моей Крестовой церкви молитесь». И мы с его келейником иеродиаконом Вячеславом, как могли, совершали Всенощное бдение. Впоследствии я узнал, что списки всех поступающих в семинарию проходили тщательную проверку и Владыка для моего же блага не хотел, чтобы мое имя было где-то «засвечено». Сам Владыка в Крестовой церкви совершал Божественную Литургию почти каждую субботу. Совершал он ее священническим чином, отец Вячеслав в качестве иеродиакона произносил ектеньи, а я, многогрешный, был за чтеца и певца.

Так же Владыка старался убирать от наших глаз свои встречи с уполномоченным. Иногда он говорил, что «ко мне сегодня «домик» приезжает», т. е. уполномоченный из «Дома правительства». Такие встречи обычно проходили за бутылочкой французского коньяка и коробкой конфет. Но о чем беседовали Владыка с Вохмениным нам было не известно.

Было у меня в жизни несколько таких дивных случаев, которые другим могут показаться совпадением, но вижу в них действие прозорливости митрополита Иосифа. Я учился уже в 3 классе Духовной Семинарии и на зимних каникулах, вместе с другими студентами, гостил у Владыки. И вот, когда мы в последний день перед нашим отъездом в Сергиев Посад стали подходить к Владыке и получать благословение, он каждому из нас давал небольшое наставление, буквально несколько слов. И когда я подошел к нему, он говорит: «Ну, хорошо, встретимся, когда ты будешь учиться в Академии». Я, конечно, ничего против не мог ему возразить, но меня это как-то больно по сердцу резануло. «Ведь до Академии, – подумал я, – мне еще полтора года – надо закончить 3-й и 4-й классы Семинарии. Почему же

Владыка, всегда приглашающий к себе на каникулы, вдруг отодвигает мой приезд на такое долгое время?» Недоумение мое разрешилось, когда по окончании 3-го класса Семинарии меня вызвал отец инспектор и объявил: «Ну, вот что, юноша, мы тут посоветовались и решили кооптировать вас на 1-й курс Академии. Вы сейчас идите в библиотеку, берите учебники за 4-й класс и осенью будете сдавать экзамены». И вот, так получилось, что в 4-м классе я не учился, а поехал на летние каникулы уже как студент, состоящий в списках 1-го курса Духовной Академии.

И другой был не менее замечательный случай. Уже учась в Академии, я так же, в числе нескольких других студентов гостил на зимних каникулах у Владыки. И вот, утром общий завтрак. Владыка сидит во главе стола, завтракает вместе с нами, что-то рассказывает, мы внимательно слушаем и вдруг неожиданно говорит: «Мне сегодня сон приснился: я Пете рясу одевал! Петя, после завтрака рясу тебе подарим!»

Закончился завтрак, мы заходим в гостиную, Владыка подходит к своему шкафчику, где у него находились подрясники и рясы, достает рясу и одевает на Петю. Но Петя высокого роста и она ему коротка. Владыка походил-походил и говорит: «Нет, Петя, она тебе не подходит. Но длинней у меня нет, они все пошиты на меня. Давай, будем примерять на кого-нибудь другого». Нас было четыре человека и стали всем эту рясу примерять. Но она – кому велика, кому мала. Владыка одевает рясу на меня, и она как раз оказывается мне впору, за исключением полноты. И он говорит: «Ну, хорошо. Значит, тебе и будет эта ряса». И так я получил в подарок эту рясу. И вот что удивительно – среди всех, кто присутствовал при этой примерке, Господь мне первому судил принять священный сан. А потом уже все по очереди, кто мерил эту рясу, приняли священный сан.

Владыка однажды рассказывал нам об одном чудесном исцелении, которое произошло с ним, когда он был еще в сане иеродиакона. У него был очень сильный нарыв, фурункул в области шеи, который причинял страшную боль, из-за чего он не мог даже повернуть голову. Отец Иосиф пытался лечить нарыв, прикладывал мази, но ничего не помогало. Это происходило

Великим постом, накануне Пасхи. Отцу Иосифу советовали воздержаться от служения, да и сам он сомневался, сможет ли отслужить Пасхальную службу. Но владыка Арсений благословил его служить. И вот, во время Божественной Литургии Господь его исцелил. Нарыв прорвался и отец Иосиф почувствовал облегчение. Рассказывая впоследствии этот случай, с ним происшедший, владыка Иосиф так же вспоминал и аналогичный случай, происшедший с преподобным Серафимом Саровским, и говорил: «Как Матерь Божия исцелила преподобного Серафима, так и Господь исцелил меня во время совершения Божественной Литургии».

У меня есть личный подарок владыки Иосифа мне. Когда я был посвящен в сан священника и приехал на служение в Алма-Ату, Владыка сказал: «Завтра приди ко мне, у меня есть одно священническое облачение, я хотел бы тебе его передать». Наутро (это было в субботу) я пришел к Владыке. Мы пили с ним вместе чай. И тогда я не мог подозревать, что это была моя последняя встреча и беседа с Владыкой. После чая он провел меня в комнатку, где находился шкаф с облачениями, достал оттуда сверток и отдал мне. Это было простое сатиновое облачение, в котором служило наше духовенство в послевоенные годы. Тогда это облачение считалось нарядным, красивым. Сегодня же такое облачение, наверное, и в сельском приходе не найдешь. Но оно дорого мне, я храню его, как реликвию и через этот дар усматриваю святительское благословение на мое пастырское служение.

Еще у меня хранится бесценная реликвия, святыня, которую Господь сподобил меня получить от Владыки. Это икона святого праведного Симеона Верхотурского с частицей его мощей. Произошло это так. В 1975 году, будучи уже студентом 1 курса Академии я приехал к владыке Иосифу, чтобы взять благословение на брак. Он одобрил мое намерение и, узнав, что я являюсь иподиаконом у владыки Питирима, и что он тоже одобряет этот мой шаг, сказал: «Ну, что же, очень хорошо, тогда и рукополагайся». У меня было огромное желание получить сан диакона в Москве, а сан священника – от рук владыки Иосифа. Но он на это сказал: «Нет, мне легче будет устроить тебя здесь,

если ты приедешь сюда священником. Пусть владыка Питирим тебя рукополагает и во диакона, и во священника. А после приезжай сюда, у нас освобождается приход в Каскелене, назначу тебя в Каскелен. И тебе за то, что ты приедешь сюда служить (а надо сказать, что редко кто возвращался в Казахстан после учебы в России), подарю икону праведного Симеона Верхотурского». Я знал, что у Владыки была икона этого святого. Он очень часто молился праведному Симеону и говорил: «Он сам был мужичок и мужичкам помогает». И у Владыки был такой обычай – в особо трудные жизненные моменты он писал такую записочку-послание Симеону Верхотурскому, клал это послание за его икону и молился. Молился горячо, усердно, стоя на коленях перед его иконой. И буквально через несколько дней та проблема, о которой молился Владыка, находила благополучное разрешение.

И вот, я приехал в Алма-Ату, и Владыка через некоторое время вызывает меня и говорит: «Знаешь, мы здесь немножко переиграли ситуацию. Не в Каскелене будешь служить, а мы тебя назначаем в Собор». Я говорю: «Владыка, благословите, я согласен на любое место, куда ни пошлете». А про икону он молчит, и я тоже не напоминаю.

25 августа 1975 года я получил назначение в Никольский собор, а буквально через 10 дней, 4 сентября Владыки не стало. Тогда я понял, что святой Симеон так близок был владыке Иосифу, что он, помня свое обещание и предчувствуя свою близкую кончину, все же не решился расстаться с его иконой до конца своих дней.

Владыка умер. Приехал владыка Варфоломей, совершилось погребение. Мы сидели на первой поминальной трапезе в доме на Минина. Во главе стола – владыка Варфоломей, а я, как самый младший из священников, сидел самым крайним. И вдруг владыка Варфоломей обращается ко всем: «Братья! Может быть у владыки Иосифа были какие-то завещания, поручения, обещания вам? Вы мне скажите и все это надо будет сейчас каким-то образом выполнить». И тогда я отважился и сказал: «Владыка, простите меня Христа ради, но в Крестовой церкви висит икона праведного Симеона Верхотурского, чудотворная, с

частицей мощей, эта икона была обещана мне владыкой Иосифом вот по такому-то случаю, и тому есть свидетели».

Закончилась трапеза, владыка Варфоломей заходит со мной в Крестовую церковь, снимает со стены икону и ею меня, как от рук самого владыки Иосифа, благословил. И с того дня в течении уже многих лет эта икона находится со мной.

Можно много вспоминать и говорить об этом человеке, и единственное, что утешает, успокаивает и поддерживает нас, это то, что есть вера. И, несмотря на то, что Владыки нет сегодня рядом с нами физически, он всегда рядом с нами духовно и своим молитвенным предстательством постоянно заботится, покрывает, и защищает всех нас.

Протоиерей Иоанн Журавлев, клирик Свято-Никольского собора г. Алма-Аты.

В 1966 году я приехал Алма-Ату и устроился петь в хоре Никольского собора. Пел два года. Потом Владыка Иосиф предложил мне рукополагаться во диакона и 21 июля 1968 года, в праздник Казанской иконы Божией Матери, в Никольском соборе, он меня рукоположил.

В это время Владыка по епархии ездил редко, он был уже в преклонном возрасте. А здесь любил ездить в Казанскую церковь, на 1-й Алма-Ате служить в Покровской церкви, особенно в Пасхальные и Рождественские дни.

Владыка относился ко мне с любовью, и я его очень любил. Он старец был, а я тогда был еще молодой. На службах я его все время выводил. Тяжеловато ему было служить. Придет утром, скажет: «Отец Иоанн, сегодня меня покрепче держи!» Я его под руку. Он выходил с дикирями-трикирями, или на каждение, когда «исполла эти деспота» поют, я его всегда придерживаю. Один раз он говорит: «Отец Иоанн, я тебе уже надоел». А я с таким вниманием, с таким наслаждением служил с ним, я говорю: «Владыка, что Вы, я с Вами, как с родным отцом!» Он меня обнял: «Ой, спаси тебя Господи!» Он приезжал в собор всегда в хорошем настроении, никогда не ругался: «Все по-хорошему – так всегда говорил – все по-хорошему». «Отец Гусев – он называл меня – иди сюда, отец Гусев!» Служить с ним было всегда легко, служил он тоже с настроением. И мы возле него с настроением служили, никакого шума, в благоговении служба проходила. Старец, как говорится, был еще тех, прошлых лет. Скромный такой был, мудрый. Хор тогда был очень хороший, выходишь поминать на солею о здравии или за упокой, стоишь, и как на воздух поднимаешься.

В алтаре во время службы он усердно молился, во время чтения Великого Покаянного канона плакал. Молился он много. Я знаю, что он ночами не спал, молился. Он некоторое время уделял для отдыха днем, а ночами молился.

На службах здесь столько миру было! И Владыка всех благословлял. Сам благословлял каждого. Всенощная или Литургия кончается, он стоит на амвоне и все подходят к нему за благословением.

Владыка очень гостеприимный был. В праздники после службы он всех нас сажает в ЗИМ и везет к себе на обед. Отец Стефан, я, отец Борис, Серафим Петрович и Вася – иподиаконы. Пообедаем, Владыка открывает комод, а там конфеты всякие-разные. «Подходите сюда отмечаться» – говорит. Вот мы подходим, он берет пригоршнями конфеты: «Отец Иоанн, давай карман подставляй!» Я подставляю. «Давай второй!» Поставляю. «Да там у тебя такой взвод (у меня 11 детей было), давай шапку!» Насыпает: «Вот, теперь хорошо». Без гостинца он никого не отпускал. Батюшки с областей приезжают – то же самое, всех угостит, накормит, все честь по чести, и тогда только отправит.

Бывало, что со своими проблемами придешь к Владыке, побеседуешь с ним, и от него на воздухе летишь! Такой благодатный был. Всегда давал мудрый совет. С 1972 года я был один диакон в соборе и однажды сказал ему вечером: «Владыка, давайте кого-нибудь рукоположим во второго диакона». Он: «Ой, отец Иоанн, дорогой, служи, служи, молись. Некого пока что, некого». В алтаре у нас мало было священнослужителей. Владыка специально больше не ставил, чтобы не создавать раздоров.

У меня был такой момент. Сынок упал и распорол гвоздем лоб. Я повез его в больницу зашивать рану. Была суббота и в соборе службу начали без диакона. Владыка сам на кафедре Великую ектению говорил. Я привез сына домой и сразу же на такси поехал в собор. Облачился быстро и вышел. Владыка увидел меня, обрадовался. Я пошел, совершил каждение храма. После входа «Свете Тихий...» Владыка зашел в алтарь и там спросил: «Что случилось?» Я рассказал. «Как сына зовут?» – «Илюша». Он: «Все будет хорошо». Владыка помолился и у ребенка в считанные дни все зажило.

В проповедях Владыка часто юродствовал. Некоторые он предсказывал времена. Когда в 1973 году ожидали селевого

потока, Владыка много молился и сказал: «Нет, этого не будет. Все пройдет благополучно, Господь сохранит». Взрывали тогда горы, плотину строили и все благополучно завершилось. И когда китайцы поднялись, он тоже сказал: «Рано еще, рано, да, да, да! Еще рановато, не пришло время, не пришло. Это только испытание». Такие предсказания его были.

Еще сказал, что собор наш Никольский устоит до Второго пришествия. Это я слышал сам. Почему он так говорил? Он призывал в проповеди не метаться, не переезжать из одного города в другой, не искать чего-то, а молиться, молиться – это главное. «Никольский собор, – сказал он, – будет стоять до Второго пришествия». Так что будем молиться, и владыку Иосифа вспоминать.

Протоиерей Геннадий Агеев, г. Алма-Ата.

В то время, когда владыка Иосиф служил на Алма-Атинской кафедре, я жил в г. Усть-Каменогорске и много был о Владыке наслышан. А в 1971 году я познакомился с ним через протоиерея Иоанна Лопатина, который служил в Алма-Ате, в Покровской церкви. Так случилось, что отец Иоанн остался в церкви один, без второго священника и стал просить у владыки Иосифа помощника себе. А Владыка говорит: «Я что тебе из глины слеплю, что ли, и дам? Нет у меня, давай кандидата». И отец Иоанн, знавший меня еще с детства, предложил ему: «Там в Усть-Каменогорске есть кандидатура». И вызвал меня в Алма-Ату телеграммой на Страстной седмице в 1971 году.

Я приехал. Пришли мы с отцом Иоанном к Владыке, он нас принял, расспросил меня о семье, о работе и задает мне вопрос: «Ну, а ты как, не против пойти в священники?» «Если, – говорю, – нужно, я пойду». Он: «Нужно, нужно... Спрашиваешь, нужно... Тут перебиваешься – нет никого, сколько приходов стоит без священника, а ты спрашиваешь – нужно!» Он благословил и велел прийти к нему через два дня.

Через два дня мы с отцом Иоанном снова пришли к Владыке и он велел нам отправляться к уполномоченному Вохменину. Пришли мы к уполномоченному, но он мне категорически отказал. «Ты, – говорит, – на предприятии им. Ленина работаешь, предприятие коммунистического труда, с 25-ю странами мира контактирует! И ты оттуда пойдешь в священники? Нет, нет! Если я пропущу тебя, меня с работы снимут. Езжай в Усть-Каменогорск и работай!»

От уполномоченного мы поехали обратно к Владыке. Владыка, ни о чем нас не спрашивая: «Ты слышал, – говорит, – что тебе сказали?» – «Слышал». – «Вот... тебе препятствует твоя работа. Тебе понятно?» – «Да, – говорю, – понятно». «Ну, вот, надо переменить работу». – «Хорошо, я так и сделаю».

Я приехал в Усть-Каменогорск, уволился, переехал в г. Каскелен Алма-Атинской области и стал служить псаломщиком. Два месяца прослужил, Владыка меня вызывает, телеграмму мне дает из Алма-Аты в Каскелен. Но телеграмму я не получил,

и Владыка прислал за мной своего келейника. Приезжаю к вечерней. Владыка: «Почему не приехал?» – «Владыка, – отвечаю, – я не знал». – «Да, ты не знал... Телеграмма на почте лежит под стеклом. Они тебя не нашли, положили и успокоились» – все знал, где и как. «Завтра будем посвящать тебя в диакона. Готовься, ищи подрясник».

Утром я приехал, был праздник преподобного Серафима Саровского, Владыка рукоположил меня во диакона, и опять говорит: «Готовься, будем мы тебя завтра во иерея посвящать». И на Ильин день посвятил меня во иерея, и направил служить в поселок Узун-Агач. Это было в 1972 году. Я, конечно, засмущался – как же я буду служить один – сорокоуст не прошел, знаний у меня нет, ни одной службы самостоятельно не совершал. А Владыка: «Езжай, и все. В субботу служи всенощное бдение, а в воскресенье – Литургию».

Приехал домой, посмотрел богослужебные книги, ничего не понял. Поехал к отцу Сергию в Каскелен – подскажи! Тот со мной позанимался, всю вечернюю рассказал, всю утреню, но пока я ехал домой, все забыл.

Приезжаю в Узун-Агач, иду в церковь, готовлюсь служить. На клиросе две Кати-неграмотные, да старушка Кирилловна. Облачился, думаю, с чего начинать? Открыл служебник, книги, смотрю: мне все ясно, все понятно. А ведь до этого открывал и не понимал ничего. И тогда я догадался, что по молитвам владыки Иосифа Господь открыл мне разум – я все понимаю, будто я уже когда-то служил. И первую службу я прослужил, не сделав ни одной ошибки. Певчие очень удивились, а я говорю: «Это по молитвам владыки Иосифа, он из Алма-Аты нами управляет». Так я начал служить.

Однажды такой случай произошел. Просфоры на Литургию принесли сухие-пресухие. Служить на них по правилам нельзя. Но других нет, а служить надо. Я думал-думал, сомневался, но все-таки начал совершать проскомидию. И когда стал резать копием просфору, ручка у копия отвалилась. Я стою в раздумье, не знаю, что дальше делать? Без копия служить нельзя и службу оставлять тоже нельзя. Певчие собрались: «Давай возглас!» А я еще и проскомидию не совершил. Так около часа я размышлял,

потом взял нож и ножом начал совершать проскомидию, обрезать Агнца. И в это время забегают в алтарь Коля Темирбаев. (Он из армии пришел и у Владыки находился). Владыка утром его будит: «Одевайся, – говорит, – быстро, беги в Узун-Агач, скажи отцу Геннадию: какие есть просфоры, пусть на них и служит!» «И я, – говорит Коля, – соскочил, бегом на автовокзал и вот, приехал сюда». Я здесь совершал проскомидию, сомневался, а Владыка Иосиф видел, что у меня в алтаре происходит и послал Колю, чтобы меня вывести из тупика.

Еще о митрополите Иосифе у меня сохранились такие воспоминания.

Владыка говорил: «Отец Геннадий, пять, пять (показывает пять пальцев) пять неминуемых смертей было у меня. А таких – двадцать пять, бесчисленных смертей».

В Усть-Каменогорске у моей знакомой, Елизаветы Андреевны, дочь отравилась уксусной эссенцией. И она просит меня взять благословение у Владыки и отпеть дочь. Владыка спрашивает: «Кто ее заставил?» «Сама» – отвечаю. «Кто ей налил эссенцию в стакан?» Я говорю: «Сама». – «Кто пить заставлял?» – «Сама». – «Сама, сама, сама убийца. Самоубийцы мы не отпеваем». Вот и все. И на этом кончилось.

Когда я служил первый год в Узун-Агаче, у меня много вопросов возникало и духовных, и по семейным делам, и с этими вопросами я приезжал к Владыке. Он меня посадит на стул, сам взад-вперед ходит и мои вопросы сам мне задает, и сам же на них отвечает. Когда переберет все, что я помню (что я забыл, он тоже не скажет), спрашивает: «Ну, что там у тебя, отец Геннадий, еще есть какой вопрос?» – «Да, – отвечаю, – какой-то еще был». «Не торопись, вспомни, вспомни». И вот, я начинаю вспоминать, а он сам уже говорит. Как только мне на память что приходит, он видит все и сразу отвечает.

Однажды меня такой случай поразил. Я приехал к Владыке просить Библию. Привезли Библии из Москвы, а в то время Библию было очень трудно достать. И вот, Владыка говорит: «Не дам тебе Библию, у тебя там есть церковная, ее и читай. Дома, в тумбочке, на верхней полочке, справа, у тебя Библия стоит в

желтом переплете, чего тебе еще надо?» Она точно стояла там, я принес ее из церкви домой, в тумбочку поставил и кое-когда почитывал. (А в моей комнате Владыка никогда не был). Но мне очень хотелось иметь свою собственную.

У Владыки в углу кельи стояла икона святителя Николая. Владыка в этот момент лицом к иконе повернулся, а я боком сидел. И я взмолился, мысленно святителя Николая прошу: «Святитель Николай, помоги, чтобы Владыка дал мне Библию!» И Владыка мгновенно, как винт, повернулся, руки поднял, загородил икону: «Не проси! Не проси святителя Николая! Не утруждай угодника Божия! Сами этот вопрос решим! Что ты по такому пустяку обращаешься?!» Меня это поразило, я чуть со стула не упал. «Езжай – говорит, – в епархию, проси у Валентины Павловны». Сам скорее туда позвонил: «Дайте ему». Я приезжаю, Валентина Павловна говорит: «Ну что, выклянчил у Святителя Николая? На вот, приготовили тебе Библию, бери». Я взял Библию и радости не было конца.

Протоиерей Иоанн Слюсарь, благочинный Алматинского округа.

Отец моей супруги протоиерей Павел Либов много лет прослужил в Алма-Ате, в храме Казанской иконы Божией Матери. Последние годы был настоятелем этого храма. В 1970 году он уже был очень слабым и в день престольного праздника по болезни служить не мог, а лежал дома в тяжелом состоянии. В Казанской церкви служил в этот день владыка Иосиф. И когда после Литургии стали возглашать многолетие Патриарху, Архипастырю, «настоятелю святого храма сего...», в этот момент Владыка, стоя с крестом на амвоне, сказал негромко: «А настоятелю сейчас в самую пору пропеть: «Вечная память...» В этот день отец Павел скончался.

Что мне больше всего нравилось во владыке Иосифе? То, что он такой скромный был, такой простой, доступный. Любил молодежь, в отеческом смысле. Однажды в день памяти Святителя Николая он повез нас в Талгар (там был престольный праздник) – набил в свой ЗИМ – 13 человек молодежи вместе с иподиаконами и сам уместился в уголке. Когда привез обратно, он всех нас развез по домам, а потом только сам домой поехал. И я знаю, он всегда так поступал.

Протоиерей Валентин Сазонов, клирик храма Покрова Пресвятой Богородицы г Алма-Аты.

О владыке Иосифе у меня остались особые воспоминания. При нем я стал уже сознательно, по-взрослому ходить в храм. (Прежде я просто приходил с мамой). Его слова, его проповеди были для меня духовным кормилом, потому что в то время скудной была у нас церковная проповедь, только Владыка и говорил. Если священники говорили, то чаще по писанному, просто прочитывали и все. И мы не слышали хорошей проповеди в то время.

Владыка проповедовал почти всегда, каждую свою службу. За Всенощным бдением всегда говорил слово. Он обычно выходил после шестопсалмия, и мы, конечно, ждали его проповеди. Или после Евангелия на Литургии говорил. Иной раз Владыка не выйдет на проповедь. Мы только вздохнем – все ждут же. Мне казалось, что все ждут, потому, что я сам очень ждал. Проповеди его для нас были слова живые, как бы направляющие нас по жизни, подкрепляющие нас. Я на заводе в то время работал, и, бывало, заранее работу свою выполнял, и убегал с работы чуть пораньше, чтобы успеть на службу. А службы архиерейские продолжительные были. Стоишь допоздна и как будто ты не работал весь день, идешь домой с такой легкостью! Поэтому, когда Владыка по каким-то обстоятельствам не был в храме, то это было для нас очень ощутимо.

Лично с Владыкой я никогда не беседовал, но было так: я иду с ранней обедни, а он едет на ЗИМе к поздней, и встречаемся мы на перекрестке улиц Шевченко и Космонавтов. Встречаемся, я делаю поклон, руки складываю для благословения. Он благословляет из машины, и оттуда такая теплая, горячая волна, такая радостная охватывает меня от его благословения! Потом как-то однажды Владыку встречали на Троицу – коврик был сделан из цветов, дорога устлана цветами, Владыка у ворот вышел из машины и пешком до крыльца шел, народ благословлял. А я стоял у входа и сделал ему поясной поклон, но прикрито – шляпу свою специально уронил, и сделал

вид будто я ее поднимаю. А сам ему поклонился. А он так на меня посмотрел, как будто все это прочитал, мое сокровенное. Вот такие наши коротенькие встречи.

Потом, однажды он сидел на амвоне в своем кресле архиерейском и благословлял паству на грядущий подвиг Великого поста. Я тоже подошел, и он дал мне Панагию поцеловать. И так мне в душу запала эта Панагия! И вот, по милости Божией я служу уже больше 20-и лет и почти все время в храме Божией Матери. В Казанской церкви сначала служил, теперь – в Покровской.

Мои родственники 8 марта пошли к Владыке домой поговорить о своих нуждах. Пришли, а Владыка забежал: «Ой, мои дорогие, да мои женщины! Сегодня же ваш день! –сам на стол ставит, – как же! Женский день 8 марта!» Такой он был очень острый на язык. Почему он их ублажал? Их, духовных людей, не всегда поймешь, почему они себя так ведут, они же немножко юродствуют.

На могилке его мы чувствуем особую теплоту, от этой могилки нашей родной. В наших нуждах мы ничтоже сумняшеся идем туда помолиться. Когда нам очень трудно, так мы заказываем обедню за нашего Владыку, чтобы он помолился за нас больше, чем мы за него. Как-то и сердце успокаивается в надежде на Бога, и по его молитвам Господь нас хранит и все устраивает во благо и ко спасению.

Протоиерей Александр Хаустов, г. Сергиев Посад.

К владыке Иосифу меня привела моя тетя, когда мне было 18 лет. Он обрадовался моему приходу – тогда молодежи мало ходило в церковь. И началось наше знакомство – я приходил, мы беседовали на разные темы. Владыка оказал на меня большое влияние. Я обратил внимание на его старинное воспитание: он вел строгий образ жизни, во всем был скромен, просто одевался, питался. Это был человек высокой культуры, высокой духовности и очень мудрый. Обычно к архиереям на прием назначают время, а у него этого не было. К нему приходили разные люди в любое время – и днем, и вечером, и ночью. И он принимал, он никогда не устраивал для себя выходных дней. Приходили бабушки со своими невзгодами, со своими болезнями. «Ну, пойдемте, – скажет Владыка, – помолимся». Откроет свою маленькую церковь, зайдет: «Вот, у меня есть маслице с Афона». Помолится, масла даст. И по его молитвам получали облегчение, исцеления, и нравственные, и духовные. Он имел много любви, заботы о людях. Он всем уделял много внимания. Владыка вел подвижническую жизнь, он ночью молился. Он говорил: «При мне здесь ни землетрясения, ни потока не будет, ни китайцев не будет здесь».

Владыку Иосифа в Алма-Ате полюбили быстро. Именно полюбили. Он много служил, много проповедовал. Проповеди у него были особые. Он нигде не учился, не закончил никаких учебных заведений, просто от Господа был у него именно дар своеобразный. Готовясь к проповеди, он просил Бога чтобы Он ему помогал. Допустим, и Иоанн Златоуст, и Иоанн Кронштадтский просили Господа, чтобы Он Сам через них, как через орудие Свое, говорил слово к пастве. И владыка Иосиф так же молился, и тогда он говорил проповедь уже не от ума, а Духом. Так же и Апостолы. Они были не грамотные, но имели Духа. Почему их и выбрал Господь, чтобы они – неграмотные, силою Духа посрамили современных ученых. Митрополит Иосиф относился именно к такому разряду. Хотя проповеди его не все понимали. Как и священное Писание не все понимают. Здесь нужно иметь духовное состояние и веру, быть ближе к Богу. А со

стороны слушать его чудно, непонятно. Своеобразным языком говорил и немного загадочно. Немножко мог обличить. Кто-то понимал, кто-то нет.

Митрополит Николай, тот был грамотным – закончил Академию. Митрополит Николай был более естественным, был богословским. А митрополит Иосиф – чтобы не открывать свою прозорливость, свою мудрость – немного юродствовал, как бы скрадывал. Кто не знал его – ну, старичок веселый такой, а на самом деле он был очень высокого духа, и свою прозорливость он облакал в некоторое юродство. Сейчас, у современных духовников, все более от ума получается. А владыка Иосиф, он именно силой Духа, силой любви все делал.

За что Владыку любили? За то, что именно был пастырь добрый и для своих овец он готов был отдать все, что можно. Они все такие были – митрополит Иосиф, митрополит Николай и архимандрит Исаакий, любвеобильные. Этим они и отличались. Первая запо-ведь – сначала возлюби Бога, вторая – ближних, всех, с кем мы живем. Вот они-то как раз исполнили заповеди Божии о любви. Для человека они готовы были умереть. И что их объединяло – прозорливость. Архимандрит Исаакий – он этого не скрывал. Он меньше был саном. А митрополиты – в то коммунистическое время на высоте были, чтобы врагов было меньше, чтобы больше можно было пользы принести, не каждому открывались. И владыка Иосиф чаще все на шутки переводил, на юродство. Среди его окружения были люди, вхожие к уполномоченному. Он это знал. Он старался больше молиться.

Владыке предлагали Патриаршество, он отказался: «Я не хочу у коммунистов быть на поводке». «Мне осталось, – говорил, – немного, зачем я буду на поводке, я так послужу». Вот такое он мне раза 3–4 говорил. Он свою версию им давал, но было так.

И владыка Иосиф много мне сказал о моей жизни, о священстве. Владыка меня рукополагал в Алма-Ате в начале 1974 года.

Вот еще прозорливость его когда проявлялась: тогда много кляуз писали на священников. И он, не читая писем, сразу

говорил: «Это жги, это – клеветают. А на это надо ответить то-то, то-то». Это при мне было.

Под Актюбинском служил отец Стефан. Он был родом с Украины и просился, чтобы Владыка отпустил его на родину. Владыка отвечает: «Зря. Ты снова приедешь». – «Нет, не приеду». И отец Стефан уехал. Месяца через три приезжает: «Владыка, возьмите назад!» – «Ну, я же тебе говорил. Место твое тебя ждет». Снова на тот же приход вернул.

Владыка многим помогал. Он дал мне адрес одной старой монахини и после его смерти я ей помогал, пока она не умерла. Он говорил: «Нам нужно помогать старым монахиням». В Алма-Ате были две женщины болящие по телу, но высокой духовной жизни, подвижницы своеобразные. Владыка ездил поздно ночью, навещал их.

Владыка нес тяготы всех приходящих к нему людей. Он смирялся даже перед своим окружением, например, перед поваром. В субботу или в воскресенье она не приходила, он слова не говорил. Мы тогда приносили ему уже приготовленные обеды. Он приезжает в воскресенье со службы – я принесу ему горяченькое, свеженькое, он был рад, и с удовольствием кушал: «Вот видишь, – говорил, – Господь не оставляет меня». Сторож его Лаван выпивоха был страшный. Он придет, выпьет рюмку-другую и уснет в сторожке. Мне ночевать приходилось там. Владыка говорит, бывало: «Приди, я просто не надеюсь на Лавана. Мне одному страшно и скучно». Я приду, он мне что-нибудь рассказывает. Владыка сам никого не выгонял. «Раз Господь попустил, я должен терпеть этого человека». И никому ни слова не говорил: «Ну, как Бог даст». Он монах был.

Валентина Павловна Хитайлова, г. Алма-Ата.

Владыка Иосиф рассказывал с амвона: «Когда я был еще мальчиком, я думал: «Как это ворон мог брать хлеб и носить его пророку Илии? Где ворон мог брать хлеб?» Конечно, написанному в Священном Писании надо верить безоговорочно, но мне было всего 17 лет, и меня посетили такие сомнения. Я размышлял над этим, находясь в Сергиевом Посаде, сидя на лавочке. Только что прошел дождь, лужицы кое-где на мостовой. И что же? Прямо перед моим носом шлепнулась булка хлеба! Упала прямо в лужу и обрызгала меня водой. Я сразу поднял голову – пролетела черная птица – галка или ворон, не знаю точно кто, но мне вещественное доказательство было предоставлено сразу в ответ на мои сомнения».

Татьяна Павловна Сосникова, делопроизводитель Алма-Атинского Епархиального управления.

Когда владыка Иосиф был еще Петропавловским и приезжал в Алма-Ату, я помню такой эпизод: он сидел и кушал клубнику, а моя мама хлопотала у плиты, готовила ему чай. Владыка на маму посмотрел и говорит: «Марфа Константиновна, я буду Вас отпевать». Мама умерла 9 декабря 1972 года, Владыка ее отпевал.

Когда мы служили в Крестовой церкви, мы исповедовались у него и причащались. Эти службы – всенощные и Литургии, были неповторимыми. Чувствовалась молитва Владыки. Он много молился, потому что многие просили его молитв. Молился за тяжело больных. Мы с матушкой Ольгой, ризничной, читали часы. Приезжала моя мама или ма-тушка отца Бориса – они пели.

А то, бывало, Владыка молился в алтаре, а я работала в канцелярии, но чувствовала его молитву: я оказывалась как бы в другом мире, я не могу объяснить этого благодатно-го состояния, но невольно у меня текли слезы. От его молитв я ощущала милость Божию. Это было не однажды – я работала, а Владыка молился в алтаре, клал поклоны. Это состояние трудно объяснимое. Те Апостолы, которые были с Господом на горе Фавор, в тот момент, окрыленные благодатью, только и могли сказать: «Сделаем три кущи...» И больше они ничего не хотели. И здесь я явно ощущала по молитвам Владыки присутствие Божие.

Как-то однажды я работала в канцелярии, печатала на машинке. Был солнечный день, и лучи солнца светили в окно канцелярии. Я печатала, а Владыка сидел напротив меня и негромко разговаривал, будто сам с собой. Что-то тихо-тихо говорил и смотрел пристально в окно. Я стала прислушиваться, стараясь разобрать, что он говорит, но не могла понять. Я перестала печатать и посмотрела на Владыку. Я увидела, что Владыка смотрит в окно, в одну точку и меняется в лице, глаза меняются и Владыка преображается. И было ощущение, что дух

его поднялся и где-то витает, как бы не здесь находится. У меня при виде его мороз прошел по коже, мне стало страшновато. И я начала тихонько стучать по клавишам машинки. Владыка постепенно стал приходить в обычное состояние, потом соскочил и убежал.

Он меня часто приглашал в воскресные дни после службы «Владычку лечить» – как сам он выражался. Мы с Шурой ему голову мыли. Он сядет в кресло, Шура поливает, я помою ему голову, расчесу его, коску заплету. Ножки ополоснешь, ногти почистишь. Но это тогда, когда он уже старенький стал.

Игуменья Верхотурского Покровского женского монастыря София (Любых).

(Фрагменты воспоминаний).

Как-то, когда Владыка служил еще в Петропавловске, при благословении он немного задержал мою руку. Я такую ощутила благодать, что думаю: «Так и пошла бы всю жизнь за Владыкой». Так оно и получилось. Я стала чаще бывать в храме, потом пришла уже в храм работать. Монашество по его благословению приняла, по его молитвам, хотя я и не помышляла об этом. Однажды, уже в Алма-Ате, сидели мы за столом: Владыка, я и монахиня Ольга, которая находилась у Владыки. (Она всегда ему ножки парила и масса-жировала – у Владыки очень больные ноги были, ручки парила и голову мыла). Владыка говорит: «Мать Ольга, давайте пострижем Нину в монашество!» (Нина – мое мирское имя) Я думаю: «Чего это Владыка придумал?» Мать Ольга: «Да, да, Владыченька». Владыка: «Сразу в мантию пострижем». Мать Ольга: «Да, да, Владыченька». «А какое мы имя ей дадим? ...Подумать надо». И не сказал. Но как-то выразился: «Премудрой будешь». Этим уже все сказано.

О Владыкиной прозорливости.

В Петропавловске жили две ссыльные монахини – старшая Мария и младшая Христина. У Марии как-то ночью случился сильный сердечный приступ, лежала уже полумертвая. Христина со слезами побежала к владыке Иосифу и просит помолиться за болящую монахиню Марию, мол, она умирает. А он ей: «Да она еще будет с нами в соборе молиться!» И действительно, прожила Мария еще 15 лет и первой умерла Христина.

В августе 1970 года матушка Татiana из Петропавловска собралась съездить в Алма-Ату к владыке Иосифу. У отца Николая, ее супруга, как раз выпала неделя отдыха, и он ее отпустил. Она пригласила с собой матушку Евфросинию и они поехали.

Приехали, Владыка их радушно встретил, завязалась беседа. Владыка спрашивает об отце Николае, служит ли он. Матушка отвечает, что сейчас, в настоящую неделю, он

отдыхающий и поэтому ее отпустил. А Владыка отвечает матушке, что в настоящий момент отец Николай отслужил Литургию и уже читает акафист Матери Божией. И пропел запев этого акафиста. Но матушка подумала, что Владыка шутит.

Вечером за ужином Владыка спрашивает у матушки: «А умеет ли отец Николай варить кашу?» Сам улыбается, и тут же говорит: «Так много он наварил каши! Из одной кастрюли в другую перекладывает, вот так наварил каши!»

В день отъезда Владыка интересуется, как матушки будут возвращаться домой – самолетом или поездом? Они отвечают, что самолетом. Владыка говорит: «А может поездом?» Но они уверенно говорят, что самолетом, так как им надо срочно быть дома. Владыка им опять: «А может и самолетом, и поездом?» Но они настаивают, что только самолетом.

Вот подошло время, надо уезжать. Владыка опять напомнил им, что «и самолетом, и поездом».

Когда матушки приехали в Аэропорт, то оказалось, что рейс на Петропавловск по каким-то причинам отменен. Тогда у них возник между собой спор. Матушка Евфросиния говорит, что надо ехать поездом, а матушка Татьяна отвечает, что поездом ехать не хочет, потому что это долго. Здесь они услышали, что объявляют рейс на Омск и решили лететь в Омск. И, прилетев в Омск, они уже оттуда проехали поездом в Петропавловск. Тогда вспомнили разговор Владыки.

Рано утром матушки приехали домой в Петропавловск. И здесь матушка Татьяна узнала, что отец Николай действительно служил Литургию и читал акафист Матери Божией, о котором говорил Владыка. А когда решили позавтракать, отец Николай сказал, что он наварил много каши, ел ее всю неделю и даже сейчас еще есть эта каша. «В кастрюле варил кашу, она стала выпирать, решил во вторую кастрюлю переложить. Так что каши много, на всех хватит!»

Август 1972 год. За обедом Владыка к нам обращается (человека четыре сидело за столом): «Матери, говорят: Владыка прозорливый! Матери, говорят: Владыка прозорливый!» Смотрит на нас, улыбается, продолжает: «Вот сейчас Вася позвонит Владыке и скажет, что у него сын родился. А Владыка спросит:

«А как назовешь?» А он ответит: «Сережей». Мы слушаем Владыку и тоже улыбаемся. И минут через 15–20 раздается телефонный звонок. Владыка смотрит на нас, улыбается, протягивает руку, снимает трубку: «Алло! Да, Владыка слушает. Вася! Что такое? Сын родился!? Поздравляю, поздравляю! А как назовете? Сережей!? Хорошо, хорошо! Поздравляю, поздравляю! Ура!» И положил трубку.

Когда из Петропавловска мы приезжали к Владыке, он говорил: «Занимайте гостиницу «Интурист»! Это в его доме, по левую сторону от прихожей, комната была, где стояли две кровати и диван. И мы всегда эту комнату занимали.

Как я знакоилась с Джерри. Сидим мы в столовой, Владыка зовет: «Джерри!» Открывается лапой дверь и входит здоровенный пес. А я уже дрожу – сейчас на меня налетит! Владыка говорит: «Вы угостите Джерри. Джерри любит конфеты». Я беру конфеточку, еще больше дрожу – нужно в пасть этой собачке конфету положить. Джерри открывает пасть, высовывает язычек, я кладу конфетку, он – ам! Проглотил. И еще просит. Потом уже и прянички в ход пошли, и все. Владыка: «Ну, Джерри, это уже не хорошо. Вас угостили, идите на место» – так на «вы» к нему обращается.

Владыка часто сам готовил обеды для гостей. Однажды нас с матерью Ольгой отправил на службу в собор, а когда мы вернулись – стол был накрыт, все на нем парит, и супы, и каши. И такой кисель сварил ароматный! Мы сели за стол, думаем: «Кто же готовил?» А он, радостный, говорит: «Владыка сам готовил! Матери, Владыка сам готовил обед для вас!» Так умел угощать.

Владыка говорил: «Пока я жив, все будет по-хорошему, матери, все будет по-хорошему, пока я жив!»

1972 год. Мать Ольга заболела, и Владыка пришел к нам в «Интурист», очень расстроенный и говорит: «Матери, матери! А кто же теперь узельцы-то носить будет? Кто будет узельцы носить?» Ко мне обращается: «Вы будете узельцы носить?» – «Какие узельцы, Владыка?» Он, шепотом: «Я только по секрету скажу – это знает только мать Ольга и я». И вот, он мне объясняет, что здесь через забор живет девочка Лена. И каждое

утро в 6 часов мать Ольга встает и кулечек с гостинцами для этой девочке кладет на забор. И Владыка сказал, почему именно для этой девочки кладут конфеты, но это пусть так и останется секретом. И вот, каждое утро, пока я гостила у Владыки, я рано вставала и вместо матери Ольги носила гостинцы.

В 1973 году я приехала к Владыке в Алма-Ату. Он говорит: «Вот, не знаю я жития Блаженной Ксении Петербургской». Я говорю: «Владыка, у меня есть книга». – «Вы мне ее привезите, я хочу ее почитать». В следующий приезд я привезла ему эту книгу. Он прочитал ее и мне вернул. В эту книгу он вписал своей рукой: «В 1919 году, в Страстную неделю, я так прострадал, но будучи иеродиаконом, служил в Архиерейской церкви г. Таганрога. Владыка Арсений уехал к Светлой заутрене на Пасху мне сказал: «Умри у Престола Божия». Во время Херувимской на Пасху нарыв прорвался и эмульсия, т. е. гной, потек по стихарю». Это чудное исцеление во время Литургии Владыка записал на листке бумаги и вклеил в книгу в том месте, где описывается чудо, происшедшее по мо-литвам блаженной Ксении с девочкой, страдавшей от такой же болезни.

Владыка рассказывал. Его вторая мать была очень религиозная и строгая. От нее Ване часто доставалось, потому что он в детстве много шалил. Мать всегда возила в корзине белье на речку стирать. Ваня ей помогал. Там на мостике женщины (и еврейские в том числе) белье стирали и полоскали. И дети еврейские бегали здесь же. «Я подбегу, – рассказывал Владыка, – и – шлеп! В воду столкну еврейского мальчика и давай его: «Во Имя Отца! И Сына! И Святого Духа!» крестить! Мать подбежит, и меня шлепнет мокрым бельем по спине. А еврейские матери кричат: «Что твой Ваня делает! Наших детей крестит!» И впоследствии – продолжал Владыка Иосиф – мне приходилось на Урале, в Челябинске крестить еврейские семьи».

Владыка говорит однажды: «Мать! Я обидел двоих. Вышел я погулять по улице (уже в Алма-Ате на Минина), бежит маленькая девочка, школьница лет 8-и, подбежала: «Дедушка, Вы знаете, что человек от обезьяны произошел?» А я удивился: «Да?! А я же не знал! Это правда?» – «Да, да, это правда! Нам учительница говорила, что человек от обезьяны произошел!» –

«Да?! – я еще раз удивился – ну, тогда передай привет своей мамочке-обезьяночке!» – «Как?! Моя мамочка не обезьяночка!» И убежала с плачем.» Вот такие вот вещи.

Еще Владыка часто баловал почтальонов. У него такое секретное место было в заборе, он каждый день туда рубчик клал. Те приходили, оставляли почту и рубчик доставали. Это была его тайная милостыня.

В Алма-Ате к Владыке пришла р. Б. Александра. У ее родственника, который живет за границей, врачи обнаружили злокачественную опухоль и объявили, что его состояние безнадежное. Он написал Александре в Алма-Ату, а она пришла с этим письмом к Владыке, плачет, просит помолиться. Владыка ей говорит: «Будем молиться вместе». И потом получает Александра от родственника другое письмо. Он пишет, что болезнь исчезла и он здоров. Александра пришла с письмом к Владыке, и принесла также посылочку, которую родственник для Владыки послал.

Когда я приехала в 1974 году, Владыка стал уже слабеть и часто недомогал. И вот, подходит суббота, надо ко всенощной ехать, а он не может, говорит: «Матери, идите, а я не могу служить». Мы с матерью Ольгой собираемся, идем. Не успели еще дойти до собора, смотрим: по улице Космонавтов машина владыкина проехала, поворачивает и – прямо к собору! Владыка приехал!

Как-то, в этом же году, мы собирались идти на всенощную. Из кельи вышел Владыка, взволнованный, за ним отец Вячеслав. Отец Вячеслав не положил в машину чемодан с облачением, и Владыка сам его принес и положил. И так строго Владыка говорит отцу Вячеславу: «Лучше бы ты умер при родах, был бы мученик!». И вскоре произошел разрыв. Отец Вячеслав ушел от Владыки. Причем, ушел очень нехорошо. Это надломило Владыку. Он очень переживал за своего келейника и очень болезненно воспринял сердцем то, что он, оставив Владыку, отошел от Церкви.

В 1957 году в Петропавловске, мы шили для Владыки облачение вместе с портнихой Александрой Васильевной. В 1974 году Александру Васильевну парализовало. Она жила

одна, ее посещали верующие. Я тоже приходила к ней. Она мне говорит: «Нина, напиши Владыке письмо, пусть он помолится, чтобы я выздоровела». Я написала и Владыка ответил ей: «Будем умирать вместе. Доброй, многоплачевной Александре Васильевне... Пасха, 74 год.». И что вы думаете? 26 августа 1975 года Александра Васильевна умирает. Владыке дали телеграмму: «Умерла Александра Васильевна». 28 августа на Успение Божией Матери ее отпевают в храме и хоронят. В этот день владыка Иосиф служит свою последнюю Литургию. 3 сентября ей отмечают 9-й день, а 4-го – умирает Владыка. Так сбылось его пророчество.

Владыка знал о приближении своей смерти. Когда он дарил свою фотографию архимандриту Кириллу, он надписал ее: «Отцу Кириллу Целиноградскому. Митрополит Иосиф. Снимался месяц тому назад. Последняя! 1975 г. май».

Нина Федоровна Ярофеева, г. Петропавловск.

Был день Ангела у ссыльной генеральской вдовы Екатерины Григорьевны. У нее в доме собралось соборное духовенство, монахини и был приглашен владыка, который в то время служил на Петропавловской кафедре. И в этот день Владыка подарил мне четки. Я сразу поняла, в чем смысл такого подарка и отреагировала на это очень категорично. Ведь мне было всего 17 лет, я только что закончила 10 классов. И хотя я любила храм, но я любила и танцы, и кино. Мне нравилось, что вокруг меня много воздыхателей и по-клонников. И вдруг мне дарят четки в 17 лет! Я, конечно, не приняла, я даже бросила их: «Не нужны мне четки!» И заплакала. Выручила Екатерина Григорьевна, она попросила: «Владыка, отдайте их мне». И он отдал четки ей. Но в моей жизни все сложилось именно так, как предрек Владыка. Замуж я не выходила, а четки со временем взяла в руки уже сознательно, посвятив свою жизнь молитве.

Когда я после окончания школы поступала в Педагогический институт, а затем в нем училась, Владыка почему-то всегда знал, в какой день я буду сдавать экзамены. И когда перед экзаменами я приходила на службу в Петропавловский собор, он говорил мне: «А все студенты на злополучных экзаменах молятся Екатерине Премудрой!» – так артистично он это говорил. Я знала, что он молится, чтобы я благополучно училась и сдавала экзамены. И когда я после сдачи экзаменов приходила в церковь, Владыка иной раз, проходя мимо, при каждом храме, посмотрит на меня, и по его лицу я понимаю, что он ждет ответа о результате экзамена. И я просто на пальцах показывала ему – 4 или 5. Но когда я получала тройку, что бывало крайне редко, то на глаза ему не появлялась, мне было стыдно.

Когда другие меня ругали, Владыка всегда меня защищал. А ему наперекор говорили: «Да что там! Разве она хорошая? Она в кино ходит, она на танцы ходит!» А он всегда отвечал: «Нет, танцы отойдут, кино отойдет, а она останется». И еще он мне завещал: «Учить, лечить – не стесняться, но не соблазняться!»

Проповеди Владыка говорил за каждой службой. Он был очень быстрым, стремительным, энергичным, но мог быть очень величавым, плавным. Когда во дни юности моя душа переживала период колебаний, когда происходило становление личности, проповеди Владыки очень укрепили меня духовно. Неверия у меня не было, а был страх исповедания веры. В студенческие годы, когда стоял выбор между институтом и Церковью, между безбедным существованием и Богом, в этот момент, несомненно, большую роль сыграло то, что рядом был Владыка – со своими проповедями, со своими страданиями, которые говорили не о каких-то далеких временах страданий первомучеников, а о страданиях наших современников и наших соотечественников. Это, конечно, укрепляло. Владыка Иосиф – это очень мужественная личность.

Протоиерей Николай Лихоманов, г. Тутаев Ярославской области.

К владыке Иосифу я впервые приехал по благословению архимандрита Наума в 1973 году, будучи студентом Московского Университета. Сначала-то съездил к нему сам батюшка Наум, а потом у него нашлось какое-то дело к Владыке, что-то надо было передать, и я поехал по его благословению.

Эта первая встреча произвела на меня большое впечатление, потому что Владыка Иосиф – это особый архиерей. Он проявил ко мне такую любовь, что мне казалось, что меня больше никто не любит так, как он. Очень живо, внимательно, принял участие во всех моих проблемах. И, конечно, на следующие каникулы у меня была запланирована поездка к нему, тем более, что Владыка и сам пригласил меня приехать. И в 1974, и 1975 годах я все каникулы проводил у Владыки.

По тому, как Владыка рассуждает, отвечает на все вопросы, чувствовалось, что он близок к Богу. Он много рассказывал о себе, о своем детстве, вспоминал о жизни в лагерях, рассказывал факты из нашей церковной истории. И его поведение, его отношение к людям – все это было действительно для меня примером, и я понимал, что у Владыки нужно учиться, впитывать каждое его слово и движение. То есть, я видел в нем такой яркий пример христианина, хотя, может быть, многого еще не понимал.

Его рабочий день начинался после завтрака, он принимал людей. Владыка старался любого человека, любую старушку принять с любовью. Приходил к нему секретарь, решали какие-то вопросы. Часто (мы об этом узнавали позднее) приезжал уполномоченный. Сейчас мне понятно, что это была большая работа по управлению епархией, да и время было тогда трудное. И сам Владыка говорил: «Если все писать – то нельзя, а если не все писать, то это не отражает действительности». Мне казалось важным то, что Владыка во всех ситуациях принимал решения действительно разумные, тем более в то время, когда на приходах не всегда все было гладко. Бывало, что у священников

возникали сложные отношения с властями, с уполномоченным. И Владыка умел разговаривать с уполномоченным и направлять разговор таким образом, чтобы уполномоченный не диктовал Владыке своих условий. Он мог отстаивать свое мнение. Но помню я, что после таких встреч Владыка как-то особенно переживал, на эти встречи и беседы у него уходило много сил.

Я знаю, и владыка Иосиф сам говорил, что в то время уполномоченные не особенно жаловали архиереев и, так сказать, общение было на кулаках. И то, что в Алма-Ате уполномоченный нормально разговаривал, это, конечно, заслуга Владыки. Он мог как-то умно себя повести, умно ответить, и не предать священников. В этом тоже состоял его подвиг. Но, поскольку владыка Иосиф много претерпел, много видел и знал различные ситуации, то он старался пользоваться тем хорошим к нему отношением уполномоченного и разрешать все дела в пользу Церкви, насколько это было возможно.

Часто Владыка говорил, что, скажем, за границей многие выступают и говорят: «Вот, в России духовенство с советской властью заодно!» Критиковали архиереев и священников. И он на это так отвечал: «Тем, которые находятся на свободе, легко осуждать тех, которые сидят в клетке. Но это совсем другая ситуация, совсем другие условия». И можно сказать, что владыка Иосиф сам перестрадал за веру, перенес много скорбей и выводы делал из своего духовного опыта.

Владыка юродствовал. Но юродство его было не таким, как обычно мы знаем по рассказам о юродивых. Он мог что-нибудь сказать, или запеть, над чем-то посмеяться, пошутить.

Я убежден, что Владыка имел дар рассуждения и опыт духовный. А то, что, как говорится, было сверх этого, для меня трудно определить. Но я могу сказать, что Владыка, конечно, чувствовал человека. И это было в нем для меня главное – его духовный опыт, рассудительность и то, что я был к нему близок, и мог это впитывать. И, конечно, его молитва. Он молился искренне, просил со слезами. Владыка говорил, что к отцу Иоанну Кронштадтскому он давно обращается как к святому, читает ему канон, молится ему дерзновенно. И вот, Господь так устроил, что когда в 1965 году Русская Зарубежная Церковь

прославляла отца Иоанна, Владыка как бы случайно включил приемник и слышал трансляцию прославления. Это он посчитал знаком того, что отец Иоанн тоже слышит его молитвы. Он часто вспоминал высказывание владыки Арсения об отце Иоанне. Владыка Арсений говорил, что отец Иоанн Кронштадтский – это Святитель Николай нашей эпохи.

Владыка любил ребят-студентов, и в зимние каникулы, а особенно в летние, многие семинаристы приезжали к нему. И надо сказать, что не мы служили Владыке, а он нам служил. Завтраки нам готовил, беспокоился о том, чтобы мы отдохнули, сходили в горы.

Моя проблема в то время состояла в том, что я не знал, как дальше мне направить свою жизнь. Я хотел оставить учебу в Университете, но первый совет, который дал мне Владыка – обязательно учиться и закончить Университет. А что касается дальнейшего выбора жизненного пути – здесь Владыка дал мне понять, что этот выбор я должен сделать сам. Но я считаю, что именно по молитвам Владыки стал складываться мой жизненный путь. Ведь еще в то время, когда я был студентом Московского Университета, он предсказывал мне священство. Но особенно после смерти Владыки очень сильное во мне было чувство: что раз я знал такого святого человека, каким был владыка Иосиф, и раз Господь сподобил меня побыть рядом с ним, то я никак не должен избирать какой-то иной путь, я должен послужить Церкви. Такое было у меня желание. Очень сильное было желание послужить, потому что Владыка стал для меня таким человеком, который оставил очень яркий след в моей душе. Он был для меня примером и под впечатлением жизни этого Святителя Божия я находился многие годы. Через три года после окончания Университета я принял священный сан и поступил в Семинарию на заочное отделение. И в первые годы своего служения Церкви Божией я старался вспоминать – что Владыка говорил в тех или иных случаях, какие произносил проповеди, как он общался с людьми – все это для меня было тогда, да и сейчас остается в моей памяти, бесценным сокровищем, и живым опытом соприкосновения со святым.

Протоиерей Иоанн Кравченко, г. Гусь-Хрустальный.

Своим знакомством с Митрополитом Иосифом (Черновым) я обязан архимандриту Троице-Сергиевой Лавры отцу Науму. В то время, когда я был студентом Московской Духовной Семинарии, старец благословил меня во время каникул съездить в Алма-Ату к владыке Иосифу.

И я поехал. Мне надо было решить очень важный вопрос, определить свой дальнейший жизненный путь: или вступить в брак, или принять монашество. Я ехал, имея в душе беспристрастное отношение к разрешению этой проблемы. Для меня было важно получить правильный совет, правильное благословение. И я был намерен исполнить то благословение, какое получу.

Летел я в Алма-Ату самолетом, дорога дальняя. Когда добрался от Аэропорта до ул. Минина, было уже 11 часов вечера. Я постучался в калитку, вышел келейник, спросил: кто я и откуда, и доложил Владыке.

Я захожу, встречает меня митрополит Иосиф, благословляет, внимательно смотрит на меня, спрашивает:

– Ну, что приехал?

– У меня есть определенные проблемы, и отец Наум прислал к Вам, чтобы их разрешить.

– Да? – посмотрел на часы – Ну что же, тогда мы с тобой до часу ночи сегодня будем разговаривать.

Меня это поразило – митрополит, который обычно всегда занят, сразу уделяет мне столько внимания! Я очень жаждал общения с Митрополитом, я понимал, что каждое слово такого человека может очень много содержать. И, безусловно, у меня было особое внимание к его размышлениям.

– Ну, что же, – продолжает Владыка – кормить тебя, наверное, будем, ты, наверное, есть хочешь? Что ты ел сегодня? Я говорю:

– Да Вы знаете, в самолете курицу предлагали, но сегодня постный день и я от нее отказался.

Владыка повернулся к своему келейнику и говорит:

– Ты смотри-ка! Этот молодой человек обещает быть великим подвижником! Он! В самолете! Курицу не ел! А мы в дороге и емы и пиемы! Ишь, какой великий подвижник! Ну, тогда приготовь ему стакан воды и сухарик, и это будет для него сегодня ужин.

Это было сказано, конечно, в шуточном тоне, но все же я понял, что Владыка имел в виду то, что пост телесный – это еще не подвиг, есть еще пост духовный, и воздержаться от курицы – еще не значит чего-нибудь достигнуть.

На второй день я был вместе с Владыкой на богослужении в Кафедральном соборе. Мне запомнилось, как он говорил проповедь – очень просто, но с определенным юродством. А когда Владыка вошел в алтарь, он посмотрел на меня и спросил:

– Проповедь слышал?

– Да, – говорю, – Владыка, слышал.

– Так вот, запомни, мне так можно говорить, а тебе – нельзя.

Приехали на Минина. За обедом Владыка спрашивает:

– Ну, что у вас там, в вашей Семинарии, в вашей Академии, как вы там учитесь, какие студенты?

Я рассказываю, он говорит:

– Да, студенты бывают разные. Вот, например, как в море рыба: есть килька, есть селедка, а есть и осетровые – разная рыба водится. Так и студенты у вас там разные.

И еще момент был интересный. Владыка говорит:

– Я ведь не имею духовного образования. Я бы, конечно, хотел (и опять с юродством говорит Владыка) чтобы у меня такой академический значок был. Хотел бы. Но у меня нет. Но я все равно читаю. Я вот все время читаю святых отцов, я вот все время развиваюсь.

И действительно, человек он был очень начитанный и мудрый, и это чувствовалось, при общении с ним. И хотя Владыка говорил с некоторым юродством, но всегда с назиданием, с пользой для души, о чем бы ни вел разговор.

Вот он спрашивает:

– Ну, что, отец Наум вас всех любит? (Владыка имел в виду духовных чад старца).

– Да, – говорю, – любит. Он такой батюшка, который и отличается тем, что любит всех нас.

– Да... любит он вас! Он вас вилами прямо в Царствие Небесное хочет затолкать, как он вас любит! Но вы смотрите, когда он вас туда заталкивает, вы еще своей головой подумайте, как туда надо войти, а не только по любви отца Наума!

Мне эти его слова тоже очень понравились, то есть – святые отцы дар рассуждения считают высшим даром Святого Духа. И это понятно. Дар прозорливости, например, может быть и от бесов, а дар рассуждения от бесов никогда не бывает. От них что бывает? Лукавство, хитрость, коварство, но не рассудительность (в высшем смысле этого слова, как мы рассудительность воспринимаем в Евангельском смысле). Это я тоже про себя отметил.

Еще мне нравились некоторые его размышления об исповеди. Он у меня, например, спрашивает:

– Ты как, читал Достоевского?

Я отвечаю:

– Владыка, всего Достоевского я не читал, но вообще мне Достоевский нравится, особенно «Дневники писателя», «Братья Карамазовы».

– Ну, я тебе вот что скажу: Достоевский замечательный психолог, замечательный. Если священник не читал Достоевского, он плохо будет разбираться в психологии своих прихожан. Святых отцов надо читать, но я даже и французских просветителей читал, да... Они состояние греховной природы хорошо описывают. А то ведь у нас как получается? Вот, в Лавре монахи – придешь к ним на исповедь, так они же ведь исповедовать не умеют... Я вот что скажу: католические иезуиты в душу скорее влезут, чем наши монахи.

Я тогда тоже обратил на это внимание. Чем важна эта мысль? Мы иногда излишне консервативны. Да, хорошо, когда мы читаем святых отцов, эта наша база, наше основание. Но когда мы забываем о современных проблемах, мы наблюдаем тогда довольно странную картину: с одной стороны – священник очень благочестивый, а правильно сориентироваться в ситуации, дать правильный совет, где-то снисходительно, а где-то строже

отнестись к человеку, он не может. А для священника это очень важно и это очень серьезно. Я на это обратил внимание и остался очень доволен его советом.

Когда я заговорил с Владыкой о своей главной проблеме, ради чего я приехал, он посмотрел на меня и говорит:

– Ну что же мы с тобой будем думать? Знаешь, что я тебе скажу? Если ты женишься я тебе даю крест с украшениями, если принимаешь монашество – я тебе панагию подарю. Что ты хочешь, чтобы я тебе подарил?

Я говорю:

– Владыка, мне не надо ни того, ни другого. Мне ничего не надо дарить.

– Нет, ты все-таки подумал бы, как мы с тобой этот вопрос будем решать?

– Владыка, не знаю, как.

И, в общем, он благословил меня на вступление в брак. Но что мне понравилось, он к решению этого вопроса подошел очень серьезно и, кстати, мне сказал: «Не понимаю я некоторых молодых людей. Вот, стремятся они к монашеству, и постриг они принимают, и подвиг на себя берут. А потом выясняется, что они ошиблись, не на свою дорогу встали, не тот путь выбрали. Ведь это же неправильно. Сначала должна быть благочестивая жизнь, а постриг – это потом. И не надо никогда давать обещания, чтобы потом их не выполнить, надо без обещаний трудиться пред Богом». Это мне очень по-нравилось – такой подход Владыки, что: трудись, молись, но не давай никаких обещаний, не связывай себя ничем. Это замечательное рассуждение я сам слышал от Владыки, и впоследствии мне приходилось в жизни не раз убеждаться в его правоте.

Был такой печальный пример. Приезжал к нему такой же, как и я, студент Духовной Семинарии. Владыка спрашивает его:

– Ну, ты как: жениться будешь, или монашество принимать?

Он как раз тоже решал эту проблему. И отвечает:

– Я, наверное, буду монашество принимать.

– Ну что же ты, – говорит Владыка – не влюблялся и никто тебе не нравится?

– Да нет, Владыка.

– Да ты бы хоть на скамеечке посидел бы, ты бы побеседовал, глядишь, тебе кто-то бы и понравился.

– Да нет, Владыка, я сидел, мне никто не нравится.

И потом Владыка сказал ему (и в этом проявилась его прозорливость):

– Ты знаешь, что бы я для тебя хотел? Я бы хотел, чтобы у тебя такой ма-а-ленький ребеночек был бы.

Так, с юродством сказал Владыка, но что это значило? Это значило: я хотел бы, чтобы ты женился и имел детей.

И получилось так, что этот студент принял монашество, а потом женился.

Владыка очень естественно рассуждал на такие темы, как монашество, семейная жизнь. Я помню, как он на меня посмотрел и спросил:

– А ты со своей невестой ничего не имел?

– Да нет, – говорю, – Владыка, ничего.

– Да... Вот что я тебе скажу: я женщин не знал.

Это действительно был девственник, по всему видно, и он это мне так естественно сказал:

– Я женщин не знал, а роды мне один раз пришлось принимать. Это в лагере было, в заключении.

Вот насколько естественно Владыка воспринимал жизнь. С одной стороны – он девственник, монах, целомудренный от юности человек, а с другой стороны – так сложились обстоятельства, в такую он попал ситуацию, что принял роды.

Из многих рассказов митрополита Иосифа о своей жизни в заключении меня особенно поразил рассказ, относящийся к его пребыванию в ссылке в степях Казахстана, где он находился в начале 50-х годов.

Владыка рассказал следующее: «Когда я был в ссылке, меня заставляли работать на волах, пахать землю и перевозить грузы. А поскольку летом в степи палило солнце и волов безжалостно кусали оводы и прочие насекомые, то управлять волами было практически невозможно. И если мы подъезжали к какому-нибудь водоему, волы заскакивали в воду, прятались от этих насекомых и выгнать их из воды было невозможно. Кроме меня на этих волах работали и другие заключенные, которые, в

таком случае грубо ругались, били волов, и волы их боялись. Но я не мог ругаться и бить животных. Поэтому, когда волы заходили в воду, я садился на берегу, сначала немножко ждал, пока они в этой воде передохнут, а потом говорил им: «Дорогие, милые волики, выходите, надо работать, нам ведь пайку не дадут, мы ведь с голоду здесь помрем». И, как рассказывал Владыка, волы подчинялись ему, сами выходили из воды и они ехали работать.

Этот рассказ Владыки такое хорошее впечатление на меня произвел, и я, слушая его, про себя отметил: «Вот, пожалуйста! Так в раю человек жил до грехопадения – в мире, в гармонии с животным миром, нарекал имена, все ему подчинялись. И здесь, когда человек, приобретая такую святость, возвращается к первобытному состоянию Адама, он понимает состояние этих животных и они его понимают и ему подчиняются. Это пример из нашего времени».

Мне, как будущему священнику, Владыка неназойливо давал назидания. Вот, сидит он и размышляет: «Не понимаю я тех священников, которые приходя на приход, сразу начинают менять весь церковный совет, разгоняют людей, которые до них были собраны. Ведь это не хорошо, так не поступают. Ведь задача, обязанность священника – вести людей ко спасению. Разогнать – это что! А вот потерпеть их, наставить, научить – вот это дело великое».

Я был у владыки Иосифа только один раз и это посещение осталось в памяти на всю мою жизнь. Такое впечатление производил Владыка. Я понял, и это чувствуешь из его рассуждений, что это человек очень мудрый, но мудрость его выражалась иногда весьма своеобразно.

Сидели мы вечером у него в келье на Минина. Раздается телефонный звонок. Звонила недовольная жена священника, которого Владыка перевел на новый приход. Владыка поднял трубку: «Да, да. Слушаю Вас, матушка, слушаю. ...Что говорите? Климат Вам не подходит на новом приходе, да? Климат не подходит... Матушка, я вам вот что скажу: самый хороший климат, который Вам подходит, это на кладбище, матушка. Вот этот климат Вам подходит». Такой вот с матушкой разговор был.

Рассказывали мне карагандинцы. Приехали с одного прихода верующие просить у Владыки священника:

– Владыка, дайте нам священника.

Он говорит:

– Священника? Где же я его возьму?

– Дайте нам священника.

– Ну, давайте Богу помолимся. И пусть вам Господь пошлет священника: ни толстого, ни тонкого, ни умного, ни глупого, такого, чтобы ни рыба, ни мясо.

И через некоторое время приехал к ним священник. Посмотрели: действительно – ни рыба, ни мясо. Как сказал Владыка, такого священника и получили.

Через несколько дней я уезжал от Владыки. Главный мой вопрос, ради которого я ехал, для меня был решен. Причем, я понял, что решен он совсем не случайно, и вот почему. Когда моя мать приехала к игумену Иоанну (Стрельцову) и подала ему записку о здравии, там первым был записан Александр, потом она себя вписала, меня и мою сестру Галину. Отец Иоанн читает записку и спрашивает:

– Александр – это кто? Твой муж?

– Да, это мой муж

– Анна – это ты?

– Это я.

– А Иоанн – это ваш сын?

– Да, – говорит, – это мой сын.

– А Галина – спрашивает, – это его жена?

– Да нет, это наша дочь.

Отец Иоанн больше ничего не сказал. Но, в сущности, он сказал, что имя моей будущей жены – тоже Галина. И когда я поехал к митрополиту Иосифу, он благословил меня жениться на Галине. Вот что такое благодать Святого Духа. Дух у нас в Церкви Православной один – Святой. И когда начинаешь понимать, что он живет в этом человеке, в этом, в этом, и что они единомысленны, тогда и осознаешь, что мир держится на таких вот людях, что они и являются светом миру и солью земли. Одно дело – когда мы читаем – мы отчасти сокровищем обладаем. Но вот в Духе все воспринять – это уже особая школа

и особый дар, благодаря которому мы можем уже в полноте понять и Священное Писание, и наставление нашей Церкви. И я считаю, что старчество, духовничество – это есть та школа, тот дар, который часто передается преемственно. Так же важно, как и читать Святых отцов, – видеть святого человека. Помню, я разговаривал с одним молодым священником, который увлекается старчеством. И так он увлекается, что сам прямо в старцы хотел записаться. Я ему сказал: «Отец, ты меня прости, я видел Старца и поэтому в старцы не рвусь. Это смешно и не серьезно». Потому что, когда встречаешься с такими людьми, как митрополит Иосиф, то ясно видишь и понимаешь, что – вот для нас столп и утверждение Истины, правило веры и образ кротости. И я благодарен Богу, что мне удалось пообщаться с митрополитом Иосифом. И я молюсь за него, и, думаю, что и он за нас молится.

Багисова Камал Багисовна, г. Кокчетав.

Когда Ата, Иван Михайлович, приехал из лагерей в Кокчетав, он ходил-ходил (он сам об этом рассказывал), никто не принял его. Он немножко обижался: «Я неделю ходил, мотался, меня никто не пустил». И попал к моему дяде Мухамедвали Кенжегарину. Дядя взял его в дом безотказно. А там у него четверо детей, жена умерла, другая жена была. Но мачеха есть мачеха. Сама она больная была. В общем, бедняк бедняка принял. Ата Молдагали нянчил и еще Майру – ей четыре года было, такая маленькая, кривоногая, кто за ней ухаживать будет? Беспризорные дети. Ой, как эти дети его любили! Они его «Ата» звали. Такой он был человек хороший, очень добрый, всех уважал. Он детей, в основном, и воспитывал. Всегда что-нибудь им несет, покормит. Он все им отдавал. Ата по ночам молился. Молился всегда, когда захочет, никто ему не мешал. И как они дружны были! Вот утром он уходит, вечером придет, гостинцы принесет детям. Особенно Молдаша он любил, Молдагали. Он же самый маленький остался. «Ты, – говорил, – такой будешь хороший человек, учиться будешь». А с Майрой всегда шутил: «Майра, ты будешь актриса, в Алма-Ате будешь жить, замуж выйдешь, детей у тебя будет много!» Так оно и получилось. Она сейчас замужем, в Алма-Ате живет и дети ее уже взрослые. Когда он уехал, дети жалели: «Ата наш уехал». Молдагали Ата писал все время письма и все время узнавал: «Где Майра? Где Кульмай? Где Сапаргали?» – обо всех спрашивал.

Мы с мамой часто бывали у дяди Мухамедвали и виделись с Ата. Меня звать по-казахски Камал, а по-русски – Катя. «Ну, тогда я буду звать тебя Екатерина Вторая» – так шутил Ата. Это он за характер мой своевольный звал «Екатерина Вторая». То, что он говорил мне, все сбылось. Мне говорил: «Екатерина Вторая, замуж выйдешь, будешь жить долго, а детей у тебя будет мало». Так и есть сейчас. Только двое у меня детей. «Ты, – говорит, – добрая, но характер у тебя тяжелый. Что скажешь, то и делаешь, никого не слушаешь».

Когда мой брат в армии служил, к нам приехала учиться из аула девушка, наша дальняя родственница, Амина ее звать. Ата

называл ее «Апрель» и шутил: «Апрель, у нас полковник в армии служит, он придет, мы тебя замуж отдадим». И говорил, что детей у нее будет много. Так и вышло. Пришел мой брат с армии молодым солдатом и через пол-года они поженились. Сейчас у них четверо детей, и он служит уже в звании майора.

**Кульмайрам Мухамедвалиевна Казиханова
(Кенжегарина), пос. Красный Яр, Акмолинской
области.**

В 1954 году, тетя Катя, наша соседка, привела к нам из церкви Ата и сказала: «Ему жить негде. Вот эти люди хорошие, дети у них хорошие». И он у нас остался и помогал нам. Мы были сиротами. Он жил с нами в одной комнате, и хорошо к нам, детям, относился, жалел нас. В магазин ходил, продукты приносил, мы вместе ели. Кушает он – молится, покушает – молится. Он много молился: днем молился, в обед молился, ночью все-гда вставал, молился, не оставлял. Читал по книгам чаще, по книгам молился. Два чемодана книг у него было. Больше всего мне запомнилось, что он книги читал. Он читает, мы сидим, смотрим. Всегда в субботу, в воскресенье в церковь ходил. Утром уйдет, вечером придет. С отцом они дружны были. Он человеком был. Он всегда нам рассказывал: «Воровать не надо, врать не надо, с соседями надо быть хорошими, всегда дружить». Он сам не любил, кто врет. Он по характеру добрый был, спокойный, никогда не ругался, со все-ми в мире жил. Он любил пошутить, плохого слова не говорил, веселый был.

Из Петропавловска он присылал посылки, помогал нам, добра много для нас делал. Он позвал нас с сестрой Майрой в гости в Петропавловск, мы ездили к нему. Мы сидели с ним, чай пили. Он яблоки нам в сумки клал, подарки клал, он платья нам купил, еще купил чемодан, в поезд посадил. Он нам карандаши присылал, тетрадки присылал, когда мы учились, ленты красивые присылал в косы заплетать. Ленты эти я долго хранила. Мы любили его. Мы всегда его вспоминаем, его слова вспоминаем. О хороших людях вспо-минается же.

Молдагали Мухамедвалиевич Кенжегарин, г. Тайынша, Северо-Казахстанской области.

Когда Ата пришел в нашу семью, я маленький был. Жили мы с мачехой и, как родственники рассказывали, Ата меня все время на руках носил, любил меня. Жил он у нас два года, но и потом мы связи с ним не теряли. А когда из Петропавловска Ата приехал в Кокчетав на праздник, мы с братом Сапаргали пошли в церковь. Помню, там было много народа, а больше ничего не помню – маленький был. Помню, когда я уже в школе учился, он нам все время посылки присылал с конфетами и фруктами. Мы никогда не называли его «Иван Михайлович», а звали только «Ата».

После окончания школы в 1971 году я поступил в Карагандинский Медицинский институт. Отец мой сказал: «Напиши Ата, пусть порадуетя». Я написал и вскоре получил ответ. Ата наказывал: «Учись хорошо, человеком будь. Белый халат если оденешь, это еще не значит, что все в жизни твоей будет белоснежным. В плохие компании не ходи, дурными делами не занимайся. Я буду тебе помогать материально. Деньги тратить только на питание и на учебу, чтобы все было у тебя нормально. Твой Ата». И каждый месяц он писал мне письма и высылал денежные переводы.

В летние каникулы я приезжал к нему в гости в Алма-Ату. Ата радовался, встречал меня хорошо, спрашивал о родственниках, об отце, как там сестры, братья живут. Тетя Шура в столовой нам стол накрывала, он вкусно меня угощал, а потом Захар Иванович катал меня по городу на черном ЗИМе, чтобы я Алма-Ату посмотрел. Ата был человеком доброй души, понимающий, что люди в тяжелых условиях живут. Ведь отец мой инвалидом был, получал небольшую пенсию и не мог мне помогать, когда я учился. Ата прекрасно знал нашу обстановку. И вот, благодаря ему я закончил институт. У него вера была, и с верой, с надеждой он людям помогал. Он все время меня хорошему учил, спрашивал, с кем я дружу. Говорил, чтобы я нашел друзей хороших, не пьющих.

Когда я был у него в последний раз летом 1975 года, помню, провожая меня, Ата по-стучал мне пальцем по голове и опять сказал: «Смотри, учись хорошо, чтобы человеком быть, в дурные компании не ходи, где пьют и курят. Смотри, я тебе даю деньги только на питание и на все необходимое».

Осенью 1975 года после сельхозработ, на которые направляли студентов нашего института, я приехал домой, и соседка, тетя Катя, рассказала мне, что Ата умер. Сели мы с ней вдвоем, поплакали. Царствие ему Небесное!

После его смерти тяжело стало, я пошел подрабатывать в больницу медбратом. В 1976 году я закончил институт и поступил на работу. Дома у меня портрет Ата все время на стене висел. В прежние времена сотрудники с работы, приходя ко мне, спрашивали: «Почему фотография попа у тебя висит?» Я отвечал им: «Это мой Ата». «Как – ата? Он русский, а ты казах?» – «Да, – отвечал я, – но лучший казах – это Ата!»

Сейчас я работаю зам. главного врача в районной санэпидстанции. Теперь уже все сотрудники мои знают, кто меня воспитывал, кто помог мне закончить институт. Все знают, что это мой Ата.

Протоиерей Александр Киселев, настоятель Свято-Введенского собора г. Кара-ганды.

С владыкой Иосифом я познакомился в Караганде, еще при жизни преподобного Севастиана, когда он приезжал туда в 1959 году, будучи архиепископом Петропавловским и Кустанайским. Владыка приезжал, чтобы возвести батюшку Севастиана в сан архимандрита. В последующее время, уже будучи на Алма-Атинской кафедре, Владыка продолжал посещать Караганду, кроме 3-х летнего промежутка в хрущевское время, когда возобновилось гонение на Церковь.

Более близкое знакомство с владыкой Иосифом произошло у меня тогда, когда я был уже студентом Московской Духовной Семинарии. Каждое лето, на недельку, на две мы приезжали к Владыке. Обычно мы бывали карагандинским составом: отец Петр, отец Макарий, отец Герман, отец Владимир Чепурнов, Писарев Николай. Он очень уважал нас, студентов-карагандинцев, с любовью к нам относился. Когда мы были уже диаконами, он продолжал называть нас: «Саша», или: «Петя». Есть у меня фотографии с его над-писью: «Дорогому Саше Карагандинскому...». И мы всегда из Семинарии писали ему и он всегда нам отвечал и приглашал в гости на летние каникулы.

Владыка вставал очень рано и первым он поднимал своего сторожа Лавана. Накормит его завтраком, обязательно рюмочку поставит, часов в 7 отпустит его домой, потом нам завтрак готовит. Сам картофель отварит, помидоры порежет, пожарит глазунью. Мы очень смущались тем, что Архиерей нам готовит, мы не знали – как поступить, но Владыка всегда говорил: «Я – Авраам, вы – Ангелы!» И все.

Однажды, помню, мы сидели в комнате и секретарь Владыки Татьяна Павловна что-то спросила у меня. А я не хотел на эту тему распространяться и сказал ей неправду. И буквально через 2–3 минуты заходит Владыка, пристально на меня посмотрел и в лоб мне: «Ты же, – говорит, – вот то-то и то-то». Обличил меня. И все. Он вышел, а я с Татьяной Павловной остался. Я сконфузился, мне было неудобно от того, что сказал неправду, а

Митрополит сразу же меня обличил, хотя слышать мои слова он не мог.

В мае 1975 года митрополит Иосиф посетил Караганду. И такой произошел эпизод интересный в Михайловской храме. Я иду с владыкой Иосифом и мать Анастасия идет с отцом Германом, он ее за руку придерживает (она уже слабенькая была). Матушка говорит:

– Владыко святой, благословите меня здесь в последний раз.

– А почему, матушка в последний раз? Мы еще с Вами встретимся.

– Нет, только там, в будущем веке.

Владыка благословил матушку, но ее пророчество принять не хотел. Вопреки этому он даже писал в письмах матери Агнии, что «...я хочу приехать в Караганду и обличить мать Анастасию». Через некоторое время Владыка приехал в Целиноград и оттуда был намерен выехать на машине в Караганду, но не смог, какие-то обстоятельства помешали ему и Владыка из Целинограда вылетел в Алма-Ату. И вскоре, 4 сентября 1975 года Владыка умер. В час кончины митрополита Иосифа мать Анастасия позвала свою келейницу монахиню Иулию. Та помогла ей подняться, вышли они во двор Михайловской церкви. Мать Анастасия сказала: «Смотри, Юля, вот душа великого человека возносится!» Она назвала имя Владыки и показала на что-то, только ей одной видимое. Юля не видела ничего, это было открыто только Матушке.

Проповеди Владыка говорил очень оригинальные. Архимандрит Иннокентий (Просвирнин), еще будучи студентом Духовной Академии, неоднократно приезжал специально для того, чтобы записать на магнитофон проповеди митрополита Иосифа и опубликовать их в ЖМП. Но так и не смог поместить проповеди в журнал, потому что на бумаге они утрачивали своеобразие. Владыка говорил очень живо – здесь и жесты, и мимика, и живая интонация, а на страницах журнала они выглядели сухими. И отец Иннокентий неоднократно сетовал: «Ребята, ничего не получается».

Когда я заканчивал Духовную Академию, передо мной стоял вопрос о выборе места моего дальнейшего служения. А поскольку я с 1 класса Семинарии иподиаконствовал у владыки Волоколамского и Юрьевского Питирима (Нечаева), то он мне посоветовал: «Ты напиши Владыке Иосифу, если он сможет направить тебя домой в Караганду, то я тебя отпущу. А если куда-то в другое место, то – тебе это не интересно и мне не интересно». Я написал. И владыка Питирим тоже написал. И в скором времени я получил от владыки Иосифа пророческое письмо. Он писал, что рад, что Саша желает служить дома, в Михайловке: «...Моя мечта – Саша в Михайловке иереем! Но это все зависит от времени и права... (Академик)! Здесь в моде и силе бумага из учебн. Комитета! А удачно было бы Саше жить дома и состоять на службе под родительским оком... И в скором времени ему бы улыбнулось настоятельство!» И далее его прозорливые слова об отце Германе: «А о. Герман – другое дело ... но и ему туда же, поближе к священной могилке – дверь нами не закрыта: так мне кажется».

После получения этого письма владыка Питирим рукоположил меня во диакона, я приехал в Алма-Ату, где митрополит Иосиф 28 мая 1972 года рукоположил меня во иерея. Отец Герман 28 июля этого же года был пострижен в монашество, а ровно через год владыка Иосиф рукоположил его во иеромонаха тоже к Михайловскому храму. Через 3 года, в 1975 году, настоятель Михайловского храма о. Василий Полищук уходит за штат, и меня назначают на его место настоятелем. То есть, через 3 года сбылось его пророчество обо мне. А что касается отца Германа – мы сначала не поняли, что хотел сказать владыка Иосиф. Нам стало ясно, когда в августе 1976 года отец Герман умер. Он был похоронен на Михайловском кладбище рядом со схииархимандритом Севастианом.

Протоиерей Михаил Нейгум, пос. Шеметово Московской области.

В моей жизни владыка Иосиф – самый дорогой мне человек. Все, что связано с моей религиозной жизнью, совершилось благодаря ему. Все, что он говорил обо мне, исполнилось полностью.

Я познакомился с владыкой Иосифом в 1968 году при его посещении г. Караганды. Я был тогда 17-летним мальчишкой и только перешел из лютеранства в Православие. Владыка очень благосклонно ко мне отнесся, и как только выдавалось свободное время, я старался из Караганды приехать в Алма-Ату к Владыке. Каждый месяц я к нему приезжал, все каникулы у него проводил.

Однажды, когда я гостил у Владыки, к его дому подъехали черные легковые автомобили, из которых вышли серьезные люди. Владыка мне сказал: «Ты сейчас немножко погуляй». Когда люди уехали, я зашел в дом, и Владыка так сказал: «Предлагают нам с тобой Патриаршество». Я говорю: «Ну и че?!» А он: «А я отказался. Я, – говорит Владыка, – неграмотный же, я же нигде не учился. Что мне там делать?» А я говорю: «Ничего себе! Ведь если бы Вы были там Патриархом – а я бы был КТО?»

Я очень сильно обиделся на Владыку, расстроился из-за его отказа и ушел в свою комнату спать.

А ночью Владыка пришел ко мне, разбудил и... я всегда, когда это вспоминаю, мне страшно становится – человек, который всю жизнь провел в лагерях, страдая за веру, – поднимает меня, мальчишку, с постели, становится на коленочки, кланяется мне в ножки и просит прощения за то, что он меня расстроил, и я на него обиделся! Сейчас, по прошествии времени, я совершенно ясно осознаю, что это был святой человек. После лагерей, после страшных испытаний, сохранить кротость, смирение, чистоту и любовь к людям – это, по Божией благодати, только святые, наверное, могут. Вот я, например, служу, и с каждым годом все злее становлюсь... А этот человек с

каждым годом все светлее и доб-рее становился. Раньше я этого не понимал и не мог понять. А сейчас я знаю, что владыка Иосиф святой, и только благодаря его молитвам я служу в Церкви.

Еще помню, такой случай был, очень важный. Владыка-же всегда ходил в простеньких подрясничках, в телогрейке черненькой, в скуфеечке такой, немного пошарпаной. Однажды – звонок в калитку. Я открываю – входит батюшка такой солидный, высокого роста. Спрашивает меня: «Владыка дома?» Я что-то хотел ответить, а за спиной у меня стоит Владыка и говорит: «Нету!» – «А где он?» – «Он уехал в Америку!» – «Ах, как жаль, я издалека приехал. А Вы кто?» – «А я – дворник. Проходите, батюшка». Я – раз – сразу в сторону ушел. Батюшка прошел, сели они на скамеечку и вот, батюшка с «дворником» разговаривает. Этот «дворник» сидит, тихий такой, а батюшка ему все очень серьезно рассказывает, рассказывает, по плечу похлопывает. А «дворник» этот ему вопросы разные небольшие задает. А он так снисходительно ему все отвечает. А я со стороны наблюдаю... Но... кончилось все очень трагично, потому что у батюшки очень важный вопрос был, и когда Владыка понял, что к чему, он тогда ему сказал: «Вы подождите немножко». Повели мы его в канцелярию, потом Владыка одел рясу, панагию, вышел к нему и сказал: «Здрасьте! Я уже приехал из Америки!» Это был очень трагический момент для батюшки. Он долго потом на коленях перед Владыкой стоял, плакал, просил прощения... А Владыка его очень долго утешал...

Однажды я купил в универмаге маленькую иконочку-медальон – Мадонна с Младенцем и принес ее Владыке, чтобы он освятил. Он одевает епитрахиль, начинает тихо читать молитву. И вдруг от иконы отпрянул! Посмотрел на меня, потом достал требник и долго-долго по нему читал.

Когда закончил, рассказал мне свои мысли: «Чего это я, – думает Владыка, – буду медальончик какой-то освящать? Сейчас молитву прочитаю и достаточно». И когда он стал читать молитву, икона вдруг засияла. Он говорит себе: «Ну! Тогда надо полным чином освятить!» Быстренько достал требник и освятил полным чином. И после этого случая, вот уже прошло много лет,

я давно стал священником, я всегда стараюсь освящать все иконы полным чином.

Когда я ушел в армию, Владыка все время писал мне письма и все два года меня поддерживал. Из армии, сразу, не заезжая домой, я поехал к нему. Я решил поступать в Семинарию. Мне нужна была рекомендация от Владыки, где было бы написано, что вот такой-то юноша, такой-то хороший, он такой хороший! Примите его в Семинарию! Я приехал к Владыке и говорю: «Давайте мне хорошую рекомендацию!» Он говорит: «Ба! Даю!» И что сделал – берет два бланка митрополичьих, ставит на них печать и подпись. Один бланк пустой и второй пустой. И отдает мне.

Почему два пустых бланка? Это я сейчас уже спрашиваю. Потому что мы с Вячеславом, келейником Владыки, смотрим – пустые бланки, и рассуждаем: «Ну что я пустые бланки повезу туда?» И решили на одном из них ночью напечатать мне рекомендацию, отражающую все мои достоинства. И такое там напечатали, что утром я посмотрел и порвал этот бланк. И я уверен, что Владыка так и подумал, что мы воспользуемся одним бланком и, таким образом, его испортим.

Потом я привез пустой бланк владыке Питириму и сказал: «Извините, Владыка, у Владыки Иосифа было плохое здоровье, поэтому он выдал мне пустую рекомендацию». Он взял ее: «Так. Хорошо. Можешь поступать». И я поступил.

Потом, когда я приехал к владыке Иосифу, я спросил: «Почему бланки были пустыми?» Он мне так сказал: «На этом бланке можно было напечатать все, что угодно, вплоть до моего отречения от Церкви. И люди, которые там умные сидят, они это знают. Тем более они меня знают. Поэтому то, что я дал тебе пустой бланк, это значит, что я имею к тебе полное доверие, и те люди, которые взяли этот бланк, они это поняли». Так что я Владыке очень благодарен. Я поступил не потому, что я хорошо подготовился, или потому, что я такой умный, а потому, что владыка Иосиф благословил меня поступить и сделал все для того, чтобы меня приняли.

Когда я заканчивал Семинарию, решил поступать в Академию и сказал об этом Владыке. И он мне говорит: «Ну,

годика два поучишься, а потом пойдешь на приход. Приход тебе Господь Сам укажет».

Владыка как-то в одном из писем мне писал: «Эти книги в чулане у меня грызут мыши, теперь пусть их Миша грызет в Семинарии». И я действительно, всю Семинарию «грыз» книги и в Академии собирался продолжать. А когда Владыка сказал – «Два годика поучишься, а потом на приход пойдешь» – я его даже слушать не хотел! Чего это – Я! – на приход?! Я хочу получить образование, пойти еще в Аспирантуру, сделаться церковным дипломатом и – вперед! За границу! К Владыке приезжал иногда отец Иосиф Пустоутов, приезжал всегда в джинсах, с дипломатом, такой весь модный... А я-то смотрю на него: он – то туда за границу поехал служить, то туда за границу поехал, и думаю: «Вот Патриархом бы стал Владыка, вот тогда бы я занял бы – О! – какое место! Владыка – Патриарх, а я бы был КТО? Ух! За границу поехал бы служить! В разных миссиях – то там, то там!» ...И вот, проходит два года моего обучения в Академии, вызывает меня ректор и говорит: «На приход не желаете?» И вот тут я вспомнил, что «два года поучишься»... Я говорю: «Как благословите». И со спокойной душой я ушел из Академии. Я вспоминал тогда Владыку очень ясно, до слез, до умиления... Ведь я хотел с ним еще служить, а Владыка тогда уже умер. И, совершенно однозначно, что по его молитвам, мне приход Сам Господь указал. Приход у нас самый лучший. И я очень счастлив тем, что служу на этом приходе Богу.

Прошу простить меня, что так скудны мои воспоминания. Прошло много лет, и слова уже потеряли четкость, но образ Владыки, его искреннее отношение к Богу, к людям, к жизни, к смерти, четко запечатлен в моем сердце. Знаю, что только по его святым молитвам терпит мои беззакония Всемиловитый Господь, а может быть, и вечного огня избежит моя грешная душа по молитвам дорогого владыки Иосифа.

Протоиерей Владимир Ригин, г. Москва.

Владыка Иосиф рассказывал, что 20 лет он провел в лагерях и ссылках. Я был поражен тем, что пришлось пережить ему в годы заключения. Особенно запомнился один из рассказов Владыки.

«В Таганроге, – рассказывал Владыка, – в архиерейских покоех висела икона 40-а мучеников, в Севастийском озере мучившихся. Я, будучи еще молодым иеродиаконом и келейником владыки Арсения, часто проходил мимо этой иконы, но не оказывал должно-го почитания этим 40-а страдальцам, и даже немного сомневался в их существовании: то ли были они, то ли их не было...

И вот, зимой 1943 года, в Умани я сидел в гестаповской тюрьме, где окна были без рам, а на улице стоял страшный мороз. Я был почти раздет – на мне только подрясник. И тогда, в этом каменном мешке, я просил смерти: «Господи, дай мне умереть!» – невоз-можно было, не было сил терпеть эту стужу. Тогда-то я вспомнил о 40-а мучениках Севастийских и стал им молиться, просить прощения за то, что не оказывал им должного почитания, не понимал их мученического подвига. Молился горячо, усердно, и вскоре от души отступило отчаяние, по телу разлилось тепло, и я согрелся. И после того, как холод и отчаяние отступили, открылась дверь камеры и мне принесли передачу – Святые Дары, хлеб и теплую одежду.

К городу подступали советские войска, и немцы стали расстреливать заключенных. И вот, я взял в ладони Святые Дары и всю ночь перед ними молился. Верующие Умани собрали золото и подкупили помощника начальника тюрьмы. Он дал слово, что оставит меня в живых и действительно, тогда, как пленных немцы – одних угнали с собой, других расстреляли, я же остался жив».

В дальнейшем, когда Владыка находился в советских лагерях, он некоторое время выполнял там самые низкие работы и при этом не роптал, а, как Иоанн Дамаскин, который тоже нужники чистил, смирялся и спокойно относился к этому послушанию.

Я благодарен владыке Иосифу за то, что он повлиял на выбор моего жизненного пути и дал мне направление в Духовную семинарию. При поступлении туда был большой конкурс и меня сразу забраковали по состоянию здоровья, хотя экзамены я сдал на одни пятерки. Но Владыка написал мне утешительное письмо: «Володя, не расстраивайся, ты обязательно поступишь, безо всяких сомнений». И действительно, меня оставили кандидатом, а потом зачислили в Семинарию.

И еще такую прозорливую вещь сказал мне Владыка: «Володя, если ты не женишься, будешь архиереем. А если женишься – будешь протоиереем». И как только после окончания Семинарии я начал служить в Москве, в храме Знамения Пресвятой Богородицы в Переяславской слободе, и настоятель, и церковный совет так меня полюбили, что тут же мою кандидатуру представили Патриарху Пимену к протоиерейству, хотя это был только первый год моего служения в священном сане.

Игумения Ташкентского монастыря Любовь (Якушкина).

С 1971 года я работала в Алма-Атинском епархиальном управлении, сначала кассиром, затем бухгалтером. В мои обязанности, кроме всего прочего, входило выдавать зарплату владыке Иосифу, и раз в месяц я обязательно бывала у него на Минина, 10. Владыка называл меня Мария Васильевна (мое мирское имя), хотя я была совсем еще молодой, а чаще: «Барышня», как называл и всех молодых девушек. И когда к нему приезжала молодежь, он всегда старался нас друг с другом знакомить.

Владыка всегда был очень радостный, веселый, лучезарный. Любил играть на пианино. Иногда они с келейником в 4 руки играли полонез Огинского. И когда к нему приезжали студенты Духовной Семинарии, он тоже просил играть на пианино тех из них, кто умел. Любил петь. Все время напевал «Царица моя Преблагая...», «Достойно есть...» на оптинский мотив. Он всегда встречал, одетый в простой подрясник и ватную душегрейку (и зимой и летом) с длинным кушаком. Часто сам бежал открывать калитку и всем уделял много любви и внимания. У него постоянно были люди.

Во дворе у Владыки было очень много цветов, в основном розы, которые он очень любил. И вот, в этой своей безрукавке ватной, такой живой, он всегда очень быстро перемещался по своей резиденции. У него было два входа в дом, и вот, он – то в приемной, то в гостинной, то в саду, то уже у ворот – это было что-то необыкновенное. Сторож его Лаван попивал, а Владыка это терпел, никогда от него слова огорчительного не услышишь. Постоянно веселый был, несмотря на то, что в то время были различные неприятности и скорби.

Однажды мне пришлось в какой-то праздничный день пить у Владыки чай вместе с уполномоченным Степаном Романовичем. При этом человеке Владыка юродствовал. Он посадил к себе на колени свою сибирскую кошку и вместе с ней, с одной ложки, ел стоявшую на столе клубнику со сметаной. По очереди: ложку –

себе, ложку – кошке. Он угощал уполномоченного коньяком и себе налил. Затем достал горсть таблеток и запил их этим коньяком, и дальше все проделывал в таком духе. Можно было подумать (и, возможно, уполномоченный так и думал), что у дедушки что-то неладно с головой. А когда Владыка провожал Степана Романовича, он одарил его разными подарками: конфетами в коробках и прочим. Владыка ко всем проявлял любовь и к уполномоченному тоже.

Епархиальная бухгалтерия находилась на ул. Кавалерийской. За 4 года моей работы в бухгалтерии, Владыка ни разу туда не приезжал. И, рассказывали, что за все 15 лет его управления Казахстанской епархией, в бухгалтерию он приезжал всего один раз, и то по случаю именин кого-то из сотрудников. Владыку не беспокоили земные проблемы. Этим занимался его секретарь о. Стефан Теодорович. И я никогда не слышала от Владыки разговоров о служебных делах. Я приеду на Минина, привезу ему зарплату, а он: «Брось туда» – у него в углу стояла высокая такая икона – от пола до потолка – и вот за эту икону он забрасывал деньги. В то время государство удерживало большие налоги и Владыка шутил: «Девятнадцать копеек нам, а остальное – государству». Очень много шутил, легкие у него были шутки. Я думаю, что он управлял епархией молитвой, только молитвой. Он был на Алма-Атинской кафедре 15 лет, и все эти годы были спокойными.

Помню, летом 1968 года, когда со стороны Китайской Республики была предпринята попытка перехода советской границы в районе озера Жоланышколь Семипалатинской области, и нам угрожала опасность, владыка Иосиф призывал народ к молитве. И летом 1973 года, когда Алма-Ате угрожала опасность селевого потока, Владыка на проповедях также призывал паству молиться, чтобы Господь помиловал город и сохранил его от разрушения. И, думаю, по его молитвам, Господь сохранил и наш город, и весь регион.

У Владыки были чудесные проповеди, была захватывающая речь, которая прямо текла из его уст. У него, как и у Иоанна Златоуста, храм на Литургии был переполнен. Чтобы слушать проповеди Владыки, люди бежали отовсюду. И проповеди тоже

были своеобразные, в них тоже проявлялось некоторое юродство.

Митрополит Питирим приезжал к нему несколько раз. Он ездил к старцам в Караганду и затем заезжал к митрополиту Иосифу.

Я не помню, чтобы владыка Иосиф когда-нибудь болел, скончался он очень быстро, очень неожиданно.

Однажды Владыка написал мне такую бумагу – «Путевой лист в жизнь», где в обычной своей манере некоторого юродства как бы давал советы, а в конце написал «...Невеста Христа!!!» Это пророчество владыки Иосифа впоследствии сбылось – я приняла монашество. Такое было письмо и благословение Владыки.

Протоиерей Николай Попов, г. Павлодар.

После окончания средней школы в г. Тамбове я прожил полтора года в Успенском Жировицком монастыре, где нес послушание повара. Затем поступил учиться в Минскую Духовную Семинарию, но закончить ее мне не удалось – в 1959 году Семинарию закрыли и всем учащимся дали несколько часов для того, чтобы собраться и из Семинарии выехать. Я приехал домой в Тамбов и оттуда решил поехать в Алма-Ату, где правящим архиереем был епископ Иннокентий (Леоферов), с которым я был хорошо знаком в его бытность секретарем Епархиального управления в Тамбове. У меня было сильное желание стать служителем Церкви и в Алма-Ате я был намерен посоветоваться с владыкой Иннокентием о том, как мне последовать на своем дальнейшем жизненном пути.

Итак, я приехал в Алма-Ату, но не застал там владыку Иннокентия – он находился в отпуске в Успенской Почаевской Лавре. Что делать? И мне посоветовали: «Поезжай в Петропавловск. Там, – говорят, – тоже есть Архиерей». Я взял билет на поезд и отправился в Петропавловск. Приехал, пришел в Петропавловский собор. Принял меня настоятель протоиерей Максим Гладких. Мы поговорили и отец Максим благословил меня сходить к владыке Иосифу, объяснить свою ситуацию и получить совет.

Я нашел дом Владыки на улице Мира и постучал в калитку. Вышел старичок: рыженькая у него борода, одет в потертый подрясничек и безрукавку ватную.

– Вы к кому? – спрашивает.

– К Владыке.

– А вы его знаете?

– Нет, – говорю, – не знаю.

– А он только сейчас в Москву уехал. Вот только сейчас.

Ну, у меня сразу на глаза слезы навернулись: Алма-Атинского Владыку не застал, и Петропавловский уехал! Какое горькое совпадение!

– Ничего, ничего, – говорит старичок, – проходи в дом. Мне, – продолжает, – так надоел этот Архиерей! Хоть без него

отдохнем, пошли!

И представился: «Я – келейник».

Заводит в дом, сажает за стол и предлагает:

– Давай с тобой выпьем!

Ставит на стол бутылку коньяка, пиво, лимонад и шоколадные конфеты.

– Да нет, – говорю, – какая тут выпивка!

– Тогда давай картошку пожарим.

Достает картошку, берет нож и начинает чистить.

– Какой же глупец, – говорю, – картошку чистит грязную? Ее же надо сначала помыть!

– Да? – ответил келейник, – а я всегда так делаю.

Я вымыл картошку.

– Дайте, – говорю, – какую-нибудь тряпку картошку вытереть.

Он:

– А зачем вытирать-то?

Я объяснил:

– Для того, чтобы крахмал в воде не растворялся, тогда картошка будет вкуснее.

– Вон как! А я и не знал!

Смотрит с интересом на все, что я делаю. Потом я научил келейника жарить картошку «по-архиерейскому», мы пожарили и сели за стол. Келейник выставил все, что было у него в холодильнике, наливает рюмочку, снова предлагает выпить, я отказываюсь, мы сидим, разговариваем. Он задает мне разные вопросы, я, не задумываясь, отвечаю – ну, келейник и келейник. Я выпил лимонаду и ушел очень расстроенный, что и здесь не застал Архиерея.

Приехал в собор, где вскоре началось богослужение – был праздник – Рождество Пресвятой Богородицы. Открываются Царские врата и выходит на литию Архиерей. И когда я взглянул на него, то узнал в человеке, облаченном в архиерейскую мантию, того «келейника», который принимал меня утром в архиерейском доме. Он подозвал меня к себе и сказал: «Иди в алтарь, одевай стихарь и неси мне чиновник!» То есть, он поставил меня книгодержцем. Так я остался в Петропавловске.

Вскоре Владыка благословил меня жениться и рукоположил во диакона для Петропавловского собора, где я прослужил в этом сане 6 лет. А в 1965 году Владыка вызвал меня в Алма-Ату для иерейской хиротонии. Моя хиротония проходила в домашней архиерейской церкви. Владыка сказал: «Я дам тебе свой крест, с которым я все тюрьмы и лагеря прошел». И во время хиротонии он надел на меня этот крест: «На курорте я был с этим крестом. Он был зашит у меня в бушлате. И вот тебе этот крест надеваю. Помни». Это был старинный серебряный иерейский крест.

В 1969 году Владыка перевел меня из Петропавловска в поселок Узун-Агач Алма-Атинской области. И я имел возможность очень часто бывать у него и сам он часто приезжал и служил у нас в церкви. Так легко было с ним служить и радостно! Как на воздухе стоишь, не ходишь, а летаешь!

Часто я испытывал на себе его прозорливость. Бывало, приедешь к нему, что-то хочешь сказать, о чем-то спросить, а он взглянет тебе в глаза и уже все знает, что ты думаешь, сам сразу все выскажет, и нечего больше тебе говорить.

Он много рассказывал о своей жизни, о том, что пришлось ему пережить. Помню, рассказывал, как в гестаповской тюрьме он мучился от жажды. Он слышал, что в коридоре капает вода, но дверь камеры была закрыта. Вдруг дверь открылась, Владыка вышел, напился, зашел обратно в камеру и дверь снова оказалась запертой.

Через некоторое время Владыка временно направил меня в Чимкент, где я имел неприятности от уполномоченного. Владыка меня вызвал и говорит: «Ну что делать? И власти на тебя жалуются, и я буду жаловаться! Зачем мне нужен такой священник?» А сам взял лист бумаги и написал: «Я буду защитой Вашей до смерти!» И подал мне.

Владыка всегда был милостивый и добрый, и, как Иосиф Прекрасный, всех кормил, и поил. К нему, помню, в ночь-полночь приедешь, он всегда сам открывает калитку. Всех принимал, угощал, чаем поил, сам чай кипятил и подавал. Иной раз приедешь, а он попро-сит: «Помоги мне картошку почистить». Я улыбаюсь, а он спрашивает: «Чего улыбаешься?» – «Вспоминаю,

как мы с Вами чистили картошку в Петропавловске». Он смеялся, а я у него всегда прощения просил.

В 1974 году Владыка перевел меня в Павлодар настоятелем церкви в честь Рождества Христова и сказал: «В Павлодаре твое последнее место». Так я здесь и остался. Прошло уже 10 лет, как я вышел на пенсию, но продолжаю служить в часовне Святителя Николая при новом Благовещенском соборе и в молитвах всегда поминаю владыку Иосифа и его родителей – Михаила, Евдокию, Евдокию.

Часто мне снится, будто я вместе с Владыкой служу, и он всегда, как живой. И как он обещал – быть защитой моей до смерти, так по его молитвам Господь не оставляет меня во всех обстоятельствах. По его молитвам я живу, и его любовь очень часто реально проявляется.

Геннадий Иванович Овчаров, г. Алма-Ата.

Моя мать была верующей с самого детства, а отец – неверующим. Отец читал светские книги и смеялся над верой моей матери: «Ну что ты каждый день ходишь в храм? – говорил он. – Что ты там нашла для себя полезного? Вот видишь: в книгах пишут, что и без веры люди жили хорошо, богато». И отец, уверенный в своей правоте, зачитывал матери выдержки из художественной атеистической литературы советского периода. Жили родители мои не венчанными и это очень беспокоило маму.

В то время (это было начало 70-х годов) к нам в Алма-Ату каждый год приезжала из Барнаула раба Божия Елизавета, которую все называли блаженной за ее подвижническую жизнь. Приезжала она ради встречи с владыкой Иосифом, а останавливалась в нашем доме, так как мы жили неподалеку от Никольского собора. И вот в один из своих приездов Елизавета, как обычно, пошла навестить Владыку, а моя мама решила ее проводить до его дома. Елизавета зашла в дом, а мама осталась ждать ее на улице. Когда Елизавета подошла к Владыке под благословение, он, благословляя ее, говорит матушке Ольге: «Там на улице еще одна женщина стоит, иди, приведи ее». Матушка Ольга вышла на улицу, привела маму. Мама зашла, Владыка начал с ними разговаривать. В разговоре мама пожаловались: «У меня, – говорит, – муж, много детей, но мы с мужем не венчаны». И Владыка ей отвечает: «Мать, не расстраивайся. Он умрет и мы тебя заочно повенчаем». Мама, конечно, слова Владыки восприняла в буквальном смысле и расстроилась, посчитав это предсказанием о близкой смерти отца. И когда она пришла домой, то со слезами рассказала об этом моей сестре. Сестра тоже в то время была неверующей и тоже буквально восприняла слова Владыки. «Ну, – говорит, – мама, доходилась ты в церковь!» И тоже расстроилась. Здесь и я подключился к ним и тоже огорчился. Но тут вмешалась Елизавета: «Что же ты, сестрица, – говорит она матери, – понимаешь все буквально? Он же тебе притчу сказал: неверие

твоего мужа умрет, вера воскреснет и тогда вы повенчаетесь. Наш Владыка – прозорливец, святой человек».

Надо сказать, что и Владыка уважал Елизавету, как человека духовно мудрого. И вот, благодаря ей и молитвам владыки Иосифа, отец пришел к вере. Произошло это внезапно. Но, по-видимому, Елизавета потихоньку готовила отца, беседовала с ним, хотя я не был свидетелем их разговоров. Просто однажды отец неожиданно сказал: «Я желаю повенчаться!» Мать была просто ошеломлена этим заявлением. Она тут же пошла в Никольский собор, договорилась со священником и в один прекрасный вечер он их в соборе повенчал.

С того времени отец начал ходить в церковь, молиться дома, читать духовную литературу и со временем стал глубоко верующим человеком. И так до конца своей жизни он хранил веру в своем сердце и отошел ко Господу с упованием на воздаяние в жизни будущего века.

Ольга Васильевна Дмитриева, г. Алма-Ата.

По молитвам митрополита Иосифа подавалась сверхъестественная помощь и совершались исцеления недугов душевных и телесных. Хочу рассказать о некоторых таких чудесных исцелениях, о которых умолчать невозможно.

В 1970 году я сломала руку в плечевом суставе: кость переломилась и раздвоилась, как щепка: один конец уперся в чашку плеча, другой – под мышку, и, следовательно, травмированная часть руки сократилась вполовину. Нужна была срочная операция, так как иначе вправить кость было невозможно. Хирург предупредил, что если не сделать операции, я останусь калекой. Я очень не хотела оперироваться (мы недавно переехали из Харбина в СССР и я боялась здешних больниц) и стала отказываться. «Но боль-то вы все равно не выдержите», – сказал на это врач.

Муж повез меня в госпиталь показать другим специалистам. Осмотрели меня профессора, снова сделали снимки и пришли к тому же заключению. Надо было вставлять штифт и гипсовать всю грудную клетку на 40 дней. Но, не смотря на заключение врачей, от операции я отказалась.

На руку наложили повязку и временный гипс. Я страдала от нестерпимой боли две недели, совершенно обессилила и не могла двигаться. Муж решил повезти меня к известному костоправу в другой город, но прежде ему посоветовали сходить к владыке Иосифу за благословением.

Пишу теперь со слов Анатолия Александровича:

«Иду к Владыке. Только на него надежда, как он благословит... Встретил Владыка приветливо, благословил, усадил на скамейку, сел напротив меня и приготовился слушать. Я изложил нашу мольбу.

– А вы сами не доктор? – спросил Владыка.

– Нет, я архитектор.

– А я думал доктор и по женским, наверное, у Вас мягкое выражение лица. Ох, уж эти женщины! Ко мне часто приходят: «Благословите, Владыка, на брак». – «А сколько тебе лет?» – спрашиваю. «Шестьдесят, Владыка!» – Вдруг владыка

повернулся к большому образу Святителя Николая и замер со сложенными руками. Затем снова повернулся и, против моего ожидания, продолжал разговор на совершенно постороннюю тему. «Забыл, наверное», – печально подумал я и сделал движение уходить. Но вдруг Владыка сказал: «А с рукой будет хорошо». Я остановился – значит не забыл. Да точно ли он сказал это? И Владыка, словно в ответ на мои мысли, повторил: «А с рукой будет хорошо. Идите с миром. Молитесь». – «Спаси Вас Господи, Владыка!» И я ушел».

Мы, поверив словам Владыки, не поехали к костоправу, а остались дома в уповании на милость Божию. Мы сняли с руки гипс, потому что он оттягивал руку и оставили только повязку. Сначала боль в руке резко обострилась, но через две недели стала утихать. Я не могла этому поверить. Я боялась смотреть на изуродованную руку.

Прошло еще три недели. Мы поехали к хирургу, чтобы снять повязку. Ознакомившись с рентгеновским снимком и узнав, что прошло два месяца, врач сказала: «Теперь поздно, рука пропала. Такие переломы не бывают без тяжелых последствий. Раз отказались от операции, теперь уже ничего не сделаешь».

Врач стала разбинтовывать руку: «Эта рука сломана? Можете выпрямить? Пальцами можете пошевелить? Вот так – ах! Но что же это?! Рука совершенно нормальная! А этот снимок? Да это же чудо! Поставьте свечку своему Богу!»

Но большую радость я испытала не от телесного исцеления, а именно от того, что произошло чудо, от того, что «невозможное для человека, возможно Богу». Так велика молитва владыки Иосифа.

Был и еще со мной чудесный случай. Мне удалили зуб и, по небрежности врача, произошло осложнение – верхнечелюстная перфорация (вода и воздух проходили через нос), что повлекло травматический гайморит. Снова врачи уверяют, что без операции не обойтись. Но прежде, чем решиться на операцию, я поехала за благословением к владыке Иосифу. Он милостиво меня принял и, расспрашивая о причине болезни, так весело взглянул на меня и почти пропел: «Одесную – ошуею, ... так у вас ошуею рана, да». (Этим он дал понять, что раз ошуею,

значит по грехам). «Придется вам к стоматологу, к лору, и в челюстно-лицевую пойти, – продолжал он, – тут уж надо смиряться и молиться... Бог милостив, с миром идите».

Побывав у всех перечисленных врачей, я получила в челюстно-лицевом отделении окончательное решение: «Без операции обойтись нельзя, операция неизбежна». Я – снова к Владыке: «Владыка, – говорю, – мне посоветовали обратиться к очень опытному старому врачу стоматологу, благословите!» Но Владыка возразил: «Да вы не пренебрегайте к молодым врачам обращаться, они бывают лучше старых». Но я, не поверив предупреждению Митрополита, обратилась к старому врачу, от которого получила только новую боль. В раскаянии я убежала от него, решив, что надо снова идти к Владыке и вновь просить прощение за непослушание. А Владыка все улыбается и утешает меня: «Надо иметь веру крепкую и молитву держать».

И вот, на диво всем врачам, затянулась моя рана, только навсегда остался глубокий след. Это было второе чудо исцеления, которое я испытала по молитвам митрополита Иосифа.

Внезапно тяжело заболел мой муж. Нужно было срочно достать дефицитное лекарство, но день был воскресный, работали только дежурные аптеки. Все их я объехала на машине со своими знакомыми, но так и не нашла нужное лекарство. Нам сказали, что это лекарство можно достать только в Н-ой больнице.

Я была в отчаянии. И только тут мне пришла мысль: «К владыке Иосифу за спасением!»

Владыка сам открыл калитку, приветливо встретил: «Ну, что случилось?» Я стояла вся в слезах и не могла выговорить слово от волнения... «Это что за «портрет» передо мной? – И Владыка передразнил меня: искривил лицо и, всхлипывая, ломал руки. – Мне такого «портрета» не надо. Что это за отчаяние? Да что же такое с вашим мужем, разве так можно себя вести? И это вместо молитвы? Надо всегда молиться, а вы – только когда гром грянет, за молитвой идете. Ну, садитесь и рассказывайте».

Владыка сел на скамеечку возле веранды, я села рядом. «Владыко святой! Помолитесь, спасите...» – «И вы сами

молитесь», – строго сказал Владыка. Он поднял личико и стал как бы вглядываться в серые плывущие тучи, и вдруг тихо проговорил: «А Господь может и сейчас призвать его чистую душу...» Я замерла от охватившего меня страха: «Нет, нет, Владыко святой, спасите Анатолия, умолите Господа!» – «Молитесь, молитесь сами тоже», – проговорил он и все смотрел, смотрел на небо... Потом Владыка встал и успокоил меня, сказав: «Ну, с Богом! Все будет хорошо. Идите скорее за лекарствами, куда вам сказали». Я спросила: «А врача сейчас нужно позвать?» (Хотя хорошо знала, что врач из больницы не поедет на дом). «Непременно, сейчас же везите врача», – велел Владыка. У меня в руке были две пятирублевки. Никогда я не давала Владыке деньги, а тут подумала, что надо ему их отдать. «А пять рублей ваши я пристрою, куда нужно, – тут же сказал Владыка, – а другую пятерку врачу нужно дать...» Я совершенно растерялась, как же это Владыка узнал, что у меня в руке?!

Приехав в больницу и получив лекарство, я стала искать врача. Но мне заявили, что врачи из стационара не выходят. «Звоните в «скорую» и везите больного сюда». Бегу по коридору. Навстречу мне попался врач, я бросилась к нему с мольбой. Но он тоже возразил: «Это исключено, вызывайте «скорую». Но я, веря словам Владыки, что надо немедленно привезти врача, продолжаю умолять его. «А машина есть?» – вдруг спросил врач.

Через пять минут мы были уже дома. Анатолию было совсем плохо. Врач быстро сделал ему уколы и, уходя, сказал: «Ну, ваше счастье. Еще бы пять минут и мы бы не успели... А теперь все будет хорошо».

Снова Владыка помог нам своей молитвой. Анатолий быстро поправился и чувствовал себя превосходно.

Получила я тяжелое известие: пароход, на котором совершал плавание мой сын, затонуло льдинами. Долго не было никаких известий от сына, тревога моя была ужасной, я без конца запрашивала телеграммами и письмами всевозможные инстанции, разыскивая сына. У меня на столе скопилась уже целая стопка посланий. Наконец, решила обратиться в еще один Комитет, чтобы выяснить, что же случилось с пароходом. Но

прежде, в страшно возбужденном состоянии, в слезах, я пошла к Владыке.

Калитку открыла матушка Ольга. Она передала то, что Владыка сказал ей: «Вот идет Ольга Васильевна, скажите, что я не приму ее в таком состоянии, пусть придет завтра к 11 часам». Я возразила, что как раз завтра в это время мне надо быть там, где я должна узнать, что же случилось с пароходом... «Ну, это уж, как вам сердце подскажет, только Владыка не примет вас сейчас», – сказала матушка, и мне пришлось уйти.

На утро я поехала в Церковь, затем решила все-таки идти к Митрополиту, раз он благословил. Пришла, меня сразу пропустили. Владыка сидел за столиком и что-то писал.

«Проходите, проходите, – милостиво сказал Владыка, – а мы тут все пишем, пишем...» При этих словах Владыка стал откладывать и откладывать какие-то бумаги точно так, как это делала я. «Только толку-то никакого от этих писем и телеграмм нет, – продолжал он. – Ну, а что там у вас случилось? О, да зачем же так близко принимать к сердцу всякие слухи? Они могут быть вовсе не верны, да и сам-то он почему не дает о себе знать? Вон он там сейчас в полном благодушии по палубе вот так ходит». При этом Владыка прошелся с веселым лицом по кабинету.

После этих слов Владыка перевел разговор на другую тему. И так у меня стало спокойно на душе, будто вовсе не было этой страшной моей тревоги. Впоследствии так и оказалось, что слухи были ложными. И пароход нашелся, и сын нашелся.

Часто люди получали ответ от Владыки на свои мысли. Такое случалось и у меня. Однажды когда Владыка благословлял народ, я, в ожидании своей очереди, подумала: «Где же Василий, иподиакон Владыки? Почему его так давно не видно?» Вдруг Владыка восклонился через людей, смотрит на меня и говорит: «Василия-то моего в армию забрали...» И когда я подошла под благословение, он повторил, как бы отвечая на мой мысленный вопрос, что иподиакона Василия взяли в армию.

В другой раз, накануне моих именин, мне подарили массу дивных роз, только что срезанных. Это были любимые цветы митрополита Иосифа, и мне пришла мысль отнести их ему. Я

стала складывать букет. «Вот эти, и еще эти. Ну, оставлю себе хотя бы три, или пять... Да нет, уж все отдам Владыке!»

Встретил меня Владыка так приветливо, пригласил сесть рядом с ним на скамеечку у веранды. Принимая розы, Владыка воскликнул: «Так много цветов! Надо было оставить себе хотя бы три, или вот эти пять! Ну, да уж все мне отдали... спасибо, спасибо, пре-красные розы!»

Еще помню такой случай, раскрывающий замечательную прозорливость митрополита Иосифа. Принесла я ему очень пышный бисквит, плотно завернутый. А Владыка изда-ли, улыбаясь, говорит: «А, принесли мне цыпляток желтеньких пушистых!» Действительно, бисквит был желтый и воздушный.

Побывав в Казани у моих родственников, я всей душой стремилась уехать из Алма-Аты и, наконец, открылась возможность обмена на Казань. Волнений было много, так как муж не очень хотел уезжать, он любил солнце, горы. Когда были оформлены документы на обмен, муж мне сказал: «А самое главное не сделано – не взяли благословение у Владыки!»

Отправилась я просить благословение. Владыка принял меня весьма милостиво. «Так вы едете одна к вашим родным?» – спрашивает. «Нет, – отвечаю, – с мужем». – «А где же он?» – «А он сказал, что ему все равно, он согласен». Владыка указал на пустой стул и повторил: «Пусть ваш муж сам придет, а не так, как вы хотите, все сама решать. А знаете ли, что я долго жил в Казани и знаю все храмы и монастыри, которые были там до революции». И Владыка стал подробно рассказывать все, что было раньше в Казани, все время повторяя: «Это было до революции, а теперь все изменилось, совсем изменилось... Пришли за благословением, а у вас уже все готово для обмена! Ба! Да вот и обменщик приехал, а вам самой-то и ночевать негде!» – вдруг встрепнулся Владыка. Я вздрогнула – до того живо произнес эти слова Владыка, как будто действительно сейчас приехал наш обменщик. Мне стало страшновато, у меня сердце в пятки упало.

В завершении беседы Владыка вновь повторил, что Анатолий Александрович должен сам к нему прийти. И, уходя из приемной, я снова с мольбой спросила: «Так, Владыка, Вы не

благословляете?» Со светлой улыбкой он ответил: «Бог благословит ваш путь». Так я ушла в растерянности.

Вскоре пошел за благословением Анатолий Александрович. Владыка ласково его встретил и говорит: «Пусть она одна съездит на недельку». – «Да нет, – отвечает муж, – она так любит своих родных, что только и думает быть с ними. И они – прекрасные люди, отвечают взаимностью». – «Да пустое, через неделю «полаются»».

Через некоторое время сбылись слова Владыки – приехал обменщик, и вышло так, что мне пришлось идти ночевать к приятельнице. Здесь я вспомнила слова Владыки: «А вам и ночевать негде!»

Мы благополучно приехали в Казань, но на меня там напала страшная тоска. Даль-ше – больше. Ничего мне не мило, и родные стали для меня, как чужие. Мы вновь пошли в обменный пункт, нашли вариант обмена, письменно испросили благословение Владыки и через полгода вернулись в Алма-Ату.

Когда контейнер с нашим багажом был еще в пути, к нам пришла наша знакомая – ризничная. Она сказала: «Владыка хотел бы иметь розовую митру, так вы отдайте для этого розовый бархат, или парчу, когда придет ваш багаж». Я пообещала отдать все это, а сама отправилась к Владыке, поблагодарить его за благополучное наше возвращение.

– Владыко святой, – говорю ему, – Вы хотели иметь розовый материал для митры. Можно ли мне предложить Вам свой новый халат из розовой парчи на розовом атласе с мелким рисунком цветочков вишни, который мы привезли из Китая?» – «Нет, – живо воз-разил Владыка, – там «ходи», «ходи» с коромыслами и пагоды китайские. Да, да, «ходи-ходи», – с улыбкой продолжал Владыка.

– Почему Вы так думаете, Владыка? Там мельчайшие цветочки, только вот, можно ли для этой цели использовать халат?

– О, это ничего, потому что все освящается. А вот рисунок не подходит, нельзя та-кой.

Когда пришел контейнер с багажом, мы поскорее достали халат и посмотрели рису-нок... Это что же за чудо? И как мы

сами не заметили, что на ткани изображены китайцы с коромыслами и китайские пагоды! Тогда я достала две парчовые скатерти и понесла Владыке, чтобы пожертвовать их для церкви. Владыка согласился взять одну. Они были одинаково упакованы. «Вот если эту», – показал ручкой Владыка. Оказалась бордовая скатерть (другая была зеленая). «Эту можно, дайте мне ее», – сказал Владыка и, взяв меня за руку, подвел к двери домашней церкви. «Посмотрите, как будто вымерили на Престол! Сейчас – пост, это цвет крови. А потом – Пасха, Господня Пасха, Пасха Красная!» – пропел Владыка и сказал: «Я запишу имена ваших близких, скажите, будем молиться за вас». Перечисляя имена, я забыла назвать имя брата моего мужа, но Владыка сам добавил: «И Александра!» Я растерялась... Вот еще одно чудо!

Людмила Миськова (жена протоиерея Василия Миськова, г. Владимир).

После первых родов и смерти сына-младенца у меня длительное время (20 лет) не было детей. Владыка все время меня утешал «Будут дети, мать, верь и молись». И спустя 20 лет у нас родилась дочка Анна весом 980 граммов. Когда отец Василий сообщил об этом Владыке, он несколько раз повторил: «Ура! Ура! Ура! Род Миськовых продолжается!» Дочь, повзрослев, вышла замуж и сейчас растит сына Василия.

Инокиня Зоя (Любовь Ивановна Величкина), г. Петропавловск.

В 70-е годы я была студенткой Физкультурного института, а мама моя в это время работала в соборе Св. Апостолов Петра и Павла г. Петропавловска председателем ревизионной комиссии. Мама часто ездила в Алма-Ату к митрополиту Иосифу. Она была его почитательницей и говорила: «Владыка прозорливый, Владыка великий». Я тоже часто ездила в Алма-Ату, но на спортивные соревнования. Нас, спортсменов, всегда размещали в гостинице на Центральном стадионе, рядом с которым на ул. Минина проживал Владыка.

И вот однажды мама сообщает мне в Алма-Ату: «Люба, ты меня встречай, я много гостинцев везу для Владыки. Поможешь мне донести и сама со мной попадешь к нему». На этот раз мама ехала к Владыке, чтобы поговорить с ним обо мне. Ей не нравилось, что я учусь в Физкультурном институте, она хотела, чтобы я бросила и институт, и спорт, потому что, как говорила мама, «это погибельно и не спасительно».

А я в то время была человеком мало верующим. И вот, встретив на вокзале маму, я думаю: «Ладно, донести эти сумки я ей помогу, но к Владыке не пойду. Что мне там делать? Пусть сама идет!» Мы садимся на троллейбус, доезжаем до стадиона, оттуда пешком через площадь идем до улицы Минина. А на улице жара страшная! Идем по площади, солнце палит, тащим сумки, а в них тяжесть такая – трехлитровые банки с груздями. А меня, хоть я и спортсменка, псих берет, я начинаю маму ругать: «Ну что ты, – говорю, – столько везешь Владыке?! Вы бы лучше нищим половину раздали, ведь у Владыки все есть! Ему свозят со всего Казахстана, куда ему столько? Вы ничего не соображаете!» Мама смиренно меня выслушала и говорит: «Да у Владыки много людей бывает». Но я, с чувством собственной правоты, продолжаю ее поучать: «Какая же ты нечестивая! Лучше нищим дать, чем везти Владыке Иосифу!»

Так мы дошли до дома Владыки, мама ищет кнопку звонка, а я думаю: «Ну, сейчас отдам и побегу обратно на стадион». Но

здесь открывается зеленая калиточка, выходит сам владыка Иосиф, кланяется и говорит: «Милости просим, петропавловцы!» Все, мне деваться некуда: «Ну, ладно, – думаю, – зайду, побеседую, раз мама так хочет».

Заходим. Я разглядываю Владыку: у него косичка такая седенькая, вверх крючком немного загнутая, подрясничек простой и сам он такой стройненький, и встретил нас с поклоном! И здесь у меня сердце к нему стало располагаться – что-то в нем было такое простое, милое. Мы зашли в прихожую, ставим здесь все свои приношения, а Владыка поглядел на меня и так ласково говорит: «А Владыка грибочки любит!» Меня как морозом обдало: «Надо же! Разговор был где-то на улице, а он мне это здесь говорит! Да откуда он знает, что там грибы? Все же запаковано! Неужели и вправду прозорливый?» И мне стало стыдно за то, что я ругала маму. И я сразу почувствовала, что грешница-то не мама, а я.

Потом Владыка пригласил нас в гостиную и опять сказал те же чудесные русские слова: «Милости просим». Мы прошли, расположились. Я сижу настороженно, нахохлилась – меня же обличили – и буквально все фиксирую, потому что когда маловерующий человек общается с верующими, он на все обращает внимание. И Владыка опять к нам выходит: «Сейчас стол будет накрыт, вы с дороги умойтесь и – к столу милости просим». Умылись, матушка Ольга рушнички нам подает, и Владыка снова подходит и начинает со мной разговаривать – говорит на очень интересную тему, и в то же время в этом разговоре обличает мои грехи. И я вновь чувствую, что я большая грешница, и здесь я уже окончательно поняла, что Владыка несомненно прозорлив и видит меня насквозь. Мне стало не по себе, я думаю: «Как мне здесь себя вести?» А он мне мои грехи говорит, но с такой лаской, с юмором: «Вот это нельзя, это нельзя, а нужно вот так, вот так». И так мы к столу подходим, он продолжает разговор, но никто не понимает, к чему Владыка все это говорит, об этом знаю только я, это мои грехи. И он обличил меня в таком тоне, что я не обиделась, а осознала и мне стало стыдно.

Здесь из соседней комнаты вышли священники, все мы были приглашены к столу. За столом Владыка стал говорить на тему одного из рассказов Анатоля Франса о самом счастливом человеке. Сначала Владыка говорил по-русски. Потом перешел на французский язык и стал по-французски переговариваться с сидевшим рядом с ним священником. Я была поражена! Сажу и думаю: «Надо же! Здесь по-французски говорят!» В этот момент я еще больше полюбила Владыку и уже расположилась к нему всей душой. Хотя в то же время я сажу и наблюдаю, внимательно слежу и вижу, что стол-то богатый, и думаю: «Ничего себе! – такая вражья мысль у меня, – Тут и икорка, тут и все-все-все! Уж так-то поститься и я смогла бы!» И все контролирую, и вся моя невоспитанность, подозрительность, бездуховность – все это из меня лезет, потому что сама – грешница, и других вижу такими же. А Владыка сидит, хлебушка кусочек взял, рассказывает, рассказывает, отщипнет от хлебушка, компотиком запьет, и все, больше он почти ничего не ел. Потом снова перешли на русский язык и вновь темой был тот же рассказ о самом счастливом человеке. И вот, заканчивая рассказ, Владыка сказал: «Самый счастливый человек был тот, кто пел Богу!» И Владыка говорит: «Вот, самая счастливая профессия – это петь Богу!» Таким заключением он закончил разговор об Анатоле Франсе и перешел на другие темы. А я думаю: «Петь Богу? Почему он это рассказал? Конечно, петь Богу – хорошо, но я то, – думаю, – таких талантов не имею. Это не про меня и не для меня».

И вот, когда уже завершался ужин, Владыка обратился к маме: «Мать! На каждом месте можно спастись и на каждом месте можно погибнуть. Возле Господа был апостол, который погиб. А разбойник на кресте спасся! Мать, ко мне одна балериночка приходит, она в театре танцует – и так он на цыпочки привстал и показал, как она танцует, – а потом у меня исповедуется, и я ее наставляю. Но это ее профессия, и она ей нравится. И я не могу ей сказать: «Брось свою профессию». Но постепенно Господь даст, и она сама поймет и оставит свой балет». У меня после этих слов, как камень с души свалился, я вышла от Владыки сама не своя от счастья.

Утром мы с мамой пошли на службу в Никольский собор. Владыка служил и говорил проповедь о Закхее. Очень образно говорил о том, как шел Спаситель в окружении толпы народа, как проходил мимо смоковницы, на которую залез Закхей и смотрел оттуда на Спасителя. А Спаситель увидел Закхея (и так Владыка ладонью козырек над глазами сделал) и сказал: «Закхей!» И Владыка все это изображал очень живо и своеобразно. Я впервые слышала такую проповедь. И настолько интересно он изложил евангельскую тему, что здесь я полюбила Владыку уже окончательно. Я стояла, слушала его и дорожила каждым его словом, и каждым движением.

Через несколько месяцев мы с мамой снова приехали к Владыке. Мы зашли, немножко пообщались, и опять он мой грешок разоблачил. И опять это было понятно только мне. Я вновь была поражена его прозорливостью. И опять он не прямо сказал, не обличил меня, а как бы вскользь, слегка задел тот грех, о котором говорил мне прежде и который я снова повторила.

А через несколько лет, когда уже Владыки не стало, и мамы не стало, я бросила спорт, сознательно пришла к вере в Бога, стала работать в храме. И вдруг меня благословили петь в церковном хоре. И хотя я отказывалась – у меня ведь нет ни слуха, ни голоса, петь мне все-таки пришлось. Со временем я обучилась пению и уставу в Целиноградском монастыре, и стала петь на клиросе. И я вспоминала владыку Иосифа, и его первую проповедь о том, что петь Богу – это лучшая из профессий.

Итак, я оставила все и служу псаломщицей в сельских храмах. Меня посылают туда, где образуются новые приходы, и я учу пению и уставу местных жителей. Научу, и уезжаю на другой приход, в следующий храм.

А когда я приезжаю в Алма-Ату, то всегда прихожу на могилку владыки Иосифа и кланяюсь ему. Ведь то, что со мной произошло – произошло по его благословению, и поэтому я храню о нем память и молюсь за него.

**Анна Павловна Савельева (Милованова), хористка
Кафедрального собора г. Алма-Аты.**

Мой свекор, протоиерей Николай Савельев, служивший во Всехсвятской церкви г. Уральска, рассказывал в свое время:

Владыка Иосиф вызвал его из Уральска в Алма-Ату по делам прихода. Дорога была трудная, отец Николай очень устал, был голоден, но времени зайти куда-либо позавтракать у него уже не было – он опаздывал на прием к Владыке. И вот, он идет и дорогой думает: «Я такой голодный, даже не как волк, а как ... лев! Вот теперь-то я и проверю насколько Владыка прозорливый и праведный. Если я приду, а он не предложит мне позавтракать, то я буду сомневаться, что он действительно такой!» И вот, отец Николай приходит на Минина, Владыка его благословляет и обращается к тете Шуре: «Матушка, матушка, идите сюда! Приехал отец Николай, голодный, как ... лев! Вы накормите его, а потом я буду с ним разговаривать».

Отцу Николаю стало плохо... Надо ли говорить, что в дальнейшие годы ему уже и на ум не приходило проверять на прозорливость своего Святителя.

Нина Андреевна Сас, г. Алма-Ата.

В 1973 году я по обыкновению пришла на Минуна к владыке Иосифу. Кроме меня Владыку ожидало еще три человека – приехали из отдаленного прихода просить себе нового священника. Владыка пригласил нас зайти всех вместе, и когда выслушал приезжих, сказал: «Я не могу дать вам другого священника, а будем за этого молиться».

Во время беседы я обратила внимание на то, что у Владыки на столе лежат две стопочки фотографий. В одной стопочке фотографии, где Владыка запечатлен со строгим выражением лица, а на другой – улыбающийся. Закончив беседу с приезжими, он взял фотографии из той стопочки, где он улыбающийся и стал подписывать их в подарок посетителям. Я же в этот момент думаю: «А мне-то совсем не подходят такие фотографии, мне бы надо вон ту, где Владыка построже и вообще, по моим грехам мне надо бы хорошую палку!» Тут Владыка на меня посмотрел, протянул руку ко второй стопочке, где он строгий. «Ну и прокурор!» – говорит. Взял фотографию, перевернул ее, подписал, подает мне и снова говорит: «Ну и прокурор!» Он узнал мои мысли.

Другой момент был у меня. Муж мой болел эпилепсией и к тому же выпивал. И на протяжении многих лет он подвергался до предела страшным припадкам. К тому же еще у сына не ладилась семейная жизнь – он расходился с женой и был на грани отчаяния. Я сильно скорбела. И однажды, когда я пришла к Владыке, он спросил меня: «Где вы живете?» Я объяснила ему. Он сказал: «Да благословен будет этот дом!» С тех пор у нас все стало налаживаться. Муж перестал выпивать, эпилепсия прошла, и он пришел в нормальное состояние. Так же и у сына все выправилось, сын тоже стал полноценным человеком.

Светлана Степановна Есикова, г. Алма-Ата.

С митрополитом Иосифом я не была знакома лично. С ним постоянно общалась моя мама, и в нашей семье ничего не делалось без его благословения. Например, собираемся мы с сестрой путешествовать, мама непременно идет к нему за благословением. Она еще рта не успела открыть, он с порога: «Ну что, мать, на море собрались? С Богом». Много лет я никак не могла получить квартиру. Мама придет, он скажет: «Пусть терпит». А в какой-то момент он сказал: «Ну что она там плачет? Будет ей квартира». И я действительно, по его молитвам, вскоре эту квартиру получила.

В другой раз мой муж-вертолетчик, неправильно посадил вертолет и машина получила серьезные повреждения. Ему грозило суровое наказание и большой штраф. Мама, конечно, сразу побежала к Владыке. Он с порога: «Мать, ну что ты плачешь? Он ведь жив!»

В 70-м году, по причине халатности врачей скорой помощи умирала моя полуторо-годовалая дочь. У нее была простуда, и тем не менее эта простуда принесла нам страшную беду. Температура у дочери поднялась 40 градусов и ей в 5 раз передозировали лекарства. Никакой надежды на то, что она останется живой, врачи не оставляли. Я позвонила маме: «Мамочка, скорее сходи к Владыке!» Сама я бегала вокруг больницы, пла-кала и кричала: «Господи, я повенчаюсь с мужем, только спаси моего ребенка!» Мама пошла к Владыке. Не успела ступить на порог, как он сказал: «Плачу, мать, и молюсь, плачу и молюсь». Врачи неделю не смотрели нам в глаза, а Владыка велел маме приходить к нему каждый день и каждый день в течении недели они вместе молились. И девоч-ка моя, их молитвами, осталась жива, выросла, сейчас она уже закончила Петербургский медицинский институт и ординатуру, хотя некоторые последствия болезни остались.

Мама моя с 42-летнего возраста страдала сильными головными болями. Это были страшные мигрени с многодневными приступами. Лечению болезнь не поддавалась и вообще чем-то облегчить ей боль было невозможно. И вот, в 73-

м году мамочка приходит домой и мы с сестрой вдруг видим, что у нее косица завязана какой-то веревочкой, лоскутком тряпичным. Я говорю: «Мама! Что ли ленточки или заколки у нас нет, что ты какую-то тряпицу ввязала себе?» Она отвечает: «Нет, нет, не трогайте!» И рассказывает та-кую историю. В очередной раз пошла она к Владыке. Пришла, Владыка выходит и говорит: «Ну, что, опять у тебя голова болит? Хватит уже, будем лечить». Он распускает свою косицу, выплетает из нее вот эту ленточку-тряпочку, заплетает косицу маме, вплетает ленточку и говорит: «Носи до тех пор, пока не потеряешь. Как потеряешь, так и головная боль уйдет». Как и когда мама ее потеряла, она не помнит, но головные боли у нее прекратились. Она прожила еще 9 лет и голова у нее больше никогда не болела.

Михаил Васильевич Щекинов, регент храма Покрова Пресвятой Богородицы, г. Алма-Аты.

У меня было больное сердце, в связи с чем я три года не работал. Болезнь изнуряла меня, и я решил обратиться к митрополиту Иосифу, и попросить его совета и молитв. Пришел, Владыка благословил меня и сказал: «Ну вот, читайте больше акафисты. Акафисты читайте» – повторил он несколько раз. А я, правда, до этого времени акафисты не читал. И вот, я стал читать акафисты и понемногу поправляться. Я снова стал регентовать в Покровском храме.

Женщины Мария Ивановна и Иулиания купили для Владыки хороших крупных слив, положили их в красивую корзиночку и просят меня: «Михаил Васильевич, мы ни-когда у Владыки не были, нам неудобно к нему заходить, а вы-то Владыку знаете ближе, пойдите, отнесите ему эти сливы». У Марии Ивановны была с собой еще большая просфора – привезла из Загорска от преподобного Сергия. Но когда мы, немного не дойдя до дома Владыки, на углу, где магазин был овощной, стали все разворачивать и в корзиночку укладывать, то увидели, что просфора треснула. И мы решали ее оставить – неудобно расколотую Владыке нести.

Я зашел в дом, а женщины ждали меня на улице. Я беру у Владыки благословение, подаю ему корзиночку слив, а он: «Ну, а что же вы просфору не принесли?» Когда я вышел от Владыки и рассказал об этом женщинам, нам стало ясно, что Владыке было о нас все открыто. Мы поблагодарили Господа за то, что у нас такой Архиерей.

Мы с Андреем Михайловичем, который все время на левом клиросе распевал и чи-тал канон, и Апостола, как-то под тополями на лавочке сидим в ожидании Всенощной и рассуждаем: «Вот, Витю Дубовицкого, который все время с мамой стоял у иконы «Умиление» и недавно с армии пришел, Владыка рукоположил во священника. И как нам теперь его называть – «отцом», что ли? Как-то неудобно молодого такого человека «отцом» называть». Здесь, слышим, зазвучал трезвон,

Владыка заезжает, мы скорее бежим в собор к служебному входу, встали там в коридорчике, в уголке, стоим. Заходит владыка Иосиф, оборачивается и к нам: «Здравствуйтесь, отцы! – обращается – Здравствуйтесь, отцы!» – улыбается, на нас смотрит таким взглядом пристальным, что мы сразу поняли, что ему известно о нашем разговоре. «Вот вы отцами не хотите называть молодых священников, – как бы говорил его взгляд, – а я вот вас отцами назвал. А вы –простые миряне». Так мы прочитали в его взгляде. А он три раза повторил «Здравствуйтесь, отцы!» и поклонился нам. Мы переглянулись друг с другом, смутились, вышли и сказали: «Вот нам и обличение. Значит, неправильное мы имели рассуждение. Раз рукоположен во священники, то, даже если и молодой, уже имеет право по сану называться «отцом».

Впечатление, которое оставлял Владыка при общении с ним – это искреннего служителя Церкви Божией. Его, конечно, уважали все, ценили, уже вскоре после его приезда узнали, что это за человек. Всех принимал, кормил, угощал, все сам. Помню, как-то зашли к нему, он говорит: «Сам пою, сам читаю, сам и ставни закрываю». Так он сказал, а я запомнил.

Сергей Александрович Бурнашев, г. Елец.

Мне было 6 лет, когда мы с бабушкой, по пути из Алма-Аты в Елец, приехали на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру. Мы встретили там отца Палладия (впоследствии епископ Читинский и Забайкальский), который попросил нас по возвращении в Алма-Ату зайти к Владыке Иосифу и передать ему просфору, иконочку и письмецо в конверте. (Отец Палладий хорошо знал Владыку, он и сам не раз приезжал к нему в Алма-Ату). С этого времени началось наше близкое знакомство с митрополитом Иосифом, и мы с бабушкой стали к нему ходить. Мы приходили к нему, когда нужно было взять благословение или получить совет.

Моим крестным отцом был архимандрит Исаакий (Виноградов). С владыкой Иосифом они впервые встретились в тюрьме. А уже когда отец Исаакий служил в Алма-Ате, тогда владыка Иосиф приезжал в Алма-Ату, будучи епископом Петропавловским. Здесь они тоже встречались. Когда же отца Исаакия перевели в Елец, я к нему ездил. Он всегда Владыке письмо передавал, просфору. А Владыка здесь очень переживал за о. Исаакия. Друг о друге у них отзывы были очень хорошие. Владыка Иосиф говорил: «У тебя очень хороший крестный, он тебя, небось, и учит, и наставляет? А здесь, – говорил Владыка, – обращай ко мне. Трудно тебе, тяжело, какой совет нужен, всегда – пожалуйста, двери открыты». И я ходил сначала с бабушкой, а как подрос, стал и один приходить.

Владыка очень любвеобильный был. Я приходил, он все дела свои бросал, усаживал меня и мы с ним беседовали. Одно время мы вместе смотрели фильм «Семнадцать мгновений весны», каждый вечер. Он сядет, включит телевизор, а сам тут же письма просматривает. А я смотрю – у меня тогда дома телевизора не было, мама не покупала. Потом чай попьем. Его улыбку помню – он улыбался так, обнимал, целовал, очень нежный был, конфеты, шоколад, всегда что-то преподносил, все это помню. К собаке своей меня подводил: «Это моя, – говорит, – любимица. А это мой друг пришел ко мне». И тоже такие нежные слова были собаке: «Ты не ругайся, не лай».

Владыка двери сам открывал и запускал, и выпускал, и провожал. Бывало, как рассказывали, придут к Владыке, стучат, стучат, а он не открывает. Так и мы с бабушкой как-то пошли, а там женщина стучала – ей не открыли. «Ну, – думаем, – наверное, Владыки нет». Но только стукнули – сразу же дверь открылась. Владыка стоит за дверью и потихонечку говорит: «Проходите». Дверь закрылась и все. Другим не видно было, кто там дверь открыл. Владыка духом знал, кто к нему идет.

А когда я в армию уходил, в 1974 году, к нему зашел. Он меня принял в рабочей форме, с тряпкой в руках. Он все время работал, он не стеснялся, никого не боялся, ни от кого не прятался – как есть. «О, кто ко мне пришел, дорогой Сереженька, ну, проходи». Я зашел, мы посидели, чайку попили, телевизор включили, посмотрели. Владыка жил не так, как сейчас шикарно живут, а простенько и скромно. Келья была и церковь. Это по-последний раз я его видел, когда уходил в армию. «Ну, ничего, Сережа, не волнуйся, скоро вернешься, два года – как два дня будут». Эти слова мне запомнились. Я отслужил и пришел. Так хорошо и легко мне служилось. И еще сказал: «Отслужишь, придешь домой, тебя бабушка встретит, а я-то тебя, наверное, уже не увижу». Письма он мне писал: «Здравствуй, внучек. ...Твой дедушка. Целую». А мама часто к нему приходила, когда я служил. Он увидит ее, улыбается, спрашивает: «Как там Сережа?» Потом уже мама напи-сала мне, что Владыка умер. Так и получилось – когда я пришел с армии, бабушка меня встретила.

Сейчас я понимаю, что я в жизни общался со святыми людьми. Да и тогда я считал, что эти люди многое перенесли, все знают, плохого ничего не скажут. И я прислушивался. Владыка мне так говорил: «Будь умным. Если будешь хорошие поступки совершать, то, значит, и жить будешь нормально, и все у тебя будет хорошо». И я жил так, как мне Владыка говорил, смотрел, как себя вести – и дома, и в обществе с ребятами, и везде. Где плохо – значит надо уходить в сторону. Владыка говорил, что у меня будет хорошая же-на, хорошая семья: «Старайся быть возле них, не меняй ни на что, не крутись, не вертись. Не надо за заборы ходить. Живи, что тебе Бог послал,

тем и довольствуйся. Будешь с семьей – и все будет у тебя хорошо». Так и стараюсь придерживаться в жизни того, что он мне говорил. И все, слава Богу, нормально. Жена у меня хорошая, дети тоже хорошие, работа не плохая, все налажено. И, в общем-то, трудностей в жизни я не видел. Так по его молитве и живу. Легко, вроде, везде все было. А вспомнишь Владыку и слезу, бывало, прольешь. Всю мою жизнь он, считай, мне предсказал. И всегда мне вспоминается его улыбка, его наставления: «Да, ничего, Сережа, все будет хорошо. Молись и проси Бога».

Юрий Борисович Померанцев, Народный артист Республики Казахстан, г. Ал-ма-Ата.

В конце 60-х годов мы взяли к постановке в Русском Академическом театре драмы им. Лермонтова пьесу Николая Островского «Василиса Мелентьева». Действие пьесы происходит во времена Ивана Грозного, и я репетировал роль Ивана Грозного. Поскольку формальный подход к любой пьесе и любой роли для меня неприемлем, мне необходимо было узнать психологию человека той эпохи, христианские обряды, как бы понюхать дух того времени. На репетиции встал такой вопрос: кто может нас в это посвятить? Книжки – книжками, но живого общения ими не заменишь. И вот, возникла мысль обратиться к главе здешней Церкви. Сан у него огромный – митрополит, как, думаем, он нас примет? Созвонились с ним, сказали, какая тема нас интересует. Он назначил нам встречу.

Мы узнали адрес, сели в машину и поехали к нему втроем: режиссер Ирина Долиненко, зав. музыкальной частью Михаил Лившиц и я. Помню, мы проехали за Центральный стадион, а за ним такая узкая улочка. Встретила нас интересная пожилая женщина, вроде монахини, и провела в гостиную. Вышел Митрополит и нас принял. И беседовали мы часа два с половиной. Он очень интересно рассказывал нам об истории того времени и отвечал на вопросы, которые мы задавали. Иногда с юмором отвечал. Он прекрасно знал эпоху Ивана Грозного и историю вообще. Несмотря на то, что много веков отделяло нас от того времени, Владыка настолько интересно и живо все преподносил, как будто он сам был свидетелем тех событий. И что главное – он передал в своих рассказах атмосферу, дух того времени, что для нас было неоценимой помощью при создании тех или иных сцен. Мы увидели высокообразованного, начитанного человека, прекрасного собеседника. Но и не только историю он хорошо знал. Он говорил, что очень интересуется современной жизнью и, в частности, современным искусством и театральной культурой. Он с улыбкой сказал: «Я с удовольствием смотрю по телевизору

Аркадия Райкина». По ощущению он произвел на нас колоссальное впечатление. Этот человек был огромной эрудиции, просто кладезь мудрости и, в то же время, очень простой. Он был так прост, как будто не был облечен в такой высокий сан. (Мы спросили, и он объяснил нам, что Митрополит – это только на одну ступень ниже Патриарха). И такой простой, такой земной! Я думаю, что сейчас таких, наверное, нету. Необычайная простота. Вот такой простой, земной человек, но вокруг него была такая атмосфера, которая просто завораживала. Для нас это было неожиданностью. Ведь мы, собираясь на встречу, ожидали совсем другого. Мы ожидали, что он будет таким, как в литературе обычно изображают святош-иезуитов. И вдруг мы увидели такого человека, который всех нас буквально поразил своим обаянием! Этого не сыграешь. Это ощущение я хорошо запомнил.

Комнату его я запомнил: невысокие потолки такие и книжные стеллажи. Помню, там стояли томики Ленина, Маркса. Висело несколько картин на религиозные сюжеты, просто написанных. И потом он нас водил в такую маленькую домовую церковь. И в его доме все было тоже чрезвычайно просто, и, вместе с тем это было очень значительно. И вот, эти два с половиной часа пролетели для нас, как одна минута. Мы вышли от него – а сколько времени? Ой-ей! Это так быстро время пролетело!?

Встреча с таким человеком дала большой психологический импульс, он зажег нашу творческую фантазию. Мы восторгались им. Ну, а уходя, мы ему сказали: «Когда мы порепетируем, выпустим спектакль, мы уж просим Вас на премьеру». Сказали, не надеясь, что он придет. Он согласился, как мы посчитали, из вежливости. И что вы думаете? На премьеру он со своей свитой пришел, а режиссер у центрального входа его встречала. Он был одет в рясу, с посохом в руке. Публика на него смотрела, а он сидел в первых рядах. Все это было очень торжественно. Мы подтянулись, воодушевились и спектакль прошел очень хорошо. После спектакля мы его проводили, он сказал, что спектакль ему понравился. Возможно, это были слова вежливости, но одно то, что он пришел, уже было для нас приятно.

Этот спектакль шел довольно успешно много лет. Мы даже в Москву его возили на гастроли, и на многочисленных творческих конференциях мы всегда говорили об этой консультации, о том, что беседа с Митрополитом повлияла на глубину спектакля.

Вот такая вот история.

Захар Иванович Самойленко вспоминает:

Владыка ходил в русский драмтеатр им. Лермонтова на премьеру спектакля «Иван Грозный», куда его пригласили актеры и режиссер. Я сопровождал его. Когда Владыка, одетый в рясу (он никогда не носил мирской одежды, у него даже не было ни одного мир-ского костюма) зашел в фойе, народ, увидев его, удивлялся: «Ну, загримировали! Как наш Митрополит, точно!» Также и в зале: «Смотри, поп сидит!» – «Да это не поп, это артист!»

Соседи с улицы Минина

Елена Викторовна Кашкорова.

Мне было 4 года, когда в 1960 году Владыка приехал сюда жить. С тех пор я его помню. Мы называли его Дедушкой. Это был милый, простой Дедушка.

Он очень помогал нашей семье, с какой бы просьбой мы к нему не обратились. Он всю душу нам отдавал. Мама придет к нему, он: «Что переживаешь?» – «Угля нет». Он ей уголь поможет купить. Когда у нас дома умирала моя двоюродная сестра, он домой к нам приходил, потом вызвал священника, и тот ее крестил. В другой раз пойдем к нему, как к соседу, занять денег, он поможет. Придем отдавать – назад не берет. Как-то раз у нас хлеба не было, а магазин уже закрыт был. А нас у мамы четверо детей. Мама – туда – сюда – ни у кого хлеба нет. Пришла к нему: «Извините, Владыка, хлеба нет. Не заняли бы?» Так он вот такой каравай нам передал! Он всегда оказывал нам помощь и делал это от души. И повар его, тетя Шура, тоже подкармливала нас. Позовет маму: «Вот, наготовила и осталось, все свеженькое. Вы не взяли бы?» Конечно, брали. Все было вкусно и хорошо.

День рождения у меня в мае. Я подойду к Владыке, (между нашими домами забор был очень низкий): «Дедушка, – тяну его за рясу, – у меня день рождения!» Он: «Моя ты красавица! Подожди минуточку!» И полный подол конфет в рясе принесет. Самые хорошие, дорогие конфеты. Высыпает мне и улыбается. Потом пойдет, атласных ленточек достанет, сам навяжет мне на голове хвостиков, бантиков штук 10. «Какая же ты хорошенькая, моя внучка!»

Когда я уже в школе училась, иду на занятия, а у меня все руки в чернилах. «Моя золотая, что же это такое?» Я говорю: «Вот, чернильницу разлила, Дедушка». А он: «После школы будешь идти – вот видишь дырочка тут, в заборе? Вот я для тебя здесь ручку положу с золотым перышком». Я с уроков бегу, думаю: «Неужели и вправду ручка будет лежать с золотым перышком?» Прибегаю – а там лежит ручка, в заборе! Как я эту ручку всем ходила, показывала! Там в ручке рыбка плавала

туда-сюда. Это были первые авто-ручки. И не забыл, в определенное время положил ручку!

Мячик в палисадник залетит – в волейбол играли – он этот мячик нам назад забросит и еще конфетами угостит. А мы в другой раз нарочно мяч забрасывали, когда конфет захотим: «Давайте мячик Дедушке закинем, Дедушка нас конфетами угостит!» Владыка ве-чером выйдет: «Ой, мячик залетел! Ах, мячик! Придется вам конфет дать».

Яблоки «кандиль» у него вкусные росли. Дети в его сад за яблоками лазили, а он никогда их не прогонял. Выйдет и смотрит, как трясут его яблоки, и еще сам чем-нибудь детей угостит.

Помню, меня кто-то на улице обидел, я реву: «Пойду Дедушке пожалуюсь!» Прибежала, обняла его за подол, он меня гладит: «Моя ты миленькая, да кто же тебя обидел?» Помню, бантики стал мне тогда завязывать. Я: «Да этот не красивый, Дедушка! Ты мне не так завязываешь! Мне не надо так, мне надо кукульком, вот так!» Он: «Ну, давай кукульком тебе завяжу». Завязывает. Я: «Мало!» Еще завязывает. Бантиков 8 он тогда мне навязал.

Очень сильно он меня любил и любил еще другую соседскую девочку Лену Булынину. У ее мамы долго не было детей. Владыка говорил ей: «Ты молись, проси Бога, и Бог даст». И она молилась: «Господи, дай мне ребенка». И родилась Лена в 1962 году по его молитвам. Владыка сказал матери: «Вот, Бог тебе дал». И в этой Леночке Владыка души не чаял! Этого не рассказать! Все для Леночки, все для Леночки! И игрушечку, и песочницу, и совочек. Конфеты он каждое утро Леночке на забор клал. В салфетку завернутые. Она утром просыпается – бегом за конфетами. А Дедушка еще выглядывает, смотрит, как Леночка прибежит, конфеты возьмет. И даже когда Владыка уже перед смертью в больнице лежал, о Леночке беспокоился, и Коля, его келейник, вместо него на забор конфеты клал: «Это тебе от Дедушки». И куколки Дедушка ей дарил. Уж этих куколок он нам штук 40 подарил, всяких, каких мы только ни просили. Игрушки его помню, и, помню, он часто выходил на улицу, общался с соседями, разговаривал. Помню, на Рождество пришли мы, все

дети с нашей улицы, колядовать, наряженные. Он: «Заходите, заходите! Спасибо, что пришли!» Провел нас в дом, все показал, рассказал. Он относился к нам, как дедушка к родным внукам. А если Пасха, он самые первые испеченные куличи на забор нам клал. Мы прибежим к нему на Пасху, он: «Цыплятки мои!» И выносит нам в подоле куличей, яиц. На травку чистую салфетку постелит, угощает детей. И сам он в праздники нарядный был – одевал праздничные рясы, ботинки обувал, а нам завязывал красивые бантики. А сколько сюда бабушек приходило! На Пасху у нас по всей улице узелки с яичками лежали – на травке, под кустиками. Так его все любили – просто в подарок ему оставят, с благодарностью. К нему все приходили, но он всех принять не мог. И мы яички эти брали, окрошку делали.

На Пасху в то время запрещали детям в церковь ходить и в школе нас за это ругали. А я все равно ходила с подружками посмотреть на нашего Дедушку. Мы в старые пальто, как бабушки наряжались, и шли, лишь бы только нас пропустили – там дружинники стояли. Он увидит нас в храме, улыбается: я вижу, что вы пришли. А мы замаскированные в платочках стоим. Если гражданский праздник – 7 ноября или 1 мая, мы, нарядные, ходим возле его дома – и так пройдем, и так пройдем, пока, наконец, не выйдет Дедушка поздравлять нас. Это детство было...

Потом повзрослели мы, книжки стали читать. Он нас спрашивал: «Какие книжки вас интересуют?» Он все духовные книги нам давал читать. Нас воспитывали тогда в ином духе. А он нам – книги, иконы все показывал. Много интересного нам рассказывал тако-го, чего мы тогда нигде не могли услышать. И мы приходили к нему: «Дедушка, еще расскажи!» Он говорил: «Я очень верую в Бога. И вы молитесь, Бог вас не оставит».

Помню, такой случай произошел. Один священник, которого Владыка не принял в свою епархию, захотел Дедушку нашего поджечь и стал кидать ему в окна бутылки с керосином. Вспыхнул пожар. И соседи, как увидели, быстро все прибежали и сообща все потушили и уладили. Все соседи откликнулись, чтобы Дедушку защитить.

Отец мой коммунист был, депутат Верховного Совета, но, несмотря ни на что, он очень любил Дедушку.

Когда Дедушка умер, милиция стояла по всей улице, потому что люди шли, шли, шли... Сторож нам принес записочку: «Умер его Высокопреосвященство митрополит Иосиф. И вы, поскольку он вас любил, можете прийти и попрощаться». Мы приходили, прощались с Дедушкой.

Владыка действительно нас, детей, очень любил. К еде он был не привередлив, держал посты. И много нас здесь, уже 40-летних, могут только по-доброму вспоминать о нем.

Он мне всегда говорил, что «... Здесь, где мы живем, земля святая и вы, детки, судьбой обижены не будете никогда». Почему святая? Мы думаем потому что он освятил ее здесь своими молитвами.

Елена Константиновна Булынина.

Наш дом № 12 на ул. Минина. Здесь я и родилась. И с тех пор, как помню себя, помню и Владыку. Владыка меня внучкой называл, и я как внучка ему была. Его дом находится через забор от нашего, и мы с ним каждый день общались. Он всегда обо всем меня спрашивал: как здоровье, какие отметки. Всегда, каждый день он на забор для меня конфеты клал. В день моего рождения обязательно куколку подарит. Всем детям на нашей улице он подарки дарил, он детей очень любил. Когда мы с мамой на год уезжали в Мордовию, он нам письма писал. Он говорил, что здесь земля святая. Мы так и считаем, что у нас, на нашей улице, земля святая, потому что он здесь жил и молился. Таких Архиереев, сколько мы живем здесь, больше не видели. У него штакетник был около дома и он всегда вдоль штакетника прогуливался со своей собакой Джерри. Прохожие часто возле него останавливались, задавали вопросы. Он с ними разговаривал, что-то советовал. Владыка помогал буквально всем людям на нашей улице, кто бы к нему ни пришел, чего бы ни по-просил. Никогда не отказывал. Это был действительно святой человек. Он всех людей любил. Это человек, который жил для людей, а не для себя.

Михаил Павлович Константинов.

Здесь я вырос, на этой улице и всю жизнь прожил. За это время много здесь было архиереев. Но этот – единственный такой был, самый добрый. Он на самом деле был именно – Священник. Как праздник какой, он всегда подарки детям дарил – авторучки шариковые (тогда дефицитные были), конфеты выносил. Он приглашал нас домой, угощал – мы же пацанами были тогда. Он всем оказывал помощь. Даже был такой случай. На нашей улице жил парень казах по имени Азамат. И он захотел мотоцикл себе купить, «Яву». У него было всего 200 рублей, он хотел занять остальные, но ни у кого денег не было. Он пошел к Владыке и говорит: «Займите мне деньги, я хочу мотоцикл купить». «Сколько, – спрашивает, – у тебя есть денег? Я тебе добавлю». – «У меня всего 200 рублей. Надо еще 600». Владыка дал ему эту сумму, и он купил себе «Яву». Прошло время, Азамат пришел деньги возвращать, говорит: «Вот долг». А он: «Назад я деньги не беру». Так что получилось, что он ему мотоцикл подарил. Владыка не разбирал, какой национальности человек, он всем дарил все. А конфет сколько нам дарил! И никогда не обижал никого. Такой вот у него штакетник был низенький, дом не огораживался, можно было запросто к нему зайти. Но сам был очень скромным. В то время уже появились новые автомобили, а он все на своем «ЗИМе» довоенном ездил.

Еще один эпизод помню. Пацанами мы были, над всеми шутили и над ним тоже. В оконную раму втыкали булавку, продергивали нитку, привязывали к ней картофелину, и с катушкой ниток залегали где-нибудь в кустах. Дергаешь за нитку, она натягивается и картошка о стекло – стук, стук. Владыка: «Кто там?» Открывает окно – никого нет. Опять стучишь – выйдет, посмотрит – не видать ничего. А темно, мы же допоздна бегали. Потом, когда уже раскусил это дело, выйдет: «Мальчишки! Ну, хватит, я уже спать хочу!» Но из терпения никогда не выходил.

Елизавета Иосифовна Гриценко.

Я была совсем молодая, когда узнала Владыку Иосифа. Это был большой души человек и доброты необычайной. Он помогал всем соседям и морально, и материально. Владыка любил людей и шел к людям. Он любил каждого человека и видел в каждом человеке личность. Это выражалось во всем, даже в том, как он поздороваётся с человеком, как раскланяется. Он не прятался, к нему можно было просто прийти, как к соседу. Сам он выходил вечерами в простой черной рясе (только в праздники он пышно выглядел) со своей собакой Джерри и гулял по улице. Он со мной много беседовал. У меня был маленький сын и Владыка говорил: «Леня ценный мальчик. Учи его музыке». Мы купили Лене пианино – у него действительно оказался абсолютный слух, и он успешно закончил музыкальную школу. Сын рос очень болезненным, и Владыка медицинские советы давал, как его лечить – что можно ему, а что нельзя. А когда у Лени было воспаление легких, Владыка запретил класть его в больницу и сам указал способ лечения.

Моя свекровь материально жила очень тяжело. Как-то она пошла и попросила у Владыки займы 100 рублей. (Тогда это были большие деньги). А когда пришла возвратить долг, он сказал: «Вам деньги нужней, чем мне. Вы одна воспитываете пятерых детей и поэтому оставьте их себе». Он помогал людям от души, от сердца. Он хотел, чтобы Леночка, соседская девочка, обучалась музыке и купил ей аккордеон. Другому соседу, студенту Азамату, просто, по-соседски, купил мотоцикл «Яву». Он говорил: «Я могу давать людям, почему мне этого не делать?» Много времени уделял молодежи. Каждую субботу к нему приходили студенты Политеха, чуть не в очередь выстраивались, и он давал им по десяточке на выходные дни. Он помогал всем, как мог. Всех нас он по именам знал. На Рождество мы приходили к нему колядовать. И он выходил к нам, шутил, угощал шоколадными конфетами. «Ну, что, девчата, шоколадных конфет хочется?» Он нам, молодым девчатам, как дедушка был. Это – наша молодость была, мы были соседями,

мы по-соседски общались. Сейчас это трудно представить, он был, как из какой-то иной жизни.

Кроме того, мы знали, что он очень образованный, эрудированный человек. Он владел иностранными языками, прекрасно знал светскую литературу, разбирался в медицине. С Владыкой много общался мой муж. Причиной их близкого общения послужила попытка одного больного человека поджечь дом Владыки, и мой муж его спасал. Муж как раз вышел к колонке за водой и видит – бросают в окно бутылки с горючим. Он схватился с тем человеком, всех соседей поднял, все быстро потушили и уладили. И Владыка моего мужа часто приглашал в свой дом. Они беседовали о геологии, о горном деле (мой муж закончил Горный институт), Владыка давал читать ему много книг по горному делу. Это был человек с энциклопедическими познаниями, у него была большая библиотека и он всегда говорил: «Что надо – приходите». Я тоже очень к нему стремилась. Как увижу его, поговорю с ним, и мне становилось легче.

Когда Владыка умер, трудно передать, что творилось. Плакал весь Политехнический институт, все студенты приходили прощаться. Казахи плакали, а Азамат, которому он «Яву» подарил, рыдал навзрыд. Плакала молодежь, плакали все соседи. Все ездили на кладбище его хоронить.

Мы с мужем очень любили Владыку, мы обожали его. О нем много можно говорить, он, действительно, след о себе очень яркий оставил. Сморя на его портрет – как будто только вчера с ним расстались.

Мария Никитична Свинократова.

Однажды на Пасху мы детей потеряли. Исчезли дети – целая компания, они всегда на улице играли, а здесь – исчезли дети. Мы искали их по всей окрестности, а они у Де-душки были. Он им стол накрыл и конфетами, куличами угощал. И вот, они возвращаются, с кулками в руках, торжественные: «Мы у Алхилея были!» Владыка знал всех детей с нашей улицы и если у кого-то из них день рождения, он обязательно его поздравлял, ка-кой-то сувенир дарил. У нас в 18-м доме мальчик жил, он слабослышащий был, но вели-колепно рисовал и поступил в Художественную Академию. И Владыка подарил ему старинные книги, фолианты 18-го века по изобразительному искусству.

Если какой праздник церковный, он скажет об этом нам, но никогда никому своих идей не навязывал. Он говорил, что люди должны делать добро, быть благосклонными к ближним и снисходительно относиться к их недостаткам. И что меня поражало – он всегда всех по именам помнил – и детей, и взрослых. А собака его Джерри нянчил нашего Мишу. Он же огромный был. Одна такая собака была тогда на всю Алма-Ату. Джерри на задние лапы сядет, а передними Мишу держит, к себе прижмет, и морда у него такая до-вольная, будто улыбается. Мише было тогда два с половиной года.

Если везут Владыку на машине, а ты идешь, он приостановит машину, обязательно головой кивнет, поприветствует, никогда мимо не проедет. И даже иногда выйдет из машины, поговорит. Мы, как семья, тогда жили. Мы стоим на улице с детьми, он подъезжа-ет к дому, обязательно выйдет, поздоровается с нами, раскланяется. Я Мише говорю: «Поздоровайся с Дедушкой». – «Не Дедушка это, – Алхилей!»

Захар Иванович Самойленко, шофер владыки Иосифа, г. Алма-Ата.

Владыка труженик был бесподобный. Он не любил сидеть, он всегда что-то делал. Часто открывал домашнюю церковь: поставит аналой и долго стоит, молится. Я его спрашивал: «Владыка, как Вы можете столько времени стоять на кафедре?» – «Ничего, – отвечает, – лет 10 мучился, а потом привык».

Вот, мы с Владыкой уезжаем на службу, Лаван (Павел Никитич, он хотя и выпивал, но обязанности свои старался исполнять) дом натопит. Мы возвращаемся, дома тепло. Владыка весь мокрый, хоть выжимай. Я с него рясу снимаю, одеваю на него все сухое, готовлю ему кофе, жарю глазунью, стол накрываю, зову его к столу, а он: «Лавана зови». Лаван читает «Отче наш...», садимся за стол. «Что, Павел Никитич, пойдешь диаконом в Казанскую церковь?» – шутит Владыка. «Владыка, да Вы же меня выгоните. Болезнь, болезнь хроническая!» Так он и остался Лаваном. Но Владыка его уважал.

А иной раз приеду, чтобы везти Владыку на службу, возьму его за руку, чувствую – рука горячая, температура у него. «Владыка, Вам нельзя ехать, Вы больны». Он гонит меня: «Вон отсюда!» И продолжает собираться. Я не ухожу. В конце-концов соглашается: «Ну, ладно, Захар Иванович, пусть будет по-твоему. Вези врача». Еду за Ниной Алексеевной.

Всегда, что бы у меня ни случилось, я со всеми проблемами обращался к Владыке.

Мой сын с 9-го класса стал плохо учиться, пропускать занятия. Когда я приходил в школу, учителя на меня накидывались: «Ты что калечишь ребенка – в церкви работаешь!» Я – к Владыке: «Что делать?» – «Не беспокойся, – говорит, – наладим. Только пусть сын ко мне придет». Я привел сына к Владыке, он: «Сашенька! Как ты подрос! – будто сто лет его знает – И усы у тебя уже начинают расти!» Побеседовал с ним как надо, и с тех пор Саша наш другим стал. «Папа, – просит, – ты меня еще к Владыке своди». Владыка исцелил его

болячку и все наладилось. Ребята дразнят: «Твой отец попа возит!» – «Не попа, – отвечает, – а Архиерея!» Саша закончил школу, закончил институт. Я благодарен Владыке за сына.

Мой племянник заканчивал Политехнический институт, защищал дипломный проект. Но решил при этом схитрить – взял чужую работу и выдал ее за свою. Этот проект у него не приняли, а его самого отчислили из института. Для племянника начались мытарства – он пытался восстановиться в институт, обивал все пороги, но безуспешно. В институт его не восстанавливали.

Эту историю я рассказал Владыке. Но мне Владыка ничего не ответил. Тогда я своему племяннику говорю: «Приходи сам в воскресенье к Владыке. Он будет служить в соборе, после службы подойди под благословение». Племянник так и сделал. Владыка его благословил и сказал: «Все будет хорошо». Недели через полторы племянника вызвали в институт и допустили к сдаче экзаменов. И все в действительности закончилось хорошо.

Не только верующие, но, казалось бы, и далекие от Церкви люди были наслышаны о силе молитвы владыки Иосифа и обращались к нему за помощью. Такой случай однажды произошел.

Еду к Владыке. Обгоняет меня «Волга» и требует, чтобы я остановился, что я и делаю. Выходит из «Волги» человек, подходит к моей машине, садится рядом со мной, здоровается и просит: «Захарушка, поговори с Владыкой, чтобы в удобное время принял меня». Дает мне визитку: «Я до 18 часов буду у себя на работе, позвони мне».

Я приехал, рассказал Владыке, он сказал, что в 18 часов примет его. Я позвонил этому высокопоставленному лицу и сказал ему о времени приема.

Примерно через неделю по телефону вызывает меня к себе на работу этот товарищ и вручает пропуск на мою машину, который дает мне право ехать под любой запрещающий знак с неограниченной скоростью. И говорит: «Если когда-либо потребуется моя помощь, не стесняйся, заходи, всегда помогу. Владыке скажи, что Валера уже дома».

Я ничего не понял, спросить не решился, поблагодарил его и вышел.

А оказалось, что сын этого лица в нетрезвом состоянии серьезно набедокурил и ему грозило 5 лет тюрьмы. Сын сокрушался и раскаивался, но дело его уже лежало в Московской Прокуратуре. Куда только отец не обращался, но все было безрезультатно. Тогда, почти отчаявшись, он обратился к Владыке. Владыка сказал: «Надо молиться и все будет хорошо». И этот товарищ при встрече со мной, сказал, что он очень и очень благодарен Владыке за его помощь по отношению к сыну.

У нас с Владыкой было так заведено: я должен был каждый день звонить ему в 11 часов вечера, и он говорил мне в какое время я должен приехать на следующий день. Вечером 31 августа я позвонил, Владыка пожаловался, что плохо себя чувствует и велел мне приехать к нему завтра в 9 часов утра. Я приехал. Встречают меня Шура и гостивший у Владыки студент Духовной Семинарии Коля Лихоманов: «Владыку увезли в больницу». – «Куда? – спрашиваю, – в какую больницу?» Они ничего не знают: «Нина Алексеевна увезла». Я поехал в пункт «скорой помощи», узнал, куда увезли Владыку. Оказалось, в Центральную горбольницу (расположена на пересечении улиц Комсомольской и Сейфу-лина). Поехал туда. Приехал. Добился разрешения, чтобы меня пропустили к Владыке. Палата, где он находился, была на втором этаже. Владыка лежал на койке, одетый в подрясник. Я сел на койку рядом с ним. Он взял меня за руку: «Захар Иванович! – и слезы покатились. – Что мне делать? Как ты, благословляешь делать операцию?» – «Что Вы, – говорю, – Владыка, разве я могу благословлять на такое дело?» – «Ну, а как ты думаешь? Ведь в моем возрасте...» – «Где болит у Вас?» Он показывает. Я нажимаю: «Больно?» – «Сейчас не больно, мне укол сделали». – «Где Нина Алексеевна?» – «Бегает, переговаривается с врачами. Собирают консилиум, хотят меня прямо на операционный стол класть. Они же зарежут меня!»

Пришли врачи, стали его осматривать. Владыка меня не отпускает: «Побудь еще со мной». Осмотрели, ждут профессора. Пришла профессор, женщина, Нина Алексеевна с ней. Я

спрашиваю: «Нина Алексеевна, скажите, может, без операции можно обойтись?» – «Нет, без операции ничего не получится. А что Вы, собственно, боитесь?» – «Да что Вы! Возраст!» – «Ничего не поделаешь».

Ну, и все. Владыку срочно спускают на первый этаж в операционную. Когда его повезли, он мне так рукой помахал... Двери закрывают. Нина Алексеевна пошла наблюдать, как врач, а меня не пустили.

Операция шла больше часа. Я ждал. Со мной вместе ожидал окончания операции Коля Лихоманов. Из операционной вышли врачи, руки вытирают. Мы – к ним: «Скажите пожалуйста, как его состояние?» – «С нашей стороны сделано все, что можно. Теперь только будем надеяться на Него. Но – возраст – есть возраст...»

Владыку вывезли из операционной. Надо поднимать его на второй этаж. Нас с Колей просят: «Подсобите!» Помогли поднять и довести Владыку до реанимации. У Владыки трубки в носу, он глотает воздух, ему не хватает воздуха, наркоз стал отходить и – жажда, жажда, пить хочет. Но пить ему нельзя. Ему могли только смачивать губы. Завезли в реанимацию и все. Туда нам уже хода нет. После того, как Владыку завезли в реанимацию, я его не видел.

В эти дни я не выходил из больницы. Он часто был без сознания. Я всех спрашивал: «Там вот дедушка лежит, как он?» – «Ничего, отойдет, хорошо себя чувствует». Дочку мою (она заканчивала тогда медицинский институт), ночью, когда ушел медперсонал, пропустили в реанимацию. Она видела Владыку, он просил: «Наташенька, воды, воды».

Он прожил после операции три дня. Приходит дочка: «Папа, Владыка умер».

Я приехал на ЗИМе в больницу вместе с Колей Лихомановым. Забрали Владыку, привезли его на Минина и занесли в дом. Положили Владыку в зале на стол, возле его домашней церкви.. Собралось духовенство, отслужили первую панихиду.

Трудно было нам перенести эту утрату. 15 лет я проработал с Владыкой и как будто бы в раю был. Сейчас я вспоминаю о тех

годах, как о самом лучшем времени в моей жизни.

Евстолия Ивановна Лещева, г. Москва.

1965 год. После окончания Университета, я отрабатывала диплом в одной из средних школ на Северном Сахалине. Когда подходило к концу время моей работы на Сахалине, я решила поступать учиться в аспирантуру в г. Алма-Ате.

Чтобы взять на это благословение, я поехала в Караганду к старцу Севастиану. Старец благословил меня на поступление и сказал: «Всю дальнейшую твою судьбу решит Владыка». И когда, улетаю из Караганды обратно на Сахалин, я пришла попрощаться с Батюшкой, он мне вновь повторил: «В твоей жизни все будет решать Владыка. Всегда молись, молись, молись...».

Какой это Владыка, я тогда не знала, но через год все это стало исполняться. Приехав в Алма-Ату и поступив в аспирантуру, я пришла к владыке Иосифу. Это было в начале февраля 1967 года, когда старца Севастиана уже не было в живых.

Я довольно легко нашла улицу Минина, позвонила в калитку дома № 10. Дверь мне открыла тетя Шура и, задав обычные вопросы, проводила в дом. В прихожую вышел архиепiscop среднего роста и среднего телосложения. Он показался мне строгим и добрым одновременно. Это был владыка Иосиф.

– Кто Вы и откуда? – спросил он.

– Евстолия, духовная дочь покойного схиархимандрита Севастиана, – сказала я, совершенно для себя неожиданно.

– Проходите, садитесь, слушаю Вас.

– Владыка, я знаю, что монахи сало и мясо не едят, но мне родители прислали хорошее домашнее сало, возьмите, пожалуйста, у Вас же разные люди бывают.

– Спасибо, спасибо (разворачивает, улыбается), хорошее сало и с прослойкой! А я хотел Захара Ивановича на рынок за салом посылать. Чем занимаетесь?

– Аспирантка дневного отделения при Казахской Академии Наук.

– Похвально! Где живете?

– В аспирантском общежитии.

- Что закончили до аспирантуры?
- Университет.
- Похвально! Уже работали?
- Да. Три года в средней школе на Северном Сахалине.
- О! Похвально! ...А я окончил пять институтов!

Владыка поднимает немного вверх правую руку, сжимает и разжимает пальцы. Лицо его очень серьезное и немного грустное. Несколько раз он повторяет эту фразу. Потом посмотрел на часы и сказал:

– Десять минут мы с Вами разговаривали, для первой встречи достаточно, даже много. Приходите через месяц в 18 часов.

Пришла через месяц. Так же встречает в прихожей:

- Проходите, пожалуйста.
- Владыка, Вам передали пуховую шапочку. Холодно ведь.
- Спасибо. (Одевает). Вот, теперь я стал, как «книжник и фарисей!»

Заходит машинистка Татьяна Павловна. Владыка спрашивает, не знакома ли она со мной, та отрицательно качает головой. Владыка говорит:

- Это же Евстолия – духовная дочь Серафима Саровского!
- ??

Машинистка, не обратив на меня особого внимания, вышла. Владыка продолжает:

– Мать, всегда и во всем просите Серафима Саровского, я поручаю Вас его покрову.

(Через 2,5 года я обращусь со слезной молитвой к преподобному Серафиму и сразу же получу помощь от чудотворца).

Владыка пригласил в кабинет. Он прошел вперед, я за ним. Не успела войти, как он легко вскакивает на табурет, выпрямляется во весь рост, снимает с себя скуфью, бросает ее на пол и говорит:

- Мать, вон я (показывает на лежащую на полу скуфью). И вот я (указывает рукой себе в грудь). Вы поняли?
- Да, Владыка.
- Умейте всегда видеть себя со стороны.

Владыка садится на стул, задает мне еще несколько вопросов и вскоре прощается:

– Приходите также через месяц.

Шло время. Владыка благословлял меня приходить все чаще, чаще, и однажды сказал: «Приходите, когда хотите и на сколько хотите». И я ходила к Владыке 9 лет до дня его смерти.

Владыка был очень скромный, очень нетребовательный и старался все делать сам, старался, чтобы все было мирно, все было в любви и понимании. Бывало, от него не выходишь, а как будто летишь на крыльях. И думаешь: «Чего люди возятся, занимаются ка-кой-то ерундой, когда здесь такая красота – есть Владыка и все просто, ясно».

Со временем я стала узнавать Владыку больше. Можно было любой вопрос задать ему в уме, а ответ получить от него вслух. Когда прошло несколько лет нашего общения, я понимала каждое движение его головы.

Если сидят за столом много людей, и он говорит, допустим, про вас, а смотрит на меня, значит речь касается меня, но не вас, хотя говорит про вас. Если Владыка веселый, рассказывает о своей жизни, или устал и слегка ворчит, значит все в порядке. Если Владыка жалеет, старается дать гостинец – все, жди личных неприятностей. Так, однажды дал мне банку красной икры, которую в то время можно было достать только в ресторане за большие деньги. И вскоре после этого гостинца меня постигли большие неприятности.

Перед экзаменами приходили к Владыке студенты, неважно какой национальности, за благословением. И он вдобавок давал им по 3 рубля. У меня перед стипендией обычно тоже деньги заканчивались, и он обязательно какое-нибудь поручение даст – на почту сходить, или купить тете Шуре подарок. («Не думайте, – скажет, – что она старая, она – молодая! Купите такое, чтобы ей понравилось»). Даст деньги и сдачи остается ровно столько, сколько мне нужно, чтобы дожить до стипендии. И сдачу Владыка не брал: «Что вы, что вы!»

Захотелось мне отличиться и я связала Владыке свитер. Он принял, поблагодарил, но на нем этого свитера я никогда не видела – кому-то из студентов отдал. Тогда я взяла у матушки

Ольги старую его рубашку и по ее образцу сшила новую батистовую, и принесла. Так Владыка при мне ее надел, а старую я забрала себе и была наверху блаженства. Эту рубашку я бережно храню.

Владыка говорил: «Иногда благословляешь, как будто каждого на руки берешь и устаешь. А сегодня все было легко». (Какой-то в этот день был праздник). Говорил, что когда благословляешь, надо посмотреть человеку в глаза, чтобы было индивидуальное благословение.

За 9 лет близкого общения с владыкой Иосифом, ни разу не приходилось слышать, чтобы он обращался к кому-нибудь на «ты». Часто говорил: «Я – Авраам, вы – Ангелы». Просьба в любой форме: по телефону, в письме, или устно, в уме, всегда была им услышана и по возможности выполнена. Пришедшего за советом, старался разгрузить от греха, различными путями вызывая в просителе желание раскаяния и молитвы. Владыка Иосиф говорил: «Когда человек перед моими глазами, на лице его все написано. Я вижу, что за человек и знаю, что сказать. Я не боюсь никакого вопроса ни от кого. Если бы люди знали, как они прекрасны каждый в своей индивидуальности и в своем таланте и талантах».

Владыка Иосиф, это – как Евангелие. Читаешь, вроде, все знаешь, но опять что-то новое находишь. И свои рассказы он повторял не один раз, а все равно все слушали с интересом.

Владыка Иосиф – это Академия. Все нужно было запоминать, что он говорит, каждое слово. Или, вот, его проповеди – когда его слушаешь – все понятно, а когда хочешь пересказать, или записать – ничего не получается.

Много раз за чаем Владыка рассказывал о своем первом походе в Бельнический монастырь. Однажды, придя в общежитие, я записала его рассказ по памяти, напечатала на машинке и принесла ему. Он читал и плакал. Потом спрятал принесенный рассказ у себя на груди. Эту встречу в лесу владыки Арсения с владыкой Иосифом оба они, спустя много лет, будут вспоминать и удивляться. В свое время владыка Иосиф старался записывать то, что говорил и рассказывал

владыка Арсений, но ничего не сохранилось, все пропало при обысках.

Второй поход по этой же дороге в монастырь владыка Иосиф совершил после освобождения из своего первого заключения, вспоминая все подробности.

Владыка рассказывал, что в одном из лагерей, в туберкулезной больнице у него было послушание убирать и мыть плевательницы. И однажды он взял одну такую плевательницу и сказал: «Господи! Я держал в руках чашу с Пречистыми Твоими Дарами и причащал Ими народ. Но если Тебе угодно, что я держу эту туберкулезную плевательницу, пусть будет по-Твоему».

В годы заключения Владыке помогал Патриарх Пимен. Он был в то время в сане игумена и служил в Ростовской епархии. Он посылал Владыке посылки, куда, наряду с продуктами, клал табак. Это выручало Владыку. Уголовники за табак выполняли ту физическую работу, которую сам Владыка не мог осилить.

В 1969 году, осенью, будучи уже аспиранткой последнего курса и имея право на свободное посещение института, я пришла на Минина в начале рабочей недели, утром, что бывало не часто. Обычно я бывала там в выходные и праздничные дни, а если пропускала два выходных, то Владыка беспокоился и говорил: «Наша Коза, (так он прозвал меня) наверное, уехала в Караганду, или молча болеет».

Итак, я позвонила, калитку открыл сам Владыка, благословил и сказал: «Мать, езжайте сейчас на вокзал, берите билет на поезд до Караганды и ждите нас там. Я просил отца Стефана, чтобы мы тоже ехали поездом, но он не хочет, взял билет на самолет. А самолетом будем летать туда-сюда». Ответив Владыке: «Благословите», я поехала на вокзал, взяла билет и, не успев зайти и отпроситься в аспирантуре, сразу выехала в Карагаду. Владыка в этот же день должен был лететь самолетом. Поезд до Караганды идет ровно сутки, а самолет летит менее двух часов. Утром следующего дня, я приехала в Караганду, но Владыка с отцом Стефаном еще не прилетели. Действительно, самолет летал туда-сюда и прибыл в Караганду только во второй половине дня.

Был канун праздника Рождества Пресвятой Богородицы, а в Михайловской церкви Караганды – это престольный праздник. Владыка ехал на торжество и михайловские бо-гомольцы встречали его так же, как встречали Спасителя при Его входе в Иерусалим. Народ снимал одежды и стелил под ноги Старца-святителя. А Владыка шутил: «Что бы здесь покрасивее выбрать? Куда бы лучше наступить?»

Вечером Владыка в Большой Михайловке служил Всенощную. Перед «Свете Тихий...» Владыка выходит из алтаря, поднимает руки для благословения молящихся, все наклонили головы, а я смотрю на Владыку. И тут я увидела, как от него исходят огненные лучи, как молнии, разной длины, желтовато-белого цвета. Исходят кругом, от всего тела. Лучи как бы живые, одни гаснут, тут же появляются новые. А сам Владыка такой, каким изображают Господа на иконе «Вознесение Господня». На меня напал страх и я проплакала до конца службы.

В Караганде я остановилась у старицы монахини Агнии и придя после службы, рассказала о виденном. Она в ответ: «Да, владыка Иосиф святой».

Второй раз такие же лучи вокруг Владыки я видела в декабре 1970 года. В Алма-Ате, в Никольском Кафедральном соборе, когда Владыка на Литургии благословлял народ со словами: «И да будут милости Великого Господа и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами».

Разница в том, что в Караганде это сияние было мощнее, чем в Алма-Ате. Сияние длилось только во время благословения, потом исчезало. Создавалось впечатление, что эти лучи можно потрогать и не обжечься.

Обычно в Алма-Ате Владыка каждый вечер парил и массажировал ноги. А здесь, в Караганде, прошло уже три дня, а он не получал этой простой лечебной процедуры. Я не выдержала и сказала об этом. Быстро принесли в архиерейский дом таз с горячей водой, попарили Владыке ноги, спрашивают: «Что теперь делать с этой водой?» Я вспоминаю, что монахиня Ольга (ризничная в Алма-Ате) этой водой умывается и говорит, что головная боль проходит. «У нас, – говорю, – умываются ею для исцеления». Таз быстро подхватили и унесли в сторожку, где

несколько женщин готовили праздничный обед. Вдруг одна из них, страдавшая беснованием, раскричалась не своим голосом: «Я вам покажу!» И в бешенстве начинает расплескивать воду из таза. Присутствующие отбивают у нее таз и мгновенно разбирают воду.

Из Караганды возвращаемся вместе самолетом. Владыка заходит в самолет последним. Пассажиры при виде его радуются, уверенные в благополучном полете. Я стараюсь держаться поближе к Владыке. Сели в самом хвосте самолета. Вдруг он толкает меня: «Глянь, глянь, глянь!» Я смотрю – мулла казахский между кресел, как перочинный нож, складывается, кланяется Владыке, улыбается. И Владыка поклонился ему с таким достоинством, по-генеральски.

Прилетели в Алма-Ату поздно вечером. Отца Стефана и других встретил шофер. А водитель архиерейского ЗИМа Захар Иванович перепутал рейс и не встретил Владыку. Владыка, в силу своей прозорливости, уже знает, что Захар Иванович его не встречает, и как только мы вышли из самолета, говорит: «Идите, мать, найдите такси. Скажите таксисту, что у меня там дедушка с вещами, помогите сесть в такси, мы хорошо заплатим». Я быстро нашла такси, подходим с водителем к Владыке. Все, сопровождавшие его в поездке, уже уехали. Мне очень странно, почему все уехали, не проводив Владыку? При виде нас от Владыки отошел хорошо одетый незнакомый мужчина. Забираем вещи, садимся в такси, Владыка ворчит: «Захар Иванович не встретил, а агент Вохменина встретил!» Приехали на Минина, водитель доволен оплатой. Владыка, очень уставший, идет домой. Я не рискнула брать благословения и, несколько волнуясь, как покажусь завтра в аспирантуре после четырехдневного отсутствия, поехала в общежитие. С дороги, тоже уставшая, уснула глубоким сном. Во сне приснился Владыка и благословил меня. Утром спокойно пришла в аспирантуру и никаких проблем не возникло.

Рассказывал сам владыка Иосиф. Год не помню. Он, подобно митрополиту Николаю, летел из Алма-Аты в Москву на заседание сессии Священного Синода. Самолет начал снижение на посадку, но шасси не срабатывает. Самолет делает круги,

пока есть бензин, аэропорт готовится к аварийной ситуации. Владыка Иосиф смотрит в иллюминатор и видит, что шасси не выходит из своего ложа. Он пламенно молится. Время идет, бензин кончается, пассажиры начинают догадываться и проявляют беспокойство, а Владыка продолжает горячо молиться. И вдруг – молитва услышана, шасси выбрасывается, самолет мягко совершает посадку.

На обратном пути в Алма-Ату сосед Владыки по креслу в салоне самолета – военный средних лет. Владыка – в рясе, с панагией. После некоторых колебаний военный шепчет на ухо Владыке: «Скажите, епископ, а Бог есть?» Владыка отвечает быстро и кратко: «Если бы Бога не было, то не было бы предела беззакониям. Бог нас сдерживает, терпит, вразумляет. А если бы Бога не было, знаете, что бы мы натворили?». Военный был поражен таким ответом и признается, что он работает на химическое вооружение, т. е. на войну и убийство, а у него есть любимая жена, ребенок... В конце полета военный просит за него помолиться, хотя он, как и остальные члены его семьи, не крещеный...

Когда Владыка рассказывал эту историю, он плакал, называя всю семью по именам и говорил, что в прошедшую ночь со слезами за них молился...

Однажды вечером, после работы, я пришла на Минина, 10. Владыка был дома один и топил печь. По его лицу я поняла, что пришла не вовремя. Но Владыка быстро справился со своим недовольством и сказал: «Я не хотел бы, чтобы вы видели меня за этой работой. Но раз вы пришли и видите, значит это войдет в историю». Владыка показал мне свои узловатые запачканные руки и продолжал говорить: «Все, чего я достиг в жизни, я сделал вот этими руками».

В другой раз, когда я пришла к нему, он сказал: «Я вчера так замерз, налил ванну, согрелся, и уснул в ванне». Я разволновалась – старый человек уснул в ванне! Старый Архиерей и живет в доме один! Неужели он недостоин помощника?! И вскоре Владыка взял себе в келейники Вячеслава. Он проникся к нему такой любовью, что создал ему все условия для получения всестороннего домашнего

образования. Владыка нанимал для этого учителей, он желал, чтобы Вячеслав как бы повторил его собственный путь и относился к нему так же, как в свое время к нему относился владыка Арсений. Он также очень рано постриг Вячеслава в монашество и рукоположил во иеродиакона. У отца Вячеслава был хороший голос, его возили прослушиваться в консерваторию. Владыка купил пианино и нанял учительницу музыки. Но здесь у отца Вячеслава нагрянула первая любовь к этой учительнице. Сколько было страданий! Потом отец Вячеслав стал продавать книги из владыкиной библиотеки. Владыке тут же об этом стало известно. Владыка очень тяжело все это переживал и как-то сказал: «Он будет плясать в ансамбле, а потом умрет под забором никому не нужный, причем очень рано». Это я сама слышала. И отец Вячеслав это слышал и говорил: «Опять пророчества про меня». В конце-концов, отец Вячеслав ушел от Владыки, отошел от Церкви, надеясь собственными силами устроить свою жизнь в миру. Для Владыки это было тяжелым ударом, добавилась еще одна рана на его сердце. Он очень переживал за своего келейника.

Владыке предлагали патриаршество. Владыка очень переживал тогда, волновался. У него было в обычае – когда он затруднялся принять какое-нибудь решение, то спрашивал об этом предмете у своих домашних, или у детей. Как-то я пришла, и он сразу ко мне с вопросом: «Меня в Патриархи зовут. Как ты думаешь, мать, принимать мне это предложение или нет? А то меня зовут в Патриархи, а там ведь Пимен уже куколь себе сшил». Я отвечаю: «Нет, не надо. Это очень трудно, Владыка. У Вас своих 16 областей, хватит Вам заботы. Оставайтесь здесь». А потом, помню, в тот же день он продолжил эту тему и сказал: «Патриарх – свое, Синод – свое, а Правительство – свое. Это очень трудно». И рассказал, как однажды, на заседании Священного Синода, временным членом которого он был назначен, присутствующие никак не могли прийти к единому мнению по какому-то вопросу (по какому – Владыка не назвал). «И я, – говорит – вижу, что происходит говорильня и высказывать свое мнение просто бесполезно, меня не поймут и не поддержат. И когда меня спросили что я думаю в связи с этим, я, чтобы

никого не обидеть, смиренно попросил у присутствующих прощения и сказал: «Простите, я вычитывал правило и не слышал вопроса споров».

И здесь, когда Владыке предлагали Патриаршество, он смиренно говорил о себе: «Я – не книжный. Руки не подадут на Западе».

Все свои беды несла к Владыке. Однажды поссорилась на работе с начальством: на меня накричали, я обиделась и расплакалась. Вечером пришла к Владыке. Еще сказать ничего не успела, он: «Вот, – говорит, – в Караганде, Веру малую обидела Вера старая. (Там две Веры в Караганде были – Вера малая и Вера старая). И Вера малая пошла на могилку старца Севастиана, наплакалась там и успокоилась». А у Владыки, как я уже говорила, такая манера была – если он говорит о ком-то другом, а на тебя смотрит, значит речь идет о тебе. И здесь, говорит про Веру, а имеет в виду меня. Та – к старцу Севастиану пришла жаловаться, а я пришла к Владыке. И он эту историю рассказывает, а сам церковь свою домашнюю открывает, молится, благословляет меня, ничего больше не говорит. И я, ничего не сказав ему, успокоенная, ухожу от него домой.

В другой раз Владыка хотел меня выдать замуж за будущего священника, сделать матушкой. Сначала предлагал мне выйти за Александра, которого я никогда в глаза не видела. Я согласилась и уже купила белого шелка на свадебное платье. Но матушка Агния не пропустила. Я приезжаю в Караганду: «Чего это вы тут меня замуж не пускаете?» Карагандинцы говорят: «Будешь матушкой, но не попадъей». А матушка Агния мне открыто сказала, что у меня здоровья нет для этой цели. А я думаю: «Как это нет? Я сильная и здоровая до невозможности». Но примерно года через два я стала болеть, начались сосудистые нарушения. А Владыка шутил: «Вот, карагандинское ЦРУ не пропускает». А я отвечаю: «Нет, не ЦРУ, а Центральный Телетайпный Зал». Он смеялся. И, наконец, второго жениха мне нашел и говорит: «Езжайте к матери Агнии за благословением». Но когда я этого жениха увидела, то уже сама сказала: «Нет, не согласна». Если за первого, не видев его, согласилась, и ничего из этого не вышло, то за второго, увидев, не пошла. И все,

больше Владыка со мной на эти темы не разговаривал. И белый шелк, купленный на платье, я подарила Владыке для наметки, когда ему дали сан митрополита. Потом матушка Ольга ризничная говорила, что Владыка просто меня испытывал, потому что дури в голове было много. Может быть, и так.

28 марта 1974 год. Владыка принимает гостей и, развлекая их, одновременно внутренне напряженно молится. Об этом говорит его усталый вид и надтреснутый голос. Владыка мысленно обращается к Симеону Верхотурскому и Святителю Николаю. Со слезами на глазах он сказал за чаем, подняв руки к иконе: «Праведный Симеоне! Если человек достоин, помоги устроить его и уговори Вохменина. Если нет – то все разруши!» Молился Владыка о ставленнике, который в это время был в Горисполкоме на приеме у Вохмени-на. Через два часа раздался телефонный звонок. Владыка, еще не подойдя к телефону, сказал: «Приняли! Услышана молитва! Это чудо! Вы свидетели!» И поднял трубку. Звонил Вохменин. Он подтвердил слова Владыки. Владыка поблагодарил, повесил трубку. Голос его окреп, на глазах слезы.

1975 год. На 25 июля (ст. ст.) Владыка видит сон, который записал на листе бумаги: «Весьма высокая черноземная гора. Посредине этой горы простая телега, на которую Святейший Пимен лопатой набрасывает землю, будучи в бархатной черной мантии и двумя кругами вместо херувимов. Я поднялся поближе к телеге, смотрел, и оба молчали. Проснулся! Бог весть!»

29 августа, воскресенье, 1975 год. Утром Владыка не служил, благословил прийти к нему в гости в 8 часов утра. Нас было трое: два Николая (один келейник, другой студент из Москвы) и я. В доме прохладно, Владыка был тепло одет. Несколько раз сажались пить чай, плотно обедали.

Владыка был тихий, умиротворенный и как бы хотел впитать в себя все наши беды, и навсегда защитить нас ото всех скорбей. После очередного чаепития все вместе мы расположились в зале. Все молчали. Владыка сказал вдруг тихим, проникновенным голосом: «Я молюсь за всех, кто бывает здесь, кого я знаю, с кем общался в течении жизни, за тех, кто живет в

России, и кто живет за границей, за тех, кого уже нет, молюсь за всех в обще-союзном, глобальном масштабе».

К концу дня, мы спокойные, обласканные теплом и вниманием Владыки, распрощаемся. Ночью Владыке станет плохо, его увезут в больницу, где он попадет на операцион-ный стол...

Примерно за месяц до своего отшествия Владыка дал Вере Павловне парчу и сказал, чтобы ею обили его гроб.

Через несколько дней ко мне приедет келейник Владыки Николай Карпов и скажет: «Владыку больше не увидите». Мы сядем в машину, приедем на Минина, 10, и я буду присутствовать при том, как привезут из больницы тело Владыки и на руках занесут его в дом. Я навсегда запомню скорбное лицо регента Бориса Матвеевича и трепещущего от волнения отца Стефана, который через несколько минут скажет мне: «Евстолия, накрой на стол». И в первый раз во Владыкином доме я буду одна накрывать на стол, кормить всех присутствующих и стараться не потерять сознания от нестерпимой внутренней боли и горечи утраты.

Есть у меня фотография владыки Иосифа. Он в белом клобуке, на обратной стороне надпись: «Чернов никогда и нигде не плакал, хотя вокруг него рыдали». Эту надпись сделал епископ Ташкентский Ворфоломей.

Еще о прозорливости Владыки.

Владыка меня предупреждал: «Мать, берегись, скоро вас «бабушкой» назовут. Через 3 года после кончины владыки Иосифа я шла по тихой пустынной улице г. Белгорода, а незнакомая 3-летняя девочка бежала за мной и кричала: «Бабушка, я к тебе на ручки хочу!» Поняв, что ребенок обращается ко мне (никого на улице не было), я онемела. Подоспевшая мать с трудом оторвала девочку от меня. Мне было 38 лет.

Игумен Николай (Карпов), г. Щучинск.

О митрополите Иосифе я впервые услышал от Карагандинской старицы монахини Агнии (Стародубцевой), с которой познакомился в 1973 году. Я был тогда совсем светский человек, невоцерковленный и приехал с ней ругаться (это касалось моей личной жизни). И так получилось, что при общении с матушкой все переменялось в моей жизни и умиралась моя душа. Это была старушка под 90 лет, но с такими чистыми, ясными, голубыми глазами. Казалось, что может знать бабушка, которая нигде не училась, жила с четырнадцати лет в монастыре, и что она может рассуждать о жизни? И тем не менее, на все мои вопросы она давала такие ответы, что и образованный человек не сможет так ответить, как отвечала она.

Матушка хотела, чтобы я съездил в Алма-Ату, познакомился с Владыкой Иосифом. «У нас, – говорила она, – прекрасный Владыка». Матушка к нему тепло относилась, и он ее очень почитал, и когда приезжал в Караганду, всегда посещал ее. Но у меня появилось большое доверие и расположение к матушке, и я говорил ей: «Мне достаточно того, что я знаю Вас, других мне, в общем-то, не нужно». И до армии мне так и не удалось познакомиться с Владыкой.

В армии я служил всего год, а когда демобилизовался, решил ехать в Загорск поступать в Семинарию. Сразу же, не получив паспорт, поехал в Караганду взять у матушки благословение на учебу. В это время у нее гостила приехавшая из Алма-Аты знакомая владыки Иосифа Евстолия Ивановна Лещева. И матушка за нее ухватилась: «Вот, она едет в Алма-Ату, и вы с ней вместе поезжайте к Владыке. Поезжайте, поезжайте!» Деваться было некуда, раз матушка меня туда отправляет, и я поехал.

Владыка принял меня очень хорошо. Я увидел перед собой старца в обычном подрясничке, в фуфайке. Я не мог сравнить этого митрополита с другими митрополитами, я еще митрополитов никогда не видел. Я встретил внимательный взгляд Владыки, который сразу хотел понять, что за человек к нему пришел. Я был уже много наслышан о нем, поэтому тоже

внимательно смотрел на этого старца, к которому так благоговейно относилась мать Агния. Он был немного возбужден (впоследствии я узнал тому причину – от Владыки собирался уходить его келейник).

Владыка пригласил меня к столу, я стал отказываться, сказал, что недавно ел. Владыка стал перечислять все то, что дала мне матушка Агния в дорогу, а в конце сделал вывод, что я все-таки голоден, взял за руку и потащил меня в столовую. За ужином Владыка обо всем меня расспрашивал и сам же рассказал мне всю мою биографию.

Я погостил у Владыки несколько дней, а когда уезжал, он спросил: «Может, ты ко мне еще приедешь?» – «Как Господь, говорю, – может, еще приеду когда-нибудь».

Я поехал домой в Челябинск, получил паспорт и снова приехал в Караганду к ма-тушке с намерением сразу оттуда ехать в Москву.

Только приехал туда (это было в 10 часов утра), заходит Валя Веретенникова и так странно на меня смотрит. А она незадолго до меня была у матушки, потом пошла на переговорный пункт звонить Владыке по каким-то делам, а он спрашивает: «Где там этот, который у матушки находится? – Как-то странно он выразился – Где он там? Пусть ко мне приезжает, мне он очень нужен». А Валя говорит: «Его нет, он уехал давно на Урал, я только от матушки, нет его там». – «Да там он, там. И скажи матушке – пусть посылает его ко мне». И вот она заходит и глаза вытаращила – я сижу у матушки и пью чай. И передает матушке, что Владыка просит меня приехать. «Ну, Божественный промысел что-то меняет, – говорит матушка, – и вам придется ехать в Алма-Ату». Я настроился в Загорск, а тут – в Алма-Ату, то одно, то другое. «Ну, как благословите, матушка, так пусть оно и будет», – сказал я и через два дня был уже в Алма-Ате у Владыки.

Владыка был очень расстроен, от него ушел келейник. Мы не виделись малое время, а он выглядел уже ветхим старцем. Он сильно переживал, по-видимому. Владыка сказал: «Поживите у меня». И я жил у него девять месяцев до дня его кончины.

В церковной среде я был человек новый и не понимал еще, что значит быть келейником у архиерея. Для меня было непривычно просто жить у Владыки и нигде не работая. Поэтому я сразу попросился у Владыки на светскую работу и устроился в Научно-Исследовательский Институт.

Владыка вставал в половине шестого утра, быстро молился, и начинал готовить завтрак сторожу и мне, а сам пил кофе. Впоследствии завтрак готовил я, но он всегда старался хоть чем-нибудь помочь. А если я не давал ему ничего делать, он сердился и отправлял меня или молиться, или собираться на работу. В 8–30 я уходил на работу, а он всегда благословлял меня и провожал до калитки.

С работы я приходил в 5 часов вечера, и к этому времени Владыка старался освободиться от посетителей. Он сам накрывал на стол и ждал меня. И, так бывало, что я захожу в дом, а передо мной, как в «Аленьком цветочке» – одна дверь сама собой открывается, за ней – другая, а никого нет. Владыка за деревьями стоит, смотрит, как я его ищу, улыбается. Но обычно, только позвоню, и сразу слышу, как он по-стариковски шаркает своими «катами» по асфальту, спешит открыть калитку.

Когда я садился кушать, он мне все новости прошедшего дня рассказывал, кого встречал, кого провожал, на кого накричал, не сдержался в силу своей горячности, и сокрушался, что не сдержался. Вообще, он был прост и естественен, как ребенок. Если, бывало, принесут ему какую-нибудь интересную вещичку, книгу, или по телевизору мультфильмы показывают, он мог радоваться и хлопать в ладоши. Хотя, когда надо, мог вести себя очень тонко, умно и деликатно.

Очень любил всех принимать, особенно приезжавших из Семинарии ребят-семинаристов. Всегда их угощал всем самым лучшим, что имел, и никогда не жалел деньги на продукты. И всегда давал им деньги на обратную дорогу. Он мне говорил, что владыка Арсений и назвал его при постриге в честь Иосифа Прекрасного, чтобы он всех кормил. Он так же высылал деньги некоторым старушкам и говорил, что умирать ему нельзя, потому что он их кормит. И вообще, деньги не считал. Он говорил: «Думаю, за что, за что, а за деньги мне отвечать не придется.

Может, потому у меня к ним пристрастия нет, что их у меня всегда много было».

Владыка каждому хотел послужить, и каждый чувствовал, что именно к нему у Владыки не просто «общечеловеческое» отношение, а личная любовь, что вот лично его Владыка любит, уважает. Это чувство возникло потому что в момент общения с Владыкой душа его была отдана полностью только тебе.

Он говорил: «Я уже последний здесь архиерей». Действительно, он всех встречал, всех провожал, всех кормил. И я был свидетелем тому, и, как мог, немножко ему помогал. Был такой случай. Как-то мы засиделись с гостями допоздна, часов до 11-и вечера. Владыка очень любил рассказывать, и все с удовольствием его слушали. Кончился ужин, все встали, ушли по домам, и остался целый стол грязной посуды. Владыка и меня провожает, а сам надевает фартук, и начинает мыть посуду. Я вижу – трудно ему – старец, его просто шатает от усталости из стороны в сторону. Я говорю: «Владыка, Вы идите, отдыхайте, я сам все уберу». А он: «А ты не обидишься?» Он считал, что это его обязанность, что он должен после всех нас убирать.

Он не брезговал никакой работой. Как-то утром я замочил свое белье и оставил в ванной комнате. Думаю: приду с работы – постираю. А когда пришел, Шура, повариха, стала меня ругать. Оказывается, Владыка заметил замоченное белье и стал его стирать. Правда, это увидела Татьяна Павловна и достирала белье сама.

В Кокчетаве, где Владыка находился на поселении, он был нянкой в многодетной казахской семье. Он нянчил маленького мальчика, который обращался к нему: «Ата, ата!» – дедушка. Этот маленький, когда вырос, учился в институте, и я видел, он приезжал к Владыке. Владыка его хорошо принимал, садился с ним вместе обедать в своей гостинице. И он ему давал денежки. «Вот, – говорил Владыка, – я его иногда приглашаю, потому что – студент, бедная семья, а здесь он и покушает, и я немножко ему помогу...»

О великом смирении митрополита Иосифа можно еще такой случай рассказать. Это произошло почти сразу, как только я стал жить у него на послушании. Климат Урала резко отличается от

климата Алма-Аты, а так как у меня было пониженное давление, то частые перепады атмосферного давления в Алма-Ате оказывали на меня свое воздействие – у меня начались головные боли.

Как-то я пришел с работы и стал жаловаться:

– Владыка, у меня здесь голова раскалывается, давление понижается.

А он, по-видимому, подумал, что я хочу уехать от него. И Владыка погорячился.

– Вот, – говорит, – и ты меня бросаешь! Убегай, уезжай в свой поселок, или куда там!

– Владыка, – говорю, – да я от Вас не собираюсь никуда бежать! Я просто говорю, что у меня голова страшно болит!

Но Владыка снова:

– Ты меня бросаешь!

Я говорю:

– Владыка, Вы ошибаетесь!

Это было уже в десятом часу вечера. Мы попили чай, и я пошел спать.

Я лег, но сон не шел ко мне. Неприятно было на душе. Не могу уснуть, ворочаюсь. Слышу, как часы в его кабинете бьют. Уже час пробило, а сна нет, будто что-то давит, душит обида на Владыку.

И вот, слышу, дверь открывается, входит Владыка и – бах! – на колени передо мной:

– Ты меня прости, я тебя обидел!

Встал и ушел. Ничего больше не сказал. А я оторопел, не ожидал такого.

И все. Буквально через 5 минут я уснул, как будто ничего не было, вся тяжесть с меня скатилась. Владыкина келья находилась за стенкой от моей, и, он видимо, чувствовал мои муки. Не знаю, сам он спал, или нет, но тихо зашел и упал на колени у кровати. Вот такие моменты.

О прозорливости Владыки могу еще такой случай рассказать. Однажды я был в командировке. Надо сказать, что Владыка очень не хотел, чтобы я ездил в командировки, потому что с ним рядом никого не оставалось, кроме сторожа Павла

Никитича, которого Владыка прозвал Лаваном. Но он был всегда выпивши. А поскольку Владыке было предсказано, что он умрет от ножа, то он еще и немножко побаивался, и всегда сам ходил проверять, все ли двери заперты на запоры. И поэтому, когда я уезжал, а он оставался один с Павлом Никитичем, он опасался, чисто по-человечески, что кто-то может залезть и зарезать его.

А тогда я улетал в Актюбинск на 5 дней.

Я прилетел из Актюбинска в Алма-Ату, самолет приземлился в половине второго ночи. До дома Владыки я добрался только в 4 часа утра. Было лето, погода стояла теплая, начинало светать. А Владыка обычно поздно ложился спать, в 2 часа ночи – молился, или читал литературу. Я думаю: «Владыка только уснул, я позвоню – Павел Никитич, конечно, не услышит звонка, я только разбужу Владыку. Посижу, – думаю, – часов до 6 на лавочке, а в 6 утра выйдет Павел Никитич двор подметать и меня запустит». И только я подхожу к калитке – бах! – калитка открывается, Владыка стоит: «Проходи» – говорит. «Владыка, – говорю, – да как же Вы здесь, почему?!» – «Да вот, – отвечает, – мне приснилось, что ты приехал. Павла Никитича крикнул, он что-то не ответил, и я решил сам выйти».

Утром, когда я уже отдохнул, Владыка начинает спрашивать меня: «Ну, как слетали, что там?» Я рассказал ему о работе, что все благополучно. «Слушай, – говорит Владыка, – а как твой товарищ? Как он долетел?»

А я летал в командировку вместе со своим сослуживцем, молодым парнем-казахом. Парень этот любил выпить, и когда мы ночью в Актюбинском аэропорту ожидали регистрацию рейса, он один раз сходил в буфет, потом другой, третий... Когда объявили регистрацию, он был уже крепко навеселе. Но регистрацию мы с ним прошли и подходим уже к самолету, на трап надо подниматься, я подал свой билет и пошел ... и здесь оказалось, что билет моего спутника исчез, и в самолет его не пускают. Я подтверждаю, что билет у него был, что мы прошли регистрацию, что мы летим вместе. Но все равно отвечают: «Ничего не знаем, билета нет – отходите в сторону». А ветер в аэропорту дул очень сильный, прямо с ног валил, и искать билет было бесполезно. Я немного подождал и со спокойной совестью

поднялся по трапу в самолет. Я улетел в Алма-Ату, а он остался в Актюбинске.

И когда Владыка сам спросил о моем товарище, я ему сказал: «Владыка, Вы знаете, вот так и так получилось, он остался в аэропорту». «А у тебя, – спрашивает – деньги были?» – «Да вроде – говорю – были». – «И ты ему не дал?!» – «Нет – говорю, – не дал, по-тому что он выпивает». И так Владыка разгорячился: «Как так? Почему же ты ему не дал?! Без денег оставил! Что же он будет делать?!»

Я таким раздраженным Владыку больше никогда не видел. Ведь я-то как рассуждал: если бы это был мой брат родной, то я бы, может, и свой билет бросил, и с ним остался. Или вывернул бы все свои карманы – на вот последнее. А здесь – алкоголик, к тому же – казах, он никто для меня, и я со спокойной душой полетел – он сам виноват. А Владыка не терпел равнодушия. Для него – казах – не казах, верующий – не верующий, в таких случаях не имело значения. Если ты мог помочь и не помог – ты уже не человек. И это меня тогда тоже удивило. Я понял, что я согрешил, поступил не по-христиански.

В другой раз я наблюдал, как машинистка, работавшая в епархии, по-видимому, к кому-то проявила безразличие, и Владыка тоже очень горячо ей это высказывал. Это единственное, что Владыку всегда выводило из себя. Он мог терпеть все, что угодно. Если бы, допустим, кто-то что-то украл, или другой грех совершил, он мог сказать спокойно, или даже пошутить. Но когда видел у человека такое отношение к другому человеку, он этого уже не терпел. Он не терпел эгоизма. Это характерная его черта.

И еще могу сказать. Шофер Владыки Захар Иванович так говорил: «Да... у этого Владыки рубль не утаишь!» Владыка ничего не закрывал, но всегда знал – кто и что притаил, и обличал таковых. А однажды, уезжая в Караганду, он мне сказал: «Вот, оставляю тебе ключи и свое сердце».

Удивительный человек! Вот эти события, все они из ряда вон выходящие, не могут совершиться с человеком, если не Дух Святой подсказывает, движет им. Это просто невозможно без особой помощи благодати Божией отдавать всего себя на

служение ближнему. Простому, мирскому человеку это невозможно, потому что здесь всегда присутствует свое – своя семья, свое имя. А у этого человека ничего своего личного уже не было.

Эти люди, Владыка Иосиф и мать Агния, имеют такое свойство – просто взять душу человека в свои руки, и уже все, человек вольно-невольно изменяется, преображается. Они имеют способность благодатного воздействия на душу другого человека. Когда у человека какие-то тяготы душевные, человек возбужден, что-то ищет в жизни и вот попадает к этим людям, и сразу успокаивается, сразу чувствует, что он нашел то, что искал. Такое свойство было и у матери Агнии, и у Владыки Иосифа, и это очень ярко проявлялось. Вот и со мной то же. Я не знал, как мне жить, куда себя направить, и увидел мать Агнию, увидел ее добрые дела и хотелось брать с нее пример, подражать ей в чем-то, хотя в то время я был далек от церкви. И Владыка Иосиф – то же самое, он взял меня в свои руки.

Владыка Иосиф и мать Агния – это были два человека, которые очень сильно уважали друг друга. Как-то я собирался от Владыки съездить на несколько дней к матушке в Караганду. А он в то время говорил со мной о монашестве: «Я, – говорит, – тебя постригу, дам документ, но откроется это только после моей кончины». Я отказывался, считал, что монашество не для меня, не по моим силам. А он подумал, наверное, что я просто не хочу от него принимать постриг и говорит: «Ну, ладно, не хочешь от меня, пусть тебя пострижет мать Агния. Иди, она это сделает, а я заверю своей рукой». Я тоже отказался от этого. Хотя я не знаю до сих пор, имеют ли право монахини постригать в монахи, но вот такое благословение у меня было.

Мать Агния предсказывала Владыке, что ему будет предложено патриаршество. Она говорила об этом иносказательно, но Владыка сразу ей сказал: «Матушка, замолчите, иначе я Вас отлучу от Церкви». И Владыка, действительно, впоследствии имел предложение баллотироваться на пост Патриарха, но он от этого отказался.

Владыка рассказывал, как несколько раз он был под смертью. В первый раз, когда был еще мальчиком и жил в

Белоруссии. Шли они с братом через кладбище, а кладбище большое было и вдоль него стена высокая, а за стеной какой-то заводик. «И вот, – рассказывал Владыка, – мы идем по этому кладбищу, стемнело уже, и – раз! – двое мужчин перебросили через забор два мешка чем-то набитых. И здесь заметили, что мы видим, как они воруют. И один другому говорит: «Режь их!» И кинулись на нас. А мы, как мыши, в разные стороны побежали. Я летел, сломя голову, не помня себя от страха, думал, что догонят и убьют. Прибежал домой, за печку забрался, весь трясусь и руки-ноги у меня прямо отнимаются. Я очень напуган был в тот момент».

Другой раз где-то на Севере в заключении на стройке рядом с Владыкой упали металлические трубы, но он остался невредим.

Третий и четвертый раз – на Рождество 1943 года в Умани немцы расстреливали заключенных, Владыку спасли его иподиаконы, они подкупили охранника, и он спрятал Владыку в дальнюю камеру. А когда наши войска пришли, подняли архивные документы, а там – списки расстрелянных и напротив фамилии Владыки помечено, что он тоже расстрелян. А Владыка жив. И решили, что немцы оставили его, как шпиона. Вызывают его на допрос и сразу напрямую:

– Иван Михайлович, выкладывайте, с каким заданием Вы здесь оставлены?

А он:

– Никакого задания никто мне не давал.

– Тогда объясните, почему Вы живы? Вот видите, – показывают списки, – вот здесь Иванов, Петров, Сидоров – все зачеркнуты, все они мертвые. Вот Ваша фамилия тоже вычеркнута, но Вы один живы. Объясните, почему?

Он-то знал, почему остался жив, но как объяснить, кто поверит?

– Ну, жив, как видите, жив – и все.

Так тянулось следствие, в течении нескольких месяцев шли допросы. Потом повезли его на машине к шахтам, высадили, строй солдат перед ним поставили.

– Ваше последнее слово, – говорят.

– Мне нечего сказать, – ответил Владыка и запел: «Верую во Единого Бога Отца...»

Но стрелять не стали. А он уже все, распрощался с жизнью. Это был один из видов пытки или допроса. Владыку осудили на 10 лет лагерей.

От Владыки мне досталась чудотворная икона Иверской Божией Матери, которая была написана на Афоне, и в то время, когда он принимал монашество, была привезена монахами с Афона в Таганрог и подарена ему в день пострига. И Владыка говорил, что эта икона всегда была с ним. Маленькая такая икона, Владыка сделал к ней киотик. И она каким-то образом прошла с ним по тюрьмам. Он говорил: «Эта икона всегда, постоянно была со мною».

Он рассказывал о чуде, которое испытал от этой иконы. Однажды, когда Владыка находился в одном из лагерей, он подвергся страшному духу уныния, такое сильное было искушение (ведь чем выше подвиг, тем больше искушает враг), такая богооставленность, что он был уже не в состоянии ни молиться, ни физически что-то делать. Единственное, что он мог – это стоять и смотреть тупым таким взглядом на икону. «Стою – го-ворил он, – возле этой иконы, как чурбан, одеревенелый, молиться не могу, просто стою и неосмысленно смотрю на икону. И в один момент, когда я так стоял, эта икона начала плакать. Смотрю – капли каплют, каплют слезки. У меня все оцепенение сразу прошло, я весь содрогнулся, дрожь прошла по телу. И после этого чуда уныние прошло, я снова мог молиться, благодарить Бога. И я вошел в нормальное состояние».

«Поверь мне – говорил Владыка, – я уже не сегодня-завтра умру, у меня нет желания что-то преувеличивать, я тебе говорю так вот – душа к душе, один-на-один, без свидетелей об этом чуде, которое я испытал».

Когда незадолго до кончины Владыка дарил мне эту икону, он сказал: «Это будет Ваша семейная почитаемая икона».

Я не знаю, кто был у Владыки духовником, но он мне всегда говорил: «Я исповедуюсь у самого старого». Я также не знаю, кто предсказывал Владыке, что он умрет от ножа. Просто об этом он как-то намекал в разговоре. И он очень опасался – раз

такое предсказание есть, то оно исполнится. Не один раз бывало, что если кто-то внезапно приходил к Владыке, он очень пугался.

В 1974 году был убит епископ Омский и Тюменский Мефодий, и к владыке Иосифу в связи с этим происшествием пришел следователь. Как-то он внезапно зашел, когда в доме никого не было. Зашел и сразу: «Я – следователь». «А я, – рассказывал Владыка, – очень испугался и сразу сказал ему, что у меня денег нет, обнял его, и он как-то сразу изменился. И после мне даже подарки приносил от своей матери». А в первый раз он пришел только узнать мнение владыки Иосифа (какие у него есть мысли, подозрения) по случаю убийства епископа Мефодия. У владыки Иосифа был такой обычай – он брал чистый лист бумаги, перечеркивал его крест-накрест, как бы разделяя на четыре части, и в каждую часть вписывал одно из своих мнений, одну из причин. Первое, второе, третье, а четвертое – обычно говорил Владыка: «Бог весть» и ставил знак вопроса. То есть, Бог знает, что на самом деле.

Так же, когда его хотели выдвинуть кандидатом на Патриарший Престол (особенно заграничные архиереи поддерживали его кандидатуру), к нему прямо на Минина, приехал из Москвы владыка Питирим с представителями из Совета по Делах Русской Православной Церкви. И когда состоялся такой разговор, владыка Иосиф сразу категорически отказался от Патриаршества. Он так же разделил на четыре части лист и изложил причины своего отказа: «Во-первых – я человек без образования, абсолютно никакого образования у меня нет. Во-вторых – возраст. В третьих – я много лет сидел в лагерях, а в четвертых, (как всегда) – Бог весть». Таким образом он всегда отвечал на непростые вопросы.

Но в действительности причины были иные. Он говорил о другом. Ведь Патриарх в то время находился, как птица, в золотой клетке и управлял не Патриарх, а Патриарх был лишь как приставка. А те, кто управлял, если захотят надавить, всегда найдут способ, как надавить, чтобы заставить Патриарха подписать то или иное. «Я, – говорил владыка Иосиф, – уже старый, служу по старому уставу, по старой традиции, у меня

уже привычки, я им уже просто не могу изменить. Просто не могу». Здесь надо сказать, что Владыка не заикливался на чем-то строго канонически и некоторая вольность, т. е. свобода у него была. Но от основного он никогда не отходил. Он говорил: «Часто нужно идти на компромисс. И я иду. Но только у каждого человека своя степень компромисса. У всех разная черта, через которую они переступают. У одного – вот такая, и дальше он уже не может прыгнуть, потому что дальше для него начинается предательство. У другого компромисс вот такой и предательство начинается только там, а у третьего – еще выше компромисс. Потому что у каждого своя черта. Вот, – говорил Владыка, – у меня она, может, на таком низком уровне, что я не смогу делать так, как попытаются меня заставить». Это основная причина отказа Владыки. Не потому, что боялся, что он необразованный, что не сможет слово иногда сказать. Владыка рассказывал, что когда он только освободился из заключения и приехал в Москву к Патриарху Алексию за назначением на кафедру, там некоторые архиереи, зная, что он 10 лет пробыл в лагерях и ссылках, и все это время не служил, и не говорил проповеди, и что сейчас-то он, наверное, и двух слов не сможет связать, захотели над ним немножко подшутить и настояли, чтобы он здесь же на службе (какой-то был праздник), без подготовки сказал проповедь. Как бы в виде шутки: «Давайте, дадим слово владыке Иосифу, пусть он слово скажет!» «Пожалуйста, – говорит Владыка, – я скажу». Он сказал хорошее слово, и все удивились.

А уже у себя дома, помню, готовясь к проповеди, он много читал. А потом лежал на своей коечке и что-то размышлял. «Я готовлюсь к проповеди» – обычно говорил Владыка. «Я не знаю, – говорил он, – что я скажу, но я знаю, что я что-то скажу». Такое выражение у него было. Проповеди у него были простые, не академические, и тем не менее, они каждого человека задевали. И вот бабушки часто говорили: «Это он про меня сказал, мои грехи задел для моего обличения». И Владыка немножко юродствовал, хотя это не все понимали.

Владыка боялся, что его отправят на покой. Когда его наградили второй панагией, он очень встревожился. «Я, – говорит, – все эти штучки-дрючки знаю. Сперва тебя наградят, а

потом потихонечку и выдворят». И он присматривал себе домик в Алма-Ате на всякий случай.

Я не записывал всего того, что рассказывал Владыка. Я ведь не предполагал, что так скоро и внезапно он может умереть. Я только начал узнавать его, начал привыкать к нему, только, как говорится, всей душой его полюбил, и вдруг – такой скорый и неожиданный конец. Как внезапно судьба нас с ним столкнула, так же внезапно пришло расставание. ...Промысел Божий!

В ночь с 31 августа на 1 сентября 1975 года я провожал его в больницу. У нас гостил тогда Коля Лихоманов, но Владыка его несколько стеснялся, и когда у него начались сильные боли, он позвал меня. Позвал и говорит: «Мне очень плохо». Это было часов в 12 ночи. Он лежал на постели. А у меня голова болела после работы, я жестоко спать хотел – молодой был и к жалобе Владыки отнесся невнимательно. И я как-то не думал, что Владыка может умереть – ну, заболел человек, ну, поболееет и пройдет. Как Апостолы спали, когда Господь молился в Гефсимании в кровавом поту, так и здесь.

Я встал около него на коленки, он взял мою руку, сжал и так лежал. Я стоял возле него час, два думал – успокоится, а он стонет и стонет. Я хотел спать, а он держал мою руку, у него были страшные боли в животе. Он держал мою руку, ему, кажется, хотелось, чтобы я напоследок напился благодатью. Владыка задремал, и я задремал возле него на коленях. Я не понимал, что нахожусь рядом с ним последние минуты, мне спать хотелось. Сейчас я с горечью об этом вспоминаю.

Было уже 3 часа ночи. Владыка говорит: «Позвони врачу Нине Алексеевне». Она была его лечащим врачом. Я позвонил, Нина Алексеевна говорит: «Хорошо, я постараюсь приехать». Через час она приехала. Владыка лежал. Он не просил ни лекарств, ничего, просто лежал и безропотно терпел, хотя чувствовалось, что боли у него сильные. Нина Алексеевна осмотрела его и, видимо, испугалась. Она сказала: «Я вызову скорую помощь». Но Владыке не хотелось: «Да нет, не надо, может быть, пройдет». «Нет, нет, я вызову скорую помощь». И

вызвала. Она, как лечащий врач, побоялась брать на себя ответственность за его жизнь.

Приехала скорая, врачи посмотрели, высказали подозрение на аппендицит и сказали: «Срочно надо в больницу». В больницу Владыка тоже не хотел: «Да обойдется» – говорил, не хотел ехать, чувствовал, что он оттуда не вернется. А после, когда Нина Алексеевна стала настаивать и настояла – принесли брезентовые носилки, положили Владыку. Он руки сложил, как складывают покойникам, попрощался и сказал, что назад он приедет сюда покойником. Потом руки опустил, ушел в молитву, – он полностью предался воле Божией.

А у меня не было ощущения, что это уже все. Мне так с ним было хорошо! Я эти десять месяцев прожил с Владыкой как в раю. Не я у него келейником был. Он у меня был келейником. Он меня встречал, он меня провожал, он мне кушать готовил. Он за мной, как за любимой деточкой, как за куколкой ухаживал! И Владыка говорил: «О! Келейником быть – это трудно, это очень сложно – быть келейником!» А я думаю: «Что же здесь сложного? Живешь, как в царском дворце, тебя поют, кормят, провожают, еще и бутерброды с осетринкой завернут с собой на работу». Но в дальнейшем, при другом архиерее, мне пришлось сполна испытать, что значит – быть келейником.

И, думаю, не я один воспринимал его ласку, доброту, его благожелательность, но и все, его окружавшие. Почему к нему все и стремились. Я больше никогда не встречал на своем пути таких людей, которые всей душой повернулись бы к тебе. Такую человеческую теплоту и отдачу себя я видел только у матери Агнии и митрополита Иосифа.

В больнице Владыку стали оперировать, думали – аппендицит. Но аппендикита не обнаружили и начали дальше резать, дальше...

После операции Владыка прожил еще три дня. В больницу к нему никого не пускали, могла ходить только врач Нина Алексеевна, у которой я справлялся о состоянии Владыки. Он был чаще без сознания и просто стонал. И даже в те дни, хотя я понимал, что он – старец, что операция была сложная, но все-таки не мог представить, что все так закончится. Мне казалось,

что все равно он выкарабкается, потому что буквально все молились тогда о нем.

Но Владыка умер 4 сентября. В заключении о смерти было написано: «перитонит с прободением». А что было у него на самом деле? Знают только врачи, которые его оперировали.

Владыка Иосиф – это очень яркая личность. Много впечатлений осталось после Владыки, и не только у меня. Когда он умер, кто-то позвонил по телефону и спрашивает: «Что, правда, что ли, что Иван Михайлович умер?» – «Правда», – говорю. – «Да-а-а, – с таким сожалением в трубке послышалось, – законный был человек!» Не сказали, что высоко культурный или еще как, и выражение показалось мне не совсем литературным, и звонил, видимо, человек нецерковный, может, просто когда-то в жизни пути пересеклись, но с таким сожалением: «Законный был человек».

Мать Агния и Владыка Иосиф – это два человека, которые изменили мою жизнь. Не только мою, они очень многих изменили своей благодатью, смирением, своим терпением и молитвами. Я никогда больше не встречал людей с такими качествами, таких людей, которые бы всей душой повернулись к тебе. Такая человеческая теплота и отдача себя! Это удивительно! И это – чудо, что Господь дал мне двух таких старцев – митрополита Иосифа и мать Агнию. По молитвам моей матери, которая молилась за меня, Господь показал мне истинных своих рабов. Ведь никто другой не смог бы переубедить меня, переменить мой образ мыслей, сложившийся у меня во время учебы в школе, а затем в институте в начале моей жизни. Я ведь никогда не думал служить в Церкви, никогда к этому не готовился. И благодаря им я стал тем, кем стал. И, в общем-то, я совершенно точно знаю, что если у меня что-то и получается, то это только по их молитве, благодаря их поддержке. Как преподобный Серафим сказал: «Стяжи дух мирен и вокруг тебя спасутся тысячи». И это те люди, вокруг которых, действительно, тысячи спаслись».

Посмертные чудеса

Игумен Николай (Карпов), г. Щучинск.

Один священник, близко знавший Владыку, как-то спрашивает меня: «Владыка Ио-сиф тебе не снится?»

Владыка Иосиф мне приснился всего один раз. Я был тогда в Павлодаре и мне там было очень трудно, такая тоска напала, что стало невмоготу. И я взмолился: «Господи! Владыка Иосиф! Да что же Вы меня оставили?! Что же Вы меня бросили?!» – это из ду-ши у меня вырвалось. И в ту ночь я вижу во сне Владыку. Он приходит ко мне, я вроде бы лежу, он подходит – весь такой старенький-старенький, как бы даже паутинкой затя-нутый, старее, чем был на самом деле. Он говорит: «Да что ты! Я всегда с тобой, я тебя не оставлял». Я говорю: «Владыка! Да как же Вы здесь?! Вы же умерли! Я же не сплю. Вот, – стукнул себя по ноге, – моя нога, вот моя рука, я же не сплю. Как же Вы сюда пришли?»

И я проснулся. Это было удивительно. Больше заснуть я не мог. И на следующий день вся тяжесть отошла, мне стало очень легко. А больше Владыку Иосифа я не видел.

Протоиерей Иоанн Слюсарь, благочинный Алматинского округа.

Интересный сон мне приснился уже после смерти митрополита Иосифа. Говорят: «Спится, да снится», но здесь яркий пример того, что Владыка нас не оставил.

Я был рукоположен во священники в декабре 1977 года. Вскоре наступил Великий пост, во время которого в Церкви принято подавать в алтарь записки для поминовения живых и усопших. Помню, на первой седмице поста, когда священниками читаются эти записки, ночью снится мне, что я открыл дверь какой-то комнаты и вошел в нее. А там от стены до стены стоит длинный стол, как бы нары, а на столе горы синодиков и поминаль-ных записок – от края до края. И стоит человек в сером подряснике, читает эти записки. Он повернулся через плечо и говорит: «Где вы там ходите? Здесь столько работы!» Когда он повернулся, я узнал в нем владыку Иосифа. И вот, эти слова меня поразили! Я зашел в комнату, мы сели с ним и долго

беседовали. О чем мы беседовали, я не запомнил. Запомнил только эту первую его фразу.

Утром я пришел в алтарь и говорю: «Батюшки, владыка Иосиф ругается, беспокоит-ся, у нас очень много работы, значит мы должны прилагать максимум своих стараний, чтобы все записки вычитывать. Иначе, похоже на то, что если мы не вычитываем, они там вычитывают за нас. Так я понял. Давайте, будем все вычитывать, как требуется».

Евстолия Ивановна Лещева, г. Москва.

После Владыки остались машинописные труды, без подписи, называемые «Письма к другу». Я прочитала – стиль Владыки. Много об этом думала. Владыка приснился: он сидел у себя в столовой, одетый в черную рясу, и держал на коленях печатную машинку. Он выглядел очень молодым. Я подошла, взяла благословение и спросила – его ли это труд? Он в знак согласия кивнул головой. Меня поразило то, что Владыка так скоро приснился (не прошло еще 40 дней после его успения) и разрешил этот вопрос.

В другой раз видела Владыку во сне уже Великим постом 1993 года. Я была очень больна – целых три месяца не могла избавиться от воспаления легких. Я очень ослабла, болезнь затягивалась, никто ко мне не приходил. В пятницу на третьей неделе поста я на-глоталась лекарств, напилась кофе и поехала в церковь. Приехав, обессиленная села на скамье, плакала и молилась о дорогих покойниках – маме и Владыке.

На следующую ночь, с субботы на воскресенье, приснилась мама (раньше снилась только один раз на 40-й день). Ничего не сказала, только дала понять, что я не одна, и она рядом.

Через три дня во сне слышу голос владыки Иосифа, звонкий, но зовет, как звала ме-ня по-домашнему мама: «Сталя! Сталя!» И во сне я где-то стояла ослабленная, людей ма-ло, все не знакомые. Услышав молодой и звонкий голос Владыки я оглянулась, увидела его, подбежала, взяла благословение, положила в его ладони свою голову и стала рыдать: «Владыка, я Вас вижу, Владыка, я с Вами рядом!» Он улыбался, молчал. Одет был в мо-нашескую рясу и клобук. Такой радостный, такой родной. Проснулась со слезами на гла-зах, включила свет, посмотрела время: 4 часа утра, 24 марта, 1993 год. Я поняла, что Владыка не оставляет меня и за меня молится.

Елена Попфирьевна Федотова, г. Алма-Ата.

У моей знакомой Веры Георгиевны было серьезное заболевание – она ослепла на один глаз. Врачи назначили операцию и Вера Георгиевна поехала за благословением к владыке Иосифу. Едет в трамвае и вдруг слышит разговор: в Никольский собор привезли гроб с телом почившего митрополита Иосифа. Вера Георгиевна сменила маршрут и поехала в собор. Когда она прикладывалась к лежащему во гробе Владыке, то очень плакала. Она говорила: «Если бы ты, Владыка, благословил меня на операцию, то все было бы хорошо. А теперь как?»

Долго еще стояла Вера Георгиевна в храме, плакала и молилась. Потом стала вытирать глаза от слез, и ей показалось, что она немного видит больным глазом. А когда пришла домой – совсем прозрела без операции.

У сына другой моей хорошей знакомой, прихожанки Свято-Никольского собора, внезапно заболела и почернела рука. Врачи поставили диагноз: гангрена и предложили сделать срочную операцию – отнять руку. Сын, который прежде скептически относился к вере в Бога, к Церкви и к святым Угодникам Божиим, и на уговоры матери – сходить по-молиться на могилку митрополита Иосифа – всегда отвечал отказом, здесь, испытывая страшные боли, вдруг внезапно матери говорит: «Собирайся, поедem на кладбище к митрополиту Иосифу». Мать обрадовалась его предложению, и они сразу же поехали.

Приехав на могилку, мать посыпала на руку сына немного земли с могилки митрополита Иосифа и они стали горячо молиться об исцелении. Помолившись, здесь же, на кладбище они увидели, что больная рука побелела. Боль прошла и все обошлось без операции.

Галина Петровна Шестопалова, г. Алма-Ата.

Моя мама Татьяна Ивановна Шестопалова много лет страдала шипами – ей невыносимо больно было ходить. Много денег она истратила на лечение, но ни медицинские препараты, ни различные травы ей не помогли. И вот, осенью 1978 года наша соседка Валентина Антоновна Сазонова (человек горячей веры), повела нас с мамой помолиться на святые могилки наших Алма-Атинских митрополитов. Во время молитвы маме было тяжело стоять, и Валентина Антоновна посоветовала ей приложить к больной ноге землю с могилки митрополита Иосифа. Мама послушалась совета и насыпала земли с могилки под ступню. Помолившись еще некоторое время мы пошли домой. И только придя домой мама вспомнила о больной ноге, которая уже совершенно не болела, ни в тот день ни далее, до конца ее жизни.

Павел Александрович Конев, г. Алма-Ата.

У моей знакомой, Елена Дьяковой, (38 лет) при осмотре в Диагностическом центре медики обнаружили опухоль по женской линии. Причем эта опухоль причиняла ей тяж-кие страдания, она едва передвигалась и постоянно употребляла обезболивающие средст-ва. Врачи предлагали ей сделать срочную операцию. Но Елена от операции отказалась, потому что операция была связана с облучением.

И вот Елена пришла ко мне и, как старому и хорошему другу, пожаловалась на свою болезнь. Я предложил ей съездить на могилу митрополита Иосифа. «Давай, – говорю, – купим свечи, пойдем туда, прочитаем акафист за усопших и глядишь – у тебя все прой-дет».

Это было в начале июня 1998 года. Мы приехали на кладбище, помолились на моги-ле владыки Иосифа, поставили свечи. Когда мы читали акафист, у меня было такое хоро-шее ощущение, будто нас слышат, читалось очень легко. И через несколько дней Елена мне звонит: «Ты знаешь, – говорит, – у меня все прошло, все вышло естественным обра-зом, боли моментально прекратились, и теперь я здорова!» Я предложил ей еще раз схо-дить на могилу и поблагодарить Владыку за исцеление. Мы сходили, поставили свечи всем погребенным там Святителям, помолились. И Лена, и я уверены, что исцеление это произошло по молитвам митрополита Иосифа.

От составителя:

Митрополит Вениамин (Федченков) в своей книге «Отец Иоанн Кронштадтский», размышляя о чудесах, пишет: «Обыкновенно мы удивляемся чудесам телесным – исцелению от болезней. Еще более изумляемся изгнанию отцом Иоанном бесов. Но Батюшка более важным чудом считает духовные чудеса: исцеление от грехов, страстей». В подтверждение этой мысли хотелось бы рассказать об одном случае такого чудесного духовного исцеления, произошедшем по молитве к митрополиту Иосифу.

В одной молодой семье муж только-только обратился в Православие и начал регулярно посещать храм, а жена, хотя и приняла крещение, и считала себя верующей, но была настроена против того, что муж чрезмерно, как ей казалось, «увлекся религией». На этой почве начался разлад. Кроме жены, «чрезмерное» обращение мужа к религии не нравилось и ее родителям, вследствие чего отношения с ними у мужа тоже обострились. Все это постепенно привело к тому, что семья стала разваливаться, и между мужем и женой встал вопрос о разводе.

И вот, как рассказывала жена, Людмила Ивановна Сычева, она считала, что не-понимание между ней и ее супругом зашло настолько далеко, что иного выхода, кроме развода, не существует. Супруг же, не обладая достаточным терпением, не мог благо-приятно повлиять ни на свою жену, ни на ее родителей. В семье уже несколько дней продолжался скандал, супруги дошли до взаимных оскорблений.

Людмилу давила обида, в голове у нее постоянно прокручивался целый вихрь по-мыслов – как пообиднее ответить мужу на то или иное его несправедливо сказанное слово. Постепенно она дошла до того, что стала испытывать ненависть к нему, состояние ее было на грани истерики.

А надо сказать, что прежде, чем произошла ссора, муж, рассказывая Людмиле о вере, о Церкви, говорил также и о местных подвижниках веры и благочестия, почитаемых в Алма-Ате митрополитах Николае и Иосифе. О том, что люди приходят

к ним на мо-гилки, и они помогают тем, кто молитвенно обращается к ним за помощью.

И вот, ночью, когда муж уже спал, а Людмила, находясь в состоянии, близком к истерике, и терзаемая помыслами против мужа, долго не могла уснуть, она с досадой, как бы даже желая уязвить и владыку Иосифа, не разбираясь тогда еще в иерархических степенях, мысленно обратилась к нему: «Отец Иосиф, ну, почему ты там кому-то помога-ешь, а вот нам не можешь помочь? Где же ты? Где твоя помощь?»

«И дальше, – рассказывала Людмила, – как только я это мысленно произнесла, со мной случилось то, что словами описать невозможно. Как будто какой-то луч или сноп света пронзил меня с макушки головы до самых ног, свет неземной, мне непонятный, необъяснимый. Это произошло в какие-то доли секунды, но в результате со мной совершилось то, что я совершенно успокоилась, все терзавшие меня помыслы отошли, и я пришла в состояние совершенного спокойствия. Этот свет очистил меня от всей насевшей на меня грязи: гнева, обиды, осуждения и прочего. Я была потрясена, я недоумевала – куда все делось? Я пыталась вернуться к прежнему состоянию вражды, возвратить старые мысли, но они не возвращались. Полный мир в душе. И в таком состоянии я заснула.

Утром проснулась совершенно умиротворенной и, вспомнив, что были многодневные скандалы, что была у меня обида на мужа, опять попыталась как бы раскрутить все это в уме. Но снова у меня ничего не вышло. Был совершенный мир в сердце, мир в душе, мир в помыслах. Для меня было очевидным то, что мое новое состояние связано с обращением к митрополиту Иосифу. И я решила сходить к нему на могилу.

У одного знакомого мне священника я спросила, где находится могила митрополита Иосифа. Он объяснил мне примерное ее местонахождение и добавил: «Ну, Господь тебе подскажет». И я пошла на Центральное кладбище поклониться Владыке.

Приехала – иду по кладбищу, народа на кладбище нет, спросить – куда мне идти – не у кого. Долго искала могилу и чувствую, что уже заблудилась. И думаю про себя: «Да где же

могила? Что же не подсказывает мне Господь?» И вдруг на встречу мне выходит огромная черная собака. Я испугалась, пошла от нее в сторону и тут же оказалась перед могилой владыки Иосифа!

С тех пор прошло уже шесть лет. В семье нашей все успокоилось, наши отношения с мужем стали другими. Мы вместе ходим в храм и стараемся придерживаться всех церковных утановлений. Моя мать, с которой у мужа были конфликты на религиозной почве, тоже воцерковилась. Дочка наша ходит в воскресную школу. И я твердо могу сказать, что митрополит Иосиф не только исцелил мои душевные язвы и укрепил мою веру в Бога, но и сохранил нашу семью».

Протоиерей Вячеслав Чурбанов, клирик Свято-Никольского собора г. Алма-Аты.

В 1999 году время от времени я приезжал к клирику нашей епархии, находящемуся на одре болезни, протоиерею Н. для того, чтобы исповедовать его и причащать Святых Христовых Таин. Отец Н. многие годы своей жизни провел рядом с митрополитом Ио-сифом. Сначала он был его келейником, иподиаконом, а в конце 60-х годов Владыка по-святил его в сан диакона, а затем и иерея. Отец Н. был искренне верующим человеком, воспитанным в православной семье, но со временем он приобрел пагубную привычку – пристрастился к вину. Владыка Иосиф это знал. Он любил отца Н. и слезно молил Гос-пода о том, чтобы отец Н. перестал выпивать. Отец Н. и сам страдал от своей привычки, но побороть ее не мог. Но все же, молитвы владыки Иосифа держали его, он не опускался до крайности и продолжал служить в Церкви.

И вот, спустя много лет после смерти владыки Иосифа отец Н. тяжело заболел и сам уже был на пороге смерти. Я же, как было сказано выше, приезжал к нему для совершения церковных Таинств. И однажды отец Н. рассказал мне одно удивительное событие, происшедшее с ним накануне моего приезда. А надо сказать, что отца Н. удручало состояние уныния, он очень страдал физически, но особенно страдал духовно, испытывал ужасное томление духа, муки совести в преддверии предстоящих ему воздушных мытарств и суда

Божия. И вот, пребывая в таком плачевном состоянии, он видит сон, видение, что находится в какой-то яме. Он хочет из нее выбраться, делает отчаянные попытки, но выбраться не может. И вдруг он видит, что у края этой ямы появляется владыки Ио-сиф. Он подает отцу Н. руку и говорит: «Ну-ка, давай, выбирайся!» И я не знаю, чем закончилось видение (отец Н. был очень слаб, говорил с уже трудом), но сказал, что почувствовал огромное облегчение, у него пропала безнадежность, он ощутил, что Господь, по молитвам владыки Иосифа, проявил к нему милость. Душа отца Н. успокоилась, умиротворилась, и в таком состоянии через несколько дней он мирно перешел в жизнь будущего века.

Протоиерей Геннадий Агеев, г. Алма-Ата.

Летом 1995 года у меня возникли некоторые сложные жизненные проблемы и для того, чтобы они благополучно разрешились, я решил прибегнуть (как и всегда это делаю), к молитвенной помощи митрополита Иосифа. Я поехал на кладбище в намерении отслужить панихиду на могиле Владыки и попросить его поддержки и предстательства. По-скольку дело было срочное, я не успел взять с собой никого, кто бы мог пропеть панихиду. Я ехал один на своем автомобиле и думал: «Кто же мне пропоет панихиду? Ну, может быть владыка Иосиф пришлет когонибудь».

В это же самое время по улице Ташкентской ехала на автобусе из храма Христа Спасителя, что расположен на пересечении улиц Ташкентской и Саина, певчая этого храма. Подъезжая к Центральному кладбищу, ей неожиданно пришла мысль, что хорошо бы сойти с автобуса и пойти помолиться на могиле митрополита Иосифа. Не долго думая, она сошла и направилась к его могиле.

В тот момент, когда я подъехал к могиле Святителя, подошла и певчая. Мы были рады такой неожиданной встрече и вместе пропели панихиду. И все мои проблемы вскоре благополучно разрешились.

Протоиерей Николай Попов, г. Павлодар.

В тот период, когда в Павлодаре подходило к концу строительство Благовещенского собора, мне такой сон приснился. Будто мы с владыкой Иосифом обходим вокруг собора, разговариваем, затем он доводит меня до служебного входа, проводит по недостроенному коридору к комнате для священников (за этой комнатой коридор заканчивался глубокой ямой, которая не была огорожена), оставляет меня возле этой ямы и говорит: «Ты постой здесь, а я сейчас за тобой приду». Он ушел и не возвратился, а я остался ждать у ямы.

Утром, проснувшись, я проехал на службу в собор. В то время в Павлодаре были частые перебои с электроэнергией, и в этот день в соборе отключили свет. Мне надо было пройти в комнату для священников, я пошел по темному коридору, по которому во сне меня вел владыка Иосиф, но не рассчитал несколько шагов, прошел мимо этой комнаты, оступился и упал с трехметровой высоты вниз головой в яму, там, где Владыка меня оставил.

Когда меня привезли в больницу, врач сказал: «Тебя крест спас». Конечно, Господь сохранил меня, но, думаю, я остался жив благодаря молитвенному ходатайству митрополита Иосифа. Если бы я был внимательней, то этой травмы можно было бы избежать, ведь Владыка предупреждал меня во сне об опасности, поскольку обещался быть защитой моей до самой смерти.

Протоиерей Валерий Захаров, настоятель Свято-Никольского собора г. Алма-Аты.

Владыка Иосиф при жизни своей завещал, чтобы на его могиле стоял крест с надписью: «Христианство имеет особенные свойства». Но, к сожалению, после смерти Владыки это завещание не было исполнено. На могиле был поставлен памятник – красивый, мраморный, но это было не то, что желал Владыка. Но Господь, зная желание Своего угодника, исполнил его следующим образом.

В 1984 году на Алма-Атинскую и Казахстанскую кафедру был назначен епископ Евсевий (Саввин), бывший наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Перед его отъездом в Алма-Ату, его духовный друг и горячий почитатель покойного митрополита Иосифа архимандрит Иннокентий (Просвирнин) сказал: «Ты там обрати внимание на завещание своего предшественника, ведь оно не выполнено». И владыка Евсевий, по прибытии в Алма-Ату, постарался исполнить завещание Митрополита – лучшим мастерам он заказал крест из редкой породы темно-красного гранита. И те мастера, которые изготавливали этот крест, говорили: «Это не простой, а уникальнейший гранит. У нас только два таких камня. Из одного из них мы уже изготавливаем памятник бывшему первому секретарю Компартии Казахстана Д. А. Кунаеву, ну, а второй камень – для вашего Церковного иерарха». И этот замечательный крест, с той надписью, которую завещал написать на нем владыка Иосиф, через 10 лет после его кончины, весной 1985 года был поставлен на его могиле. И я считаю, что совершилось чудо, и совершилось оно по молитвам самого приснопамятного Владыки.

Иерей Владимир Стрельников, Архангельская область.

Эту историю мне рассказал мой друг Александр Михайлович Ларичев. Мы дружили с ним до ухода в армию, а после потеряли друг друга и вот, по прошествии нескольких лет, в 1992 году мы встретились, и он пригласил меня к себе в гости.

Я пришел, и у нас, как у старых друзей, начался разговор. Оказалось, что Александр в настоящее время работает каменотесом на Центральном кладбище, у него семья, семеро детей. Меня поразило то, что у Александра так много детей, и мы стали с ним разговаривать о его детях. Он рассказывал то про одного, то про другого ребенка. В свою очередь, я рассказал ему о себе – что я ушел со своей прежней работы и сейчас работаю в церкви (на тот момент я не был еще посвящен в священный сан). И тогда Александр сказал: «А я вашему священнику гранитный крест на могилу изготавливал! И в тот период, когда я был занят выполнением этой работы, у нас произошло одно удивительное событие, которое чудесным образом закончилось благополучно. Мой маленький сын играл на балконе и, перегнувшись через перила, полетел вниз с шестого этажа. Я, увидев это, сперва оторопел от ужаса, потом бросился в подъезд и бегом побежал на улицу. И когда добежал до первого этажа, я снова оторопел, уже от радости и изумления. Я ожидал поднять с земли тело разбившегося сына, но навстречу мне в подъезд входил целый и невредимый мой мальчик в окружении других детей! Когда, оправившись от ошеломления, я осмотрел его, я вновь удивился – на нем не было ни синяка, ни царапины! Я считаю, что только благодаря тому, что я делал крест на могилу священнослужителя, мой сын остался живым».

Александр подробно описал мне крест, который он изготовил и место могилы. По его описаниям я нашел эту могилу и оказалось, что крест он делал для митрополита Алма-Атинского и Казахстанского Иосифа. Владыка же, в благодарность за труды Александра, сохранил его сына от внезапной смерти.

Об этом же событии рассказал настоятель Свято-Филаретовской церкви г. Алма-Аты священник Сергей Казимиров:

17 мая 1992 года около 3-х часов дня я шел по Центральному кладбищу к могиле митрополита Иосифа. Когда я уже подходил к могиле, то увидел, что за мной идут двое взрослых мужчин с детьми. Почти одновременно мы подошли к могиле Митрополита, и один из мужчин, увидев, что я собираюсь молиться (у меня была с собой Псалтирь) заговорил со мной. Он сказал, что является мастером, изготовившим стоявший на могиле митрополита Иосифа гранитный крест и рассказал такой интересный эпизод: в то время, когда он изготавливал по заказу епархии этот крест, у него с шестого этажа выпал мальчик и не разбился! С большим восторгом рассказал он об этом происшествии и показал мне этого своего сына, который был здесь же с ним. И сказал, что теперь он часто приходит на могилу Святителя и следит за состоянием памятника.

Памяти епископа исповедника

Архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин). Некролог.

4 сентября 1975 г. скончался в возрасте восьмидесяти двух лет митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Высокопреосвященный Иосиф (Чернов). В лице отшедшего ко Господу Русская Православная Церковь понесла тяжелую невозвратимую потерю. Покой-ный был не только человеком святой жизни, выдающимся иерархом, яркой своеобразной личностью, но и стойким исповедником веры, прошедшим в общей сложности около двадцати лет в советских ссылках и лагерях. Об этом замечательном человеке мне хотелось бы сказать несколько слов, преимущественно по личным воспоминаниям. Нам пришлось встретиться с ним и много беседовать на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в Троице-Сергиевой Лавре в мае 1971 года. Для подробной систематической его биографии у меня нет, к сожалению, достаточных данных.

Будущий митрополит Иосиф (Чернов) родился в 1893 году в городе Могилеве. Трудно в точности сказать из какой среды он происходил, но судя по тому, что все его светское, да и духовное образование, ограничилось, как он мне сам рассказывал, Образцовым Начальным Училищем, можно думать, что его родители были малосостоятельными городскими жителями. Но, если митрополит Иосиф и не имел специального богословского образования, это не помешало ему впоследствии восполнить этот недостаток большой начитанностью, как в аскетической, так вообще святоотеческой письменности. В 1906 году, в возрасте тринадцати лет, будущий митрополит поступил послушником в общежительный монастырь в Могилеве, где в 1915 году был рукоположен во иеромонахи. Монастырь этот, в связи с наступлением немцев в первую мировую войну, был эвакуирован в Донскую область, где с тех пор, в течение ряда лет, стала протекать дальнейшая церковная жизнь будущего митрополита. Будучи еще молодым иеромонахом, о. Иосиф находился под старческим руководством одного известного

своей духовной жизнью и опытного архиерея, которого он обслуживал в качестве келейника. В 1925 году иеромонах Иосиф был арестован, сослан и пробыл в ссылке два с половиной года. В 1932 году он был рукоположен заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием во викарного епископа Таганрогского. В эти годы он был еще два раза арестован и провел в сталинских лагерях в общей сложности шесть с половиной лет. К началу второй мировой войны он вышел из лагерей и проживал нелегально в районе Таганрога у верующих, которые его укрывали. С приходом немцев, к концу 1941 года, епископ Иосиф вышел из «подполья» и в качестве епископа возглавлял Ростовскую епархию. Но и с немцами у него сразу возникли трудности. Они не могли простить ему верность Московской Патриархии и поминовение им имени патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия, с сентября 1943 года патриарха Московского, на богослужениях. Немцы, как мне рассказывал Владыка Иосиф на Соборе 1971 года, по доносам обвиняли его в большевизме, вызывали не раз на допросы, грозили арестом и расстрелом. «Я им сказал: «Большевики-безбожники со мною никогда так грубо не говорили, как вы!» – рассказывал мне митрополит Иосиф. Перед своим уходом из Ростова немцы вывезли его в Умань, где он и оставался до прихода советских войск. Патриарх Сергей назначил его тогда епископом Уманским. Однако, в том же 1944 году, епископ Иосиф был вновь арестован и отправлен в лагерь в Читинскую область, где и пробыл одиннадцать лет до 1955 года. Это был его четвертый арест, так что он провел в общей сложности в лагерях и ссылках двадцать лет. По выходе из лагеря в 1955 году он смог возобновить свое епископское служение в Русской Православной Церкви. Через некоторое время был назначен архиепископом Алма-Атинским и Казахстанским, возведен в сан митрополита и в 1972 году удостоен права ношения двух пананий по случаю сорокалетия служения в епископском сане. Митрополит Иосиф был в последние годы своей жизни вторым по старшинству епископской хиротонии архиереем Русской Церкви. (Первым был митрополит Орловский и Брянский Палладий, рукоположенный в 1930 году).

Лично я впервые встретился с митрополитом Иосифом на Соборе 1971 года при избрании патриарха Пимена. Но еще до этого, в так сказать «предвыборный период», когда я был в Москве в октябре 1970 года, мне много пришлось слышать рассказов о митрополите Иосифе, в частности как об одном из возможных кандидатов в патриархи. Говорили будто бы алма-тинский уполномоченный по делам религий предлагал ему: «Выставляйте Вашу кандидатуру в патриархи, мы Вас поддержим!» На что митрополит Иосиф ответил: «Мне Вашей поддержки не надо!» Впоследствии мне рассказывали, что большая группа духовенства и верующих во главе с бывшим настоятелем патриаршего собора в Москве протоиереем о. Иоанном Потаповым обратилась к митрополиту Иосифу с письмом, подписанным почти двумя тысячами лиц, с настоятельной просьбой не отказываться ради блага Церкви от избрания в патриархи, добавляя, что противном случае он ответит пред Богом на Страшном Суде. Но митрополит Иосиф продолжал отказываться. Однако, среди московского духовенства наиболее распространено было следующее мнение: «Да, конечно, митрополит Иосиф хороший архиерей, стойкий энергичный, святой жизни. Но для патриарха он не подходит. Ему 80 лет (на самом деле было 78), а кроме того он был под немецкой оккупацией и сидел в лагерях, этого власти не любят».

На Архиерейском Совещании в Новодевичьем монастыре в Москве 28 мая, накануне открытия Собора, мне не пришлось лично встретиться и поговорить с владыкой Иосифом. Он на совещании все время молчал, в лицо я его не знал, разыскивать его среди множества архиереев было трудно, как ни хотелось мне с ним познакомиться. А разыскивать его в громадной гостинице «Россия», где мы все помещались до открытия Собора, было еще более неудобно. Но на следующий день, в субботу 29 мая, мы все переехали в Троице-Сергиеву Лавру и там за обедом мы разговорились с Владыкой Иосифом. Вернее, он сам заговорил со мною. Мы обедали за небольшими столиками, кроме нас двоих за нашим столиком никого не было. «Вчера все архиереи, – начал он, – слушали Вас и были согласны с тем, что Вы говорили. Все архиереи лобзали Ваши

уста.» (Должен здесь объяснить, что накануне на Архиерейском Собрании мне пришлось много выступать против так называемых Постановлений 1961 года о приходах. Я оспаривал эти «постановления», как противные канонам, нарушающие единство церковного управления, передающие всю власть в приходах мирянам, одним словом, вредные для Церкви. Мне сейчас было отрадно слушать, что митрополит Иосиф одобряет мои вчерашние выступления). «Но почему же тогда все молчали?» – спросил я. «Мы забиты. Не можем говорить, но Вы говорили от имени всех. Спасибо Вам,» – ответил митрополит Иосиф. В дальнейшем и на других наших встречах на Соборе митрополит Иосиф много мне рассказывал про свою жизнь, на основании главным образом его рассказов я и написал то, что мне удалось узнать о его прошлом. Впрочем, о своих сидениях в лагерях он говорил очень осторожно, подтверждая самый факт арестов, сидений, сроков, но избегал подробностей. Вообще, он более охотно говорил о настоящем, чем о прошлом. «Часто я себя спрашиваю, – говорил он мне, – правильно ли мы делаем, что молчим и не изобличаем открыто то, что творится в Церкви и какие она переживает трудности? Другой раз мне становится противно и я хочу все бросить и уйти на покой. И совесть меня упрекает, что я этого не делаю. Но потом та же совесть говорит мне, что нельзя бросать верующих и Церковь. А ведь выступить с обличением или даже открыто критиковать церковные порядки, это значит, в лучшем случае, быть сразу же отстраненным от всякой церковной деятельности, а все равно ничего не изменится. Вот я и стараюсь, пока есть силы, тихо трудиться для Церкви. Служу часто, каждый раз проповедую, объезжаю приходы. У меня их сорок пять, разбросаны на громадном пространстве Казахстана. Ведь в мою епархию входят девятнадцать областей, так что мне приходится иметь дело с девятнадцатью уполномоченными. Расстояния колоссальные, часто более тысячи километров.» «На чем же Вы разъезжаете?» – спросил я. «У меня две машины. Стараюсь назначать хороших священников, удалять плохих. А главное – служить часто Литургию и молиться за всех.» «А как теперь сложилась Ваша личная жизнь? Не обижают ли Вас?» «Сейчас нет, – ответил он. –

Живу в отдельном хорошем доме. Развожу в моем саду розы, у меня их более ста штук. С уполномоченным отношения хорошие». «А я слышал, что он даже предлагал Вам выставить Вашу кандидатуру в патриархи?» «На это я никогда не соглашусь. Во-первых, слишком стар, а затем у меня нет богословского образования, да и светское маленькое. Не хочу, чтобы меня потом в Синоде укоряли за невежество, заставляли бы соглашаться с их мнениями потому, что они богословы, а я неуч и должен их слушаться».

В дальнейшие дни Собора мне пришлось еще два раза беседовать с Владыкой Иосифом. В первый раз, я обратился к нему за духовным советом. Дело в том, что некоторые архиереи, участники Собора, в разговорах со мною убеждали меня не выступать больше по вопросу о постановлениях 1961 года о приходах, настаивая на том, что это было бы бесполезно для Церкви. Я был в недоумении что делать и решил посоветоваться с митрополитом Иосифом. «Владыко, – спросил я его, – меня некоторые здесь отговаривают больше не выступать о постановлениях о приходах. Что Вы об этом думаете?» Ответ митрополита Иосифа был очень энергичным: «Тот, кто отговаривает – сволочь!» «Так по-Вашему нужно продолжать?» «Да, – ответил Владыка Иосиф, – продолжайте говорить и бороться за Церковь, даже если Вам придется за это пострадать. Благословляю Вас от имени Церкви и верующих на этот подвиг. Я знаю, что это Вам дорого далось, на Вас будут нападать, но продолжайте». Я был тронут словами престарелого митрополита и благодарен за его нравственную поддержку. В другой раз, митрополит Иосиф сам обратился ко мне при встрече с ним во время обеденного перерыва заседания, в день, когда происходило обсуждение прочитанных докладов и выступали записавшиеся накануне ораторы. Нужно сказать, что выступления эти в значительном большинстве отличались трафаретностью и сводились к пересказу прочитанных докладов. В них обходились все острые вопросы, церковная жизнь в них мало отражалась и потому они были лишены подлинного интереса. Это отметил митрополит Иосиф в свойственных ему ярких выражениях и сказал, имея в виду предстоящее

послеобеденное заседание: «Опять нас будет сегодня тошнить от этих обсуждений!» И действительно, послеобеденные выступления дали повод для такой их «характеристики».

Как личность, митрополит Иосиф производил впечатление жизнерадостного человека, склонного пошутить и даже поюродствовать. Конечно, возраст чувствовался и видно было, что он много пережил, однако в нем не было ничего сломленного, трагического, жуткого даже, что можно иногда видеть у лиц, много лет просидевших в лагерях. В нем можно было увидеть редкое сочетание старца и юродивого в лице архиерея Церкви Христовой. Эта склонность «по-юродствовать» даже рассматривалась некоторыми, как одна из причин, почему Владыка Иосиф не подходит для патриарха. «Посмотрит он на Вас, – рассказывал мне о нем один видный и культурный архиерей, – и вдруг неожиданно скажет: «А глаза-то у Вас светлые, светлые...» Для патриарха это неудобно».

Вот об этом блаженном старце, архиерее Божием и исповеднике веры, жизнью своею доказавшем свою верность Русской Православной Церкви, я хотел правдиво рассказать, что знаю и что слышал, и тем самым внести мою посильную лепту в сокровищницу его блаженной памяти

Проповеди митрополита Иосифа (Чернова)

Слово на день Православия

Как ни предупреждал Христос Спаситель исцеленных им людей не разглашать о чудесах Его, но люди всегда оставались людьми; радость от восстановленного здоро-вья, освобождение от обдержавшего недуга наполняли сердца исцеленных избытком радости, а от этого избытка радости уста не могут молчать, и люди говорили все больше и больше о Христе, так как все больше и больше умножались чудеса, совершаемые Им. И слухом о Нем, о необычайном чудотворце, стала наполняться земля Иудейская. Говорили разное, говорили, что Он пророк великий, говорили, что Он Илия, возвративший-ся на землю, Иеремия, отмеченный Божиим даром, и многое другое говорили о Христе Спасителе люди, пораженные и удивленные Его чудотворениями и необыкновенными словами и делами. Но никто не дерзал назвать Его Богом, сошедшим в мир. Поэтому, оставшись один раз среди Своих учеников, Он спросил их: «За кого люди Меня при-знают?» Апостолы ответили то, что знали, что слышали. «А вы за кого Меня считае-те?» – спросил Иисус Христос Своих учеников. За всех ответил Петр: «Ты Сын Божий». «Счастливый ты, Петр, что Отец Небесный открыл тебе эту правду. Но не думай, что ты своими силами достиг понимания этой истины». И как бы в подтверждение то-го, что обычное человеческое разумение не способно без озарения свыше дать признание правильное о Нем – Христе, происходит следующее. Когда Петр стал оспаривать необходимость страдания Христа и Его крестную смерть за мир, говоря: «Господи, да не будет с Тобою этого», – Христос с негодованием ответил: «Уйди от Меня, Сатана, потому что ты мыслишь на человеческих чувствах и пониманиях, а не на божеских».

Итак, предоставленный самому себе человек мыслит и чувствует узко, односторонне, не видя правды и не способный увидеть ее своими собственными силами. Когда же человек находится под озарением благодати Божией, тогда расширяются его очи умст-венные, раскрывается пред ним вся широта и глубина понимания Истины Божией и он видит правду лицом к лицу, а не как чрез тусклое матовое стекло. Но способность тако-

го зрения, сила такого понимания даются в Церкви Христианской Православной, даются в таинствах ее, принимаемых искренно, в напряжении всех своих духовных сил, принимаемых сознательно, в борьбе со своими страстями и пороками, с жаждой внут-реннего мира и внутренней истины. Тогда обязательно нисходит на верную душу озарение свыше, и человек ясно понимает и видит, где Божеское, а где человеческое. Первое принимает, второе отталкивает от себя. И вот наша Святая Православная Церковь, руководимая духом Божиим, сохраняет в недрах своих истинное разумение, правильное понимание того, что такое Божеское и что такое человеческое. Видит, где кончается первое и начинается второе. Не позволяет произойти смешению Божеского с человеческим, Христового с дьявольским. Не позволяет смешать сатану с Христом, принять дьявола за Христа, хотя бы дьявол и пытался принять образ светлый Христа, и обольстить нас, и увлечь этим обманным своим образом, как некогда он обольстил преподобного Исаакия затворника Печерского, явившись ему в образе Христа.

Наша Православная Церковь, сохраняя всю чистоту такого понимания Божественного и руководствуясь в таком понимании своих верных чад, и вправе называть себя Православной Церковью, радоваться, торжествовать и благодарить Бога, что Он вручил ей хранение Своей правды и таинственные способы эту правду открывать, поддерживать и хранить в сердцах своих верных чад. В этом торжество Православия, в этом его вечная сила, в этом его спасительность. Теснее сомкнемся вокруг нашей Православной Церкви. Внимательнее будем прислушиваться к ее правдивому голосу, чаще и сознательнее будем приступать к ее Святым Таинствам. И тогда в нашем разумении и в наших чувствах все ярче и ярче будет обозначаться черта, отделяющая Божеское и человеческое в нас. Первое мы будем держать, хранить и беречь, как счастливый дар Божий, а второе удалять, выбрасывать изнутри себя, с негодованием отвращаясь от него и говоря ему: «Уйди от меня, Сатана, потому что ты есть неправда и ложь человеческая». Аминь.

1935 год, г. Таганрог.

Прощеное воскресенье

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Единственный был в мире и неповторимый учитель и изящные были его профессора, изящнее которых никогда не было и не будет, т. е. Господь Иисус Христос и Его ученики, которые основали Церковь, в которой мы с вами находимся сыновьями и дочерьми, сегодня подвели своих учеников, по-современному выразиться – студентов, (мы же в высшей школе учимся с вами познания христианских добродетелей), сегодня подвели нас, как учеников Христовых почти к порогу Великого Поста. А вечером будем стоять уже на самом пороге. Сегодня, сейчас уже в преддверии, а вечером будем стоять уже у самого порога. И в полуночный час, когда Ангел-хранитель придет каждо-го навестить и благословить, как жених невесту свою возлюбленную, мы переступим этот священный, ответственный и многими любимый порог Великого Поста.

Здесь много людей, которые очень любят пост, и Господь Иисус Христос любит постников, а поэтому в сегодняшний прощенный день во всей вселенной христиане, ученики Господа Иисуса Христа чрез Апостолов святых и чрез нашу Матерь Церковь, подытоживают свое сокровище христианского добродетельного воспитания и сегодня в завершение, как бы печать на документе, будут ловить печать поцелуя христианского друг другу в словах прощения: слова «Прости» и в ответе «Бог простит». И среди этих слов, среди этих сердец, и среди этих уст будет Сам Христос, Который неложно сказал, что где двое или трое собраны во имя Мое, там Я буду посреде их. Я буду руководить их сердцем, буду руководить их мозгом, Я буду руководить их сознанием.

Почему? Потому что они сами, без всякого насилия пошли ко Мне и являются Моими учениками и чадцами, т. е. сердцем. Вот такой смысл сегодняшнего Евангель-ского чтения, которое Апостол Матфей нам передает через уста Церкви, что Христос Спаситель есть величайший, единственный, неподражаемый, пришедший на землю Учитель рода человеческого, избравший святых Апостолов Своих и учеников. И Апостолы-ученики пошли

во все приходы вселенной: и в бедные приходы, и в богатые приходы, и в интересные приходы, и в скучные приходы, и в приходы, где их встречали целованием, и в приходы, где их встречали камнями, римскими мечами, и оскорблением, и смертью.

Сегодняшнее воскресенье предлагает нам, хотя и осторожно, и в деликатных формах, но все же категорическое предложение: прощайте друг другу, умейте прощать. Но самое тяжелое – умейте просить прощение.

Нам история человечества говорит, что сердце человеческое создано Господом Богом. И некоторые спрашивают: «Почему же Господь Бог такому-то такому-то такое злое положил сердце?» Отвечаю, что Господь Бог всем сердце дает обыкновенное человеческое. Но есть такие люди, которые в школе не учились, писать не умеют, читать не умеют и не хотят учиться, и работают плохо, и бывают в тяжесть семье, и в тяжесть обществу. Но эти люди, заметить нужно, бывают настолько горды, как сам сатана. И, кажется, такой пустячок! Что ему стоит попросить прощение, что ему стоит поклониться в ноги пред человеком, как пред образом Божиим, поклониться перед другом, товарищем, родственником? Так есть такие люди, которые мучаются, искренне страдают и места не находят, не пьют, не едят, **НО ПОКЛОНИТЬСЯ НЕ МОГУТ!** Вот где красота! Изящная красота! Но вместе дьявольская красота!

Мы Господа Бога не можем обвинять в том, что в человека положил Он гордое сердце. Бог дает сердце всем равное, лишь надо самим просить у Бога Духа Святого, обновляющего сердце, обновляющего разум, освящающего всего человека. Поэтому Христос Спаситель нам говорит в воскресном Евангелии, что кто крестится, тот спасен будет.

Поверим, братья и сестры, этому. Если мы будем этому верить – не напрасно будет наше хождение в церковь, и молитвы дома не напрасны.

Но тот лентяй, который и читать не хотел научиться, и писать не хотел научиться, и работать не очень-то желает, преисполнен гордости: «Поклониться не могу!». И ходит, и

страдает, и мучается, и не пьет, и не ест, все в нем восстает: «Не могу, не могу!»

А другой, развитый тонко, вроде усопшего архиепископа Луки, вроде мирового Павлова, вроде многих других ученых-христиан прекрасно колена в сегодняшний вечер преклоняет пред всем народом, даже пред прислугой своей: «Прости меня, Аннушка, в жизни все бывает, может я чем-нибудь обидел тебя или опечалил твое сердечко». И Павлов кланялся, и Лука кланялся, и Менделеев кланялся, и все кланялись ученые-христиане, мужи добродетельные, мужи науки, мужи чувств, мужи познания, мужи ответственности пред обществом, потому что как бы Сам Бог их поднял на большой уровень выше общества.

Так вот такое разное бывает сердце человека.

Но кто может понять в чем дело? Или это влияние сатаны, или отклонения по всем инстанциям? Вероятно, собственное желание тому виной, собственный характер, в таких формах выработанный вольно или невольно. Конечно, за это в первую очередь отвечает Матерь Церковь и несчастные священники, потому что Господь сказал им: «Вы все-таки доили овец, все-таки стригли их, а плохо пасли». А в другом месте один Пророк говорит сильно очень: «Вы, те псы, которые, не лаяли, когда волки шли ваших овец резать и сожрать!»

Сегодняшний день, который вместе с течением солнца приближается к известным чертам вечернего богослужения уже будет иметь законченный финал нашего настроения и нашего решения о том, как переступить священный порог в полуночный час Великого Поста. И ученые, и неученые, развитые, и неразвитые, и труженики, и лентяи, и все, кто хотите, но верующие в Бога, имеют надежду всегда на благодатное обновление. Есть на земле сегодняшняя полночь, когда могут просвещаться и освящаться все люди, пришедшие в мир сей грешный и прелюбодейный.

Наступает священная седмица и совершаются богослужения в грустных мотивах, в строгих мотивах, в серьезных мотивах и окрыленных, полных любви и призыва всякой грешной души ко Господу Богу чрез Матерь Церковь. Ведь кому Церковь не мать –

то-му Бог не Отец. Это давно сказано Святыми Отцами, самой наукой и нашими внутренними чувствами, которые много нам говорят, много нас бичуют, требуют, спорят с нами. Ибо в человеке всегда есть два течения, два веяния, два влияния.

Так угодно Господу Богу было, что Дух Святый за глотку не хватает человека и не тянет в рай, а добровольно, на добровольных началах веры, надежды и любви ведет туда. А сатана бросается на людей, душит и все обещает, обещает, обещает и показывает нам – фигу нам показывает в конце концов. И посмеется своим металлическим голосом, когда душа страдающая станет уже неспособна на покаяние. Таких я сам за свой 50-летний опыт встречал людей. Когда я на юге служил, то один человек не переносил того, что я мимо окна его проходил. Тогда не было машин, пешком ходили служить службу, как Апостолы. И он все время возмущался и все время даже броситься хотел на меня. И когда, как хозяйка рассказывала, этому неженатому пожилому человеку, много лет плававшему на морях, с волнами боровшемуся, во всех портах мировых побывавшему, пришла пора умирать, он попросил призвать меня к нему. Но хозяйка малоразвитая была и побоялась меня призвать. Тогда он стал ее просить исполнить последнюю его волю: «Сними, – говорит, – икону и дай мне!» Хозяйка не хотела на эту грешную грудь даже икону снять и положить. Как печально было это! Я, когда стал архиереем, заочно посмертно снял с него этот грех и много совершил об этой метавшейся на земле, об этой плачущей пред лицом смерти душе молений о прощении грехов его.

Такой эпизод я считаю возможным сейчас преподнести вашему вниманию и вашему духу покаяния, чтобы вы не осуждали никого из тех, которые пока от Матери Церкви отворачиваются и от этой нежной соски с нежным питанием, с молоком растворенным, благодатным отвергаются.

Будем таковых людей терпеть, терпеть и тех, которые не все грехи осознают, тех, которые нас обидели, которые нанесли нам оскорбления незаслуженные. Если же мы не прощали до сих пор и если сердце наше кипело на основании даже справедливых

данных, то сегодня вечером, сегодня в полночь священную вся простим в надежде бу-дущего Христова воскресения.

И оставаясь добрыми учениками Иисуса Христа чрез святых Апостолов, чрез Матерь нашу Церковь будем уметь просить у Отца Небесного прощение грехов. Будем уметь извиняться пред людьми-товарищами. Будем уметь прощать всем тем, которые нам подчинены. Будем в радости духовной дальше жить. Будем жить в Господе, будем Евангелие читать, будем оставаться учениками Христовыми! Какая радость на земле и счастье будут при возделывании земли, и счастье будет при хождении по земле, и счастье будет, когда жизнь наша будет приближаться к нашему жизненному вечеру, жизненному закату.

Значит, нами сказанное нам всем понятно, что значит сегодняшней день, что значит чтение сегодняшнего Евангелия от Матфея и что значит один член из молитвы Господней: «и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим,» т.е. Господи, прости нам грехи, и мы прощаем. Это просто уже договор какой-то с Господом Богом, и Господь допускает этот договор, допускает этот тон, эту благоговейную молитву верующих: «Оставь нам, потому что мы оставляем!» Так потрудитесь, пожалуйста, друг другу прощать. Но если вы друг другу не будете прощать, то будут ваши молитвы больше, нежели фальшивыми и больше, нежели поддельными. Будет только биение воздуха, оскорбление Бога и себя.

Такой сегодня радостный день, когда подытоживается все, что было за год, и когда можно весь этот груз греховный сбросить, и когда можно в обновлении просить у Господа Бога грехов прощение, на пост благословение и вообще благословение в жизни. И к этому слову можно еще добавить: сегодняшней день создан ради мира во всем мире, ради покоя святым Божиим Церквам, ради покоя в семейной жизни всем вам, ради благоденствия страны нашей.

Запомним, братья и сестры, этот урок сегодняшней от Господа Иисуса Христа через профессоров Его Апостолов, через которых нашему смирению поручено вам эту истину ответственно, с ответственного места в сегодняшней день с чистой совестью, с чистой любовью, с чистой надеждой сказать.

Вот такой сегодня день, вот такой сегодня урок. Вот, от такого великого неподражаемого Учителя Господа Иисуса Христа все это исходило чрез проповедь неподражаемых его Апостолов святых и чрез ныне существующую благодатную, православную Русскую Церковь, которая как Невеста Христова необруганная, неоскорбленная, через страдания и скорби все это приняла.

Поверьте этому, мне поверьте, пред Божественной Литургией говорящему. Аминь.

23 февраля, 1963 год.

Введение во храм Пресвятой Богородицы

Поздравляю Вас, мои дорогие и любимые, с Великим праздником!

Сегодня родители Пресвятой Девы Марии, исполняя обещание, данное Богу, торжественно привели Ее в храм. Они, как бы предчувствуя, что их дочь ожидает нечто великое, облачили Ее в царское одеяние. Юные девочки в белоснежных платьях с цветами, с зажженными свечами и с пением псалмов сопровождали Марию. Вот они под-нялись в храм. По внушению свыше Первосвященник уже находился там, и в тот момент, когда процессия подходила к храму, он в полном облачении вышел на паперть. Телесными очами он взирал на чистое невинное создание, блистающее святостью и благодатью, а пред его духовным взором предстала другая картина, предсказанная про-роком Давидом: «Одежда Ее шита золотом. В испещренной одежде ведется Она к Царю; за Нею ведутся к Тебе девы, подруги Ее. Приводятся с веселием и ликованием, входят в чертог Царя».

Он обратил взор вниз и виденное им в видении наяву предстало пред ним: та же Дева, сияющая неземной красотой и святостью, окруженная ореолом небесной благодати, подходит к ступенькам Храма. Священный трепет охватил его.

Опустившись быстро по ступенькам храма, первосвященник подал юной Отроковице руку, и Она быстро, почти не касаясь ступенек, взшла на все пятнадцать ступенек храма.

В душе первосвященника звучали слова пророчества: «Слыши, дочь, и виждь, и приклони ухо Твое, и забудь народ Твой, и дом отца Твоего. И возжелает Царь красоты Твоей; ибо Он Господь Твой, и Ты поклонись Ему». «Посему народы будут славить Тебя во век века».

С глубоким благоговением он склонился пред Нею и ввел Ее во Святая Святых, ку-да и сам имел право входить только один раз в год.

Таким образом рукотворенный храм удостоился величайшей чести: в нем вселилась Пресвятая Дева Мария, Нерукотворенный храм Единородного Сына Божия.

Это был единственный момент возвеличивания Пресвятой Девы Марии за всю Ее земную жизнь, указывающий на Ее великое назначение. Но, как предсказал пророк Исаия, «огрубело сердце народа сего, ... да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем».

Никто не понял, что здесь приоткрывается завеса пред величайшими событиями Божественного Домостроительства, что здесь воздается хвала Богоизбранному сосуду, на него же и Ангелы без трепета взирать не могут.

Никто не уразумел, что пройдет немного лет и совершится непостижимое и преславное!

Отверзятся небеса, и ангельские лики, восхваляя Бога, склонятся пред этой Пресвятой Девой – кроткой Голубицей, держащей в Своих материнских объятиях Предвечного Бога – Единородного Сына Божия.

И вот уже два тысячелетия сердце каждого христианина, приветствуя введение Приснодевы в храм, наполняется трепетным предчувствием завершения этого события – Рождества Христа, и мы все в радостном восторге воспеваем: «Христос рождается, славите! Христос на земли, возноситеся! Пойте Господеви вся земля! Воспойте, людие, яко прославися!» Аминь.

1963 год.

Слово в Неделю Святых Праотцев

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Приближаются дни к святому Рождеству Христову и Церковь сегодня вспоминает Праотцев от Адама и от ближайших к Адаму святых до всемирного потопа, и после потопа до начала Пророков.

После рожества Христа Спасителя, особенно после Его проповеди, среди ученых того времени, верующих богословов и среди язычников, враждебно настроенных про-тив христианства, было исполнено то пророчество, где говорилось о Христе Спасителе: «Род же Его кто исповесть». Поэтому Церковь Христова и вспоминает сегодня Праотцев, а в следующее воскресение святой Матфей точно объяснит по линии земной, по линии человечества – родословие от Авраама и до самого рождения Спасителя Христа.

А сегодня Церковь предваряет это событие святыми Праотцами. Сегодня Апостол Павел рекомендует держаться своей линии всем христианам, держаться той линии, ко-торой держались Праотцы святые – праведности: без закона жили паче, нежели в за-коне. И святой Апостол Павел сегодня подтверждает и напоминает, чтобы люди держались тех возвышенных качеств, законов естественных духовных, которыми жили святые Праотцы. Закон благодати начертан на скрижали сердца, ибо всяк человек есть Божие создание. (Впоследствии сказали, что всяк человек или душа человеческая есть христианка.)

В сегодняшний день очень реально выступает жизнь святого праведного Иосифа, сына патриарха Иакова, которая является примером для всего человечества, как прежде, так особенно теперь.

Иосиф был самым меньшим и любимым сыном патриарха Иакова. И необыкновенные сны он видел: что в поле все снопы его снопу кланялись и что само солнце и луна ему кланялись. И очень не нравилось это отцу и матери, и особенно старшим братьям его. Отец всегда держал Иосифа при себе и одевал его в красивые ризы, паче нежели других своих сыновей. Иосиф

возрастал в красоте и разуме. Библия святая говорит, что однажды отец послал его далеко в поле навестить братьев своих и отнести им гостинцы. А братья, когда увидели его издалека, решили его уничтожить, этого сновидца. Неужели мы и отец, и мать будут ему кланяться?! Неужели он господином будет над нами?! И решили убить его. Но один из более разумных и более богодухновенных братьев, Рувим, сказал: «Нет, мы не должны проливать крови брата своего, мы не должны руки возлагать на него, а мы его в ров опустим, и во рве он сам умрет от голода». И взяли веревки, и опустили его в ров. Он очень плакал, он умолял, как Библия нам говорит, братьев своих. Но братья оставались черствыми и холодными, жестоко-выйными были его братья. А потом – идут, идут обозы в Египет – измаильтяне едут, купцы, которые покупали живой товар. Тогда братья решили: «Неужели смерть брата будет на нашей совести? Правду ты сказал, Рувим. Давайте вынем его из рва и продадим этим купцам в Египет. А одежду его снимем, окрасим кровью козленка, которого мы заколем сегодня к трапезе и скажем отцу, что нашли ризу сына твоего любимого и нашего брата. Вероятно, его растерзали звери».

И продали они Иосифа измаильтянам, которые купили его за двадцать сребренников и повели в Египет, в главный город. Там они продали его царедворцу фараонову, начальнику царской охраны. И тот взял его в свой дом: белого, красивого, с красивым станом, с красивыми глазами, с умными мозгами, со спокойных взором, со спокойны-ми грациозными манерами. И он, как раб, исполнял всякие работы, которые ему прика-зывали. И заметил господин, что благодать Божия в руках этого молодого еврея. Заме-тила и его жена, что очень умен этот человек. И заметил господин, что человек этот честный, и поручил ему большое поручение. Он ему поручил все, ... кроме своей жены. Иосиф с благоговением исполнял все свои обязанности. И такое счастье сыпалось на хозяйство Потифара, и благодать, и мир, и покой, и радость были в сердце господина и всех окружающих слуг. Но сатана заполз в сердце госпожи и вложил ей искушение к этому слуге своему, рабу своему – еврею Иосифу, вложил ей страсть, запрещенную в союзе семейном, в союзе супружеском.

И сердце ее разгоралось страстной любовью к Иосифу. И не раз она, воспламенясь, склоняла его на запрещенный грех, и не раз она его задерживала во внутренних покоях под предлогом дела и некоторых поручений. И в конце концов она решилась сделать то, что совсем запрещалось и политическим законом. Она потребовала от него остаться с ней в спальне. Иосиф ей сказал, что он Гос-пода Бога Вседержителя чтит, почитает и боится нарушить волю Его. Он ей сказал, что почитает господина своего, что он верный раб и слуга всего того, что ему поручено. И, поклонившись ей, сказал: «Ты, госпожа моя, неприкосновенное лицо». Тогда она, как часто делают женщины, которых воля не исполнена, как женщина, которую, отдавшуюся, не взяли, схватила его физически, но он вырвался от нее. У нее остался в руках его верхний плащ. Тогда она закричала на весь дом, что вот этот еврей, которому муж все доверил, хотел над ней насилие учинить, и показывала плащ Иосифа. Когда явился к обеду Потифар, она сказала ему со слезами и истерикой: «Не ожидала такого поступка от молодого еврея, которого ты ввел в дом. Он хотел меня оскорбить». И очень возмущился господин, и заключил Иосифа в царскую тюрьму.

А благодать Божия была с Иосифом и в тюрьме. Ему начальник тюрьмы доверял всякие поручения. Он имел непосредственное прикосновение деловое ко всем заключенным. А заключены там были высокопоставленные особы: не уголовники, не воры. Царская, политическая тюрьма, вероятно была высшего порядка, раз там министры сидели. И благодать Божия была с Иосифом, и все его там любили. И в той тюрьме оказались два министра: один хлебодар, иначе начальник питания, а другой начальник виноделия – виночерпий. И хлебодар видел сон такой, будто бы он держал на голове своей корзину с разными яствами, и ворон клевал их. И этот сон повторился три раза. А виночерпий видел сон, что он нацедил вина в чану фараона и подал ему. Последнему Иосиф сказал: «Ты через три дня будешь опять подавать фараону чашу с вином – восстановлен будешь в своей должности». А хлебодару: «Ты через три дня будешь повешен». Так и совершилось.

Прошло два года, в течение которых министр виночерпия не вспоминал об Иосифе. Только когда фараон увидел сны необыкновенные: худых коров он увидел, худых и хороших, что предвещало страшный голод семь лет, тогда тот министр сказал: «Ах, да, там есть в тюрьме Иосиф, еврей, который прекрасно растолковал сон, который сбился точно. Вели его привести сюда, он точно расскажет. Он единственный расскажет, ибо Бог его один, Бог его с ним». И призван Иосиф был. Его, конечно, купали, причесали, облачили в белый хитон, препоясали. И подведен был к фараону, и поклонился фараону в ноги, как полагается.

Иосиф стоял, как свеча пред иконой: высокий, красивый, грациозный, благоговейный. Тогда фараон объяснил ему свой сон. И Иосиф сказал: «Да живет душа твоя, владыка! Сон твой от Господа Бога. Будет семь лет необыкновенный урожай в твоей стране и семь лет страшный голод. Найди такого человека, который взял бы в свои руки все хозяйство во всем государственном масштабе. И те семь лет, в которые будет урожай, нужно собирать пшеницу особенно тщательно и лишнюю часть оставить в припасы, чтобы на другие страшные семь лет пропитание было в стране, да и чужие люди придут к тебе за пшеницей».

И понравились фараону эти слова, и поверил фараон этому объяснению своих снов Иосифом. И как бы сам Бог положил ему на сердце и в разум, и фараон сказал своим рабам и министрам: «Кого же мы найдем на это дело лучше, нежели этот снов толкователь Иосиф-еврей?» И все были согласны с ним, ибо благодать Божия вела к дальнейшим и дальнейшим Божиим действиям и промыслительному делу домостроительства. Иосиф сразу вошел в свою роль. Благодать Духа Святого в нем действовала и еврейский торговый и коммерческий мозг. И пошло все прекрасно. Он дал распоряжение по всем городам и селениям строить, как это называя по-нашему, элеваторы. Он приказал известный процент изымать, и известный процент покупать, и все продаваемое покупать. У него очень быстро накапливалась пшеница во всех закромах всего государства, и

было ее все больше, и больше, и больше – до наступления страшного голода.

И когда подошли года страшного голода, то отец Иосифа Иаков, который давно его оплакал, как растерзанного зверем, – сказал сыновьям: «В Египте хлеб продают, возьмите, дети, мое серебро, овечек, бальзам и пойдите купите, и обменяйте». И собрались десять братьев, десять сыновей Иакова, навьючили на своих ослов и верблюдов подарки и пошли, и в Египте все предложили Иосифу. Все было промыслительно. Бог как бы за руку вел это дело. Иосиф отпустил братьев, только спросил об отце своем. Потом опять повторился приезд их с серебром и третий был приезд, который был обусловлен тем, чтобы и Вениамин, которого отец не отпускал, боясь, чтобы его не погубили как Иосифа, пришел сюда. Иосиф ребром поставил вопрос: «Не будет Вениамина – вы – соглядатаи, вы – шпионы!» И отец согласился отпустить Вениамина. Увидел Иосиф Вениамина и упал на его шею, и плакал, и целовал. И открылся Иосиф братьям своим, и они обедали вместе. И фараон разрешил ввиду страшного голода, продолжающегося и все усиливающегося, чтобы сам Иаков приехал со своими сыновьями. Семьдесят два человека приехали в Египет. И повелел фараон отвести им землю Гесем. Это лучшая земля – нечто вроде нашей Кубани. И сам Иосиф поехал навстречу отцу своему, и как бы упал жезл из рук у Иосифа, и он стал будто поднимать его, чтобы сделать свой поклон отцу, ибо египтяне смотрели на евреев, как на меньших.

И поселились в Гесеме братья Иосифа с отцом своим Иаковом. И там они прекрасно жили. И было у Иосифа два сына – Ефрем и Манассия. И когда патриарх Иаков умирал, он Иосифа пригласил к себе: он хотел благословить его детей и Иосифа самого. И прибыл Иосиф в Гесем с двумя сыновьями – Ефремом и Манассией, и стал подводить к одру умирающего отца, уже слепого, который сидел на одре. Там уже традиция была, чтобы патриарх возложил руки: на старшего – правую, на младшего – левую. Но патриарх так сделал... [Владыка руками изобразил крест.] Тогда Иосиф: «Что ты, что ты отец! Не так – это младший, это старший!» А патриарх говорит: «Знаю, знаю, что я

делаю во образ креста Христова». И отсюда пошло архиерейское благословение обеими руками в Новом Завете.

Патриарх Иаков пророчествовал будущее Иосифа и колена его, пророчествовал всем остальным сыновьям. И Иосиф тоже, умирая, завещал евреям, своим братьям, которые очень размножались, что «...когда Спаситель Господь чрез сотни лет посетит вас и выведет из Египта в землю, обещанную Аврааму, Исааку и Иакову, отцу нашему, чтобы не забыли перевезти в Палестину и кости отца», что и совершилось во время исхода, на что и дал распоряжение в свое время Моисей. Вот такая история праведного Иосифа, который в сегодняшний день так особенно реально выступает своей жизнью, своим этим Боговедением, так как за руку его Сам Господь Бог вел. И необычайный был его дивный характер, и необычайные его были способности, и необычайная красота, и необычайная воздержанность, честность при исполнении долга. Он честно выполнил долг во дворе своего господина Потифара. Он удержал себя от искушения и преодолел все свои инстинкты половые, зная, что это нельзя! И он честно в тюрьме выполнял возложенные на него послушания, всегда молясь и страдая, не зная, что завтра будет. И он честно выполнил задание, порученное фараоном: спасти страну от голода, спасти свою фамилию, размножить за сотни лет Израиль во Египте. И предусматривал чудесное избавление евреев от египтян, и чудесный исход под предводительством великого уполномоченного и секретаря Господа Бога и дееспособного – Моисея.

Вот таковая тема сегодняшнего праздника святых Праотцев. Вот каковой пример уготовили людям Праотцы, не знавшие закона начертанного, но выполнявшие закон совести, живя по совести, по-человечески.

А мы часто, имея благодатный закон, не только благодатный закон Синайский, но благодатный закон Христов, так страшно нарушаем этот закон, так страшно позволяем своим инстинктам бушевать и плясать по нашей совести.

Сегодня праведный Иосиф благословляет, утверждает и рекомендует святость семейных взаимоотношений, и сегодня Иосиф праведный показывает благодатный и страшный пример:

третьему лицу никогда не вклиниваться в семейный союз, где пола-гается два.

Он сегодня является примером красоты духовной, примером смирения, примером веры в Господа Бога, примером семейной жизни, примером того, как нужно исполнять возложенный долг, примером человека, которого не напрасно так прекрасно Моисей описал в первой книге Библии – Бытии.

Иосиф сегодня дает пример и поучение, и благословение небесное всем государст-венным деятелям, которые пекутся о хлебе насущном в государстве своем.

Так помолимся сегодня святым Праотцам, которые очень прекрасно выполняли за-кон, не написанный на бумаге, но начертанный в совести каждого человека – на сердце его, помолимся им, чтобы они помолились о нас Господу Богу,

Попросим же праведного Иосифа, чтобы он молился Господу Богу об укреплении семейных уз, за удержание страстей людей в молодых годах, да и в самой старости, и чтобы он благословил в каждой стране и в нашем государстве всех тех, которые дума-ют о том, о чем молятся верующие: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь».

Как при Иосифе питался и не оскудевал Египет в хлебе, так за его молитвы и за молитвы святых Праотцев да не оскудеет никогда пшеница, вино и елей в стране на-шей благодатной, русской.

Поверим всему тому и не забудем, что еще до закона, написанного в Библии, уже при рождении древних патриархов, а также и каждого младенца, рождающегося вчера, сегодня и завтра, какой-то благодатной и невещественной рукой начертывается на скрижали сердца закон веры, закон совести, закон исполнения долга. Аминь.

29 декабря, 1963 год.

Слово в Неделю о Фоме

Как воровать просто и без разбора – дело легкомыслия, так и сверх меры испытывать, и больше чем нужно и можно – дело ума упрямого! Поэтому и апостол славный Фома подвергается порицанию.

Когда апостолы сказали ему: «Видели Господа», – он не поверил не сколько по неверию, сколько считал невозможным быть воскресению.

Когда Христа Спасителя взяли в Гефсиманском саду под стражу – апостолы разбежались, даже Иоанн сначала, и даже Петр...

Но эти два апостола следили за событием тех дней и ночей до погребения Христа.

Христос Спаситель победоносно воскрес!

Он говорит мироносицам, чтобы апостолы шли в Галилейские горы – там они Его увидят воскресшим... Фомы не было.

Но вот Фома является. Ему апостолы и говорят: «А мы видели воскресшего Господа!» Для Фомы такие слова апостолов были настолько неожиданными, что он в порыве какого-то его внутреннего индивидуального характера повышенным голосом ответил им: «Если я сам, своими глазами не увижу Воскресшего Господа и своими пальцами не осяжу его язв на его теле – не поверю!»

И вот, в восьмой день по воскресении Христа он был вместе со всеми учениками в горнице, но при запертой двери дома. Ученики все еще продолжали бояться силы врагов Христовых... И Фома был здесь – они молились и беседовали...

В это время через запертые двери явился Христос Спаситель и сразу обращается к Фоме: «Протяни руку Твою и исследуй раны мои от распятия...» Фома, все слыша и видя, воскликнул: «Господь мой и Бог мой!»

Христос ему ответил: «Ты поверил, ибо увидел. А счастливее тебя будут люди во все века, которые через слово Вашей проповеди поверят тому, что Я – Бог страдал за грехи людей на Кресте. Блаженны не видевшие и поверившие!» Вот

слова Христа Спа-сителя всякой душе человеческой. Блаженны верующие проповеди!

Апостол Фома видел страдания Христа, начиная с того вечера, после Тайной вечери и до самой смерти на страшном Кресте! Слышал и все своими глазами видел... И после всего того – трудно ему было поверить в такое чудо воскресения!

Тогда Фома был еще учеником.

Теперь же Фома и Апостол, и просветитель своего жребия во Фракии и в Индии, на берегах светлой реки Ганга! После сошествия Св. Духа на Апостолов. Аминь.

1966 год.

Слово на воскресное Евангельское чтение

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Так святой апостол Лука сегодня утром нас всех поучал и благовествовал, как Христос Спаситель однажды посетил имение своего друга Лазаря, у которого были сестры Марфа и Мария. И как женщина одна в восторге большом от проповеди Господа Иисуса Христа воскликнула среди толпы, приближаясь к Нему: «Блаженно чрево, которое Тебя носило, и сосцы, которые Ты сосал, питаюсь, как младенец, по установленному Господом Богом естественному закону питания младенца драгоценной и чудесной жидкостью, что есть млеко». Молоко груди матери есть тайна желез млекопитающих.

Итак, святой Апостол подходит сейчас к вечернему времени, а завтра в наутрие Воскресения Христова Церковь положила (в пятнадцатую неделю по Пятидесятнице) благовестить в трагических молитвах небольшой отрезок из последних дней жизни Господа Иисуса Христа на земле и тех страшных дней для Апостолов, и очень страшных дней для святых Мироносиц – сердечнейших жен, добропобедных страданием и терпением, и очень уважаемых еще тогда даже среди язычников, и особенно среди ве-рующих христиан.

Вот святой Лука сейчас и будет нам говорить среди храма. Он будет влагать в на-ши уста, недостойные очень, достойнейшее благовествование о воскресении Спасите-ля Христа. Но немножко раньше у того Луки в предыдущих главах есть страшные мо-менты, до этого радостного, но еще недоумеваемого явления воскресшего Христа Апостолам и Мироносицам. То страшные драматические моменты, когда Христос Спаситель нес на Голгофу свой крест, на котором должен быть распят по закону римскому, как самый наихудший разбойник и политик; и по закону еврейскому, как Учитель нового, благодатного и лучезарного учения, выходящего из рамок тоже благословенной и священной религии. Еврейское сознание того времени и сегодня, кроме некоторых, смотрит более вдаль, вдаль с верою и верит и доверяет своему соотечественнику святому Апостолу Павлу, что наступит такое время, когда Израиль,

который пока бунту-ет, будет сопричтен к нам, крещеным во имя Святой Троицы – христианам. Когда бу-дет то время – знает Святая Троица, когда будет то время. Святой Дух вложил в уста Апостолу Павлу говорить и записать это.

Так это был такой страшный момент, когда Христос Спаситель нес Крест на Голгофу, и под Крестом Он изнемогал, и время от времени от усталости Он падал. Ему помогали приподняться с крестом и друзья, и враги Его. И вот, увидев одно крыльцо слева, как Он двигался к Голгофе, Он хотел там на минутку присесть, под крестом прилечь и отдохнуть. Но вышел богатый человек Агасфер – еврей, верующий Агасфер, верующий во все законы через Моисея, пришедшие к евреям, веровавший пророкам иудейским, но не знавший ничего еще о светозарном свете Евангельского учения и обещании вечных благ, т. е. уже не в аду пребывания после смерти даже и святых пророков и патриархов, но в преславном Царствии Небесного Отца Бога Вседержителя.

А Иисуса Христа он знал, как человека, который вносит изменения в религиозные уставы и еврейскую веру. Не все Христа Спасителя понимать могли, даже и самые расположенные люди к Иисусу Христу, как Никодим – князь жидовский, благочестивый человек, как Иосиф Аримафейский – благороднейший человек, как Гамалиил – профессор очень важный того времени богословских высших мотивов, не понимали Христа, уважали Христа, что-то такое навевало у них доброе о Христе, но они крепко стояли на фундаменте, якобы незыблемом, но и есть незыблемый и на сегодня – Библия Священная. Этот камень очень важный, отточенный на важном инструменте Святым Духом, и от корки до корки Библия святая. Но поверх Библии святой еще строится новая п-стройка – на этом фундаменте создается основательная положительная красивая ажур-ная постройка Церкви, в которой будут совершаться Таинства, установленные Христом на земле и обвешанные Духом Святым.

И вот, когда Христос Спаситель хотел присесть у крылечка этого богатого и верующего по-своему еврея Агасфера, то Агасфер раскрыл двери своего крыльца и, толкая ногой

Спасителя Христа, крикнул: «Иди, иди отсюда! Тебе здесь нет покоя, сектант! Ты нововведения принес, пришел Церковь Израилеву рушить! Мы посмотрим, как разрушить Ты обещал и в три дня построить Церковь, которая строилась тридцать восемь лет!»

И он ногою оттолкнул Спасителя Христа, который был с запекшимися глазами от высокой температуры и гнойности по естественным законам человеческого естества и запекшимися от жары и температуры Божественными устами, и кровь текла от терния, от ран Его, с Божественного чела капала кровь и палила землю, которая тоже плакала, что Бог, Творец мира, сошедший на землю страдать, так бичуем и так страдает. Она пила и упивалась кровью Спасителя Христа, возвещая в свое время доброе плодородие мысли человеческой, возрастающей и приемлющей ток из того растения, которое было посеяно десницею Вседержителя в известный день творения мира.

И только одна женщина подошла, когда Христос Спаситель стал путь продолжать, подгоняемый и, время от времени, римскими мечами ударяемый. Тут подошла женщи-на Вероника и, сняв белый платок со своей головы, отерла лицо Спасителя Христа, запыленное, в слезах, в крови, отерла жаждущие пыльные губы, местами лопнувшие от солнца, воздуха и температуры. И когда она отерла Его Божественный лик, то сразу увидела изображение на этом своем белом платке. Она сразу получила благодарность и награду, запечатленную страдающим Христом на том платке, которым, вероятно, она или покрывалась, или специально приготовила для данного момента великого подвига свободы и любви.

А потом, дальше Христос Спаситель опять шел и опять падал. Шел человек, которого имя Александр Киринеян. Ему приказали в административном порядке крест нести, потому что Узник, совершенно изнемог. Надо было Узника сохранить, чтобы Он знал, что Он, злодей такой, злодейское приемлет наказание неумолимого римского креста!

А женщины кругом шли и плакали, и воздыхали, и Мироносицы следовали, и плакали все, бьющие в перси своя, и возвращались от Голгофы, куда не всех пускали, когда над

преступниками совершали высшее гражданско-религиозно-еврейское наказание. Римляне исполняли, евреи подогревали, евреи клеветали, римляне, закон свой исполняя и некоторую свободу давая евреям, должны были этого еврейского Пророка, который ничего с римлянами и римскими религиями не имел, ко кресту пригвоздить и воздвигнуть Его, чтобы Он умер страдальчески на кресте. А потом Апостолы, описывая страдания Христа и слова Его, описывают просьбу благоразумного разбойника, который во время таких же страданий на кресте просит, чтобы помянул его Христос во Царствии Своем. Значит, какой-то инстинкт, какой-то смысл высший в разбойнике заговорил, что это – Бог, у Которого ключи от Царствия Небесного. И этот разбойник, который еще несколько минут назад Его тоже поносил, как и тот его сосед, что был слева, сказал: «Помяни мя, Господи, когда Ты придешь во Царствие Свое». И Христос Спаситель, как пишет экзегет один английский – Фаррар, благочестивый человек и священнослужитель английский, Он так склонил немножко, Спаситель, в его сторону Свою Божественную главу и сказал: «Сегодня ты будешь со мною в раю». И Церковь назвала этого разбойника благоразумным. А потом, как дальше вам известно из чтений Евангельских, особенно в дни страстей Спасителя Христа, посыпались Ему вопросы, издевательства, коварные слова евреев в Его адрес, проклятия, насмешки и свист: «Сойди с креста, тогда мы уверуем в Тебя! А Ты Церковь обещал разорить и в три дня Ее воздвигнуть!» Но Христос Спаситель молчал. Он мог бы сейчас с креста сойти Сво-ей Божественной фигурой, Он мог бы поразить этим чудом весь мир, но этого Он не сделал. Почему? – вопрос такой ужасный, как будто бы непонятный среднего понятия люди задают, а высшего понятия люди отвечают: «Если бы Христос Спаситель тогда с креста сошел и поразил бы мир таким великим чудом, то ожесточенная часть, вероятно бы, отказалась верить этому чуду; единственное, что злодеем бы Его назвали. А та, ко-торая поверила бы, упала бы пред Ним, как бараны, в страшном порабощения и поте-ряла бы свободу своей веры».

Так или так.

Так Христос Спаситель, если бы сошел с Креста (есть третье предположение), то сатана засмеялся бы своим металлическим голосом из ада и сказал: «Ха, ха, Сын Божий миссию не выполнил! Мои остаются у меня, и все, которые идут за Ним и которых сейчас Христос оставил у Креста, – все мои, весь мир мой!» Он бы предложил Христу оставить планету земную, уйти в обители Отца Небесного, если бы он поверил, что это воистину «Христос, Сын Бога Живаго, пришедый в мир грешныя спасти». Ведь от сатаны многими вещами, многими моментами скрывалась эта тайна, не боясь сатаны. Бог не боится сатаны, но Бог действует пред человечеством, ради человечества и ради спасения человечества, и осторожности, и философии, и послушаний, и мозгов различных у людей – это все концентрируется воедино. А так как Христос Спаситель с креста не сошел и оставался на кресте, умирая, то евреи, как будто бы в покое, с Голгофы разошлись Пасху свою совершать, украсив свои столы, как кто умел по достоянию, обязательно цветами с Хевронской долины роз ароматных и вкушали фисташки и орехи, и бальзам, и вино, и опресноки и т. д.

А Христос Спаситель в это время умирал. И благодатнейшие Иосиф и Никодим, которые так почитали Христа, но все боялись, решили любовь свою реально перед Ним доказать. Пошли к Пилату просить Его тело, рискуя. И тело получили от него. И риск их тогда был очень страшный. А впоследствии за это дело и идею они оба мученически умерли по Вознесении Спасителя Христа.

А потом – священное утро – Воскресение. Потом жены Мироносицы, любвеобильные женщины, как и многие из нас, ради добра, ради Страдальца, ради Церкви, ради идеи, ради ребенка, ради человека готовы в огонь пойти и сегодня. Так Мироносицы, прекрасные жены, почитавшие Спасителя Христа, рано утром пошли ко гробу на «авось», и это «авось» у женщин часто реально получает добрый эффект. Но когда они пришли с драгоценным миром, чтобы помазать Божественного Учителя Христа, то увидели гроб и двух Ангелов, которые сказали им: «Христос Воскресе! Он же вам го-ворил в Галилее, что будет предан в руки грешных человек, отчаянных человек, неверующих

человек, распят будет, убит будет и в третий день воскреснет». И вспомнили сразу Мироносицы, и поспешили к ученикам сказать это событие священного Воскресения Христа Спасителя. Но после таких трагических дней, часов и моментов, как же могли ученики понять, принять, поверить, зная, что Христос Спаситель пред ними, ко-гда некоторые из них издали «зряще бывшая», что Он дух испустил и погребен, как человек, в саду благородного Иосифа Аримафейского. Они дрожали, не понимали и не могли поверить даже Мироносицам, благороднейшим женщинам, которых любили, ко-торых почитали за друзей и сестер, и матерями называли. Тогда быстрый на вопросы и быстрый на ответы, и горячий сердцем, и горячий отказаться и плакать апостол Петр, «встав тече ко гробу, и приник виде ризы едины лежаща: и отыде, в себе дивяся быв-шему».

Вот какое наступает, относительно завтра, священное утро и сегодняшняя ночь, о чем нам сейчас будет благовествовать святой Апостол Лука, который нам и утром се-годня благовествовал о Господе Христе, о женщине той, которая в восторге восклик-нула: «Блаженно чрево, носившее Тя, и грудь, которая питала Тебя». Тот блаженный Лука, апостол был ближе всех к Богоматери и больше знал историю Божественную, мистическую о Богоматери и первый портрет Ее начертал себе в благословение. И портрет тот стал по-гречески называться иконою, и стали копии с него сниматься, и христиане очень полюбили этот портрет, хотели иметь этот портрет, копии снимали. И Она на первый портрет посмотрела, улыбнувшись, как нам пишет святой Епифаний Кипрский, сказала: «Моя благодать будет с ним». И после того много, много в мире оказалось пред самыми нашими днями чудотворных икон Богоматери.

И после тех моментов Спаситель явился ученикам – Луке и Клеопе, в тот вечер, когда они шли, бежали в Эммаус. Там целый кошмар был, в Иерусалиме, аресты по-шли всех последователей Христа Спасителя. Два ученика в Эммаус бежали, а группа учеников, «дверем заключенным» на большой крючок, на толстый, сидели и все переживали, и дрожали. И им в это время такое благовестие, которое сражало их разум, ка-

салось их сердца, соединяло разума мышление и сердца горение.

Итак, апостолы Лука и Клеопа, когда увидели Иисуса Христа, благословившего хлеб в Эммаусе и ставшего невидимым, воскликнули: «Не сердце ли наше горя бе в нас, егда глаголаше нама на пути?» Не горело ли в нас сердце наше, не пылало ли оно той верой и любовью к Человеку, Который к нам приблизился, стал спрашивать, что делается в Иерусалиме в последние дни? И когда мы стали Ему рассказывать: «Разве Ты не слышал, не знал, разве в Иерусалиме не был в эти дни? События страшные: би-чевание, предание, Пилат, народ, Голгофа и, говорят, Воскресение. Мы надеялись, что Он спасет Израиль, а вот такие последствия». Он им начал, этот Спутник, рассказывать пророчества о Себе. Они немножко глаза расширяли и сердце, и разум, и кладовки памяти раскрывали, чтобы туда это все можно было спрятать, чтобы позднее в Евангелие написать из тех мотивов, хранящихся там, в затылке над мозжечком, где весь архив нашей памяти. И когда в Эммаусе они попросили Его: «Можете тут отдохнуть», и ужин был, и они положили хлеб для Путника, предложили Ему благословить трапезу, и когда Спаситель приподнялся и воздвигнул руки, тогда они увидали, что это Хри-стос. Но Он стал невидим.

Тогда они быстро поспешили в Иерусалим, ничего уже не боялись, ни смерти, ни меча – ничего, и дверем заключенным застучали: «Скорее открывайте!» Все боялись, что их арестовывать будут, а они: «Мы, мы! Христос воскрес!!!» И когда открыли две-ри, Лука бросился в объятия всем и стал обнимать и целовать: «Христос воскрес! Хри-стос воскрес!» А ученицы Христовы – Мироносицы – уже тихонько и осторожно (им же не верили ученики) стали повторять: «Воистину воскрес, воистину воскрес – нам Ангел сказал это».

Вот, я немного расширил мысль, которую сегодня будет передавать Апостол Лука о воскресении Спасителя Христа. Из писаний людей ученых, из архивов людей уче-ных, из Предания, из художественного слова верующих людей создалось все то, что я мог почерпнуть своим маленьким ведерочком разума, коротенькими веревками из того глубокого колодца в мире

мысленном. Но все же оттуда некоторые материалы достал и вашему благочестивому вниманию долгом считал, любовью считал и некоторую обя-занностью в тех мотивах и формах, каких я мог вам о воскресении Спасителя Христа и предыдущих Его страданиях возвестить. Аминь.

12 сентября, 1968 год.

Проповедь, произнесенная при посещении г.Караганды, в навечерие Рождества Пресвятой Богородицы

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Пребывая в своем граде, мы имеем обязанность, послушание и долг Апостольского служения посещать еще и все города, все храмы Божие, куда приносится нами благо-словение от имени Господа в силу нашего рукоположения на это служение соответст-венное: красивое, завидное, но и коварное, как некоторые мирские художники слова о нем говорят.

И в ваш град, к которому мы всегда имеем особое тяготение, мы привезли благословение нашей мерности: самые добрые, искренние, молитвенные пожелания вам здоровья, благополучия, лучшего настроения внутреннего мира каждого из вас, покоя и удовлетворения земной жизни, без всякого раздражения по отношению к людям.

И с этим пожеланием, с этим молитвенным настроением, с этим ожиданием Божественной службы мы мечтаем и просим Бога довести нас до завтрашнего благословенного дня – Храмового Праздника. Мы молитвенно желаем опять видеть ваши лица, настроенные благочестиво, настроенные положительно в том, что каждый из вас любит, во что верит, что приобрел, чем дорожит. И за такое желание, за такие молитвы, за такой подвиг, за такое усердие Бог, Который есть и будет, несомненно, каждого из вас посетит, посетит сердце наше и душу нашу бессмертную, которая имеет пребывание на благодатном тепле сердечном, но не без контроля разума. Разум – это необходимый прокурор, чтобы в гражданском мире был порядок и тишина. А в духовном мире существует духовное начальство, хотя уж с урезанными правами. И мирская власть, как смотрела тысячелетием, так и сейчас смотрит за тем, чтобы порядок был среди общежития живущих граждан-людей, в том или другом государстве на земле. И мы ничего не можем ей сказать или в кулачок дуться, или на подушке своей во время отдыха переживать: как много будто бы отнято и не дается. Все

может быть под солнцем на земле: иногда много показывается, но мало из этого получается; а иногда мало показывается, а много получается, как драгоценный камушек, которого не найти в земле, нужно очень много покопать.

Вот так и каждый из нас для Господа Бога, через посредство Его Церкви, Им созданной на земле, откапывается, отыскивается, находится, как драгоценный камушек – тот человек, который верует во Святую Троицу. И для венца Господа Бога, прослав-ленного уже после страданий (как Его видел Иоанн Богослов), этот человек – драгоценная жемчужина! И поэтому, когда князь Владимир обрел Христианскую веру, то Церковь ему и воспела: «Ты нашел драгоценную жемчуженку, которую так глубоко на сердце своем сохранил и через все законы, через все двери сердца твоего эта жемчу-женка согрела, освятила и просветила то государство, которое тебе поручено было свыше. Рассмотрев и проверив все религии на земле, ты ничего, княже Владимире, не нашел лучше и светозарнее христианской веры, которая потом вылилась в рамки Православия: правильно славить Святую Троицу».

Мы, конечно, являемся с вами счастливыми людьми, как выражаются многие наши писатели православные: «Счастливичики! Им уже не надо ломать голову и мозги свои – какова наша вера, и не нужно приходить испытывать ее». Но мы, благодаря своим родителям, веруем во Христа с купели Святые Троицы, где во время крещения был вложен в наше сердечко драгоценный бисер, драгоценная жемчуженка – Христос, т.е. вера в Него. Итак, мы являемся счастливыми, потому что каждого из нас, пребывающего сейчас на молитве и отсутствующего по обязанностям, отсутствующего по хладнокровию и отсутствующего даже по индифферентности, но все же у каждого, кто крещен во имя Святыя Троицы, там далеко и глубоко лежит жемчуженка веры, бесценный бисер – благодать Господа Христа, полученная во святом Крещении. И сам Спаситель мира об этом говорит, и апостол Лука нам передает в вечер субботний. Нам апостол Лука говорит об этом от имени Христа, говорит то, что он сам слышал, что сам видел, чему он сам поверил, что сам пережил и в Евангелии для всей

вселенной написал, что-бы удивляться нравоучениям и поучениям на все времена до скончания века, до по-следнего дня существования мира, и во что уже верят все, и даже гордая наука.

Мы посещаем города, благовествуем слово Истины, которое мы слышали, которому нас учили, в чем нас уверили и в заключение этой Истины даровали нам благодать рукоположения на то или иное служение. И мы с любовью, не стыдясь, подъемля неко-торый, хотя и малый подвиг, везем вам Истину, проповедуем, как умеем, увещеваем, сами у вас поучаемся, взирая на ваши радостные и верующие лица. А на челе у каждо-го из вас хороший грамотный человек может прочитать благодать. А если человек посвящен в священный сан, то вторая строчка уже написана: «Благодать и священство! Царское», – нам предание говорит. А лучше всего и яснее говорит Тот, Кому мы пове-рили и во Имя Которого мы крестились: Отец и Сын и Святой Дух.

С таким приветствием мы к вам прибыли, дорогие братья и сестры, чтобы вас по возможности обрадовать, чтобы освятить Богослужение и освятить ваш разум, ваше сердце нашими, хотя и слабыми, и не горячими, словами.

А завтра, если Господу Богу будет угодно, будем совершать Божественную службу, и многие из вас удостоятся причащения Христовых Таинств и очистят совесть свою в интимной беседе с духовником. И завтра прославим Царицу Небесную, которая по провидению свыше была предназначена быть Богородицей, через Которую воплотился Сын Божий Спаситель мира без мужа на земле, но с Отцом Небесным на небеси.

Так да будет благословен сей священный вечер, которого преполовление есть богослужение! Да будет благословенна сегодняшняя ночь, канун преславного Рождества Пречистой Девы Марии, этой утреней звезды, восходящей на небосклоне спасения всей вселенной! И да будет Божие благословение и разуму, и сердцу вашему на всех путях ваших.

И помолимся, чтобы эти два элемента человеческие в вас: сердце и разум – жили в мире, дополняя друг друга, не смешиваясь. Потому что, когда один элемент с другим

смешивается, то катастрофа бывает, как вольтова дуга. А жили бы так, чтобы разумно дружили, повенчанные благодатью, скованные кольцом золотым, венцом золотым покрытые, как чудные благодатные внутренние супруги были и разум, и сердце.

Так наши ученые отцы говорят, и Василий Великий так говорит в Шестоднев, где идет речь о творении мира и человека. Аминь.

20 сентября, 1968 год.

Праздник Рождества Пресвятой Богородицы

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Вчера вечером вы приветствовали нас с прибытием в ваш духовно насыщенный, Богохранимый город и в этот храм, с намеками на древность, на обветшалость, но намоленный, как святая старинная икона. Икона святая, старинная, которую любят люди старой веры, перед которой веками тысячи верующих молились, радовались, плакали, просили, благодарили и колена преклоняли, и сердце свое. Так эти иконы старинные и называют наши богословы и духовно настроенные люди – икона намоленная.

Очень характерно было то, что когда батюшку отца Иоанна Кронштадтского хоронили в Петрограде в 1908 году, такой знаменитый благочестивый протоиерей Скипетров, которому митрополит Петроградский поручил сказать слово надгробное на Карповке, он назвал тогда о. Иоанна так характерно, что многие мыслящие люди, многие проповедники, богословы, собеседники вынесли его слово с этого храма, от гроба доброго батюшки. «Ты был, – сказал о. Скипетров, – как икона, намоленная русскими людьми». Так характерно. Он взял эту мысль из художественной литературы нашей русской: «Такой старый, как икона намоленная». Так и о. Скипетров сказал пред гробом великого пастыря земли Русской, молитвенника за землю Русскую. И сейчас молитва его не иссякает за мир на Руси, за стояние доброй Руси, за неиссякаемое благо-честие, за исцеление душевных и телесных наших болезней.

Так и ваш храм отличается не изяществом архитектуры, не блестящей дорогой позолотой, не дорогой парчой. Он напоминает мне храм преподобного Сергия в Троице-Сергиевой Лавре.

Однажды, в то отдаленное от нас время, в Троицко-Сергиевой Лавре митрополит Московский Филарет служил в великом блеске. Парча была не искусственная, парча была златотканная, серебротканная. Люстры были дорогие, царями утвержденные в сводах Троице-Сергиевой Лавры, и все приборы Евхаристические, и все служебные предметы были серебряные с

орлами – царский дар. А свечи в люстрах были по два с половиной фунта, по килограмму теперешнему. И митрополит Филарет, как это описывается в старинных записках земли Российской и Церкви Русской, слово говорил в день преподобного Сергия пятого июля. Так он, восхищенный этим блеском и красотой, сам сиял, как драгоценный камень в дорогой оправе, не отвергая всю эту красоту, эту эстетику во славу Божию, но все же он очень характерно сказал. Он сказал: «О, как я хотел бы сейчас вместо этих тяжелых риз, униженных драгоценными камнями и жемчугом, облачиться в ризу преподобного Сергия из домотканного полотна, которая в ризнице хранится в киоте за стеклом. О, как я хотел бы сегодня вместо этих драгоценных сосудов из чистого золота, бриллиантами усыпанными – приношение царей и благодетелей, как бы я сегодня хотел совершить Литургию на том потире, из дерева выто-ченном, на котором служил преподобный Сергей и в который однажды, во время освящения Причастия, он сам и сослужащие ему увидели нисходящий благодатный огонь. О, как я хотел бы сейчас вместо этих люстр, сияющих, драгоценных, которые не отвергаются как приношение и красота, я хотел бы сейчас докончить божественную службу при треске свечей сосновых и еловых, при которых Сергей преподобный служил. О, как я хотел бы сейчас только переступить тот порог, который однажды пере-ступила, а может быть и много раз, Сама Царица Небесная в келье преподобного Сергия, посещая его. Я хотел бы сейчас приблизиться к этому порогу и только облобызать его, и просить Царицу Небесную о помощи в управлении порученной мне епархией Московской и этой Лаврой, этой жемчужиной, этой драгоценностью Всероссийской, с гробом драгоценным, драгоценнее всех жемчужин и драгоценных камней – ракой преподобного Сергия».

Я вам это напоминаю, братья и сестры, как историческое событие, уже ушедшее и канувшее в седые времена времен.

Но и сейчас, когда я вхожу в ваш храм (и раньше, мы же бываем здесь с 1957 года), и совершаю в нем Богослужение, то вспоминаю Филаретовы слова и пожелания, и у меня в памяти проходит лента большая исторических русских церковных

событий. И сегодня, в день храмового здесь праздника в честь Рождества Царицы Небесной, мы имеем те же мысли и те же чувства. Итак, как я и вчера говорил, мы удостоены быть у вас и утешать вас архиерейским богослужением.

На сегодняшний день очень много есть замечательных проповедей замечательных богословов, прославляющих Богоматерь. И мы, совершая служение в Ее храме в день Пречистого Ее Рождества, просим Царицу Небесную, чтобы Она приняла во внимание нашу любовь к ней. Чтобы Царица Небесная учла наше посещение храма, чтобы учла наш труд, чтобы учла все наши движения и недостатки сердца нашего – индифферентность, холодность, а может враждебность и покрывала бы нас своим омофором.

Святой Апостол Лука самый ближайший был к Божией Матери. Он больше всего наблюдал за жизнью Царицы Небесной и написал в Евангелии больше других Евангелистов о жизни Пресвятой Девы Марии. И о случаях из жизни Господа Иисуса Христа, когда Дева Мария относилась ко Христу как мать, и Он к ней относился как сын. Так святой апостол Лука написал о Деве Марии то, что в сегодняшний день мы читали, как положено на все Богородичные праздники. Как Иисус Христос идет в Вифанию и по пути решил зайти с учениками и со Своей Матерью Пречистой, которая часто Его со-проводжала, в дом своего друга Лазаря. Лазарь был человек неженатый, как нам говорят экзегеты древности и предания, и Лазаревы сестры были барышни: Марфа и Мария. И Мария, любившая слушать проповедь Господа Иисуса, сразу села у ног Его. А Божественный Учитель, которого все назначение Совета Святыя Троицы было благо-вестить в мире мир, в мире радость и в мире спасение, и благодатное обновление человека, Человека с большой буквы, после языческого человека с малой буквы, стал Божественные глаголы Свои вещать. Его учение в открытые окна и двери слушали люди, сопровождающие Христа. Лишь только Марфа, как добрая хозяйка и как прекрасно знавшая, что каждый человек и Божественный Учитель, воспринявший плоть и кровь, кроме греха земного человека, тоже, несомненно, трапезы вкушать хотел. И Марфа очень беспокоилась, чтобы угостить

дорогих гостей, чтобы угостить драгоценного Учителя и Господа и Друга их семьи. Марфа очень беспокоилась, суежилась, приготавливая блюда, составила быстро в разуме своем меню: поскорее и вкусно приготовить. Это естественный закон всех хозяев и добродушных, которые любят гостей принимать во имя Бога. А Мария слушает вечные глаголы Божественного Христа. Марфа же в ку-хонном одеянии все занималась трапезой и хлопотала. И не выдержало сердце ее жен-ское, и вошла она в горницу, где Господь Иисус беседу проводил. И, ставши близко у порога, как нам говорят историки и экзегеты, довольно возвышенным голосом сказала, обратясь ко Христу: «Господи, разве мы не равны пред Тобою, две сестры? Прикажи Марии, чтобы она сейчас встала и помогла накрыть стол и угостить вас. Ведь недавно Ты сказал в молитве, которой научил учеников, и мы эту молитву уже знаем, и в этой молитве говорится в одном месте: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». Правда, мы и то уже слышали из уст Твоих Божественных, что не одним хлебом насущным будет жив человек, но все же, все же...» Она женщина была, она хозяйка была, она любила тоже Господа Христа. А Христос Спаситель с таким легким отческим и любвеобиль-ным упреком оборотился к ней, оставляя этот упрек на все время человеку на земле: «Марфа, Марфа, ты молвиши и заботишься о многом, а Мария избрала благу часть, которая уже никогда не отыметя от нея». И когда Христос Спаситель после трапезы оставлял дом Лазаря, то из большой толпы вышла женщина-старушка и воскликнула, услышавши проповедь Христа чрез открытую дверь: «О блаженное и счастливое то было чрево, которое носило Тебя под сердцем, и та грудь, т.е. те сосцы, которые Ты сосал, питался, как человек, по законам человеческим, которые Ты сам создал и сотво-рил». И Христос Спаситель ее тоже осторожно похвалил. Но сказал опять для всех нас и сейчас вы это слышите чрез наше слово: «А самые счастливые, а самые блаженные те, которые слушают Слово Божие и хранят его в сосуде сердца своего».

И такое дивное, и бессмертное, и воспитывающее это Евангелие, о котором нужно думать, разбирать, и на славянском, и на русском языке читать, или опытных людей спросить

толкование. И, несомненно, в наших святых храмах, во всем мире подсолнечном, где есть православные храмы, в сегодняшний день совершается торжество в честь Рождества Царицы Небесной. И здесь, в вашем храме, и во всем мире все служащие несомненно беседуют с богомольцами на тему, которая соприкасается непосредственно с Пресвятой Богородицей, как сказано и нами сейчас пред вашим благочестивым вниманием.

Так Царица Небесная в мир пришла, как утренняя звездочка, возвещавшая: вот-вот будет восход солнца. Рождение Царицы Небесной – как настоящая утренняя звезда. Так и в Писании это воспринимается Священном, Она предшествовала вечному Солн-цу, пришедшему в мир – Иисусу Христу, вечному Теплу, вечному Свету и вечной Жизни. Как без солнца жизни на планете не могло бы быть, так и без воплощения Сы-на Божия все бы замерзло на разуме, и сердце было бы замкнуто на большой замок, и не могло бы быть красоты и лучезарности, и тепла христианства.

Мать Божия знала с раннего возраста, знала еще тогда, когда воспитывалась в храме, знала весь принцип благовещения от Гавриила. И с тем пошла похвалиться тетке своей Елизавете, супруге благороднейшего первосвященника Захарии. И на основа-нии пророчеств, на основании личных чувств и веры Она открыто сказала о себе в том доме: «С этого момента весь человеческий род будет Меня ублажать как Мать грядущего в мир Спасителя Христа».

Помолимся же к Царице Небесной, чтобы Она управляла пути наши в жизни земной, которая есть поприще и путь, грядущий в Царствие Небесное, где, по словам Ии-суса Христа, апостол Петр, хотя аллегорически, стоит с золотыми ключами, и будет Петр открывать тем, кто признал величайшего Первосвященника, Творца мира и человека, кто принял Царицу Небесную, как честнейшую Херувим и славнейшую без вся-кого сравнения Серафимов, кто благоговейно уважал Церковь, и уважая духовенство, и не забывая того, что духовенство из того же теста, что и все вы, но с большими пра-вами и с ключами в кармане. Это аллегория, она очень реальна и всем понятна.

Да будет же мир в ваших сердцах, братья и сестры!
Желаем вам молитвенно здоровья!
Желаем Караганде цвести и быть такой гордой и богатой, как
она сегодня! Аминь.
21 сентября, 1968 год.

В день святителя и чудотворца Николая

Алма-Ата, Свято-Никольский Кафедральный собор

Святитель Николай очень почитаемый, и ему Господь дал чудес море. Великий чудотворец – чудес море! Где только Николай – там чудеса, где только Николай – там и милость, где только Николай – там и исцеление, и охранение! Тот Николай, которого вы знаете, – великий чудотворец! Вся вселенная стала его почитать, любить Николая чудотворца, молитвы его просить, портреты его рисовать, и от портретов его чудеса пошли, и появились чудотворные иконы.

Так вот, братья и сестры, сегодня мне навеяна такая мысль, такой маленький очерк вашему вниманию преподнести о тяжелых минутах собора, о тяжелых минутах благочестивого Константина и об очень тяжелых минутах жизни святого Николая, который знал, что за свою ревность, за правду Божию он потеряет священный сан, но бросился на Ария чисто по-гречески, чисто горячий, чисто невоздержанный ради Христа.

Я приветствую вас, братья и сестры, с завтрашним праздником храмовым Николая чудотворца, и я преподнес вам то, что мне очень нравится в Николае. Я ему служу всю жизнь: в Таганроге собор Никольский, в Ростове Никольская церковь, в Петропавловске Никольский придел, а здесь всечестной храм. Так я под сенью Николая и под его омофором всегда был с раннего возраста до того времени, когда и сам получил высокую честь – носить, как Николай, то, что Божия Мать свысока показала во Влахернском храме – этот священный омофор.

И нас, святитель, не оставляй; и нас, святитель Николай, у Престола Святыя Троицы поминай, нисходя к нашим слабостям, но учитывая нашу любовь к тебе, учитывая, хотя и холодную, нашу веру Господу Богу, за которую ты сана чуть не лишился. Мы любим Господа, мы веруем в Господа, в Троице поклоняемого Отца Сына и Святаго Духа, ибо без Троицы нет ни Церкви, ни Таинств.

Прими же, Николае Чудотворче, наши уверения, прими наши просьбы, приими наши молитвы, полюби нас, твоих детей. Аминь.

(Дата не известна.)

В день святителя и чудотворца Николая

По имени твоему тако и житие твое...

«По имени твоему тако и житие твое...» Что это значит? Каждая вещь, каждый предмет имеет свое имя. Имя обозначает свойство и отличительную черту предмета. Так часами называют предмет, указывающий время, градусником – предмет, указывающий температуру. Каждый человек, в отличие от другого, тоже имеет свое имя.

Вот и празднуемый ныне святитель имеет имя Николай. Николай – слово греческое, оно означает «победитель». Но, скажите вы, мы никогда не слыхали, чтобы он был полководцем и побеждал супостатов, завоевывал города и вообще был военным. Да, но кроме обычной брани есть еще борьба. Борьба внутренняя, борьба человека с самим собою. Каждый знает, что у него есть и добрые желания, и слова, и дела, но есть и злые желания, преступные дела, нехорошие слова. Достаточно проследить один день и каждый заметит, что у него бывает и то, и другое. Плохое называется грехом, а хорошее – добродетелью. Человек сожалеет о плохом, нехорошем, но ... опять делает его. Эту борьбу со грехом святой апостол Павел описывает так: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. ... Итак я нахожу закон, что когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божию; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих».

У каждого из нас бывает борьба со грехом. Всякое повторение того или иного дела рождает привычку, повторяемая привычка (если это дело греховное) обращается в страсть. Страсть – это почти неизлечимая, хроническая болезнь души. Евангельский пример Иуды показывает, как страсть сребролюбия сделала его из апостола предателем. А литературные примеры Плюшкина у Гоголя, Скупого Рыцаря у Пушкина показывают, как страсть, захватив всего человека, его ум, сердце и волю, губит его. Господь сказал: «Всяк творяй грех, раб есть греха». Христос

избавил нас от греха, указал путь, дал благодать в помощь, и всякий идущий за Ним побеждает грех.

Святитель Николай пошел по этому пути борьбы со грехом и, с Божией помощью, победил его. Вот почему в церковной службе и указано «по имени твоему и житие твое». Вот какой он победитель. Но он не только победил грех, он еще стяжал и добродетель. В тропаре св. Церковь его характеризует как «правило веры».

В период его архиерейства было еще гонение на христиан со стороны язычников. Гонение коснулось и Святителя, но он остался верен своей Христианской вере и был заключен в темницу. Когда при равноапостольном Константине была объявлена свобода христианского вероисповедания, тогда и Святитель Николай вернулся на свою кафедру. Но тут Церковь ожидало новое испытание. Из самой Церкви выступили некоторые с неправильным учением о Евангельской Троице, о Сыне Божиим. Арий смутил всю Церковь своим неправославным учением, люди терялись, не знали кого слушать, где истина, чем доказать ее. Для утверждения истины созван был первый Вселенский собор, на котором был и Святитель Николай. Последний ревностно защищал и доказывал истину, и обличал лжеучение Ария. Результатом деяний первого Вселенского собора остался Символ Веры. Этот Символ Святая Церковь заветствует каждому исполнять ежедневно: молясь правильно Богу и подтверждая слова молитвы своею жизнью.

«Образ кротости», – продолжает характеристику Святителя тропарь церковный. Мы часто друг друга обижаем. Если обе стороны будут поступать со злобой – вот и ссора, и вражда со всеми вытекающими отсюда последствиями. Кротость, если не всегда прекращает злобу, то не дает ей распространяться. Злоба, столкнувшись с кротостью, не может покорить ее, как не могут свирепые волны моря перейти песок.

«Воздержание учителя». Если в кротости человек явился удерживающим злобу в других, то в воздержании является он удерживающим самого себя. Как часто человек сознает свой грех, свою страсть, но не может побороть себя. Воля, пораженная грехом, бессильна.

У Святителя Николая воля не была поражена грехом. Он не только сам воздерживался от зла, но и тем самым являлся для всех примером, что можно победить грех, что можно жить благочестиво, правдиво, свято. Это тропарь изобразил в словах «яви ты стаду твоему». Господь явил наглядный пример в лице Святителя Николая, каким должен быть христианин. И этот пример был при жизни Святителя для всех его современников, но он остается в силе и по смерти Святителя, и останется таким навсегда.

Что же мы, пришедшие в храм молитвенно почтить Святителя, возьмем для себя из его примера? В чем наше сходство и единение с Николаем, и в чем мы не схожи с ним?

Единение наше состоит в том, что мы все так же, как и Святитель, – христиане. Мы все принадлежим к Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Как и он в церкви молимся, принимаем таинства, исповедуем тот же Символ Веры. В этом наше единство со Святителем Николаем, а в чем разница?

Здесь каждый пусть сам просмотрит себя пред Богом и своею совестью и скажет: христианин ли он по жизни? Живет ли так, как требует Христос и Его Церковь? По жизни своей так ли мы сходны и едины со Святителем Николаем, как в принадлежно-сти к Церкви? Святитель был христианином и по имени, и по жизни – таковы ли мы?

Расспросивши себя пред Богом и своею совестью, и почувствовавши свои немощи и недостатки, думаю, что каждый вознесет молитвенный вопль к Богу и Святителю: «Господи, Ты указал нам путь, дал благодатную помощь, дал образец христианской жизни в жизни Своего Угодника, а мы не подражаем ему и не стремимся к этому. Помоги же нам! Укрепи и спаси! А ты, Святитель Отче Николае, моли Бога о нас!» Аминь.

1968 год.

Слово на воскресное Евангельское чтение

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Святой апостол Лука всю осень занимается с нами и даже часть зимы взял, и все благовествует, учит, утверждает христиан в христианской жизни и напоминает слова Христа Спасителя, притчи Христа Спасителя, напоминает человечеству о том, чтобы человек стал таким человеком, которого Бог хочет видеть, таким, ради которого и Сам Он воплотился для людей.

В сегодняшнее воскресенье положено святою Церковью чтение святого Евангелия от Луки, где святой Лука объясняет встречу одного человека, еврея, с Господом. Человека, вероятно, образованного, верующего, знающего закон Синайский, Богоданный для евреев, и через евреев человечеству. Этот человек уже слышал проповеди Христовы и вот, подходит к Господу и говорит Ему: «Как мне спастись, быть наследником Царства Божия, которое Ты проповедуешь?» Христос Спаситель указал на закон: «Как читаешь и понимаешь закон, данный Господом Богом чрез Моисея?» Он говорит: «Закон мне известен, в законе сказано: поклоняйся Господу Богу Твоему от всего сердца твоего и помышления твоего; почитай, люби родителей твоих, тебя воспитавших, к ближнему относись по-человечески хорошо, без всякого лукавства, не воруй, не лжесвидетельствуй, не нарушай человеческих интимных законов, тех законов и инстинктов, которые прекрасно всем известны, о которых вслух не говорят, а которые сами во взрослом человеке очень сильно кричат, как и живут».

И человек этот говорит: «А я от юности все это знаю и исповедую эту веру, и люблю, и почитаю. Но вот Твое учение высшее, идеальное, так как Ты говоришь о небесном бессмертии души. Я-то знаю, что праотцы наши все в «шеол» сходили по смерти. И томятся там и Авраам, и Исаак, и Иаков». Христос Спаситель ему не объясняет категории, где пребывают души человеческие до страшного момента кончины мира, но говорит ему: «Ты правильно делаешь, что так поступаешь». Но человек, как бы оправдываясь и искушая Господа Бога, еще

требует разъяснить ему высшее учение, преподаваемое Христом.

Тогда Христос Спаситель, видя, что он богатый человек, говорит: «Распродай свое имение, раздай бедным, иди за Мной с Моими учениками и будешь иметь то, что обещано таковым не раз уже Мною». Но то был богатый человек, он не был подготовлен к высшей аскетической жизни, не был готов все оставить, распродать, раздать и, ничего не имея, пойти за Иисусом Христом, наслаждаясь Его бессмертной проповедью, чтобы быть наследником Царства Небесного вместе с Апостолами. И он опечалился, склонил голову свою и отошел. Христос Спаситель посмотрел на учеников Своих и на удаляющегося человека и сказал: «Как все-таки трудно богатому войти в Царство Небесное».

И здесь Христос Спаситель, конечно, не осуждает богатство. Без богатства невозможно существовать на земле человечеству. Здесь Спаситель не культивирует обязательно бедность, а здесь Христос Спаситель понятно евреям тогда и нам ныне понятно говорит, что когда богатый всецело отдаст свое: все свое, сам себя и душу, и сердце богатству, накоплению, то, конечно, он не будет думать о Царстве Небесном, он не думает уже о бедном человеке, чтобы помочь ему во имя Господа и во имя человечества, во имя любви, он тогда уже ничего не думает, как и недавний богач ничего не хотел думать, думал только о том, как бы расширить свои хранилища и собрать побольше пшеницы, чтобы долго жить, веселиться, радоваться и на золото ее обменять.

Христос Спаситель у богатых людей бывал на обедах, Христос Спаситель бедных не выбирал, Христос Спаситель грань не ставил между богатством и бедностью физически, социально. Но Христос Спаситель всегда ставил грань между сердцем богача и сердцем страждущего бедняка. Бедность и нищих нельзя культивировать, потому что бедность будет склонна к воровству, что запрещено в законе Моисееве. Потребности и инстинкт желудка иногда требуют, чтобы человек шел на преступление, на обман. Если инстинкт у человека – пьянство, то он идет на всякий обман, чтобы получить известную сумму, он

должен одолжить, выпросить или обмануть, чтобы выпить вина и утолить свой кричащий и беснующийся инстинкт пьянства.

Бедный человек зачастую благочестивый, очень терпеливый, доволен тем, что имеет. Богатый человек нетерпеливый, все ему мало, готов забрать весь мир в свои руки и все средства мировые. Но, как недавно сказал один ученый человек: «Все зависит от личности человека: будь он богатым, будь он бедным, все зависит от того, как он принимает учение религиозное, и как он принимает законы земные».

И поэтому Христос Спаситель отвечает тому человеку: «Как ты закон понимаешь, касающийся будущей вечной жизни и касающийся насущных дней человеческого существования? Думаешь ли ты, человек, только о себе, или немножко и об окружающих тебя? Каков ты сам человек, честный или нечестный?» Поэтому Христос Спаситель умно тому человеку ответил, а в его лице и всему человечеству, и сегодня нам с вами, братья и сестры. Он подчеркнул: «Как ты знаешь закон?» И будучи Богом, даровавшим человечеству закон, и будучи сердцеведцем, Он знал, что этот человек будет отвечать окружающим. И тот отвечал: «Закон говорит: не прелюбы сотвори, храни сердце в чистоте, не воруй, не лжесвидетельствуй, не говори слова божения или клятвы, почитай своих родителей». Этот еврей прекрасно знал все, что надо выполнять для жизни вечной, для спасения. Но ему было известно, как уже было сказано, что и сам Креститель в преисподней, и Ева, и Адам. А Христос Спаситель благовествует о жизни вечной и о бессмертии души. Но этот человек был богатым и на богатство свое иначе, по-видимому, смотрел, как о том говорит святой Иоанн Златоуст в своей проповеди, на сегодняшний день.

Так Бог ведает, как мы что понимаем, и Бог ведает, как мы что хотим творить. Человек – это есть такое существо тайное, в нем заключен весь мир. И только человек и дух его знает, что в человеке. И Бог ведал, с какой целью подходил человек этот к Иисусу Христу, и Он ответил ему то, что ответил.

Возлюбить Господа Бога всем сердцем и всем помышлением – первая заповедь, братья и сестры, во все века

и на протяжении всего человечества. Такова она и сегодня, и до смерти вселенной будет. Без любви к Господу Богу ничего не получишь, без почитания Господа Бога ничего не получишь. Я вспоминаю одного высокопоставленного русского человека, художника слова, который умер в 1911 году, и который, когда рассуждал на богословские темы, сказал, что в мире есть замечательные три любви между людьми.

Первая любовь – это художественная любовь. Вот он любит встречаться с ним, вот он любит письма от него получать, любит письма ему писать, приветствовать его. Это любовь художественная.

Любовь есть материальная, когда человек другому человеку помогает материально, вероятно, деньгами. И любовь есть третья – самоотверженная, ради которой друг за друга готовы пойти и в огонь, готовы на суде покрыть и готовы самую смерть принять за человека – так он любит того человека и желает, чтобы он оставался жить, и берет на себя его преступления. Я знаю, такие люди есть, и поэтому я смело пред вами говорю. Если бы я не знал, а только это слово художника пера вам преподносил, так этого было бы мало. Но этот художник пера, он это знал, он это переживал, и ему были доступны хранилища, архивы судебных дел. Так вот есть любовь самоотверженная: хоть на огонь, хоть на смерть, конечно, не бравируя, а если это нужно! И Христос то же сказал, что высшая любовь – это душу свою положить за людей. А вторая любовь – материальная: помочь из кошелька, из кармана. Это нужно и нужно часто. Кто может, должен помогать тому, кому надо помогать. А третья любовь – художественная, тоже очень хорошо – хорошо относиться к людям, письма писать.

Но еще есть идеальная любовь, мистическая любовь человека к Господу Богу. Она такова, что ничего не хочу, ни ада, ни рая, только Тебя знаю, Троице поклоняюсь, люблю, потому и поклоняюсь. Это любовь высшая, самоотверженная, без желания че-го-нибудь: без купли на жизненном рынке.

Вторая любовь в отношениях между человеком и Богом, это когда человек любит Господа Бога и молится Ему, и в церковь ходит, и акафисты читает, и доброе дело делает – хочет

Царствие Небесное получить. Он хочет этим добрым делом Царствие Небесное купить. Это тоже хорошее дело. От мамы приобретайте друзей себе, через кошелек, через хлеба кусок, приобретайте себе друзей, которые, получив от вас помощь, помолятся за вас пред Господом Богом.

И третья есть любовь к Господу Богу: а да боюсь, пекла боюсь, огня боюсь неумолимого, необходимого, как сказано в Церкви. Так я молюсь и пощусь, и копейку даю, и нищих приветствую, и свечи ставлю, и акафисты читаю: боюсь пекла, боюсь огня. Вот еще три любви высшие, мистические.

Надо иметь в виду все эти шесть видов любви, все эти шесть пунктов, потому что человек – многогранное существо. Поэтому, кто как понимает, кто как умеет, кто как хочет, кто как может распорядиться своими средствами и распорядиться средствами своего сердца и разума. Итак, хорошо, братья и сестры, говорит Иоанн Златоуст сегодня, что когда разум и сердце вместе, ах какая красота! Когда разум и сердце отдельно, бывает опасно! Разум рассуждает, как прокурор, а сердце – как родная мать.

О если бы родная мать, как прокурор, смотрела бы на все, и прокурор бы смотрел, как родная мать, на все и... может так и бывает, конечно, в жизни. Этот слог аллегорический, и мысль аллегорическая, но у Златоуста они прекрасно проходят, потому что Златоуст не был прокурором, но он был замечательным адвокатом. Был бы! если бы он пошел по этой дороге дальше, но он держал путь к святому Алтарю. И святому Алтарю прослужил всю жизнь, и написал очень много своих творений, чем и питаются, в первую очередь, наши богословы, духовенство, высшего толка адвокаты и прокуроры и среди мирян много есть таких, которые Златоуста и любят, и читают, и понимают.

Братья и сестры! Сегодня первым пунктом разговора Господа Иисуса Христа с этим пришедшим к нему человеком является любовь к Господу Богу всем сердцем, всею душою и помышлением. Бог был, есть и будет, без всякого искушения и без всякого лукавого с левой стороны внушения нашему разуму, нашему чувству, нашему сердцу, и всему тому, что есть человек.

Прекрасна любовь самоотверженная, земная, когда человек готов пойти за нее на смерть. Я знаю таких людей и не одного. Это не только художественное слово, хорошо подобранное, но это пережито. Какая дивная это картина. И я часто вижу и слышу в наши дни любовь материальную: помощь материальная друг другу. А художественной любви меньше всего. Чего-то люди очень стали в последнее время не так друг друга любить, как этого требует Бог, как учит Матерь Церковь.

Я не знаю, учит ли сейчас этому дома детей мама или бабушка. Надо детей учить, чтобы они всех любили, любили Господа Бога. И еще такой урок сегодня давайте возьмем все, при детях ничего плохого не говорить ни о ком, даже заведомо о плохих людях и преступниках. Дети должны о людях знать только хорошее, красивое, луче-зарное, потому что зло само к ним подойдет, когда они будут возрастать, как вешние воды под хату. Будем учить своих детей, кроме художественной любви, и чтобы знали о материальной любви и о самоотверженной любви: пойти на смерть, если это нужно и понадобится, когда сердце и разум будут в контакте об этом высоком деле – рассуж-дать.

Сегодня такое слово у Златоуста Иоанна довольно тяжелое, и у Филарета митрополита на сегодняшний день тяжелое и художественное произведение, и у одного нашего отечественного художника замечательное тоже на сегодняшний день трудное слово. Оно много клонит: любовь, любовь, любовь и любовь. Боюсь ада – люблю, хочу рая – люблю, а вот без ада и рая любить бы Бога, не бояться бы ада и не желать бы такой высокой зарплаты, как рай, не ставить это предлогом, но только любить, только поклоняться, только славословить. Вот это любовь высшая, мистическая, без всякой спеку-ляции. И постольку, поскольку мы сегодня имеем слово такое серьезное, такое многогранное и у Златоуста, и у светских художников, то уж сами, братья и сестры, делайте выводы о спасении души своей. Самостоятельно мыслить надо, а не все время, чтобы за руку вели, не все время с пастухами. Надо иногда самим выходить на пастбища Христовы. Прекрасны наши чувства, прекрасно наше сердце, прекрасен наш разум, и весь наш интеллект говорит, что добро – счастье и свет, зло – тьма и

погибель! Пойдем же, братья и сестры, за Христом, Который на Землю принес свет и просвещение. Поверим словам апостола, богогласного Луки, который сегодня нас учит, чтобы мы были святыми, чтобы мы были наследниками Царствия Небесного, не лишая нас всего того, что необходимо нам на земле было вчера, сегодня, и будет нужно завтра и послезавтра.

Итак, нам нужно запомнить, что говорит сегодня Господь Спаситель, что вопрошает еврей, что благовествует Лука и что толкует святой Иоанн Златоуст. Милосердный Господь Бог сказал в конце сегодняшней притчи, что богатому очень трудно войти в Царствие Небесное, верблюду легче пройти сквозь игольное ушко. Такое сравнение высоко аллегорическое, чисто в понятии еврейском было. И сейчас один человек мне сказал, что это не логично, Владыко. Я говорю: «Очень логично, только подумай немножко и будет очень логично».

И заканчивая наше слово сегодня, обращенное к вам, прошу принять его, как сказанное с этого священного и ответственного места. Поверим, братья и сестры, всему тому, что чрез наши малые труды предложено вашему благочестивому вниманию. Аминь.

22 декабря, 1968 год.

Слово в Светлую седмицу

Владыка: Христос воскрес!

Народ: Воистину воскрес!

Самый лучший обет, самое лучшее исповедание веры своея, когда на вопрос: Христос воскрес ли?» – отвечают: «Воистину воскрес!»

На этом малом свидетельстве истинности Христова воскресения зиждутся богословские и догматические доктрины апостола Павла о Христе, бессеменное воплощении Христа от Девы Марии, Его учении и Евангелие, Церковь с ее дисциплиной, священство благодатное.

Дух Святой поставляет священнослужителей, а не капризы отдельных архиереев и не капризы отдельных церковных советов, не капризы особых поклонниц-матушек. Дух Святой поставляет священнослужителей. Дух Святой поставляет епископов, а нам порою не нравится и кажется, что лучше бы другого поставили. Это, конечно, искушение наше, мы же не знаем, что завтра будет, какие будут распоряжения послезавтра, какие будут действия Святаго Духа дальше и дальше, и дальше, но всегда меряем на свой метр, что сегодня сотворено.

Дух Святой действует в Церкви, хотя иногда и в Церкви бывают замешательства. Так и были когда-то замешательства в прекрасном раю радости, раю светлости, когда богосозданным супругам Адаму и Еве сатана подбросил такое прекрасное яблоко на-дежды с советами: станете богами... Но оказалось то, что оказалось. По сей день мы страдаем, начиная от Авеля. И в ад много пошло после Адама и Евы, дондеже не пришел Иоанн Креститель благовестить, что Бог явился во плоти, Бог воплотился в человеческое тело, Бог пришел спасти мир человеческий. И милосердие Божие с любовью, как говорит Иоанн Златоуст, совершило и в аду то, что нам, человекам, неведомо, ибо любовь Божия превосходит человеческие чувства, взаимоотношения и т.д.

Так в течение послепасхальных дней до дня Святыя Троицы рассуждают учителя Церкви, богословы раскрывают книги Писания, где повествуется о пришествии в мир Христа

Спасителя, о Его учении, о Евангелии, Апостолах, о Церкви и обещании вечных будущих благ всем пришедшим чрез крещение к вере во имя Отца и Сына и Свя-таго Духа.

Вот с такой радостью духовной, в таком духовном опоясании находятся все верующие христиане. Так и мы с вами, пришедшие сегодня сюда разделить Божественную службу. Милосердный Господь оставил нам после Святой Пятидесятницы ту благодать, что Дух Святой поставляет священнослужителей. Святой Апостол Павел, как я сказал уже, прекрасно все это разъяснил и прекрасно уложил в сердце человеческое и разум человеческий и изобразил, и оставил верующим свои письма бессмертные. Планы Божии непостижимы, и мы ничего на это сказать не можем и подсказать, и рас-суждать о том, что будет завтра. Но мы знаем то, что было позавчера, вчера и тысяче-летие назад. А Христос Спаситель сказал, что слова Мои истинны, и без Моих слов не можете творить ничего, потому что Я все исповедую от Отца Моего. Я послан на землю Отцом Моим, и Я воплотился в тело простого раба – человека, чтобы человека обожить, родимей Богу сделать и чтобы в день «чаю воскресения мертвых» (как Спа-ситель говорит в начале Евангелия от Иоанна, и как прекрасно толкует святой Павел) мертвые восстали, а живые изменились.

Ломают голову химики: как это может быть? Ломают голову веществоиспытатели: как это может быть? Все сгорело, все переработалось химически: волк съел, вода раз-мывала, огонь сожиг, все рассеялось! Но вышние законы еще есть, что в мире все экономически сохраняется, хотя бы газета и тридцать раз сгорела и в трубу вылетела, все равно сущность ее остается.

Вот интересный момент вам расскажу. У нашего философа, большого христианина, большого боголюбца, большого человеколюбца Достоевского есть такой момент в «Братьях Карамазовых», который мистическому человеку очень нравится, образованному верующему человеку нравится и заставляет думать даже маловерующих людей. Достоевский на основании Писаний, на основании истории, на основании предания, на основании Пророков, на основании свободы человеческого

полета мысли посмел, и не ошибся, человечеству оставить интересные материалы и мотивы, на которых зиждется и наука, и мысли, и вера, увенчанные живоносным Крестом. Такой есть у него момент.

– Бог есть? – Иван-ученый спрашивает у беса, который вроде человека-приживальщика, с опаловым камушком в галстуке и с перстнем. Бес молчит.

Бес не может ответить Ивану, есть ли Бог. Иван его припирает. Бес легкий. Как обычно, бес и туда, и сюда, и везде он без мыла влезает, и вылезает из воды сухим. В конце концов Иван его припирает к стене, а он во плоти человека, он не может объявить себя, кто именно он есть, и что на свете есть сатана. (Сатана же очень прячется. Вы не думайте, что сатана любит играть в жмурки и в шутки. Ух, он очень прячется. Сатана в шутки не играет, если он будет в шутки играть, то быстро станет нам понятен, понятен общей большой толпе. Тогда же поведется с ним определенная борьба, пойдет молитва. Поэтому он прячется и внушает, будто бы его нет, и будто бы каждый человек самостоятельно делает то, что делает. А он всех искушает, он отравляет самые первоисточники в нас, первые мысли в мозгах и сердце, и подкладывает такие красивые пожелания нашему сердцу и разуму, все портит в нас, и обещает ложь, и улыбается: «И весь мир твой, и Бога нет, и ничего нет, ты – царь мира! Ты! Ты! Ты!»)

Так вот, Иван припирает к стене приживальщика – беса: «Бог есть или нет? Сейчас же говори!» Тогда он говорит: «А у тебя часы есть?» – «Есть». Он вынимает часы – «Вот часы». Бес спрашивает: «Ну вот эти металлические часы откуда взялись?» Иван рассказывает весь процесс технической и химической обработки: руда, далее – доменные печи, сталь, прокаты, блюминги и так далее. А далее еле видная работа мастера. И говорит бес: «Когда эти часы твои разложатся на все элементы, из которых они созданы, мир должен кому-то крикнуть: «Осанна! Благословен грядый!»

Значит, сам-то бес исповедывал Господа Бога, Которому когда-то, в свое положенное время, все человечество воскликнет: «Благословен грядущий во имя Господне!» Тем

более, что Христос Спаситель перед страданиями Своими так сказал: «Когда Я буду вознесен на крест, тогда Я всех привлеку к Себе». Он не сказал, что тогда привлеку к Себе верующих, но – всех! И, постольку-поскольку, Христа Спасителя слова истинны, то и обещания Его приемлемы верующей душой. Значит это было, как говорит Иоанн Златоуст и как говорят другие отцы Церкви, в Божиих планах, чтобы ни одна душа не погибла, которая уже погибла. (Трижды погибельный стыд, вероятно, уже погибель.) Но Христос говорит: «Всех привлеку к Себе». Значит, надежда есть не только у тех, кто сегодня не верует, не только у тех, которые будут завтра бунтоваться против Христа, а надежда есть у всего человечества. Но когда это будет, братья и сестры, вероятно, может быть и скоро... Бог весть. Когда эти часы разложатся и возвратятся в землю свою, может тогда это будет... внезапно, как молния с востока на запад, по словам Христа Спасителя.

[Замолчи, пожалуйста, эй! Это все скучные песни земные, неинтересные. Что-нибудь придумай, а это же скучное, тяжелое. (Реплика Владыки на выкрикивания болящей в храме)].

Значит, ваше внимание заостряется на том, что мы живем в счастливый период по Воскресении Христа Спасителя. Что мы счастливые все: и руки поднимающие у пре-стола, и молящиеся с нами. Мы в период Пасхальный собрались на богослужение от Пасхи до Троицы, тогда, когда, по сказанию простых людей, Сам Бог еще ходит по земле и посещает больницы, посещает остроги, воинские части, посещает кельи и к сердечным вратам подходит. Сама Троица: «Я, Отец Небесный, для тебя Сына послал в мир. Ты открой двери сердца, и мы войдем к тебе, и трапезу совершим». Так вот, мы с вами, братья и сестры, счастливы, что в Новом Завете родились, счастливы, что мы во имя Святой Троицы в купели крестились, что мы так или иначе храним веру в Господа Христа, храним законы и семейные обязательства любви, и терпения, и уступок.

А то бывает так (я вам это напомним). Когда фонтаны били и луна светила – все было хорошо. А потом через год, два муж уже не нравится. Я в таких случаях говорю: «Ты люби его, дорогая, он же тебе нравился?» – «Да, нравился. Мне тогда

казалось, что он с неба упал, такой он хороший был, как будто бы он поскользнулся там на небе и через облака упал». – «Так люби же его».

Апостол Павел говорит, что если твой муж стал плохим, подымал не раз топор на икону, это означает, что он сатане поддался. Для того, чтобы поддаться сатане есть много перспектив. Сатана, во-первых, искушает пищей телесной: «...хлеб наш насущный даждь нам днесь...», во-вторых, искушает благополучием и властью: занимаемая должность, служебное положение и ответственность. Много насилий совершает сатана, и только тот человек знает это, который знает это. А другой и не знает, что его губит враг рода человеческого.

Так вот, я говорю этой женщине, что ты же его полюбила – фонтаны свидетельствовали, луна молча свидетельствовала об этом. И она соглашается со мной. «Вот и надо его любить». – «Да он такой, сякой». – «Так ты же, когда на базаре бываешь, ты там лук пробуешь или редьку, покупая. Вот и на жизненном базаре купила такую горькую редьку. Теперь ты его только смири, по слову Апостола Павла, если он плохой, такой-сякой, топор на иконы поднял. Не бойтесь этого! Бога никто рубить уже не может. Хватит того, что на Голгофе Его прокололи копьем за род человеческий. И ты своего этого Мишу или Гришу люби, и держи его, и называй его ласковыми словами – Васек или Григорочек, как хотите. (Так я сегодня уже говорил, вы думаете новое я вам привез?)

Если ты, Христова ученица, причащающаяся Святых Таинств, то не гнушайся мужа во всех обстоятельствах семейных. Соприкасаясь с тобой и духом, и разумом, и сердцем, и телом, он будет освящаться понемногу. Он будет о тебя отшлифовываться и округляться, как на лучшем механическом станке болванка». (На заводе из полена такая красивая ножка для красивого стола получается).

Мы заканчиваем свое слово, оно очень разбросано, и время разбросано, и люди разбросаны, и я немножечко разбросан бываю. Ничего не поделаешь: мир, время, на-строение и осторожности человеческие. Раскрытое сердце, как ларек, в котором нет продуктов: в таком положении мы часто бываем, но

от этого есть лекарство и помощь, т. е. всегдашняя молитва к Господу Духу Святому: «Прииди и вселися в ны...» Значит, наше слово такое разбросанное.

Такое мое слово сегодня, насыщенное большой красотой, вашему вниманию. Бог тот же, Церковь та же, Филарет тот же, сатана тот же ходит за нами, и Ангел хранитель тот же. А Ангел хранитель за ручку хотел бы нас к Свету светозарному вести, но что-то нас сзади задерживает, мы все время от Ангела-хранителя ручку свою отдергиваем. Ангел-хранитель плачет и слезки утирает ризою своею невещественной. А сатана смеется металлическим голосом: «Поймал, – говорит, – рыбку для ада».

Я такую фантазию не разводил бы вам, но она есть в Священном Писании, где все более фундаментально. И позавчера, и вчера, и сегодня во всем мире трезвые богословы об этом говорят, и мы что можем из этой большой и важной мировой богословской почтительной трапезы чрез себя преподаем вашему вниманию и вашей вере. Аминь.

12 мая, 1969 год.

Слово о воскресении мертвых

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святой Апостол Лука сегодня благовествует во всей вселенной тот случай, когда Господь Иисус Христос у ворот города Наина воскресил юношу – сына старой бедной вдовы. Христос Спаситель благоволил войти в этот город с проповедью Евангелия, и у самых ворот встречает Он процессию с покойником. И не так велика была процессия, но велик был вопль и плач матери-вдовы, потерявшей сына, и стенание сочувствующих ей сердец. И Господь Иисус Христос умилился об этом трагическом случае с матерью и велел остановиться процессии и, взяв за руку покойника, сказал: «Я тебе говорю встань». И покойник ожил, из ада возвратилась в тело душа, сердце забилося, мозг заработал, кровь стала пульсировать, как сейчас говорит наука нам, и ... юноша сел на носилках. (Гроба же как тогда, так и сейчас нет на Востоке). И Господь отдал его матери. И та мать, которая с горькими слезами провожала покойника, не имея ничего большего, теми же слезами стала благодарить Господа Бога Иисуса Христа за воскрешение сына и возвращение ей того, кто был всей ее надеждой. (Она надеялась, что сын, возмужав, возобновит семью, возобновит фамилию, и мать тайно молилась, чтобы удачная невестка в доме была. Потому что в древности глубокой говорилось – неудачная невестка, что ложка соли или перцу в бочке с медом, все портит.)

Итак, мать получила сына воскрешенного, и жизнь воскресла в сознании матери, жизнь воскресла в юноше, и жизнь воскресла в семье.

Так вот, сегодняшнее воскрешение юноши и возвращение его осчастливленной матери является для всех нас уроком и напоминанием о том, что человек сотворен с бессмертной душой, по образу Божию и по подобию Его, потому что человека создавала вся Троица. Когда заканчивалось творение мира в шестой день, то Троица Святая: Отец, Сын и Дух Святой совещались между собой: «Сотворим человека по образу

нашему и по подобию». И образ картинный, фигурный и внутреннее подобие – богопо-добие.

Это было в Предвечном совете Святыя Троицы. Вот тут-то страшная и пошла ин-трига. Когда Денница услышал такое решение, что уже на созданной планете земной «...сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему» и даже фигурному образу нашему! А Бог же был тогда: Дух Отец, как и ныне, Дух тогда был Сын, до воплощения на земле от Девы Марии, и Дух Святый таким же был тогда Духом, каким остается и сейчас – Духом Святым. Да как же по образу и по подобию? Знал Господь Бог, что сказал, и многие узнали, и знают, и нам говорят, что Бог воплощенный, Сын Божий воплощенный на земле в Сына Человеческого, это как отражение Бога и боготворение человека чрез Сына Божия. А Сын Божий воплотился в человеческое естество чудесно, как говорят сейчас ученые.

Итак, человек был устроен тогда, когда Денница был первейшим Архангелом херувимом, чрез него, первейшего, слава Божия исходила. Он был распоряжаемый от Святыя Троицы и посылаемый. И когда он услышал (на это толкование есть очень древнее, греческое), что будет сотворен человек по образу Божию и по подобию, то очень возмутился и стал скорбеть и страдать. Он был дух. Он сразу понял, что человек будет с телом, со всеми теми доспехами, достоинствами, нравами и возможностями: размножением и бессмертием души; жизнь малая в утробе, жизнь земная каждому от Бога отрезана, потом жизнь вечная, и вечная жизнь будет с телом. Бог дал человеку жизнь, чтобы быть с телом, а после смерти – «чаю воскресения мертвых», потом Архангелова труба и воскресение мертвых. И потом обновление такое, как бы переработка тела человеческого, в котором не будет уже после «чаю воскресения мертвых» ничего материального.

Так вот, о «чаю воскресения мертвых» Павел Апостол, который был на третьем небе и многое узнал такого, чего даже сказать не мог, но все же сказал, что мертвые восстанут, живые изменятся, и все будут подняты в воздухе в невесомость, которая известна науке, и в этой невесомости будет такой акт суда Божьего над миром.

И когда был сотворен Адам, так возмутился первейший херувим и особенно возмутился тогда, когда увидел Еву, эту хрупкую натуру, бледнорозовым лепестком покрытую, созданную из Адамова ребра, он тогда именно взбесился. Так отцы святые говорят это с глубокой осторожностью.

Сам своей фантазией я не мог всего этого выдумать, помня ответственность пред небом, пред днем «чаю воскресения мертвых». Так я читал в книгах святых отцов, где истина заключена, которую мы исповедуем, которую не рискуя говорим, ибо она есть истина.

Так вот, когда Денница увидел прекрасную чету – творение Божественная Троицы, он сделал то, что сделал. Он возмутил третью часть Ангелов, которые несогласны были, что какое-то новое существо появилось – Адам и Ева, любимые Богом жемчужинки, которые будут пользоваться всем психофизиологическим счастьем на земле. Вы понимаете, в чем тут дело. А он – дух, которого прекрасно изобразил Лермонтов в «Демоне», которого прекрасно изобразил Достоевский в «Братьях Карамазовых». И для Господа Бога это не было новостью. Для Господа Бога это не было неожиданно-стью, ибо у Бога были такие планы, о которых Он нам всегда говорит: «Мои дела не-постижимы, не волнуйтесь, а только молитесь и просите». И Господь чрез многих Пророков говорит, чтобы мы помнили о планах Божиих. И у Бога такие планы оказались, которые нам уже известны: созданся мир грешный и прелюбодейный, и все как будто бы уже тонуло в греховной крови и в греховных моментах, но в планах Божиих было и второе заседание на небеси, и воплощение Сына Божия в этот мир прелюбодейный и грешный, и Голгофа и искупление.

Так вот, у Бога такие планы были, чтобы было так, как есть. И появились отрицающие Бога, и как будто ломающие идею Бога, но в планах Божиих положено то, чтобы и в этом теле, в этом футляре была бы бессмертная душа.

Вот эта высокая философия нашей веры, братья, вот какая красота, вот какая радость! А мы иногда делаемся совершенно никуда не годными, не ценим, не понимаем этого, а Христос ожидает нашего обращения, и Павел давно сказал, что будет

общее воскресение. И святые отцы в Никеи в триста двадцать пятом году, 19 июля, в неделю сказали: «Чаю воскресения мертвых». И мир принял это «чаю воскресения мертвых», и человеческий разум принял, и человеческое сердце приняло, и, несомненно, мы с вами приняли «чаю воскресения мертвых». Вот событие сегодняшнего воскресения – воскресение юноши и объяснение всего этого нам апостолом Лукою, и объяснение нам Иоанном Златоустом, которое мы посмели предложить вам, чтобы сегодняшний день освятить такой истиной и нашим сердцем, и нашим словом.

Поверим мотивам нашей Православной религии и не ошибемся! Аминь.

19 октября, 1969 год.

Вербное воскресенье

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня великое торжество – вспоминается торжественный и царский Вход Господа в Иерусалим. Но вчера был день трагедии большой, трагедии и радости. Христос Спаситель воскресил из мертвых Своего друга Лазаря, тело которого четыре дня пре-бывало в земле, а душа в аду. И так как Бог есть начальник жизни, то Он возвратил из ада его душу и тело возвратил из тления, из гроба. Лазарь четыре дня уже пребывал во гробе. Бог, конечно, знал это, но медлил придти к своему другу, чтобы его исцелить и не допустить прикосновения к нему тления смерти. Так угодно было Спасителю Христу, чтобы показать воскресение тела уже посмердевшего, а душу вырвать из ада пре-исподнего.

Так говорит о пребывании души после смерти во аде (в шеоле) еврейское библейское сказание, которое является фундаментом Нового Завета, новой жизни и новой веры, растворенной молитвой, благодатью. Так и построена вся наша вера, потому что пророки иудейские пророчествовали все то, что совершилось и что еще совершится.

Так, страшный день вчера был и радостный: борьбы света с тьмою, борьбы Христа Спасителя с адом. Воскресение Лазаря прообразовало всеобщее воскресение всех людей из мертвых, людей всех наций, всех убеждений, всех религий.

А в сегодняшний день Церковь празднует Господа Иисуса Христа вход в Иерусалим. Он еще раз показывает после Фаворской горы, что Он есть «Отчее сияние». Сегодня Он входит в Иерусалим, всвященный и древний город еврейский и показывает еще раз народу, что Он Сын Божий, царского достоинства, но Он далек от земных почестей. Он сказал еще в начале Своей проповеди, на сорокодневной горе: «Прочь отойди от Меня сатана, искушающий человека в Моем лице, и в лице человек верующих, верящих Моему Сыновству у Отца Небесного!» Сегодня Христос Спаситель еще раз показывает людям того времени и Апостолам, чтобы они не соблазнились на горе Голгофской, где Он будет распят, чтобы они были уверены,

что Он – «Отчее сияние», но надлежит совершиться всему тому, чему надлежит быть, и что было совершено и зафиксировано в новозаветных книгах, и что было зафиксировано в ветхозаветных книгах святых библейских пророков.

Так сегодня, в наши дни, сочетается старозаветное и Новозаветное, так и сейчас во всем мире в мировом масштабе и особенно в очертании земли нашей Русской встречается старое с новым – то новизна и старина встречаются, и по необходимости должны обниматься, и даже лобзаться, но без всяких припадков и истерик.

Вера была, есть, и, как говорится, наполняет нашу жизнь до последнего мгновения существования солнца и луны. Вера – отвлеченная вещь, которой помогает математика и высшая философия, но которая прекрасно обходится без этого, благословляя и освящая, и поддерживает законы математики, законы физики и философии, и высшие законы человечества. Вера – отвлеченный капитал человека: и раба неграмотного, и высоко образованного, мыслящего ума. Напрасно человечество смешивает науку с верой и говорит, что ничего там и там нет общего. Много общего, потому что все это в человеке, ведь человек есть маленький мир, в котором есть все в многогранных процентах. Так что вера не смешивается ни с чем и веру нельзя называть продуктом невежества, как и верующих людей нельзя называть поклонниками невежества, рутины и отсталости.

Вера все благословляет, вера все освящает. И хотя она очень отвлеченная вещь и предназначена для будущей жизни, но она здесь реализуется теми, кто готовит себя к путешествию в иной мир, в Царство Небесное Новозаветного сияния, о котором апо-стол Павел говорит: «Наступит время, все будет одно: одна мысль, один народ и одно Царствие, приготовленное для него». Но когда это будет, сказать очень трудно. И очень ученый Павел, на третьем небе бывший, тайны этой человечеству, вероятно, для пользы человечества, не сказал. Но правду бытия будущего века подтвердил в своем Писании, которое читаем и считаем бессмертным.

Сегодня Иерусалим был потрясен. Древняя пророческая Церковь была потрясена новым явлением, новым лицом –

Спасителем Христом. Сегодня Христос Спаситель еще раз подтвердил истину о воскресении мертвых и что Он – «Отчее сияние», для того, чтобы Апостолы Его не разбежались с горы Голгофы в тот страшный момент, когда Он будет изнемогать, страдать и молчать. Вот это событие мы сегодня, братья и сестры, с вами празднуем единым праздником Вербного Воскресения, и как еврейские дети того отдаленного времени, которые, не умея еще связать речи своей, кричали на своем древнеарамейском и еврейском языках: «Осанна Сыну Давидову, благословен грядущий во имя Бога Отца», мы, с вербой русской, вспоминаем то событие после почти двух тысячелетий, прошедших с того времени, и готовимся к Пасхе Христовой.

Христианская Церковь сразу возлюбила событие этого праздника и почти две тысячи лет Она в этот день потрясает мир тайнами глаголов еврейских детей. Мы сегодня с Вами всю эту историю прошедшую знаем, нам легче это принимать. Но как было тяжело принять это потрясенному Иерусалиму! Церковным властям было о чем подумать – ведь что-то новое надвигается. У церковных властей книга была раскрыта, преисполнена и почти закончена. А здесь новое веяние, новое сияние и новое бытие. Итак, глубокая пророческая старина и Христова новизна сегодня встретились в болезненном страдании, какое бывает у матери, рожающей в мир нового человека.

С сегодняшним праздником, братья и сестры, вас сердечно поздравляю с пожеланием здоровья, с пожеланием мира справедливого, с пожеланием радости жизни на земле. Аминь.

18 апреля, 1970 год.

В день Успения Приснодевы Богородицы

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа.

В последнии дни своей земной жизни Пресвятая Богородица часто посещала Гефсиманский сад в Иерусалиме, вспоминая в нем дни земной жизни Возлюбленного и Божественного Ея Сына – Иисуса Христа, а под самый конец Своего земного пребывания завещала Апостолам святым: «В Гефсимании погребите тело Мое!»

Апостолы, хотя и были во всех концах вселенной того времени, но как-то держались друг с другом благодатной связью, что и подтвердилось чудесным образом: ко дню Успения Пресвятыя Богородицы все Апостолы собрались чудесным промыслом в Иерусалим на погребение Пречистой.

В последнее посещение Девой Марией Гефсимании Ей Архангел Гавриил вручил райскую белую лилию... Это была по счету уже третья лилия. Первая – в день Благо-вещения, вторая – в день Воскресения Господа Иисуса и третья – эта райская лилия. Эта лилия стояла на почетном месте жилища умирающей Богородицы. Она сияла и ароматом небесным обвеевала не только помещение, но и вне помещения, где пребывала Дева Мария Богоматерь.

В момент прощания с Богоматерью Апостолы лицезрели Самого Господа Иисуса Христа, пришедшего принять душу непорочную Непорочной Матери Своей ... Апостолы, совершив псаломское песнопение и облобызав честные руки и ноги Матери Божией, понесли Ее по улицам Иерусалима в избранную Ею Гефсиманию. Предание ясно говорит, что было много чудес сотворено на сем пути последнем Девы Марии. Но и злоба адская не спала... Ад не мог терпеть Пречистую и торжество Ея погребения, где сливались и пение, и радость, и слезы людей...

Ад командировал одного еврейского священника Афония опрокинуть священный одр Богоматери во время шествия процессии... Он бросился, своими протянутыми руками уже было коснулся священного одра, как поражен был ангелом святым, и руки его отсеченные прилипли к одру...

Ужас, смятение, крик и замешательство началось... Но слезы искреннего покаяния и раскаяния дерзкого священника умилоствовали Пречистую, и Апостолы приложили отсеченные ангелом грозным кисти к местам отсечения, и сразу же исцеление! И сразу же благодарение и слезы радости...

Фома отсутствовал... На третий день по погребении Фома, явившись в Иерусалим, слезно упросил и умолил Апостолов открыть пещеру, чтобы облобызать десницу Пре-чистой. Но Девы не было уже в пещере погребальной... Во время обеда Мать Божия явилась апостолам и сказала раз навсегда: «Я всегда буду с вами!» Аминь.

1972 год.

Из проповеди, сказанной накануне дня памяти святителя Тихона, епископа Воронежского, Задонского чудотворца

Сегодня Евангелие начинается с юноши, который решил наследовать жизнь выше той, что Моисей обещает в Законе своем. Но сегодня второй юноша выходит на сцену. Завтра – отдавание праздника Преображения и завтра – память святителя Тихона Задонского. Святитель Тихон Задонский был настоятелем в древнем Тверском монастыре и ректором духовной семинарии. Потом он был назначен викарием Новгородской епархии, потом епископом Воронежским и Тамбовским. Когда отслужил свою череду земную и приблизился к старости своей, ушел он на покой в Задонский монастырь, что в 60-и километрах от Воронежа и пребывал там, занимаясь богословием. Святитель Тихон – писатель и богослов, строгий и красивый, которого в России многие называют «Русский Златоуст».

Святитель Тихон Задонский часто навещал помещиков, дворян, имения которых были расположены в ближайшем окружении монастыря, потому что он был очень интеллигентным, образованным и всегда искал пищи духовной. Мало того, что он жил с простыми равноангельными монахами, но он еще и искал людей мирских, далеких от равенства с ангелами, чтобы и их сделать ангелами, и их детей.

И вот однажды он был в гостях у одного помещика. А в этот день приехал из Парижа сын помещика, студент, который окончил Московский университет, а потом поехал в Париж для повышения познаний, воспитания и так далее, чего искали в тот исторический век богатые люди. Владыка его знал, когда он учился еще в Воронеже, Владыка провожал его в Париж, а теперь совершенно случайно услышал, что сегодня утром приехал тот молодой человек из Парижа. Масса новостей! За три дня не переговорить, особенно старикам – отцу, матери, бабушке.

Святитель Тихон заинтересовался духовной жизнью, конечно, в первую очередь: как во Франции обстоит дело с

духовной жизнью, как стоит во Франции дело духовно-го образования, спрашивал о богослужении, о священстве, о порядках. О чем угодно спрашивал молодого человека, и молодой человек прекрасно отвечал.

А потом вопрос все больше и больше поднимался о духовной жизни парижан. Молодой человек поделился со святителем мнением, что новые книги выше, что новые учителя лучше – которые не очень-то благоговейно смотрят на религию, а некоторые и совсем отвергают или улыбаются в ее адрес. Большой психолог святитель Тихон читал на челе этого студента, что он сочувствует всему этому. Вопрос заострялся все больше и больше, и на все, что молодой человек говорил, Святитель возражал: «Нет, нет, не правда. Нет, не может быть, это ошибка. Это бульварные дешевые писаки, это не богословы...» В это время молодой человек покраснел, как алмаатинский апорт, приблизился к святителю, ударил его по щеке и назвал: «Мужик!» Святитель стал было падать, его поддержали. А молодой человек стоял весь бледный, как из белого мрамора памятник на кладбище...

Замешательство и тишина. В это время святитель Тихон опускается на колени перед молодым человеком и говорит: «Прости меня, молодой человек! Я не всю вашу душу взвесил и позволил кое-что с вами откровенное говорить о нашей Религии, так простите меня, я вас вывел из равновесия». И Святитель поднялся. Замешательство осталось в семье. Молодой человек вышел.

Так вот, мне рассказывал однажды один благочестивый человек, преподаватель Тверской духовной семинарии по фамилии Успенский, когда у владыки Арсения было много гостей. Успенский вышел на балкон подышать – в зале было жарко. А я у него спрашиваю (я еще мальчик был):

– Правда ли, что один помещик ударил святителя Тихона по щеке?

– Правда, Ваня, правда.

– Так как же он мог взять и ударить Архиерея по щеке? Как же это? – я по-белорусски выразился.

– Именно так и было. Тогда такое время начиналось, что о религии стали немножко говорить не так, как следовало. Все сыночки, которые ездили в Париж проматывать денешки своих родителей, набирались там духа атеистического, и этот дух привозили к нам в Россию. (Мне этот преподаватель сказал больше того, что я сейчас вашему вниманию преподношу). А постольку-поскольку он посмел ударить Святителя, то этим показал, что ничему доброму он не мог в Париже научиться, а сразу Архиерея ударил по щеке. Караул! Я остался очень благодарен этому преподавателю из духовной семинарии.

После ухода гостей, когда навели порядок в покоях архиерейских, я Владыке все это рассказал. Владыка говорит:

– Точно, Ваня, так и было. Тогда такое течение было, что с Запада безбожие перешло на землю Русскую...

Юноша-еврей Спасителя спрашивает:

– Что есть беззаконие? – А Спаситель ему повторяет:

– Ты же знаешь Закон: не убий, не посмей любодеяние творить.

Любодеянием называется измена религии, а в измене находится ключ всяких преступлений. Я хорошо запомнил этот разговор, в котором законоучитель Успенский мне разъяснил, что слово «блуд», «блудодеяние» в славянском языке имеет иной смысл, нежели в русском. Оно означает измену закону, измену человеку и измену своей бессмертной душе.

Так кто же оказался настоящим мужиком? Святитель ли Тихон или благородный студент, который учился за границей? Этот вопрос я предоставляю решить вашему вниманию. Аминь.

25 августа, 1974 год.

В навечерие Успения Божией Матери

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Шесть месяцев прошло как архангел Гавриил благовестил в алтаре первосвященнику Захарии, что от него родится сын Иоанн, который будет очень споспешествовать спасению рода человеческого.

В этот шестой месяц был послан с небесных высот от Святыя Троицы архангел Гавриил к Деве Марии. Архангел Гавриил благовестил Ей величайшее и несказанное, и неизреченное, и неожиданное счастье для всего мира – пришествие в мир Сына Божия – рождение Иисуса Христа – бессеменное воплощение.

Пресвятая Богородица, живя у Иосифа, благороднейшего старца, была очень стеснена, как говорит древнее предание греческое, тем, что все жильцы этого дома – дети и жены детей Иосифа, благороднейшего и праведного, не понимали ее значения, не понимали, в чем дело, почему Дева пребывает у отца – старца, без всякого смысла, без всякой нужды, без всякой идеи, не выйдя замуж ни за кого, а оставаясь только в келье и упражняясь трудами. Она прекрасно вязала, прекрасно вышивала и ткала. Она вообще была большая мастерица по рукоделью, научившись этому в храме Иерусалимском, где всех девочек учили такому прекрасному ремеслу. Дети Иосифа праведного все ее изделия уносили и продавали, и этим существовала почти вся Иосифова семья. Но женщины остаются всегда женщинами. И кругом Девы Марии сплетни ходили. Многих это удивляло чистосердечно, другие не понимали – в чем дело, и были настолько невежественны, что не могли почерпнуть ответа на этот вопрос из Священного писания и из Пророчеств. И кругом Девы ходил всегда какой-то дымок, какая-то тучка темная, непонятная, лишь только Она одна понимала, которая все слагала в сердце своем.

И вот, по прошествии шести месяцев после зачатия святой благородной Елизаветой в нагорной стране, архангел Гавриил благовестил Деве Марии, что «...родишь Сына». Дева Мария, находясь в окружении, где все были расположены к ней со

снисходительной улыбкой, недоумением и осуждением, не могла уместить в сердце своем чело-веческом все то, что Гавриил ей благовестил. Но так как Она, дивная Дева, воспитанная в храме, не раз беседовавшая с ангелами – так Предание говорит нам, то все же кое-как это неуместимое вмещала. И решила Она пойти в Горнее, во град Иудин к праведной Елизавете – тете своей, и по большому секрету рассказать ей то, что не вмещало сердце ее человеческое, особенно женское, особенно девическое – бессеменное ро-ждение.

Она пришла сказать, рассказать, посоветоваться о том, что Ее беспокоило. И Святое Евангелие говорит нам, что когда Она вошла во двор Захарии (это было лето, от-крыты были все двери), когда издалека Дева Мария увидела Елизавету и приветствен-но воскликнула восточным приветствием, то Елизавета, увидев Деву Марию, переступающую пороги ее комнат, тоже воскликнула: «И откуда мне сие, да прииде Мати Господа моего ко мне!» Какое пророчество смелое, настолько смелое, как не у многих пророков, смелое, как у Иоанна Дамаскина. Он сказал: «Чрево твое, пространнейшее небес...» И потом Елизавета, когда они обнимались и целовались, и приветствовали друг друга, говорит: «Ты знаешь, когда я услышала твое приветствие, то во чреве мо-ем, вероятно, сын – заплясал!» Вам это странно слышать: «заплясал». Но для Златоуста не было странным сказать: «Иоанн во чреве заплясал матери своей шестимесячным младенцем, которая приветствовала Бога Матерь Деву Марию, входящую в ее дом». И такое дивное чудо совершилось в доме благороднейшей четы – Захарии и Елизаветы. В доме того Захарии, который вводил Деву Марию трехлетнюю в храм святой, того Захарии, который наблюдал Ее там пребывание, наблюдал за Ее святостью, удивлялся и недоумевал, и терялся, когда время подходило замуж отдать девушку по закону Мои-сееву: необходимо замуж! Никаких уступок – ни религиозных, никаких! И как вам известно, и можно напомнить в этот день, что первосвященник со священниками и леви-тами много совещались и спорили: «Что делать с девушкой Марией? Она не желает иметь брака, а оставлять дальше жить в храме нельзя. Что сделаем?»

И первосвященник воскликнул на небо: «Господи, Ты Сам укажи, что нам с ней делать!» В тупик все встали: первосвященник-патриарх, и священники, и девушки, которые подрастали, догоняя возраст брака.

Тогда было свыше посещение души первосвященника, и был таинственный голос: «Надо Деву спрятать от сатаны. Надо Деву спрятать, чтобы сатана не наклеветал на нее. Довольно того, что сатана наклеветал и обманул одну деву у древа познания добра и зла, чтобы не повторилось такое несчастье для рода человеческого, для будущей славы, красоты и счастья его небесного. Поэтому нужно обмануть сатану». Так и есть в одной молитве на Троицу: «Ты благодатным, необыкновенным образом обманул сатану...» Вот славянский язык как говорит...

И вот, Дева Мария, находясь в таком покойном доме в гостях у родственников, больших доброжелателей, подвижников, пребыла там три месяца. А к тому времени приходило время родить Елизавете сына Иоанна. По Промыслу Божию Дева должна была оставить этот дом и не принимать никакого участия ни в освящении, ни в обрезании, ни в умовении, ни лобзании новорожденного чудесным образом Иоанна, но рожденного по естественным законам. Все святое и чудесное, рожденное в мире, естественным образом рождено, кроме Христа, Которого воспевают Церковь Великим почетом: «Бессеменного зачатия...», которого дивно воспел Иоанн Дамаскин и многие церковные служители и песнотворцы.

Итак, Дева Мария возвратилась в свой дом и пребывала в таком же положении, в каком и была: в духовной тишине, тишине сердца, тишине и смирении разума, занимаясь физическими работами при уважении всех окружающих и терпении всех окружающих.

А чрево росло, а закон естественный оставался законом естественным – Марии быть матерью. «Бессеменного рождения». Она не волновалась, Ей Архангел все объяснял и на прощанье с Архангелом Она сказала: «Я раба Господня и все, что угодно Господу Моему, пусть совершается надо мной. Я раба Господня!» Но Иосиф этого не знал. Дева Мария Иосифу не говорила. Иосиф, видя Деву... Иосиф преклонялся пред Ней,

молился пред Ней, лобызал ноги Ея. Иосиф с благоговением свитки держал, когда Она читала. (Она читала хорошо, а у Иосифа были свитки пророческие, потому что он из царского рода, он имел сокровища – пророчества.) Иосиф, как мог, служил Деве Ма-рии, но боялся своих, потому что и свои всегда делают большие неприятности и создают всякие проблемы в таких ситуациях. И Иосиф, видя Деву, приходил в смущение... Дева Мария очень переживала, но в смирении и кротости все терпела и переносила...

Мы будем на Христово Рождество говорить, что произошло дальше, если Господь Бог удостоит нас закончить лето, встретить осень и встретить зиму, и встретить Рождество «бессеменного рождения» Спасителя Христа. А в сегодняшний священный вечер, в который мы совершаем чин воспоминания погребения Девы Пречистой Богородицы, очень удобно и удачно нам вспомнить то, что записано для всех людей в Святом Евангелии от Луки, что Дева Мария после Благовещения направилась с посещением, с глубоким рассуждением побеседовать к Захарии первосвященнику и своей родственнице – благороднейшей супруге Захарии Елисавете.

Да будет нам на духовную пользу сегодняшнее слово наше краткое, в вечер священный, священного праздника Успения. И чтобы Царица Небесная учла бы нашу любовь к Ней, учла бы наше послушание Церкви. Учла бы Матерь Божия и все ваши немощи и Своими молитвами пред Престолом Сына Своего Христа Бога Нашего покрывала бы их, ибо Она наша молитвенница, и заступница, тем более, что Сама Она не раз говорила лучшим святым – как бы ни было, что бы ни было, как бы страшно ни было, а все-таки земля Русская, Россия – Мой Дом. Аминь.

27 августа, 1974 год.

В день Успения Приснодевы Богородицы

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

В Богородичные дни Святая Церковь положила читать Евангелие Богородичное. Из истории Предания и Евангелия известно, что Христос Спаситель часто бывал у Лазаря. А у Лазаря были две сестры: Марфа и Мария. И вот Спаситель любил бывать в этом доме благочестивом и всегда там проповедовал. Несомненно, всегда было много людей, которые слушали слово Божие и хранили его в сердце своем.

Однажды вновь Христос Спаситель с учениками пришел в дом Лазаря. А гостей всегда, конечно, принимают какой-нибудь трапезой. Поэтому хозяйством заведовала Марфа, сестра Лазаря. Она сейчас же бросилась готовить закуску. Очень спешила она, очень волновалась она, так как очень любила Христа Спасителя, Учителя Божественного, и Его несравненных учеников, Святых Апостолов. И так она спешила, волновалась, нервничала, и некому было ей помочь в приготовлении трапезы, так как все по-лучали слово Божие, исходящее из уст Христа Спасителя. И вот Марфа не выдерживает, входит в комнату, где Спаситель проповедует и где Мария у ног Его сидит, и говорит: «Господи! Неужели небрежешь, что меня одну оставили на кухне приготовить трапезу. Прикажи сестре, или кому-нибудь, чтобы мне помогли. Я тоже хочу слушать слово Божие. Я тоже люблю слушать Слово Божие». А Христос Спаситель ей говорит: «Марфа, Марфа! Ты очень много заботишься о чреве, очень много заботишься о питании, очень много заботишься о том, о чем можно меньше заботиться. А Мария благу часть избрала, она все время слушает слово Божие. Она все время слушает проповедь». Значит, Христос Спаситель так высоко ставил проповедь и намного выше ценил поучение, нежели занятие только кухней и трапезой, что было тоже необходимо.

«Господи! Да Ты бы без трапезы и проповедовать не мог бы. Если бы Марфа и Мария, и другие фарисеи, и саддукеи, и всякие грешники Тебя не угощали, где бы Ты обедал?»

Спаситель это знает, внимает этому и награждает за это, но слово Божие и поучение народа несравненно было в Его глазах

выше всего. Есть такое выражение, которое Спаситель говорит в другом месте Евангелия, что кто оставит Отца, кто оставит мать, кто оставит сестру, кто оставит дочь, кто оставит сына, тот наследует Царство Небесное. Здесь имеется в виду не то, чтобы убежать из собственного дома. А о том говорится, что в первую очередь нужно в сердце носить Господа, а потом все остальные житейские попечения: и огороды, и сады, и ремонты, и пятое, и десятое.

Вот это имел в виду Христос Спаситель. Это нам растолковали отцы святые богодухновенные и духоносные, что Христос Спаситель никогда ничего не отвергал, но выше всего ставил душу – бессмертную вещь. Вот так и понималось всегда, и так Христос Спаситель научал понимать. Многие так и понимали, а некоторые не понимали и возмущались. Даже Марфа и та почти возмутилась на Марию, что она сидит и слуша-ет, а ее одну оставили. «Прикажи, чтобы она шла помогла мне. Надо соус сделать, надо хлеб нарезать... надо все». Надо исторически обратиться к тем временам – чем тогда угощали и что ели. А ели почти все скоромное, потому что жених еще не отнялся. Когда ученики Спасителю рассказали: «Вот, мы видели учеников Иоанна Крестителя: они постятся, не едят ничего. А мы вот, Твои ученики, все едим, что попало, что нам пре-подносят». А Спаситель и говорит, что когда отыметсЯ от Вас Жених, тогда и будете поститься, тогда найдете нужным и необходимым, чтобы был пост, и сами пост уста-новите.

И когда Христос Спаситель из мертвых воскрес и вознесся, и когда в день Пятидесятницы основалась Церковь, тогда святые Апостолы подумали, что нужно установить для человечества пост – и установили те посты, которые очень любят люди, особенно в Алма-Ате. Ах, умирают, как посты любят. Не успеешь еще разговеться, как старухи алмаатинские уже ждут, скоро ль постик будет? Скоро ли будем заговляться? Я гово-рю: «Будет, будет пост, хватит с вас». В Алма-Ате очень любят поститься. В Алма-Ате очень строгие люди, они и рыбу постом не едят – Успенским постом рыбу не едят, и даже в филипповку не едят. Я им иногда говорю осторожненько, что у рыбы кровь холодная, не горячая, как у барашка. У рыбы же холодная кровь, надо

вкушать. Но алмаатинские старушки остаются на своем, и они получают венец в Царстве Небесном за любовь к Писанию, за любовь к выполнению законных Апостольских постов.

И вот, шла трапеза... Марфа подавала на стол, Господь Бог Иисус Христос вкушал трапезу, ученики вкушали трапезу. Но Спаситель все время говорил беспрестанно. Ок-на раскрытые, полный двор народа, который стоял и слушал слово жизни Христа Спасителя.

А потом настало время Христу Спасителю идти дальше. Встали, помолились, хозяев поблагодарили, и Спаситель пошел по коридору, по ступенькам вниз, чтобы идти дальше. А одна женщина из народа выступила и воскликнула громким голосом: «Счастливые то чрево, которое носило Тебя и сосцы, которые Ты сосал и питался, которые Тебе жизнь дали земную и укрепили Тебя». Казалось бы, женщина похвалила самое важное, самое главное, самое необходимое, самое первое. Но Христос Спаситель и здесь оказался верен Себе, верен Своей проповеди. Он ей ответил: «Да, счастливые все те, которые питают своей грудью младенцев, счастливые все те, которые носят младенцев под сердцем своим покуда не будет рождения. Но счастливее всех те, которые слушают слово Божие и хранят его в памяти своей, в сердце своем». Так что, Христос Спаситель ставит чтение Святого Писания, которое есть боговдохновенное, особенно Святое Евангелие, выше всего. Трапеза на своем месте, все на своем месте – и завтрак, и обед, и ужин, но Слово Божие, Евангелие, слова Христа Спасителя ставятся Самим Христом Спасителем и ставятся Церковью, и ставятся даже натурой нашей, что да-а, это все выше временного, земного, скоропреходящего – бессмертные слова Спасителя Христа о спасении бессмертной души.

Так Христос Спаситель не раз говорил людям: «Изучайте Писания. Знайте, во что вы верите, знайте свою религию, разумейте и понимайте, кто вам и что проповедует. Пастыри ли вам проповедуют, поставленные Господом Богом, или волки в шкуре овечьей», – Спасителивы это слова.

Значит, пусть будет это нам сегодня уроком – у гроба Богоматери, Которая Сама любила читать Писания, Которая

Сама любила читать Пророчества, и Которую архангел Гавриил в момент благовещения застал за чтением Священного Писания. И мы бу-дем, братья и сестры, любить Писание святое, приобретать его по возможности и про-читывать его. И Священным Писанием будем питать свою бессмертную душу, как Господь сказал, что выше всего, выше всякой трапезы земной есть Священное Писание. И Христос Спаситель в Страшный день суда похвалит ту душу, которая любила Писание Священное, и сама прочитывала, и другим читала. Будем же Христа Спасителя принимать и духовной своею любовью угощать. Да будет сегодняшний праздник нам уроком, чтобы мы не забывали Священное Писание и верили бы Господу нашему Иисусу Христу, что Писание есть очень важный предмет. Аминь.

28 августа, 1974 год.

Слово в день Рождества Христова

Рождественское послание

«Се благовествую вам радость велию, яже будет всем людям, яко родился вам днесь во граде Давидовом Спас, Иже есть Христос Господь»

Так благовествовал ангел Божий человечеству в ту священную и великую ночь Рождества Христова. Вот, Божиею милостью мы вновь вступаем в эти радостные рождественские дни. Уже много веков христианский мир переживает духовную радость, вспоминает великую благочестия тайну вочеловечения Бога Слова. И всякий раз по-новому волнуют нас слова хвалебного гимна: Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение. Мир и любовь принес в мир рожденный в убогих Вифлеемских яслях Богомладенец. От начала времени идет постоянная борьба между добром и злом. Наблюдая жизнь, можно прийти к выводу, что всегда побеждает зло.

Вспомним историю. Зло погубило праотцев Адама и Еву, и они потеряли райское блаженство. Злой дух подтолкнул Каина на братоубийство. Евреи избивали пророков и продолжали свою греховную жизнь. Зло толкнуло Ирода убить вифлиемских младенцев, ища убить Богомладенца Христа. Сей же дух вразумил Иродиаду искать главы Иоанна Крестителя. И, наконец, Голгофа... «Распни Его, распни». Не этот ли дух двигал тогда сердцами и умами иудеев? Несмотря на эти печальные факты, в сущности, зло побеждено, и победа эта пришла с Голгофы. Голгофский Крест стал символом победы над злом. Христово учение уверенно завладело миром.

Через три года по вознесении Спасителя под водительством Апостолов стала создаваться раннехристианская Церковь. Огромная работа была уже не под силу апостолам во все умножающейся Церкви. «Тогда двенадцать апостолов, созвавши множество учеников, сказали: не хорошо нам, оставивши Слово Божие, пещись о столах. Итак, братия, выберете из среды себя семь человек изведанных, исполненных Святого Духа и мудрости». И были избраны семь диаконов, среди которых был Стефан, «муж, исполненный веры и Духа Святаго».

Имя первомученика архидиакона «Стефан» означает по-гречески «корона». Это было чудное совпадение, ибо он получил корону первомученика. Святой евангелист Лука, мастер художественного слова, точной фразой обрисовал нам духовный облик этого человека: «Исполнен веры». И эта вера – динамична, творческая, по словам Спасителя, может горы передвигать. Он был «исполненный веры и силы, совершал великие чудеса и знамения в народе» – качества, присущие духовной и высоконравственной личности.

И вот, в зарождавшейся Церкви Христовой зло вновь поднимает руку на такого человека. Когда иудейские религиозные вожди увидели, что они не в состоянии противостоять мудрости и ревности, с которой святой Стефан проповедовал учение Христово, они решили расправиться с ним. Святой Стефан обличал Иерусалим, как живой свидетель Слова; его проповедь шла от сердца.

Со всей Римской империи приходили евреи, чтобы поклониться общенациональной святыне – храму на праздник Пасхи. И здесь с великой ревностью молодой диакон проповедовал Христа Распятого. Он был неустоим и неустрашим, обличая лжесвидетельства. Аргументы его были вескими, ибо основывал он свою проповедь на Библии. Речи святого архидиакона Стефана возбуждали народ, вызывая гнев и злобу фанатиков. Такова была естественная реакция его противников, не могущих опровергнуть его, так как учение его было правым, и они решили: прав тот, кто силен. Искали всячески убить его. Вскоре представился случай, когда Стефан сказал, что видит Господа Иисуса Христа одесную Бога. Народ схватил его и он был приведен в синедрион для суда. Были здесь первосвященники, книжники и учителя искусные – все были заодно. Обвиняли святого в противодействии Моисееву закону, в том, что проповедовал Распятого Христа и по всем пунктам признан виновным. Нетрудно себе представить этот суд. Полные злобы и угроз взгляды судей и народа. Темные, повосточному экспансивные, возбужденные лица устремили взоры на святого. Тот стоял перед ними юный, с светлым лицом, как ангел. При мертвой тишине начал святой свою защитительную

речь, раскрывая вначале священную историю еврейского народа, потом начал обличение: «Жестоковейные! Люди с необрезанным сердцем и ушами! Вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы! Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествия Праведника, Которого предателями и убийцами сделались ныне вы». Слушавшие скрежетали зубами. Слова Праведника были для них, как яд. Подняв свой взор к небу, он сказал: «Я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога». Гневный ропот наполнил здание синагоги. Одни выкрикивали угрозы, другие закрывали уши, чтобы не слышать, и, наконец, ослепленная яростью толпа устремилась на него. Толпа влачила страдальца по улицам Иерусалима и вывела из города, с зверской жестокостью камнями побивала мученика. Но первомученик и архидиакон Стефан проявил благородство и христианскую любовь к человеку. Кротко, с воздетыми к небу руками он молился за своих убийц. А они – один, второй, третий град камней устремили на него. Святой Стефан под этим градом камней пытался встать на колени для молитвы, получая еще более жестокие удары. Он обращает к людям свое окровавленное лицо, взгляд его исполнен радости, и со слезами он молит: «Господи! не вмени им греха сего». С этими словами мученик предал дух свой Богу. Упившись кровью мученической, толпа оставляет вне града бездыханное тело.

Уже вечерело. Стада спускались с гор в долину. Вдали видны были очертания Елеонской горы, с которой Господь вознесся. Заходящее солнце отсвечивало кроваво-красным заревом. А там, горе, в небесах, отверзлись врата Царствия Небесного, да увидит первый мученик за Имя христово – неустрашимый юноша архидиакон Стефан.

Так закончил свою земную жизнь святой Стефан. Жизнь его была короткой, но блистательна красива духовной красотой чистоты и святости. С человеческой точки зрения жаль, что такая юная душа, этот духовный великан, так рано умер. С его умственными силами, пламенной верой, духовной мудростью он много бы сделал для Церкви. Но Богу было угодно, чтобы он, подобно звезде, мелькнул на церковном небосклоне, оставив в

памяти христианского мира неизгладимый след, оставаясь бессмертным. И воистину, архидиакон Стефан не умер, он начал новую жизнь.

Пример его вдохновил все раннехристианское общество. Многие тысячи исповедников за имя Христово пошли его путем, удостоившиеся мученических венцов, подобно святому Стефану. Дух первомученика Стефана продолжал дело Божие через них. И учение Христово их трудами и подвигами все шире и шире распространялось во все уголки земли.

Как видим, победа духа злобы была прозрачной. Кажущаяся победа его обратилась против самого духа злобы. И хотя поныне зло не изжито, и сейчас оно порой расправляет свои черные крылья, сея вражду между людьми, насаждая разделения в Церквах, порождая ереси, сея смерть невинных людей от рук убийц и в мирное время. Но эти малые тучи зла не в состоянии затемнить светлую радость жизни в Боге.

И для борьбы со злом нам нужно, подобно первомученику Стефану, идти на смерть. Церковь зовет и требует от нас другой жертвы – бескровной. И этот новый подвиг в наши дни не менее труден и важен, чем подвиг кровного мученичества. Этот подвиг состоит в самоотречении, в победе над страстями, в распятии своей плоти на духовном кресте. В несении этого креста жизни, в борьбе со злом, в терпении и готовности благодарить Бога за все ниспосылаемое – и доброе, и злое. Духовный подвиг состоит еще в том, чтобы иметь такую же пламенную веру и ревность по Боге, какую имел святой Стефан. И, наконец, этот подвиг состоит в воспитании в нас всепрощающей святой любви по Боге ко всякому человеку. Этого подвига от нас ждет мать – Святая Церковь. Она предлагает нашему духовному взору величественный подвиг святого Стефана, как добрый пример для подражания.

Память святого архидиакона Стефана празднуется сразу после Рождества Христова, потому что жизнь его и смерть были во имя Христа.

И сейчас Церкви и народу Божию нужны люди, подобные первомученику Стефану, и она хочет видеть в каждом из нас его последователя в личной жизни и общественной. Мы должны

быть носителями добра, святой, высоконравственной жизни, крото-сти. Собой мы должны воплощать идеалы Христовы на земле. Тогда не будет места злу, оно исчезнет. Исчезнет и не вернется этот опасный недуг греховного человечества. Наступит радостная и счастливая жизнь, и воцарится на земле истинный мир Христов, который да пребудет со всеми нами всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Рождество Христово, 1975 год.

(ЖМП №12.1975 г.С.39–41)

Благовещение Пресвятой Богородицы

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Долг требует говорить слово сегодня. А если бы умер, то не сказал бы и долга не было бы. А поскольку ходит человек и служит – долг требует говорить сейчас. И вашему вниманию преподношу хоть малое, но слово во имя тех событий отдаленных-отдаленных небесных, которые касаются и нас сегодня.

Как я недавно говорил в этом Божественном храме, когда мир наш – земля наша – еще не был сотворен, в Предвечном Совете Отец, Сын и Дух Святый имели суждение о том, что ангелы пошли на искушения многие и захотели тоже быть богами, не захотели они в послушании пребывать самому Творцу и были изгнаны во ад преисподний.

А так как ангелы были изгнаны в ад преисподний, любвеобильное сердце Отца Небесного страдало, можно сказать, за то, что много ангелов погибло. А поэтому состоялся предвечный Совет (по-нашему – заседание) Святыя Троицы: Отца, Сына и Духа Святого. И решено было из переизбытка любви Божией создать человека и мир. Создать уже человека не такого, как ангел был дух. А создать во плоти, физического человека, чтобы он физически на земле жил, чтобы он физически себя понимал и чувствовал, чтобы он физически спасался, чтобы он физически не грешил. И решено было.

Но Отец Небесный сказал: «А мир кто спасать будет? Мир создадим, рай насадим, розы зацветут, человека создадим, жену по его вкусу дадим». И когда этот Совет происходил Предвечный, то Отец сказал: «Кто будет спасать мир? Мир пойдет левой дорогой». Тогда Сын Божий пред Отцом Небесным сказал: «Я, Отче, пойду тогда в мир грешный и прелюбодейный, на крест взойду, которого семечко Ты уже бросил в будущую землю, чтобы семечко в дерево создалось, и Ты Мне уже заранее – еще до Рождества Моего, до Благовещения, до Девы Марии, а раньше, немножко раньше, как сейчас – уже ухо просверлил, быть рабом». (А в древнее время было так: все рабы имели просверленное ухо, чтобы видно, что он не патриций. И сережка

вставлена в нос – серебряная, а не какая-нибудь другая, чтобы не было заражения крови. Сережка так и называется сережка, а серьги по латыни: «быссербус» – раб Божий).

И когда Сын Божий изъявил желание спасти мир, пойти в мир через Деву Марию и воплотиться, страдание принять, учение оставить, Евангелие возвестить, учеников оставить, тогда Отец Небесный благословил быть планете нашей, миру, раю, человеку и всему, что потребно человеку. Так начался мир.

Многие ученые смущаются, а нам малоученым помалкивать надо, что будто бы эти семь дней, в которых творился мир, это были семь периодов очень длинных. Мы спорить не можем и не желаем с учеными богословами, а смиренно склоняем главу и говорим: «Как было, так уж было – слава Богу!»

И вот все. И прекрасный Адам был создан. Сам Бог, Златоуст говорит, вылепил его из красной глины. Так и выражается Златоуст – Бог вылепил – физически вылепил. И Адам был очень красивый. Но потом Адам однажды к дереву приперся и очень был печален и скучен. И Господь Бог заметил печаль Адама и, будем говорить богоприлично, подошел к нему и сказал: «О чем ты, Адам, печалишься, что тебе еще мало?» И Адам говорит: «Все, Господи, есть. Больше, чем следовало бы, есть. Но подруги нет, подруги сердца нет. Ты же сказал – Твой секретарь, Твой поверенный Моисей напишет в книге в свое время – что не «добро быть одному человеку». Тогда Господь ему сказал: «Хорошо».

И был вечер и было утро – день шестой. И привел ему Господь красоты неизреченной невесту, такой красоты, какой Павел и в раю не мог видеть. От дуновения даже теплого ветра колебалось на ней все. Она была из лепестков розы – самой нежной, самой ароматной, самой райской розы – создана и соткана женщина, жена со всею красотой и анатомией, конечно. Но Адам опять запечалился. Златоуст говорит: «Думайте о Боге богоприлично, но иногда смотрите, осторожно за учеными идите, у ученых тоже две ноги, тоже они часто – раз и упал».

И Адам опять стал печалиться, что перед ним стояла такая красавица неизреченной красоты и премудрости, и аромата. Господь и спрашивает: «Почему же ты, Адам, теперь

печалишься?» «Господи, да Ты же Сам видишь, разве это плоть и кровь наша? Это же та красота дуновения хлада летня, хлада тонка. Это небесная жилища, это – выше всего, чего Ты создал уже: и херувимов и серафимов», – он нотацию Богу читает, Адам, бедняжечка, но – по-человечески. Тогда Господь сказал: «Хорошо».

И был вечер и было утро – день седьмой. И навел Господь сон большой на Адама, и голый Адам уснул. И Господь вскрыл ему часть хирургическим порядком, как у нас говорят. Ребро вынул, вдул в ребро – и стала обыкновенная красивая женщина-дева. Тогда Адам, когда проснулся, воскликнул и подбежал к ней, и сказал: «Вот это плоть и кровь моя!»

И стали жить Адам и Ева. Златоуст говорит – сто двадцать лет прошло после того, как у них уже появились сыновья Каин и Авель. Златоуст так говорит. Потом нам известно из Откровения убийство Каином Авеля. Потом нам стало известно, что – еще от Святыя Троицы упомянуто во время заседания, что многие люди пойдут левой дорогой, и даже от Бога откажутся многие. Но так как Сын сказал: «Я пойду в мир», тогда и посылает Господь Архангела Гавриила в Назарет к Деве Марии возвестить Ей, что Ей суждено, Ей должно, Она достойна, возрадуется Дух Ее о Бозе Спасе Своем и роди все ублажат Ее, и любить будут, и почитать будут, и Она всему роду человеческому явиться Матерью, Покровом и Защитницей.

И повеленная Ангелу – по секрету Богом Отцом – сойти на землю в Назарет и тайно Деве сказать: «Ты Сына Мне родишь. Он велик будет. Он мир спасет. Он плоть примет человека, ту плоть примет человека, которая предназначена и на небеси жить».

И Архангел Гавриил трепетно принял такое высокое поручение, ответственное поручение, со страхом. И вошел тихо и смиренно к Деве Марии, когда Она читала списки пророчества о том, что Дева родит. ДЕВА РОДИТ! И Она смутилась, и Пророк смутился – Дева родит! И переводчик Симеон смутился, а Дух Святой не смутился – должна Дева родить! «Бессеменного бо зачатия...»

И Гавриил благовестил Деве то, что вам известно, и Дева приняла это. Она сказала только одно: «Это воля Господня, и пусть надо Мной заключается то и совершится, что угодно Господу Моему. Я раба Господня, Я не Ева, которая хотела быть царицей мира, которая хотела богиней быть, которая мужа совратила, которая мужа красным соком напоила. Я раба Господня». И это – сильный документ, этот документ, подтверждающий истину, правду и любовь, и святость, Гавриил очень быстро вознес к Пре-столу Святыя Троицы и благовестил. И стало все так, как все мы знаем из Писания.

Поверим Священному Писанию! Поверим Господу Богу! И поверим своему сердцу, когда оно правду говорит. Аминь.

7 апреля, 1975 год.

Наставление митрополита Иосифа новопоставленному пресвитеру (другое)

С благодатным священством вас, отец Виктор, которое на вашу голову ниспало с неба, как снег с неба падает на всю землю и на человеки! Дай, Господи, чтобы вы были хорошим священником, чтобы служили с верою в Господа Бога, в надежде на Него и в любви к людям, старшим священникам, к равным священникам, к младшим членам причта. Чтобы относились ко всем равно: и к богатым людям, и к бедным, и к умным и глупым; где и мало заплатят, где понадеяться можно на трапезу, а где надо и самому еще дать немножко в руку, чтобы всем равно служить.

Богослужение требует красоты и естественности. И великие святители вселенские очень красиво служили. Они не признавали театральности, они бичевали театральность, а служили изящно и естественно. Потому что Богослужение должно выражаться в лучших формах, возможных человеку. А так служить, лишь бы только внутренне углубляться, а на наружные формы наплевать – это не принимается Церковью, не принимается народом, не принимается никем. У нас есть такой опыт. Мы недавно святого человека назначили на один приход, а у него полная угловатость, полное деревенское мужичество. И там его не принимают – не хотим, и кончено! Надо, значит, считаться с человеческим ухом, надо, значит, считаться с человеческим глазом.

Богослужение требует естественности, красоты, культурности. Батюшку любят изящного в наш век, когда все кругом кричат об изящном, красивом, культурном, художественном. Разве Церковь должна закоснеть и лежать, как медведь на соломе?!

Вам лично, отец Виктор, надо поправить в отношении эстетики. Это значит, нужно красиво служить, хорошо благословить, хорошо приложиться, хорошо «малый вход» сделать, не спеша, хорошо покадить, хорошо встать, хорошо

воссесть на Горнее место. На Горнее место не садятся, а восседают, чтобы это еще и красиво было.

Вот к вам лично мое назидание – служить красиво, сколько возможно: и облачаться хорошо, и подризник поправить, и палицу, т.е. набедренник поправить чтобы все было в порядке. И благоговейно служить: в будний день побыстрее, в праздник поторжественней; надо немножко и голос облагообразить, чтобы красиво звучал. Русский же язык, славянский, дает возможность красиво служить. Нужно не глотать слова, позаниматься дома, почитать дома. А вы думаете, что? И перед зеркалом иногда крутятся хорошие священнослужители! А ксендзы все как красиво служат! Думаете они из пальца высосали, с потолка взяли? Работают над собой! А у нас: что гнило – попу в кадило. Так это главный капитал: изящно служить, особенно в праздник.

Вот, дорогой батюшка, моя просьба к вам, чтобы служить красиво, чтобы богомольцам нравилось. И благоговейно, и с полной искренностью к Господу Богу. Когда вы служите обедню, то «весь живот наш Христу Богу предадим», всего себя Тебе, Господи, отдаю. Но требуется форма изящная. Вот возьмите вы в древнем, в языческом мире, как жрецы богослужение изящно совершали, как богослужение в древности совершали перед своими идолами: изящные формы, строгие формы, изящная дисциплина. А потом перешло это в еврейский мир. Помните, у Соломона какая изящная красивая служба была? Изящность звуков, изящность поворотов, изящность воздеяния рук, изящность коленопреклонения. Видите? Значит Богу угодно было. Вот сама скиния была, и само облачение священническое, архиерейское. Бог прямо Моисею говорит: «Ты же, Моисей, прикажи Веселеилу сделать так, как Я показал тебе на горе».

А брат Моисея Аарон уже так был красиво, так изящно облачен, как никто, как патриарх не облачался: такие драгоценные камни, золотые бубенцы, вот эти вот, кисти. Все это было драгоценное. Значит, к вам просьба, чтобы служить красиво, чтобы заняться языком, заняться произношением, заняться диалектикой славянской, что очень важно.

Второе, как я уже говорил, – ко всем нужно ровно относиться: и к бедным, и к богатым, и к умным, и к глупым,

ученым, культурным, и к невеждам – равно быть для всех батюшкой.

С отцом настоятелем – послушливей. Христос Спаситель был послушлив до смерти, до смерти крестной. Настоятеля слушайся.

С церковным советом ничего общего не имей, кроме поклона. С богомольцами никаких, особых «люблю», «не люблю» – всех люблю. И я люблю всех.

Позаниматься нужно, почитать уставное Евангелие, житие празднуемого святого нужно почитать на русском языке, потом по-славянски дома, а потом в церкви.

Дома у вас порядок, я знаю: дома у вас иконы и молитва, и дома постятся, без пяти минут монахи дома. А детей иметь – Бог даст. Вот такие вещи.

Значит, мы попросим, во-первых, чтобы красиво служить, так? Чтобы хранить мир в приходе и проповедовать только мир. Понимаете? Мир. Где мир, туда Троица сойдет. Где мира нет, там мрачно, страшно.

Вам такой урок и лекция, которую вы слышите в первый раз в жизни и, вероятно, не услышите больше. Примите это, как жемчуг.

Я, как архиерей месту этому, сего года я вас рукополагаю и за вас отвечаю пред Богом. Я же и на Страшном суде буду за вас отвечать. Вот, Льву, папе Римскому, апостол Петр все грехи вымолил очень легко, а вот за рукоположения говорит: «Не могу вымолить, сам будешь на Страшном суде отвечать перед Богом, кого где посвятил, когда достойных и не достойных». Вот как архиерею страшно. Я же каждый раз это вспоминаю и боюсь. И сегодня утром боялся, когда телеграмму давал. Боялся и когда рукополагал. Но будем надеяться на Духа Святого. Он Вездесущий, Всемогущий, Врач душ и телес наших, человеческих. И Дух Святой ведает, что священники составлены из того же материала, что и Адам согрешивший, но вдохновлены благодатью при рукоположении.

Это надо не забывать – это капитал, и спекулировать им не надо, а только благодатно быть мудрым купцом.

С пожеланием вам здоровья, с пожеланием мира в вашей семье, с пожеланием, чтобы и матушка ваша умная была, чтобы она через край не перехватывала, и с пожеланием, чтобы вы с причтом и советом церковным жили хорошо, чтобы группы там никакие не создавались. «Для всех вас, дорогие братья, я служитель, я слуга слуг Божиих».

Наше полное благословение, наше вам доброе пожелание, за вас наша молитва. Это нужно запомнить. И просим святых молитв, и все будет по-хорошему. Аминь.

(Дата не известна.)

Наставление митрополита Иосифа новопоставленному пресвитеру (другое)

Честнейший отец, поставленный сегодня во пресвитера!

Поздравляем раньше всего с благодатным чином! Мне, когда я был на заре юных лет, Господь даровал, похваюсь перед вами, тысячу обедней отслужить. Приветствую тебя с пожеланием тысяч обедней отслужить, когда приедешь в свой город, знаменитый старинный и казахстанский, Кзыл-Орду.

Это была когда-то столица казахстанская, а сейчас – большой город и большая река, где много чудной вкусной рыбы для постника батюшки.

Когда ты впервые за божественной Литургией взглянешь на лица своих прихожан, то так сделай, как апостол Павел делал, как мудрый архиерей сделает и ты так же сд-лай. Я сам видел в Могилеве: когда старый протоиерей уходил за штат, он амвон поцеловал. Он в Могилеве пятьдесят лет служил, а зять его занял его место и тоже поцеловал амвон, потому что он будет с амвона учить народ спасению души бессмертной. Этот священный амвон, который амвон почитается, который амвон благодатный, с которого амвона только Бог прославляется, с которого амвона только Евангелие благовествуется, который амвон мудрые священники целуют иногда. Вот, отец Валентин, когда взойдешь в конце Литургии на священный амвон, ты народ свой увидишь, своих прихожан в Кзыл-Орде, которые очень соскучились по богослужениям: там пять месяцев уже нет службы, так ты им так скажешь: «Благодать Господа нашего Иисуса Хри-ста и любви Бога и Отца и причастие Святаго Духа буди со всеми вами!» – и поклонись им. Так скажи, как святой Апостол, который, когда объезжал свои приходы в то отдаленное время, он раньше всего такие слова говорил своим прихожанам. И ты так скажи своим.

[Обращаясь к народу] Я его знаю еще мальчиком. Вот он подрясник очень любил и тайно носил. А я раз его поймал в подряснике в соборе. Я говорю: «Подрясник рано еще носить, момент придет и время»... Он семь лет уже служил диаконом в

Караганде, в строгой церкви, где строго смотрят за церковным порядком, за обычаями и каноническими правилами. И он такой же оказался строгий. С пожеланиями, чтобы строгий был сам к себе и чтобы милостивый был к людям. А когда строгий к людям, а к себе милостивый м... эффект малый бывает благодатный. Тут уже будет акривия, а не экономия. В больших грехах и даже в средних прихожан крепко не обличай, чтобы они не отчаялись, а с любовью им всегда напоминай, что так нельзя.

Ко всем людям относись равно: и к умным, и неразумным, и добрым, и злым. Злых делай добрыми своим примером, а лучших лучшими. И за Божественной литургией всех поминай любящих и ненавидящих тебя. А враги у тебя окажутся сразу, как и у всех, как и у меня. Без врагов жить нельзя. Великий был пророк Давид и могущественный царь, и однажды сказал: «Четыреста голов снять таких-то». И сняли. А вот языка человеческого боялся и написал псалом, в котором просил: «Избави меня Господи от клеветы человеческия».

Так велик был Давид, ничего не боялся, а боялся только языка клеветнического. Так и мы будем остерегаться языков клеветнических. Мы не будем повод давать, что-бы нас ругали, на нас клеветали. Будем скромны, терпеливы во имя Господне, будем нести свой крест. В этом-то и заключается крест: «Аще хочеши за Мной идти – скорби подыми, крест неси, не возмущаяся». Надо учить своим примером. Для прихожан городов областных и сел очень много значит слово живое священника. Для них священник являлся раньше, до революции, когда врачей было мало, священник являлся и архиереем, и царем, и доктором – всем являлся священник в селе. И он был врач душ и телес.

Так умей воспитывать своих прихожан, пример подавай. На это священное место не выноси никакой ссоры, с этого места ни ругаться нельзя, ни упрекать. И нисколько сюда навозу человеческого мысленного не вводить. А с этого священного амвона там у себя будешь только во имя Бога Отца, во имя Бога Сына, во имя Бога Духа Святого проповедовать, чтобы люди были обожены, потому что есть у Пророка слово одно к каждому человеку: «Боги есте». Вы тоже боги – маленькие. Крещенные

люди уже боги маленькие, поэтому надо быть очень осторожным и мудрым. Ты начитался книг, я знаю, поэтому ты многое знаешь, отец, и многое ты чувствуешь, и у тебя искренняя вера, у тебя все... И дай Бог, чтобы на приходе у тебя была искренняя вера, искренняя любовь и искренняя надежда на спасение у той паствы, которая тебе поручается. И за нас, которые тебя рукоположили, и за тех, которые присутствовали за твоей хиротонией, всегда частицу вынимай: за боголюбивых жителей града Алма-Аты частичку из просфорочки и в Чашу, в пречистую Кровь.

С пожеланием доброго здоровья, с пожеланием доброго настроения, с пожеланием моря любви на своих прихожан, и чтобы это море досягало и до нас. Еще раз приветствую, поздравляю, всего доброго желаю и матери твоей, которая тебя так воспитала, наше спасибо и благословение! Аминь.

26 января, 1975 год.

Праздник Сретения Господня

«Светильник светил, и тропа расширилась...»

Вот уже сорок дней Царь царствующих Господь господствующих безвестно и тай-но, «не имея ни вида, ни доброты, унизив себя паче всех человек», Младенцем пребывает на земле.

Находясь на земле, Он, Сын Божий, выполнял все законы, предписанные Богом человеку, и в этот день по закону приносится Девой Марией в храм: предвечный Перво-священник нерукотворенного Храма – горняго Иерусалима, как Сын Человеческий, посвящается Предвечному Богу.

Может быть, ликующие толпы народа, все служители храма во главе с Первосвященником торжественно с пением псалмов встречают Его? Ведь сколько тысячелетий истомленное человечество ожидало Его – Свет во откровение всех народов и славу людей Израиля! Увы! Нет никого. Кругом тишина и безмолвие, и только два человека удостоились встретить Младенца и признать в Нем Христа: праведные Симеон и Анна.

И прозвучало пророчество Симеона: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром. Ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов. Свет ко просвещению язычников и славу народа Твоего».

«Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израили и в предмет пререканий!».

В истории человечества нет события более решающего, более значительного, чем рождение Христа, история разделилась на две эпохи: древнюю и новую – Ветхий и Новый Завет. Во время Сретения Господа пр. Симеоном произошла встреча Ветхого и Нового Заветов. Ветхий Завет в лице Симеона, смиренно склонившись пред зарей Новой жизни, засвидетельствовал все значение Ветхого Завета: уготовить путь Господу, а также и то, что лежащий пред ним Младенец является спасением для всего мира, и Сретение Господа явилось заключительной главой Ветхого Завета.

Наступила для человечества новая эра – эра служения Истине, до сих пор только частично познанной и полностью раскрытой Иисусом Христом. До Рождества Христова человечество, пожелавши быть «как боги», испытало всю горечь отчуждения от Бога и, испытывая все способы самостоятельно найти Истину, впадало или в грубое многобожие или, изучая мир и занимаясь философией, слегка приближалось к ней, но полностью не находило ее.

Из всех народов один Израильский народ сохранил неизменно веру в Единого Бога, но он тоже не имел средства примирить Небо с землей.

С рождением Христа наступает новая эра. Сам Бог сошел на землю, указав единственный путь восхождения на небеса. Явился в мире Свет, который просвещает всякого человека, грядущего в мир, и нет к Богу другого пути, кроме пути, указанного Самим Богом. «Все, кто не собирает со Мною, тот расточает». Он пришел всех спасти и «нет другого имени под небом, ... которым надлежало бы нам спастись».

Язычник или иудей, мужской пол или женский, праведник или грешник – все едино во Христе Иисусе. Он всех призвал к покаянию, всем принес Божественную Истину, всех озарил Небесным Светом, всем открыл врата Царствия Небесного, всех призвал, чтобы все восстали и последовали за Ним. «Посему и Бог превознес Его, ... дабы перед именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних». Для Христа нет никакого различия между людьми, кроме одного: «Кто не со Мною, тот против Меня».

Но Симеон своим пророческим взором, прозревая будущее, говорит: «Се лежит Сей на восстание и падение многих и на предмет пререканий!» В этих пророческих словах кратко изложена вся последующая жизнь Иисуса Христа на земле, вся история христианства.

Явился в мире Свет и Свет отторгнут мглой. Отторгнут с первых дней рождения Сына Божия. Никого не нашлось, кроме двух человек встретить Иисуса в храме, но зато легионы воинов устремились на Его убийство. Некому было подать чашу

холодной воды изнемогающему на кресте Спасителю мира, но тысячные толпы кричали: «Распни, распни Его!».

Вот Христос выступил с проповедью, и с первых же дней начались пререкания и разногласия. Несмотря на Его Божественное величие, на святость Его жизни, на чудеса и знамения, Им совершаемые, на чистоту Его учения, – одни, исполненные восторга, восклицали: «К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни». Им Христос был во спасение. Другие, исполненные злобой, твердили: «Беса имеет и неистовствует», пытались сбросить Его в пропасть, обвиняли в богохульстве, предали на смерть и бичевание. Им Христос на падение.

Пророческие слова пр. Симеона относятся также ко всей истории христианства. Так было, так есть и так будет! С первых дней Евангельской проповеди до Второго Пришествия Господа будет восстание, будет падение.

Все, кто верит в Иисуса Христа как Единородного Сына Божия, кто возлюбил Его всем сердцем и ближнего своего как самого себя, кто исполняет Его заповеди и исповедует веру в Него, – все они находятся в состоянии восстания и «встретят Господа на воздушных».

Те, кто несмотря на явные свидетельства о Христе, на сонмы мучеников, Своею смертью подтвердивших истину Евангелия, не уверовали в Него, и даже в окружающих пытаются уничтожить веру в Христа, кто, прикрываясь именем христианина, утопает в грехах и беззакониях, кто, выполняя обряды, проявляет только внешнее благочестие, не выполняя заповеди всепрощения и любви к Богу и ближнему, все они находятся в состоянии падения, и в будущем горька будет их участь!

И не только все человечество находится в состоянии восстания или падения. Каждый человек – это огромный духовный мир. В нем, как говорит поэт:

...Две души слились тесно,
И каждый миг враждуют меж собой.
Одна полна любви к земной юдоли
И вся горит огнем страстей.
Другая рвется к лучшей доле –

К небесной родине своей!

В душе каждого все время идет эта внутренняя борьба, «невидимая брань». И вот в зависимости от того, что побеждает, человек находится то в состоянии падения, то в состоянии восстания.

И только в том случае мы справляемся со всей нечистотой, находящейся в нашей душе, если мы возжигаем в ней светильник Евангельской истины и освящаем им все закоулки нашей души. Тогда она восстает, и Господь посещает ее. Если же мы отдаем ее в жертву земных благ и страстей и ради них заглушаем высокие порывы, душа приходит в состояние падения, и трудно уже ей восстать. Да, трудно без помощи Божией!

Но как бы ни было велико падение, с Его помощью всегда можно восстать: искреннее покаяние, пост, молитва, дела любви и милосердия – вот средства восстания души.

И теперь, в преддверии Великого поста, постараемся по призыву Святой Церкви, призывающей: «Душе моя, душе моя, восстани, что спиши?», восстать и приготовиться к достойной встрече Воскрешего Господа!

Поздравляю Вас, мои дорогие и любимые, с Великим Праздником и желаю каждому из вас всегда находиться в состоянии восстания и каждому удостоиться незримой встречи с Господом! Аминь.

(Дата неизвестна.)

Преображение Господне

«Да возсияет и нам грешным Свет Твой присносущный!»

Приближались дни вольных страданий Господа нашего Иисуса Христа – дни скорби, ужаса, жестоких мучений, надругательств, позорной смерти...

Господь видел внутреннее состояние учеников, видел, что несмотря на проповедуемое им Божественное учение, на все чудеса, «коих от века не было видено», на вос-крешение мертвых, на Его собственные слова, что Он есть Сын Божий, – все же сознание учеников никак не могло постигнуть Божественности Христа.

И вот, чтобы укрепить в них веру, и чтобы они не пришли в отчаяние, видя Его опозоренным и мертвым, Господь преобразился перед ними.

Взяв трех самых преданных учеников, Он удалился с ними на гору Фавор и предался там молитве. Ученики, утомленные жарой и долгим путем, уснули. Во время мо-литвы все существо Иисуса покрылось божественной славой: лицо сияло, как солнце, одежды блестели, как снег. К Нему – сыну Божию – явились пророки Моисей и Илия и беседовали с ним об Его последующих страдальческих днях.

Пробудившись и узревши славу Его, ученики пришли в благоговейный восторг и апостол Петр воскликнул: «Господи, хорошо нам здесь быть!» Вдруг слава Господня в виде облака осенила их, и они услышали Божественный глас: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, Его слушайте!»

«Хорошо нам здесь быть!» – воскликнул Апостол, потому что слава Господня предстала пред ними, а затем осияла их.

И если каждый из нас от всей глубины сердца почувствует, как хорошо быть в присутствии Господа, если мы будем стремиться к Нему, как лань стремиться к источнику чистой воды, то слава Господня осияет и каждого из нас.

И если цель нашей жизни – есть воскресение с преображенной плотью, то наш зем-ной путь должен быть путем преображения.

С первых сознательных дней жизни мы должны все время обновлять, восстанавливать в себе образ Божий, преображаться от падшего Адама к первосозданному, искоренить в себе все темное и нечистое, что искажает в нас образ Божий.

Христос одержал победу над смертью, пройдя путь скорби и смерти. И нам, чтобы достигнуть преображения своего естества, надо одержать победу над собою: над своими страстями, пороками и привычками.

Христос излучал непрестанно любовь и милосердие, и мы должны непрестанно се-ять вокруг себя ласку, добро, сострадание. Христос воскрешал мертвых, и мы должны прилагать все усилия, чтобы будить, воскрешать спящие, а часто и усопшие души на-ших близких.

Но Христос указал нам личным примером не только путь подвига. Он прошел на земле еще путь молитвы и путь страданий. Как часто Он – Единородный Сын Божий – предавался пламенной молитве. Прежде, чем начать свое служение, Он сорок дней, не вкушая пищи, молился в пустыне. В Гефсиманском саду Он молился до кровавого по-та.

Если – Единый, Безгрешный так молился, то как мы должны молиться, чтобы пре-образиться в сынов Божиих!

Если Он – воплощенная Любовь, Кротость и Смирение – безропотно прошел путь скорбей и крестных мук, то имеем ли мы право желать пройти жизненный путь, утопая в довольствии, без трудов, без подвигов и болезней.

Конечно, Господь не требует, чтобы мы сами себе создавали трудности, и только желает, чтобы мы бодро и радостно несли свой крест, Им посылаемый и ведущий нас к блаженной, радостной цели.

И вот, неизменно следуя тем путем, каким прошел земной путь Христос, мы достигаем преображения нашей души уже на земле.

Она уже здесь сияет фаворским неизреченным светом; этот свет будет озарять все наши поступки и слова, будет осиявать всех, с кем мы соприкасаемся в жизни.

Мир, тишина, тихая радость, любовь ко всем окружающим – наполнят нашу пре-ображенную душу, и мы сердцем

почувствуем Бога во всем: в лучезарном солнце, в сиянии луны, в мерцании звезд.

Мы познаем, что каждая былинка, каждый плод, каждое явление природы есть от-кровение о Боге – Всемогущем, Всемиловитом, Вселюбящем.

Откроет же каждый из нас Господу свою душу: «Господи, мы истомились, блуждая без Тебя, и вот, мы опять пришли к Тебе. Страшно, тоскливо жить без Тебя! Прииди, преобрази наши души и дай нам познать, что вне Тебя нет ни подлинной радости, ни полного блаженства, ни истинного познания.

Просвети, научи, вразуми и приими нас, преображенных Твоею благодатию, в свои отеческие объятия». Аминь.

Поздравляю вас, мои дорогие и любимые, с Великим праздником Преображения! Как хорошо было бы в этот день или накануне преобразиться, соединившись с Господом в Его Святых Тайнах. Аминь.

(Дата неизвестна.)

Слово о двух поцелуях

На Пасху дома.

Почти две тысячи лет тому назад в мир родились два брата близнеца – два поцелуя! Их родина: первого – в густолиственном саду Гефсиманском, а другого – в саду Иосифа благообразного, в том же священном Иерусалиме. Родитель первого поцелуя – Иуда-предатель... Он его родил в тот страшный и темный вечер, когда лобызанием преда-вал своего Учителя и Благодетеля – Сына Божия.

Второй поцелуй рожден ранним утром в светоносный день Пасхи.

Иуда дал знак врагам Иисуса: кого поцелую – тот и есть Христос Иисус, его и берите...

Апостолы Христовы и святые жены Мироносицы, когда услышали, что Христос воскрес, воскликнули: «Христос воскрес...» и облобызали друг друга – как говорит нам святое Предание.

И так рядом стали жить с того момента два поцелуя или, как славянский язык говорит: два лобызания...

Очень реальны оба эти поцелуя, весьма чувствительны для человечества!

Иудин поцелуй: холодный, мрачный, неискренний, фальшивый, предательский, дьявольский!

Апостольский поцелуй: светлый, пасхальный, торжественный, радостный, положительный, добрый, доброжелательный, святой, искренний!

Кто в своем лобызании не искренен – на устах одно, а в сердце другое, коварен и холоден – тот нас дарит Иудиным поцелуем – предательским...

Кто лобызает человека искренно, дружески, с верою, радостно – тот нас дарит апостольским воскресным поцелуем!

Теперь нам понятна разница характеров сих двух поцелуев...

Христиане, будем честны, будем святы, будем дружелюбны и в дни светоносной Пасхи, и во все дни нашей жизни будем лобызать людей искренним, пасхальным, воскресным, святым поцелуем по-апостольски.

Ведь поцелуй наш – это прикосновение душ! Когда мы лобызаем святой Крест Христов, образ Богородицы и святых угодников Божиих, то мы соприкасаемся мисти-чески, т. е. Духом к душе того лица!

Поцелуй не просто акт!

А тогда нам ясно станет, что от Иудина поцелуя надо бежать и бояться его, как исчадья ада!

Вот история двух поцелуев, рожденных: одного – в момент предания Христа, другого – в светносное утро Христова Воскресения!

(Дата неизвестна.)

Проповедь, произнесенная при посещении г.Караганды

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Опять Господь привел нас посетить храмы Божии в боголюбивом граде Караганде и разделить с вами молитву и Христову Чашу причащения, и напомнить вашему вниманию о тех обетах, которые вы давали устами своих богопоставленных крестных отцов и матерей и исповедали веру в Троицу Святую – Отца, Сына и Духа Святого. Все то, что говорили ваши кумовья, они говорили от вашего имени. А что обещали тогда кумовья от вашего имени? Обещали, что вы будете в любви Христовой и преданности Ему исповедовать имя Пресвятой Троицы и с Богом быть всегда в мире. А так как в море житейском всякое бывает: бури, наветы, взаимоотношения, охлаждения и искушения, то Дух Святой, который обвеял вас в Святой купели, не оставит вас никогда в тяжелые минуты, во всяких обстоятельствах, и даже в тяжелые минуты вашего раздумия, и даже в тяжелые минуты вашего охлаждения.

Итак, апостол Матфей говорит на последней странице и на последних строках своего Божественного Евангелия, как Христос Спаситель по Воскресении Своем сказал Своим ученикам: «Идите в мир, проповедуйте людям то, что Я говорил, учите их всему тому, что Я благовестил. И когда будете учить веровать в Меня, и когда будете учить доверять Мне, Сыну Божию во плоти, то и крестите во имя Отца и Сына и Святого Духа. И кто будет крещен, тот будет спасен. А кто не будет крещен (святой Евангелист прямо и открыто говорит), будет осужден». Но это слова не Евангелиста, а Самого Христа Спасителя, которые и подают нам в своих божественных строках святые евангелисты.

Так вот, мы, священнослужители, поставленные на чреду своего служения от Господа Бога через земную Церковь, через земную, Богом поставленную иерархию во чреде своего послушания, обязаны пред Господом Богом время от времени во времена благоприятные благовестить вам эту истину, повторять вам эту истину, очень деликатно, без всякого принуждения:

«Аще хочеши». Напомнить вам то, что было сказано у купели, что было вложено в уста ваших восприемников и напомнить все то, во что вы верили в детском возрасте, так как никто из старцев уж не может так правильно без рассуждений верить и принимать на веру, как принимают и верят дети своим отцам и матерям.

Посещая вниманием свою паству, имеем долг, имеем обязанность, имеем ответственность не умолчать пред вашим вниманием о том, что сейчас преподносится вашему боголюбивому вниманию и слуху о нашей вере, о нашей любви, о нашем христианстве, о нашем сыновстве к Господу Богу, о нашем сыновстве к Царице Небесной и о нашей любви к Церкви Христовой, которую Господь на земле построил, как на добрых камнях, на своих святых Апостолах и скрепил эти камни своею Божественной кровию на страшной Голгофе, на страшном римском кресте. Это мы исповедуем, это мы принимаем, это мы лобзаем и очень должны быть рады тому, что родились в Православной Церкви, крестились в православной купели пакибытия, что исповедали устами своих восприемников, и что приняли от своих верующих родителей. Все это говорит о том, что мы сохранили все это, как драгоценную жемчужину, в сердце своем.

С таким напоминанием посещают пастыри и архипастыри свою паству и проповедуют в храмах своему духовному стаду. Они всегда должны несленно, неуклонно и с большою ответственностью перед Господом Богом не из-за страха, а только по любви и вере вам сии слова проповедовать и ваше внимание освещать словами теми, которые мы вашему вниманию преподносили с божественных строк священного Евангелия, и этим биением воздуха, доходящего через ваш слух до вашего сердца, вас обновлять, вас утешать, вас укреплять в надежде общей на все то, что обещал Господь Иисус Христос всем любящим Его.

Снисхождение Сына Божия безмерно по отношению к роду человеческому, и снисхождение Христа Спасителя выше снисхождения ваших земных родителей. Вот такой замечательный, трогательный и высокий пример: Христос

Спаситель, воплотившийся Бог во плоти Адама, т.е. во плоти человеческой, под видом как бы обыкновенного благочестивого человека повышенного уровня, проповедовал на лукавой земле истину не-ба. И Христос Спаситель, как Бог, знал человеческую душу, знал человеческое сердце, человеческий характер, человеческие увертки, знал человеческие злобу, хитрость и лукавство. Знал, что Его будут поносить, что будут в Него камнями метать и даже будут желать столкнуть с высокой горы, как это было в одном городе. Но Он Божественной благодатью «прошед идяше», как говорит святой Апостол на прекраснейшем, малопонятном, но очень приемлемом нашим сердцем и сознанием славянском языке. (Один богослов сказал, что это прекрасный славянский язык, на котором человек беседует с Богом.)

Мы, посещая приходы, посещая города, приносим вашему вниманию все то, что нам поручено в нашем благодатном послушании вам говорить, вам проповедовать и вам, очень в деликатных формах напомнить ваши христианские обязанности, чтобы мы не были осуждены, как рабы неключимые, и чтобы на страшном суде вы бы не сказали, что мы все время молчали. Так святые все четыре Евангелиста, пошедшие в мир проповедовать Евангелие, поставляя архиереев и священников, им заповедали проповедовать все то, чему учил Христос.

Но я возвращусь к той мысли, которую и начал. Итак, Христос Спаситель, будучи по плоти совершенным человеком, которого оскорбляли, и совершенным Богом, в которого многие не веровали даже близкие (даже Иосифа Обручника сыновья не очень-то верили некоторое время), Христос Спаситель пред своими страданиями даровал человечеству две такие необыкновенные возможности: спастись и получить то обещанное царство, которое уготовано было до сотворения мира сего для каждой той души, которая на нашей планете рождается. Всемогущий Бог знал, что творил и знает, что творит, и т.к. люди Иисуса Христа в лице Сына Человеческого всегда поносили и оскорбляли, и не признавали, и бесноватым называли, то Он, Божественный Отец наш, Благодетель наш, однажды сказал так: «Будет прощено человеку, который хулил Меня в лице Сына Человеческого». Кто в Иисусе Христе не видел Сына Божия, кто

соблазнял-ся о Нем, кто поносил Его, если будет каяться – будет ему прощено. Какая радость, какое обетование! Но дальше Христос Спаситель говорит: «А кто похулит Духа Святого, действие Духа Святого – тому не простится никогда».

И спросили однажды Апостолов люди благочестивые, что это значит: в лицо Иисуса Христа ругали и поносили, и камнями в Него метали, и это простится при покаянии. А Духа Святого неведомого (Дух бестелесный), если кто не признал, тому никогда не простится. И ответили Апостолы так, что в лице Сына Божия могли люди соблазняться, ибо Он принял плоть Адама согрешившего, чтобы Адама спасти и всех людей, адамовичей, спасти. Но хула на Святого Духа есть хула на таинства благодатные: таинство Священства, таинство Соборования, таинство Причащения. Если в этой области человек будет поносить, будет хулить, то Бог, по земным нашим порядкам, не обещает прощения грехов. А дальше идет двоеточие в том месте Евангелия, где говорится, что «Малых сих не соблазняйте», т.е. понимающих образ спасения, запросто живущих. Если малая вера зародилась в их сердце, как зернышко малое горчичное, то дай Бог, что-бы и это сохранилось! Оно должно возрасти со временем в большое дерево. А если сих малых кто соблазняет, с пути благодатного отклоняет, такие люди называются соблазнителями. Иисус Христос – источник любви, источник прощения, источник радости, Ходатай Небесного Царствия, давший Апостолам ключи от этого Царствия Небесного, через двери которого, по планам Божественной Троицы, мы все должны пройти в рай. И здесь же Он говорит, что всех соблазнителей, растленных грехом, в рай не примут, и лучше бы их камнем мельничным в пучине водной потопить. Но, скажите вы, любовь Божественная такая сильная, что значит для нее соблазн? И Святитель Иоанн Златоуст говорит так: если человек сам по себе согрешил, он может покаяться, поплакать и Господь простит. Если человек так согрешил и начинается у него в душе пожар, а после пожара начинается ад, тогда человек в Храм Божий идет на интимную беседу к священнику и, побеседовав, на исповеди получает утешение, получает епитимию, если нужно

это наказание отеческое, и грехов прощение, и благодатное обновление.

А тот, который другого соблазнил, трудно ему покаяться, и соблазнивший никогда не кается в своих соблазнах. Поэтому вот у Господа Иисуса Христа и приговор страшный – лучше бы ему удалиться на пребывание до страшного Суда в пучины морские с камнем. Как страшно! Поэтому и вывод такой делает святой Иоанн Златоуст: будем стараться в своем житейском земном общежитии быть человеколюбивыми, быть снисходительными, быть терпеливыми, быть доброжелательными. И эти чувства, которые дорого достаются человеку, есть подвиг христианства! Иметь их – есть долг любви Христовой, иметь их – подвиг крещеных людей, наследников вечного Царства Небесного.

С такими мыслями, с такими чувствами, с такими настроениями все Святители все-го мира и наше недостоинство, все священнослужители, Богом поставленные, всегда напоминают своей пастве о мире с Богом, о примирении с Богом, о мире с людьми, о мире с Церковью и о мире со своими чувствами. Ибо в человеке всегда два чувства живут: чувство разума и чувство сердца. Чувство сердца – сожигает, чувство разума – морозит. Если предаться чувству разума, то разум заморозит чувство сердца. А если предаться чувству сердца, горению его беспредельности, то оно растопит необходимый градус разума и сожжет весь разум, и сожжет всего человека. А поэтому к чувству сердца, которое всегда мы просим у Бога: «Сердце чисто созижди во мне Боже и дух прав обнови во утробе моей», – требуется еще и добавление разума духовного. Как и спросил Господь у Соломона: «Ты что хочешь?» Он сказал: «Разума желаю, Господи». Будет разум здравый, будет и сердце в порядке. Будет сердце в порядке, будет разум здравый – значит будет мудрость. А где мудрость – там не должно быть ошибок.

Я третий раз повторяю вашему боголюбивому вниманию, что с этими чувствами, с этой мыслью, с этим Апостольским посланием добра, мира, истинной человечности, преданности, мы в этот город прибыли и преподносим все это вашему вниманию, как лучшее словесное напоминание предстоятелей

алтаря Божиего, с пожеланием вам всем, в этом богохранимом храме присутствующим, мира с Богом, мира с людьми, здоровья, домашнего благополучия, церковного мира, радости духовной. И тогда, поживши здесь свой отрезок жизни, мы смело, как дети, Отцу Небесному посмотрим в глаза. И мы все, служители и проповедники, поставленные на эту опасную и ответственную возвышенность, должны вам говорить и проповедовать, чтобы потом Христу-Спасителю сказать: «Да! Мы все дни – говорили, проповедовали; а так как они приняли, то Ты ведь Сердцеведец, Господи, ниспослал им открытое сердце, о котором и они, и Церковь молились: о даровании нам чистого сердца и обновления благодатного во всем нашем организме, и разума в нашем интеллекте».

Так устроена наша религия, так проповедали святые Апостолы, так и нам поручили – предстоятелям у Престола Божия и служителям Его таинств. Так мы с любовью, с верою, с искренностью желаем вам всего того, чему учил нас Христос Спаситель, что Он заповедал проповедовать Апостолам и что мы сейчас от части малой, малой крупичкой преподносим вашему вниманию. Аминь.

(Дата не известна.)

На Вербное воскресение

Vaia

Время приближалось Христу взойти на Крест и на Кресте быть закланным, как Агнцу, взявшему на себя грехи всего мира...

Идя в Иерусалим, Христос поручает ученикам привести молодого осленка, на котором Он въехал бы в Иерусалим не как рядовой путник, а как Царь мира и Владыка.

И вот, остановка на крутой дороге. Спаситель воссел на осла... И, окинув Своим Божественным взглядом Иерусалим, сияющий золотыми куполами храма, стал, окруженный учениками, спускаться с горы Гефсиманского сада, с горы Масляничной, с горы милости (т. е. масляничный сад, это сад оливковых плодов, которые дают елей. А по-гречески елей – милость, значит – с горы милости).

Сразу собралось много народа – своего и приезжих на Пасху со всех концов мира того времени, где только были рассеяны иудеи. Об этом шествии еврейские святые пророки задолго от Бога пророчествовали: «Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима, се Царь твой грядет к тебе, ... сидящий на ослице и на мо-лодом осле, сыне подяремой».

А дети грудные, будучи на руках у матерей, тоже восклицали, как и взрослые в честь Христа: «Благословен Грядущий во Имя Господне! Осанна! Осанна! Благословен Грядущий во веки веков Спаситель мира!» И так шествие вошло в город Иерусалим...

Старые книжники – враги Христа – заметили Христу: «Ты слышишь? Тебе божескую честь отдают даже дети!» «Да, слышу их голоса – серебряные колокольчики на саккосе Первосвященника! А вы разве не читали об этом святых пророков, что ссущие грудь младенцы будут Христу славу воссылать!»

И удалился из города Христос, сказав евреям: «Вот дом ваш остается пуст!»

И заплакал Христос о людях с жестоким сердцем и неверием ни Богу, ни пророкам, ни сердцу своему.

Мы же – новый Израиль, Церковь Христова Православная,
будем детям подпевать победную песнь: осанна, осанна, осанна!
Господи, слава Тебе! Аминь.
(Дата неизвестна.)

В день Всех Святых

Поздравляю вас, дорогие сестры, с праздником всех святых в земле Российской просиявших! Так это все понятно, кто исторически интересовался и любит историю своей страны, и особенно Церкви.

Сегодня рано-рано утром из-за гор, конечно, не Киевских, а Алма-Атинских, я увидел поднимающегося все выше и выше в схиме старца и удивился: «Откуда старцу в схиме здесь быть в горах Алма-Атинских, которые, – говорю, – под таким контролем находятся?» А это мне только показалось. Это Антоний возвращается Печерский с Афона, благословение несет на горах Алма-Атинских пока, а не на горах Киевских обитель Успения воздвигнуть. И ему удалось. Князь пошел, полуирод князь пошел на это – Антонию небольшой удел земли дать. И Антоний пещеру выкопал себе. И Антоний в горах выкопал пещеру и подвизался там один.

А тут недалеко – 60 километров ниже – город Васильков, где жила одна благочестивая вдова и мальчика единственного имела – Феодосия. Он, мальчик, очень Церковь любил, ходил в церковь с разрешения и без разрешения мамы, даже оставляя в поле скот, бежал он в церковь, когда там звонили, когда какой-то праздник был, может быть, повседневный. И от мамы тайно просфоры для церкви пек. А когда мать об этом узнавала, конечно, то давала ему, что матери дают на кухне любимым чадам: шлепки.

Мальчик рос, мальчик зрел, просфоры его были лучше, лучше, и он бежал к Анто-нию, о котором от купцов много уже знал. Он пришел к Антонию и принес белоснежные и душистые ароматные из русской муки просфоры. Но тогда печать немножко иначе печаталась, не как теперь на просфорах. Но та же Божественная эмблема, чтобы была достойна Евхаристию на ней совершать. Антоний удивился – такой малыш, такой дерзновенный и просфоры принес, и хвалится, что это изделие рук его, изделие рук его и сердца, любящего Церковь. Так рано Церковь полюбил, правда, я знаю таковых, которые в церковь с

раннего возраста играли и изображали попов, дьяков, протопопов, архиереев – так, вероятно, и он играл.

Но он был настолько благодатный и серьезный, что просфоры уже пек, и духовенство местное васильковское принимало, и просфоры он на Киевские горы к божественному Антонию однажды принес и просился со слезами принять его, и сказал: «Буду работать, буду слушаться, буду молиться». Тронули сердце Антония слова почти младенца – мальчика девятилетнего. И он дерзновенно, и смело, и боговдохновенно, как бы по приказу с неба, мальчишку Феодосия принял в свою обитель, в свою пещеру.

И представьте себе положение матери – один сын! и характер матери! Мать немного напоминала, как мы теперь знаем по истории, посадницу Марфу Новгородскую. Пришла, нашла сына и там же его и избила, и увела. Как собачонку на цепи. ДОМОЙ! На кухне опять она с ним разговаривала так, как разговаривать только может мать с ребенком в отсутствии чужих.

Но он опять бежал, он рос. И Антоний благодатный пророческими словами сказал ей: «Иди, закончи в Василькове свое мирское житейское земное дело и в открывающийся монастырь иди, и постригайся сама». Так и вышло.

А потом – Псков со всей историей, которую мы знаем, а потом – Новгород, потом – Александр Невский, потом – побоище, потом суздальцы взбунтовались. Софийский храм шокировал их храмы низенькие, которых много они тогда настроили, и решили стрелами взять Великий Новгород, Великий Господин, и привести всех в послушание в Новгороде. А Посадницу, прямо, по-русски говоря, задушить. Но вышло так, как вышло. Все стрелы, устремленные на икону, возвращались вспять. И было чудо, и страх, и враг бежал. Где хочет Бог что совершить, не спрашивает ни у кого. И в Писании остались эти слова, когда Господь что желает, естественный закон желанию Бога уступает. Аминь.

(Дата неизвестна.)

Высказывания, рассуждения, слова митрополита Иосифа (Чернова)

О Церкви, о вере, о Боге

Церковь на земле служит дверью в Царство Небесное. (1).

Во всякой Патриархии мира бьется сердце всей Церкви. Через разум и сердце Патриарха течет и обновляется жизнь Патриархата. (21).

Епископ в Церкви и Церковь в епископе. Кто не с епископом, тот вне Церкви. Напрасно обольщают себя некоторые, думая священный союз с епископом заменить тайными союзами с некоторыми слабыми членами. (13).

Если в древности глубокой почти не было разницы между иереями и архиепископами, то с 3-го века устанавливается градация даже среди епископов. (9).

И миряне да не предписывают закон Церкви. Мир да не предписывает закон делу Божию. (20).

В Церкви Хрстовой требуется авторитет, порядок, дисциплина! Архиерей поставляет священников, дает им чрезвычайные полномочия – совершение таинств. (72).

Таинства совершает и самый скромный иерей. Какой царь, князь и повелитель может сие дать? Ибо сам сего не имеет и так же в этих таинствах нуждается, как и все человеки! (9).

Человек не может человеку отпускать грехи – но Бог это таинство поручил человеку. Тому человеку – которого ввел в святилище и приблизил к Престолу! (72).

Тому, чье сердце, разум, душу и руки освятил совершать страшные и дивные Таинства, и возложением рук его священников ставить служителей Алтаря, и прощать кающимся грехи! (72).

Иисус Христос Бог наш, основывая Свою земную Церковь, не прислал действовать непосредственно Ангелов, а поручает апостолам – людям... Дает и власть, и права – обещая на небе записывать все акты таинств – положительные и отрицательные... т. е. прощение с разрешением и запрещение... (72).

И Павел, и Петр, и Давид были сначала только люди! Люди со страхами, боязнью, ошибками – но они Христу поверили, [они Христа] усвоили, [обрели] веру, оставили вся на земле –

получили сей дар с правом передавать [сей дар] на основе закона и пре-емственности... (72).

Церковные таинства не сохранить в чистоте без веры. (5).

Что значит верить в Бога? Верить в Господа Бога значит надо поверить в свою бессмертную душу, поверить во все, чему учит Бог через Свою на земле Церковь. 1958 г. (5).

Не будьте теплохладными: если не верить – так не верить вообще, а если верить, так уж верить всему Священному Писанию без остатка, без исследования, каждому слову Христа! (73).

В деле веры разум должен быть подчинен вере. Ибо – «идеже хочет Бог, побеждается естества чин! Творит бо елико хочет». Христос – тайна, непосильная разуму. Ибо таинство, Бог и вера соединены в «сия тайна». (5).

Кто воистину верит в Бога, тот не может желать ничего, кроме Бога. (32, 286).

Если бы чувствовали и верили, что Бог промышляет о целых государствах и отдельно о каждом человеке! Так характерно у апостола Матфея говорится, «что и один волос без воли Бога не упадет»! Разум сомневается в истине Промысла Божия, невзирая на великое множество доказательств Писания, что «Бог управляет миром». Да, трудный для хладноверующего человека вопрос совмещения веры с разумом. Если бы не свобода человека – человека человеком нельзя было бы назвать!

Мы, люди, верим еще как-то «что ныне», а будущего не представляем и верится трудно!

Верьте же словам Христа Спасителя, который в наши уши нам говорит, Писание Нового Завета оставил, Апостолов послал в мир и они записали и уверяли и настолько это было истиною, что Апостолы за эту истину платились жизнью! Беда наша, что будущего не постигаем! У нас полна голова «ассоциации идей»... разумности и неразумности этих идей. Ясно, что мироправление Божие так же прекрасно совмещается с волею Божиею!

Ясно! Ясно!

Спаситель, придя в мир, примирил всю природу, но оставил ей необходимую свободу... (5).

Он страдал, не пугал и не грозил Своим врагам (со креста). Ты, страждущий, если хочешь суда Божия со врагом твоим, возложи печаль на Бога, а если хочешь сам бо-роться, Бог иногда в таких случаях оставляет и на поединок. (49).

Милость Божия обычно бывает неразлучна с испытанием. (9, 76).

В тяжелые минуты жизни, будь то физическая опасность или искушение, будь то страх или отчаяние, или угрозы и доносы, кричи: «Господи, спаси, погибаю! Господи, боюсь!» И жди. 1958 год. (13).

Без пролития крови не бывает прощения и тогда, и ныне. (62).

Покаяние истинное: келейное, как подготовка, и финал – присутствие иерархии. (48, 65).

Всем и везде рекомендуется молитва!

Общение с Богом непосредственно – молитва и Причастие! (47, 215).

Так я сегодня трепетал и переживал, когда читал Златоуста и особенно бесцеремонного Илию Миняitia, которые описывают страдания и ныне за род человеческий в преломлении Евхаристического Агнца за Божественной Литургией, не будучи на кре-сте в Гефсимании. 1975г. (5).

Христос Спаситель часто говорил «что есть истина» народу, а Пилату не ответил. В тот момент у Пилата ситуация была о Иисусе... А о Себе Христос уже давно сказал! (7,114).

Сам Бог во плоти под покровом таинств обитает с людьми. Храм Божий. (3).

Человек – высшее земное существо, Богом сотворенное по образу Самого Бога и по Его подобию. Т. е. по образу Самого Бога и по Его подобию! 3 ноября 1958 год. (5).

Душа – часть божественного естества. ...Душу вдунув в ноздри Адама. (72).

Человек имеет три жизни: утроба, земля и за гробом. (9).

Эффективно доказано историей и наблюдаем то, что самая драгоценность все же не золото, деньги и богатство, а человек, его достоинство, его честь, его душевная красота: душевная красота на фоне веры или вера на фоне душевной красоты. (24).

Господь ждет от человека вообще искренности. Св. Афанасий – идеал православия. (4, 67).

Почему так случается, что человек, созданный Богом, не верит в Него? Вл. Со-ловьев красиво ответил: есть два неверия – честное и нечестное. Бесчестные не хотят бытия Бога и бегают Его. (48).

Потерять веру в Бога – значит потерять звание человека. (13).

Избави мя, Господи, от расчеловечения, так как и при моем крещении очеловечил, Господи. (1).

Жизнь без Христа – случайный сон. (9).

Крестное знамение на челе, чреве и плечах – для того, чтобы Господь в Троице был и в мыслях, и в чувствах, и во всех делах наших – Альфой и Омегой. (72).

Вера, молитва и милостыня должны опираться на высшую благодать. (9).

Господь Бог еще не то, каким мы Его представляем по видениям пророков, по вочеловечению Сына Божия (Сына Человеческого). Но род же Его кто изменит? (2).

На мой взгляд, это небрежность, если мы, утвердившись в вере, не стараемся понять того, во что мы верим. Схоластик Ансельм. (55).

Чем выше у человека интеллект, чем шире его эрудиция, чем глубже познания, тем ощутимее и ближе он видит присутствие Божие во всей окружающей нас жизни от малого до великого, и везде он видит Бога. (73).

То, что было создано Александром Македонским, погибло, а Павлово дело живет. (11,150).

Св. Авва Григорий часто говаривал своим послушникам: «От всякого человека, получившего крещение, Бог требует трех условий:

- 1) Правой веры от души.
- 2) Истины от языка.
- 3) Целомудрия от тела». (9).

На литографии иконы «Рождество Христово»:

«Кто сей?» Вопрошает еврейская синагога, притворно не зная Христа... Синагога три года закрывала свои глаза от чудес,

от благовестия, от Иордана... Чудес много и сегодня. Лукаво спрашивает о Христе: «Кто это такой?» Ей Невеста Христова Церковь отвечает и поучает: «Это тот, кто наш мир видимый создал, Им же вся быша... Это тот, кто сойдя с неба...» [Далее запись обрывается].

Икономия и акривия. Эти две вещи в обиходе церковной экономики «за и против» По закону – акривия, по христианской морали – икономия. То и другое не следует отвергать. Когда что лучше и полезнее.

Знать акривию и помнить икономию. (22).

Из лекции «Церковная экономика». Икономия и акривия всегда ведут борьбу между собою... Но кто же более прав? – Как когда! (Приходится применять и то, и дру-гое!) (1).

Как религия, равно и нравственность вообще, не переносит компромиссов... Арсений Ростовский, 22 г. (5).

В то отдаленное от нас время еретики обманули родителя Григория Богослова (Еп. Григория), и он подписал «подобосущный» вместо «единосущный». (9).

И Палама, и Варлаам на предположении собственного мудрования мудровали... Род же Его кто исповесть. (31, 393).

Здравые богословы уже давно подкарауливали «смелые порывы» Оригена – и поймали, осудив и хорошее Оригеново, чисто по греческой горячности. (6).

Кто не знает, что ныне чуть ли не в каждую душу закрался оригенизм – о том, что Богом будет прощено всем все! (6).

На всякие спорные вопросы всегда отвечали осторожно или отрицательно, как св. Киприан, или положительно, как папа Стефан. (30).

Патриарх Сергей однажды ответил одному ученому человеку на его вопрос: «Что же вы молитесь за коммунистов?» Тогда первый год, первое лето войны было, и Сергей служил панихиду в церкви Иоанна воина в Москве – панихиду по воинам, жизнь свою на поле брани положившим. А его один профессор старенький спросил: «Что же вы молитесь, они же безбожники?» А Сергей ответил так: «Трудно сказать в момент приближения к смерти, как быстро может человек обновиться и переродиться в силу слов «Кто призовет имя Господне, тот спасется».

О Богоматери

Мать Божия, заливающая своими слезами о нас, грешных, огонь геенский и согревающая под своим покровом хлад невыносимый тартара! (Перифраз о. Павла Флоренского). (6, 355).

Кто читает акафист иконе Божией Матери, тот должен быть почитателем иноческого равноангельного жития. Так как здесь связано оно с девством Владычицы. (55).

1910 год. Мать Божия, Пречистая и Преподобная! Ты милостиво положи-ла на сердце мое быть иноком с ранних моих лет! Недостоин я всех Твоих милостей, излианных на меня, которые Ты сотворила рабу Твоему; ибо я почти босиком пришел в обитель Твою Бельническую; а теперь я имею панацию, жезл и орлец... (Чернов), 1956 год. (59).

На Страшном Суде не будет адвокатов, кроме слез Богородицы! (74).

О монашестве и мире

Борьба чувств – буря души. Где найти покой и примирение этих стихий. Только не безбрачие мирянина. Здесь две дороги – сознательное иночество или личная семья, брак. (46, 498).

Брак или монашество – это как бы удерживающие начала... Но можно и без монашества быть человеком с большой буквы. (32).

Серьезная монашеская жизнь – это философия, это то, что без философии быть не может. Осень, 1968 год. (1, 369).

Мы, монахи, с монахами решаем свои внутренние дела, а с мирянами семейными да рассуждают на тему спасения их мирские священники. 1972 г. (25).

Когда монахи от этой книги [«Старец Силуан»] благодатно заряжаются – это – «Тебе Бога хвалим...», а когда мирян семейных снабжают этим духом фанатики «старцы» – как вы думаете дальше!? Разорение домашней церкви. (23).

Аскетика на земле всецело не уместна – это монашеский удел. Но христианам мирянам позвольте немножко и погрешить. (На Иверскую, осенью 1972 года.) (56).

Для простонародья градусник спасения есть и, вероятно, останется – пост! (17).

Не знаю, что говорит новый Пимен таким, как ты!? Но древний сказал всему миру: «Половину подвига хотя на время отложи и легче, и быстрее свой краткий земной путь пройдешь!» 1975 год, середина лета. (73).

И преп. Серафим и Пимен Великий рекомендуют подвижникам: «Полегче, полегче!» (6, 297).

Если преподобный Сергей – духовный Игумен земли Русской, то преподобный Серафим – Духовник! (5).

Когда в Лавре непорядки среди братии, преподобный Сергей высовывает палец из своей гробницы и грозит своим недовольством. (36).

О, так ли?? Девственность – подвиг перед Христом! Все, вероятно, так. Но мы, стоящие перед догматикой о Святой Троице, – так можем ли выражаться?

(6, 369, относится к тексту «Девственность – это и есть церковность»).

София – сияние любви к человечеству Пресвятыя Троицы. София – Покровительница и помощница человека в «неком» преломлении самой природы – Девство! (6).

Ты мне не раз напомнил этот кусок допотопной глины, которая была целомудреннее самого Адама! (73).

В жизни есть три трудные вещи, они были во все времена, это:

- 1) Монаху сохранить себя в миру.
 - 2) Найти ставленнику жену.
 - 3) Найти архиерею секретаря. (27).
- Целибатство. Семья. Монашество.

Точка зрения идеальная всех трех пунктов. Что бывает? То бывает, что бывает с живым человеком...

- 1) А действительность идеала, конечно, больше – семья.
- 2) Монашество.
- 3) Целибатство.

Монах стыдится людей и боится Бога.

Семьянин – есть честный семьянин.

Целибат – вольная птица, всем говорит: «Я не монах». (5).

Потеря девственности вне брака – слезы, слезы, слезы! (6, 370).

Аскетические размышления

Удивительная вещь: мы всю жизнь себя лелеем, занимаемся только ароматами, себя намащиваем, купаемся, изящно одеваемся и когда умрем – разлагаемся при зловонии. А святые – наоборот: постились, весьма скромно одевались, не намащивали себя ароматами и в час смерти своей уже издавали благоухание и нетление. (41).

Человек должен владеть собой, и тот, кто не владеет собой, достойный презрения варвар. (21).

Разум должен сдерживать чувства, чувства должны сглаживать и гуманно отеплять разум. (6).

И разум и сердце – одно в разных делах. (5).

Действительность говорит: без разума совесть слепа, без совести разум холоден и бледен. (1).

«Беснование» разума – бунтует сердце... порочное сердце отравляет разум. (5).

Череп для ума, сердце для чувства и печень для хотения, начало же их – сердце. (6, 730).

Разум, воспетый Кантом, есть царь и Господь, но этот «царь» и «Господь» – без чувств, что и Сам бы Бог без любви.

Разум не должен быть всецело зависим от чувств!

Чувства без разума – безвольная корова! Разум не должен забывать о существовании чувств – тогда только настоящий человек.

Надо стараться обручить навсегда чувство, разум и волю! (5).

Ничто так человека не калечит, как если он начнет колебаться между своим разумом и чувством, тогда и воле – грош цена.

Разум и чувства, да не разлучат вас ни загсы, ни консистории. Разум и чувство нераздельно должны функционировать в человеке, быть человеком земным и небесным, а то – беда.

Разум и свобода, свобода чувств и разум! О, если бы эти три чувства заказать или повенчать! (5).

Между телом и духом должна быть полная гармония – и будешь с большой буквы человек!

Тугой пояс терпения одевали для того, чтобы крепче сдавить почки и печень, ко-торые являются очагами похотей и страстей, и чтобы создать согласие (конкордию) для ума и сердца.

Отказ от страстей и желаний, и бешеная погоня за ними оказываются равносильным вредом, и даже преждевременной гибелью. 7 августа 1968 год. (5).

Князь Хилков мне нравится в своем мнении о разврате: «Разврат есть известное отношение к известной потребности духа»...

Плоть не может быть развратна – она не разумна!

Разум допускает разврат! Все, все только от разума!

Вся команда к разврату – разум.

Сознание имеет в своем распоряжении плоть, чувство, дух. (50).

Грех – есть явление не только духовно-нравственное, но и телесно-физическое. (5).

Подвиг есть в сражении, подвиг есть и в борьбе, высший подвиг в терпении, любви и молитве. (13, 74).

Сердце – рабочая камера правды и неправды, добра и зла. За сердцем следит ум. (40, 104).

Мы, будучи на небе, думаем о возвращении на землю и, будучи на земле, – думаем о небе. – Человек. (42).

Перифраз: ищи себя только в себе.

Взвесь хорошо, кто он? – Ты! Тогда дружба или война.

(6, 604, к эпиграфу «Не ищи себя извне»).

Конечно, весьма удобно философски унижаться с самим собою. Да, эгоист не понимает двух сил в себе. (43, 118).

Мы часто после ошибок долго боремся с собою, сваливая все свои грехи то на судьбу, то на отца, то на Бога. (72).

Хотя и трудно, но надо мирно жить с самим собой. (43, 63).

Подлинного гуманизма, любви к человеку без Бога не найдешь. (24).

Школа познания воли Божией, школа познания человеческих скорбей. (51).

Если из всех носовых платков мира, которыми вытирали слезы, связать лестницу до Неба, то человек все равно не достигнет желаемого рая, пока не пройдет тот путь, который ему Господом на земле предназначен. (При последних словах Владыка резко провел рукой по столу, изображая отрезок земной жизни человека). (73).

Неограченный храни в несчастьях дух. (21).

Хвалу и клевету приемли равнодушно.

Мотив из жития Св. Софония Иерусалимского. (Перифраз Пушкина.) (9).

Впереди огонь, позади вода, тогда куда? За совестью. (44).

Вступление в неведомый мир не так-то легко. Спешу еще в раннем возрасте бежать от судьбы и стремиться к Промыслу. (45). (Св. Трифон.)

Во всяком народе делающий правду и боящийся Бога приятен Богу. (1).

Чтобы попасть в рай, нужно прежде всего выполнить пять заповедей: 1. Накормить. 2. Напоить. 3. Одеть. 4. Посетить. 5. Простить. (73).

Увлекаясь рассуждением – не трудно впасть в заблуждение. Голгофскую трагедию надо учитывать и все с тех времен прочитывать. А в конце жизни нашей спросят: «Где же любовь ваша?» 27. 01. 1974. (72).

О протестантстве и католичестве

Лютеранство, прикрываясь именем христианской веры, есть в действительности отвержение веры, побряжка чувственности с отвержением постов, монашества или жизни девственной, посвященной исключительно на служение Богу, побряжка лжеименному человеческому разуму с его философскими бреднями и его боготворение, отвержение Божественного авторитета Вселенских соборов и святых отцов, дерзкий разрыв со Вселенскою Церковью и Ея Главою – Христом, самочинное собрание, прикрывающееся именем церкви очищенной, реформированной.

Замечания к книге Адольфа Гернака «Сущность христианства». (16 лекций, читанных студентам всех факультетов в зимний семестр 1899–1900 гг. в Берлинском Университете. Перевод с немецкого. Петербург, 1907 г. Замечания написаны владыкой Иосифом на обложке и полях этой книги.)

Лютеранство?

Великие враги Евангелия (в православном духе).

Великие враги Таинств Церкви.

Великие враги православной обрядности, т. е. чертово семя!

Стр. 174. Кошунство! Хам! М. И.

Стр. 175. Неужели Василий Великий не подумал? Думал! ... Да, каждое течение желает, чтобы было так, как у него!

Стр. 176. Оказались мотивы, что монашество желает подчинить себе Церковь и Церкви. Жаль! Это все благодаря слабости и лени мирского духовенства! 50 лет наблюдаю.

Гернак – безбожник! Все сектанты безбожники, строго говоря!

Сектантство и лютеране. О, проклятый Лютер! Неужели допустимо так в Университете говорить?

Лютеранство – революция.

Лютеранство – ужасная религия.

История говорит, что и здесь была та же инквизиция ... принуждения!

Сокраментализм – благодать. О, проклятое протестанство!

И русские обновленцы тоже проявляли свободу в женитьбе своей личной – даже архиереи! Не говоря уже об иереях... Караул!

Аскетизм – своеобразный, у Лютера была «политическая комедия». (Из истории.)

Конечно, лютеранство – чертово творение, но при некотором содействии Рима. (11).

Для борьбы и гонений [на почитателей и почитание] Богоматери и Креста Господня ад создал даже «христианские религии», где бы уничтожался Крест Христов и низводилась бы в общую людскую массу Богоматерь. (10,55).

Секты и лютеранство – христиане вне христианства. (12).

Подчеркиваю Православие, т. к. не все христиане почитают Богоматерь. (32, 48).

Конечно, Лютер без всякой совести: отречение от Церкви, монашества, женитьба. (14,224).

Блудная дочь христианства – римская католическая церковь. (15, 224).

Греки перед лицом турецких войск бросили последний клич: «Лучше рабство мусульман, нежели соглашение с папистами». (9).

Относительно гробницы града [Херсона] – я эту гробницу видел почивающей. Однажды Екатерина II [сказала] в соборе Екатерининском: «Что государством управлять хитрого, хотя бы самой маленькой епархией...» А рядовой Папа при Наполеоне ему однажды сказал: «Мое духовенство до сего времени не может уничтожить веры, и Вам, Ваше Величество, это не под силу!» (74).

Иезуиты – садисты. Конечно, инквизиция много добавила и святых, и церковных преступников. (16).

Господа иезуиты – меч, рукоятка которого в Риме, а острие может достать и Воркуты. (17).

Всякая уния в конечном итоге есть неверие, отрицание бывшего верного. (18).

Бойцы современной культуры в своем ожесточении против христианства следуют худому примеру Пилатовых воинов,

плевавших на Христа, или той толпы, которая кричала: «Распни, распни Его». (9).

Бабкино погружение Духа дать не может, но имеет намеки на крещение Иоанна Крестителя.

Баптисты – издевательство над Христовой Церковью, бабка погружает все же в Церкви, бабка православная и погружение – смертная необходимость, а баптисты – ничто и кощунство.

Создалось так: с верующей бабкой согласимся, а лютеране, баптисты и прочие та-ковые – безблагодатные же. Тогда понятно, что «...исповедую едино крещение» надо совершить; нахалов же вон из Христовой Церкви. (48, 346).

Мысли о России

Не для легких и простых дел создал Господь Бог великую и могучую Россию. (20).

Всякий народ получает власть не выше своих качеств. (27).

Старые люди говаривали: «Следует подробно изучать и знать, как блестящие славные времена нашей Родины, так и тяжкие годы невзгод, ушибов и поражений». Это совершенно необходимо, чтобы иметь возможность сознательно и с пользой служить своему отечеству, так как только основательное знание прошлого своей страны помогает понять настоящее и объясняет задачи будущего. К великому сожалению, наши предки редко приходили к согласованности мирным путем, а более полем или Божиим судом (войною). (1).

Самостоятельна ли роль России в решении судеб всего народа мира? Ответ Патриарха Сергия: «Может быть и была бы «эта роль», но облака помех...» (32).

Самостоятельна ли роль России в судьбах человечества? Пока трудно сказать что-либо. (32, 57).

Русская натура весьма крепкая, если ее крепко держать, а если пустить – весьма слаба. (33).

Читай, изучай философски раскол, который до сих пор есть «некая тайна». (34, 225).

По своей русской психологии русский народ всегда искал и ищет раскольничества и вот почему удержался раскол в 17 веке!

А для этого были и есть психологические предпосылки в психологии народа.

Раскол – обман, невежество и фанатизм! Фанатизм всегда двуликий: невежество и страх согрешить. (35).

Конечно, раскол от как бы идеи быстро перешел в социальные формы... А сами раскольники и особенно их образованные дети не знают, что значит их родной раскол! (35).

Сейчас (1969 г.) высшее духовенство уже мыслит иначе на Рогожском, но оно боится своего старообрядчества. Я с ними обедал. 1969 г. (11).

А как смотрят богословы в 1972 году на «филиокве»? – Никак. А главный враг «филиокве» был Патриарх Фотий. (72).

А как это так быстро, не боясь «огня и меча», русский народ превратился в вооруженный атеизм?

Русские безбожники ищут Царства на земле, но без Бога – против Бога. (35).

Если бы русские в лютеранском изложении Библию по-немецки читали и понимали, давно бы атеистами стали, но они, «апостолов» атеизма не ожидая, дождались, не разобравшись в чем дело, закричали и кричат. Те же, что в VIII веке «nihil» кричали, стали склоняться к Кресту и Богоматери, хотя и весьма осторожно. Речи сносные о Кресте, где раньше и думать не хотели, ныне «осанна» петть думают (из докладов и съездов 1972 г.) (38).

Сектанта – «христа» глупая власть нашей страны сделала «страждущим христом», распяв на стене во время пыток у входа в кремль. (35).

Так страшна была психологическая и идейная дуэль между теми, что с Тихоном и обновленческой сволочью. (36).

В древности Литургию служили по нужде в частных домах, и мы – при живогцерковниках в России. (37, 219).

1923 г. сентябрь. Снятие сана с архиепископа Зосимы Красноярского Патриархом Тихоном. Оженился, а потом в архиереях был обновленцем и с позором изгнан! Знамение времени! Хороша нашлась Ева! (17).

И русские обновленцы тоже проявляли «свободу» женитьбы в личной жизни, даже архиереи, не говоря уже о иереях. Караул! (17).

Патриарх Тихон однажды спросил на Пречистенке протоиерея Быкова: «Как у тебя церковные дела?» Быков ответил: «У меня на Пречистенке половина Москвы». Патриарх Тихон ответил: «Ты когда-нибудь на литию раком пролезь – вся Москва будет у тебя». Характерно! (6, 699).

Времена Патриарха Сергия: «надо быть трезвым», чтобы не перепутать кесарево с Божиим. Сергия мало понимали не умеющие понимать. Е. Арсений. (1, 417).

Времена Патриарха Сергия: лучше умереть, чем ложные строки писать в посланиях и тем более из темничных уз, ложные строки на пути паствы в рай. Е. Арсений. (1, 418).

Исчезнут храмы – начнет исчезать церковность и, конечно, как-то, вера. (44).

Если бы Собор 1971 года захотел избрать Патриарха по порядку 1917 года, была бы весьма опасная ошибка и риск для Церкви. Недаром же Дух Святой поставляет епископы. (48).

Бог Израилев через своего пророка видел в первенцах царей израильских образ того антирелигиозного государства, где собственный произвол властителя прикрывается ссылкой на волю народа.

Однако правда Божия не предупреждает своим действием человеческие беззакония. (39, 533).

Апостолы и мученики не отказывались от своей веры, невзирая ни на мучения, ни на кресты, ни на самую смерть. (Ответ на мариупольского митрополита 1943 г.)

Россия самая святая. И Матерь Божия давно уже сказала, что земля Русская – мой любимый дом.

Церковь и Государство

«Воздайте кесарево кесареви». Язычнику, царю Рима, требовал Христос давать динарий для его казны. А Богови – «вся внутренняя своя»... Веру в сознании, душу бессмертную, что есть дар Божий человеку. (9).

Да, мы кесарево отдаем кесарю, но когда кесарь захотел бы Божия, мы не соглашаемся на это святотатство. Апостол Иаков (44).

Насчет коварного повторного налога святые судят Владыке помолчать, ждать утехи с Неба от благодетелей своих: и Симеона [Верхотурского], и Серафима [Саровско-го]. 4 июня 1971 г. (26).

Пока не рассчитаешься с Богом и кесарем – рай закрыт! В наш социальный строй Церкви волю давать нельзя! «Протопопы» наши на жизнь смотрят односторонне. «Рай, рай и рай», – они кричат, забывая, то что в рай войти – надо земной путь пройти в каком бы то ни был звании и внутреннем настроении! Без «земли» в рай не войдешь. 1973 г., январь. (17, 198).

К 6 декабря. Император Византии великий Константин сегодня, т.е. в начале 325 г. по Р. Х. весьма был озабочен, он рассуждал сам с собою. Советники, военачальники – народ военный, односторонний: война, война, победа. Духовенство во главе с Патриархом тоже, собственно, специфического характера, и мысли Церкви: Церковь, Церковь, все Церковь. Но жизнь, враги, нападения, а тогда и сама Церковь. (28).

Император Константин был уверен во Христе и христианстве. Вот он и находился в весьма затруднительном положении. Собственно говоря, христианство, а рушить в то время христианство, т. е. лишить Иисуса Христа сыновства Отца Небесного и рас-сеять единство Неразделимой Троицы – такое мнение оных витало, и такие учителя появились. Арий и т. д. (28).

Если ныне любят отговариваться, что Церковь отделена от государства, тогда и уполномоченные излишни, и Церковь с церквями переходят в частное дело. Но здравая

государственная логика этого не потерпит. Лишь финорганы вмешиваются в ее дела. Государственные указания – второй закон Божий для Церкви, ибо он хранит порядок и право для Церкви.

1) Государственная политика есть второй закон Божий для страны с Церковью вместе.

2) Нам безразлично, у кого будут в церкви ключи от свечей, лишь бы это стояло на законных рельсах. (25).

Всякий Епархиальный Совет – мишень, в которую в первую очередь летят стрелы подчиненных и неразумных мирян. (24).

Все выработанное, выношенное в разуме Священного Синода я лично приемлю, лобызаю и благословляю. (1).

Из маленьких поповичей часто вырастают враги Бога и Церкви, воспитанные и вскормленные в Церкви. (Наблюдения за 60 лет). (15).

Напрасно общество порицает священников в недоброкачественности, забывая, что оно-то и дает священников. (27).

Из-за вас надо быть Патриархом, чтобы при этой большой власти быть выше человеческих инстинктов. (21).

Теперь бы некоторые пресвитеры посадили бы святителя Иоасафа в тюрьму...

(29, 22 – надпись напротив текста: «Радуйся, мирному житию пресвитеры и диаконы научивый»).

Приставники царские коварны, а цари глупы. Так и говорится: придворные – гордецы, лукавый царедворец. Так и у высоких духовных лиц. (30).

Ставленникам и студентам

Христиане – простачки «некнижные», желающие быть священнослужителями:

- 1) чтение церковного языка (слав.)
- 2) изучение служебника (3 мес.)
- 3) изучение требника (3 мес.)
- 4) техническое фигуральное повторение служебника и требника (3 мес.)
- 5) помолившись еще раз, к Владыке с окончанием «курса» – и Божественная хиротония.

Иного нет выхода, хотя и Семинарии, и Академии есть и цветут. (31).

Те святые и наивные времена канули невозвратно в Вечность... Школы духовные стали необходимостью религии. Помогите, Господи, людям учиться и людей учить! Душе Святой, помогай!

Но за 50 лет истекших всякого было... Было и есть, простачкам «некнижным» стать священнослужителями. Требуется хоть немножко желания и хоть пару «талан-тов»!

3 мес. Требник

3 мес. Служебник

3 мес. Техническо-фигуральная обработка себя!

Но здесь требуется контакт с архиереем – архиереем гибким и современным. (68).

31 августа так сказал митрополит молодому иерею: «Надо чтение акафистов знать, ибо и старухи знают – это твое служение, твой хлеб и твоя честь». 1969 год. (35).

К священному сану Господь призывал и призывает людей (своих) разными путями, «книжных и некнижных». Чтение церковное, требник и служебник – эти три вещи – необходимый фундамент познания и права. (72).

Кто не умеет учиться – одно!

Кто ленится – другое! Беда и караул. Из Сковороды. 1967. (52).

Читать, читать и читать жития святых – это, кроме необходимых познаний, еще и гимнастика ума. (53).

Изучайте, изучайте, изучайте. Кто хочет народу и своей душе служить, должен эти страницы изучить. Это перифраз Свящ. Писания и Отцов. И будешь великим купцом на амвоне и собственной душе. (42, 363–365).

Читайте и художественную литературу. Это – река. А по реке плывет все: солома, щепки, опилки, доски и бревна. Старайтесь ловить строевой материал, пропуская мимо весь негодный мусор. (73).

Духовная литература, образующая душу, ум и сердце, готовит человека к вечности. А художественная – учит, как надо правильно жить здесь, на земле. (73).

О смерти и воскресении

Бдите, братья-товарищи, смерть весьма близка и приходит незаметно. А поэтому –memento mori! Латынь говорит. (9, 2).

Кто по-христиански умел жить, тот должен по-христиански и умереть. Иначе нельзя! (72).

Нам, старикам, надо думать о тихом благоговейном вечери нашей жизни. (21).

Мы, люди, мало еще поднялись от земли и далеко, далеко [отстоим] от неба... А смерть говорит о земле и заговорит о небе. (5).

Это древний закон – сила тяготения к земле!

Но сила тяготения к небу бессмертных душ сильнее сей силы тяготения к земле... Но это закон духа, а не тела...

Тело смертное, душа бессмертная!!!

Тело в землю идет, а душа на небо к Богу! (5).

Тело – земля, душа – «...Сотворим человека по образу Нашему и подобию!» ... «и по подобию?» А? Тайна Неба! (5).

Истинная философия, по словам Василия Великого, дает память о смерти. (37).

И тело воскресшего будет иметь то же, что и душа. Вместе жили, вместе молились и вместе грешили. (72).

Усопшие слышат голос нашей души за них в молитвах. (13).

О смерти и воскресении

Бдите, братья-товарищи, смерть весьма близка и приходит незаметно. А поэтому –memento mori! Латынь говорит. (9, 2).

Кто по-христиански умел жить, тот должен по-христиански и умереть. Иначе нельзя! (72).

Нам, старикам, надо думать о тихом благоговейном вечери нашей жизни. (21).

Мы, люди, мало еще поднялись от земли и далеко, далеко [отстоим] от неба... А смерть говорит о земле и заговорит о небе. (5).

Это древний закон – сила тяготения к земле!

Но сила тяготения к небу бессмертных душ сильнее сей силы тяготения к земле... Но это закон духа, а не тела...

Тело смертное, душа бессмертная!!!

Тело в землю идет, а душа на небо к Богу! (5).

Тело – земля, душа – «...Сотворим человека по образу Нашему и подобию!» ... «и по подобию?» А? Тайна Неба! (5).

Истинная философия, по словам Василия Великого, дает память о смерти. (37).

И тело воскресшего будет иметь то же, что и душа. Вместе жили, вместе молились и вместе грешили. (72).

Усопшие слышат голос нашей души за них в молитвах. (13).

Жизненные наблюдения, пожелания

Любовь к Богу имеет три степени:

- 1) рабская – страх мук;
 - 2) Наемническая – ждет воздаяний за любовь и труд;
 - 3) Сыновняя – добро делается ради добра и любви к Богу.
- 1-я степень – боимся Бога, как рабы,
2-я степень – продажная, спекулятивная,
3-я степень – Христова, простая, чистая.

Мирская любовь:

- 1) художественная, только люблю и все;
- 2) реальная, с материальностью и трудом;
- 3) самоотверженная, на все готов ради любви. (3).

И природа, и закон детям велят чтить родителей. (50, 98).

В жизни есть три трудности: отдавать долги, дохаживать старых родителей, мо-литься Богу. (73).

Часто бываем мы глухи для кроткого слова вразумления, а когда нам грозят жез-лом – злобствуем и поносим. (20).

Говорят, кого Господь хочет наказать, лишает разума. (32).

Паук извлекает яд из цветка, дающего пчеле мед. Из цветка исходит яд и мед, смотря кто будет брать: пчела – мед, паук – яд. (20).

Язык – половина бед человека. (50, 249).

Болезни даны: одним – в наказание, другим – в назидание, как профилактические меры посредством телесных немощей. (73).

У всякого человека личное его кредо – не переносить вмешательства! (Еп. Арсе-ний). (5).

Полная независимость от чужих мнений – вещь хорошая. Но не исходила бы она от упрямства и самомнения. (47).

Жена Черчилля рекомендует мужьям и женам не силиться очень-то переделывать характер второй половины! Будет успех. (5).

Нашего времени люди вторгаются в самые глубокие закоулки души человеческой. 26 мая 1968 года. (20).

И в наши века и гений, и злодейство, как брат и сестра. 4 мая, 1971 год. (26, 369).

Нет высшей злобы в мире, как злоба среди духовенства, артистов и врачей. А. До-де. (27).

Вся красота – не победа победителей, а нравственная красота побежденных. (47, 434).

Подражание хорошему – хорошее дело, а копирование – карикатура! (57).

Честность – лучший эликсир. (4, 43).

Не пороки людей искать, а свою беду знать. 1973 год. (6).

Приветливость – вернейший путь к знакомству и дружбе. (24).

Нравственнопорочные люди очень строги к слабостям других. (27).

Преступники очень строги к другим людям... Самые чистые люди – они милости-вые к самым гнусным грехам. (5).

О личностях

Самое прекрасное и светлое обещалось ей, но она перечеркнула все доброе, осмеяла и отказалась, и все потеряла.

Так бывает с разными рангами людей и разных возрастов.

И я видел таких. М. И. 1966 г. Ей шел тогда 20 год (!).

(О Жанне де Арк). (36).

Виктор Гюго – непримиримый анархист, а анархист уже никуда не годится, ни для религии, ни для государства, ни даже для собственной семьи. (70).

А потом... испортив желудок до крови, стал питаться самыми изысканными блюдами. (Слышал от близких Толстому.) М. И. (70, 89, записано после текста «и действительно, с тех пор Лев Николаевич не ест убоины и одно время доходил до питания одной болтушкой из овсянки»).

Толстой авторитетов не признавал, кроме себя. А жалы! (69, 115).

Авторам

Все же нет и у Сперанского истины, на которую не дан ответ Пилату. Также и о. Павел Флоренский: ищи каждый сам в себе ответа, что есть истина? М. И. Истина есть догма всякой правды. (8,854).

Я бы так закончил этот душещипательный роман:

«...После всего того, что стало ясно и среди лордов, императрице бы с ними повидаться, обласкать, посожалеть и объявить: «Ваша честь остается Вам. Вам дает государство средства по вашему родовому званию, дворец вне Лондона и просьба – не встречаться с обществом лично. Будете себе жить как хотите, возможно, со своей семьей балаганной».

М. И. 1970. (42, после романа «Человек, который смеется!).

Читал. Митрополит Иосиф.

Спасибо, тов. Короткова, вы здесь дали материал скромному проповеднику церковному, конечно, в перифразе. Желаю вам обращения и спасения души. 1974 (71).

Иные размышления

В одной из проповедей Владыка рассказывал: “Вчера я имел беседу с врачом, не с простым, а с доктором медицинских наук. “Что же, – спрашиваю, – привело Вас, такого крупного специалиста, ко мне?” И услышал интересный вопрос: “Как Вы думаете, Иван Михайлович, когда посылается душа человеку и когда считается он человеком: тогда, когда он родился или же еще находясь во чреве матери?” Я ответил медицинскому светилу: “Душа – это дыхание Божиих уст. И посылается душа Богом во время зачатия. Да! Только слились две клетки, тут же Животворящая Сила Духа Святого, освящая новую жизнь, дарует ей душу – Божиих уст дыхание – и с этого мгновения есть уже Че-ло-век! Он есть, он растет, он одушевлен, он отмечен там, в небесной книге жизни, там запечатлена еще одна воплощенная душа!” (73).

Как может земля, впитавшая болотистую тину, расцвести вдруг садом пышных роз? Немая раковина, выпившая морскую каплю, рождает жемчужину красоты. (1).

Мнение святого Максима Исповедника, как говорит Святитель Илия Минятей: «Денница, узнавши, что Святая Троица будет творить новый мир и воплощение, и че-ловек во плоти, тотчас был поражен завистью, помыслив суетное, отступил от Бога и как молния ниспал с небес» (Из послания Ап. Павла к Евреям I гл.). (1,418).

От прикосновения духа злобы начинаются болезни, которые не поддаются врачеванию человеческому. У падшего человека перемешано добро и зло. Падший ангел не признает никакого добра. Человеку, погрязшему в суете, некогда даже подумать о классификации духов. В современной цивилизации подобные вопросы относят к разряду легенд. 03. 03.1974. (72).

Строго говоря, и демоны не бесплотные, но обладают воздушными телами. (72).

Разрушительное оружие все более и более мощное. Оружие – не прочная гарантия мира. Слово «мир» принесло Рождество Христово. Бог послал сонм ангелов воспеть на земле мир и

научить людей миру. Преступление перед человечеством – ныне подго-товление к войне. (5).

Для Евхаристии – хлеб кислый. В нем: соль, закваска, «дыхание жизни» – как бы живой – одушевленный... (72).

Идея иконы, образа или креста? Искусство изобразить икону. Во время освящения она (или крест) обвеваается Божественной энергией. Поклонение мистическое, не ве-ществу. (1).

О дикири и трикири

Это знаки победы над арианством: две свечи поставляются в подсвечник врозь и верхом, где огонь, соединяются вместе, в «един огонь». Это богочеловечество. Так же и три свечи в таком же порядке. Это Троица нераздельная проповедуется. (5).

Вкладывать науку в религию или наоборот – настоящее христианство. Последняя мировая трезвая мысль: и науку в христианство, и христианство в науку погрузить, так и иначе – превосходно. (10).

Христианство не только прощает, но и отвергает. (72).

Владыке Ростовскому И. На фотокарточке: «Многолетствуйте в чудесном Ростове, сохраняя нормы неба и земли!»

Я хлопотал о награде для одного человека. Свыше меня пожурили и прислали письмо, что: «Вы же знаете, что так нельзя». Я передал это письмо человеку, о котором хлопотал. Он ответил, что мое письмо для него выше той награды, которая не состоялась. Здорово сказал! (72).

Резолюция на прошение о. И.: «Да, Церковь говорит прощать, и время прошедшее говорит это. Запрещение снимается. О. И. допускал погрешности не канонические, а бытовые».

Об анонимке можно думать, а действовать – гнусно.

Но бывают особенные случаи, когда не только по доносам, но и по слухам требуется действовать. (47).

Зачем ты украл чужое ребро? – жену ближнего.

Береги свое ребро – жену законную.

Семья – супруги.

Бог сочетал двух, а не трех! (72).

Карандашом наискось листа написана рифма: «Советские женщины мужей бросали не рыдая, все выступали против Китая».

Рукоположения бывают весьма и весьма редки на совесть без контроля. (5).

Мать – есть второе ваше я. (47).

Владыка с особой проникновенной нежностью относился к матерям: “Вы подумайте, ведь мать – такой же родитель, как и отец, а отношение к ребенку иное, а почему? А вот здесь Господь тайну свою заложил. Мать, не раздумывая, отдает жизнь за свое дитя, мать до последних сил защищает его в неравном бою, а если уж обидели ее детище, то мать становится тигрицей... А как же может быть иначе, если девять месяцев вынашивала она под сердцем свое чадо. Не спала ночей, возможно, сама голодала, отдавая все своему крохе... И обиды она прощает, потому что сердце матери Господь слепил из другой глины, чем сердце отца. Эта глина материнского сердца не сравнима ни с чем. Господь слишком много внес в ее состав любви, доброты, нежности, мягкости, сочувствия, сострадания, самопожертвования... Поэтому, дорогие мои, никогда не будем осуждать матерей! Нам не понять их, у нас, мужчин, другое сердце, из мужественной глины слепленное, а у них, матерей, глина особенная, особого замеса. (73).

О себе

Чернов всегда торопится, всегда торопится и не даром и родился он за два месяца до положенного срока. (Е. Арсений). (54).

Род же его кто исповедать?

Родился в Могилеве на Днестре в 1893 году.

Мантия – 6 февраля 1918 года.

Иеродиаконство – 11 февраля 1918 года.

Иеромонашество – 16 августа 1920 года.

Игуменство – 24 декабря 1924 года.

Архимандритство – 27 марта 1927 года.

Епископство – 27 ноября 1932 года.

А дальше трудно и разобраться, как быстро и медленно все летело. Митрополитство – 25 февраля 1968 года. (58).

Так меня удивило, что в 12 году во время экзаменов в гимназии наш Владыка почти всем ученикам ставил пятерки. На мой вопрос мне Владыка однажды сказал: «Это же не семинария, а гимназия, надо избегать врагов Церкви». (61).

Сретение 1918 года.

После нижеозначенной панихиды в саду дома вечером глубоким мне подарил свою царскую (от Царя в 1911 г.) митру владыка Арсений в знак событий, связанных с жизнью Владыки за несколько дней до этой примирительной панихиды. (60).

1918 год, февраля 2, Сретение.

Сегодня в городском саду на общей клумбе-могиле рабочих, положивших свою жизнь за революцию, владыка Арсений совершил панихиду о упокоении еще 5-и убитых белогвардейцами матросов... По приглашению родных и матросов.

Вот такая была история. А 6 февраля 1918 года епископ Ростовско-Таганрогский Арсений постриг меня в мантию и 11 февраля [рукоположил] в сан иеродиакона. После драматических дней до Сретения пошли дни светлые в мой адрес и относительный покой для Владыки. Иерод. Иосиф. (60).

Хорошо, что таганрогский юноша в школах не учился, а поэтому он прекрасно понимал эпохи Тихона и Сергия. Е.

Арсений. 1927 год. (1, 369).

Требовалось искусственное получить образование. (62).

Копейка симонии не замарала моих пальцев. (19).

На кончину архиепископа Арсения, 1937 год: «Ты был один, у кого я взял прекрасный стиль слова, снискавший мне хваленье».

Иосиф, митрополит Алма-Атинский. (Из слова на погребение. Это выражение относится и к прот. Иоанну Уманскому.) (5).

Однажды в Ростове, зимним вечером, возвращаясь со службы, вошел я в темный переулок. Иду, не спеша, в теплой своей заячьей шапке. Слышу, что кто-то бежит за мной. Не успел оглянуться, как этот кто-то сдернул с моей головы заячью шапку и помчался прочь. Что же оставалось делать мне? Стерпеть, смириться, простудиться? Э.., нет. Я догнал хулигана, отобрал у него свою шапку, да еще хорошо наподдал ему! (73).

Справедливая заметка об архиепископе Петропавловском Иосифе: «Он не мертвой буквы человек. Он тесно связан с наследием умных людей. Он, как монах и архиерей, продукт времен бы Петра Великого, или сейчас – нашей эпохи. Такого я мнения об этом субъекте». (63).

Промысл Божий возвел из низов к церковным вершинам совершенно оригинальным путем, даровав сыграть на церковной сцене несколько исторических ролей, о чем христианская скромность удерживает его писать (об этом). 1910–1969 г. (31).

Говорят, что умнее себя помощника иметь нельзя. Это, вероятно, немножко и правда, но я лично всегда искал себе помощника (секретаря) умнее себя... И был успех для пользы Церкви Христовой. (64, 31).

1926 года на Иверскую икону Божией Матери в Коль-Еле была торжественная служба, за Всенощной читался акафист. Служил прот. Волков и пели две монахини: одна – местная зырянка мать Александра, а другая – карповская, из Петрограда, мон.[ахиня] Эмилия. Погода была настоящая зимняя. Игумен Иосиф, 13 октября, Коль-Ель.

15 октября в 2 ? дня я исцелился перед иконой Иверской Божией Матери, страдавший крепко с 5 октября и особенно

сегодня 15-го. Помни, Иосиф! 15 октября 1926 год. Коль-Ель. Слава Тебе, Милосердная Владычице! (55).

Иверская икона Божией Матери с Афона в 1911 году.

12 – 17 – Тверь.

17 – 26 – Коми, Коль-Ель.

27 – 35 – Таганрог.

57 – Петропавловск.

61 – Алма-Ата.

Икона так передвигалась.

Ныне Алма-Ата 1970 год. (55).

Святой мучениче Трифоне, моли Бога о нас! Частица святых мощей, что прикреплена к малой иконе мученика из Ново-Афонского монастыря на Кавказе. Когда иноки расходились по городам и весям, то один из иеромонахов взял эту частицу в Ростов-на –Дону и через некоторое время ее вручил (вместе с частицами св. великомученика Иакова, что 27 ноября и преп. Пелагии, что 8 октября) архиепископу Арсению. По-следний, уходя на покой, передал на хранение мне все три. Арх. Иосиф Алма-Атинский. (65).

1) Имею честь быть хранителем и поклонником честной частицы мощей святой великомученицы Анастасии.

2) 22 декабря бывает праздничная служба в Архиерейской церкви. (66).

1967 год, июля 19-го (ст. ст.). Сегодня храмовой праздник в алма-атинской домово́й церкви в память преп. Серафима (и Иверской иконы Божией Матери). Богомольцев нет, но поет всегда квартет. (67).

За те малые мысли и слова, милуй нас, Боже ныне!

Молим Христа, Судию, милостивно взвесить мои + и – – . (50).

Не смущайтесь пометками. Экземпляры – учебная собственность. (Кокчетав). 1955 год. (42).

Слово о наградах

Духовные или церковные награды имеют значение не только для лица награждаемого, но и для Церкви, как показатель степени усвоения пастырства тем или иным лицом, по слову Апостола Павла: «Достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении». (I Тим. 5,17).

Если на первом священническом кресте напоминает новому священнику его назначение быть «образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте» (I Тим. 4,12), то на втором уже кресте, который является наградой, написано: «Пресвитеру, дающему образ верным». Таким образом, удостоверением на право ношения награды (креста) является не только указ высшей церковной власти, но и добрая жизнь награжденного. И в случае нерадивой жизни пастыря, каждый может указать ему, что не имеет права носить награды, так как противоречит написанному.

Если мы возьмем третий священнический крест, то хотя на нем и нет надписи, но самое сочетание блестящего украшения с распятым [Господом] показывает, что его носитель усвоил себе и являет для всех истину Христову, что «иго Его благо и бремя Его легко есть».

Лукавый, желая разрушить это значение наград в Церкви, выставил их как предмет гордости и превосходства над другими, независимо от их жизни. И получилось печальное явление. Наряду с теми, коим правящий архиерей оказывал сугубую честь, как достойным, сами священники или непосредственно, или через своих прихожан вымогают у архиерея себе награды, совершенно не думая, что их жизнь не может подтвердить эту награду.

Церковные награды являются не только предоставлением чести на земле, но и определяют место на небе. Ибо Церкви дана власть: «Что свяжете на земле, то будет связано на небе». Посему получающему награду столько надо быть ответственным пред Богом и Церковью, пред правящим архиереем и своими пасомыми, ибо горе тому пастырю, который,

подобно Иуде, на земле будет иметь пастырское достоинство, но по его грехам оно будет отнято у него. Каждая последующая награда должна все более и более приводить в страх Божий человека: состоит ли он в том чине перед Бо-гом и в небесной Церкви, какой вручила ему земная Церковь. Отсюда, как согрешают перед Богом те, кто смотрит на награды, как на предмет гордости и стараются вымогать ее у правящего архиерея или сам, или через других лиц. Награда и наказание – это два способа, коими действуя, архиерей приводит в Царство небесное своих пастырей. Посему пастыри должны принимать и то, и другое от своего архипастыря, не предвосхищая наград и без ропота принимая наказание к своему исправлению. (5).

М.[итрополит] Филарет Московский считал награды «бремя тяжкое», но от них не отказывался...

А. И. (72).

1) Награда есть градусник, по которому высшая [церковная] власть определяет место или достоинство в церкви пастыря, а народ по наградам тоже уже видит его место в Церкви.

2) Святой Ап. Павел Тимофею: Архиерею награждать достойных и наказывать не-достойных, да и прочие страх имут. (? Тим. 5,20). Это определение исключительно принадлежит высшей иерархии, которая, награждая одних и наказывая других, тем самым определяет, как нужно мирянам относиться к пастырям.

3) Награды просить или отказываться при награждении, как самому пастырю, так и мирянам о пастыре не подобает, ибо тогда человек ставит себя на место Архиерея, определяющего достоинство или недостоинство пастыря.

4) Когда человек просит сам себе награды или побуждает просить об этом своих прихожан, то этим самым он показывает, что внутренне он считает себя достойным и если бы имел право, то надел бы себе ту или иную награду. Между тем сам о себе человек не может судить – это является гордостью. Архиерей, со стороны видя эту гор-дость, для исцеления его от этого греха, который и Денницу низвел с неба, лишает его награды.

5) Как испорченный градусник неправильно показывает температуру, тем самым вводит в заблуждение врача и не дает

ему возможности правильно судить о здоровье пришедшего, так и выпрошенная награда, будучи незаслуженной, затрудняет и друго-го Архиеерея правильно судить о пастыре, и народ вводит в соблазн, видя награжден-ным недостойного!

Ата! (5).

Слово о Прометее

Прометей, как известно из мифологии, был титан, который [овладение огнем] счи-тал хищением, но не боялся хищения или посягательства уподобиться богам и похи-тил огонь с неба. Он именно приносит людям культуру, цивилизацию, все искусства и науки. Он именно образует их, но при этом делает их лишь умными, но не благо-честивыми и добрыми, скорее даже высокомерными, и научает противиться небесным силам, как он делал и сам. Его знание поэтому лишено страха Божия, его свобода чу-жда послушания и благоговения.

С того времени, как люди вступили на этот незаконный путь культуры, Прометей, как представитель человечества, по воле Зевса в наказание прикован к скале, где орел выклевывает у него печень, которая постоянно вырастает вновь. Через каждые два дня возвращается “окрыленный пес” Зевса и пожирает вновь выросшую печень. Эта “пе-чень неумирающая” – образ страстей и пожеланий, которые не могут умереть, и орел, который пожирает их, когда они вырастают вновь, есть образ неразлучных со стра-стями страданий и мук, а сам Прометей в своем мучении есть образ человека, который отрешился от общения с Богом. Узами железными необходимости он прикован к пус-тынным скалам действительности, в течение нескольких тысячелетий подвержен, наказанный, страданиям, от которых освобождает его только Геркулес, сын Бога, кото-рый своею стрелою убивает орла и разрывает оковы, – в этом нельзя не видеть прооб-раз Спасителя, приносящего избавление отягченному виной и повергнутому в рабство человечеству. Прометей, как говорят западные богословы (Шиллинг), не есть лишь мысль, которую изобрел какой-либо человек; он, скорее, есть одно из тех первобыт-ных преданий, которые возникают сами собой. Не греческий только дух излагает в этом мифе свою тайную исповедь, признавая себя свободным и однако же не скован-ным, потому что его свобода незаконная, но в тоже время и выражая надежду на будущее освобождение: здесь говорит дух всего человечества.

Миф этот имеет в себе содержание общечеловеческое, универсальное, и в наше именно время миф о Прометее нашел новое и знаменательное исполнение...

Настоящее поколение более чем когда-либо достигло великого культурного богатства и своих разнообразных сокровищ знания, как и своего господства над природой, именно прометеевым путем. Оно похвально тем, что к этому пришло через отчуждение от веры, от послушания и любви к Богу, и его вину можно выразить словами, которые мы читаем у пророка Исаии – мудрость твоя и смелость твоя свели тебя с намеченного же в отрочестве пути, и сказал ты себе: «я, никто кроме меня». Если бы Бог принял это ради многих совершенств земных смелых прометеев и избавил бы цепей в старости, и муки старости, усладил бы Христос всех тружеников на поле битвы с незнанием – а новым побегам сказал бы то, что сегодня говорят праведный Симеон и пророчица Анна – старцы праведные и умудренные опытом житейским.

...Поэтому-то настоящее поколение в своей отреченной свободе и в своем внутреннем мире в то же время так сковано и подвержено тайнам мукам, сердечным страданиям и злосчастной бурной пустынности... Избавление только через того, кто нам оставил свое Евангелие! (5).

Иосиф – братьям

«Вы разлучили меня с отцом, а я стал отцом Египта! Вы хотели меня умертвить в поле – а я дал вам жизнь через пшеницу. Вы продали меня, а я купил вам Гесем. Вы посадили меня в тюрьму... Вы обманули отца, а я правдив был пред Богом и семьей своего господина, в Египте Патриарха. Вы меня боялись, а я с радостью Вас простил. Вы сняли с меня хитон и, окропив его в козьей крови, сказали отцу, что зверь съел меня, а я за это получил царскую ризу от Фараона и золотую цепь на шею в знак власти и чести. Вы меня всего лишили – чести по-человечески, а Бог меня обогатил, почти, как самого Египетского Фараона.

Не бойтесь, не бойтесь, братья! Это все промыслительные действия! Здесь промысел Божий, здесь рука Бога, но все без насилия. Я – Иосиф, братья мои! Вы лишили меня простой одежды, а я, вот, в царской. Бог одел меня руками фараона! Если вы не поклонились против своей воли, то сны мои ложны! Помните, что все, надеющиеся на Бога, не бывают оставлены Им!

Вы привязали меня к верблюду, а я ныне разъезжаю на кованной золотой колеснице. Вы продали меня в неволю, а я ныне почти царь! Я в темнице влачил оковы, а ныне на голове моей царский венец, усыпанный драгоценными камнями и жемчу-гом!»

И бросает Иосиф человечеству такое предостережение: будьте осторожны во лжи и коварстве вообще к человеку, и тем более к ближнему и кровному! Бог был, есть и будет! Правда Господня пребывает во век. (5).

Двенадцатизвездная цепь. (Дети Пат.[риарха] Иакова). (5).

Исповемся Тебе, Господи, всем сердцем моим....

Давид впал в грех, но не отдался отчаянию...

Он упал, как человек, и поднялся, т. е. как человек верующий...

Исповемся тебе, Господи, всем сердцем моим... Если не буду исповедываться Тебе – то не освобожусь от греха. Если не

буду исповедываться Тебе, то диавол не перестанет меня толкать на новый грех...

Если не буду исповедываться Тебе, Боже, то Святой Дух мне не откроет и никто не узнает пятидесятого псалма!

Исповемся Тебе... Тогда Ты, Боже, мне откроешь видеть мои грехи. Откроешь очи моего сердца и слух души...

Исповемся... тогда Ты мне дашь познать и чувствовать, и знать красоту духовную поста и пользу от него для души!

Исповемся Тебе, Господи... Тогда сама собою в душе моей и в сердце прекратиться вражда, и снизойдет на сердце от Бога покой. (5).

Перечень источников

1. «Новый завет», Издание Моск. Патриархии, М, 1956 г.
2. «Богословские труды», сб. 2, М, 1961 г.
3. «Правила Св. Апостолов на греческом и славянском языках».
4. «ЖМП», 1974 г. №6.
5. Лист бумаги.
6. Флоренский П. «Столп и утверждение истины», СПб, 1914 г.
7. «Вера и разум», богословско-филосовский журнал. т. II ч. 1.
8. «В память графа М, Сперантского», 1772–1872, СПб, 1872 г.
9. «Правило к Божественному Причащению», Киев, 1908 г.
10. «Братский вестник», 1967, №3.
11. Гарнак А. «Сущность Христианства», 16 лекций, СПб, 1907 г.
12. «Православный календарь», 1969 г.
13. Митрополит Николай. «Слова и речи». Т. IV.
14. Розанов. «Около церковных стен», СПб, 1906 г.
15. Ключевский. «Письма, дневники, афоризмы, мысли об истории», М, 1968 г.
16. Лозинский. «История папства», М, 1961 г.
17. Палицкий А. «На запросы духа», СПб, 1914 г.
18. Бурже П. «Учебник», М, 1968 г.
19. «Поучение Никандра, архиепископа Херсонского и Одесского», т. V, Одесса, 1891 г.
20. «Слова и речи митрополита Филарета», ч. III, отд VIII, М, 1895 г.
21. Фейхтвангер Л. Собрание сочинений, т. IX.
22. «Жития Святых» (излож. под руков. Димитрия Ростовского), книга X. М, 1908 г.
23. Архимандрит Софроний (Сахаров). «Старец Силуан» (машинопись).
24. Записная книжка.
25. Пушкин А.С. Собрание сочинений, т. V, М, 1969 г.

26. Пушкин А. С. Собрание сочинений, т. III, М, 1969 г.
27. Патриарх Алексей. «Слова, речи, послания и обращения», М, 1963 г.
28. «Братский вестник», 1967, №5.
29. «Акафист св. Иоасафу Белгородскому», СПб, 1911 г.
30. «Творение св. отцев и учителей Церкви». Т. XXI, творения блаженного Феодорита, епископа Киррского, ч. 4, Серг. Посад. 1906 г.
31. «Жития Святых» (излож. под руков. Димитрия Ростовского), книга 7, М, 1908 г.
32. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. Т. VIII, М, 1956 г.
33. Тургенев И. С. Собрание сочинений. Т. III, М, 1968 г.
34. Соловьев В. М. Собрание сочинений. Т. III.
35. Мельников П. И. Собрание сочинений. Т. VI.
36. Фейхтвангер Л., Собрание сочинений. Т. VI.
37. «Жития Святых» (излож. под руков. Димитрия Ростовского), книга 4, М, 1908 г.
38. «Происхождение Библии», М, 1964 г.
39. Соловьев В. М. Собрание сочинений т. VI.
40. «Богословские труды», сб. 8, М, 1972 г.
41. «В память столетия МДА», сборник статей, Серг. Посад, 1915 г.
42. Гюго В. Собрание сочинений. Т. X, М,
43. Поль де Кюри. «Борьба с безумием».
44. Фейхтвангер Л. Собрание сочинений, т. VIII.
45. Гюго В. Собрание сочинений. Т. VI, М.
46. Белинский. Собрание сочинений. Т. II.
47. Писемский А. Собрание сочинений. Т. VIII, М, 1959 г.
48. «Догматическое учение о семи Церковных Таинствах», исследование А. Катанского. СПб, 1877 г.
49. «Опыт Православного догматического богословия», еп. Сильвестер. Т. III, IV, Киев, 1889 г.
50. «Творения Григория Богослова», ч. 4, М, 1889 г.
51. Бальзак. О. Собрание сочинений, т. XX, М, 1960 г.
52. Фотография.
53. «Жития Святых» (излож. под руков. Димитрия Ростовского), книга 2, М, 1908 г.

54. Витте. «Воспоминания», т. I, М, 1963 г.
55. «Служба с акафистом Иверской иконе Божией Матери», Киев, 1908 г.
56. Архимандрит Иларион. «Единство идеала Христова», (машинопись).
57. Конверт пластинки.
58. «Акафист св. прав. Иосифу Прекрасному».
59. «Мысли о Божественной Литургии о. Иоанна Кронштадтского».
60. «Четы-Минеи». Т. XI (на славянском языке).
61. Аксаков. Собрание сочинений. Т. II, М, 1966 г.
62. «Новый Завет» (на греческом языке).
63. «Жития Святых» (Гумилевского). Т. IV.
64. «Жития Святых» (излож. под руков. Димитрия Ростовского), книга 1, М, 1908 г.
65. «Акафист мученику Трифону» (рукопись).
66. «Акафист св. великомученице Анастасии Узорешительнице».
67. «Акафист преп. Серафиму».
68. «Жития Святых» (излож. под руков. Димитрия Ростовского), книга 10, М, 1908 г.
69. Генероло. «Воспоминания о Толстом».
70. Гюго В. Собрание сочинений, Т. XV, М.
71. Короткова З. «Богородичные праздники», Политиздат, М, 1974 г.
72. Источник не определен.
73. Устное высказывание.
74. Письмо к частному лицу.

Письма владыки Иосифа

Письма в Таганрог

2 мая, 1954 год. Воскр.[есенье]. Дождь. Снег. Холод.

Преподобнейшая м. Нина!

Спасибо за поздравления. Спасибо за память, спасибо за хлопоты, труды и расход –посылка хорошо доехала и в пятницу на святой ее мне вручили. Воскресное благословение и целование Дому, где обитаете, и техническим исполнителям посылки, и писем, и открытки! Слава Богу, что Вы здравствуете еще и Бога славите. Мир мног Вам от Бога и рай Христов на небе! Передайте мой поклон и Христово лобызание тем, чья душа еще благоволит к моему смирению. Да воздаст им Господь теперь и тогда, здесь и там...

Я, Слава Богу, здравствую и все еще работаю, хотя и 4-е июня не за горами. А числа 25 мая куда-то перееду, а куда – Бог знает: я еще ничего не знаю. За все слава Богу. За все-все и за всех-всех! Так мало, мало чего либо знаю обо всех вас и вообще за Церковь. Но скоро многое и мне будет известно.

На могилках послезавтра Вы будете и полагаю, там и мя вспомните, и метнете свой взор одесную могилки Ар. [хиепископа] Ар.[сения], где бы я хотел лечь отдохнуть до общего Воскресения мертвых. Будете и у дорогих старичков. Ах, как дорог был момент моего прощания с во гробе лежащей 17 июня в 6 ч. вечера на кладбище у могилы. Помните ли?

Всего доброго! Еще раз спасибо за пос.[ылку].

До свидания!

17 сентября, 1954 год.

Варвара Никитишна, Юрина мама, маленькая Ниночка и все-все родные!

Радость от Господа, мир сердцу вашему да будет с вами во все дни ваши.

Спасибо, спасибо за ... (неразборчиво). Получил сегодня, 17 сент. Да воздаст Вам Сама Матерь Божия за вашу милость ко мне – Ея смиренному служителю. На много, много лет я, по грехам моим, лишен этого счастья – служить и бубенцами звенеть.... Но у Бога, как говорится, добра много... Надеюсь, и мы паки воскадим кадилом фимиам пред Его св. Алтарем! На

все время и преподобное терпение... без нервности и нетерпеливости...

Теперь здесь я по праздничным дням бываю в церкви и среди народа Божия – молюсь. Хожу по-мирскому и в бушлате еще из лагеря. Не хочется мне добывать мирского платья, когда мне подобает носить положенное... Да устроит сие Сам Господь Ему ведомыми судьбами и тогда, когда придет мой час. А час этот может быть в любой день... ждать и терпеть... Надо иметь наготове рясу, подряс.[ник] и остальное... Пусть лежит.

Ах, все мое пропало и как же? А? А? Вероятно, так Богу угодно. Но любят люди в беду попавшего человека, тянут его вещи, как с пожара... Аминь, аминь, довольно – успокойся сердце, вспомни что ты – монах! Арх.[истратиг] Михаил да молит Бога о нас! А Александр Невский да хранит нашу страну!

Е.Иосиф.

(Здесь есть базар, шапочку теплую надо.)

23 октября, 1954 год.

Добрейшая м. Нина!

В сегодняшнем письме Вы пишете мне чрез авиа, что нет от меня ответа. Нет, честная мать, я аккуратно вообще отвечаю и на последнюю пос.[ылку] ответил. Спасибо за все-все всем. Да воздаст Господь и Вам, и всем добрым людям!

У нас уже холода со снегом и морозами до 10 гр.

Спасибо за обещанное. Будет ряса и клобук – снимусь и пришлю в Таганрог фото – посмотрите Старичка. Что возможно из теплой одежды – пришлите. Ой, здесь зима не так люта морозами, как ветрами – буранами.

Всего всем-всем доброго!

Весь вам мир, любовь и радость Христова в сердца...

Да будет незыблемый мир миру, мир стране нашей, мир граду Таганрогу и семьям, и сердцам!

Епископ Иосиф.

Суббота.

Озеро Копя бурлит, гора, как заброшенная могила, молчит, казахи беспрестанно чай пьют... как утки...

Январь, 1955 год.

Дорогая м. Нина!

Привет и поклон.

Спасибо за посылку и еще раз с прошедшим днем Ангела! Будьте здоровы и Богом хранимы Вы, и обителище Ваше, и все, яже в нем, на многая, многая лета всем, и во граде! Так хорошо помню Вас «за вся дни в Таганроге». Да хранит Вас св. равноапостольная Нина. Я был в Тифлисе и прикладывался ко кресту из лозы виноградной, с которым в руках она грузинам Христа проповедовала...

Простите за скверное и небрежное исполнение (технически) этого письма – «руце мои изнемогли от труда...» Ведь каждый день, каждый день – все годы – ей-ей!

Да будет благословенна эта грядущая весна – она моя!

Всего, всего доброго!

Ваш Е. Иосиф.

Троица, 1955 год.

Честная М.Нина!

Мир и привет Вам и всем боголюбивым людям во граде!

Сегодня за вечерней после Литургии мне ясно представился весь Таганрог за много лет, начиная с 1919 года. Все-все вспомнилось мне: и Мария Андреевна, и о. Иосий, скромный и честный, и о. Иерод, Николай, и все-все родные, и особенно м. Анастасия, добрая старица... Всем им мир и покой в мире загробном – милость Господа и покров Богоматери! А вам всем здравствующим – здоровье и всего доброго от Бога!

Так мне сейчас, придя из Храма Божия, захотелось написать, как старейшей матери. Слава Богу, здесь была вчера, и сегодня здесь в церкви служба: церковь вся в березках, и много травы привезли за 100 километров. Отсюда не так далеко могилка о. Игумена Николая. При первой возможности и я хотел бы на его могилке отпеть панихиду.

Приветствуйте м. Вивею и ее сродниц.

Приветствуйте всех добрых людей.

Я живу пока как на станции: без стола, без икон, без лампадки, но кровать есть. Все жду, обещают. А может, в августе и комнату, и святой угол, и аналой буду иметь у самой церкви.

Все от Бога!

Будем этому верить!

Мир храмам, и городу, и Св. Алтарям во граде.

Е. Иосиф.

1955 год. Написано на Крестопоклонную Неделю.

Честная м. Нина!

Спасибо за пожелания и молитвы! Дай Бог всем вам жить и мыслить по-христиански! О часах молчим.

Таких вещей, как апельсины, здесь нет, прислал бы, если бы были, с радостью.

Ваши слова о Вашем бездомье – напомнили мне слова Христа Спасителя, когда Он сказал: «Я не имею где подклонить голову». Если и Вы так же не имеете места пребывания, да уготовит Вам Спаситель келью в Дому Отца Небесного. Ах, как вожаделенно!

Слышал я, что о. Иоанн иеромонах гостит в Таганроге. Я не думаю, чтобы Воронежский Старец – Святитель отпустил его из своей епархии. Вообще Архиереи молодых, ревностных иереев и священноинок не отпускают от себя. Я утешаюсь тем, что моих ставленников верующие любят и дорожат [ими]. Я ставил в свое время профессоров и дворников – тех и других люди «носили на руках»... Слава Богу, я всегда искал... Человека! Но, конечно, весьма желательно, чтобы этот «Человек» был с дипломом. Иногда, когда требовалось это Церкви, иноки выходили с пустыни на послушание церковное в города и села, и те иноки без рассуждения оставляли любимую пустыню, шли служить в многомятежные города...

Служить в церкви ведь не так легко человеку, который думает и мыслит...

Так красиво и боголюбезно, когда служат Божии иереи и им сотрудничают за послушание Христовой Церкви – иеромонахи! – это послушание! Так и мы в наши дни молодости несли послушание служить в Никольской Церкви. Это было время необыкновенное! И все мои иноки – блестяще несли это послушание. Мир их духу усопших и спасение здравствующим!

Красота, где мир: там и Бог!

Где несть мира – нет и Бога!

Помните, как мирно было и в Никольской церкви... В Архиер. [ейском] доме?

Слава Богу за все, все!

Епископ Иосиф.

1 сентября, 1955 год.

Мир и привет Старице Нине!

Вот Вам и 1-е сентября. Сегодня много, много вижу в окно свое детей бегущих в школу. Сколько радости у детей! Дай им Бог получить в школе то, что должны там по-лучить.

Как Успение Богоматери совершили в своем храме? Мя сие весьма интересуе, ибо десятки лет в этом храме эти службы были, как Вы, вероятно, помните. А? И здесь, хотя храм и Михаила-Архангела, но все же погребение Богоматери бывает... Так скромно, скромно и более, чем скромно, и «Кафизму» прочли вдвоем – более, чем скучно... Но все же дух сохранен был!

А на второй день Успения был Нерукотворенный Образ Христа Спасителя. Это день моего рукоположения во иеромонаха в Арх.[иерейской] церкви Архиеп.[ископом] Арсением в 1918 году. Да 2 года до того – иеродиаконства и 7 лет иподиаконства с грамотою = 43 года всего.

Слава Богу, Архиерейству на Филипповские заговенья будет 23 годика!

Слава Богу за все, все, все!

Слава Богу за дни и часы, и сего дня!

Всем вам и Вам, мать Нина, мир и радость Христова. Боголюбия, и братолюбия, и тем более сестролюбия...

Мир граду и его святым Алтарям и действующим в них – верою и любовью!

Епископ Иосиф.

8 сентября, 1955 год.

Мир и привет, и нашего смирения Вам, добрая хозяйка дома, Юриной маме и всем-всем добрым людям в городе Таганроге, и благословение!

Через 2 дня Усекновение Честной главы Иоанна Крестителя – этот день я всегда грустно-радостно вспоминаю. Грустно, что Ирод так поступил... Радостно, что Иоанн Креститель «во аде сущим» возвестил радость о том, что явился Христос Бог во плоти – берущий на себя грехи всего мира! Радостно я

вспоминаю этот день: в 1924 году мы освятили после обновленцев, по благословению Святейшего Тихона, храм Св. Николая Чудотворца. И всегда, т.е. много лет сей день совершали и торжествовали как храмовой праздник! Но ныне, как и в прошлом году, здесь буду тихо службу слушать скромную и более, чем скромную... Да, ведь есть еще много людей в городе, которые все-все помнят, как было и что было! Да дарует Господь Бог Рай пресветлый всем усопшим – тогда бывшим... А здравствующим – многолетие!

Как поживаете все?

Мир вам от Господа!

Храни Вас и всех вас молитвами своими Иоанн Креститель!

Епископ Иосиф

14 декабря, 1955 год.

Мир душе и привет м. Нине!

Спасибо за вчерашнюю открыточку. Спасибо за будущий, может быть, пояс – кожаный – монашеский! А Ваш, тот, алый бархатный пояс я подарил одному иерею, вышедшему недавно на волю и тот Ваш подрясник. Так чрез нашу совесть – Бог велит!

Спасибо за будущую посылку с гостинцами – ястями и сахаром и, может быть, вложите кофе?

Я и живу тем, кто что пришлет по почте – и все! Так рад, рад, что Вы заботитесь о мне...Мир Вам!

Я жду от Святейшего ответ на мой вопрос и просьбу... Тогда напишу! Рано еще! Но я на старом месте и при старом юридическом положении... А почему – мне неизвестно! Так рад и доволен бываю в храме за богослужением. В больш[ие] праздники здесь я в полной форме и причащаюсь. Люди довольны хотя «немного» архиерея повидать, и любо им полюбоваться на мантию, более чем на самого Святителя! Слава Богу! Но я нигде и ни у кого здесь не бываю в доме. Три дороги: храм, дом священника и еще один дом на берегу озера, где мне стирают белье и раз в неделю мою голову дождевой или из снега водой!

А живу у магометан казахов по-старому. Там грязь восточная и дым, но себя там чувствую как дома, лучше чем в доме

добрых священника и его законной, доброй матушки!

Вот так оно и есть, и долго ли оно так будет – знает Бог, а может быть и Святейший Отец наш Патриарх!

А вот-вот и Чудотворец наш Николай – буду тот день переживать, вспоминать и здесь по-своему торжествовать!

Храни Вас Матерь Божия!

Мой поклон Храму, граду и всем добрым людям!

Е.Иосиф

На Св. муч. Анастасию, 1955 год (22 декабря).

Добрейшая р. б. Агафия – Юрина Мама! Мир Вам и Христово утешение.

Спасибо Вам за письмо и все остальное. Сегодня получил. Спасибо. Спасибо.

Шлю Вам свою карточку – на добрую память.

Мир душе сына Юры!

Не слушайте никого – хотя бы и Ангел слетел яко бы с неба... Без Церкви нет спасения... Не напрасно же Христос Спаситель в лице Апостолов дал ей – Церкви своей – такое право: «Кого свяжете на земле, того Я свяжу на Небе... Кого разрешите на земле, того и Я разрешу (от грехов) на Небе.... Церковь на Моей Крови....» Вот и все... Но наша, Православная Церковь Российская, ныне – слава Богу! – чиста от всяких примесей лукавого – обновленцев нет... Теперь все в каноническом порядке... Святейший наш Патриарх милостивый, но и строг, как Никон! Мир ему и здравие, и многолетие!

«Кому Церковь не мать, тому Бог не отец», – говорили египетские отшельники... Любите Матерь Церковь и [неразборчиво].

Храни Вас Матерь Божья под Своим священным омофором.

Мир и поклон от меня всем добрым людям города Таганрога.

Мой поклон и памяти Сына Вашего.

Чаще говейте, перед Святыми Тайнами благоговейте...

Всего-всего доброго!

Слава Богу, на днях Христово Рождество. Пойду в Храм и буду причащаться во всей форме, как видите... Слава Богу.

Епископ Иосиф.

14 января, 1955 год.

Честная м. Нина!

Сегодня день св. Нины. Мысленно поздравляю еще раз. Сегодня у Вас, вероятно, пироги по перине величиной, а пирожки – по подушке. А здесь постненько у мя все се-годня, хотя и Четверг!

В Тбилиси сегодня велие торжество – там Нина равноапостольная телом и духом.

Мать! Нет ли у Вас коврика к кровати и св. молитв прошу.

Апост. Павел нам категорически советует так: «Вы духовные, т.е. верующие люди, других людей исправляйте и беседуйте с ними в духе Христовой кротости, не подымая голоса! Надо о себе в народе оставить память как о. Иосия – кротость и любовь, и тишина... Подражать будем о. Иосии.

Всего доброго!

Будьте здорова и благочестива, как того хочет Христос.

Е. Иосиф

Спасибо за эффективные четочки – монашеские игрушки!

Спасибо за слезы – драгоценный жемчуг!

Е. И.

11 июня, 1956 год.

Мир и привет граду, и Храму, и Вам, м. Нина!

Открытку получил сейчас. На все, все отвечено не один раз... Русская почта везде, говорят, прекрасна и честна, это я подтверждал не раз! Спасибо!

После 9-й Пятницы еду в гости к Матери, и все видно будет... А, может, и в Таг.[анрог] заеду – пока и мне ничего не известно. Господь Сам укажет! Все то, что потише и поскромнее, и, особенно, по-иночески – оно Богу и людям приятно! Грядем по этому доброму пути, вообще в жизни!

А у нас много дождя и земля казахстанская уже говорит: «Боже, не довольно ли влаги?! Трава и зелень в красоте своей, и хвалят Бога!

Мир Ти, Сестра!

Е. Иосиф

30 июля, 1956 год. Могилев.

Привет м. Нине из Могилева! Уже вторая неделя как гощу у Матери и родных. В субботу и Воскресение служил в местном храме. Весь город пришел посмотреть и помолиться... Море голов и множество цветов!

Митрополит Минский Питирим на мои службы прислал из Минска протодиакона, иподиаконов и ризницу. Да воздаст ему сам Господь миром, здравием и многолетием!

На днях еду в Ростов и Таганрог на несколько дней, так как к Преображению Петропавловск ждет.

Там ведь место моего служения.

На Петра и Павла отслужил в Петропавловске.

В день Преп. Сергия три службы совершил в Лавре Преп. Сергия.

Был в Москве у Святейшего. Так все хорошо и: слава Богу за все!

Е. Иосиф

24 октября, 1956 год.

Добрейшая М. Нина!

Спасибо за открыточку. Всем мой привет.

От Покрова все хвораю и на преп. Пелагию не служил.

У меня все тихо и хорошо. Дай Бог, чтобы и у вас везде, и у всех было бы тихо и хорошо!

Многажды Вам и всем вам за все спасибо! Здесь у меня несть близких!

Осень наложила свою руку на лес, степь, огороды и крыши хат... Только собор стоит – красавец – безразличен ко временам года!...

Дай Бог всем вам мира и любви и послушания к старшим – залог счастья!

Будьте здоровы!

Е. Иосиф

7 ноября, 1956 год.

Петропавловск.

Мир от Бога и людей Вам, м. Нина!

Мой поклон и привет всем добрым людям, поклонение святым Алтарям и поклон служащим в них!

Как поживаете?

Я – живу и служу опять с дня Казанской ик. Б.М. Десять дней хворал – горел, горел и не нашли врачи причины той «огневицы». За все слава Богу!

Говорят, к вам в храм Божий перешли святые Трифон и Пелагия? Если да, то будет Господня милость Храму, иереям и богомольцам – за молитвы их!

История этой святыни такова. Когда был закрыт Новоафонский монастырь, то честны старцы-иеромонахи взяли из обители частицы святых мощей....Один иеромонах, умирая в Ростове (в свое время), передал их Влад.[ыке], покойному Ростовскому Арсению. А когда я стал Таганрогским, он мне передал. В 1942 г. эта свят. была помещена в Архиерейск. церковь. Я рад, если у вас в храме будет эта святыня пребывать... Теперь я, конечно, формально за нее не отвечаю, ибо у вас есть другой святитель – но, но....

Господь да хранит нас всех!

Какая у вас погода? Здесь – зима уже, но снег снес ветер в степь. Ветер, снег, дождь, так и чередуются.

Где о. Ефрем? Он, как иудейский пророк, ходит; но надо, чтобы он, где бы он ни был, приносил бы пользу Церкви и [неразб.] Сан даром носить – неканонично!

Мир Вам, М. Нина! Будьте примером христианского смирения и Христовой любви – это требуется от Вашего звания!

Мир Ти, Сестра!

Е. Иосиф.

6 декабря, 1956 год.

Добрая м. Нина!

Еще раз за «ризку светлую» спасибо. Имена записал на палице...

Вас молодежь любит заочно – карточку Вашу стащили...

Икону пришлите – ибо я остаюсь здесь навеки – вчера Москва прислала Указ о бытии Петропавловским, викарием Казахстанским. Архиепископ – в Алма-Ате. Я – в Петропавловске. Он – на Юге. Я – на Северной части епархии. Я весьма хотел этот город, этот Собор и получил. Здесь так тихо и молитвенно, и хорошо! Я человек скромный – мне везде хорошо!

Спасибо за все. Пишите!

Иосиф. Епископ Петропавловский.
Погода сносная. В Соборе тепло.
Это Николай Римша хлопотал за меня – сюда на кафедру...
Его здесь могила.

Поклон богоспасаемому Таганрогу. Мир ему, и покой, и благодати море!

1957 год.

Поздравляю Вас, м. Нина, с наступлением дней священной Христианской Пасхи!

В Светоносную ночь – пошлю Вам «Христос Воскресе!»

Вам и всем близким Вам желаю: Мира между собою! « Друг друга тяготы носите...» Не завидовать, не раздражаться.... Слушаться Матерь Церкви! И так будет исполнен Христов закон, а потом – Рай!...

Е. Иосиф.

21 декабря, 1958 год.

Честной м. Нине наш привет!

Не плачьте и не сетуйте! Вам послан хороший святитель и учитель! Дни сессии Священного Синода под председательством Его СВЯТЕЙШЕСТВА – благословили и послали, предварительно избрав! Радуйся, Ростове, и красуйся, Таганрог! Ныне Святитель опять у тебя будет бывать и служить...

Покойникам принято все всегда прощать...

А я остался паки у себя... Здесь мир и тишина, и могилки почитаемых [неразб.] Здесь наш игумен Николай из могилы громко нам советует позабыть прелесть юга и разума держаться, оставив в стороне все чувства!!!

В Москве так добре я побывал и погостил, и Самого Святейшего Ангела нашей Церкви много раз видел: слушал и отвечал... Нашему граду Святейший прекрасный образ Иверской Богоматери в благословение прислал – а мне панагию подарил!

На Николая Святителя позавчера, служа у себя престольный в приделе праздник, духом в Таганроге был, а телом – ой-ой-ой...

Летом хочу паки Вас проездом посетить! Так мило у Вас в Никольской ограде и под храмом в келье сторожихи!

У меня прекрасный домик, гараж и банька на одну персону, вроде коробочки от спичек, и в епархии почти покой! Автомашина хотя и скромна старушка, но внутри ковром застлана и возит меня в Собор!

Спасибо за «вторую» посылку. Вся посуда к удивлению цела!!! Так мила и характерна круглая ложка! Спасибо 1000 раз!

К белью моему, что я носил 20 лет тому назад, я уже устарел, а оно мне тесно... Ведь старики почти все хворают тучностью от каши и картошки.

Желаю городу Таганрогу мира и благополучия!

Желаю Ангела вам всем иметь в лице Святителя, что Бог Вам послал через Москву!

А паки спасибо и умирать советую не очень-то спешить!

А. И.

14 мая, 1958 год.

Христос Воскресе и воистину воскрес Христос!

Всю семью Воропаевых и благодетельницу скорбящую о сыновьях за пояс с молитвою – благодарю! Храни Господь Вас и сердца ваши от бед, грехов и пустых слов!

Я рад, что м. Нина приехала умирать в родном Таганроге! Ей мой привет и пожелания здоровья, и дома умереть! Лечь с родными по духу в Таганроге!

А я лишен радости такой... Но здесь ждет меня Николай Игумен! Он, на кладбище лежа, в управлении епархией моей мне молитвенно помогает! Мир его душе!

Всего-всего всем в Таганроге доброго и радостного от Господа желаю!

С Николиным днем всех буду мысленно в Соборе вспоминать – у нас придел в честь святой памяти Его!

Архиепископ Иосиф.

О мире во всем мире усерднейше и вечером, и утром молитесь!

В день всех Святых, в земле Российской просиявших. (Год не указан).

Мир и привет, старейшая м. Нина!

Еще раз Вам мое спасибо за Христову любовь... Вы меня помните почти мальчиком... Мир Вам! Помню, помню, все

помню: и радости, и слезы... Так ясно вижу те же священные вечера в Таганроге, когда, как и вчера здесь, совершали светлую память «Всех святых, в земли Русской просиявших...» Так я любил этот день, особенно всенощное бдение, где в стихирах, каноне и проповеди так красочно говорилась и про-славлялась память всех святых Страны нашей, Церкви нашей... Я любил подчеркивать в те вечера имена: Бориса, Глеба, Прохора, Варфоломея, Елевферия и других отроков Страны нашей, которые стали: Феодосием, Серафимом, Сергием и другими... Да будет эта красота духовная и ныне в храме св. Николая и Параскевы и та же любовь красивая и реальная к Алтарю и в нем служащим... Тот венец, который сиял на нас, в конце концов не легко достался всему Христову коллективу!

Здравие здравствующим и вечный покой усопшим.

Четверг на Светлой неделе, 1955 год.

Дорогая Витина мама, Дария Корнеевна!

Еще раз пасхальный вам привет и семье, и Витику напишите мой пасхальный привет! Я ему пришлю скоро фото в плаще и шляпе, как по улице хожу. [...] Вот и весна. Весна так желательна после ветров и буранчиков. Озеро вот-вот вскроется. Это украшение и питание нашего скромного (пока) города. А гора – бабушка, скоро будет переоблачена из белой в зеленую ризу. Буду ходить опять на берег озера и на гору. 10 дней дважды в день.

Ходил в храм Божий. До него 2 километра. Когда сухо – хорошо, а когда грязь – подвиг! На Пасху было в церкви много людей, а вообще здесь плохо посещают церковь. Все суета и лень, и отсутствие вкуса к Богослужению. Так я любил Божью службу с 7-летнего возраста и никем не быв научен.

Слава Богу!

Будьте здоровы!

Всего доброго!

Е. Иосиф.

1 марта, 1955 год.

Дорогой и благородный Боря!

Мой привет и поклон, и большое русское спасибо Вам, милый моряк, за память обо мне... Я дом Ваш, который состоял

из мамы, Вас и сестрички, все время в сердце своем носил и тогда, когда уехал, и не раз смотрел в глаза смерти, и теперь... Но Вас я все представлял тем Борей в белом, домашней работы, стихаре с голубой отделкой у моего жезла, что был знаком и символом моей бывшей власти.

Спасибо, спасибо за память и любовь – тем более реальную – очень хотел бы видеть Вас ныне, хотя на фото! Приветствую семью Вашу и своей фотокарточкой. Вон какой я ныне! Но духа веры и некоторой бодрости не утратил еще... Москва обещает, но обещанного, как говорит русская поговорка, три года ждут. Я здесь живу, отдыхаю после десятка лет физической работы – работал идеально, каждый день выходил с бригадой... Слава Богу за всё!

Но вся моя та ризница и жезл тот серебряный – все пропало и расхитили, и хранители умерли... Теперь начинаю собирать – но сие пока трудно, ибо я еще не действую и без паспорта... Город областной, масса целинников, город старомодный на пороге Сибири.

Есть храм – там только молюсь, но во всей своей форме... И этим пока рад. Слава Богу! Мир Вам, мир семье, мир городу Таганрогу и всей нашей стране!

Храни Вас Господь. Будьте Вы в сердце моем – тем же шалуном Борей.

[...] Поклон маме и сестре.

Пусть мама сообщит о получении этого письма.

Епископ Иосиф.

Преображение, 1956 год, Петропавловск.

Добрейшая Дария Корнеевна с семьей! В последний раз нашей встречи с Вашим мальчиком я обещал писать, и вот третье письмо в адрес Вашего дома пишу сейчас, вернувшись с Собора и став отдыхать за письменным столом, и вспомнил то Преображение, последнее в Таганроге...

Утром было много народа: много яблок, много просфор. Вечером служил я вечерню и говорил слова... И сразу, быстрее, чем снег на голову – налет и бомбы... Хотя смятения и не было в храме, но я думал, что в сердцах – немалое было смятение страха. Не помню, как тот момент переживали жезлоносец и

другие прислужники архиерея? Тот момент пусть он уже сам вспомнит и перенесется в дни его юности... и часы...

Ах, как хороша здесь сегодня погода! Ах, как в храме чудесно вышла Божья служба, но яблок было мало, так как здесь ведь они не растут, а привозные из Алма-Аты. Вот как я рад, что в такой день мог я служить, хотя и за трое суток с лишним езды от Таганрога.

Хотелось бы у Вас побыть более, чем 15 минут, а вечером он проводил бы меня. Будем надеяться!

[...] Пусть будет над всеми вами [так], как угодно Богу и Богоматери! Мир дому, мир семье, мир городу и храмам. Как было тогда у нас хорошо – все в прошлом. Часы дней наших беспрестанно в движении, только иногда, на недолго мысленно можно стрелку времени неумолимо поворотить на несколько секунд назад... Постараемся!

А, Боря?

Твой друг Е. Иосиф.

(Не датировано).

Мир и привет веси вашей, добрый о. Василий.

Спасибо за доброе письмо. У меня все еще тишина. Здесь мне весьма нравится все, и жезл мой всегда в цвету – пустоцвет! Мой жезл все время перед Богослужением украшают живыми цветами – но он без власти. Я рад, что здесь и город большой, и со-бор прекрасный! Келья, все остальное и лепту дают. За все Всевышнему благодарение. Погода тут прекрасная – «бабье лето»!

Да у Вас тепло еще и сидите ту... дónдеже облечетесь свыше, а мне кажется – лучше нет места, аще сердце не болит.

Всего, всего доброго!

Мир и привет. Святых молитв на проскомидии прошу.

Е. Иосиф.

Сашок уехал в Москву на съезд ударников-строителей.

17 сентября, 1956 год.

Привет, Лентяй Владимирович!

Спасибо за письмо!

Мыслишь хорошо – желательна реальность мысли подруги жизни. Дай Бог, чтобы «судьба» – сама явилась, как «вешние

воды»! Да, да и да, чтобы мысли ее – не пошли бы в разрез с мыслями мужа и матери! Ах, это счастье дается только с неба! Но небо нам говорит: «Просите и дастся вам.» А поэтому будем молить благодатное Небо дать р.б. Борису то, что ему уже суждено Небом!

Так хорош Таганрог вообще, а по сравнению со здешним городом – как небо от земли... Да еще плюс климат! Живите всю жизнь дома в своем хорошем доме!

Так на хорошем месте ваш домик! И в тиши относительной, и близко от центра, и тем более базара, и храма для мамы. Этот храм – вся моя (почти) история с 1917 года! Теперь в этом храме тоже хорошо и благолепно, но той живости нет, что было в те дни, когда жезл подавал некий Боря...

Но здесь я себя чувствую счастливым! Я же вам вид собора уже прислал? А? Отвечай! Уже приглашен фотограф, ждем солнечного дня, и я снимусь в облачении и мантии с жезлом.

Так хорош Собор!

За все Слава Богу!

Да, да и да – я хочу (хотел бы) скоро еще побывать в Таганроге! Погода здесь пока сносная, но цветы мороз уже убил. Так жаль, что к Воздвижению не будет живых цветов. А оранжерей и парников здесь не понимают. Кацапы и сибиряки! Часто-часто служу и всегда проповеди говорю: всем здесь все нравится! Слава Богу!

Будьте все в семье здоровы, счастливы, дружелюбны и радостны! Мир вам, мир вам и многолетие! И ко всему еще я здесь обеспечен Святейшим.

Е. Иосиф.

24 сентября, 1956 год.

Так, дорогой Витя, наслаждаешься теплом и южным солнцем, а мы здесь уже не раз по утрам повстречались с морозцами... Георгины и астры все побиты уже... Массами возвращается молодежь с целинных полей по домам – заканчивать учебу! Дожди, дожди и холод говорят о том, что и в этом году второй раз будет зима – холодная, ка-захстанская, с буранчиками! А я говорю: «Да здравствуют печки, дрова и валенки – и зима не страшна».

Весьма приятно провел я несколько дней в Таганроге. Тактика требовала не задерживаться, т. е. наша система – народ постарше. Ах! Я же желаю всем, всем и старшим мира и любви Христовой.

Дай Бог тебе, Володя, иметь свою собственную семью – удачную! Надо быть внимательным тогда к жизни и [ко] второму лицу – жене. Это закон! Семья – вещь не легкая, и повыше монашеской! Там один, два, три подвига надо нести, а здесь море подвигов...

Так будьте же все дома здоровы! Жду любимого Воздвижения – но цветов на Кресте нет – мороз пожрал!

[...] За все слава Богу. Часто говори – нервы не распускай и береги.

Только фото будет – пришлю.

Петропавловск. Е. Иосиф.

9 января, 1959 год.

Василию Харитоновичу привет, спасибо за приветствие и с днем (вероятно), Ангела!

С пожеланием всего того, что предназначено уже давно самим Богом!

Хорошо прошел у нас праздник Рождества Христова. Сегодня, в третий день, служил в кладбищенском прекрасном храме при море голов с Богом положенными мозгами. Доволен я!

Немножко послужите, где служите, а потом разного вида будут виды по Вашему желанию... Мы ведь от Бога поставлены вертоградари!

Завтра, в субботу, едем в Кокчетав. Недавно был в Караганде у о. Архимандрита. В те дни сына второго у Саши крестил.

[...] Мира и взаимопонимания и терпения христианского всем в Осокаровке от Бога молитвенно желаю. [...] Всем мир и многолетие!

А. Иосиф.

10 марта, 1974 год.

Воистину Христос Воскресе!

С Пасхой сердечно поздравляю с теми же пожеланиями, что Вы пожелали мне.

Желаю всей семье вашей мира, домашнего покоя и долгожития на земле. Мир вам!

[...] Здесь я уже тринадцать лет. Уже закон природы манит в другой мир... Но пока на своем служебном месте чин-чином!

Погода здесь таганрогская, хотя и лед висит над городом. Но все же досужие старухи нет-нет, да и скажут: «Климат меняется!» Живя здесь долго, и я замечаю насчет климата, не будучи астрономом, что что-то есть: или идет ремонт в законах Солнечной системы, или только меняют запчасти мирового аппарата?!

Не хворайте все в семье!

М. Иосиф.

На Казанскую осень, 1974 год.

Итак, уважаемая Параскева Ивановна, так возлюбила мир, и мир ее, что она и по сие время между нами и с нами!

Пусть Господь даст ей терпеть нас и нам ее долголетие!

Я мальчиком еще был, а она была мать семьи! Я помню ее материнское переживание в потере сразу трех сыновей: Васи, Саши и Вани... Шла Литургия, и дубовый гроб стоял, а мать доплакивала свои материнские слезы! Это было в Варваринской церкви, хотя и было лето. А Господь знал про эту семейную драму – и как будто молчал. Да, молчал, и видел, и знал все! Да будет воля Его. А три сына Параскевы Ива-новны – в Раю...

Вот если бы и мы это видели, и иначе мыслили, и иначе говорили, и иначе верили.

Но так нельзя! (Нельзя для Бога и [для] нас, людей.)

А тут вдобавок всего – на Троицу пожар на Луполове!

Поверим Промыслу Божиему и поверим тому, [во] что пока трудно поверить человеку!

На одре маме лежащей и вокруг стоящим родным ее – наш поклон!

Митрополит Иосиф.

Поклон батюшкам Борисоглебским!

Письма в Могилев

1961 год.

Всей семье Параскевы Ивановны сердечный привет!

У вас, вероятно, вот-вот зима? У нас все тянется золотая осень! Листья все по-желтели или покраснели. А в горах все, бывшее зеленым, покраснело и листья летят на город, как снег. А ночью выпавший в солидных размерах мягкий, как пух, снег днем превратился в чистую воду. Здесь только одна снеговая вода весь год в городе. Приятно купаться, стирать и, особенно, мыть голову.

[...] Мне покойная мать удружила ненужную охапку хлопот с домиком... Хозяева же на Мышаковке! Она тому завещала, кто обеспечен этим, как и самой, в свое время, смертью... Она не любила вообще родных... А от своих родных не убежишь! У матери был характер женский во все 100 %. А женский характер должен быть немножко с примесью мужского и мужской необходимо с некоторой долей женского! Закон таков психологии!

Мы вокруг себя видели на 2-Кожевенной улице характеры мужей и жен в такой мере, как сказано выше... Иначе – нельзя! Сумбур получается!

Заканчиваю в своей домашней церкви по матери сорокоуст. Сам служил ежедневно и пел рано утром ночной сторож. А в 9 утра уже начинались занятия Епархиального Совета и прием... Церковка дверью выходит в приемный залик. Лично имею крошечные полторы комнатки.

Сейчас новый налоговый порядок в нашей системе. Всем и всеми я всегда доволен, и мне всего хватает.

За все слава Богу!

С приветом и поклоном А. Иосиф.

18 июля, 1963 год.

Дорогой Николай Иванович!

Приветствую Вас и всех чад Ваших, и чад их!

Помню местность, и даже расположение дома, и в доме! Вероятно, ныне к Днепру по лугу настроилось еще много жилища? А?

Недавно я был у Патриарха в Одессе, где его от лица епархии приветствовал с его пятидесятилетием архиерейства, поднеся ему св. икону. Мне же Патриарх пожаловал, как почти самому старому по хиротонии архиерею, орден св. кн. Владимира I степени.

Одесса благодатная с целебным морем... Там великое множество курортников, «чающих движения воды»! От Алма-Аты до Одессы лету немножко более 7 часов с пе-ресадкой в другой самолет. Самолеты летят, обгоняя самую молнию!

Но и благодатная Алма-Ата тоже тепла, приветлива и мила! Привет на Луполово и Завалье! Завалье летом – Швейцария... А Луполово – как и было...

Всего доброго! Привет!

А. Иосиф.

Семье Таборанских в Новочеркасск

30 января, 1963 год.

Привет всей Семье с матерью во главе, а отцу – особенный, почет священный! Привет из художественной Алма-Аты!

Сейчас засел я писать – на святочные письма и поздравления любезно отвечать... Мир вам всем! [...] Как здоровье старших и настроение младших в семье? И здоровье, и настроение у меня на 4! Хватит пока!

Старые педагоги в мое юное время говаривали: «На пятерку знает только сам Господь Бог, на четверку – преподаватель, а на тройку – все гуртом ученики». Но есть ученики почти и как сами детоводители – преподаватели – учителя и наставники! Талант!

Слыхал здесь и из газет, что и у малышей на сердце ныне смело делают операции врачи – хирурги! Ура!

Не хворайте!

Не старейте!

Не спешите...

А как святитель Ваш здрав и святки совершал?

В текущие дни все вспоминаю келью в Ленинградской, и те дни... и после них столь длинные мечты!...

Вот-вот и Мытарь с Фарисеем на мировую сцену опять предстанут, и хор «покаянием» утешит нас, а там – скромно, в лице сына блудного, немножко упрекнем себя и за блины

возьмемся... А для того, чтобы от перегрузки «чего бы не случилось», святой Ефрем в молитве и поклонах – лекарство нам подаст!

С таким настроением грядущие ежегодные события встречаем и вам того же искренно желаем, и просим принять от нас великопостные прощальные поклоны: бух, бух, бух!

С уважением и добрым переживанием, А. Иосиф.

Алма-Ата, она и зимой, как нижегородская невеста, – красна!

1963 год.

Привет и поклон из художественной Алма-Аты!

Так красиво стало уже у нас – дар весны!

Новочеркасцы, да не гnevят Создателя в этом смысле! Но у вас ветер бывает не по месту! Здесь ветров – почти несть!

Итак, отдали Пасху вместе с праздником нашим соборным-храмовым... Красиво вышло все: и начало с трехсвещником, и отпусты только с крестом...

Хор у нас – что опера, но опера – божественная!..

Розы быстро бутоны наливают, но вряд ли к Троице Святой поспеют. Это у меня, а пониже и подальше от склона гор – потеплее, и там, вероятно, уже к Пятидесятнице расцветут!

Скворцы уже обзавелись семьями с чадами... Кричат детишки птичьи еще до восхода солнца. Вероятно, как и людские дети: «Мама, мони, мама, груди»... А что по-старше дети скворцов – держат рты, как кувшины, и ждут еды. Бедные родители птичьи! Ведь так трудно насытить ненасытимые рты птенцов!

Мы посыпаям крупу и крошки под деревьями, приглашая родителей брать готовое уже без полетов. Но родители наскоро отвечают: «У нас, как и у вас, детям – детское, а взрослым – что попало. Ваш же человеческий Апостол Павел говорит вам, что детям – пища требуется мягкая...»

Бедные матери-скворчихи еще, бедняжки, и кошек боятся, этих лакомок до свежей дичи! А воробьи – всегда воруют и лукавят...

Наш пес Дозор требует прогулок, но кто с ним будет по улицам ходить и на цепи его водить? Тогда на всей магистрали,

на проволоке, по которой собачья цепь ходит, в двух концах задворья – в двух местах поставили Дозору кормушки и в равной мере пищу кладем: и вот, гоняя воров-воробьев и иногда даже почти благородных скворцов, синиц и малиновок, бедный пес бегаёт от кормушки до кормушки, гоняя воров – птичек! И этим самым получается для Дозора моцион!...

Получил я третьего дня Указ от 12 мая о награждении моего смирения Его Святейшеством, в день своего юбилея пятидесятилетия Архиерейства – орденом Св. Князя Владимира, первой степени. Орден церковный, конечно!

А я помню приезд в Россию патриарха Антиохийского Григория и его встречу в б. Петербурге, речь при встрече А. Антония, которая весьма большой уклон имела в сторону потери Россией при Петре Патриаршества!.. Его служение в Новгороде и сама хиротония молодого настоятеля и ректора семинарии – архимандрита Алексия. Эти исторические справки я внес в свое слово в день юбилея Патриарха перед молебном... Вышло (говорят) красочно, как будто бы это все вчера или третьего дня было!

[...] Такого уже больше Патриарха «пока не будет»! Ведь великие люди рождаются довольно редко!... Сие закон божественной икономии: «Одним мыслить и писать, а другим – возделывать и копать...» О, закон, закон – так он справедлив, как и сам Создатель внутренних законов, инстинктов, и естественных потребностей!

Сию хартию рвать или в Новочеркасск сдать? – сейчас я подумал и решил – покраснеть от нескромности немножко, но все же послать!

Ура! Многолетие!

Мир Семье Вашей и возвращение здоровья Матери семьи!

Мир Отцу и примирение с ошибкой – ухода из алтаря!

Мир чадам семьи домашним и дальним!

А.И.

Да успокоит Отца-старца одно великое, существующее мистически: Промысел!

Пяток на блинной седмице, 1964 год.

Все дорогие в Семье – вам мир и здоровье!

Хотя и «Авиа», но все же В. [еликим] постом получите сию хартию. Поздравляю!

7, 8, и 9 марта служил в Караганде. Там два храма. Доволен полетами туда на чудеснейших воздушных скоростных кораблях. После шести часов вечера, когда мы возвращались в благословенную Аркадию, т.е. Алма-Ату, были вознесены на путь воздушный более чем на 7 км ввысь... Сверху голубой купол, непрестанно хватавший на себя солнечных лучей позолоту, а когда солнце докатилось до края горизонта и вот-вот должно нырнуть в облака – и самолет стал снижаться, и была неопишуемая красота, и вздохи благодарности Вечному Архитектону!..

Вот так и живем, переживаем, и радуемся, и плачем...

Желаю всем в дни св. Четыредесятницы мира, здоровья и радости душевной, хотя бы в относительных формах!

А. Иосиф.

18 марта, 1964 г.

С В.[еликим] Постом! Еду служить Преждеосвященную. Два дня читал канон. Я ведь без слуха, а хор у нас тонкий... бедный регент с мокрой сорочкой... Богомольцев море. Голов, как в совхозе кочанов... Но все головы думают, критикуют, шаржируют злостно и дружески, молятся искренно, молятся программно, и так всегда, и ныне... Праведные праотцы, помолитесь о нас, чадах ваших...

Всего доброго! Всего милого, всего радостного и терпения в Бозе!

Ата.

Мой один не совсем старый Игумен хотел было перейти в Ростовскую епархию. Но, побывав в Ростове и в синаггории, решил – «не рыпаться» ... здесь пока что, между Тигром и Ефратом. Докса Си Кирие, докса Си!

Te deum laudamus!

Ура! Многолетие!

С поклонами и с Пр. Ефремом!

Ата.

10 апреля, 1964 год.

Мир и привет всей Семье с матерью во главе! А все же холодновато у нас, хотя и уже 10 апр. по-Алма-Атински. Вообще, в этом году весна не спешит... Но все же тепло относительно, и кусты ранней зелени, и даже сирень стали подумывать к пробуждению...

Благовещение у нас прошло весьма хорошо. Взяли курс на Вайя... В слове должно будет сказано о том, что эхо «Осанна!» еще отдается, и даже серебрянные «бубенчики» у груди матерей... Но нынешние «бубенчики» уснули и спят... Спите, спите серебряные голоса и на груди матерей, и в удобных колясках – колыбелях! Неужели им суждено проспать и Полнощного Жениха?! Тогда – драма! Вот такие мысли навеваются и хотят сорваться с языка, с вербочкой в деннице...

Не хворайте! Чутьочку хвораю от невозможных и неизбежных сквозняков... Мое лекарство в силе, но не от простуды! А здесь и троичный нерв задело, и его физически с приятной болью слышу. Конечно, глотаю все возможное и радикальное, но мне 71 годик!

Вообще, здесь Едем и для архиерея! На сегодня – хвалюсь!

[...] А.И.

Радоница, 1964 год.

В.В.Х.

Мир и привет скорбящей семье ввиду того, что не всегда господствует правда на земле! Правда бессмертна, но ее не догонишь до того дня, когда станет в полном чине своем – эсхатология! Многие искатели правды – мистики, здесь ее не обрели и ушли в иной мир – ждать торжества правды. Искать правды – можно потерять и самую веру в правду! – сие – *философия*! И без философии – как конь без кнута, хотя и он не нужен ему. Так же и с философией – можно отклониться в дебри...

Так многогранен и опасен всяк человек – от них же первый есмь аз!..

Вы же сидите во граде Иерусалиме... Лучше корочка с водой прозрачной и в желудке всегда пост, но зато свой уголок, и покой, и не нарушение своего природного характера, и привычек, и обычая души...

Пока – Вы перезрели быть на приходе, но не надо было уходить и слушаться коварных ахитофелов ...

Уполномоченный – тоже над собой имеют «потолки»! Коварные ахитофелы часто вводят в заблуждение уполномоченных!

Мир миру, дому Вашему, о. протопресвитер, и святителей не беспокойте больше – когда будет указание Свыше – сами придут к Вам!

И многолетие Вам, и ура!

Из Алма-Аты Ата!

11 ноября, 1965 год.

С приветом всей семье!

Как поживаете и как новочеркасскую встречаете зиму? Мы уже не раз зиму встречали и с потоками воды от снега – провожали, лишь от гриппа береглись...

Все летаем по епархии... Завтра рано утром берем курс на красивый и обмоложенный Целиноград. К Михайлову дню собираемся на пирог в Караганду, там храмовый праздник будет.

Вчера св. Параскева, а сегодня св. Авраамий Ростовский – оба дня служил, и ставленники были. Служил в Крестовой церкви.

Простите за поспешное прикосновение к клавишам машинки, и она так же спешит из-под пальцев плохого мастера печатного дела...

Как ваш ститель стительствует? Я – стительствую вовсю и беспрестанно летаю по бесконечному Казахстану. Это – к годовому отчету стараемся. Везде восторг от нашего посещения храмов. Докса Си Кирие!

С поклоном. А. Иосиф.

Понедельник на Фоминой, 1966 год.

Христос Воскресе! (Воистину Воскресе!)

Завтра Радоница. Наши отцы пойдут на кладбище, совершая индивидуальные литийки...

Завтра служу у себя дома – все еще хвораю пасхальными сквозняками... Пасха вышла на славу в храме и ограде Собора...

Уже совершенно тепло, и деревья быстро облачаются в ризы своя!

Вообще, я доволен текущими днями и бытием, а гриппики – оброки неосторожно-сти...

А вы-то как поживаете? Как Пасха вошла и пребывает в храмине вашей личной и у одра мамки? А, может быть, и она «веселыми ногами»?..

Как жаль, что папка ушел за штат, и более жаль будет, аще соблазнится поехать на приход! Пусть сами едут «мастера»!

Желаю всей семье быть здоровой и радостной весной и бытием!

А Господь ведь все знает и видит!

Понедельник на Фоминой, 66 г.

А. Иосиф.

Недавно я любовался хрустальным гробом и яже в нем – в котором проследовал из Венеции на старое свое место в Палестину преп. Савва Освященный. Красиво, трогательно и странно (для наших очей).

Недавно я видел, как Папа Павел нес на Палестинскую возвышенность большой (довольно) деревянный крест, в честь шествия Спасителя Христа на Голгофу. Эта трогательная картина, это «истощение» папы – весьма умирительно... И припомнил я «Царя Иудейского» вел. Кн. Константина и Агасфера Христовых дней... У вел. Кн. Константина были и сердобольная Вереника, и плач женщин, а здесь этого не было.

А в теперешней Керчи еще нашли древности начала христианской эпохи, время ап. Андрея! Хвала кропотливой и настойчивой Археологии!

Всего доброго всем вам и многолетие!

А. Иосиф.

27 апреля /10 мая, 1966 год.

Честнейшей Семье иже в богохранимом Новочеркасске, привет!

Сегодня день Ангела Главы Семьи. Помню этот день в зеленой и интересной, но тихой Умани... Сегодня, вероятно, будут лица тоже «окрест трапезы твоя?» Да, будут!

Так хорошо уже, вероятно, у вас в Новочеркасске, как и здесь уже?

Имениннику здоровья желаю с многолетием!

Вчера здесь с гостем, о. Сергием – папке ударили телеграмму. О. Сергей пребывает здесь по делам своего благочиния, в котором, и как по всей Руси, бывают от иереев бесчиния...

Готовлюсь к отданию Пасхи и Вознесению Господню. А у вас в день Вознесения, вероятно, будет служить ваш ститель! (Так и есть: «ститель»!)

Один молодой иерей без иерейской подготовки и элементарных понятий о чем бы то ни было уже пятый год и читает, и говорит, и пишет: «ститель», «бня», «Бца», «стый» и т. д. Вот и я спекульнул тем иереем и написал «ститель» ваш. Не хвораю и весьма доволен, что не хвораю, и что здесь живу в мире, покое и красоте...

Желаю всей семье здоровья и терпения в болезнях!

Всего доброго!

[...] Многая, многая лета и ура!

Алма-Атинский Ата!

Канун Успения Богоматери в Алма-Ате, 1966 г.

Дорогие все в семье!

Вот – вот и еду в Собор к выносу Плащаницы Богоматери, т.е. бдение всенощное совершать... Вот и Успение, и т. д... караул, что так быстро время улетает, перегоняя быстроходные воздушные корабли!

В Таганроге за 70 лет до революции уже совершался чин погребения Богоматери по специальному разрешению Синода(!). Два раза и я участвовал в чине [будучи в сане] иподиакона и иеромонаха, а во дни обновленчества само собою этот чин перешел в Никольскую Православную церковь вместе с некоторыми прихожанами, и там я этот чин совершал начень от иеромонаха и до епископа. Ныне во многих местах этот чин совершается, даже и не в Успенских храмах, как и здесь. Чин этот богомольцы везде любят и ждут, и здесь особенно... Массу цветов приносят в Собор и известную часть я забираю к себе в храм и в столовую.

Как поживаете и здоровье мамки и дщери? Как Ваш Ститель? Как вы все?

Желаю здоровья и прекрасно проводить сентябрь – октябрь, которые в Новочеркасске были весьма хороши!

Здесь райский климат.

С миром, архиепископ Иосиф.

4 октября, 1966 год.

Наша семья в Новочеркасске!

С приветом и с ответом: спаси Господи за письма!

Как здоровье матери и дочери? Последствия всяких болезней – хуже самих болезней.

Вечером на Воздвижение меня посетил грипп и хвораю еще понемножку – дохварываю дома. Но у нас прекрасная погода, предвещающая золотую осень и в городе, и в горах.

В субботу о. Сергей именинник и до Иоанна Богослова он здесь пробудет. Служит только в Крестовой церкви.

В воскресенье, на Иоанна Богослова, в 4 ч. утра едем на ЗИМе в храм за 250 км. в Талды-Курган одним днем.

Простите за грязную работу, ибо спешу и себя смешу.

[...] Как ваш ститель?

Я – стительствую и весьма рад, и счастлив пока.

Много еще роз в городе и в ограде моего дома, но скоро ранний морозец несомненно их посетит и смирит.

Городские площади тонут в канах – цветах.

[...] Весьма рад я, что нет вопиющих и просящих священника!

Желаю всем членам вашей уважаемой Семьи здоровья и в болезнях христианского терпения!

[...] Так жаль, что Ваня Азовский утонул! Да будет воля Господня!

Так свободен всяк человек в своих действиях и решениях, а в трагические последствия принято говорить: «Да Будет воля Божия!»

Один бывший благоговейный иеродиакон «подружия поят от мира», и, будучи изгнан из храма Св. Екатерины, с «подружием» прибыл ко мне в Петропавловск еще... Когда я его стал журить, он мне ответил: «Так Богу угодно»(!) Я ему ответил: «Так ли?»

Его определили тогда в Караганду псаломщиком (голос у него – тенор прекрасный), но и там он не ужился и работать в

шахте стал, и я его потерял из виду... Почему это я вспомнил через много лет – трудно и разъяснить самому себе!

Мир вам и здравие!

А. Иосиф.

2 ноября, 1966 год.

Привет из Казахстанского областного Актюбинска.

Поклон всей семье!

Вот мы раскатались и в прохладном Актюбинске оказались с апостольским визитом... Град большой и труб много... Но наш цех – скромн здесь... И этим пусть будут довольны! Вот Семипалатинск – совсем другое дело: и Иртыш, и собор, и многое археологическое красивое...

На 13-е нояб. полетим, вероятно, в знаменитый (ныне) Целиноград, а к Михайлову дню – в Караганду.

А в Алма-Ате еще во всей красоте золотая осень, и досадно ее покидать всегда, хотя и на малый необходимый срок по службе.

Так и живем, так и стареем, и доживаем свой срок земной.

А как ваш ститель?

Всего всем в семье доброго и терпения в немощах!

Машинка всегда с ризницей грядет за нами. Свита в 5 чел.

А. Иосиф.

Караганда, 20 ноября, 1966 год.

С приветом из деловой и богатой Караганды!

И дела, и храмовый праздник Св. Михаила нас привлекли сюда. Здесь похолоднее, чем у вас и у нас, но своя деловая красота града – пленяет всякую душу, спешащую к труду! Таков здесь дух! Здесь два храма и море богомольцев...

С лучшими пожеланиями и здоровья желаю всей вашей семье, Анисия Степановна!

А. Иосиф.

Декабрь, 1966 год.

Честнейший о. протоиерей Симеон Григорьевич!

Спасибо за траурное сообщение о кончине Ангела Ростовской церкви. Мир душе и телу его до дне «Чаю Воскресения мертвых!»

Конечно, Вы освежились и обновились у гроба пр. Сергия!

С преддверием предпразднества Р.Х. поздравляю. Буду, вероятно, служить на праведного Симеона Верхотурского, 20-го и 22 декабря у себя дома, а там и начало святок, и целый ряд служб в Соборе и других храмах.

16-го декабря за № 350 «Известия» утешили меня тем, что на берегах Каспия Гурьевской обл. археологи откопали древний крестообразный храм еще до-магометанского периода! Летом, еще Бог изволит, туда отправлюсь «по-епархии»...

Привет всей семье Вашей с наилучшими пожеланиями!

Целый ряд Божьих служб вчера вечером закончил: св. Варвара, пр. Савва (воскресение) и сам св. Николай.

Много выпало снега и морозит весьма все дни, но ветра нет, и весь снег лежит на ветвях и калечит деревья.

Вот так и живем, и радуемся, и сегодня дома пели гимн Святителя Амвросия!

А. Иосиф.

Не датировано.

Дорогие все в семье с мамкой болящей во главе!

Напокойникам святителям, протоиереям и иереям – идеальнее келейно вздохи к небу посылать...

Привычка и самый образ служения иерея – вне алтаря – всегда сердечко неисцелимо ранить будет и ранит... Тогда – келейно, тише будет на берегах бурного моря – сердца иерея – молитвы Богу воссылать...

Но я у печки в Кокчетаве более двух лет – прекрасно простоял во время служб церковных!..

А у вас такой уют и тишина в келейно-семейной обстановке!

Боюсь, что это письмо окажется у вас раньше недели блинной и о новом рецепте уже боюсь фантазию писать... ТО – была святочная фантазия!

Да кто же в XX веке лечит изжогу огуречным соком и купоросом?

Да кто же лечит сердечные недуги стаканскими порциями «Оле – маслом»? Но это масло не потеряло и не потеряет, вероятно, своей силы еще три века – лечить ссохшиеся сапоги.

Кто сахаром мелким бельма лечит, как не дикари?

Кто же керосином глистов собрался выгонять?

Вот такие рецепты я видел в мире и переживал в глубокой древности на родине моей!

Но ныне свет воссиял медицинской науки – поклонимся мы ей! И все древние рецепты старух самодовольных отправим на страницы безжалостной сатиры...

Но тайна одна еще не разрешима в этом мире: таятся рецепты симпатических средств!

Во всем мире и дома у нас на Родине Святой да процветает истинная лечебная наука – ЕЙ – У Р А!

Алма-Атинский Ата.

Спасибо за святочное письмо и желаю не болеть!

21 апреля, (год не указан).

Все дорогие в семье!

С днями Христовых Страстей всех поздравляю. Страстей человекоспасительных!

Спасибо за доброе письмо!

[...] Баночки и горчичники в моде сейчас у меня... Собираюсь к Вербному баночки разбить, а горчичники – в печку!

[...] Вы осенью смеялись на достижения моей лаборатории, что, мол, «касторкой сердце излечил». Касторка, или [неразб.] – есть только как бы канва для узора, и та вме-сто молочной сыворотки, благодаря великому множеству православных постов. Сущность же в чесноке, змеином выделении и скорлупе яйца крошечной птички пеночки.

С уважением, архиепископ Иосиф.

Не датировано.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Дорогая Анисия Степановна с чадами и чадицами!

Всем привет пасхальный шлю! Всем желаю радости и здоровья! Не хворайте! Винцо местное с кипятком ради здоровья попивайте! А там и на пироги к 27 апреля не забывайте: дрожжей и жира не жалейте, и именинные пироги будут счастливы... Скоро служить паки и паки будете! Раньше, чем следовало бы, в старики–пенсионеры записавшись, теперь тонете в скорбях... И мастеров тех – стихия времени уже разметала... «Мне отмщение, и Аз воздам» – говорит Слово Божие. «Мастеров» – епархиальных работников на ниве ошибок...

Мир вам и домашняя радость, и покой!

Вот я расписался и разболтался, а впереди –
Преждеосвященная! Я доволен и весьма рад всем и всеми! Я в
раю земном здесь: и в Соборе красота, и люди здесь все весьма
хорошие всех возрастов и настроений! Недаром отсюда по-
хорошему никто не уходит, а приходится – как пробку из
горлышка шумящего вина!

Всем-всем и вам многолетие и ура!

21 марта, (год не указан).

Мир и привет!

А завтра день Православия! Помню этот день полсотни лет
тому назад! Было торжественно, и юной душе страшно, и слух
трепетал! Но и сам я совершал [этот чин] до орлеца и на орлеце,
но уже было, что пирог без начинки!..

А ныне и «пирога» несть, а просто обычный воскресный
молебен, но с «многолетием» и «во блаженном успении»...

У нас уже давно подснежники! Доволен всем и всеми! – сие
ныне редкое явление, но факт!

Желаю здоровья всей семье и Виннице.

Сердце уже не болит у меня до времени!

Вспоминаю тихий, военный, учебный Новочеркасск! Неужели
и поныне гора, что от вокзала, все еще устлана крупным
булыжником!

А папку ловко спровадили «специалисты» уйти заштат! И
сами ушли вон! Ура!

А как Ститель стительствует, особ.[енно] постом? А ?

Прочел на первой канон я и две Преждеосвященных. Хор
все службы пропел ху-дожественно и стильно!

Скоро еду на всенощную и завтра предполагается Б.
[ожественная] Лит.[ургия]. Вечером не буду на сей раз служить,
ибо здесь пассии со второй нед.[ели] (!)

Церк. советы и причты – фронтов не снимают в некоторых
приходах, невзирая на всю мистику церк.[овной] Триоди! Караул!

Эсхатология!

Поклон!

Ата.

Алма-Ата, 1967 год.

Ваше высокопреподобие, досточтимый о. протоиерей!
Христос Воскресе!

В этих двух словах – сущность Христианства, его жизненность и радость. Да посетит наши сердца эта Пасхальная радость.

Вашего преподобия во Христе собрат и сослужитель, Иосиф, архиепископ Алма-Атинский и Казахстанский.

1967 год. На день памяти пр.[еподобной] Пелагии.

Всей уважаемой семье мир и привет!

Паки и паки своды храмов Ростовской епархии, и слух посетителей стали оглашаться новым именем нового святителя – старца Илариона! В таком случае и многолетие, и мирское ура!

После белокаменной и погребения старца иеромонаха-академика простудился от великой жары в храме... Потеряли доброго духовника, в первую очередь – местное и окрестное духовенство! Он был милостив и все всем прощал, и радовал сердце скорбящее...

[...] А архиепископ б.[ывший] Ростовский Сергей умер недавно в Ярославле от инфаркта. Его сорокалетний юбилей почти никто не признал и главное – Патриархия... Так принял он всю эту суету к больному сердцу! Он заботился о могилке своего предшественника в Таганроге а.[рхиепископа] Арсения! Мир духу и покой праху его!

Сегодня день пр.[еподобной] Пелагии дома служил.

А. Иосиф.

1 ноября, юбилейный год на Руси – 50!

Мир всей семье и покой духа, а телесем исцеление или терпение!

Ваше любезное письмо сейчас получил. Спасибо за пожелание и молитвы несомненно! И мы вас всех часто вспоминаем у Престола в соборе.

Так торжественно выйдет у ростовчан встреча долгожданного и у Бога испрошенного Архиепископа! Да будет все по глаголу Вашему...

Да исправит Господь стопы отца Симеона! Да дарует матери терпения и многолетия – еще молиться, и терпеть, и утешаться болезнью!

Я не хвораю, а простуда – есть только простуда, хотя она в наши дни любит долго гнздиться в старом теле...

Готовимся к важному событию – 50-летию нового бытия на Руси! Послания получены из Белокаменной, [...] и все, все готовит собор: как пение, так и ризницу, цветы, вино и пироги!

На Иверскую у себя служил с хориком и половиною городского духовенства. Да, да, и кубки, и пироги, и вино, и многолетия...

Да порадуемся жизнью, что мы ныне имеем (имею в виду себя и священное окружение)... Так светло на душе, в храме и дома!

Спасибо за святые молитвы – все ведь «не фортуна, а Промысл»!

Мир мног вам всем паки и паки!

Мир Богоспасаемому граду Ростову и ура!

Алмаатинский Ата.

28 ноября, 1971 год.

Душа ея во благих водворится!

Уважаемая осиротелая семья! И пришел Ангел смерти, и совершил указанное... А Ангел жизни в свое то отдаленное время нес душу Анисии в объятиях своих, как ясно поет нам Лермонтов... «По небу полуночи ангел летел...» Вот и завершен акт души полета и отлета! Молимся о ней и помолимся... Соболезную весьма и весьма, зная уклад жизни вашей семьи. И как, и кто хоронил и хоронили?

Желаю предаться воле Господней и самим помнить о исходе своем! Здоровья желаю отцу, и дочерям, и внучке! Всего доброго и всего покойного, и здравия паки, и паки желаю! Мир вам и дому вашему!

Живу и служу, и посещаю, и рукополагаю, и на места новых иереев отправляю – указами и приказами снабжаю... мир им!

И у вас, вероятно, осень золотая так же тянется еще, как и у нас?

У нас прекрасная погода и солнце сердце веселит, а ночью луна таинственно наблюдает покой здравствующих людей и усопших во гробах!

Так таинственно в Умани луна освещала Олегову могилу тогда! Так трогательно мы тогда Олега провожали через весь град. И моя личная смерть в те дни над крышей витала – но душу мою изъять тогда ей права не было дано... Готовился белый в Алма- Ате клобук! О, Божий промысл!

15 декабря, 1971 год.

Траурная семья!

Письмо ваше ныне получил. И не представляю семью вашу без мамки! Не представляю себе! Но надо смириться перед законом законов... И мне страшно делается, когда вспомню о своем исходе... И Сама Богоматерь, как говорит Предание, страшилась часа исхода!

Готовлюсь к Варваре святой и Храму св. Николая. А сам – гриппую... здесь ходит грипп. Это дónдеже установится зима, а пока золотая осень!

[...] Мир и покой дому вашему, и привыкнуть без матери!

Молимся! (о ней). Молимся! (и о вас). Св. молитв и сами усердно просим! «О еже избавиться от новой моды гриппа!»

Да успокоит Отца – старца одно великое, существующее мистически, – Промысел!

А. И.

12 января, 1972 год.

Таборанской Раисе Семеновне.

С миром и приветом осиротевшим!

Дорогие отец и дочери!

Таков закон рождать и забирать обратно... Таков закон «дарования земного спасительного пути»! (Вл. Соловьев).

Мы вас все поздравляем в храме... когда я у престола – есть время вспоминать то и тех, что прилично тогда...

Уладились ли страсти в Ростове относительно болезненной перемены Святителя? «Болезненные перемены!» Так они болезненны и убийственны, эти перемены архиереев!

Что значит «свобода» – что и не вмешивается столь реально (как будто бы) Господь? Но мы же чувствуем и знаем – реальность Бога среди нас, но прикровенно для веры воли людей...

Такие мысли навевают, когда я вспоминаю усопшую Вашу мамку, вот-вот она именинницей будет и ее душу будем поминать, и вспоминать, просить в молитве ей духовную отраду!

Беспрерывно служим, ездим, летаем, говорим и устаем, отчаянно старея и дряхлея... красота бытия!

У нас здесь сочельник привел вологодскую зиму... Все то, что рисовала на листьях золотая осень – сметено и обдуто ветром! Но дети так рады и в восторге от зимы, снега, саночек, и в снегу кувыркания, и красные, как морковь, носы!

А Блаженнейший Иоанн?

Я доволен всеми и всем!

Ныне без монашеской философии не показывайся на кафедре... Ныне монашество без философии – самообман! И философия голая – шутки ада... И христианство без Христа – беда!

Всего доброго и мир Вам!

М. Иосиф.

27 января, 1972 год.

С приветом и вот-вот с предпостными днями!

Уважаемые сироты!

У нас в этом году держится мороз с первых дней святок и, вероятно, будет и до самого Сретения. Но здесь после Сретения начиналось всегда уже дыхание весны.

А како будет в лето сие, пока умолчим по заповеди: «доблие молчание, паче ниже ткати слова и мысли протяженные!»

А что и где делает сегодня матушка Анисия Степановна?! Они же там, отцы наши, не могут пребывать в забвении, и замирании, и «спячке!» ТАМ, вероятно, души умерших, пребывающи по своим духовным рангам святости, или бывшей на земле антисвятости – что-то переживают, что-то мыслят, как-то изливают свои чувства: «правильно держала себя душа на земле» или: «о, горе, горе, а я полагала все иначе, да и мало занималась тем, что ныне есть в действительности! Ой, Боже! Сердцеведче!»

Это мотивы «чистилищные», конечно, но как то немножко укладываются у нас пока...

А сейчас, вероятно, возрадовалась душа Анисии Степановны в минуты моего пи-сания и в минуты, когда будете читать это письмо! Господь весть! Помяни рабу Твою!

Если даже и так о покойниках мыслить – им уже приятно и [это] их душу возво-дит о нас, сущих на земле. Это наши здесь земные мудрования, а в Свящ.[енном] Евангелии сказано все точно.

Слава Ему, сказавшему и показавшему нам Свой свет.

Паки и паки с приветом!

А-Ата. М. Иосиф.

Март, 1972 год.

Христос Воскресе!

Всю крошечную семью Вашу с Христовой Пасхой поздравляю!

Мир и привет и паки – Христос Воскресе, Таборанские!

Здравствующим многолетие... усопшим мир и покой до «Чаю воскресения мертвых!»

И у Вас, и у нас – подснежники и фиалки...

Прекрасно, когда на уходы и приходы старост в храмах – не вмешиваются иереи... тогда тишина и нет газет...

У нас вечно здесь идет холодная, а иногда и горячая война среди ц. [ерковного] совета и др. мирских лиц, но духовенство в стороне и – все в океан со всем мусором града.

Учтем сие за святочные афоризмы...

У Вас владыка мудрый и энергичен – утолить огни сердец!

Да, прекрасный Новочеркасский Собор!

Я им любовался еще в 1912 году!

Мир Вашему граду!

М. Иосиф

Мир жилищу вашему и Виннице пострадавшей!

29 декабря, 1972 год.

С Рождеством Христовым, дорогие Отец и Дщерь!

Паки и паки святочное письмо вам пересылаю через нашу аккуратную почту!

Живите, радуйтесь – хотя бы в скорби!

Я – живу и радуюсь в море скорбей, не от личной митрополичей жизни, а от неразумных некоторых освященных

лиц... Такой стиль!

И с Новолетием, и с Р.Х.

Паки и паки, и паки.

[...] М. Иосиф.

Суббота блинная, 1973 год.

С Великим постом!

Дай Боже здравия отцу и дочерям и внучатам!

Вот и Великий пост! Вот и св. Андрей Критский со своим неподражаемым каноном! Слава Богу!

Мы: живем, служим, читаем дома и говорим в храмах. Погода на душе – уже весна, а на улице – сырость сопливая и немножко гриппоносная... Довольны мы всеми и всем!

А «чудесное средство» «лечить сердце касторкой» – еще применимо и целительно... Да, да – туда во время приема – немножко хлебной соды.

Вероятно что-то с газами? Но художественно, смешно и целебно 50 лет!..

А самому в июне 80.

Ваших южных новостей не знаем и в таком случае таковых и у нас – нет!

Доедаем блины и рыбу: жареную, тушеную, заливную и копченую! Казахи в этой области – поить, кормить – хозяева добрые.

Скворцы прилетели и не совсем по-видимому довольны. Поспешили, хотя у Оперного театра подснежники появились...

«Готов к труду и обороне». Т. е. служить и воевать через слово Божье с бесами... Г. Т. О!

Но к смерти готовиться реально еще – лень! А пора бы!

М. Иосиф.

20 июля, 1973 год.

Проходит образ века сего!

Мир и ослаба, и сильная вера дому Таборанских!

Ваше письмо получил. Спасибо!

Вернулся вот-вот с десятидневной поездки по епархии. Долг службы требовал: в Караганду самолетом – 5 дней жил и 6 служб. Из Караганды – в Целиноград 250 км машиной – 5 дней и 5 архиерейских служб.

Домой – самолетом... Устал!
Завтра в городе храм – Казанская.
Воскресенье в Кафедральном соборе и 80 лет! Караул!
Пока служу и говорю. Вам обоим и в Винницу мой привет и пожелания здоровья!

М. Иосиф.

Новостей московских неслышно, но затребовано на каждого священнослужителя 3 листа с характеристикой.

2 листа в Москву, 1 лист в личное дело.

В чем дело? Бог весть! Помолимся!

Мамке – мира и покой, и радость от Бога там...Там...Там!

Ой, страшен «там»!

Помолимся и поговеем.

М. Иосиф.

31 июля, 1973 год.

Уважаемая и Преподобная Семья! Здоровья просим Папке и Дщерям и внучатам... Спасибо за письмо умильное... И вас умиляем и ублажаем, и молимся о здравии вашем!

А у вас новый Святитель! Мир ему в безмирном Ростове! Просим ему здоровья и мирного пребывания на Дону!

И сами поосторожней хворайте! Мы тоже хворать не прочь, но в меру, для души – лекарство некие недуги...

Вот на днях у меня храм.[овый праздник] пр. Серафима. Это крестовая ц. «И проходит образ века сего!» О Таинство и тайна, и страх, и надежда... Многие хотят и ждут! Многие, упившись интересами земными, думают найти новые, неожиданные интересы в мире загробном! Да, это так, но надо «Мemento морэ...» Без этого лозунга – будет печаль и вздыхания в местах «ожидания»! – Ожидания помощи Церкви и Трубы...

Мы этой идеи учителя и напоминатели прихожанам и себе ... «И себе»! Начать от страха бесноваться или доказывать себе истину евангельскую и усердно успокоения испросить?! Только успокоения и веры, и доказательства: можно и рассуждать благоговейно... «Благоговейно!» – так все это трудно и страшно, и с нами Бог! Благодать Св. Духа да утешит нас! Ищите утешения – другого выхода нет!

Ростову везет на перемену святителей! Мы – уже устарели принести Ростову «здравый смысл о Церкви, Церкви и душе...» Конечно, в реальном смысле. Я, вероятно, буду за Р. отвечать: будучи помоложе – трижды отказавшись... Покойный Святейший и предлагал, и просил, и смолчал... Да и в А-Ате – был бы «тот же пожар»!

Всего доброго и мир, и здравие, и доверие Писанию!

19 октября, 1973 год.

Сия хартия!

Сия хартия говорит, что и нас удивила новость – якобы почил блаженнейший Иоанн.

Сия хартия говорит, что недавно мы вам писали, но забыли, что писали! «Аще семьдесят и тем более осемьдесят»... Хотя «труд и болезнь» пока отсутствуют в теле-си.

Завтра св. Пелагия. Через 3 часа еду в собор (суббота).

На Покров в Покровском храме слово начал говорить с вопля, слез и криков хананеянки...

Завтра – новые материнские слезы у ворот города, но радостно то, что первые слезы были стерты с лица матери милосердием Спасителя при ходатайстве апостола Петра: «Отпусти ее!»...

Завтрашняя мать готовит много слез в потери сына... Завтра Христос с учениками претворит поминальный обед в почти пасхальный у вдовицы. Обе вдовицы слезами выпросили, слезами и благодарили! О, драгоценные монеты – слезы! И порадуемся (в проповеди же) – с двумя вдовицами – устроить похвальная пр. Пелагии...

Материал художественный из божественной мозаики в честь св. Пелагии!

Завтра мой келейный праздник и пирог! Но служу в Соборе ради слова в честь святой. Слово предполагается: две старухи вдовицы и мотивы бывшей блудницы! Святитель Нон, спеши в Антиохию возродить Пелагию! Архидиакон Иаков, заострай трость изобразить житие бывшей Маргариты и ставшей Пелагией! Монахи Иерусалимские, перепуганные неожиданным явлением женского естества во время облачения Пелагии,

знайте, и мы видим нетление ея! О, Троице Святая, как дивно все в твоём творении – слава Тебе!

И хартия сия – пишущему и читающим да будет – да будет радостью духовной и несомненной молитвой – нами почитаемой и любимой – равноангельной Пелагии!

Мир дому Вашему и душам и сердцам!

Мамка Таборанская, до скорого свидания!

А пока – пославим еще конец наших дней в Троице поклоняемого Бога.

Мир вам.

Митрополит Иосиф.

29 января, 1974 год.

Добрейшая Сестра Раиса Семеновна!

Спасибо за доброе письмо. Чудеснейший владыка – прекрасно утешил вас многих – в дни смерти и в течение всех страшных 40 дней – души усопшего... Т. е. и погребал, и все сорок дней, когда душа встречала «неожиданности» в богоустановленном летном путешествии с духами светлыми и мрачными ... Которые всегда имеют претензии, да-же на души праведников!

Да воздаст Спаситель Вашему Святителю и Папе – о. Симеону приснопамятному – «настоящему священнику!»

Январь, 1974 год.

Весьма уважаемая Раиса Семеновна! Приветствую Вас и Ангела хранителя хижины вашей!..

Вам дана духовная красота Вашего земного бытия – молитвами и папы, и мамы... Согласно тому, что я знал и чувствую о Вас – вероятно не ошибаюсь?! Да, да так и есть!

Насчет крестика, вы в тот момент поминальной трапезы могли его потерять, или недостаток характера просящему отказывать. Но слава Богу, что совершилось так, как совершилось! Хотя и добрые Свои чувства держите под контролем разума. А остальное – на пятерку, все правильно!

Ростовская епархия не очень-то и раньше подлюбливала частых гостей и трапез, хотя бы и любви Христовой трапезы – агапы!

Я ведь все вокруг Ростова и в Ростове провел четверть века от иподиакона (с хиротесией в 19 лет) и до Управляющего епархией.

Лучший Святитель ныне у вас...

Дух Святой мог только дать то, что я имел в Ростове, но свобода, дарованная человеку и правителям, иногда творит вопреки желанию Бога! «Свобода!» И да здравствует она на земле, и разум, дарованный Богом всякой плоти... Будет зависимо (и есть!), как человек и правители распорядятся! Чудес ныне Ветхозаветных нет и не надо, ибо сам человек прекрасно различает «все радужные цвета»...

Да, да Крестик и святыня в нем – «фамильная святыня рода Таборанских!»

Надо за стекло, но чтобы – прикладываться.

М. И.

Семье Дикаревых в Ростов-на-Дону и Иркутск

Октябрь, 1957 год.

Дорогой Сережа Владимирович!

Так жезл мой скучать еще не смеет о жезлоносце таковом, как ТЫ!

Своего святителя люби и почитай – как ангелы Архистратига Михаила!

Родителей положено всегда почитать – для долгоденствия твоих времен!

Родителей Твоих родителей – тоже не забывай ТОГДА, когда в кармане СВОЯ копейка заведется...

И нищих не забудь у дверей храма и своего жилища чтобы не быть забытым Самим Богом на жизненном пути.!

И всю родню своей фамилии почитай – так повелевает нам наш закон!

Люби Бога от всего сердца Твоего – и ОН возлюбит ТЯ!

Даст Бог Тебе и разум, и здоровье, и радость вложит в Твое СЕРДЕЧКО!

С лет ранних в неделю СРЕДУ И ПЯТОК возлюби!

Так пост мыслящему человеку необходим – как вода рыбе!

Чаще и чаще к ЧАШЕ ГОСПОДНЕЙ ПРИСТУПАЙ !

Родители, Церковь и Отчизна... – а остальное: дым, пар и вода!!!

Нежная душа издревле – цветы любит!

Возвышенная душа – любит мерцание лампад!

Только глупые дети игрушек и игр избегают!

Желаю: надежды, веры и любви!

Епископ Иосиф

Сохранить письмо до того дня, когда Сергей сам сможет написанное прочесть и в голову уложить.

Е. И.

20 июня, 1969 год.

«Припадая перед бабушкой на кухне, Саня, ожидая блина, жалуется бабушке, как на духу, что папа и мама забывают, что я уже не в люльке сплю и требую от меня «новой дисциплины», которая задерживала бы перелом моего «переходного возраста». Бабушка, подавая горячий блин внуке, сказала: «Потерпи и не раздражай родителей...» Он ответил, утирая горькие слезы: «Рад буду терпеть, а ты, бабуся, почаще блины нам пеки!» (М. И.)

С приветом и спасибо за поздравление и пожелания! Вам, Владимир Федорович с семьей, паки и паки мой привет!

...Говорят из-за трех морей нам, что римский папа вычеркнул сорок святых первого тысячелетия Церкви Новозаветной. Святой папа назвал «бездельниками», а себя с неотъемлемыми ключами Петра которые якобы, Христос передал папам...

Да, папа делок! Интересно, как святые вычеркнутые будут реагировать на папу? Караул! И ура!

Спрашивается: что заставило папу Павла такое дело проделать? Отвечают: «Бес Ватиканской церковной политики всегда не дремал, а ныне на уборочную собрался...

Смятение и рыдание Рахили новозаветной от дел папы!

Помолимся, чтобы у нас были бы в порядке мозги!

1974 год.

Добрейшие супруги, имея маленького дитя Сережу! Спасибо за поздравительные открыточки! Вы, вероятно, уже и останетесь в Иркутске – как посмотрит на это Ваш Сереня?! О, при таком

Святителе как Иркутский голову нечего терять: укажет, расскажет и покажет... А выше всех – сын!

У Сережи, несомненно, характер немножко поответственнее стал перед собой и вами, родителями? Полагая так, зная его пораньше в Алма-Ате. И только одна и краси-вая девочка на него не так посмотрела и в кружевной свой платочек улыбнулась: через 2 часа он уже летел домой на Дон... Девочки во всем мире любят от мальчиков смирение и иногда коленопреклонение! А Сережа? А, а?

Вам виднее, где рыба вкуснее: в Дону ли или в Ангаре... Но видики Иркутска и в зимнем виде привлекают!

И у нас было 25 гр. мороза и сегодня 10, и обещается к Николину дню большой и незнакомый Алма-Ате мороз. Бедные розы!

Пятнадцатый годок пошел, как я в Алма-Ате! Караул и ура! Разумейте и покоряйтесь велению разума и духа! Чуточку хвораю и служу все дни праздников.

[...] Простите за грязное исполнение письма – от слабого уже ума и всего со многими годами.

Мир вам и милость Господа и Покров Пр. Богородицы!

Так трудно ныне что-либо предполагать! Понадеемся, крещеные, на Промысл Божий, чему учит нас маленький мученик Трифон.

Мир граду Святого Иннокентия! Благословение Святого Софрония!

Сереже невеста из Алма-Аты! У нас их много, хоть пруд...

Мир вам!

Думайте, думайте и кушайте свою вкусную рыбу.

Конституция 74. М. Иосиф.

15 июня, 1974 год.

Папа и Мама!

Сейчас я написал письмо Сереже. Ему всякого добра пожелал и разума, и устойчивости характера! ... Да, всякая мать о детях поет и делает: «А Самара городок, беспокойная я, успокойте меня! – Успокоит невестка...

Первую вспышку любви весьма осторожно гасите... Таков мир и человек! И кому же плакать о детях, как ни матери –

понятно!

Но юноши века сего и даже отроковицы – мудрее нас до первых слез... И слезы часто бывают необходимыми, даже рассудительным юношам, мамам и бабушкам! (Но не отцам!)

Всего доброго! Не хворайте!

Алма-Ата.

(Не датировано).

«Иду рыбу ловить – идем и мы с тобою!»

Прошу принять и извинить: спасибо и простите за беспокойство с рыбками...

С приветом из прохладно-солнечной Алма-Аты!

Так хороши были они, и в меру соли положили... Весьма трудное дело: виноделее, соление и табак! Еще труднее дело: монаху сохранить себя в миру, найти ставленнику жену и архиерею секретаря! А кто сильнее во всей подсолнечной? «Никто, конечно, как царь, но вино еще сильнее, а женщина сильнее первых двух!»

(Библейский перифраз).

И хватит шуток с вас!

М. И. – вечный должник!

15 августа, 1974 год.

Дорогие Дикаревы все в семье и Сережа!

Спасибо за доброе письмо! Да, да – Сережа все ваши мозги, естественно, занял! Мир ему и благие пути от Бога.

Я – хожу, служу и еще говорю немножко! До она своих должен служить и кадить, и говорить!

Здесь мир среди нынешнего безмирного духовенства. Вот этот «мир» более, чем 13 лет здесь заставляет от части себя в жертву приносить! Не каюсь, что трижды от Ростова отказался, хоть и духом, и телом родствен ему. Бедные там святители!

Ваш Святитель вас любит и Сережу... Здравие просим ему и вам у Бога, Которого не только идейно и реально чувствуем, и верим! Слава Ему!

Здесь много цветов и мало рыбы. Много овощей и жира животного. Погода – ал-маатинская.

Святейший Патриарх удивился недавно – один протоиерей похвалился своим «вот-вот» юбилеем и «через голову» себе

награду испросил! Святейший начертал: «Впервые вижу это в жизни своей!» Но все же, нисходя к немощам нашим относительно наград, написал протоиерею: «Я бы к Пасхе представил Вас и без «через голову мою!» После такого оригинального события матушка флакон нашатыря вынюхала.

Я извинился перед Святейшим и добавил, что награды лица духовные весьма любят и создали проблему наградную! Бедные Архиереи! Бедный и я – просят, совет наталкивают и своим заштатием пугают!

Мир им от Господа!

Мир и вам от Господа!

М. Иосиф.

Лети, лети, сия хартия в Богоспасаемый и святой Иркутск!

11 апреля, 1975 год.

[...] Брак – великое и святое дело, но жених и невеста должны сами найти себя на мировом рынке! А иначе – нельзя!

А я живу и, вероятно, старею! Служу, как и в божественном Таганроге в те весьма-весьма отдаленные времена!

Здесь много продуктов и кумыс, и молоко, но нет такого топленого в глиняной крынке, что в Таганроге!.. Всего доброго и Ангела Хранителя Сереже!

М. Иосиф!

А-Ата весь год мила!

Заговенье на Петровки. 1975 год.

Милая семья Дикаревых!

Мир вам и священный Владимир у доброго владыки Владимира! Спасибо за письмо! Держитесь и дел, и советов своего святителя!

А Сережа – проблема!

А если бы вы захотели у кого-либо, вроде меня, спросить о Сереже – то только у Чернышевского, который уже раз ответил на коварный вопрос: «Что делать?»

...Дай Бог вам по сердцу вашему и о ребенке, и вообще.

В Ростове, по-видимому, гнездится змей-демон – враг ваш? Помолимся об этом Богу! В Ростове и не знаешь, как себя вести Архиерею: «икономия» или «акривия»? Икономия – задавят... Акривия – война и чья победа?

Почти 15 лет тому назад я в Алма-Ате то же самое встретил и боялся оружие акривии применить и икономии – но мать Мария Таганрогская, как и обещала мне лично, – помогла!

Простите!

А Сережа – проблема...

А Господь поможет.

М. Иосиф.

В Караганду

Преображение Господне, 1962 год.

Священнику Богородичной церкви в г. Караганде иерею Александру Кривоносову.

Честнейшему во иереях о. Александру привет!

Спасибо за доброе и теплое Ваше письмо поздравительное в наш адрес! Не хворайте! Мир келье Вашей и сердцу Вашему!

Я тоже почти не хвораю, но по слабости человеческой – вздыхаю...

Так красива и хороша Алма-Ата!

Так хорош Собор и все, что в нем пока!

Так мне все сие нравится, нравится!

Спаси Господи!

Благодарю!

А. Иосиф.

Алма-Ата.

День Св. Троицы, 1965 год.

Честнейшему О. Архимандриту Кир Севастиану – радоваться!

Вот и праздник Св. Троицы, и лето вступило в свои природные права. Вчера и сегодня утром тонули в цветах мы, и от жары задыхались, но не задохнулись, как и Отроки в Вавилоне иногда...

У Вас, вероятно, тоже было и тесно, и душно, и духотворно праздником Дня сего?

Были у нас ходоки из Атбасара. Спасибо Вам за память! Им предстоит путь через Крайисполком и местные гражданские органы. Мы им пожелали в этом деле не унывать... Мне нужны иереи, но с хорошими отзывами от своих святителей. Беспокойные иереи не дают покоя потом и нам, и другим мирским кругам.

[...] Вносите своими молитвами и опытом мир соседям!

Приветствие и поклон всему Вашему уважаемому причту и труженикам.

Архиепископ Иосиф.

У Св. Параскевы я много лет прослужил в Таганроге, и ныне в дни ее памяти на Престоле возжигаем свечи и кадила.

(Не датировано).

Причту и церковному совету Богородичной церкви в Караганде.

Благодарю за приглашение нас к храмовому празднику! Пока воздерживаемся оставлять свой град... Вероятно – осенью.

С пожеланием духовной радости всем и в алтаре, и вне алтаря! Желаю мира и любви среди священнослужителей, и старых, и малых... О. Севастиана покойного уважая – не ссорьтесь!

Иосиф, митрополит Алма-Атинский и Казахстанский.

(Не датировано).

Дорогие Леня, Саша и вся Караганда!

С приветом из морозной, как и Вологда, Алма-Аты!

Уже два месяца морозы жгут нас и нет надежды на ослабу! Морозы доходят ино-гда до 22!

Мы наслаждаемся «блинной седмицей» и уже готовимся к Ефремовым покло-нам...

[...] Уже разглаживаем ризы черныя к первой седмице В. [еликого] поста!

Весьма и сам интересен Оптинский Иосиф и удачно описан кем-то! Надо как-то начертать что-нибудь и о Старце с Западной ул.[ицы]. На эту тему весь докторат, вероятно, принадлежать будет о. Анатолию.

А пока – да здравствуют еще «языческое солнце» и русские блины!

На день св. муч. Трифона служили у иконы с реликвией по-гречески, и все отчаянно ввали... Но св. Угодник – грек!

Всего доброго паки и паки!

(Большой прилив просящихся из Ташк.[ентской] епархии. Святитель там по времени, но Ахитофел его – караул!

М. Иосиф.

Пасха Христова, 1970 год.

Христос Воскресе!

Уважаемые Иван Федорович, Клавдия Владимировна и вся семья Ванифатьевых!

С пасхальным приветом к вам Алма-Ата! Мир дому вашему и сердцу, и покой мыслей разумных!

Вспоминаю часто ваш дом и порядок в нем, и детей. Да будет Ангел хранитель всегда с раскрытыми крылами своими над вашим домом! Ангел мирный, верный хранитель и наставник! Да будет Ангел хранитель и руководитель вашим детям на жизненном пути, ими избранным, а вами благословленным.

Мир граду Караганде и всем живущим в нем!

Митрополит Иосиф.

Священнослужителям и церковному совету Богородичной церкви в Караганде

17 августа, 1970 год.

[...] Теперь с увещанием обращаюсь к священнослужителям Богородичного храма о том, чтобы каждый из них хранил бы мир и христианское доброе отношение к собратиям – священнослужителям, и хранили бы любовь Христову, и не печалили бы Ангела вашей церкви. Друг друга тяготы и характеры терпите, как иго Христово! И будете великими купцами Царствия Божия!

Кто моим этим строкам не поверит и улыбнется, того отдаю на суд Богоматери – игуменнии храма.

Мир вам, мир и паки реку мир!

Церковный совет совместно со старостой все решают, что им передано в послушание архиерейским собором. Вот мое вам увещание, как малым детям!

Ссите Божию премудрость и Бог будет с вами!

Иосиф, митрополит Алма-Атинский и Казахстанский.

На день памяти божественных отроковиц христовых прекрасных, мучениц Надежды, Веры и Любве, 1959 год.

Честнейшая мать Агния!

С приветом шлем Вам свой поклон из Петропавловска. Спасибо Вам вообще за Вашу палитру и кисть! Мы здесь любуемся Вашими работами и через созерцание их умиляемся духом и, поклоняясь им, – поклоняемся первообразу, начертанному руками Вашего преподобия.

Мир Вам, терпения от Господа и здоровья!

Храни Вас Матерь Божия!

Архиепископ Иосиф.

14 июля, 1960 год.

Привет Честнейшей Монахине Агнии!

Спасибо за привет и желание палитру взять и изобразить «Цвет Неувядаемый» образ Богоматери, и другие!

Да улыбнется Вам Матерь Божия на праведном и Страшном суде!

С уважением к Вам, архиепископ Иосиф.

Рождество Христово, 1961 год.

Честнейшая матушка Агния!

С Рождеством Христовым, Новым годом и мирный наш привет!

Иночество твоё да помянет Господь Бог!

Спасибо Вам за все иконочки, труд и уважение! Храни Вас Матерь Божия!

Бог на землю сниде да нас на небеса возведет, Тому честь, слава и поклонение!

Мир Вам!

Алма-Ата.

На св. Пантелеимона, 1968 год.

Сегодня просим и молим великомученика Пантелеимона – посетить Вас благо-датным посещением и ослабою немощи!

Честнейшая матушка Агния!

Спасибо за присланные предметы внимания!

Так краткими показались нам дни гощения у нас Пети – Вашего ученика... Он нас утешал и своим благоговейным голосом в храме!

Он обещал, что при Вашем содействии сам напишет мне небольшую иконочку Агнела Хранителя. Он расписался уже за свою наставницу – Вас, что Вы мне напишете св. Иакова Персианина, что память 27 ноября.

Медальончик с частицей остался ныне без иконы, т. к. икона «Знамение» Богоматери подарена граду Курску, а там была и частица св. Иакова – в тот же день праздника [иконы] «Знамение» Богоматери и память добропобедного Иакова. Петя обещал сам осенью привезти сюда эти иконочки. Да будет так,

аще свыше будет осенение на Вашу палитру и младое сердце
Вашего благоговейного ученика!

Мир хижине Вашей и духу!

Мир и привет окружающим Вас! Привет Пете старому, Пете
малому, Саше и Ле-не.

М. Иосиф.

27 декабря, 1969 год.

Честнейшая мать Агния!

С грядущими Рождественскими святками поздравляю и
здравия от Господа же-лаю!

Порадуйтесь со мною: сегодня получил частицу св. мощей
великомученицы Варвары. Порадуйтесь! Варвару Святую
почтим!

Прошу смиренно небольшой образок св. Варвары написать!
Да поможет Вам Господь!

Желаю здоровья Вам, и сам не хвораю пока, и служу.

Алма-Ата.

У нас тепло, солнечно пока, но зима шутить не любит!

М. Иосиф.

3 февраля, 1970 год.

Дорогая матушка Агния!

С днем Ангела! Сегодня дважды Вас вспоминая, заочно
Ваше преподобие величали и один раз в присутствии влад.
Питирима!

Петика с именинницей дорогой, как ученика и внучика...
Всемирный мир и многолетие, и красоты палитры и кисти!

[...] У кандидата в диакона Валентина дело затянется с
регистрацией: с одной дробинкой за тремя утками охотники не
пускаются... У него оказалось три невесты! Ура, три! Конечно,
это «царский выбор», т. е. «Царская невеста» (опера).

Трудно сказать, когда совершится их регистрация! И пусть
будет так, как выйдет! В мире случайностей нет!

Вл. Питирим говорил о мальчиках – учениках загорских. Все
отличники и вчера на нед. Мытаря и фарисея о. Петра поставили
в сан иеродиакона. Я доволен акту сему и «аксиос» от нас!

Сейчас, т. е. час назад проводили со двора е.[пископа] Пит.
[ирима] В Кар.[аганду]. Вот наше приветствие Вам, м. Агния! От

всех наших привет!

М. И. А-Ата.

17 мая, 1970 год.

Дорогая и преподобнейшая мать Агния!

С приветом из Алма-Аты и поклоном богохранимой Караганде!

Мелькнули сведения о том, что Коля покончил с жизнью своею сам... Как, что и когда, и как похоронили, и как поминают – прошу мне написать. Как бы то ни было – его болезнь дает ему право на христианское погребение и поминовение... об этом ясно говорит история его болезни – начень с военной службы и пенсии. Вероятно так?

В день Вознесения придется нам, делегатам, лететь на Собор в Лавру через остановку малую в Москве.

Как Вы лично поживаете и как Ваше здоровье? Желаю Вам здоровья!

Уговаривайте молодого диакона – быть рабом рабов Божиих!

Уговаривайте молодого диакона – почитать настоятеля и уважать стариков... «Без всякого прекословия, меньшие от больших благословляются... хотя бы они, эти стар-шие, были с адским характером!» Св. Апостол знал, что писал!

М. Иосиф.

12 сентября, 1970 год.

Уважаемая и преподобнейшая м. Агния!

С приветом из утонувшей в разноцветной листве с намеками на осень золотую – Алма-Аты!

С пожеланиями здоровья, удовлетворения жизнью и покоя келейного!

Мир граду Караганде и всем живущим в этом граде черн. золота!

Мир беспокойному приходу Михайловка-8.

Одни отказываются от настоятельства в этом приходе, а другие просят – которых не просим... вроде Гайдара, тестя о. Леонида, и других младых птенцов... Так и называю этого весьма бесчеловечного тестя «Гайдаром» ... значит «Человек, который все святое и человеческое поправ!» Вот такие просят в Мих. 8! Помолимся, и настоятеля Господь пошлет!

Паки и паки здравствуйте, честнейшая матушка и мир Вам!
12 сентября 1970 год.

Завтра исполняется мое десятилетие пребывания в Богоспасаемом граде Алма-Ате! Слава Господу, Пречистой Матери Его и святителю Николаю благодарение за охрану молитвенную меня в течение этой десятки!

На праздник храма я рекомендовал отцам и ц. Совету пригласить митрофорного благочинного послужить и слово послушать...

Всего доброго и до осени!

М. Иосиф.

В день заговенья на Рождественский пост, 1970 год.

Дорогая и честнейшая матушка Агния!

С приветом из прохладной немножко Алма-Аты! Так и помешали мне служебные обстоятельства быть в Караганде. Отложим эту поездку на некоторое время!

[...] Мы живы и здоровы, и служим, и готовимся к собору церковному на предмет избрания Святейшего Патриарха. Помолимся об осуществлении на этот предмет Промысла Божия! Да укажет десница Божия – Святейшим быть у нас на Руси!

[...] В день заговенья на Рожд. пост. 1970 год.

Сегодня моему архиерейству 38 лет. Служил дома с о. Валентином!

М. Иосиф.

18 февраля 1971 год.

Дорогая матушка Агния!

С приветом и спасибо из Алма-Аты!

Честнейшая отроковица Валентина здесь была...

С пожеланием Вам здоровья и сносного настроения и терпения у Господа просим!

Все собираемся и собираемся, и собираемся к Вам! Соберемся, конечно, соберемся... А когда? Господь весты!

На второй неделе Великого поста опять требуется лететь в белокаменную Москву по тем же делам, относительно предстоящего поместного собора на предмет избрания первосвященника Русской Православной Церкви... Несомненно, кого либо из москов-ских постарше летами и стажем...

Всего доброго. Мир Вам. М. Иосиф.

(Не датировано).

Мир келье м. Агнии!

Спасибо за присланное. Привет из белокаменной! Что было раньше при Тихоне, Сергии, Алексии – ныне бледно и мало! Ныне мир весь в Москве на интронизации м. Пимена... Одних архиереев более сотни! Гости едут, идут в Москву и из стран далечих – летят! Большое окно из моей кельи – прямо на Кремль и тем более на Василия Блаженного! Погода чудесная... К Троице Святой – домой!

Собор и интронизация: в Москве, Лавре и паки в Москве...

Пока чудом не хвораю, скажите Ольге Федоровне с приветом!

А о. Валентина прошу предупредить, чтобы ему не потерять места... Надо слушаться о. настоятеля и не чудить! Жалоб хватает... Надо: тихо и смиренно жить, слу-жить, в Бога верить – служить Ему и быть рабом Божиих рабов... А если иначе – катастрофа!

Упросим Бога о мире и здравии среди людей!

М. Иосиф.

Спасибо за сладости и письма...

7 ноября, 1973 год.

Уважаемая и честнейшая матушка Агния!

С приветом из Алма-Аты! Лично Вам и всему кругу вокруг Вас здоровья и спасения испрашиваем у Господа!

Как Ваше здоровье? Желаем паки и паки Вам здоровья!

Мы живем, служим и немножко говорим во имя Христово.

Как-то ваши отцы поживают и как здравие их? Желаем им здоровья.

Всем матерям-старикам паки и паки привет и поклон!

Загорские дети обещают зимой посетить ваш и наш грады.

А отцы – мирские батюшки, спрашивают меня: как причащать тайно постриженных? Я им всем так отвечаю, немножко практически и немножко академически – тайные пострижения делаются без благословения епархиального архиерея, а без архиерея нет Церкви! Значит – незаконный акт. Но монашество в России народ так любит креп-ко, что и сказать

невозможно: клобук, мантия, четки... и само звание – равноангельское... Значит, надо найти какой-либо выход из этого безвыходного положения.

Но все же, что делать с получившими тайное пострижение?

Паки реку: если это тайно – то и должно оставаться тайною перед землей. Надо не рассказывать и подругам, и друзьям. Надо у Чаши говорить старое свое имя, данное у священной Купели. На исповеди, конечно, надо сказать: «Я имею тайное пострижение. Совершаю иноческое правило и стараюсь выполнять то, что требует иночество.

Не надо хвастаться – болтать, надо званию своему иноческому искушения не допускать и всегда помнить, что монашество равноангельное – божественная философия, которая видима Богом, ангелами, и благоговейно замечается опытным оком даже мирян! Монашество – преломление самой природы! Монашество – игольное ушко! Надо войти через него в рай!

М. Иосиф.

Всего доброго и еще, и еще раз честнейшая матушка!

Мир Вам. Св. молитв усердно прошу!

М. Иосиф.

1974 год.

Честнейший и уважаемый о. Герман!

Вчера Вас вспоминали и поминали... Сегодня о. Сашу – рукоположили. Много и о многом все мы беседовали, говорили, мечтали, предполагали – и все Господу, на Его святую волю отдали. Вчера я устал: Сашу готовили к хиротонии, и готовились отслужить всенощную под сегодняшний день св. Апостолов... Довольны все всем происшедшим!

Слава Богу за о. Сашу – ныне о. Александра. Он в Богородичный храм как бы и рожден... Пришлось о. Жукова перевести на пенсию – а иначе нельзя было! Он будет с правом сослужить по праздникам о. Настоятелю.

Я еще служу и немножечко говорю, как и раньше! Желаю Вам здоровья от Господа Бога и многие годы послужить Господу и проповедовать Слово Божие! Вся Ваша ответственность ныне

пред Вами! Радуйся, Алма-Ата, радуйся, Караганда! что наши, т. е. преподобного Сергия ученики, чудесно продвигаются!

М. Иосиф.

13 июля 1974 года.

Дорогая матушка Агния!

Сто раз спасибо за письмо и лекарство! Сердечный привет Ольге Федоровне с многолетием! Итак, Саша – иерей Божий уже! Тихий, скромный, с образованием и святой душой! А о. Владимиру послал благословение – послуживать по праздникам с о. Настоятелем, как было с о. Александром Кривоносовым во дни оны...

Еще раз спасибо Вам за все доброе в адрес нашей мерности! Мир всему миру и храму Богородичному в Караганде. Здоровья и терпения Вам просим у Богоматери!

Митрополит Иосиф.

1974 год.

Честнейшая матушка Агния!

А от части, да и «большей части» Вы, как и я, счастливы: у Вас Ольга Федоровна! Да воздаст ей Господь и «здесь» и «там»... А это лекарство, что в бутылочках, поисти-не лучше, чем в порошках...

[...] Интересно, претерпела ли безвольная Таня подвиг искания своего супруга? Пусть, найдя, спасает. Только сейчас можно помочь ему. Есть несколько вариантов! Но все сие в Боге! Но да сохранит и устроит все к лучшему и святому Сам Святый Бо-же! И что только стоит архиерейскому сердцу: Осокаровака, Петропавловск, Целино-град, Семипалатинск и др. неурядицы?

Слыхал о скорби м. Анастасии... Пусть скорбит – «еще духовные чада родит».

Просим Вам, матушка терпения, просим Вам терпения у Долготерпеливого Господа! Ах, как трагически скончался соседний Святитель! Трудно осуждать и критиковать, кто сам не видел тамошней архиерейской квартиры... Думаю, там много у них практических ошибок...

О. Коля Танин виноват, виноват и виноват. Но законное покаяние и прощение, кому дано сие право, «выше и сильнее самого греха»... Но нельзя повторять...

Чего-либо снотворного-авторитетного... И лекарства, и лекарствотворители, и диагностика, и врачи – только от Бога, нам бессмертная Библия ясно говорит на миро-вых письменных столах!

Не удивляйтесь, что некоторые Библию не уважают – те и Бога не почитают!

Помолимся за всех и о себе самех!

Паки и паки спасибо.

Казанская осень. Митрополит Иосиф.

1975 год.

Честнейшая матушка Агния!

Алма-Ата, преклоняя колена перед Создателем, Его просит и молит дарования Вам дара – терпения в болезни...

Спасибо за все Ваше доброе в наш адрес!

Наш поклон всем иже в Караганде, которые призывают имя Господне! Мы вступили в Страстную седмицу и ждем Святой!

Граду Караганде мир и здравие болящим телом и душою.

[...] Мы служим и тонем в свежих цветах. Довольны мы всем и всеми. Мир всем и вот-вот: Христос Воскресе!

Помолимся о здравии и терпении. Честнейшей монахини Агнии: Христос Воскресе! Всем сыновьям и дочерям матушки Агнии: Христос Воскресе!

Митрополит Иосиф.

29 июня, 1970 года.

Уважаемый Василий Павлович!

А мы пожалели, что Вас не повидали в Алма-Ате! Но довольны, что Вы на складе побывали... Плохо ныне снабжают нас Московские мастерские... но главное то, что мы имеем свечи... да, и крестики крестильные необходимы. Их надо экономить и только отпускать к крещению. Крестик не так трудно занять обывателю вообще, а вот в момент крещения – момент дорог!

[...] Итак, в Москве решено собор святителей и мирян собрать 30 мая 1971 года на предмет избрания нового Святейшего Патриарха.

А пока местоблюстителем будет митрополит Пимен.

Требуется на заупокойной ектенье – поминать Святейшего патриарха Алексия обязательно – этот траурный год.

Всего доброго!

Мир, мир и мир Вам!

М. Иосиф.

18 (месяц не указан), 1970 год.

Дорогая м. Вера!

Вера молодая и Вера старая – должны в мире и любви хранить заветы своего отца-архимандрита!

Если в священном алтаре где-нибудь нет лада, где «старинка и новинка» мира не имеют, – конечно, там уже нет Христа посреди них. (Златоуст, VIII том).

Если мир и любовь облобызаются – там и Сам Бог посреди них.

М. И.

Ужасы пламени неугасимого огня пока не испытывал я!

Но страсти холода уже немножечко пришлось вкусить!

М. Иосиф.

31 августа, 1970 год.

Честнейший о. Александр.

С приветом! С приветом из юбилейной Алма-Аты!

Переживали красоту настоящего Казахстанского юбилея и немного горечи имели и имеем о неполадках у вас «между старыми и малыми». Вот этого-то еще не хватало – вашим собратьям не знать рекомендацию святую Апостола верховного: «Друг друга характеры терпите», – будете крестоносцами и Богу-Христу – своими! Похлопочите и помирите, и докажите им!!! Я добиваюсь [вернуть] вам утраченные права с уходом о. Леонида! О горе мне со стариками и малышами! Вы поняли меня? Прошу помолиться и понять.

Мир и ура! Ура и мир!

Алма-Ата, Алмаатинский Ата.

Епархия ничего не слыхала о ваших церковных собраниях и переворотах дворцовых! Да есть ли бумага на сей предмет!?

На св. Александра Невского летнего, 1970 год.

Многосемейная м. Ирина в Караганде!

Мать Ирина! Слово «Ирина» по-гречески – мир!

Вот Вы и должны быть проводником мира в приходе и во всей богохранимой Ка-раганде!

И Вам мир от Господа!

Благодарю за хлопоты церковные, молитвы и мир среди кадящих, поющих и труждающихся... Мир, мир и мир. Тогда и Сам Господь мира будет с вами всеми! Пове-рим этим словам Спасителя и в радости духовной будем жить и терпеть тяжелые и са-молюбивые характеры людей!

Паки и паки мир, и здоровье всему приходу!

Помолимся о назначении Небесной Канцелярией вам настоятеля! «Ни старого, ни молодого, ни холодного, ни горячего – во Христе с «хладом тонким Синайской горы!»

М. Иосиф.

Матушке Вере мой приветик и Вам!

23 октября 1970 год.

Честнейший о. Василий!

С приветом из Алма-Аты, посылающей Караганде мир и лучшие пожелания! Мир вам всем!

Как-то с терпением улаживайте церковную жизнь в приходе... Вам все виднее, и я с Вами буду согласен! Пишите! Когда приеду в Караганду – малую свиту возьму: у вас в городе все потребное есть и весь причт, даже с дьяконами, умеющими [служить] архиерейскую службу... Дай Боже!

Старикам напомните их положение немощи, а молодым – смирение и уважение всего того, что в храме действующее и уже отдыхающее...

Напомните малограмотным, что Церковь – не частная собственность колонизаторов, а Христова, Его кровию приобретенная!...

Кто этого не знает – научите знать...

А кто знает и не исполняет [установления] Христа-хозяина – гоните прочь из храма и [от] сердец – доверчивых простых сердец.

Мир и Вам лично, и мудрость, и простора! «Положивый руку на плуг – не озирайся!»

Говорят, что отцы хворают хворью инфекции? Это явление ни прихожане, ни власть советская не разрешают! На эту тему

инфекционную довольно случаев я встречал в приходах... Помолимся о здравии отцов! Помолимся о нашей вере в веру Христову!

С уважением к Вам, м. Иосиф.

Студентам в МДС 12 октября, 1968 год. М. Иосиф.

Уважаемый Петр Спиридонович!

С приветом из Алма-Аты и поклоном обители пр. Сергия!

У нас еще тепло, но вот-вот и сама матушка придет зима, которую весьма ждут дети, готовясь полеты с горок делать.

В Караганде по нашей системе – на пятерку пока. Крошечный Коля-художник и баритон готовит привезти сюда нечто в духе Корина. Посмотрим!

[...] М. Агния, естественно, почаще стала прихварывать (и я!).

Так и не побывал я в день Преподобного в Лавре! Летали в Уральск, сущий далече от Алма-Аты... Так там все мило: и старое, и новое... Лицо остается там еще пока старое, с двуперстием, но дух уже витает ясным сквознячком нового, нового! Там старые храмы и богомольцы-бородачи, и сами иконы все темные и без улыбок футуристических! Тоже в духе Корина. И там поется «Реквием» уходящей старине!

250-летнюю икону св. Крестителя подарила мне одна старушка, уходящая с Русью в историю. Иоанн с чашей и крылами. Мир Вам и святой обители!

1 января, 1969 год.

«...и на земле мир!»

«В Троице-Сергиевой Лавре однажды был нарушен мир в адрес игумена св. Сергия... и это было таким уроком, что столетия господствует среди благодатных иноков христов мир и любовь!» (Историк Костомаров).

Честнейший о. Петр! С Рождеством Христовым сердечно приветствую Ваше во Христе преподобие!

Желаю спасения души [и] по сердцу быть пр. Сергию (верным учеником).

Мой привет «нашим студентам»! Так в Караганде их величают некнижные и книжные боголюбцы! Мир им и здравия желаю!

С уважением, митрополит Иосиф.

Алма-Ата.

На отдание Пасхи 1969 год.

Дорогие!

[...] Сегодня отдание Пасхи. Если и у нас было весьма пасхально и хорошо, что же тогда было в Лавре и, тем более, в освобожденной от ига устава Академии?! У нас были не слова, а все гимны по-пасхальному! И даже наш рационалист регент хвалил «Елицы...»! Много богомольцев и почему-то причастников и младенцев. Женщины что-то в этой области по-своему знают.

А о. Борис Петропавловский и всея Руси сегодня меня совершенно смутил: он побывал в Кокчетаве у полоумного временного священника и окончательно договорился с активом церковным о своем переходе туда диаконом. Ура и беда! Его приглашают в Петропавловский весьма красивый собор – отказывается... Его хотят и любят на месте – бежит... Весьма боюсь, что его новенький и свеженький послужной список быстро станет терять свое личико... Это коварная книжечка! Я ему написал, что в Кокчетаве числится по штату только один иерей и мысли нет о диаконе! Спрашиваю, что тебе нужно? И сам подсказываю, что ему необходимо – это святитель Иркутский Иннокентий, который в таких случаях подобных отсылал на задний двор подворья и велел «высечь и без маранья послужного списка обратно отпустить на приход»!

Так я посоветовал сегодня и с маленьким «Ки-ки» и с длинным Босиком поступить... Конечно, битый уже благочинный побоится такого кощунства...

А о. Александр – ломаный нос – опять начал бесноваться, вроде Эшлиманов, но я ему постеснялся такой рецепт прописать, как Босику и Кики, и в заседание Синода двум молодцам: Эшлиману и товарищу его! Тогда там белоголовые старцы удивились полету слов моих, а после говорили мне: «Были весьма довольны, смеялись и рецепт этот записали для возможных в каждой епархии Кик и Босиков!»

Леня, доволен?

С приветом и ожиданием.

М. И.

1 июня, 1970 год.

Дорогие и честные вот-вот Отцы!

С приветом, дорогой Леня! Алма-Ата уже успела утонуть в зелени.

[...] Вся Русь под впечатлением смерти Патриарха, и местные умы наводят на грусть... Вторая грусть – кто будет – вопросами забрасывают. Сказать «не знаю» – ма-ло! Придется что-то говорить из былин... Но все удовлетворены хранителем Трона.

Служу, служу и летаем...

Так красиво в подгорных приходах епархии...

Если будете видеть святителя Питирима – ему наше поклонение! И рясы есть, и подрясники новые – были бы покладистые ставленники! И места будут... Во избежание бывших дел, боятся регистрировать лиц без матушки будущей.

[...] М. Иосиф.

20 октября, (года не указан).

Уважаемые два Студента!

С приветом из разукрашенной кистью времени Алма-Аты... Так тепло и хорошо! В Караганде послужили лучше, чем хорошо! [...] О. Кирилл двумя проповедями Караганду удивил!

[...] Говорят, был бы большой Синод на пр. Сергия, да болезнь Святейшего [его] отложила... [...] А Владимирский Николай моих двух [студентов] возвращает, о чем уже по телеграфу возвестили меня. А ему попались два самые юродивые – иерей и диакон, оба семинариста! Я так доволен, что мои «юродивые возвращаются к юродивому!» Ура!

Жду Володю певца из Караганды к хиротонии во иерея! Дачное место близ Алма-Аты – Узун-Агач! Но что-то медлит – не съюроднёт ли и он, как наши во Владимире!

Всего доброго, мой земной поклон Академии! Мое лобызание стен и дверей Академии, и полное благословение ей!

М. Иосиф.

Среда на Святой [седмце], 1972 год.

Воистину Христос Воскресе!

[...] Всю Святую ночь лил безчеловечный дождь и посыпало снегом. Узнали о болезни м. Никодима. Узнали о кончине грузинского Ефрема. Опять возвратилось солнце, но весьма прохладно... Устал от всех положенных по уставу церковных служб. (Почти всех.)

Одна полустарая женщина, которую я знаю 35 лет, запрашивает: «Что мне делать, от рака умираю?» Я ей написал мысли монаха Митрофана Коневского. Таковая книга есть у меня. Там описывается душа человека с ея всеми исходными, по-нашему, концами и началом паки после «чаю воскресения мертвых!» Но писать эти вещи легко, конечно, нам. А какого умирающему? Но поскольку она вела аскетический образ жизни и всегда в Боге была «по-кронштадтски», то ей, вероятно, несколько легче принять будет митрофановские взгляды и надежды.

Вот бы деловое академическое сочинение на такую тему! Но благословят ли тему такую? Полагаю – нет!

Сын говорит, что Влад. Питирим полетел пить «Боржоми» в Грузию!

Вот и опять съезды, выборы и приезды... Вероятно, выберут Абхазского Илию.

Всего вам хорошего, хорошие студенты и четверть иноки! Мир мног вам! Когда будете у Владыки Питирима – поклон!

Завтра в Талгар служить Литургию еду.

М. Иосиф.

6 сентября, 1972 год.

«Таланты даются человеку Господом Богом, но требуют отшлифовки в земной школе».

(Так сказал Назианзин, когда его обманули ариане).

«Можно воспевать Святую Троицу и без земной школы, но в глубокой пустыне».

(Так сказал молодой Назианзин в Константинополе).

Мир, духовная красота и доверие да почиет на учениках Преподобного Сергия!

Дорогие и уважаемые два Пети, Валера и Володя! Сердечное спасибо Вам за поздравление в связи двух панагий! Желаю вам всего того, что написано выше.

28 ноября, 1974 год.

Уважаемый Валерий Алексеевич!

Меня уверили, что первое мое письмо к Вам пропало! Так давай второе... Спасибо за поздравление с многими годами!

[...] Мы живем и послуживаем, и немножко говорим... Немножко по закону хвораю и часа своего благоговейно ожидаю. Славик себя готовит «хорошим» архидиаконом для тебя. Но от природы он тот, кому все надоедает, а поэтому он не любил и не любит что-либо закончить, и подрясник сбросил...

Вчера дома молебен сам отслужил без гостей.

Запрещается друзей ссорить...

Летом увидим, что Славик преподнесет себе.

Желаю паки и паки Вам успеха и счастья веры!

23 мая, 1974 год.

Архиепископу Волоколамскому Питириму.

Милостивый Ахипастырь и большой учитель!

Спасибо за письмо пространное и празднично-долгожданное! Неумолимое время уносит во время все и вся!

Эти дела, как Саша и другие, меньше всего зависят от меня, а от времени... Моя мечта – Саша в Михайловке иереем!!! Но это все зависит от времени и права... (Ака-демик)! Здесь в моде и силе бумага из учебн. Комитета!

А удачно было бы Саше жить дома и состоять на службе под родительским оком... [...] И ... в скором времени ему бы улыбнулось настоятельство!

А о. Герман – другое дело... но и ему туда же, поближе к священной могилке – дверь нами не закрыта: так мне кажется.

[...] У нас жара и безинфарктность... А служим себе, как телята на счастливых горах Медео!

Цветут акации, каштаны и старухи!.. А город наш утонул уже в зелени – появились и дорогие цветы... Клубникой, молодой картошкой снабжают нас огородники, что в жарком Ташкенте...

Всегда помним и помню всех Ваших сродников пред лицом Божиим и крошечных чад, вроде Миши – философа, который догрызает о. Флоренского...

А как ныне в Академии рассматривается сей о. Флоренский? Я как-то писал об этом о. Анатолию, что было еще при м. Сергии

– местоблюстителе. Но это было давно-давно в Таганроге!

Желаю лично Вашему Святительству здоровья и время от времени полезные, а может быть, и необходимые укольчики, невзирая на возраст! Глюкозы и витамины – сей род в моде везде и у нас!

Уважаемым сотрудникам Вашим – бух, бух в ножки, прося св. молитв у Лаврских святынь.

В Ленинградскую Духовную Семинарию 2 февраля, 1970 год.

«Дух святой поставляет священнослужителей!»

Брат Борис Кириллович!

Ваше письмо получили сегодня и спешим ответить Вам.

В Петропавловске (были и есть) места заняты в обоих храмах. Письма, которые рассылают люди под флагом ц. совета – нами считаются «неканоническими»...

Кто желает послужить в Алма-Атинской епархии, должен окончить Семинарию, иметь направление Учебн. Комитета и НЕПРЕМЕННО матушку.

Места почти всегда есть священнические в разных местах епархии. Такова здесь выработалась волей-неволей практика.

К сожалению и моему стыду, здесь священноиноки НЕ В МОДЕ! (На что есть еще живая история местная.)

На живые места, конечно, и речи быть не может о кандидате. Вот Вам мое откровение!

«Дух Святой поставляет священнослужителей!»

Ставленников сами рукополагаем, если требуется это, и регистрация гарантирована.

И. Иосиф.

Михаилу Нейгуму 20 декабря, (год не указан).

«А Самара городок, беспокойная я! Беспокойная я – успокойте меня!»

Я эту песню слышал 25 лет тому назад и сейчас вспомнил согласно болезненному состоянию склероза мозговых трубочек!

...Нет ничего под солнцем лучше, когда человек сознательно всем и всеми доволен. Так и я!

И у нас еще задерживается золотая осень! Птички поют и отпевают осень сытую...

В Михайловке: старики и малые дерутся, а матушки отчаянно стареть решили... Там холодно.

Возлюби: шинель, винтовку и машину! (Конечно, ныне иначе в в. частях говорят, как это было 50 лет тому назад при нас!)

Джерри привык в комнатах бывать и даже немножко спать... Он – комнатный москвич.

Мише предстоят пути, вероятно: Москва, Часовая и Загорск. Это так мы мыслим, а как уже написано – тому быть, все увидим!

Всего доброго!

Не хворать и трудиться!

Ата,

Алма-Ата.

М. Иосиф.

Январь, 1973 год.

1) Ты спрашиваешь, что есть вера? Вера всех народов? Всех народов вера – есть философия! Православная вера – очищенная философия от налетов разновения, т. е. от скорлупы! (Применительно!)

Философия – это любовь к мудрости... Вера Православная – первоисточник мудрости, почерпнутая из Христова кладезя! Без любви или терпения эта религиозная философия – ничто! Так Господь создал – и так надо воспитывать себя и жить!

2) Второй пример: монашество – тоже философия, и потруднее первой. Но иноком-философом может быть и неграмотный человек, здесь и грамотный иногда – невежда!

О, Красота Православие! О, Красота православная философия! Где любовь между людьми – только там Бог! (Так нас учит мать наша Церковь.)

Алмаатинский Ата.

(Не датировано.)

Миша!

Открыточка получена. Взаимный привет шлем. Не скорби, что близких сердцу товарищей не заметно! Это весьма хорошо: Господь! Преп. Сергей! Ты и учеба!

И чего бы ты больше хотел?

Долой безделье мозга!

29 марта, 1973 год.

Миша!

«Мишка» – берем назад! – Михаил Николаевич! У этих слов наших все понятно тебе и нам... Поздравляем – и эту первую работу мостом быть желаем к большим рабо-там! Сам Господь Бог только на пятерку знает! А ученику хватит – 4. (Древнееврейская поговорка! Иосиф Флавий.) Поцеловать ручку подобает твоему учителю – столько провозившемуся с твоими мудрованиями...

Вперед!

Интересно, что бы сказали на улице, где часы починяют?!
Мир ти!

Ты не дочитал у Флоренского до того места, где сказано и показано: «Нырнул, чтобы вынырнуть?!»

Вчерашнее письмо из Флориды и Флоренского, и Булгакова – прямо-таки пугают за «Софию» и софиан... А сами писатели с правом и честью свой экземпляр [желают] иметь в «Белом доме».

Я им вчера ответил: «Только потому вас читаю – ибо не понимаю. Но красиво!»

Поменьше возись с Флоренским и Булгаковым, а не то наши дидасколы – надают! (Да и с самим Лосским.)

Жаль, что на каникулы ты остался при воде, котлах и овощах!

Мир Ти!

Ата.

Извини за грязную работу!

27 июня, 1973 год.

Миша!

С приветом и ответом, и новостью о том, что мы решили к дню рождества Св. Иоанна Крестителя быть на Западной! До свидания!

А к Петрову дню – Целиноград, к о. Кириллу.

Да благословит Господь сие наше намерение! Сходи к м. Агнии и почитай ей сие письмо.

Хорошо, что твой духовный первенец Вася – исчез ...хорошо!

Мы живы и тебе желаем жить! Наши духовники – школяры приветствуют тя! В Семипалатинск отложена поездка и шлагбаум накрепко закрыт. Там чудеса, там леших целый отряд бродит – ссорит старух и отцов. Честнейший Серафим в сторонке сидит и молчит красотою молчания... Вот и вычти, когда и где я буду.

М. Иосиф.

Заранее матерям привет и фотокарточки им привезу.

День железнодорожника, 1973 год.

Мишель!

Спасибо за поздравление. Мне 80 лет и 2 месяца, а не 800! Чудак! Но спасибо! Здесь гостит у кого-то о. Наум. Я его вижу в Соборе и ученик его Амвросий.

Все мы живы. Да хранит Господь твой дух и тело! Храни себя от запрещенного – и будешь ученик Преп. Сергия!

А быть учеником Преп. Сергия – будешь купцом райской радости и благородным человеком на земле!

Ата.

29 июля, 1973 год.

МИХАИЛ!

Не все «Миша» – а уже – Михаил!

Ура – Михаил!

До Петра и Павла наш Двор отсутствовать намерен.

Рождество Св. Иоанна Крестителя будем на Западной, к Петрову дню – Целиноград. И – домой. Аще Господь дарует.

Хорошо, что «мальчика» нет – хватит с тебя и девочек вроде Агнии, Анастасии и других во Христе.

Всего доброго!

Пиши осторожненько о. Анатолию. Он и А. П. – едино божество и едина сила!

Всего лучшего.

М. Иосиф.

5 сентября, 1973 год.

Дорогой Миша!

Спасибо за письмо и поздравления, и пожелания! Мы весьма рады, что Тебе улыбнулась Мать – Семинария! Дай Боже Тебе полюбить все, что покрывает крыша Семинарии! Имея

предстателя Преп. Сергия – помолись и о нас... У нас сейчас происходит Конференция стран Азии и Африки [...] Море народа в городе... Погода бархатная и настроение – атласное. В горах и на горах запахло горным сеном. Служим и проповедуем без примеси мусора церковного, а токмо Слово Писания, как нас учили и ныне учит Церковь. С амвона свариться Церковь запрещает, карает, а не благословляет.

Мир ти, брате!

Алма-Ата. Алмаатинский Ата.

16 октября, 1973 год.

Ребенок!

С миром мы к тебе! С пожеланием источника христианского и ученического смирения и разума духовного!

Спасибо за поздравление. Взаимно поздравляем с храмовым днем вашей церкви Покрова! Вероятно, было велие духовное торжество? Несомненно и Святейший был!

И Святейшему и всем дышущим (что дышат) – наш поклон!

Здесь у нас тоже во всех трех храмах было много богомольцев... Холодноовато не по времени стало у нас.

Где ты в Караганде с аппаратиком на плече – имею фотокарточку.

О. Валентин карагандинский, говорят, одну свалил нечаянно у входных дверей, рассыпав на нее кадило; все же перепрыгнул через перепуганную бабулю и пустым кадилом докадил храм... Жаждет к Р. Хр. двойной орать. Я ему объяснил, но не доказал, что орарями награждает диаконов только Святейший... Говорят, за Днепром какой-то Святитель сам дал орать сугубый молодому диакону, тот Святитель из Патриархии получил на «макароны»!..

Бедный о. Валентин, перепрыгнувший через старушку, и бедная, перепуганная та бабуся! Там, в храме в Михайловке так глубок порог! Ну пока всего доброго всей школе вашей! Всем ученикам: мир, здравие и мудрость духовная!

Всего доброго! Всех благ от Господа! Любовь во Христе – земная.

А-Ата, Алмаатинский Ата.

Канун Трифонова дня, 1974 год.

Миша!

Мы к тебе с приветом и добрыми пожеланиями, особенно в деле учебы! Дай тебе Боже любовь к учебе! Любовь к труду и молитве.

Мы еще живы и живем, как и летом, несмотря на холод и снег не по-Алма-Атински!

Жива ли мама и как она здравствует? Ей желаем здоровья.

Служим, как и раньше. Завтра Св. мч. Трифона. Отцы Борис и Вячеслав должны будут у нас дома служить в Иверско-Серафимовской церкви. А там и – блины! Масленица спешит с блинами! Вел. пост спешит вместе с Преп. Ефремом с поклонами. На-слаждайся и запасайся всей той красотой, что дает Лавра...

Не кисни! Не скучай! Трудись – сие дар Божий!

Наши все и Джерри тебя летом ждут. И лепту шлют.

Всего доброго и здравия желаем!

М. Иосиф

А – Ата.

17 февраля, 1974 год.

Ангел!

Спасибо за письмо. Где достал Флоренского? Как это тебе (и кто?) дали читать?! Сие надо на 4 курсе Д. Академии! В «райском лесу» Флоренского можно заблудиться молодому богослову! А?

Если Флоренский твой – мне его пришли. А если чужой, то не надо слать, я его почти хорошо помню.

Ата. Жди перевод 25 – это долг, я и забыл было.

Прости!

6 мая, 1974 год.

Х.В.

Дормиша!

С приветом паки и паки!

Слыхал я, что по окончании экзаменов часть студентов Преп. Сергей оставляет на кухонном послушании. Если да – поздравляю, а если к маме – то пиши и жди... Желаю здоровья и доброго перевода в след. класс.

Преп. Сергей, «яко же обещался», будет снабжать весь мир архиереями!

Самое святое духовенство – русское.

(О. Иоанн Кронштадтский).

(Учитывая дефекты).

Всего доброго, дорогой Миша.

М. Иосиф.

17 августа, 1974 год.

Михаил!

Ты жив? А мы слыхали, что ты улетел в края далекие, но на земле * ...А мы еще живы и почти здоровы, и работаем Господу.

Сейчас в Казахстане наше студенчество гостит и здесь бывает ...Весьма все «подросли»!

А мама как?

Я обычно в соборе простужаюсь!

Тебя видела Шура всего в розах. Вероятно, будет у тебя или столкновение, или смирение с преподавателем какого-либо предмета?!

Пожелаем тебе дар Божий – образ смирения!

Ни Пушкин, ни Лермонтов не смирились, и сам Царь не помог – и загудели оба в военные училища... Что и укоротило их творческую жизнь к смерти... А пока до свидания.

М. Иосиф

Вероятно, кого-либо и куда-нибудь сопровождал?

4 сентября, 1974 год.

Мишель!

Один крошечный отрок как-то рылся в библиотеке, в «хламе», и встретил епископа Феофана Затворника с его фото, и «поздоровался с ним»... Красота! Я долго на эту тему ломал свою голову и чуточку к разуму подошел... Е. Феофана и я знаю! Вот бы Тебе встретить его в Академии...

У мамы когда будешь, залети! У нас: тепло, светло и море цветов. Джерри спит у стеклянных дверей! Лаван в отпуске. О Славе плохого писать христианину не полагается, а плохое – грешно! У священной раки Преподобного помолись!

В Караганде от о. Александра – восторг среди богомольцев!

Ата.

27 октября, 1974 год.

Почти монах, почти философ – но остаться должен пока Мишей! Миша! С приветом!

Мне сказал однажды старец, что и у Кремлевской стены живя, можно быть пустынником глубокой пустыни.

И можно жить в лесах дремучих, и часто будешь «бесноваться»!

Я жил в гробу в сарае т.е. ночевал. Я жил в бочке – караулил сад. Я жил месяц февраль в затворе... И везде оставался тем же... Места не изменяли настроения, а пугали только страхом... вероятно бесы... Хотя бесы последние 100 лет переменили свою тактику... Ныне бесам неинтересно пугать дур баб! Ныне у них угол непочатый дру-гих дел... Ставка ставится не на 8-и пудовую торговку (Дост.[оевский]), а на повелителей... Если бесы покажут себя (Мч. Трифон) – от них убегут... Если спрячутся, люди будут полагать, что с «чистым разумом» имеют дело...

В день св. памяти Преп. Авраамия Ростовского здесь богатейшие мысли на демонологию. И за мои мысли эти меня здорово лупят бесы, через непорядки на приходах... Бока болят иногда!

И это не фантазия, а «мысли уставшего путника».

М. Иосиф.

11 ноября, 1974 год.

Миша, убийца мыслей здравых и своих, и чужих

Требую – окончания Сергиевской Д. Семинарии! Академия – по желанию! А я желал бы и окончания оной! Терпи терпением нашего града! А по дороге к маме залети – выпорем на заднем дворе – как практиковалось в Иркутске «когда-то»... (можно повторить эту баню везде и в Загорске на заднем дворе! А?)

Мир твоей душе и Soma!

26 ноября, 1974 год.

Дорогой Мишель!

И я забыл свой юбилей 42! Но чувствовал его сердечно! Ура Твоему дню именин и моим – 42!

Все мы живы, здоровы и относительно рады... Вообще рады, и сами не знаем иногда почему! Должно быть Дух Святой

посещает немощи наши – аннулируя грехи! Не так ли? Воистину так! Да будет же так ЗДЕСЬ и ТАМ!

Поклонись, не поленись за меня Преп. Сергию Чудотворцу. А мы – здесь за Тебя Праведному Симеону Верхотурскому у мощей.

Сегодня Пат. Сергия во сне видал. Он что-то читал... Странно! Всего доброго и успеха, отбросив лень юности! Угасив противоположенную динамику.

Нарочно испортил слово для головоломки.

Ата в Алма-Ате.

15 декабря, 1974 год.

Миша!

С приветом с гор Алмаатинских!

Валя была недавно здесь (Веретенникова), которая говорила, что мама твоя ждет тебя с маслом от Преп. Сергия, – хворает!

Не потеряй мать – это лучший милиционер для сына монаха!

Если будешь у мамы, бери обратный курс в Москву через «Алматы».

М. Иосиф.

24 марта, 1975 год.

Мишель!

У нас все в порядке дома!

Тебе длинное письмо отправлено было о «трех дверях» твоего будущего бытия!

Лишь Слава нас покинул: пластинки и арии соблазнили – и захотел артистом быть! Как жаль Славу. И кто же (вероятно) его соблазнил: древний ли Едемский змий или дочь Евы? Или сам шалопутный?! Пока мне о его внутреннем человеке ничего неизвестно и он отец (пока).

Погода у нас делается все теплее... Почти не хвораем. Лаван пьянствует под всякими предложениями: то дочь женит, то внука замуж выдает... Сегодня тетку поминал.

А о. Борис юбилей в воскресенье сотворяет – шестилетие священства(!) Там служу и Св. Паламу славить будем! Для проповеди тема красочная и капризная... Пиши! Первую седмицу

служил всю и Канон ... Но не записали – Славе я отдал все музыкаль-ное, а вновь купленный магнитофон – нос нам показал после службы... Молчал хуже рыбы... Отдал детям играть Захара Ивановича! Немножко поскорбел, когда в кошелек посмотрел!

Всего доброго, до лета!

Ата.

Иеромонаху Никите На Всех Святых, 28 июня 1973 года.

Честнейший о. Иеромонах Никита!

И пришла мысль это письмо Вам написать.

Благодарю Бога за эту «мысль»!

Нам весьма нравится Ваше бытие!

Да послужите Христовой Церкви – дни долгие!

И те, кто Вас ценит – да поживет дни долгие...

Молимся мы здесь о здравии болящих митрополитов! Архиереи ведь и соборне хворают, и соборне умирают. Так было всегда, как я помню.

Молимся искренно о здравии и добром служебном настроении того, кто облетаем херувимами на ризах своих...

«Дух Святой поставляет священнослужителя!»

Поверим Ап. Павлу!

Мир Вам, о. Никита!

Митрополит Иосиф.

Г. Алма-Ата.

9 апреля, 1971 год.

Дорогой и честнейший о. Никита!

Благодарим за бывшую ласку Вашу к нам, всегда телом далече от Вас... но духом во едином сонмище совокупляемые!

Примите Пасхальный привет наш!

Желаем Вашему преподобию здоровья и быть готовым на всякое послушание во Христе!

Исповедуйте свои ошибки тем, кому доверите сердце Ваше!

Один грек-иеромонах в Таганроге 50 лет назад, перед исповедью, мне сказал: «Ты смотри на меня, как на глухого и слепого... А я тогда был еще полумальчик или полу-мужчина и не понял слов его... Но когда я рассказал это своему святителю, он рассмеялся и стал продолжать пить свой чай... Но как-то грек священник из Чимкента был у меня... Во время исповеди я

вспомнил таганрогского грека-иеромонаха и стал, как Сарра, улыбаться под иерейским епитрахилем... и сказал мне тогда мой святитель: «Идеальнее иметь духовника и не глухого, и не слепого!»

Мой тот Владыка не имел специального духовника, а исповедывался у всех иеромонахов своего Тверского Отроча монастыря! (Так ныне и я.)

Вот Вам святочный фельетон!

Помолимся дрего за друга!

Митрополит Иосиф.

Письма к разным лицам

(Не датировано).

Честнейший о. Иларион! Я не знаю причины посылки Вашей мне, но ее отнес к приветствию Вами меня при вступлении моем на Петропавловскую викарную кафедру.

Слава Богу, совершилось! Мой жребий – Петропавловск!

Спасибо за святые молитвы. Спасибо за добрую и сугубую посылку. Все хорошо дошло. Спасибо за три лепты. Письма не было там!

Мое дело будет только: служить в городе и ездить, куда пошлет Алма-Атинский святитель. Я ему благодарен!

[...] Часто служу и говорю. Народ здешний рад, что Господь им скинул с неба архиерея, да еще на кафедре. Так красиво и благочестно звучит:

Город – Петропавловск.

Собор – Петропавловский.

Архиерей – Петропавловский! – из уст протодиакона и хора красиво звучит. Иосиф, епископ Петропавловский.

Еще летом, в Могилеве, я поднял вопрос о возвращении из Таганрога в Могилев частицы мощей праведн.[ого] Иосифа Обручника. Через Святейшего и Карпова – дело пошло на лад. Ростовский арх.[иепископ] Флавиан эту икону с частицей уже приказал доставить в Ростов – значит вернут ее в Могилев.

Вы историю с частицей помните? Ответьте мне.

Всего доброго. Е. Иосиф.

8 февраля, 1968 год.

«Она весьма дни своего Ангела чтит и покуда в силах была – усердно в храм ходила» (Писемский).

С приветом из юного характера благодатной Алма-Аты! Спасибо за пространное письмо, сегодня полученное.

И вот-вот опять многолетие и мирское ура, как Его Святейшеству, равно немножечко – и мне! 25 февраля – многолетие и ура! Святейшего – именинный пирог, а мне – 50-летие священнослужения. И, вероятно, удастся под прикрытием патриаршего пирога и свой приготовить...

Я прекрасно помню день своей хиротонии. Это было в воскресенье о Блудном сыне... Масса выпала снегу в ту ночь. Шел Всероссийский поместный Собор... Владыка немножко заметно волновался, ибо еще не был Собором погребен в вечность Петровский регламент – до 30 лет воспрещалось постригать, кроме Духовной Академии, а я имел еще юношеские года... И вышло все, как вышло... Первую свою ектенью: «Просте приимше...» – конечно, я перепутал, но всем подсказчикам Владыка сказал: «Не мешайте Ване, он будет прекрасно служить!» Первую вечерню служил я как будто бы давно иеродиаконствую, т. к. я уже и архиерейскую службу знал и даже тайные молитвы Литургии – ибо Святителю много лет книгу держал... А он читал вслух молитвы – чтобы, наверное, я слышал бы их.

А на второй день Божественную первую Литургию, в день Иверской, и ИМЕННО перед своей келейной, с Афона. Она была и в Коми, и здесь ныне в моей Иверской архиерейской церкви. Вероятно, я Ее из этого града уже не увезу! Ведь это Ее храм! А? А, может быть, и сам не уеду и здесь покойному митрополиту Николаю шепну на кладбище: «Подвинься, брате!»

[...] Верю, что Матерь Божия сотворит то, что будет нужно так, или иначе... Так хотелось бы здесь уже и кости сложить. Здесь, как и у вас, хорошо поминают усопших.

[...] Алма-Ата, Алмаатинский Ата.

1968 год. Алма-Ата.

«Как бы дома [ни] создавалось – влево или вправо – настроение семейное (ибо каждое сердце человеческое – свой мир и прокурор), но сегодня везде мир, мир и мир, и ангелы поют об этом!»

Уважаемые все Барсовы!

С наступлением Рождественских и новогодних святок – поздравляю!

Всем здравия желаю – и молодым, и птенцам еще, и бабушке!

А. Иосиф.

17 июля, 1969 год.

Ваше высокопреподобие, честнейший о. Александр!

Я слышал, что ваш дух указывает вам путь немножко отдохнуть в весьма тихом месте и здоровом – у о. Николая в Боровском.

Бог да благословит!

Советую с надеждой – оставить всякое искушение – писать вообще по старости лет и тем более туда, куда мы не имеем юридического права, согласно христианскому смирению!

М. И.

30 декабря, 1972 год.

Дорогих отцов сердечно поздравляю паки и паки с Рождеством Христовым и новолетием! Желаю здоровья и не обижаться на древнюю Византию за длинные и частые посты! Статья журнала нам говорит об этом. Бог постников любит... но нарушителей постов прощает через Им поставленных духовников! Слава Богу за сие снисхождение! Желаю здоровья и радости о Христе, грядущим в ясли.

Ваш собрат во Христе и архиерей в Алтаре. Иосиф.

Старцу Архипу. Зима, 1973 год.

Дорогой старец Архип!

Мир вашей хижине и 1/2 затвору!

Спасибо за трехлетнее письмо – т.е. я его три года ожидал...

Так рад я, что Вы, имея лет бытия – больше чем я – и сами воду носите, и в роще сучья для лежанки собираете при луне – ночью! А звери, а страхи?! Да, да и я, уже имея лета бытия, их чувствую, но служу все положенное в соборе. А в Москве с Интронизацией м. Пимена еще не был. Нет нужды епархиальной, да и почта отечественная аккуратна. А потому о Москве и не спрашивайте, но она как жила, так и живет, и как цвела, так и цветет... А духовный мир, хотя и в болезнях, но сыновей рождает у гроба Преп. Сергия... Да, да и да, что я у Вас побываю летом в горах благодатной Киргизии! Там один старец мой знакомый – пчеловод живет. Но его пасека высоко в горах, а верхом на ишачке ехать горами боюсь. Надо там с горы на гору. Тот старик постарше моих двух панагий... Он спрашивает как ныне люди живут. Я отвечаю: «Как и вы».

Я же календарь Вам выслал.

Св. Патриарх много работает ...Умеренно награждает. Не подумайте, что я лично жалуюсь! Я – обвешан высокими наградами Церковными – как новогодняя елка! Да, епархия имеет своих посланцев на учебу к Преподобному Сергию. Все отличники и марафонскими шагами перешагивают классы и факультеты... Да ныне и в десятилетках с первого класса математику грызут...

Ваш сын, митрополит Иосиф.

Буду счастлив иметь Ваше письмо к Р. Х.

Алмаатинский Ата.

30 августа, 1974 год.

Дорогой еще пока Пантелеимон!

О, это «пока»! Дождаться бы мне, [когда] это «пока» выйдет в действительности! А? Сие должен сам решить, ведь на Страшном Суде не будет адвокатов, кроме слез Богородицы!

Сегодня наши улетели, и обитель сразу погрузилась в малый затвор.

[...] Читаю, что попало под руки, и сегодня почувствовал [себя] как бы в малом уже затворе... Великий затвор ныне не моден.

Мир Вам! Радость духовная и добрая надежда на действительность нашей веры Православной!

Митрополит Иосиф. Алма-Ата.

7 ноября, 1974 год.

Дорогие Миша и Онуфрий Петровичи!

А мы с приветом с наших гор к вам!

С пожеланием успеха в труде, взятом на себя когда-то! Того же пожелайте и нам, не бравшим никогда «труда», кроме работы! Академики и университеты в старину ловко разделяли труд за письменным столом и у сосны с топором на Валааме!

А как ныне назвать «труд», что и не у письменного стола, и не у сосны, хотя бы в Сергиевом Посаде? Здесь философия, вероятно, и высшая ответственность за «Психею»!

Мы живем и борода, и лысина сияет нашего сродника, которого я часто вижу с некоторой высоты из сосны.

Погода у нас осенняя уже: снежок теплый, ветерок умеренный и окропление дождем.

Всего хорошего и доброго желаю обоим вам и лобызаю во
Христе!
М. Иосиф.

Митрополит Иосиф (Чернов). Акафисты

Акафист преподобной матери нашей Пелагии

Кондак 1

Избранной Богом от мрака языческаго и дивными путями призванной к Свету Невечернему в Иерусалим горний прекрасный, всеславной и преподобной матери нашей Пелагии похвальная восписуем пения, ты же, все-честная, голубице Христова, яко имущая велие дерзновение ко Господу, от всяких нас бедственных обстояний спасай зовущих:

Радуйся, Пелагие, голубице Христова предивная.

Икос 1

Ангельских чинов всещедрый Творец, Господь наш, предуведевый благое произволение сердца твоего, всечестная Пелагие, приведи ты чудесне к церкви мученика Своего Иулиана, идеже в той час блаженный Нонн епископ, Божественных словес Христовых антиохийским овцам словесным трапезу предлагае, ты, голубицу черную, евангельскою mreжeю чудным образом улови. Мы же, зряще всеслезное твое моление о крещении, во уми-лении тебе зовем:

Радуйся, голубице, из мрачной в светлую совершенная Духом Святым.

Радуйся, голубице Христова, на высоту добродетелей возлетевшая.

Радуйся, покаяние Христу принесшая всеусердно.

Радуйся, яко из черной в светлую содела ты Бог покаянием.

Радуйся, через долнее покаяние к горней радости возлетевшая.

Радуйся, Пелагие, голубице Христова предивная.

Кондак 2

Видя себе, Пелагия, глаголами Божественными из уст святителя Хри-стова Нонна побежденною, абие, в себе прийдя, к стопам сего святителя сердечне припаде, аки евангельская жена, горце рыдающе, прося Божест-веннаго просвещения, взываше Богу: Аллилуиа.

Икос 2

Видевше велие благолепие лица твоего, Пелагие, и пребогатые одежды и великую славу рабов твоих – блазняхуся

людие. И сего ради епископ Нонн постави тя, украшенную рясно, в укор себе и причту в нерадении к благоукрашению души своея. В нощной молитве всеусердней коснулся сердца твоего, поведе его на покаяние. Мы же, добре ведуще жития твоего деяния, вопием:

Радуйся, грехи оставившая в купели крещения.

Радуйся, вшедшая в радость Господа.

Радуйся, святыми твоими пресветлыми мощами нас освящающая.

Радуйся, к тебе притекающих усердная молитвеннице.

Радуйся, голубице, возлетевшая к евангельскому совершенству.

Радуйся, обрученная краснейшему паче сынов человеческих – Христу.

Радуйся, Пелагие, голубице Христова предивная.

Кондак 3

Силою Божественных благодати Крещения безпечально оставила еси вся уметы мира сего грешного и развращенного, все богатство твое земное, яко сор, среди града пожгла еси, пополая тем терние своих прегрешений, поя Святых Святейшему Слову: Аллилуиа.

Икос 3

Имуще велию благодать силы Божия, женское свое естество покорила еси мужеской крепости, прикровенно оставила еси Антиохию, взыскуп града вышняго. За таковое величие души твоея, мати, приими от нас похвалы сия:

Радуйся, яко жилище Духа Святаго была еси.

Радуйся, темже Духом Божиим на подвиги дивно наученная.

Радуйся, яко пути гибельного всеусердно убегла еси.

Радуйся, покаяния красото.

Радуйся, святых радование.

Радуйся, за нас земных молитвеннице.

Радуйся, Пелагие, голубице Христова предивная.

Кондак 4

Буря велия бесовской ярости бе воздвигнута на тя, славная мати Пелагие, егда святитель и чудотворец Илиопольския Церкви Нонн и тя, и седмь святителей к трапезе, ради трудов

понесенных пригласи: беси начаху слезы проливати. Ты же знамением креста Христова хитрость диавола победила еси, с собором святителей поюще: Аллилуиа.

Икос 4

Слышаша иноцы града Божия Иерусалима, яко дарова Господь в не-кой малей келии новаго подвижника, честнаго инока Пелагия, радовахуся, Бога благодаряще, Божиим же промыслом не ведяху, яко муж сей есть жена Пелагия, яже от Антиохии. Егда же по успении твоём славная тайна сия яв-лена бысть, похвалами ублажаху тя похвалами сими:

Радуйся, красоту земную презревшая.

Радуйся, красоту нетленную небесную улучившая.

Радуйся, яко вседушно поискала еси небеснаго восхождения.

Радуйся, яко дивный Маргарит – Христа обрела еси.

Радуйся, яко вся заповеди Того крепчайше возлюбила еси.

Радуйся, Пелагие, голубице Христова предивная.

Кондак 5

Боготечная звезда, Божиим мановением водима, была еси, от Антиохии до града Иерусалима, голубице Христова Пелагие. Взошла бо еси на гору святую Елеонскую, гору милости Божия, идеже умилиствовала еси Господа, три лета подвизаяся в подвиге велицем, денно и нощно поюще Богови: Ал-лилуиа.

Икос 5

Видевше блаженная Антиохийския церкви диаконисса Романа, яко дщи ея духовная Пелагия тайно удалися, восплакашеся зело, но абие уте-шена бысть прозорливым Нонном, яко та, отыде на гору Елеонскую, спаса-тися конечно. Мы же величаем, мати, твое восхождение на гору добродете-ли, поюще:

Радуйся, обретшая ключ разумения духовнаго.

Радуйся, тем отверзшая двери райския.

Радуйся, со Христом вечно царствующая.

Радуйся, и нас молитвами своими привлекающая.

Радуйся, смиренная голубице Христова.

Радуйся, Пелагие, голубице Христова предивная.

Кондак 6

Проповедник твоего жития и блаженной кончины явися благоговей-ный во диаконех Иаков, егда послан бысть к тебе, мати, с молитвенным це-лованием о Христе от чудотворца равноапостольнаго Нонна. Сего же чест-наго диакона сподоби Бог видети тя, беседовати к тебе и погребение твори-ти святаго тела твоего, с сонмом постников Палестины псаломски поюще: Аллилуиа.

Икос 6

Вышняго Царствия ищущи, воды страстей и греха прелетела еси, голу-бице Христова Пелагие; научи и нас, любовью тя почитающих и радост-но память твою совершающих, усердно возлюбити образ покаяния, по-ющих с любовью тебе тако:

Радуйся, кроткая Христова агнице.

Радуйся, яко усердно возлюбила еси Агнца, взявшего грехи всего мира.

Радуйся, Господа на милость к нам преклоняющая.

Радуйся, в мире подвизающимся пособие.

Радуйся, Церкви утверждение.

Радуйся, святителей радование.

Радуйся, Пелагие, голубице Христова предивная.

Кондак 7

Хотящи до конца дней земнаго жития твоего во едином Христе пребы-ти, место святое избрала еси для подвигов твоих, святая голубице Пелагие, идеже пред Своим страданием за мир Спаситель царски прехоуждаше с детьми еврейскими, носящими вайи во время оно, поюще Богу: Аллилуиа.

Икос 7

Дивная среди жен святых поистине явилася еси, святая Пелагие, егда, стяжания своя, ради Христовых нищих чрез руце церковнаго эконома отда и рабы своя свободи. Сими бо добрыми делами воистину свободну себе со-твори от бремени тяжкаго лихоимства. Помолися за ны, да сердца наша не прилепляются паче потребнаго к земным вещем, губящим души наша, тебе поющих:

Радуйся, честных иноков и инокинь присное собеседование.

Радуйся, чистых дев доброе уневещение.

Радуйся, честная похвало благоговейных старцев.

Радуйся, прекрасно вшедшая в горний Иерусалим.
Радуйся, от козней диавольских нас охраняющая.
Радуйся, Пелагие, голубице Христова предивная.

Кондак 8

Странность некая, но Богу зело прелюбезная, является: како чадо гре-ха, вспять не озираясь, яко жаждущий елень на водныя источники бегущий, спешит честная Пелагия к источнику покаяния, сим научая нас вся красная источники оставити земная, поюще с нею сладце: Аллилуиа.

Икос 8

Весь сладость, весь радость духовная бысть тебе Господь Иисус Хри-стос, честная Пелагие, молящейся ти в затворе и слезы проливающей. Сему душеполезному плачу нас научи, да вечного загробного избегнем плача, те-бе, нашей молитвеннице, в радости поюще:

Радуйся, веру в пресладкаго Господа вкусившая.
Радуйся, радостью небесною почтенная.
Радуйся, омывшая грехопадения слезами.
Радуйся, научающая и нас молиться слезно.
Радуйся, слезами умиления радость вечную получившая.
Радуйся, Пелагие, голубице Христова предивная.

Кондак 9

Всяк Ангельский чин удивися, како Пелагия-Маргарита гордость на кротость преложи и диавола посрами. Угаси, мати чудная, пламень гордо-сти сердца нашего, да благодарне чистым сердцем поем Богу Спасителю нашему: Аллилуиа.

Икос 9

Витии человечестии не возмогут достойного воспети величания в честь твоего честнаго жития, мати преподобная. Токмо Ангели Божии быша сви-детелие слез твоих и подвигов, святая. Мы же, человецы, со Ангелы ра-дующеся о таковой подвижнице Божией, воспеваем ей:

Радуйся, течением слез твоих пламень мыслей бесовских угасившая.

Радуйся, исправления живой образе.
Радуйся, ныне в веселии живущая на небеси.
Радуйся, в венце Нонна святителя драгий маргарит.

Радуйся, Пелагие, голубице Христова предивная.

Кондак 10

Спасти хотя вещь бессмертную – душу, плоть твою духови покорила еси, всехвальная голубице Пелагие; постом, бдением и непрестанными мо-литвами горняго мира достигла еси, предвкушая неизреченныя сладости райския, по слову небошественнаго Павла, с ним же Богу воспевая: Алли-луиа.

Икос 10

Стена тверда, яко каменная, бысть вера, любовь и надежда твоя, мати преподобная, ко Христу, Его же ради двери затвора твоего камением утвердив, на камени веры дерзновенно стала еси. И нас в таковой крепкой вере в Бога утверди, величающих тя приветствием сим:

Радуйся, чудно уловленная мрежею проповеди.

Радуйся, вечную радость на небеси обретшая.

Радуйся, цвете благоуханный земли палестинския.

Радуйся, добре утвержденная в обетах просвещения.

Радуйся, упованием непосрамленная.

Радуйся, жемчужина Церкви Христовой.

Радуйся, Пелагие, голубице Христова предивная.

Кондак 11

Пение всякое побеждается, егда поем песни похвальныя в честь и па-мять твою, преподобная мати Пелагие, како дивно вошла еси в храм свята-го Христова мученика Иулиана, како сplete ты добрый пастырь стада Хри-стова, божественный святитель Нонн, како воплем велиим своим раство-рила еси желание крайнее помилованною быти, поюще Богу: Аллилуиа.

Икос 11

Воссияла еси людям боголюбивым новая звезда от святыя горы Елеон-ския, преподобная и всечестная мати Пелагие, на радость и веселие рода христианскаго, приносящаго тебе таковая:

Радуйся, воспеваемая сонмом иноков.

Радуйся, прославляемая Церковию Вселенскою.

Радуйся, радости скорбящих о гресех и радующихся о спасении.

Радуйся, демонов рыдание.

Радуйся, увенчанная десницею Вседержителя.
Радуйся, Пелагие, голубице Христова предивная.

Кондак 12

Благодать и велию милость испроси нам у Подателя всякия благодати Господа, мати наша преподобная, моли милосердие Божие о милости Его к нам в жизни сей временней, и жизнь вечную твоим ходатайством нам ис-проси, тебе убажующим и Богу вопиющим всегда: Аллилуиа.

Икос 12

Поюще святую память твою, воспоминаем дивное обращение твое ко Господу Богу, убажаем честныя подвиги твоя, воспеваем святое усение твое, прославляем и преселение твое в небесныя обители, дивная невесто Христова Пелагие, сия воспевая тебе:

Радуйся, благую часть Христову избравшая.
Радуйся, иго Христово с любовию понесшая.
Радуйся, в час скорбей и напастей нам помогающая.
Радуйся, носящих имя твое святое всегда окрыляющая.
Радуйся, в Христовой радости пребывающая.
Радуйся, Пелагие, голубице Христова предивная.

Кондак 13

О, святая и преподобная мати наша Пелагие! Приими сие малое наше молитвенно-хвалебное приношение, в честь и память святых подвигов твоих, от нашея любви тебе приносимыя. Да молитвами твоими души наша убелим белилом покаяния, вводящим в жизнь вечную, Богу поюще: Алли-луиа.

(Сей кондак читается трижды; посем икос 1 и кондак 1)

МОЛИТВА

Преподобной матери нашей Пелагии.

О, святая и богомудрая мать наша преподобная Пелагие! Ты во еди-нем часе возлюбившая Господа Иисуса, все земное оставила еси невозврат-но, устремилася еси к великим и спасительным подвигам, яже и совершила еси евангельски во много крат! О, приснопамятная, ты для иночествующих явилася еси красотою духовною, ты добре усвоила еси непорочное житие, ты на земли возлюбила еси жизнь Ангелов и непрестанно в затворе воспевала еси Того, Иже по велицей Своей милости

укрепил есть женскую немощь для борьбы с коварным врагом спасения человеческого. Сего ради днесь, в день твоей светлой памяти, мы ублажающе тя, просим: пролей твою всеильную молитву о нас грешных пред престолом Святыя Троицы о милости Божией к нам еще zde пребывающим в плачевной юдоли земней, о еже достигнути и нам твоими молитвами жизни в селениях праведных, идеже ты пребываеши со всеми святыми во веки веков. Аминь.

Акафист святому праведному Иосифу Прекрасному

Кондак 1

Избранный Богом великий праведниче Иосифе, возлюбленный сыне отца твоего Иакова и верный хранителю завета праотцев Авраама и Исаа-ка, воистинну был еси прообразом во страдании Христа Спасителя. Мы же, восхваляюще терпение твое в злочлужении и мужество во искушении, радостно взываем ти:

Радуйся, великий праведниче, Иосифе Прекрасный.

Икос 1

Ангели удивишася терпению и незлобию твоему, смиренномудрый Ио-сифе, како зависти ради братьев твоих отвержен быв в ров, взывал еси лю-бимому отцу твоему: «отче Иакове! братья навсегда разлучиша мя с тобою и сего ради не могу аз быти утешением твоей старости, не узрю более седин твоих». Мы же, ублажая сыновнюю любовь твою, со умилением взываем:

Радуйся, любимый сыне патриарха Иакова;
радуйся, избранный Богом на спасение Израиля.
Радуйся, заповеди Божии в сердце носивый;
радуйся, до закона Божия закон сохранивый.
Радуйся, веру Авраамову стяжавый;
радуйся, Исаакову послушанию подражавый.
Радуйся, великий праведниче, Иосифе прекрасный.

Кондак 2

Видя патриарх Иаков кроткий и незлобивый нрав твой, праведней Ио-сифе, возлюби тя паче братьев твоих и облече в багряную ризу, зане имел еси благоволение Божие, Ему же во смирении взывал еси: Аллилуиа.

Икос 2

Разум, озаренный Духом Святым, имел еси, Иосифе, открывая будущее в сновидении отцу и братьям твоим, глаголя: «се, солнце, луна и одинна-дцать звезд поклонятся ми». Отец же твой Иаков, не разумев видения се-го, со укорением

отвещаше ти: «ужели аз и мати, и братия твоя приидем и поклонимся ти до земли?» Мы же, восхваляюще мудрость твою, вопием:

Радуйся, сновидений откровение;
радуйся, отцу твоему утешение.
Радуйся, трудов его упокоение;
радуйся, старости его подкрепление.
Радуйся, прежде Моисея пророчеством одаренный;
радуйся, саном патриарха почтенный.
Радуйся, великий праведниче, Иосифе прекрасный.

Кондак 3

Силою зависти исполнишася братия твоя, егда по повелению старца отца шел еси в долину Хеврон. Реша бо неции от них: «се, грядет сновидец, убием его». Брат же Рувим, хотяще спасти тя от смерти, рече им: «не про-ливайте крови брата вашего, не налагайте нань рук своих». Ты же, незло-биве, отдавая лобзание им, воспевал еси Богу: Аллилуиа.

Икос 3

Имея помысл чист и непорочную душу, блаженне Иосифе, умолял еси братьев твоих помиловати тя, егда они ввергоша тя в глубокий ров. Мы же, зело сострадая тебе, из глубины души взываем:

Радуйся, яко в ров вверженный, братьев твоих умолявый;
радуйся, яко ко отцу твоему велиим гласом взывавый.
Радуйся, яко в разлуке с любимым отцем твоим горько рыдавый;
радуйся, яко от стонов и слез твоих изнемогавый.
Радуйся, яко и мать твою Рахиль на помощь призывавый;
радуйся, яко всю надежду твою на Бога отцев полагавый.
Радуйся, великий праведниче, Иосифе прекрасный.

Кондак 4

Бурею волнения смутися родитель твой и видя окровавленную ризу твою, Иосифе, глагола: «кий зверь растерза сына моего?» Посем прови-дя целость одежды твоея, горестно взываше: «о, чадо! не зверь снеде тело твое, но людие убиша тя». Тогда посыпав пеплом главу свою и оглашая воздух

рыдаными, великий патриарх взываше Богу плачевную песнь: Ал-лилуиа.

Икос 4

Слыша исмаильтяне вопли и рыдания твоя, Иосифе, над могилою Ра-хили, егда ведоша тя в дальнюю страну, выступи: «кто ты, чий раб, и кто есть пастухи, продавшии тя нам?» Ты же, отвечав им, рече: «ни раб, ни злодей, но любимый есмь сын отца моего, пастухи же есть братия моя, за-висти ради продавшии мя вам». Мы же, воспоминающе слезы и страдания твоя, зовем ти:

Радуйся, яко от братий твоих претерпевый озлобление;
радуйся, яко велие показавый смирение.

Радуйся, ангелом удивление;
радуйся, пророком Божиим похваление.

Радуйся, мучеником во страдании радование;
радуйся, всем праведным веселие.

Радуйся, великий праведниче, Иосифе прекрасный.

Кондак 5

Божиим промыслом введе тя, мудрый Иосифе, царедворец фараона в дом свой и постави управляти всеми имениями своими. Жена же господина прельстися благолепием лица твоего, ласканьми тщася заплести тя, не возмогши же одолети твердости целомудрия твоего, возглагола зло во уши господина и той всади тя в темницу, идеже пребывая возносил еси скорбную песнь Богу: Аллилуиа.

Икос 5

Видя фараон, царь Египетский, сон, призва тя, Иосифе, да разъясниши виденное. Удивляясь мудрости, исходящей из уст твоих, возложи на тя зла-тую цепь и перстень на руку твою, и даде ти колесницу царскую и власть великую над всем Египтом. Мы же, зряще Божие благоволение, явленное на тебе, вопием ти сице:

Радуйся, царским достоинством почтенный;
радуйся, от Бога на великое служение возведенный.

Радуйся, целомудрием одеянный;
радуйся, пророчеством сновидений прославленный.

Радуйся, страданиями украшенный;

радуйся, любовью и честью от всех превознесенный.
Радуйся, великий праведниче, Иосифе прекрасный.

Кондак 6

Проповедницы невинности твоя, целомудренне Иосифе, явишася ца-редворец Пентефрий вкупе с женою своею, некогда оклеветавшии тя; уст-рашеннии же переменой звания узника на властителя, истину вины своя открывают ти и прощение от тебе просят. Ты же, незлобиве, вся в волю Божию предал еси, радостно вопия: Аллилуиа.

Икос 6

Возсиял еси великою славою в земли Египетстей, премудрый Иосифе. Делая правду, собирал еси пшеницу на гладное время, о немже прорекл еси царю в истолковании его дивнаго сна. Егда же наста время исполнения твоего пророчества, вси людие притекаху к тебе, да напитаеши их. Мы же, воспоминающе сия, благодарственно ти возглашаем:

Радуйся, вся благая на многая лета собравый;

радуйся, люди избранныя препитавый.

Радуйся, яко в стране чуждей законы отеческия сохранивый;

радуйся, яко данный ти от Бога талант умноживый.

Радуйся, яко в продолжение рода твоего даде ти фараон Асенефу;

радуйся, яко во отраду даровал тебе Бог чада Манассию и Ефрема.

Радуйся, великий праведниче, Иосифе прекрасный.

Кондак 7

Хотя Иаков спасти люди от глада, посла сыны своя во Египет, да купят хлеба: бе бо велий глад по всей земли. Пришедше сыны Израилевы во страну Египетскую, поклонилася Иосифу до земли: не познаша бо, яко брат им есть. Он же абие позна их, вопросы: «откуда есте вы? приидоша со-глядати землю сию?» Тогда отвещаша ему братия горестно: «ни, господине, мы раби твои, людие честнии, приидоша купити пищи. Мы, дванадцать сынов единого отца, любимого же его сына растерза зверь, а меньший брат вкупе со отцем взывают непрестанно Богу отцев плачевную песнь: Алли-луиа».

Икос 7

Новая драгая порфира Иосифа омочается слезами, вопль и рыдания его возносятся ко Творцу: «О, Боже Всевышний, жив еще отец мой Иаков!» Посем велиим гласом к братии восклицает: «аз есмь Иосиф, брат ваш, не бойтесь! вы продасте мя, но Бог отцев наших посла мя пред вами, да сохраню вы и препитаю от глада. Шедше, поведайте отцу моему, да грядет со всем домом своим и видит славу мою». Мы же, чтуще таковую любовь твою ко отцу и братии твоей, умильно зовем ти:

Радуйся, мудрый и славный управителю;
радуйся, чтущих память твою дивный покровителю.
Радуйся, велию любовь к братии показавый;
радуйся, за обиды кротостию и незлобием им отвечавай.
Радуйся, победивый коварство древняго змия;
радуйся, преславный молитвенниче о всем мире.
Радуйся, великий праведниче, Иосифе прекрасный.

Кондак 8

Странно и дивно бе слышати Иакову: «жив сын твой Иосиф!» Кое сердце старческое стерпит, кия очи слезы не излиют, кий глас не возопиет благих подателю Богу благодарственную песнь: Аллилуиа.

Икос 8

Весь дом Израиля возрадовася пришествием братии Иосифа, видевшие кони и колесницы фараоновы, да шествует старец во Египет к возлюбленному сыну своему. Паде пред Богом Иаков моляся, да покажет волю святую Свою; и слышит в нощи: «Иакове, Иакове! Аз, Бог отца твоего, не бойся, иди во Египет, и Аз тамо буду с тобою, сын же твой Иосиф закроет ти очи своею рукою». Мы же, мысленно зряще блаженнаго Иосифа во объятиях отчих, тако взываем:

Радуйся, сиянием небеснаго света озаренный;
радуйся, отцем твоим в радости благословенный.
Радуйся, яко в твоём царстве Христос младенствуя от Ирода скрыся;
радуйся, яко Отец Славы воззва Сына Своего Единородного от Египта возвратится.
Радуйся, венчанный от Бога венцем нетления;
радуйся, всем нам образ непорочнаго пред Богом служения.

Радуйся, великий праведниче, Иосифе прекрасный.

Кондак 9

Вси людие радостно поклонися Иосифу, видевше грядуща его на встречу Израилю, отцу своему, и на выи его слезы проливающа. И поселися Иаков в цветущей земли тоя страны, воспевая Богу: Аллилуиа.

Икос 9

Витии многовещаннии не возмогут достойно восхвалити чудное житие твое, прекрасне Иосифе. Отцы святии уподобиша тя Сыну Божию, Церковь же Христова до ныне песньми красными воспевае тя в дни страданий Искупителя мира. Мы же, недостойнии, воспоминающе славную память твою, на рыдание приложим рыдание, зовуще из глубины души:

Радуйся, из рова, аки из гроба, возставый;

радуйся, на тридесяти сребренницах проданный.

Радуйся, во изгнании твоём велие целомудрие показавый;

радуйся, в скорбех твоих надежду на Бога полагавый.

Радуйся, отцев святых Церкви чудное прославление;

радуйся, непорочных праотцев радость и веселие.

Радуйся, великий праведниче, Иосифе прекрасный.

Кондак 10

Спасены быша сыны Израиля и в изобилии хваляху Бога. Состарився же Иаков, призва дети твоя, Иосифе, и руце пременяя на главах их, изображаше крест Христов, Ему же мы поклоняющиеся зовем: Аллилуиа.

Икос 10

Царствуеши ныне, славне Иосифе, не во Египте, но в вышнем Иеруса-лиме, и зриши сбытие прообразов. Прейде сень законная, Благодати пришедшей, о Нейже пророчествоваша отцы святии. Умирая, Иаков благо-слови сыны твоя, провещая им будущее. Тебе же, блаженне Иосифе, больша всех братий твоих, дивная прорече. Закрыв же очи отцу твоему, велий плач сотворил еси по нем. Мы же, восхваляя таковую любовь твою, благоговей-ное приносим пение:

Радуйся, благословенный от отца благословениями свыше;

радуйся, яко благословения сии превышают горы и холмы.

Радуйся, яко святым Крестом благословишася твои дети;

радуйся, яко сим благословением достигоша они жизни вечныя.

Радуйся, дивный прообразе Христова воскресения;
радуйся, избранниче Божий и праведных украшение.
Радуйся, великий праведниче, Иосифе прекрасный.

Кондак 11

Песньми сладкими воспевают тя отцы Христовой Церкви, приснопа-мятне Иосифе. Наипаче похвали тя великий творец канонов Андрей Крит-ский. Приими же и от нас недостойных, великий праведниче, смиренное моление, да подражая твоим добродетелем, возможем богоугодно пети Соз-дателю нашему хвалебную песнь: Аллилуиа.

Икос 11

Светильник светлый угасает: боголюбезный Иосиф волею Божиею прилагается ко отцем своим. С миром и любовью благословляя братию свою, он слезно умоляет их, глаголя: «аз умираю, вы же изнесите кости моя, егда посетит вы Бог и изведет из земли сея в землю обетованную». Мы же, сла-вяще Господа, показавшаго тя, дивным во святых Своих, умильным сердцем зовем:

Радуйся, яко, умирая, братию миром и любовью благословляеши;

радуйся, яко в землю обетования кости своя изнести им завещаеши.

Радуйся, яко во светлостех святых вечно почиваеши;

радуйся, яко со ангелы и всеми святыми за весь мир Господа умоляе-ши.

Радуйся, яко клеветы и поношения терпеливо переносити нам помо-гаеши;

радуйся, яко леность и нерадение о деле Божиим в нас искореняеши.

Радуйся, великий праведниче, Иосифе прекрасный.

Кондак 12

Благодать от Господа испроси нам, просящим твоя помощи, славный Иосифе. Умоли Господа сил о нас грешных, да со страхом проходим попри-ще земнаго нашего жития и, уповая на твое предстательство, получим от Всещедраго Бога всех

наших грехов прощение и мирную христианскую кончину, да со всеми благоугодившими Богу воспоем, радуясь, ангельскую песнь: Аллилуиа.

Икос 12

Поюще святое житие твое, достохвальне Иосифе, ублажаем целомудрие и подвиги твоя, величаем узы и страдания, чтим непорочное преставление, поклоняемся честным мощем твоим и усердно молим: не возгнушайся нас, недостойных, но прими наше хвалебное пение, да прославляя торжество твое, в радости зываем:

Радуйся, великий праведниче, купно с возлюбленными Богом Авраа-мом, Исааком и Иаковом;

радуйся, предивный молитвенниче во святых Бога Израилева.

Радуйся, носителей имени твоего неусыпный хранителю;

радуйся, всем притекающим к тебе от бед избавителю.

Радуйся, девственником и подвижником наставниче и укрепление;

радуйся, болящим и немощствующим скорое исцеление.

Радуйся, великий праведниче, Иосифе прекрасный.

Кондак 13

О, великая слава праотцев Христовых, преблаженный Иосифе! При-ими наше благодарственное пение и вознеси о нас грешных моление ко Пресвятей Троице, да избавимся вси вечного мучения и наследники Царст-вия Небеснаго будем, в радости поюще победную песнь: Аллилуиа.

(Сей кондак читается трижды; посем икос 1 и кондак 1)

МОЛИТВА

святому праведному Иосифу Прекрасному

О, святой праведниче, целомудренне Иосифе! Услыши нас грешных, молящихся тебе и к твоему предстательству усердно притекающих, прося-щих милостиваго твоего заступления. Помози нам, святче Божий: веру хри-стианскую до конца жития нашего содержать, заповеди Божия неленостно исполнять, обидящим прощати, чистоту и целомудрие хранить и всех ближних преискренне любить. О, великий праведниче! во дни земнаго твоего жития ты сам искушен быв, можеш и нам

искушаемым помощи, яко немощни есмы и нерадим о нашем спасении. Умоляем тя, угодниче Божий, воззови ко Творцу всяческих, да ниспослет Он ангелов света, ихже отец твой Иаков виде восходящими и низходящими на землю, да освятят они нашу грешную землю и люди, погибающия неверием, оскорбляющим величие Божие. Припади к Божией Матери, Заступнице рода христианскаго, много бо может молитва Ея, да остаток дней наших проживем в покаянии и творении добрых дел. О, предивный заступниче! не забуди чтущих пре-светлую память твою и приими наша теплые слезы, накопляющия страницы великия книги твоего бытия. Подвигни на молитву с собою святых праотцев Авраама, Исаака и Иакова, несогрешивших пред Богом, да и мы со всеми благоугодившими Ему поклонимся в Троице Святей славимому Богу, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Акафист святителю Павлу исповеднику, архиепископу Цареградскому

Кондак 1

Возбранный исповедниче Божий и угодниче Христов, миру всему воз-гласивый правыя веры исповедание, восхваляем тя, святителю отче Павле: ты же яко имеяй дерзновение ко Господу, от всяких нас бедственных обстояний защиты зовущих:

Радуйся, святителю Павле, исповедниче Христов.

Икос 1

Ангелов Творец и всего мира Создатель яви тебе, святителю Павле, до-браго исповедника православныя веры и поборника благочестия. Ты же велии труды подъял еси в прославление Живоначальныя Пресвятыя Троицы. Мы же грешнии, дивящиеся таковой твоей ревности в посрамлении арианскаго злочестия, глаголем ти сицевая:

Радуйся, поборниче благочестия от Бога призванный.

Радуйся, служением своим Богу всеусердно послуживый.

Радуйся, разум свой Богу покоривый.

Радуйся, правды Христовой дивный ревнителю.

Радуйся, о нас пред Богом усердный молитвенниче и предстателю.

Радуйся, святителю Павле, исповедниче Христов.

Кондак 2

Видевше вси людие Цареградстии мудрое твое правление Церкви, святителю Павле, и здоровое Богословие, призывающее поклоняться Триипостасному Божеству: Сыну во Отце со Святым Духом, Духу от Отца исходящему и в Сыне почивающему, радовахуся зело и благодаряще Бога за ниспослание такового дара людям Своим, согласно воспеваху Троице Святейшей: Аллилуиа.

Икос 2

Разум Божественным учением обогатил еси, преподобне Павле, со тщанием прикинул еси во глубину учения непостижимаго Святыя Троицы, отнюдуже и почерпал еси богатство Божественнаго знания: непременно бо богословил еси:

Отца нерожденна, и рожденна Сына, и Святаго исходительнаго Божественнаго Духа. Мы же, дивящися таковому твоему Богословию, тако тя песньми восваляем:

Радуйся, великий благочестия исповедниче.

Радуйся, утверждение веры православных.

Радуйся, яко воистинну добрый воитель на еретики явился еси.

Радуйся, сечение Святыя Троицы непотерпевый.

Радуйся, Тройческим светом осиянный до конца.

Радуйся, святителю Павле, исповедниче Христов.

Кондак 3

Силы, во еже словом и делом Христу работати, усердно стяжал еси, Павле достославне, темже и быв возненавиден за Божию правду царем, якоже иногда Илия славный от Ахава пребеззаконнаго: такожде и изгнание претерпевый, всего себе предаде Богу, поюще: Аллилуиа.

Икос 3

Имееше воистину, отче Павле, прославление на небеси, но и наши приими похвалы сия от земли, возносимыя в честь и память твоих добродетелей, яже еси сотворил в житии твоём, начертав нам путь православия к торжеству веры Христовой, поющим тебе:

Радуйся, образе смирения и преданности воле Господней.

Радуйся, множество бед от лжебратий претерпевый.

Радуйся, за всех умильно Богу моливыйся.

Радуйся, терпеливо понесший крест Христов.

Радуйся, всем изгнанным за имя Христово путь в Царство небесное указующий.

Радуйся, за Троицу Единосущную сладце пострадавый.

Радуйся, святителю Павле, исповедниче Христов.

Кондак 4

Буря велия возшумела на тя, святителю, егда злодей венценосный, от семени арианскаго, изгна тя из града престола твоего, ты же, Христу подражая, со всяким смирением отшел еси, моляся Создателю Церкви: Аллилуиа.

Икос 4

Слышаще и видяще людие о радостном возвращении твоём, святителю Павле, во град свой престольный, радовахуся, Бога благодаряще и тя величаху гимны сия:

Радуйся, от изгнания возвративыйся, во еже паки семена сеяти веры.

Радуйся, всемирный светильниче веры православныя.

Радуйся, святителей удобрение.

Радуйся, иереев благоговейных похвало.

Радуйся, всего клира церковного украшение.

Радуйся, святителю Павле, исповедниче Христов.

Кондак 5

Боготечною кровию искупленныя души сохранял еси от всякаго зла, святителю Павле преподобне. Егда же восприял еси великий сан первосвя-тителя Византии, дело благовестника Христова сладце восприим: обличая, запрещаю и умоляю со всяким долготерпением, Богу же сладце воспеваю: Аллилуиа.

Икос 5

Видя велие в церкви нестроение, яко риза Христова раздираемая арианским безбожием и Македониевым вредословием, молитвами и слезами сей пла-мень злобный погашая, люди же наставляя ко исправлению, неверныя к вере оглашая, верныя же таинствами питая и освящая, уча ходити дос-тойно звания христианскаго. Мы же, поставляеми тобою на сей спаситель-ный путь, в радости зовем:

Радуйся, Святейшия Трапезы предстоятелю умиленный.

Радуйся, пищею нетления чада твоя добре питаемый.

Радуйся, добрых супружеств о Христе – святительское благословение.

Радуйся, слова Божия неложный истолкователю.

Радуйся, путевождь наш к жизни вечней.

Радуйся, святителю Павле, исповедниче Христов.

Кондак 6

Проповедника истины и Божественных догматов ты, Павле, святителю Христов, вторицею дух злобы от града изгоняет. Людие же, исполнишася скорби и плача, разлучаемы с святым отцем и Патриархом, все упование на Бога возложиша, Тому поя слезяще: Аллилуиа.

Икос 6

Возсия Цареград новою радостью, егда узреша тя, святителю и исповедниче Христов Павле, возвращена во своя си от изгнания втораго. Вели-им ликованием объяти быша, сретая и лобызая тя, Христова страдальца, поюще песни духовныя сия:

Радуйся, радостью небесною осиянный.

Радуйся, радости Церкви Христовой.

Радуйся, исповедникам веры Христовой молитвенно помогаяй.

Радуйся, столпе православия и истины поборниче.

Радуйся, святителю Павле, исповедниче Христов.

Кондак 7

Хотя церковь Константинопольскую, аки невесту Христову, добре украсити, много потщався, святителю Павле, во благо ея: исторгая ариан-скую ересь, обличая неправомыслие, насаждая же веру истинную, Святей Троице поклоняясь, сладце поюще: Аллилуиа.

Икос 7

Новое знамение милости Божия яви и нам молитвами твоими, святителю Павле, ограждай нас от помраченных людей, несущих раскол и неверие, нападающих люте на нас, пребывающих в единении Церкви Христовой, вселенстей, взывающих тако тебе:

Радуйся, звездо, ко Христу приводящая.

Радуйся, дивный иерарше Церкви Христовой.

Радуйся, яко кровь твоя, аки кровь Авеля праведнаго, вопиет ко Гос-поду.

Радуйся, во храме убиенный, аки Захария священнейший.

Радуйся, аки Климент, мученик великий, в минуты Божественной Литургии течение свое скончавый.

Радуйся, святителю Павле, исповедниче Христов.

Кондак 8

Странником и пришельцем во всем показавый себе в сей юдоли земной и многмятежной, Христов святителю Павле, добре поработавый себе на ниве Христовой, множество бед, скорбей и гонений претерпевый ради Свя-тыя и

Пребожественная Троица, Ей же и воспеваем непрестанно: Аллилу-иа.

Икос 8

Всею душею Христови предался еси, святителю Павле, стоя на свещ-нице аки светильник. Воистину показался еси святитель Христов много-трудный, сими славу стяжав бессмертия, – венец неувядаемый, и наша да-ры словесная сия приими:

Радуйся, превеликаго Мирликийскаго святителя Николая соревнова-телю.

Радуйся, Спиридона святителя подражателю.

Радуйся, друже Афанасия великаго.

Радуйся, купно с ним от ариан множество бед и гонений претерпевый.

Радуйся, аки зеницу ока веру православную соблюдый.

Радуйся, во Армении жизнь твою мученически скончавый.

Радуйся, святителю Павле, исповедниче Христов.

Кондак 9

Витии красноречия не возмогут достойно изобразить высоту духа, жи-тия, трудов, страданий и кончины твоя, святителю преславне Павле. Сего ради молим тя усердно: избави нас молитвами твоими от нападений змия древняго, змия великаго – диавола и клеветов его, ненавидящих Церковь Христову и нас, чад ея, победно поющих всегда: Аллилуиа.

Икос 9

Всякое душевредное учение и нестроение разруши в земли нашей, свя-тителю Божий Павле. Молися Пастыреначальнику Христу Богу нашему о умножении благочестия, мира и любви в многобедственной стране нашей. Да дарует Господь Бог пастырям нашим мудрость духовную, здравие с долготерпением, тебе величающим:

Радуйся, светило православия.

Радуйся, добрый пастырю стада Христова.

Радуйся, служения Апостольскаго сопричастниче.

Радуйся, усердный прогонителю душевредных псов от словесных овец.

Радуйся, попечителю Богоизбраннаго стада Христова.

Радуйся, омофором своим руками дерзкими ариан умерщвленный.

Радуйся, святителю Павле, исповедниче Христов.

Кондак 10

Спасение паствы твоя промышляти не преставая, отче Павле; во дни изгнания твоего в Риме пребывавый у святейшаго Юлия, идеже сретил еси подобника себе в скорби, гонении и клевете от злочестивых хулителей Сы-на Божия, святого великаго Афанасия, идеже укрепился еси духом, и паки ко граду своему пришед, от собора святых отгнал еси лжеименнаго Македония, ублажая память добре пострадавших за чистоту православия едино-нравных мучеников Константинопольских: иподиакона Мартирия и чтеца Маркиана, честных нотариев, Богу поя победную песнь: Аллилуиа.

Икос 10

Стена крепкая явился еси, архипастырю Божественный Павле, всем угнетенным и гонимым за исповедание православныя веры Христовой. Бу-ди и нам, исповедниче Христов, крепким забралом от всякаго зла, ты воспе-вающим тако:

Радуйся, любовь дивную ко отечеству твоему показавый.

Радуйся, яко слово писания «любы долготерпит» на тебе оправдася.

Радуйся, Троицу непременною от Рима до Кукуз проповедавый.

Радуйся, верныя чада Божии в вере утверждаяй.

Радуйся, хитросплетенныя сети ересей посекаяй.

Радуйся, святителю Павле, исповедниче Христов.

Кондак 11

Пение радости чад духовных Цареградския Церкви паки на плачь и скорбь приложися, егда Павел, святой архипастырь, се уже третье изгна-ние, за тую же веру единства Пресвятыя Троицы, терпит. Се воистину явился еси, добрый святителю, яко же Павел великий, апостол Христов, с нимже и поеши согласно: Аллилуиа.

Икос 11

Светозарная свеща явился еси, священнейший пастырю Павле, освещающая нас Божественным светом веры Христовой. Воспети вся беды, болезни твоя разум подаждь с небесе, сошедшимся зде, в летнем твоём торжестве:

Радуйся, красная гусли Духа Святаго.

Радуйся, чаша Божественная мудрости и знаний.

Радуйся, река Божественная благодати.

Радуйся, цевнице Христовых учений.

Радуйся, веру соблюдый.

Радуйся, надежду сохранивый.

Радуйся, любовь всем дивно показавый.

Радуйся, святителю Павле, исповедниче Христов.

Кондак 12

Благодать и милость испроси нам на небеси, предстоя престолу Свя-тыя Нераздельныя Троицы, святителю Павле. Приими наша молитвы и песнопения в честь святых памяти твоя, святе, та бо источает нам радость и ликование, Богу же с тобою воспевающим: Аллилуиа.

Икос 12

Поюще многострадальное твое житие, ублажаем мученическую кончину, яже приял еси за чистоту веры во Святую и Единую Троицу, от злокозненных раздирателей Христова хитона. Помяни нас, ткущих тебе похвалы таковая:

Радуйся, прославленный на небеси и на земли.

Радуйся, цвет благоуханный рая Иисусова.

Радуйся, секира посекающая терния безбожных глаголов.

Радуйся, славный учителю юных богословов.

Радуйся, бодрый архипастырю пастырей стада Христова.

Радуйся, святителю Павле, исповедниче Христов.

Кондак 13

О, великий и преславный исповедниче Христов, столпе непоколебимый, святителю Павле! Приими сие похвальное пение от нас недостойных тебе приносимое, и твоими богоприятными молитвами у престола Божия испроси нам утверждение в вере православней, и в будущей жизни сподобиться внити во славу небесную, купно с тобою поюще всегда: Аллилуиа.

(Сей кондак читается трижды; посем икос 1 и кондак 1)

МОЛИТВА

святителю Павлу исповеднику

О, святителю Христов, преподобне, блаженне Павле, Архиеерею Божий! Предстояй ныне неизреченной славе Святыя Троицы, молися за всех нас, молящихся ныне к тебе, яко к великому молитвеннику за нас грешных пред престолом Вседержителя, о еже избавитися нам от всякаго злаго обстояния, враг видимых и невидимых. Вознеси молитвы твои святыя за оби-тель, град и страну нашу, и всяку страну, идеже свет сияет Евангельской истины. Да тако совершивше земное течение, внидем в радость неизречен-ных славы Творца и Промыслителя, и сподобимся купно с тобою прослав-ления Божества Святыя Троицы во веки веков. Аминь.

Акафист святому великомученику Иакову Персянину

Кондак 1

Избранный страстотерпче и предивный угодниче Христов, добропо-бедный великомучениче Иакове, восхваляем тя, венчанного венцем нетле-ния, ты же ныне предстоя престолу Вседержителя, моли за град, обитель и люди, совершающая святую память твою, в радости зовущия:

Радуйся, Иакове, преславный страстотерпче.

Икос 1

Ангели Божии радуются, приемля в горния обители души праведных, наипаче же веселятся веселием, егда во вратех райских сретают души свя-тых мучеников. Сего ради и мы, в юдоли сей плачевней, на земли пребы-вающих, в честь честных подвигов твоих возглашаем сице:

Радуйся, Ангелов веселие.

Радуйся, демонов рыдание.

Радуйся, мучеников радование.

Радуйся, язычников обличение.

Радуйся, Церкви красото.

Радуйся, спасающихся полков ликование.

Радуйся, Иакове, преславный страстотерпче.

Кондак 2

Сила Вышняго вразуми и укрепи тя, славне Иакове, егда зело прещаше ти, царь-мучитель смертью тяжкою и протяженною хотяше тя убить. Ты же сия ни во что вменил еси, словеса безумныя осмеял еси, и отдался еси, яко древо, сечению, посекая сим древняго мучителя – диавола, Богу же воспевая песнь немолчно: Аллилуиа.

Икос 2

Имея зловерием помраченныя души, огнепоклонницы Персидстии не восхотеша разумом своим проникнути во Свет Троического Божества, но на мучение тя устремишася, да косо и протяженно тя истязуют по глаголу неправеднаго судии. Мы же, сих ради твоих великих страданий, умильно зовем:

Радуйся, древо, принесшее плоды веры.
Радуйся, верою твоею Христа всеискренне возлюбивый.
Радуйся, ласкания и угрозы презревший.
Радуйся, проповедниче всеобщаго воскресения.
Радуйся, наследниче райскаго жилища.
Радуйся, сладкий грозде веры Христовой.
Радуйся, Иакове, преславный страстотерпче.

Кондак 3

Бурею злобы дышущия врази Креста Христова совет беззаконный со-творша, да киими бы лютейшими ранами уязвити тя, Иакове, ты же добле-ственно испил еси чашу мучений, воспевая благодарственныя гимны Спа-сителю Богу: Аллилуиа.

Икос 3

Слышаша мучителие твои словеса, мучениче Иакове, преисполненныя хвалы и любви ко Господу, распыхахуся омраченным сердцем своим на тя. Ты же всеусерднейше помолився о даровании свыше ти помощи тако: «Господи Боже мой, услыши мя раба Твоего, призри с высоты небесныя и даждь ми крепость и силу в час сей». Мы же, прославляя таковую любовь твою ко Господу, тако поем тебе:

Радуйся, мужественно и терпеливо кровь твою проливающий.

Радуйся, венца нетленного наследниче.

Радуйся, яко и нам, певцем твоим, венцы правды ходатайствуеши.

Радуйся, адаманте веры Христовой.

Радуйся, шипок, облагоухавший Церковь святую.

Радуйся, Иакове, преславный страстотерпче.

Кондак 4

Богомудренно сродников своих послушатель быв добрый, егда сии по-сланием тя увещаваше стояти всеусердно в надежде, вере и любви. Не усумнился еси, ниже убоялся еси, егда тебе первый перст десницы твоея врази отсекоша. Но воспел еси гимн первый благодарственный Богу: «Гос-поди Боже, Ты отгоняеши единым перстом Своим бесы, приими, яко ветвь от древа, моя десницы первый перст и милостив ко мне

рабу Твоему буди, и возрасти мя, яко лозу плодовиту, в вертограде Твоя славы поющего: Ал-лилуиа».

Икос 4

Мученическому лику сопричен был еси, Иакове, по совершении страдания твоего. Да молитвами твоими сопричемся и мы к лику святых не-божителей, с любовью ныне воспевающих память твою песньми духовны-ми тако:

Радуйся, быстрее возревновавый о Господе.

Радуйся, воине Христов прекрасный.

Радуйся, и нам во брани с духом лукавым помогай.

Радуйся, святыми мощами твоими нас освящай и сохраняй.

Радуйся, защитниче от бесовских наваждений.

Радуйся, Иакове, преславный страстотерпче.

Кондак 5

Проповедникам Христовой истины поревновал еси, страстотерпче Иа-кове, к Богу паки и невовратно прибегл еси, стрижен был еси, незлобиве, яко овча, но не волну мягкую отдал еси, а персты на отсечение десницы и шуй-цы твоя. В сей страшный час твоих страданий Бога благословил еси, поя: «На десятиструнном псалтири воспеваю Тя, Боже, и благодарение приношу Тебе поя: Аллилуиа».

Икос 5

Светлым лицом, возвышенным умом и радостным сердцем предстоял еси пред неразумными мучителями, Иакове святе. Ты же молитвами свои-ми молился ко Господу, да просветит и нас светом Своея благодати, и изба-вит от злых и неразумных людей, к тебе прибегающих тако:

Радуйся, скорый целителю болящих, притекающих к тебе.

Радуйся, во страданиях своих седмины жизни твоя скончавый.

Радуйся, и осьмый день жизнь вечную получивый.

Радуйся, на водах покоя почиваяй.

Радуйся, пламенне Христа возлюбивый.

Радуйся, зрелый винограде райскаго прозябения.

Радуйся, Иакове, преславный страстотерпче.

Кондак 6

Хотяще всячески сердце твое уловити, исконный тать душ человече-ских – диавол, устами слуг своих паки и паки ища тя уловити и отвратити, Иакове, от источника света – Христа. Ты же, Боголюбче, уразумев сие ловление коварного врага, с Давидом царственным воспел еси: «О, Бозе, спасение мое, о, Бозе, слава моя!» За таковое твое исповедание Бога Выш-няго поем песнь Ангельскую: Аллилуиа.

Икос 6

Новаго тя мученика и страстотерпца Божия Церковь Христова усердно прославляет, наипаче же в день святых памяти твоя имея тя молитвенника пред Богом за люди, почитающия тя похвалами сими:

Радуйся, звездо, от Персиды возсиявый.

Радуйся, святых обителей и храмов Божиих украшение.

Радуйся, носящих имя твое святое освящение.

Радуйся, почитающих и украшающих святых мощи твоя благословение.

Радуйся, и нас даром сим высоким святых мощей твоих обогативый.

Радуйся, Иакове, преславный страстотерпче.

Кондак 7

Странность непонятная является страдание твое, мучениче Иакове, неверующим. Глаголют бо: како возможно человеку презреть богатство, здравие и честь и шествовать путем Христа распята? Мы же грешнии ве-мы, колико есть пресладко Евангелие Христово, ве-мы, яково Бог уготова Царствие любящим Его. Ве-мы и твою любовь к нам, Иакове достославне, поющим Богу: Аллилуиа.

Икос 7

Всесладчайшаго Господа Иисуса сладце возлюбил еси, Иакове, любви Его последовал еси. Во страданиях твоих благодарил еси вседушного Бога. Мы же, поучающиеся таковой любви твоей святых, усердно тебе вопием от земли:

Радуйся, верховному Апостолу в любви и покаянии поревновавый.

Радуйся, научаяй нас ждати Христова судища Страшнаго.

Радуйся, друзей льстивых отвративыйся.

Радуйся, яко тобою избавляемся лъстивых друзей мудрования.

Радуйся, яко память святая твоя в день образа Знамения Мати Божия – Новгородския.

Радуйся, грозде виноградная, плод духовный обильно принесшая.

Радуйся, Иакове, преславный страстотерпче.

Кондак 8

Вси Ангели Божии возрадовашеся и Господа восхвалиша, даровавшего тебе таковое терпение, Иакове премудре, яко и во страданиях твоих не пре-ставал еси хвалу и благодарение Богу приносить, ибо Бог прославляющих Его прославляет. Таковому Божию милосердию радуешься, победную песнь Богу поем: Аллилуиа.

Икос 8

Суемудренно изрекает неплодящая языческая церковь. Премудренно витийствует Христова Церковь православная в прославлении святых и мученический Христовый полк – от нихже днесь святой Иаков прослав-ляемь тако:

Радуйся, лозо отребленная мучением.

Радуйся, яко от крове твоя истече вино райского аромата.

Радуйся, уста церковныя славы.

Радуйся, дивное долготерпение показавый.

Радуйся, непрестанно в страданиях гимны Богу возсылавый.

Радуйся, Иакове, преславный страстотерпче.

Кондак 9

Спаستися душам нашим потщися, великомучениче преславный Иако-ве. Воистинну ве мы, яко много может молитва праведнаго, наипаче же му-ченика моление, яко речет Церковь нам. Сего ради тя усердно молим: ох-раняй нас предстательством твоим от душевных и телесных болезней, да во вся дни до кончины живота нашего Богу усердно поем: Аллилуиа.

Икос 9

Стена любви ко Господу твердая явился еси, Иакове, и по разрушении храма – тела твоего, аще и пострадал еси ужасне яко человек, обаче духом ликовал еси во цветнице, Бога

благодаряще, Бога воспевающе – сечен, яко древо. Таковой красоте твоея души радуясь, тебе похвальная поем:

Радуйся, и руце и нозе принесший в жертву Господеви.

Радуйся, преестественными страданиями вшедший в радость вечную.

Радуйся, лозы Христовой честная розго.

Радуйся, молитвами твоими вводящий нас в покой вечного с Богом пребывания.

Радуйся, страдавый от заутра даже до девятого часа.

Радуйся, Иакове, преславный страстотерпче.

Кондак 10

Песнь исходную приими от нас, Иакове, страдальче премудрый, со-вершающих днесь память святого твоего торжества: сердец наших любо-вию горение, фимиама, свещей и цветов от земли приношение, паче же Богу поющих псалом: Аллилуиа.

Икос 10

Светоносным и живительным Троическим светом за страдания твоя осиянный, Иакове, мучениче преизрядный, да светиши нам грешным, во мраце сидящим, светом Христовым с горних высот небесного Царствия, идеже ты ныне наслаждаешься неизреченных Божиих красот, да от земли тебе вопием:

Радуйся, мир и благословение нам с небесе посылающий.

Радуйся, и нас к небеси привлекающий.

Радуйся, яко за вся персты твоя усеченная Бог тя маслиной плодови-той показа.

Радуйся, наслаждающийся духом мира, веселия и любви во Христе.

Радуйся, хладную любовь нашу согревающий.

Радуйся, огнем веры нас воспламеняющий.

Радуйся, Иакове, преславный страстотерпче.

Кондак 11

«Страданием смертного тела моего совлекаюся ветхаго, тлеющего во мне, человека. Смертию же моею облакаюся в бессмертия ризу. Сего ради, мучителие, что стоите? Исторгайте персты, руце и нозе мои, – творите се-чение древа! Аз бо иду ко

Христу моему, Царю и Богу, да во Царствии Его безконечном с ликом горних умов воспою: Аллилуиа».

Икос 11

Пение Святей Троице воспел еси, Иакове, принося благодарение за вся, яже дарова ти Господь: дар покаяния, терпение, любовь и надежду. За та-ковое твое признание воли небесней приими и от нас, малых и грешных по Бозе собратии твоей во Христе, припевы сия:

Радуйся, вся земная оставивый, да Христа приобретаеши.

Радуйся, в час страданий твоих Христу Богу горевый, аки свеща.

Радуйся, стебель страдальчества и плод благодатный.

Радуйся, яко персты своя усеченныя в жертву Богу принесл еси.

Радуйся, доброе семя Христово, в Персиде посеянное, прозябшее же во Вселенстей Церкви.

Радуйся, Иакове, преславный страстотерпче.

Кондак 12

Благодатных даров небесных ниспосли нам от святых мощей твоих, достославне великомучениче Иакове. Приими наше сие песнопение в честь и память страданий твоих приносимое. Да молитвами твоими оградиши нас от враг видимых и невидимых. Да тихое и безмолвное житие совершивше, внидем в чертоги небесныя славы, Богу поюще во веки веков: Ал-лилуиа.

Икос 12

Поюще страдальческую твою кончину, воспеваяем Господа Бога Хри-ста, дивнаго во святых Своих, прославляем святая страдания твоя, Иакове – лозо добродетельная вертограда Христова, и приносим ти малую молит-ву сию:

Радуйся, вшедший в вечную Божию радость.

Радуйся, торжествующим нам святую память твою помогаяй.

Радуйся, сохраняющий нас от бед и напастей.

Радуйся, тайный наш посетителю.

Радуйся, яко в святей малей части мощей твоих благодатных духом пребываеши с нами.

Радуйся, наша небесная радость.

Радуйся, Иакове, преславный страстотерпче.

Кондак 13

О, предивный и многострадальный великомучениче Иакове, сеченный, яко древо! Приими от нас сие малое молитвенное песнопение, тебе приносимое в день святыя памяти твоея. Избавляй нас молитвами твоими от всякаго зла, да благодарно Богу поем: Аллилуиа.

(Сей кондак читается трижды; посем икос 1 и кондак 1.)

МОЛИТВА

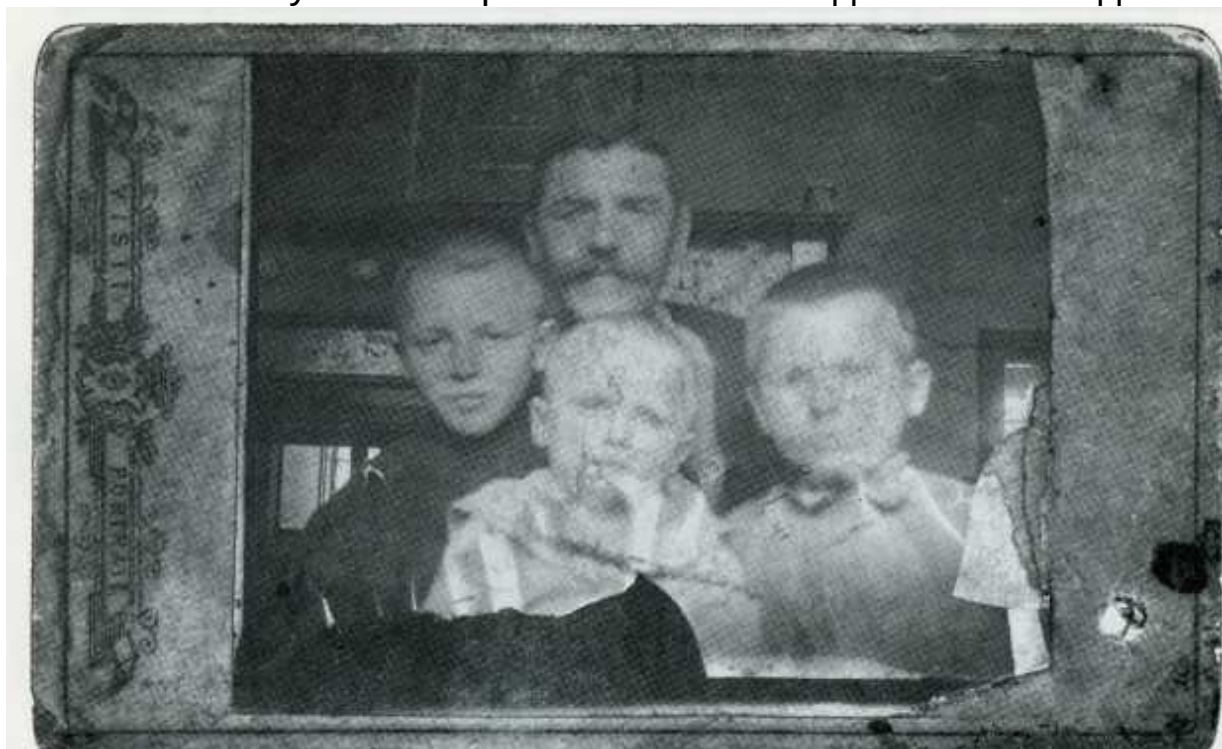
великомученику Иакову Персянину

О, святой славный и добропобедный великий мучениче Христов Иа-кове, предстоя ныне по святей мученической кончине твоей престолу Гос-пода славы и наслаждаяся неизреченной красоты небеснаго чертога Бо-жия, не забуди и нас тамо в богоприятных молитвах твоих, zde на земли мо-лящихся тебе. Моли благость Божию, еже ущедрити храм сей (или обитель сию), град и всю страну нашу православную; исходатайствуй у престола Господа Вседержителя паче же всего душам нашим спасение. Да тако святыми молитвами твоими спасение улучим, и сподобимся причастницами быти небесных селений, купнаго с тобою пребывания, прославляя Божественное имя Отца, Единороднаго Его Сына и Утешителя Святаго Духа, во веки веков. Аминь.

Фотографии

Михаил Наумович Чернов и его жена Евдокия. 1898 год

Черновы: Михаил Наумович, Иван Михайлович, Яков Михайлович, Алексей Михайлович. 1905 год

Послушник Тверского Отроч монастыря Иван Чернов. 1912
год

Иеромонах Иосиф. 1920 год

Иван Чернов – унтер-офицер. 1916 год

Епископ Таганрогский Иосиф. 4.IX.1933 г.

Архиепископ Арсений (Смоленец)

Епископ Таганрогский Иосиф. 1936 год, на Крестопоклонной неделе

Федя-композитор. *Таганрог*

Протоиерей Симеон Таборанский, дочери Валентина, *Раиса* (справа) и супруга *Анисия*. Умань. 1943 год

Иосиф, епископ Таганрогский. 1942 год

Епископ Иосиф, 8 ноября 1955 года. Петропавловск.
Надпись на обороте: «Добрейшей Валентине Семеновне
Таборанской на добрую память о Умани»

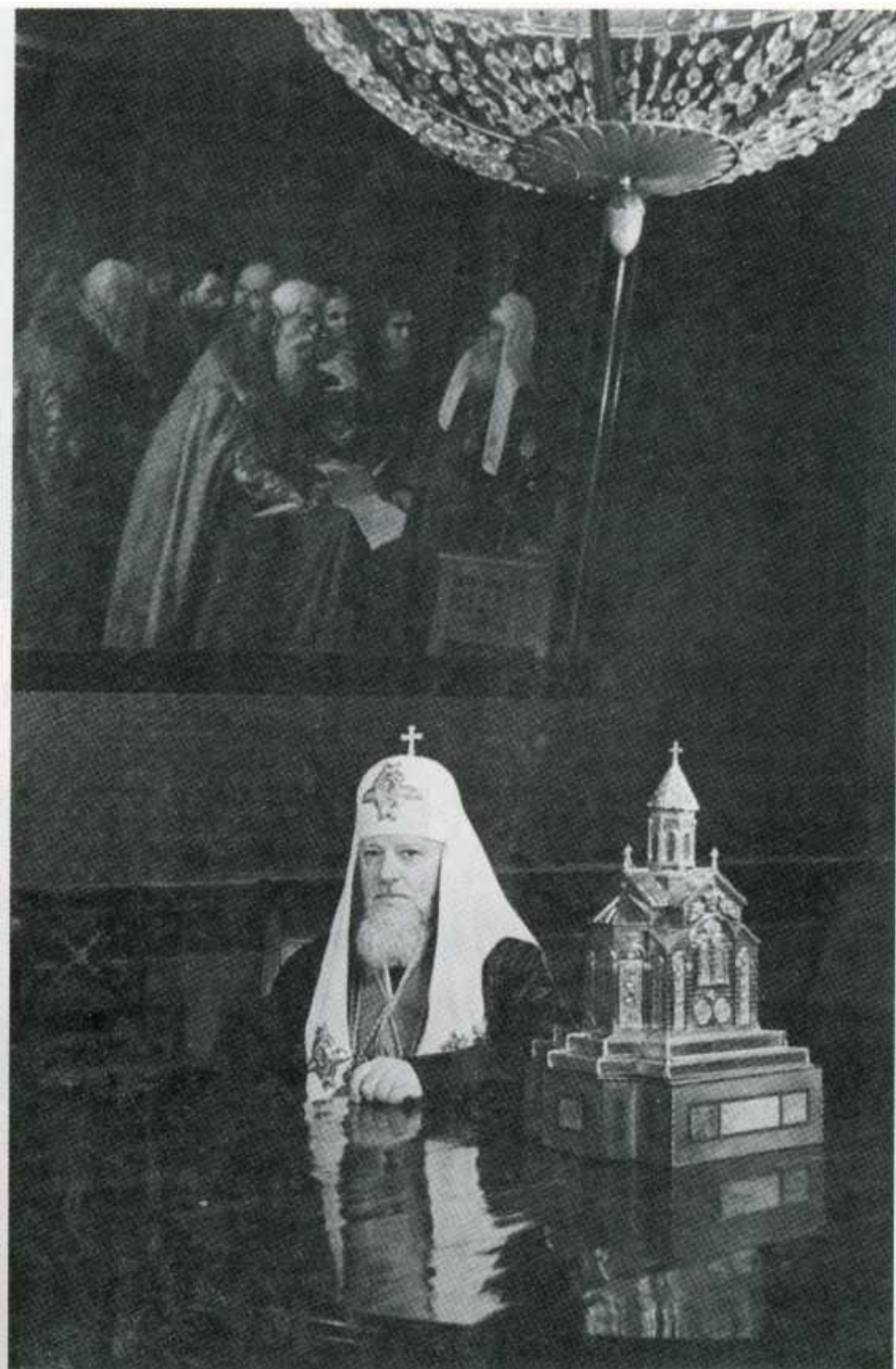

Фото Патриарха Алексия I с дарственной надписью:
«Возлюбленному Собрату преосвященному Епископу Иосифу на
молитвенную память. П. Алексий. 1954 г. 1/14 X»

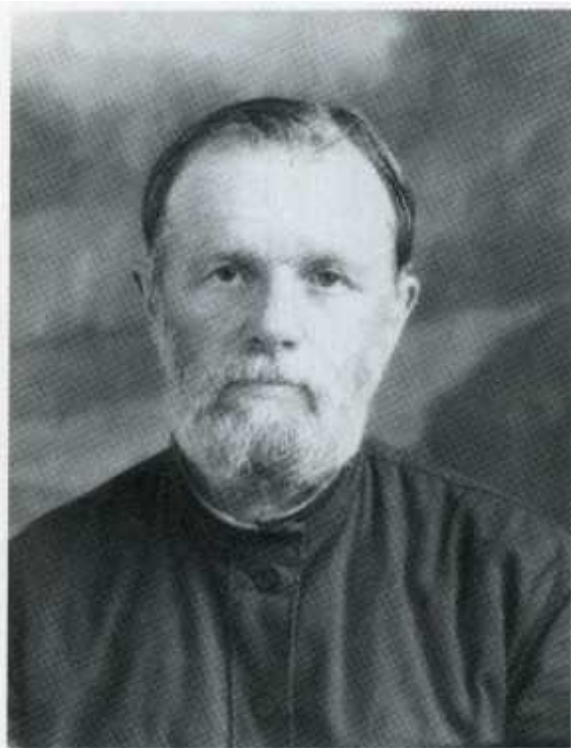

Фото из архивного уголовного дела. Год неизвестен

Епископ Иосиф, 8 октября 1954 года. Кокчетав

Епископ Иосиф и Сапаргали Кенжегарип. Кокчетав. 1954 год

Сапаргали (слева) и Молдагали Кенжегарины

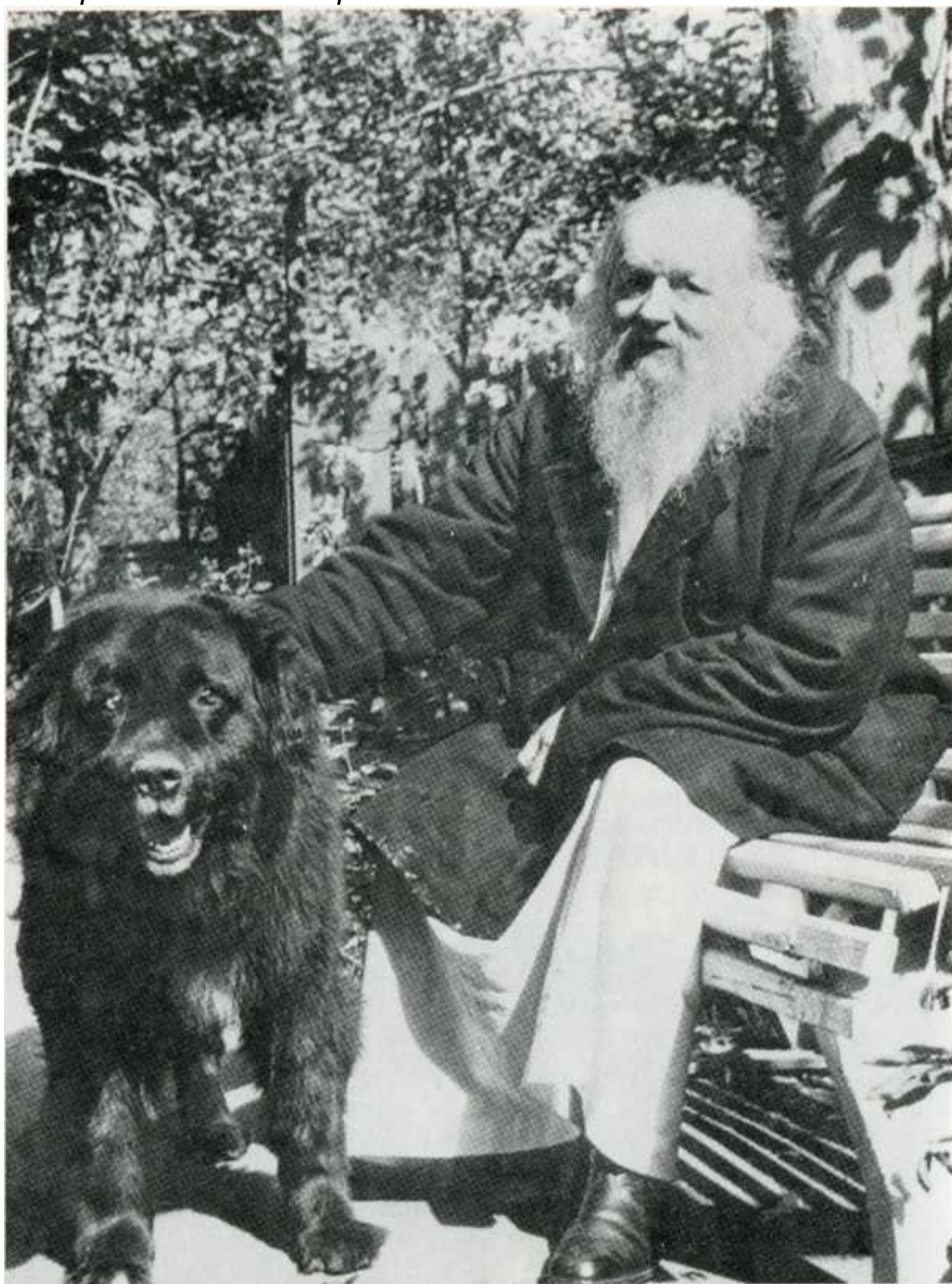
Епископ Иосиф. Кокчетав. 1954 год

Петропавловск, 1960 год. «Конечно после обеда!»
Архиепископ Иосиф

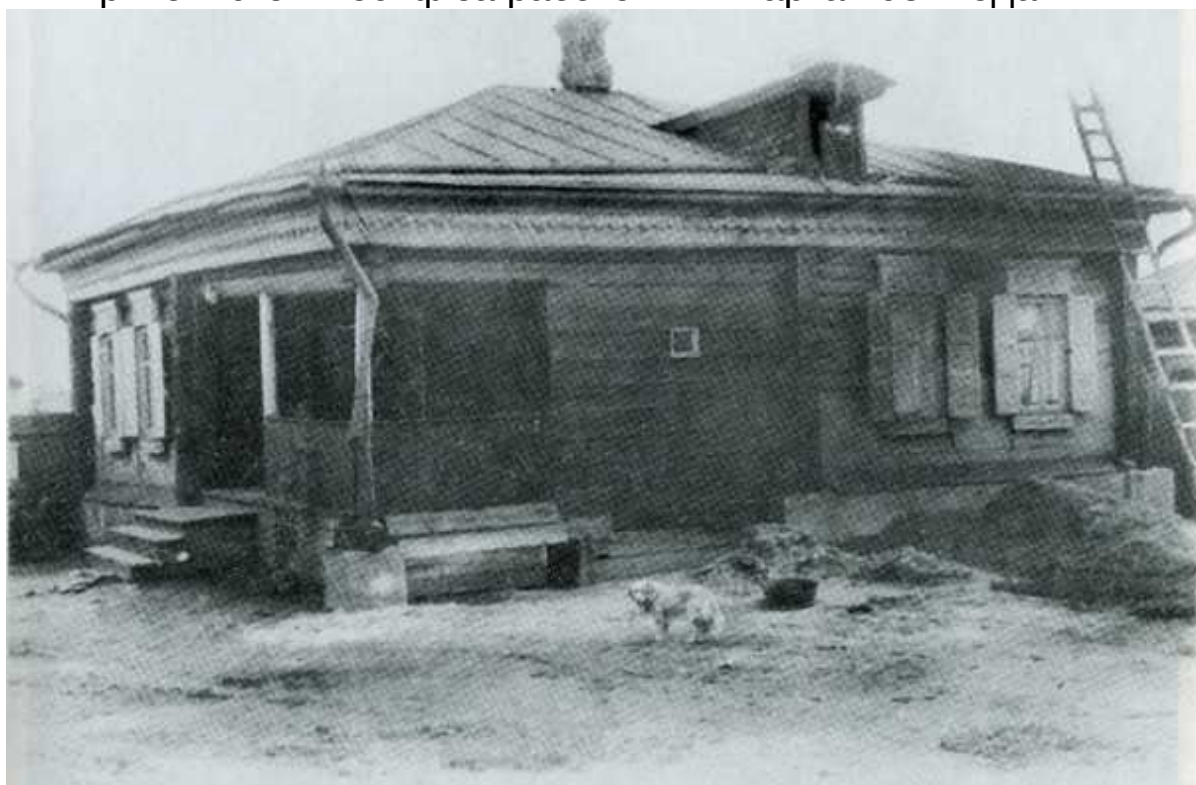
Архиепископ Иосиф. 1960-е годы

Владыка и Джерри

Архиепископ Иосиф за работой. 14 марта 1957 года

*Архиепископский дом в Петропавловске, улица Мира, 184.
Июль, 1968 год*

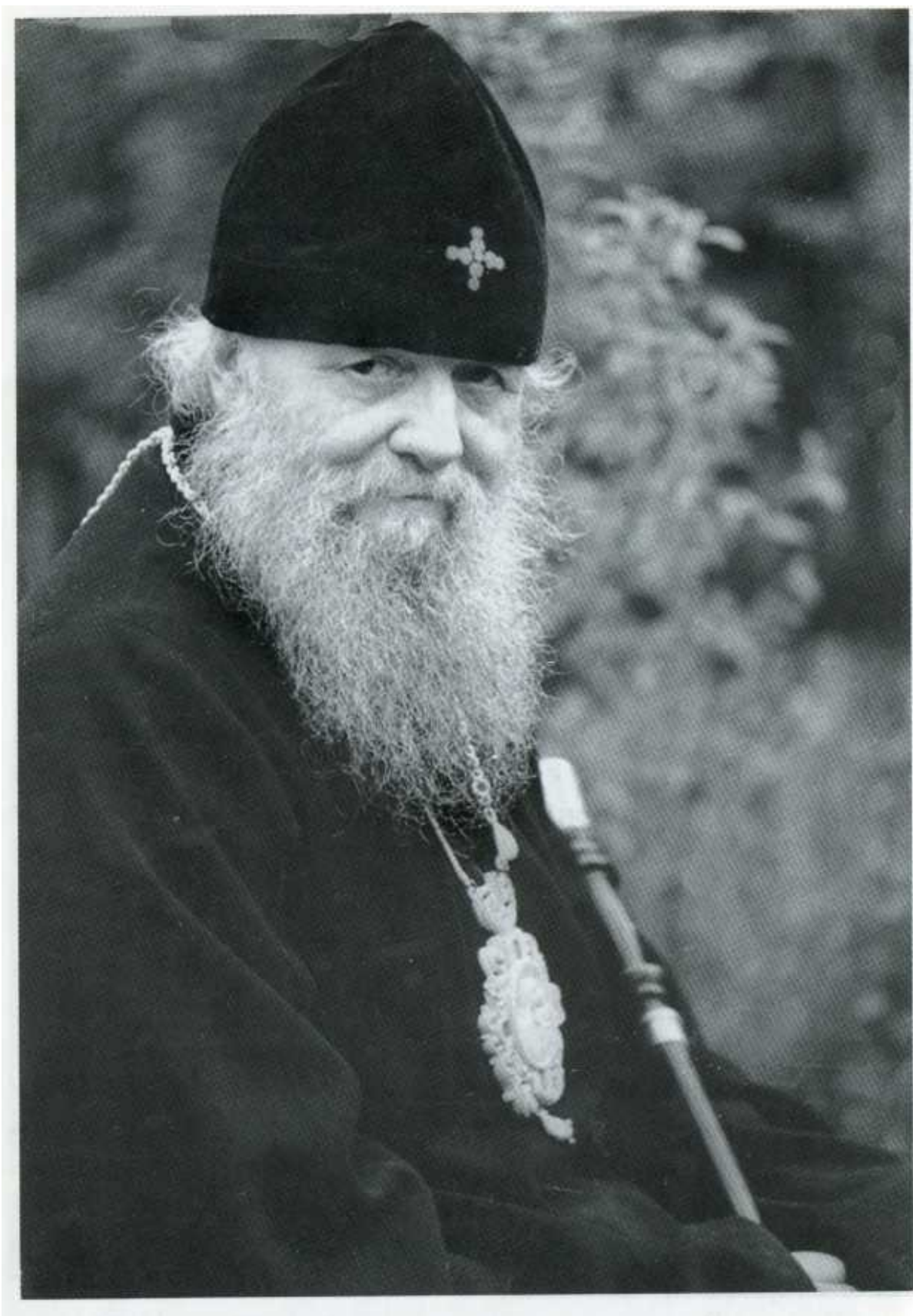
Алма-Атинский Кафедральный Никольский собор. 1961 год

Митрополит Мануил (за три дня до смерти), епископ Иоанн.
1968 год

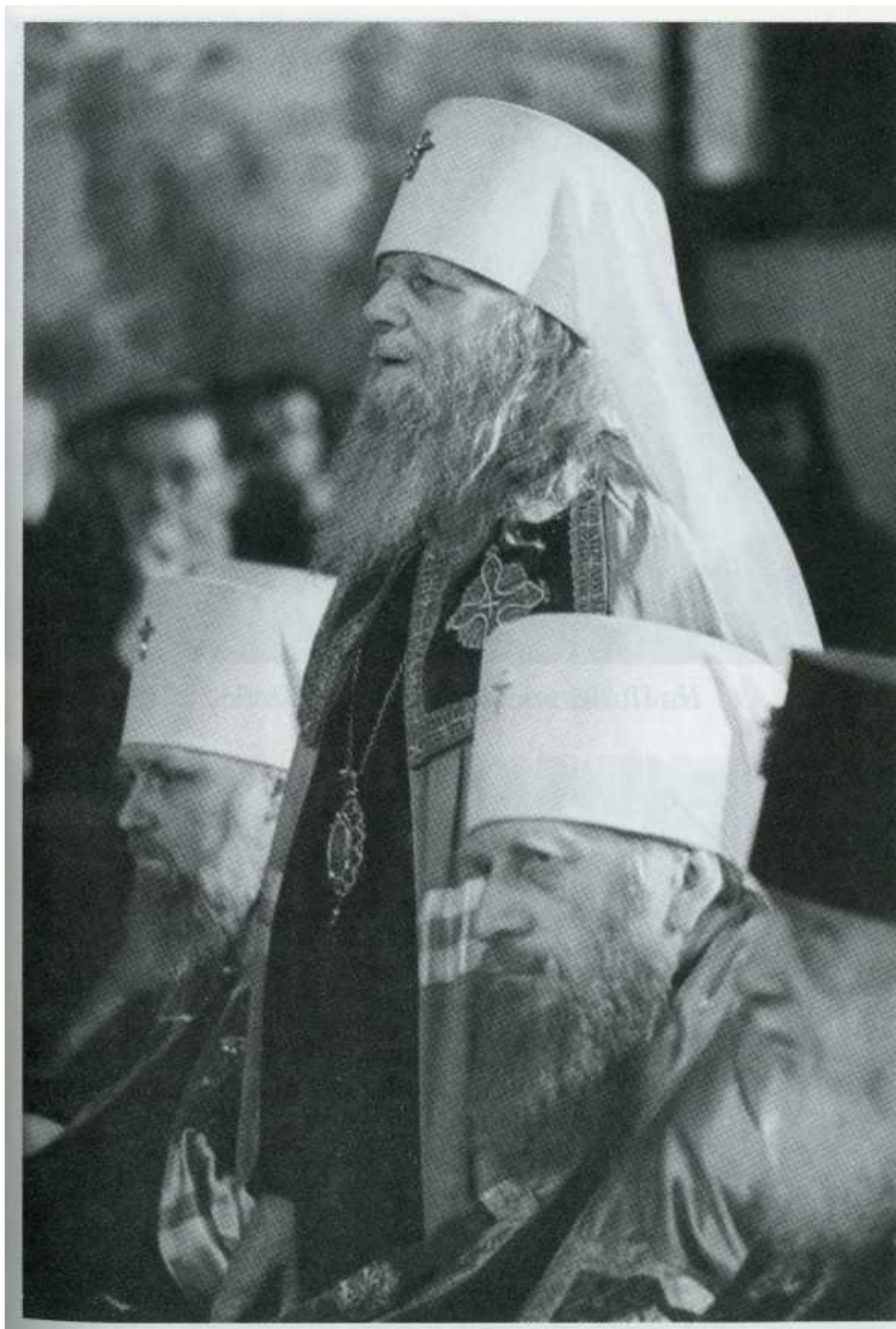
Иосиф, митрополит Алма-Атинский. Алма-Ата. 1968 год

Архиепископ Иосиф. Алма-Ата. Май, 1967 год

На Поместном Соборе 1971 года

Поместный Собор 1971 г. «Я, клир и паства Алма-Атинской епархии избираем Патриархом Московским и всея Руси Высокопреосвященного Пимена, *митрополита Крутицкого*»

На Поместном Соборе 1971 года

С Карагандинским старцем преп. Севастианом в Караганде.
1960-е годы

На Поместном Соборе 1971 года

«Синод при покойном П. Алексии I. Его лаврские монахи называли “Белый Синод»

В поселке Узун-Агач Алма-Атинской области с паствой и священником Николаем Поповым

В Караганде со старицей монахиней Агнией (Стародубцевой). 1960–1970 годы

Крестный ход в Целинограде

«Митрополит Иосиф и его “чудеса”, 1968 г. Алма-Ата. Но дело обстояло так. Весьма уставший старец-креститель где-то задремал. .. В крестилке ни души из причта... Шофер кричит, девочка кричит... И, услышав об этих криках, митрополит младенца окрестить спешит... А тогда и все явились. М. Иосиф»

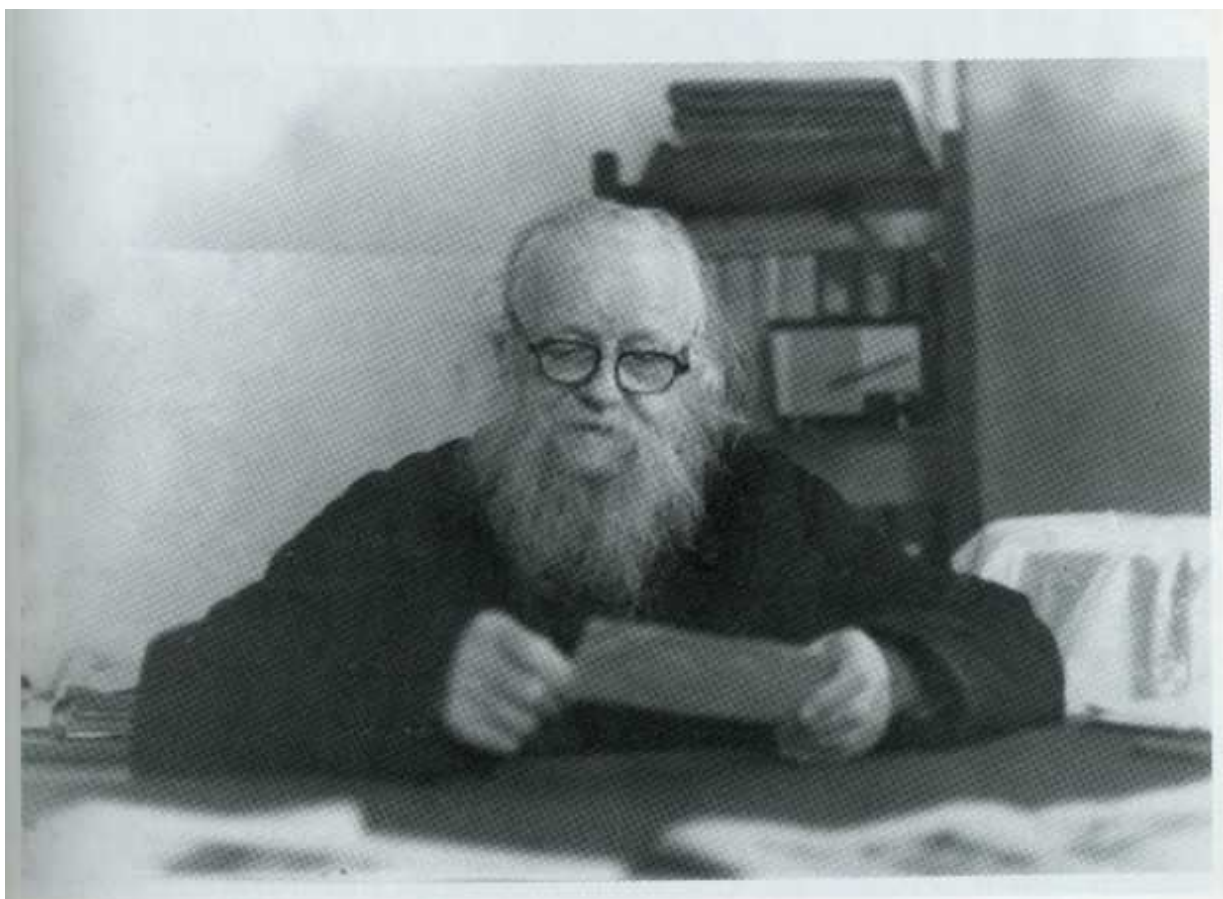
После Литургии в Никольском соборе. Алма-Ата

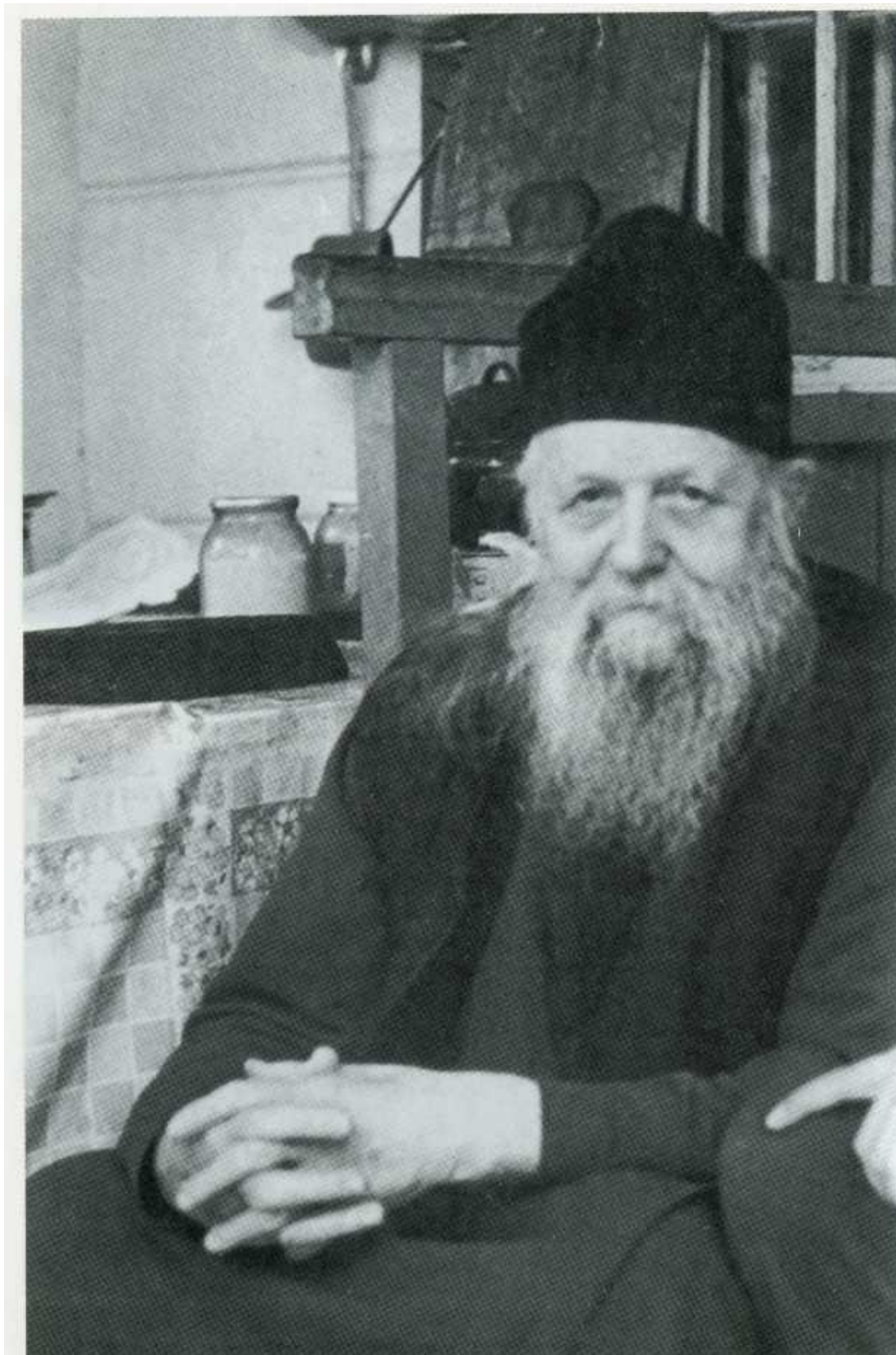
В Архиерейском доме. Петропавловск. 1960 год

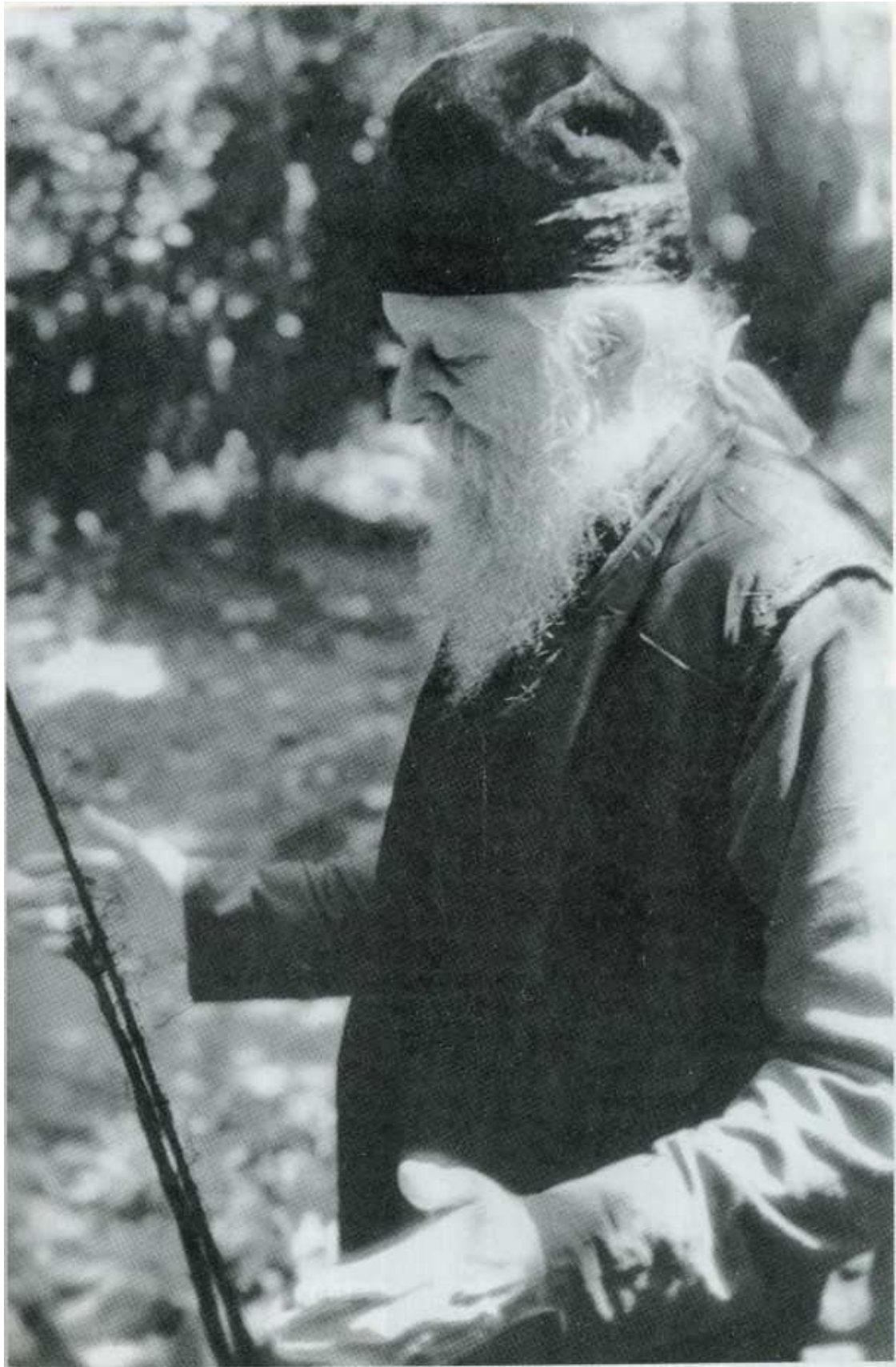
На улице Минина в кабинете

Владыка у себя дома на улице Минина, 10

Владыка у себя дома, на кухне

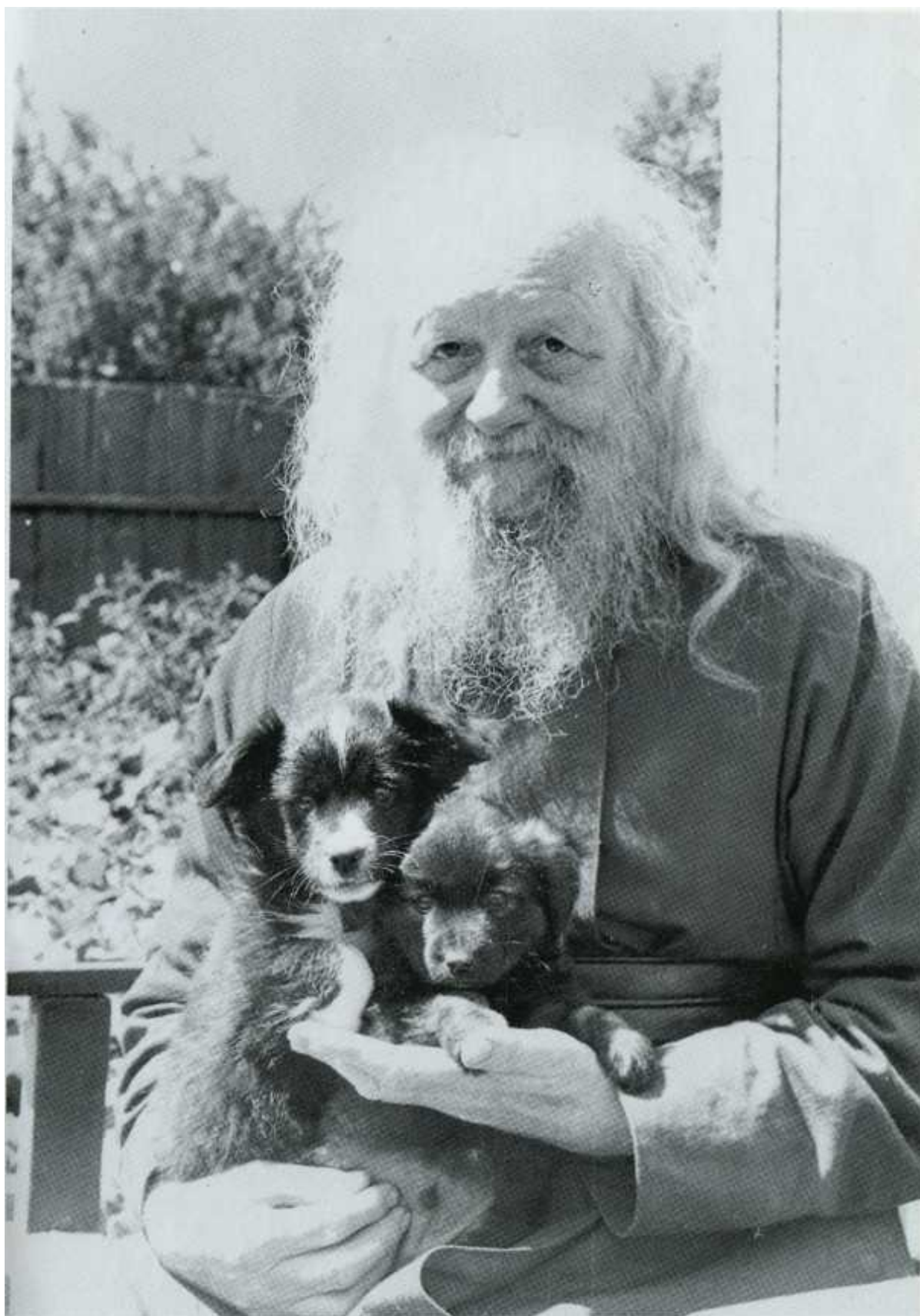

Владыка у себя дома, в саду

В Алма-Ате с Дозором. 1961 год

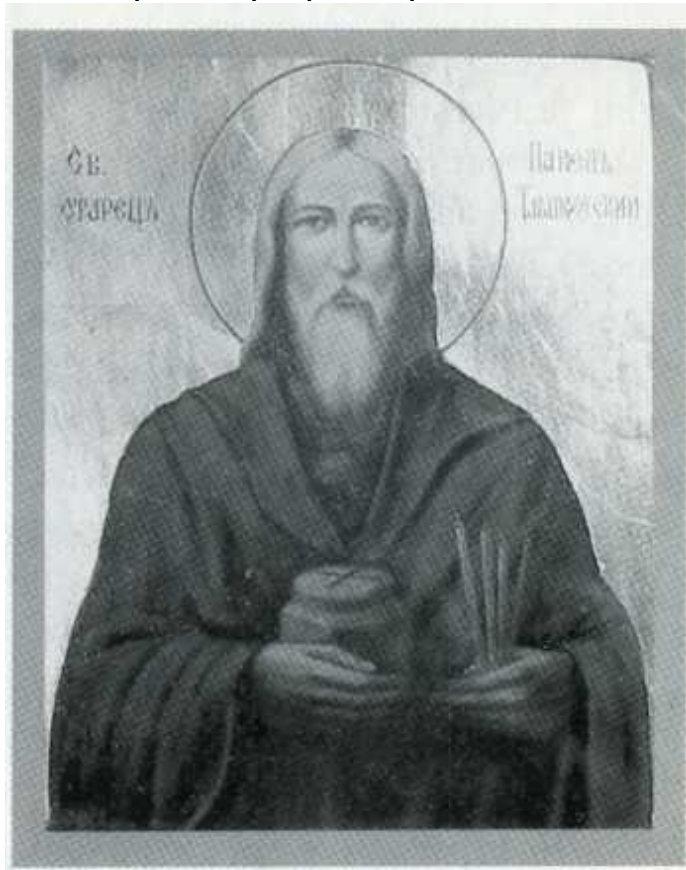
Маленький Джерри, Мужичок и Владыка летом 1973 года.
Целиноград

В Свято-Троицкой Лавре, 1969 год

В Сеято-Троицкой Лавре, в дни конференции: митрополит Иосиф, епископ Питирим, профессор о. А. Остапов

Икона святого старца Павла Таганрогского

Могила архиепископа Арсения (Смоленца).
Таганрог

Дорогого О.Серафима приветствую с новолетием, вот-вот Р.Х. и спасибо за память!...

Жизну и служу и весьма рад!

Желаю всем родным Вашим на Заподной, здоровья и много лет пожить всем на земле!

С люб.

А. Коси

61г.

А-Атинский Каф.Никольск.Соб.

Поздравление архиепископа Иосифа о. Серафиму с новолетием

Иосиф, митрополит
Анатолийский
— Князь Николай
Масальский
всю жизнь посвящает
своему делу.
лето 1968

Автограф митрополита Иосифа

Священнический крест, с которым владыка Иосиф не расставался и в заключении

Епископ Иосиф, в заключении в Карлаге. Конец 40-х годов

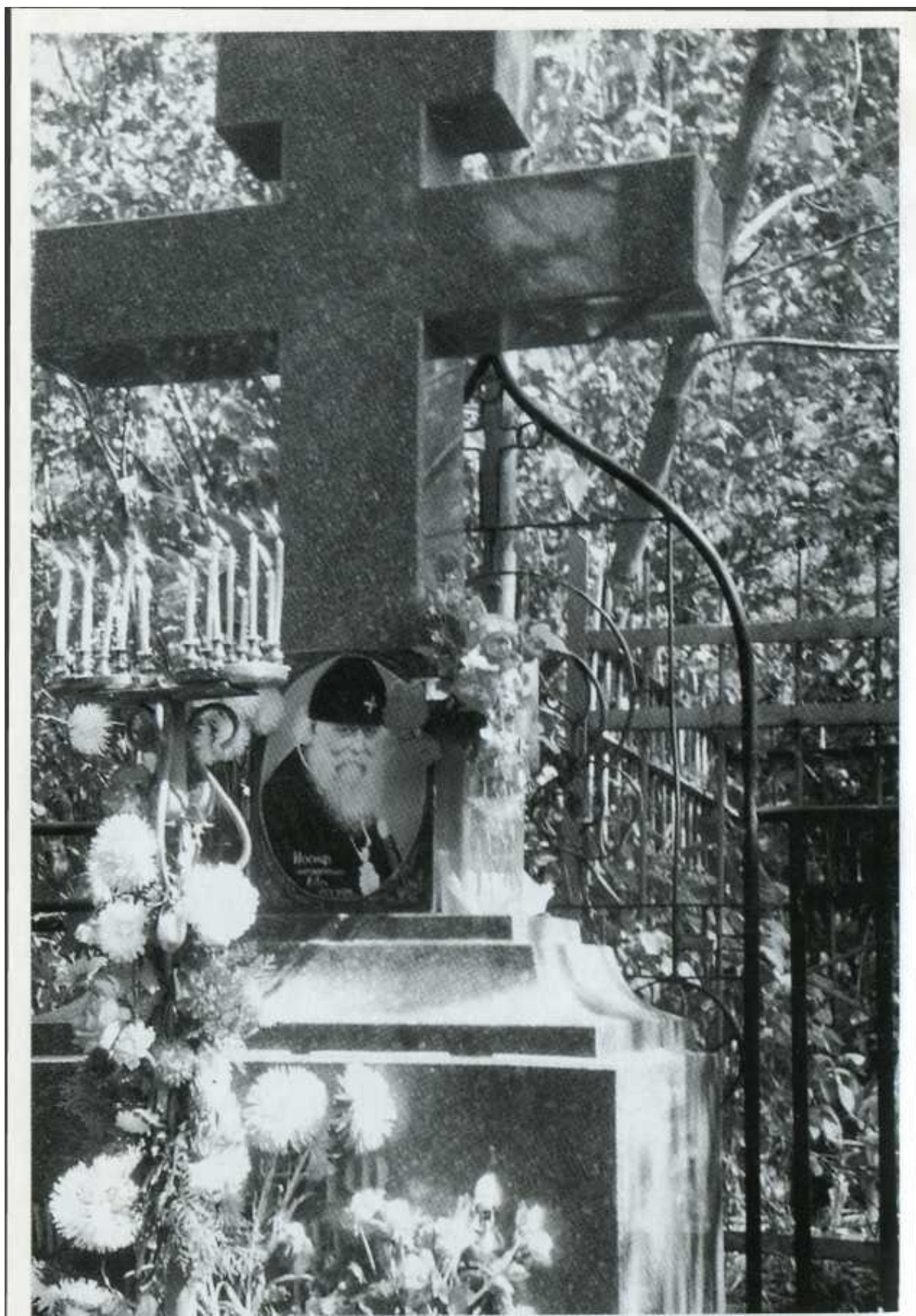
На смертном одре

Отпевание в Никольском соборе 7 сентября 1975 года

Отпевание в Никольском соборе

Могила митрополита Иосифа

Патриарх Алексий II служит панихиду на могиле митрополита Иосифа. Июль, 1995 год

Примечания

¹ - В переводе с казахского «ак кудук» означает «белый колодец».

² - Владыка рассказывал, что он помнит, как хоронили его родную мать: «Я на плетень забрался и смотрел, как ее несли и пели: «Святой Боже...» Мне было тогда три года».

³ - «Мои детские уши слышали в солдатских казармах все, – говорил Владыка в последующем, – но, по милости Божией, никакая зараза ко мне не пристала».

⁴ - Здесь и далее воспоминания митрополита Иосифа воспроизводятся по магнитофонной записи.

⁵ - Владыка Иосиф имел двух братьев: средний Алексей и младший Яков – и сестру Анну. Анна умерла в юном возрасте, Алексей был расстрелян немцами в годы войны вместе с двумя сыновьями.

⁶ - Речь идет о митрополите Питириме (Свиридове), с 1947 по 1959 год находившимся на Минской и Белорусской кафедре.

⁷ - Это детское усердие и благоговение перед Царицей Небесной было возвращено владыке Иосифу сторицей: в Алма-Ате на столе в столовой, где обедал он сам и угощал гостей, круглый год стояло более 20 ваз с живыми цветами. И сегодня на его могиле всегда лежат живые цветы.

⁸ - Одна из копий иконы Божией Матери Бельнической, принадлежавшая митрополиту Иосифу, в настоящее время находится у Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Она была подарена ему протоиереем Николаем Лихомановым (г. Тутаев), унаследовавшим эту икону от владыки Иосифа.

⁹ - Николай (Муравьев-Уральский), епископ Муромский, † 30.03.1961 г.

¹⁰ - О Феде-композиторе записано рукой владыки Иосифа: «Краткая история. Федя Войленко – мальчик, сын сторожа сберкасс. Родители умерли от тифа. Бабушка – нищая – была Феде за мать и отца. Федя стал появляться на левом клиросе Таганрогской Архиерейской церкви. Учился в десятилетке. Благодаря архиерейской этой церкви и о. Иосифу он вошел в

общество. Его талант прирожденный сделал его мальчиком-композитором и дирижером соборного хора в Таганроге. Сорок партитур написал. Окончил в Ленинграде консерваторию. В Ленинграде преподавал пение в одной из школ. ...Вернулся в Таганрог – больным. Федю немцы газом задушили в ст. Ольгенской, когда они там были».

¹¹ - Архимандрит Арсений (Смоленец) родился в 1873 году. Из польской интеллигентной семьи. В 1896 году окончил юридический факультет Варшавского университета. В 1898 году поступил в Казанскую Духовную Академию, которую окончил в 1902 году, в том же году пострижен в монашество, рукоположен во иеромонаха. В 1907 году настоятель Бельнического Вогородицкого монастыря Могилевской епархии. 24. 10. 1910 г. хиротонисан во епископа Пятигорского, викария Владикавказской епархии, с 17. 4. 1912 г. по 1917 г. – епископ Старицкий, викарий Тверской епархии. Был человек неподкупной честности, высшей принципиальности и последовательности, но не по времени. От природы одарен математическими способностями, обладал феноменальной памятью. Знал много _ иностранных языков. Любимой поговоркой было у него характерное польское выражение «пся крив» – собачья кровь. Его он произносил иногда в шутку, а иногда всерьез. В делах веры не допускал никаких компромиссов. Был чист пред Богом и пред людьми. Ни перед кем он не заискивал себе славы, любил правду в людях и ценил ее превыше всего. [Митрополит Мануил (Лемешевский). Каталог русских православных архиереев, т. I, с. 386–389.]

¹² - Антоний (Каржавин) с 29. 01. 1910 г. архиепископ Тверской и Кашинский. 1– 16. 03. 1914 г.

¹³ - Даниил Андреевич Останов личный секретарь Патриарха Алексия I.

¹⁴ - Будущий Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский), находившийся с 1905 по 1917 г. на Финляндской и Выборгской кафедре.

¹⁵ - Архиепископ Тверской Антоний (Каржавин, † 1914).

¹⁶ - Священномученик митрополит Серафим (Чичагов) с 20. 03. 1914 г. до конца 1917 г. управлял Тверской епархией в сане Архиепископа.

¹⁷ - В 1998 году преподобный старец Павел Таганрогский причислен к лику местночтимых святых. Память старца Павла совершается 10/23 марта.

¹⁸ - Крестовая церковь в Алма-Ате на ул. Минина, где жил владыка Иосиф последние 15 лет, – Иверско-Серафимовская.

¹⁹ - Предшественник митрополита Иосифа по Алма-Атинской кафедре митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Николай (Могилевский, † 25. 10. 1955 г.) погребен на Центральном городском кладбище г. Алма-Аты. После своей кончины митрополит Иосиф погребен там же, с правой стороны от митрополита Николая. Архимандрит Исаакий (Виноградов) к 20-летию кончины митрополита Николая писал: ...И утешает нас, Что и тебе Господь дал утешенье, А сердцу нашему благое умиление – Совсем в недавний час. Послал на место твоего упокоенья Соседа доброго, с кем вместе ты служил И кто преемником твоим достойным был, Мы видим Божье в том благоволение. На юбилейном Архиерейском Соборе в августе 2000 г. митрополит Николай прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви. Обретение его святых мощей совершилось 8 сентября 2000 г.

²⁰ - С 1920 по 1922 г. епископ Арсений возглавлял Ростовскую епархию.

²¹ - Имеется в виду епископ Феофилакт (Клементьев), уклонившийся в 1922 году в обновленческий раскол и возглавивший движение обновленцев в Ростовской епархии.

²² - Протоиерей Иоанн Домовский в смутное послереволюционное время оставил должность настоятеля Александро-Невского собора и ушел за штат. Служил в Ростове-на-Дону в домовой церкви и почитался в Донской области как прозорливый старец. К о. Иоанну шло в эти годы множество людей за советом и руководством. О. Иоанн был большим почитателем св. прав. Иоанна Кронштадтского и подражателем его жития. Об о. Иоанне среди Ростовской паствы высказывалось мнение: «Он – копия, отпечатанная Богом для утешения людей с о. Иоанна Кронштадтского: тот же дух, та же сила, тот же магнит, притягивающий к себе покоренные им

сердца». Умер о. Иоанн в конце 20-х годов, после продолжительной болезни.

²³ - «Дивеевские предания». М., 1996, с. 275–277.

²⁴ - Архив УФСБ по Ростовской обл. Д. 1472.

²⁵ - В Твери с 30 августа 1927 года проживал управляющий Ростовской епархией епископ Арсений (Смоленец). 1 ноября 1927 года назначен на Ставропольскую кафедру с возведением в сан Архиепископа.

²⁶ - Имеется в виду православная община в г. Караганде, в районе Большой Михайловки, основанная преподобным старцем Севастианом Карагандинским.

²⁷ - Хиротония архимандрита Иосифа во епископа Таганрогского, викария Ростовской епархии была совершена по указу митрополита Нижегородского Сергия 14/27 ноября 1932 г. архиепископом Дмитровским Питиримом (Крыловым), архиепископом Ростовским Николаем (Амасийским), архиепископом Назарием (Блиновым), управляющим Челябинской епархией, и епископом Барнаульским Александром (Белозером).

²⁸ - Слово дается в сокращении в связи с некачественной магнитофонной записью

²⁹ - Архиепископ Арсений (Смоленец) с 1932 по 1930 гг. находился в концлагере. 17 сентября 1935 года назначен Архиепископом Семипалатинским, но на епархию не поехал по болезни.

³⁰ - Скончался 6/19 декабря на покое в г. Таганроге. Погребен на городском кладбище. Митрополит Иосиф говорил о нем: «Всю жизнь в дороге, а умер в Таганроге». На одном из портретов архиепископа Арсения Владыка написал своей рукой: «(Судьба) – Промысел подарил мне встречу на моем жизненном пути с этим человеком, которого жизнь была – почти легенда, но – реальность».

³¹ - Архив УФСБ по Ростовской обл. Д. 1472.

³² - Газета «Новое Русское слово». Нью-Йорк, февраль, 1976.

³³ - В яслях владыка Иосиф работал с марта 1941 года по январь 1942 года.

³⁴ - «Записки миссионера о жизни в Советской России». Вестник РХД, 1956, №40, с. 35.

³⁵ - Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Церкви. М., 1997, т. 9, с. 273.

³⁶ - М. В. Шкаровский. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999, с. 138, 141

³⁷ - Никольский собор в Таганроге был закрыт в 1938 году.

³⁸ - Сохранились собственноручно написанные владыкой Иосифом документы: справка. О. Иеромонах Иоанн Алексеенко действительно мною пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона и во иеромонаха в гор. Таганроге. Епископ Иосиф, б. Таганрогский. 26 июня 55 г. Кокчетав. Иеромонаху Иоанну Алексеенко. Вы настоящим назначаетесь настоятелем Крестовоздвиж. церкви при Таганрогском Архиерейском доме с правом приглашения к себе в помощь лиц по Вашему усмотрению. Епископ Иосиф. 18 февр. 43 г. №128

³⁹ - М. В. Шкаровский. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве, с. 166–167.

⁴⁰ - Архиепископ Василий. Некролог «Памяти епископа-исповедника» / Вестник русского студенческого христианского движения. 1975. №119, с. 225–229. Архив УФСБ по Ростовской обл. Д. 1472.

⁴¹ - Владыка Иосиф рассказывал, что, находясь в Каховке, он спас от отправки в Германию будущего Одесского митрополита Сергия (Петрова, † 1990 г.). Тот был уже занесен в списки отправляемых, но Владыка объявил властям, что этот человек уже пострижен им в монахи и рукоположен во иеродиакона. И его не тронули, раз он имел священный сан. А он был тогда еще иподиаконом у владыки Иосифа. В «Каталоге русских православных архиереев» сообщается о том, что будущий митрополит Сергей (Петров) «16 апреля 1943 года пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона епископом Таганрогским Иосифом». Т. VI, с. 154.

⁴² - Вероятно, Серафим Кушнерук, «епископ Николаевский» в 1942–1944 гг., принадлежащий к украинским автокефалитам.

⁴³ - В архивном уголовном деле... имеются следующие документы: «Перехват радиogramмы на Чернова И. М. 16.11.1943. Из Бухареста в «БРМ». «Разыщите и арестуйте Таганрогского епископа Иосифа Чернова. Указанный должен быть передан ближайшему органу генштаба без объявления причины ареста. Об аресте радируйте. Ворческу». 17.11.1943 г. Из Одессы в Винницу №8547. «Таганрогский епископ Чернов Иосиф между 10 и 20 октября находился в Первомайске. ... Вместе со своей свитой, состоящей из 7 человек, уехал в Каменец-Подольск, где был арестован немецкими властями. Пержу».

⁴⁴ - Иподиаконы Иван Скляр и Иван Галушко. Последний утонул в 1966 году.

⁴⁵ - Volksdeutsch (нем.) – немецкая народность.

⁴⁶ - Вероятно, владыка Иосиф, ожидая своей смерти, имел в виду молитвы при отпевании архиерея, желая сам себе их прочитать.

⁴⁷ - Когда владыка Иосиф освободился из лагерей и ссылок и получил назначение на кафедру г. Петропавловска, он прислал протоиерею Симеону Таборанскому прекрасную белую митру, в которой в 1974 году протоиерей Симеон был похоронен.

⁴⁸ - Сестры Таборанские спаслись от германского плена. Старшая, Валентина Семеновна, благодаря тому обстоятельству, что работала в инфекционном отделении местной больницы, куда немцы не заходили, боясь заразиться. А младшая, Раиса Семеновна, была предупреждена о том, в какую ночь будет проходить облава. (Немцы ночью устраивали облавы на трудоспособных молодых людей.) Раисе дали одноконную коляску с лошастью, и она всю ночь провела в поле за городом. Трудно представить, что пережила молодая девушка одна в поле этой ночью. Тогда-то она дала обет Богу, что если останется жива и спасется от германского плена, то не будет выходить замуж. Господь сохранил ее, и Раиса Семеновна исполнила свой обет пред Богом. Работая впоследствии операционной сестрой, она всю свою жизнь посвятила служению Богу и ближним.

⁴⁹ - Б. Полевой. Большое наступление. М., 1970, с. 296.

⁵⁰ - М. В. Шкаровский. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве, с. 134.

⁵¹ - Патриарх Московский и всея Руси Сергей скончался 2/15.05.1944 года, но ни владыка Иосиф, ни духовенство Умани об этом еще не знали.

⁵² - Центр Правовой Статистики и Информации при Прокуратуре Карагандинской области. Д. 17403.

⁵³ - 14. 02. 1945 г. епископ Мануил назначен на Чкаловскую и Вузулукскую кафедру. С 22. 03. 1960 г. – Архиепископ Куйбышевский и Сызранский, с 25. 02. 1962 г. – в сане Митрополита. С 25. 11. 1965 г. на покое. Т 12. 08. 1968 г. Погребен в Куйбышеве, в притворе Покровского кафедрального собора.

⁵⁴ - Епископ Иоанн (Снычев) хиротонисан 12. 12. 1965 г. с назначением на Куйбышевскую и Сызранскую кафедру. Впоследствии Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. † 2. 11. 1995 г.

⁵⁵ - Монахиня Нина (Мисенева) ежедневно рано утром ходила на убранный поля, подбирала колоски, перемалывала, пекла из этой муки лепешки и, управившись к вечеру, относила их в тюрьму для находящихся там обитателей «Белого дома».

⁵⁶ - Справка Коллегии Верховного Суда Российской Федерации.

⁵⁷ - Чернов Иван Михайлович реабилитирован Прокуратурой Ростовской области 14 мая 1992 года.

⁵⁸ - Архив Департамента КНБ по Акмолинской области. 3378.

⁵⁹ - Дендропарк в предместье Умани.

⁶⁰ - Припев икоса преподобной Пелагии читается так: «Радуйся, Пелагие, голубица Христова предивная».

⁶¹ - Владыка имеет в виду могилы Таганрогского старца Павла Стожкова и других почитаемых в Таганроге подвижников.

⁶² - Подразумевается погребение на кладбище г. Таганрога 17 июня старицы Марии Таганрогской, почившей 16 июня 1943 года.

⁶³ - Архив Департамента КНБ по Акмолинской области. Д. 3378.

⁶⁴ - В переводе с казахского «ак кудук» означает «белый колодец».

⁶⁵ - Архив Департамента КНБ по Акмолинской области, г. Кокшетау. Д.3378.

⁶⁶ - В записной книжке владыки Иосифа есть такая запись: «По дороге в храм Божий меня сегодня сопровождал Сапай-магометанин. «Ата кета урска мучеть» – дедушка идет в русскую церковь. 55-й год. Кокчетав».

⁶⁷ - Виктор Иванов – иподиакон владыки Иосифа.

⁶⁸ - Григорий Тимофеевич Казулин (при крещении названный в честь Григория Богослова) принял монашеский постриг с тем же именем, но в честь Григория Паламы. В 30-е и 40-е годы, проживая в Киргизии, затем в Ташкенте, много помогал глинскому старцу схиархимандриту Серафиму (Романцову), подвизавшемуся в эти годы в киргизских горах, затем служившему в Ташкентском Кафедральном соборе. После открытия Глинской пустыни в 1947 году о. Серафим возвратился туда. Глинскую пустынь стал часто посещать и подолгу там жить Григорий Казулин. Там он сблизился с другим старцем – схиархимандритом Андроником (Лукаш), к которому затем нередко приезжал в г. Тбилиси, где старец жил уже после закрытия Глинской пустыни. Отец Андроник предсказывал о. Григорию их кончину, он говорил: «Ты, Григорий, готовься. Сначала умру я, потом митрополит Иосиф, потом – ты». О. Андроник умер 21 марта 1974 года. Митрополит Иосиф умер 4 сентября 1975 года. Смиранный их послушник, монах Григорий умер в г. Загорске 15 июня 1976 года.

⁶⁹ - После освобождения из ссылки владыка Иосиф писал в Новочеркасск к ушедшему за штат протоиерею Симеону Таборайскому: «Напокойникам святителям (т. е. архиереям, находящимся на покое. – В. К.), протоиереям и иереям – идеальнее келейно вздохи к небу посылать. Привычка и самый образ служения иерея – вне алтаря – всегда сердечко неисцельно ранить будет и ранит... Тогда – келейно, тише будет на берегах бурного моря – сердца иерея – молитвы Богу

воссылать... Но я у печки в Кокчетаве более двух лет прекрасно простоял во время служб церковных!»

⁷⁰ - Улица Копинская (ныне Советская), на которой жил Владыка, берет начало от большой горы.

⁷¹ - Центральный Архив РК. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 83.

⁷² - Митрополит Иосиф реабилитирован, т. е. признан невиновным, 14 мая 1992 года Прокуратурой Ростовской области.

⁷³ - Архив Департамента КНВ по Акмолинской области. Д. 3378.

⁷⁴ - Центральный Архив РК. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 83. Там же.

⁷⁵ - Там же.

⁷⁶ - Игумен Николай (Римша) – тот самый иеродиакон Николай, вместе с которым в 1918 году в Таганроге Ваня Чернов хоронил на городском кладбище 105 юнкеров, убитых при столкновении с рабочими

⁷⁷ - Центральный Архив РК. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 84.

⁷⁸ - Решением Синода от 15. IX. 1960 года Петропавловская епархия ликвидирована с передачей всех церквей в Алма-Атинскую епархию. (Центральный Архив РК. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 99.)

⁷⁹ - Эллис Д. Русская Православная Церковь. Согласие и инакомыслие. Лондон, 1990, с. 8.

⁸⁰ - Составитель не имеет намерения унижить архиепископа Иоанна (Леоферова), здесь имеется в виду лишь святость почившего Митрополита, стяжать которую под силу не каждому, любовь к нему его паствы и безмерная скорбь после его кончины.

⁸¹ - Составитель не называет имен этих архимандритов, так как впоследствии оба они приобрели прекрасную репутацию. Один из них, пройдя тернистый путь страданий, в конце своих дней подвизался в Киево-Печерской Лавре, где считался старцем и скончался в 1996 году, приняв схиму, а другой был посвящен в сан епископа и многие годы успешно управлял одной из епархий РПЦ. Мирно почил о Господе в 2002 году в сане Архиепископа.

⁸² - Среди них была некая Мария Антоновна, которая, заварив смуту и нашумев в Алма-Ате, была направлена затем еще и в Караганду, где занималась тем же: собрала вокруг себя народ понахальнее, с которым и там натворила много вреда.

⁸³ - Подтверждает факт изгнания протоиерея Димитрия Млодзяновского из Свято-Никольского собора следующая справка, выданная ему в Епархиальном Управлении в августе 1960 года для предоставления в фин. органы: «Дана сия справка священнослужителю Алма-Атинского Собора Димитрию Млодзяновскому о том, что в связи с ненормальной обстановкой, сложившейся в церковной жизни Собора по причине снятия с регистрации архимандрита [имярек], протоиерей Димитрий Млодзяновский не имел возможности нормально обслуживать выполнением религиозных обрядов верующих с 1 июля 1960 г. (группа людей не допускала его к совершению богослужений и обрядов), а посему доходы его значительно уменьшились.

⁸⁴ - Прошение его было удовлетворено, а в ноябре того же года владыка Иннокентий был назначен на Калининскую кафедру. В конце 60-х годов из Алма-Аты архиепископа Иннокентия приехал навестить Иоанн Слюсарь (в настоящее время митрофорный протоиерей, благочинный Алма-Атинского округа). Как раз в это же время владыка Иннокентий получил покаянное письмо и посылку от третьей ложившейся под колеса его автомобиля женщины по имени Валентина.

⁸⁵ - Центральный Архив РК. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 88 1957 г.

⁸⁶ - Постановлением Святейшего Патриарха Московского и Священного Синода от 15 сентября 1960 г. №20 Преосвященному Иосифу, архиепископу Петропавловскому, определено быть Архиепископом Алма-Атинским и Казахстанским с присоединением Петропавловской епархии к Алма-Ате.

⁸⁷ - Этот ставший знаменитым дом №10 на улице Минина был куплен в 1957 году архиепископом Алма-Атинским и Казахстанским Алексием I (Сергеевым, 1957–1958 гг.). Служивший в то время в Алма-Ате в должности настоятеля Свято-Никольского Кафедрального собора архимандрит Исаакий

(Виноградов) предложил в этом доме устроить Крестовую церковь и освятить ее как Иверско-Серафимовскую, в память Верненского Иверско-Серафимовского женского монастыря, закрытого в 1922 году. Дом с церковью до сих пор служат покоями правящего Архиерея и являются для алмаатинцев святыней, так как здесь жил и молился митрополит Иосиф.

⁸⁸ - В архивах уполномоченного по делам РПЦ в Казахстане есть следующая запись о служении владыки Иосифа: «Следует сказать, что почти каждая церковная служба в церквях г. Алма-Аты им сопровождается проповедью. Каких-либо нежелательных высказываний в его проповедях в истекшем году не было. Иногда в проповедях верующие призываются в борьбе за мир, но эта тема им в основном связывается с миром в церкви и урегулированием разных склок, возникающих между духовенством и церковниками». Центральный Государственный Архив РК. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 120, 1963 г. Впрочем, этот церковный мир владыка Иосиф все годы своего служения поддерживал своим старанием, о чем писал он в одном из писем последних лет: «Здесь мир среди нынешнего безмирного духовенства. Вот этот «мир» более чем 13 лет здесь заставляет отчасти себя в жертву приносить! Не каюсь, что трижды от Ростова отказался, хоть и духом и телом родственен ему. 15 августа, 1974 год».

⁸⁹ - Таких приходов особенно много было в Чимкентской и Карагандинской областях.

⁹⁰ - Митрополит Мануил. Каталог архиереев Русской Православной Церкви, т. 4, с. 36.

⁹¹ - Центральный Государственный Архив РК. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 87.

⁹² - Евр. 2, 18

⁹³ - Епископ Верненский и Семиреченский, викарий Ташкентской и Туркестанской епархии Пимен (Белоликов) расстрелян 3/16 сентября 1918 года в роще Баума бойцами отряда Мамонтова. Решением Синодальной комиссии при Московском Патриархате священномученик Пимен прославлен в лике местночтимых святых 12 октября 1997 года. В августе 2000 года на Юбилейном Архиерейском соборе внесен в собор

новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания. Память 3/16 сентября.

⁹⁴ - Преподобномученики иеромонахи Серафим и Феогност расстреляны в Аксайском ущелье близ Алма-Аты в 1921 году. В 1993 году причислены к лику местночтимых святых Алма-Атинской и Семипалатинской епархии. В августе 2000 года на Юбилейном Архиерейском соборе внесены в собор новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания. Память 29 июля/11 августа.

⁹⁵ - Вероятно, в Актасе владыка Иосиф посещал своего бывшего бригадира Мироненко (был офицером Красной Армии), о котором упоминалось ранее в прошении Владыки на имя К. Б. Ворошилова. В записной книжке владыки Иосифа имеется такая запись: «Саша Мироненко крещен 5 мая 1957 года на Актасе. Е. Иосиф». Также в письмах владыки Иосифа упоминается о крещении детей Саши Мироненко. Кроме того, известно, что бригадир Мироненко приезжал к владыке Иосифу и в Алма-Ату.

⁹⁶ - В настоящее время монахиня Севастиана (Жукова) – настоятельница основанного преподобным Севастианом Карагандинским Рождество-Богородичного монастыря.

⁹⁷ - Решением Синодальной комиссии при Московском Патриархате Карагандинский старец преподобный Севастиан, исповедник, благодати Оптинского старчества преемник, прославлен в лике местночтимых святых 12 октября 1997 года. День памяти 6/19 апреля. Обретение мощей 22 октября.

⁹⁸ - Д. В. Поспеловский. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995, с. 334.

⁹⁹ - Надо отметить, что Патриарх Московский и всея Руси Пимен тоже не имел специального богословского образования

¹⁰⁰ - Состоялась 3 июня 1971 года в Богоявленском соборе г. Москвы

¹⁰¹ - 1 Евр. 13, 8.

¹⁰² - Раиса Семеновна Таборанская мирно скончалась в возрасте 74 лет 1 августа 1997 года.